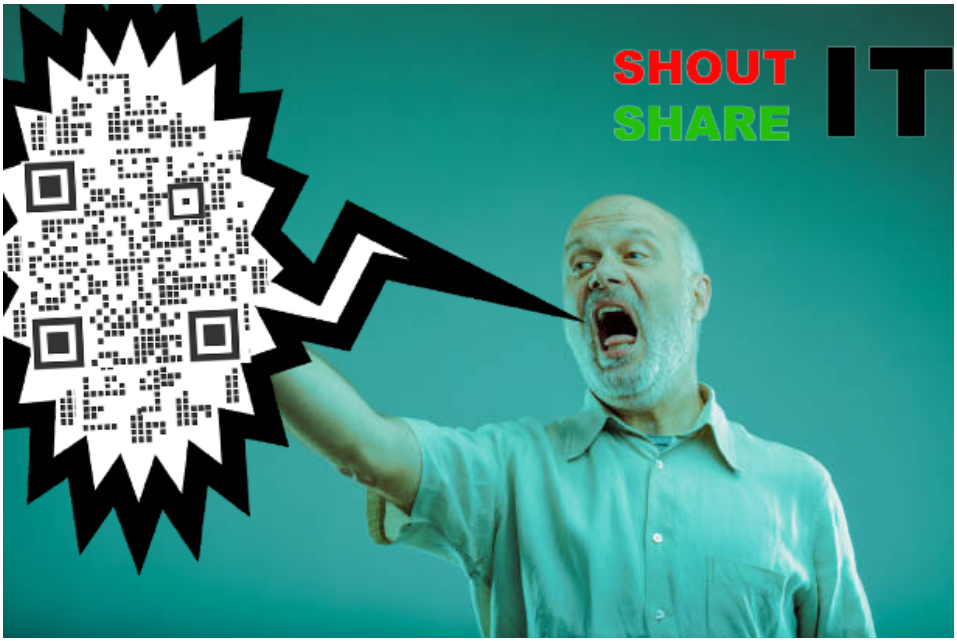
ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Максим
МАКАРЫЧЕВ

Фидель КАСТРО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя легендарного кубинского лидера Фиделя Кастро известно всему миру. История отважного бунтаря, ставшего партизанским командантe, а потом вождем революционной Кубы, смело бросившей вызов политической и военной мощи США, опыт строительства новой жизни на Острове свободы вызывают огромный интерес во многих странах уже на протяжении нескольких десятилетий. В своей книге журналист–международник М. А. Макарычев попытался исследовать феномен этой незаурядной личности и найти ответы на вопросы: как Фиделю с горсткой соратников удалось совершить революцию? Что помогло ему оставаться у власти почти полвека, несмотря на кризисы, заговоры и постоянную угрозу для жизни? Какой будет Куба в XXI столетии?

- Максим Александрович Макарычев
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - ЭПИЛОГ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИДЕЛЯ КАСТРО
  - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222

- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266

- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310

- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354

- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398

- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442

- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486

- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530

- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574

- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618

- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658

Максим Александрович Макарычев
Фидель Кастро

Пролог

Автор книги выражает глубокую признательность Н. С. Леонову, оказавшему неоценимую консультационную помощь в работе над книгой и рассказавшему об этапах революционной и политической жизни Фиделя Кастро, заместителю министра иностранных дел России А. В. Яковенко, руководству Историко–документального департамента, сотрудникам архива МИД России за содействие в работе над архивными материалами советской дипломатии, пресс–бюро СВР России и лично его руководителю С. Н. Иванову за предоставленную возможность работать с уникальными документами советской разведки 1950—1960–х годов, руководству и сотрудникам «Российской газеты» за содействие.

Также искренне благодарен моим добрым друзьям и знакомым: Дмитрию, Микаилу, Марату, Вячеславу, Александру, которые бескорыстно помогали мне в поиске и переводе материалов о неизвестных ранее в России подробностях жизни Фиделя Кастро.

Фидель Кастро, просто Фидель, так его со времен кубинской революции называют даже враги, стал легендой, будучи еще совсем молодым человеком. Программную речь своей жизни «История меня оправдает», сделавшую его знаменитым на весь мир, он произнес на суде, когда ему было всего 27 лет. С той поры ни один политик в мире не вызывает такой ненависти у своих противников и не удостаивается таких оваций у тех, кто его искренне уважает.

Кастро – глыба, целая планета. Его можно пылко любить и яро ненавидеть, но величие и уникальность кубинского лидера признают все.

Генерал–лейтенант государственной безопасности в отставке Николай Сергеевич Леонов, автор первой в России политической биографии Фиделя Кастро, был первым русским, познакомившимся в далекие 1950–е годы сначала с его братом Раулем, а затем с Фиделем. Он стал первым личным русским переводчиком команданте эн хэфэ – главнокомандующего – во время визита Анастаса Микояна на Кубу в 1960 году. Николай Леонов знает о Фиделе больше, чем кто–либо в России. (Отрывки из бесед автора с Леоновым, неизвестные широкой публике подробности из жизни ко–манданте, рассказанные Николаем Леоновым и его соавтором Владимиром Бородаевым, использованы в этой книге.) Многолетнее знакомство с Фиделем, десятки встреч с ним, личная дружба с Раулем, безусловно,

позволили Леонову составить довольно объективное мнение: «Мое самое главное впечатление от Кастро – он не такой, как все. Общаясь с ним, начинаешь верить в мифы о том, что раньше действительно рождались люди, наделенные чем–то божественным. Я далек от всякой мистики и суеверий, с Кастро, как говорится, мне не крестить детей, но у меня есть твердое убеждение в том, что Фидель, образно говоря, на несколько этажей превосходит среднего нормального человека. Прежде всего, с точки зрения морально–волевых качеств, интеллекта и конечно же с точки зрения внутренней энергетики. У меня часто спрашивают – а что будет после Фиделя? Я отвечаю: „А что будет? Будет, как и прежде. Будут обычные земные люди со всеми нашими проблемами. Вот только такая личность действительно рождается раз в столетие“».

Режиссер Голливуда Оливер Стоун, чей фильм о Кастро «Команданте» было запрещено показывать в США, назвал его «одним из наиболее разумных людей на земле и одним из тех, с кем нам следует советоваться». А давний друг Кастро – лауреат Нобелевской премии по литературе, известный латиноамериканский писатель Габриель Гарсиа Маркес как–то сказал: «Фидель – это сила природы, и с ним никогда не знаешь, чего ждать». В Латинской Америке, где необычайно высоко ценятся благородство и честь, Фиделя Кастро часто называют «последним рыцарем современности».

Кастро – настоящий мужчина, боец, воин, если подразумевать под этим сильного духом человека. В сентябре 2003 года в знак признания его «революционных заслуг и бойцовских качеств» североамериканские индейцы наградили Фиделя Кастро «Орлиным пером». Это – высшая награда коренных народов США. Она вручается людям, которые на протяжении всей своей жизни доказывали свою храбрость, достоинство и честность, и выглядит как большое орлиное перо на перевязи.

Случай этот уникален. Во–первых, Кастро стал первым политическим деятелем, которого наградили этим орденом. Во–вторых, североамериканские индейцы впервые поощрили человека, который родился за пределами США. Наконец, ни один из мировых лидеров и политиков не имеет в своей коллекции награды «Орлиное перо». «В наших жилах течет кровь воинов, так же как в жилах кубинцев течет кровь революционеров», – сказал один из вождей индейцев, вручая награду команданте.

Имя Фиделя Кастро, как и его боевого друга команданте Че Гевары, убитого в Боливии в октябре 1967 года, без сомнения, будет жить в веках и как магнит притягивать к себе все новых и новых почитателей, несмотря на небылицы и клевету, которые

распространяют по миру враги кубинских революционеров, Че уже давно является главным символом левых и радикальных молодежных движений во всем мире.

Такие люди всегда будут близки тем, для кого любовь к родине и своему народу не пустые слова. Пока в мире будут униженные и оскорбленные, пока будет царить неправедность, пока «избранные» (страны или люди) будут диктовать другим государствам и миллионам людей, навязывать свои «непогрешимые нормы», будет жить вера в кубинскую революционную сказку. Будет жива память о горстке бесстрашных молодых революционеров, которые, имея в начале своего пути всего семь винтовок (!), избавили свою страну от марионеточного, продажного режима. Как бы ни старались хулители по обе стороны Атлантического океана очернить деяние кубинских революционеров, мировому сообществу было ясно – кубинская революция свергла не демократию, она разрушила коррумпированный, диктаторский, марионеточный режим Фульхенсио Батисты.

Из уст в уста будет передаваться легенда о кубинских романтиках, которые главным своим достоянием считали не деньги и власть, а книги и знания. Они хотели избавить свой народ от нищеты, болезней и безграмотности. «Революция – это самый большой образ любви» – так Эрнесто Че Гевара выразил философию их борьбы.

Мы живем в непростое время, когда в мире царствует «золотой телец», когда искажена сама суть демократии, свободы, справедливости. Фидель Кастро остается и, убежден, останется кумиром для миллионов людей на планете, «последним из могикан» еще и потому, что во власти его интересует не сама власть, не меркантильная и материальная сторона, а благополучие народа, мораль и человек. Книги он считает самым ценным из всего достояния человечества. Именно книги были его самыми близкими «собеседниками» в одиночной камере тюрьмы, куда он попал после первой неудачной попытки свергнуть ненавистный режим Батисты – штурма казарм Монкада в Сантьяго–де–Куба.

Фидель Кастро, как и Махатма Ганди, – правитель–подвижник, опровергший, казалось, укоренившееся в сознании людей представление, что власть себялюбива и продажна. Правда, в отличие от Ганди, пацифиста, «непротивленца злу насилием», стихия Кастро – это революция. Он – воин и боец. Он благороден и немстителен, что доказывал неоднократно, еще в горах Сьерра–Маэстра, прощая своих лютых врагов.

В 2006 году американский журнал «Форбс» включил Кастро в

число десяти самых богатых политиков мира. Фиделя потрясало и возмущало в жизни многое. Циничность и безжалостность врагов, предательство родных и близких, гибель друзей, страдания голодающих кубинцев. С виду не склонный к сантиментам, Фидель научился не гневаться без повода, не обращать внимания на сплетни и кляузы. Но дезинформация журнала, приписавшего ему немыслимые банковские счета, привела его в неописуемую ярость. «Найдите на каких–либо счетах хоть один доллар, принадлежащий мне, и я уйду с поста президента Кубы, – заявил разгневанный Фидель, – подам в отставку после более 40 лет нахождения на посту главы государства. Тогда им не придется больше прибегать к попыткам моего отстранения от власти». Ответом авторитетного издания было молчание.

Не спорю, Фидель не идеален. Он раним и помнит нанесенные ему обиды. Переубедить его в чем–либо трудно. Соратники Кастро, которые переходили ему дорогу, оказались в забвении. Личность его крайне противоречива, но именно этим она еще больше притягивает к себе.

На Кубе многое не позволено. Например, жить в роскоши и быть, образно говоря, несогласным с «генеральной линией Фиделя»: он, поставив барьер для зажиточных людей, заставил свой народ жить «не в богатстве», а в аскетичнос–ти. На Кубе существует карточная система, жилищный фонд обветшал, инфраструктура стареет. Кастро уже не молод и не так активен, как раньше, редко прислушивается к чужому мнению. Количество желающих эмигрировать с острова растет. Фидель неоднократно заявлял несогласным с его политикой: «Хотите уехать – уезжайте!» Между тем американцы предоставляют потенциальным эмигрантам ничтожно малую визовую квоту – около 20 тысяч в год. Недовольные кубинцы нужны США там, на острове, как орудие антикас–тровской пропаганды.

Кастро сложен и многогранен. Но нельзя отрицать того, что кубинская революция – книга правдивая и открытая. Главный принцип Кастро и его товарищей – никогда не лгать. Ни себе, ни народу, ни друзьям, ни врагам. «Мы никогда не лжем; разумеется, мы не информируем противника о том, чего ему не следует знать, не информируем и все, но никогда не лжем, ни противнику, ни журналистам, никому. Это неизменный принцип», – говорил Фидель.

Многим известно выражение: «Революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а ее плодами пользуются циники». Но у многих ли повернется язык сказать, что это выражение применимо к кубинской революции? Много ли найдется в мире правителей, которые живут чаяниями народа и

не боятся выходить, как Фидель Кастро, в самую его гущу? Охрана Фиделя в тех редких случаях, когда ему удавалось перехитрить ее и незаметно покинуть свою резиденцию, всегда знала, что искать Кастро надо там, где скопилось больше всего людей. «Фидель обессмертил себя, по тому что стал частицей сердца каждого из нас. Он один из нас», – сказал мой знакомый кубинец.

Главными лозунгами кубинской революции стали: «Пат–риа о муэрте! – Родина или смерть!» и «Венсеремос! – Мы победим!» Кубинцы готовы «быть в бедности, но свободными». Отстоять свою революцию с оружием в руках, прекрасно осознавая, что «старые новые хозяева» Кубы, вот уже почти полвека безрезультатно пытающиеся сделать ее «свободной от Кастро» и любящие рассуждать о демократии, на самом деле преследуют меркантильные цели.

Российские лихие и смутные 1990–е годы дали звонкую пощечину идее социальной справедливости, показав, как под лозунгом «свободы и демократии» к власти приходят циничные дельцы. Среди хулителей Фиделя Кастро и его режима тоже большинство составляют те, кто, так или иначе, преследуют материальные выгоды и для кого слово «родина» – пустой звук. Кубинские эмигранты, живущие в Майами, в большинстве своем мечтают обрести потерянную в 1950–е годы собственность. Сделать «жемчужину Латинской Америки», как и при прежнем кубинском диктаторе Батисте, островом для «богатых избранных». Соединенные Штаты – Голиаф, у которого Давид – Фидель выиграл все сражения за последние 50 лет, мечтают вернуть утерянный лакомый кусочек, каковым была Куба до революции. С ее песчаными пляжами, тропическими лесами, отвесными скалами, с живописными долинами, поросшими пальмами и манговыми деревьями. Эта страна много лет была сырьевым придатком Соединенных Штатов. Их борьба против Кастро, действительно напоминающая поединок Голиафа и Давида, похоже, стала для Вашингтона «делом принципа».

Между тем тех, кто любит и уважает Кастро, несоизмеримо больше, чем людей, его ненавидящих. Даже болезнь прибавила популярности Фиделю, кубинской революции. Весь мир оценил, как он мужественно и стоически борется с недугом. Конечно, кое–кто злорадствует и ждет его смерти, но молча – понимая, что выступать оголтелым противником Кастро в нынешних условиях – неэтично. Извинился даже Джордж Буш, в своем стиле «ляпнувший», что «скоро Кастро заберет Бог».

Как бы то ни было, Кастро – феномен. Мало найдется в сегодняшнем мире государственных деятелей, которые обладали

бы такой несгибаемой волей и такой мощной внутренней энергетикой, приводившей в смятение и друзей, и недругов. Одно то, что этот человек, живя полвека в состоянии вечного стресса, в ожидании покушения на его жизнь, умудряется сплачивать нацию и противостоять огромной, ополчившейся на него империи, вызывает не просто большое уважение – преклонение.

Удел избранных – заставить жить воплощением своей юношеской мечты целую нацию. Мечтой молодого Фиделя было осушить «болото», в котором оказалась его родная страна. Вынужденная прислуживать развращенным нуворишам, продававшая тела своих дочерей, превратившая своих сограждан в людей второго сорта. Фидель своей цели добился.

2 января 1979 года, выступая перед делегатами Национальной ассамблеи, посвященной 20–й годовщине победы кубинской революции, Фидель Кастро сказал: «Кто может лишить нас той большой радости, которую вызывает в каждом из нас каждая новая школа, детский сад, поликлиника, больница, фабрика, плотина, кинотеатр, библиотека? Кто может запретить нам гордиться большим числом школьников и студентов в начальных и средних школах, в институтах и университетах, нашими успехами в образовании и культуре, здравоохранении, нашими спортивными победами, нашим обществом без дискриминации, безработицы, нищеты, наркомании? Кто может лишить нас радости каждой новой победы в экономике, быстрых темпов экономического развития, создаваемых нами условий для надежного будущего? Являясь единственными хозяевами наших богатств и природных ресурсов, мы можем сегодня организовывать, планировать и направлять социально–экономическое развитие в условиях полной свободы, чего не может позволить себе никакое государство в Западном полушарии».

Легенда о Фиделе Кастро живет отдельно от него самого уже полстолетия, обрастая подчас самыми невероятными небылицами. Эта книга о вожде революции – романтике, оставшемся верным своим идеалам. Разве случайно имя Фидель означает в переводе со староиспанского «верный»?

Глава первая
КУБА ДО РОЖДЕНИЯ ФИДЕЛЯ

Всем известно еще со школьной скамьи, как Колумб открыл Америку: отправился в Индию, а оказался на другом континенте. Но мало кто знает, что Колумб, память о котором чтят на Острове свободы, высадился не на территории нынешних Соединенных Штатов, а на Кубе, в провинции Ориенте – нынешней Ольгин, недалеко от родового имения Фиделя Кастро.

Произошло это 27 октября 1492 года. Как гласит легенда, увидев берег острова, Колумб воскликнул: «Это самая восхитительная земля, которую когда–либо видели глаза человеческие!» Великий путешественник принял Кубу за материк и упорно придерживался этого мнения до самой смерти, когда многим исследователям в Европе уже было ясно, что Куба – остров. Это установила экспедиция Себастьяна де Окампо в 1508 году. В России Куба стала известна уже в XVI веке; впервые в одном из своих произведений о ней упомянул просветитель и энциклопедист Максим Грек.

Колумб завещал похоронить его на земле, которую он открыл. Некоторое время могила великого путешественника, умершего в нищете, находилась в так называемой Старой Гаване. Испанцы сначала перевезли его прах на остров Эс–паньола (нынешний Санто–Доминго), затем перезахоронили в гаванском кафедральном соборе. Однако и там Колумбу не было суждено обрести вечный покой. В конце XIX века, во время американской интервенции на остров, испанцы снова потревожили его останки. На сей раз прах был перевезен в Испанию. А в гаванском соборе осталась памятная табличка о том, что в течение ста двух лет на этом месте находилась могила Колумба.

Увы, но путь в Новый Свет, проторенный романтиками–первооткрывателями, превратился в «ковровую дорогу» для полчищ охотников из Старого Света за богатствами. Одно

из самых великих географических открытий в истории человечества привело к трагедии для Кубы[1]. Нетронутый доселе цивилизацией уголок тропического рая, где проживали миролюбивые труженики–индейцы, на долгие годы превратился в самый прибыльный в мире рынок работорговли.

Колонизация Кубы началась в 1510 году – с высадки на острове отряда конкистадоров под командованием испанца Диего Веласкеса. Он и стал первым губернатором Кубы, в 1512 году основав поселение Баракоа.

Конкистадоры не нашли на Кубе таких природных богатств, как в Южной Америке. Местные индейцы, занимавшиеся охотой, рыболовством и земледелием, не смогли предложить им ни золота, ни алмазов, как их южноамериканские собратья.

Чужеземцев привлекла удобная гавань. Она была стремительно опоясана крепостями для отражения атак пиратов, которыми буквально кишело Карибское море. Не зря говорят, что если многие латиноамериканские города строились как посредники, то «Гавана строилась как воин». Как и большинство других городов, основанных колонизаторами в Латинской Америке, Гавана имела прямоугольную планировку. Что, впрочем, не помешало ей со временем превратиться в настоящую «жемчужину Латинской Америки». (В 1982 году ЮНЕСКО объявило Старую Гавану достоянием человечества.) Она стала административным центром испанской колонии на Кубе. Ее статус как столицы кубинского государства будет узаконен лишь в 1902 году.

Транзитный город–порт Гавана для караванов испанских кораблей был отправной точкой из Америки в Европу. Путь этот был нелегким. Пиратов и корсаров в Карибском море было так много, что в 1561 году испанский король Филипп II издал указ о том, чтобы суда, курсирующие между испанскими владениями в Америке и Испанией, ходили только караванами в сопровождении конвоя, а Гавана была местом сбора этих флотилий.

Конкистадоры вывозили из Западного полушария в Старый Свет сокровища умершей цивилизации ацтеков, драгоценные камни, золото и алмазы. Несколько десятилетий будущую кубинскую столицу называли «городом в пустой стране». Полномасштабное освоение Кубы в планы колонизаторов не входило. Со временем там появилось семь городов–портов, основанных испанцами. Самая известная из сохранившихся с тех времен крепостей носит название Ла Фуэрса. Здесь находится символ Гаваны – флюгер, сделанный в виде фигурки женщины. История донесла до нас ее имя: Исабель Бобадилья де Сото, жена губернатора Гаваны. Однажды де Сото отправился завоевывать новые земли во Флориде и оставил на попечение супруги «город в пустой стране». Четыре года Исабель в ожидании мужа правила колонией «железной рукой». А когда с другого берега Карибского моря пришло известие о его смерти, сердце ее не выдержало. В память о Исабель де Сото, строгой, но справедливой правительнице, благодарные гаванцы отлили ее фигурку в виде флюгера и водрузили на вершину крепости Ла Фуэрса. В наши дни ценители кубинского рома «Гавана клаб» могут увидеть

изображение этой фигурки на этикетке и пробке бутылки, его содержащей.

Когда завоеватели поняли, что на Кубе им не найти сокровищ, их интерес переключился на местных аборигенов – племена таино и сибонов. Таино занимались преимущественно сельским хозяйством, а сибоны были охотниками. Бытует мнение, что именно от таино, говоривших на одном из аравакских языков, происходит слово «Куба», которое означает «земля».

Индейцы радушно встретили испанские каравеллы. Они приняли белых пришельцев за богов. Но вскоре началось насильственное обращение индейцев в христианство, переросшее в резню. Всем известно, кто одержал победу в баталии стрел и пороха. За век, прошедший с момента первой высадки конкистадоров на Кубе, было уничтожено почти 95 процентов аборигенов! Поэтому национальный герой Кубы Хосе Марти назвал свою многострадальную родину «надгробием погибшей индейской цивилизации».

Отказывавшихся идти в рабство и принимать христианство аборигенов заживо сжигали на костре. Тех, кто уцелел, заковывали в цепи. В первой половине XVII века на острове осталось не более шести тысяч индейцев. Пришельцы из Старого Света, обосновавшиеся на Кубе, процветали, главным образом, за счет торговли с другими колониями и даже с пиратами. К тому же в XVI веке на острове было найдено золото, но оно закончилось к началу века XVII.

Затем основой экономики Кубы стало скотоводство. Попутно испанцы отбивали атаки англичан и французов, опоздавших к «дележу острова». (К слову, в 1762 году англичанам все–таки удалось захватить Гавану. Правда, английское владычество продолжалось меньше года, но оно запомнилось местным жителям либеральностью и послаблениями, которых не было при испанцах. В частности, англичане ввели на острове режим свободной торговли.)

Вскоре на Кубе наступила эпоха другой торговли. Более прибыльной, беспощадной и попирающей все нормы морали – торговли людьми.

Испанцы начали завозить на Кубу рабов из Африки. Их называли «босалес». Они были более выносливыми и сильными физически, чем невысокие и узкоплечие индейцы, не привыкшие к непосильному и, главное, подневольному труду. К тому же индейцы умирали гораздо быстрее африканцев. Если первые в годы порабощения острова трудились на возведении форпостов, то негров европейские хозяева использовали на плантациях табака и сахарного тростника. Мало кто знает, что труд рубщика

тростника по изнурительности может сравниться, пожалуй, лишь с работой шахтера в забое.

Даже сейчас один рубщик тростника, работая сдельно, должен производить не менее двенадцати тонн сырья, чтобы выполнить дневную норму выработки. Он теряет в среднем 8 килограммов веса в день. За двенадцатичасовой рабочий день рубщик около тридцати шести тысяч раз сгибает ноги, 800 раз перемещается на небольшие расстояния. Перенося в руках по 15 килограммов тростника, он проходит около девяти километров. Но это еще не все. Рубщик не застрахован от укусов вредных насекомых и уколов растений. Добавим к этому погодные условия: при высокой влажности в полдень минимальная температура на солнце в период сборки тростника составляет 45 градусов тепла.

Сахарный тростник и табак стали новым источником дохода Испанского королевства.

Прошло немного времени, и Куба стала центром работорговли всего Западного полушария. Цена на рабов здесь росла год за годом. За три столетия испанского владычества на Кубу было привезено около миллиона рабов из Африки! Именно они за относительно короткие сроки превратили Кубу в главного экспортера сахара в мире. В 1827 году на острове насчитывалась почти тысяча небольших сахарных заводов. Это был невероятный показатель по тем временам!

Если в начале XIX века лесистая местность составляла 90 процентов территории Кубы, то сейчас это лишь пятая ее часть. Таким образом, Куба, с ее избытком сахарных и табачных плантаций, страдавшая от недостатка плодородных земель для выведения зерновых и овощных культур, к XX веку стала почти полностью зависимой от импорта продовольствия. В статье «Интернационализация геноцида», опубликованной в газете «Гранма» 3 апреля 2007 года, Фидель Кастро так говорил о годах колонизации: «Трагедией нашего народа был так называемый мертвый сезон – следствие цикличного характера производства этой культуры. Земли, находившиеся под плантациями сахарного тростника, были собственностью американских предприятий и крупных кубинских землевладельцев. Таким образом, мы больше кого бы то ни было накопили опыт в плане социальных последствий этого выращивания».

Куба превратилась в остров, образно говоря, «плодоносящий» сахаром, сигарами и… рабами. Испанцы потирали руки. Раб на Кубе стоил в пять раз дороже раба в Африке. Количество рабов в десятки раз превышало количество «свободных белых». (Рабство на Кубе сохранялось до 1886 года, хотя формально декрет о его

отмене был принят в 1880 году. Понадобилось целых шесть лет, чтобы сломить не столько сопротивление рабовладельцев, сколько изменить «сознание острова», несколько веков жившего в принуждении. Только в 1893 году чернокожие здесь были уравнены в правах с белым населением.)

Испанские вассалы коротали время в празднестве и лени. По сути, весь «труд» ставленников королевского двора на Кубе заключался лишь в своевременной отправке в Испанию сахара и табака, а также драгоценностей и денег, полученных от заезжих купцов. Колониальные власти активно устанавливали торговые и дипломатические отношения с государствами со всего света. Так, в 1829 году указом императора Николая I в Гаване было учреждено консульство России. Вот что говорилось в указе государя: «Находя полезным для российской торговли учредить в Гаване на острове Куба консульство, повелеваю определить там нашим консулом поселившегося на сем острове подданного нашего Александра Людерта и вместо взимаемых в других местах с корабельщиков по консульскому уставу сборов производить ему из Государственного казначейства на издержки по триста рублей в год, считая рубль в двести пятьдесят центов нидерландских»[2].

Со временем на Кубе начало формироваться новое «сословие» – креолы, потомки первых испанских поселенцев. Любопытно, что если в целом в Латинской Америке креолами именовали детей от смешанных браков белых и аборигенов, то в Испании так презрительно называли своих белых сограждан, кто родился на острове в испанской семье или эмигрировал на Кубу из метрополии.

Креолы были более активны и не менее богаты, чем приезжие из Европы. Так, для отделки дворца семьи Альдама, самого могущественного из креольских кланов на Кубе, из Европы привозились дорогой мрамор, роскошные гобелены и картины лучших художников того времени. Это было сделано специально в отместку тогдашнему испанскому губернатору острова Такону, чей дворец, построенный в стиле барокко, должен был символизировать испанское господство.

Представители рода Альдама первыми завозят на остров не рабов, а наемных рабочих по контракту из Китая. Они первыми применяют на своих сахарных заводах передовые паровые машины, налаживают торговые контакты со всем миром, приглашают на гастроли знаменитых артистов из Старого Света. Им претит всевластие испанских наместников, погрязших в лености и не устающих подсчитывать барыши. С годами дворец семьи Альдама становится островком свободомыслия. Именно здесь впервые прозвучала идея об отмене рабства на Кубе.

Чашу терпения метрополии переполнил эпизод с выкупом креолами черного раба, поэта Франсиско Мансано. Богатые креолы во главе с Мигелем Альдамой собрали для этого деньги. Но, когда они пришли к владелице раба с необходимой суммой, она увеличила цену вдвое. Креолы согласились с ее требованиями, а поэту поставили условие: он должен написать книгу о том, что испытал в неволе. Это произведение Франсиско Мансано стало самым ярким документальным свидетельством того гнета, который пришлось пережить рабу на Кубе[3].

Слух о том, что на острове появился островок свободомыслия, дошел до Испании. Однажды на рассвете во дворец Альдамы ворвались вооруженные испанцы. Роскошный дворец был разграблен и сожжен, а сам Мигель Альдама, чудом избежав расправы, эмигрировал в США, где умер в нищете.

Во второй половине XIX века на Кубе сложилась парадоксальная ситуация, которая не могла не привести к «конфликту интересов»: политическая власть в стране и лучшие земли находились в руках у испанцев, а фактически вся экономика – у кубинских креолов. В 1817 году колониальные власти отменили табачную монополию и разрешили свободную торговлю, но в 1823 году снова ужесточили свою политику. В конце концов это привело к войне местных жителей с колонизаторами. Правда, восстание (оно произошло в 1850 году) подняли не бедные слои населения, а креолы, которые, при поддержке рабовладельцев из южных американских штатов, выступили за присоединение Кубы к США. Но эта попытка свергнуть колониальную власть потерпела неудачу, а лидер креолов Нарсисо Лопес был прилюдно казнен.

Этот небольшой экскурс в историю «вековых давностей» важен для понимания личности самого Фиделя Кастро. Он со школьных лет знал, что островная Куба оставалась последним оплотом работорговли в Западном полушарии, который лишь в конце XIX века потеряла и за который потому так рьяно сражалась когда–то могущественная Испания.

В юношеские годы у Фиделя Кастро родилась мечта сделать Кубу первым государством Латинской Америки, где будут торжествовать свобода и равноправие. Не вековым ли унижением своего народа обусловлена патологическая ненависть Фиделя к чужеземцам, пытающимся заставить кубинцев жить по своим понятиям? Не в истории ли сожженного на костре индейского вождя Атуэя нужно искать корни самого знаменитого лозунга кубинской революции «Родина или смерть!»? У Фиделя Кастро трепетное отношение к прошлому. На Кубе нет ни одного памятника Фиделю Кастро, ненавидящему любые формы

проявления культа личности. Зато повсюду на острове увековечена память людей, боровшихся за независимость Кубы.

Мы знаем десятки примеров того, как политики, наделенные неограниченной властью, стремились перечеркнуть все, что сделали их предшественники, старались «выпятить себя в истории», а иногда и вовсе переписать ее под себя. Можно вспомнить классические примеры из недавнего прошлого нашей страны. Когда Сталин вдруг встал вровень с Лениным, когда позже имя уже самого «отца народов» вымарали из учебников, а портреты изорвали в клочья, когда ниспровергателя Сталина Хрущева и вовсе забыли при жизни…

Сегодня мало кто за пределами Кубы помнит имя Кар–лоса Мануэля де Сеспедеса, выходца из семьи обеспеченных кубинских креолов, земледельца из Байямо, возглавившего в 1868 году Десятилетнюю войну против колонизаторов. Эта война закончилась поражением повстанцев. Легенда гласит, что именно Сеспедес впервые произнес самый знаменитый лозунг кубинских революционеров «Родина или смерть!».

Белый мраморный памятник Карлосу Мануэлю де Сеспеде–су сегодня украшает Пласа–де–Армас в Гаване, а кубинцы называют этого революционера не иначе как «отцом нации и первым президентом восставшего с оружием в руках народа».

Десятилетняя, или, как ее называют, Великая война 1868—1878 годов показала, что для руководства освободительной борьбой нужны другие деятели и другие методы. Для свержения многовековых колонизаторских устоев, для пробуждения кубинцев, замкнувшихся в себе, разъединенных, забитых, требовался не просто лидер, а человек, наделенный харизмой, исключительным политическим и интеллектуальным талантом.

И такой человек появился. Хосе Марти, поэт, прозаик, публицист, стал вдохновителем кубинской революционной партии и лидером второй войны за независимость Кубы от испанского владычества. Чилийская поэтесса Габриэла Мистраль справедливо назвала Хосе Марти «самым чистым образцом латиноамериканца». Тонкий ценитель изящного, он прожил большую часть жизни за границей. В конце 1880–х годов Марти представлял в качестве генерального консула в Нью–Йорке попеременно три латиноамериканские страны: Уругвай, Аргентину и Парагвай!

Влияние личности Хосе Марти, погибшего в бою под Дос–Риос 19 мая 1895 года, на продолжателей его дела, кубинских революционеров XX века, и конечно же на самого Фиделя колоссально.

«Для нас, кубинцев, Марти – это идея добра, о которой он

писал. Мы, кто 26 июля 1953 года возобновили начатую 10 октября 1868 года борьбу за независимость, именно в год, когда исполнялось столетие со дня рождения Марти, получили от него все, прежде всего, этические принципы, без которых нельзя даже представить себе революцию. От него мы получили также его вдохновляющий патриотизм и такое высокое понятие о чести и человеческом достоинстве, которому никто в мире не смог бы нас научить, – говорил Фидель Кастро в январе 2003 года на закрытии Международной конференции „За равновесие мира“, посвященной 150–летию со дня рождения Хосе Марти. – То был действительно необыкновенный, исключительный человек. Сын военного, увидевший свет в семье родителей–испанцев, он превратился в пророка и творца независимости земли, где он родился; интеллигент и поэт, бывший подростком, когда началась первая великая война, он был способен позже завоевать сердца, уважение, поддержку и почитание старых опытных военачальников, осенивших себя славой в той войне.

Пылкий сторонник мира, единства и гармонии между людьми, он не колеблясь подготовил и начал справедливую и необходимую войну против колониализма, рабства и несправедливости. Он первым пролил свою кровь и первым отдал свою жизнь как вечный символ альтруизма и личного бескорыстия»[4].

Многие журналисты и исследователи до сих пор гадают, кем «больше» является Фидель Кастро: социалистом, коммунистом или просто ярым и убежденным антиамериканистом. Ведь в 1961 году Кастро провозгласил «социалистический характер кубинской революции», а в 1965–м – возглавил Центральный комитет компартии Кубы. Наконец, всю жизнь, как Давид с Голиафом, упрямо и иногда уперто, борется против могучей «северной империи». Некоторые из политологов – критиков Фиделя развивают это утверждение, называя Кастро и его соратников «фиделистами – радикальными революционерами, стремившимися к максимальной политической власти через постоянную борьбу с противниками, которым не хватало хорошо сформированной идеологии»[5].

Социализм Фиделя Кастро конечно же совсем не тот, что существовал в СССР и Восточной Европе. Хотя бы в силу того, что Фидель жил народом и живет в гуще народа, в отличие от деятелей, укрывавшихся от него за кремлевской стеной и потерявших контакт с реальностью. Вдобавок, кубинский социализм не имеет большевистских корней. Политика Гаваны все время оставалась самостоятельной от Москвы, а Кастро вел свой революционный корабль по собственному фарватеру, не

присоединяясь к каким–либо пактам и союзам социалистического лагеря. В 1999 году, в год 40–летия революции, выступая на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию, он сказал: «Наша революция не была импортирована, не была инспирирована извне, она была подлинная и только наша. Единственное, что мы действительно импортировали – это идеи или книги, которые помогли нам получить революционную политическую культуру, к ней мы добавили определенные идеи отечественного производства»[6].

Что до антиамериканизма, то он действительно стал одним из главных постулатов политики Кастро, но не определяющим. Тут, помимо личностных факторов, большую роль сыграла реакция революционеров на враждебные действия Вашингтона в отношении Кубы.

Кубинская модель революционного развития прежде всего основана на идеях Хосе Марти, который в представлении марксистов и большевиков являлся либералом и ревизионистом. Кубинцы называют его апостолом революции. Сам Кастро однажды сказал, что Хосе Марти был не иначе как «святым и ясновидящим». Любопытно, что Фидель Кастро, будучи в изгнании, собирая средства для свержения диктаторского режима в середине 1950–х годов, проехал по Соединенным Штатам по тому же маршруту, что и Хосе Мар–ти с аналогичными целями в XIX веке.

Фидель Кастро почти во всем повторил его путь, создавая единую кубинскую революционную партию. Он, как и Марти, тайно прибыл на Кубу со своими соратниками на небольшом суденышке, прошел все тяготы тюремного заключения. Выступая на суде после неудачного штурма Мон–кады, Фидель заявил, что интеллектуальным вдохновителем революционеров был Хосе Марти. Они – всего лишь исполнителями. Одним из главных жизненных постулатов Фиделя является знаменитое высказывание апостола кубинской революции о том, что «лучшая форма убеждать людей – это действовать». Кастро как–то признался, что глубокое, неизгладимое впечатление произвела на него одна фраза Марти, которая ему «много раскрыла» и которую он «всегда имеет в виду»: «Вся земная слава умещается в одном зернышке кукурузы». Фидель и его сподвижники с блеском осуществили то, что не удалось Марти, – добились подлинной независимости Кубы.

О том, что для Фиделя идейным учителем был его соотечественник Хосе Марти, а не европейские теоретики социализма, свидетельствует и тот факт, что на Кубе нет памятников Марксу, Энгельсу, Ленину, и цитат из их

произведений в главной кубинской газете «Гранма» не встретишь. Зато в каждом уголке страны есть памятники Хосе Марти, а в самой Гаване стоит памятник его матери, который, между прочим, еще в 1956 году установила «Масонская ложа Кубы».

Неистребимая жажда свободы кубинского народа нашла свое отражение и в кубинском флаге, который впервые был поднят борцами за независимость в 1850 году, почти за столетие до победы кубинской революции. Его три синие полосы означают департаменты, на которые делился остров в то время. Две белые полосы символизируют чистоту стремлений кубинского народа. Красный равнобедренный треугольник – идеалы равенства, братства и свободы, а также кровь, которую необходимо пролить для их достижения. Наконец, белая звезда – символ независимости Кубы.

Радикальных перемен жаждали не только непосредственные вдохновители войны за независимость и деятели кубинской революции, но и широкие народные массы, рабочие, крестьяне. Хосе Марти, положивший жизнь в борьбе с испанскими колонизаторами, предвидел, что страну в будущем ждут не менее серьезные испытания. Предупреждал, что главным врагом для новой Кубы станут Соединенные Штаты. В 1870–е годы он писал: «Американские законы дали Северу высокую степень благополучия и подняли его также на самую высокую ступень коррупции. Они монетаризировали его, чтобы сделать благополучным»[7].

Пользуясь плачевным состоянием сахарной промышленности острова, пострадавшей во время войны за независимость, американцы грамотно воспользовались ситуацией и осуществили значительные инвестиции на Кубу. В 1883 году в руки американцев перешел первый сахарный завод, и через какие–то полтора десятка лет они уже фактически полностью контролировали производство сахара и табака, ключевые отрасли экономики острова.

Для кого–то «бизнес – есть бизнес». Для американцев бизнес – это влияние и политика. В конце XIX века они неоднократно пытались выкупить остров у испанцев, но, поняв тщетность своих усилий, решили, что кратчайшим путем к цели станет интервенция на Кубу. Испано–американская война стала первой крупной завоевательной акцией Соединенных Штатов за пределами страны.

Поводом послужил взрыв в феврале 1898 года американского крейсера «Мейн», стоявшего на рейде в Гаванской бухте. Они выдвинули версию, что причиной взрыва стала испанская мина. Истинные причины той трагедии не выяснены до сих пор. Но на

Кубе убеждены, что это была американская провокация, что Белый дом, для того чтобы ввязаться в войну, пожертвовал жизнями 250 своих военных. (Важная деталь для понимания как отношений Кубы и США, так и национального характера кубинцев, не приемлющих лжи и несвободы. На революционном острове никогда не уничтожали памятников, за исключением одного, установленного при прежнем режиме «героическим морякам крейсера „Мейн“».)

Итог этого силового противостояния было нетрудно предугадать. Испания была не просто истощена войной. Образно говоря, она уже стала «уставать от Кубы». Моральный дух испанской армии был слабым, молодые рекруты, среди которых, кстати, был и отец Фиделя, не хотели воевать, они не понимали, зачем должны защищать остров, находящийся в тысячах километрах от их родины. Кроме того, в годы правления на Кубе испанского генерал–губернатора Валери–ано Вейлера–Николау, получившего прозвище «Вейлер–мяс–ник», градус ненависти кубинцев к метрополии достиг критической отметки. Тысячи местных жителей, в основном бедных крестьян, сгонялись в концентрационные лагеря, где умирали от голода и пыток.

США умело воспользовались народным недовольством, формально выступив в роли освободителей Кубы. 25 апреля 1898 года США официально объявили Испании войну. Она закончилась, едва начавшись. Испания капитулировала 12 августа того же года.

Таким образом, испанцы, несмотря на почти трехсоттысячный воинский контингент, потерпели унизительное поражение, потеряв не только свою последнюю и самую прибыльную в прошлом колонию в Западном полушарии. В ходе боевых действий США также захватили принадлежавшие Испании Филиппины и Пуэрто–Рико. По так называемому Парижскому договору от 10 декабря 1898 года Испания отказывалась от прав на все эти колонии. Они были объявлены «свободными государствами». Но лишь формально, поскольку переходили под контроль США. И если, в конце концов, спустя годы Куба и Филиппины все–таки обрели независимость, то Пуэрто–Рико до сих пор подчинено США.

Ставленники испанского королевского двора спешно паковали чемоданы и отплывали в Европу. Это поражение Испании стало серьезным ударом по национальному самолюбию страны, когда–то владевшей едва ли не всей Южной Америкой. А «потерянное поколение» молодых людей, выросших в обстановке поражения, стало именоваться в Испании «поколением 98–го года».

Придя на Кубу, американцы почти полностью перекрыли местной элите «кислород», продвигая на все ключевые административные и политические должности своих ставленников. Как это неоднократно случалось в мировой истории, люди, бывшие на задворках политической жизни и получившие доступ к власти, занялись «дележом портфелей» и быстро погрязли в коррупции.

Тут нельзя не упомянуть об одном важном моменте, который скажется на мировоззрении Фиделя Кастро, его отношении к Соединенным Штатам, и во многом объясняет природу его ярко выраженного антиамериканизма. Во времена испанской колонизации кубинская элита – креолы – благодаря своему положению и деньгам, в принципе, была если не допущена к власти, то могла, говоря управленческим языком, влиять на принятие решений. Американцы позволили местной аристократии сохранить собственность, но к власти ее не подпускали. Обосновавшись на острове, они оставили местной элите, к которой принадлежал и отец Кастро, довольно крупный землевладелец, возможность заниматься бизнесом. Но для этого ей нужно было дружить с янки. Последние же создавали местным собственникам такие условия, что им приходилось продавать свои земельные участки, чтобы не подвергаться травле и давлению.

Отец Фиделя оказался единственным из местных латифундистов, кто не продал свой участок «северным соседям», несмотря ни на денежные посулы, ни на угрозы.

Американцы распустили Кубинскую революционную партию и Армию освобождения Кубы и фактически установили на острове неоколониальный режим. И хотя в декабре 1901 года на Кубе прошли президентские выборы, победу на которых одержал Томас Эстрада Пальма, а 20 мая 1902 года была провозглашена независимая Кубинская республика, эта страна была связана с США кабальными законными актами.

Американцы отказывались покинуть остров до тех пор, пока не заставили избранный кубинский парламент в июне 1901 года включить в конституцию страны так называемую поправку Платта, устанавливающую над Кубой особую форму протектората США. Согласно этой поправке, власти Кубы могли заключать договоры с другими странами и получать иностранные займы только с санкции США. Правительство Кубы должно было признавать правомерными все действия американских военных на острове. Кроме того, Соединенные Штаты получили право на интервенции на Кубу в целях «защиты ее независимости». Поправка Платта легла в основу так называемого «постоянного

договора» между США и Кубой, который был заключен 22 мая 1903 года. В том же году в рамках этих договоренностей Куба отдала США в бессрочную аренду Гуантанамо для строительства военной базы. Поправка Платта формально была отменена в 1934 году, однако фактический протекторат США над островом сохранялся до победы кубинской революции, а из Гуантанамо американцы не ушли до сих пор.

В донесении в морской генеральный штаб России от 7 по старому стилю (20) января 1909 года агент А. К. Небольсин сообщал: «Американские войска заняли все стратегические пункты страны, но они никогда личного участия не принимали в восстановлении порядка. Эту трудную и неблагодарную работу проделывали 100–тысячная туземная армия и полиция. Вышеназванный двойной военный контингент привел к тому, что атаман разбойничьих банд, державший на откупе сотни помещиков и фермеров, явился к губернатору Магуну с повинною и предложил свои услуги и способности поработать в пользу своей страны. Говорят, что Ма–гун эту просьбу принял. Во всяком случае, поджоги плантаций и вымогательства разбойников в настоящее время достояние старины <…>

Из одного частного разговора я узнал, что хотя Америка оказала большую услугу Кубе, но она же зато стоила ей громадных денег. В тот момент, когда американцы взяли в руки управление островом, в кассе, несмотря на крупные хищения, был резервный капитал – 9 миллионов долларов. Американцы за два с половиной года израсходовали эти 9 миллионов долларов, да еще 60 миллионов сверх того, поэтому в финансовом отношении Куба должна сильно поприжаться. Впрочем, это ей не страшно, ибо она настолько богата от природы, что даже теперь, когда остров только начал благоустраиваться, все же таможенный сбор достигает 30 миллионов долларов в год и в скором будущем он, вероятно, удесятерится»[8].

В другой шифрограмме морской агент России в США А. К. Небольсин сообщал следующее: «Военный порт Гуантанамо не мог посетить ввиду того, что американское морское ведомство его держит в полном секрете, и насильственная поездка больше испортила бы отношения, чем принесла бы существенного интереса. Из частных источников узнал, что в Гуантанамо строится сухой док, но он еще не готов. Военный порт и береговые укрепления только в проектном состоянии. Сама бухта во всех отношениях прекрасное убежище для флота и со временем будет первоклассная морская база»[9].

В Гаване в начале XX века строится копия вашингтонского Капитолия, призванного олицетворять «символ зарождающейся

демократии молодой республики». В кубинском Капитолии, как и в Америке, должны заседать новоиспеченные конгрессмены. Лучшие фабрики, заводы, земли, банки, транспортная и коммунальная инфраструктуры переходят под контроль американских монополий. Фактически на их содержании находятся все четыре вида власти: исполнительная, законодательная, судебная и средства массовой информации.

Официальный Вашингтон уже вынашивает планы присоединения Кубы к США. Об испанской колонизации, ассоциировавшейся с работорговлей, потихоньку забывают. На острове теперь правят бал неоколонизаторы – более практичные и изощренные, чем предыдущие хозяева Кубы – испанцы. Американские войска находятся во всех стратегически важных районах острова. О том, насколько Куба тех лет зависела от США, свидетельствует тот факт, что даже пресная вода вырабатывалась на горючем, которое привозилось из Америки.

Американские нувориши «оттягивались» на кубинских пляжах, в то время как простым кубинцам было запрещено купаться в море – пляжи являлись частной собственностью американских и местных богачей. По сути, Куба медленно, но верно превращалась не только в политический и экономический, но и «туристическо–бордельный» придаток Соединенных Штатов.

Сознание ни одного народа в мире, пожалуй, не ранено многовековым колониальным наследием так, как кубинского. Отсюда, на мой взгляд, и происходят истоки особой гордости, ранимости и обидчивости кубинцев.

Освободившись от рабства испанского, кубинцы попали под не менее жестокий и унизительный гнет. К ним относились как к людям второго сорта, а к их стране как к «американской сахарнице». В свое время все мировые газеты опубликовали снимок, на котором запечатлен пьяный солдат–янки. Давая себя фотографировать, он прилюдно, никого не стесняясь, мочится на памятник Хосе Марти в Гаване. А президент США Рузвельт, выступая на одной из панамериканских конференций, заявил: «У меня вызывает такое отвращение эта адская кубинская республичка, что хотелось бы стереть ее народ с лица земли. У нас нет иного выхода, кроме вмешательства. Это убедит подозрительных идиотов в Южной Америке в том, что при желании мы можем вмешаться и что мы жаждем земель»[10]. Какое еще объяснение нужно для того, чтобы понять, почему антиамериканизм является одной из основ философии и политики Фиделя Кастро?

К тридцатым годам XX века Гавана становится городом–казино, своего рода латиноамериканским прообразом Лас–Вегаса.

После Второй мировой войны президент Кубы Фульхенсио Батиста предлагает американцам застроить всю западную часть города увеселительными заведениями для богатых туристов.

Новый протекторат, по сути, на десятилетия вперед определял уклад жизни, сводившийся к унылому и беспросветному существованию для большинства кубинцев. При испанцах простой человек, такой как отец Фиделя, приехавший на Кубу с маленькой котомкой и ставший землевладельцем, мог если не разбогатеть, то, благодаря таланту и трудолюбию, хотя бы вырваться из нищеты. При новых хозяевах жизни простому человеку была уготована участь бессловесной обслуги.

700 тысяч человек, треть трудоспособного населения Кубы, в первой половине XX века были безработными. А в поисках места рубщика тростника по стране с мачете в руках скитались тысячи сельскохозяйственных рабочих.

Улицы Гаваны были заполнены назойливыми попрошайками, проститутками, коробейниками и лотошниками, пытавшимися продать сигары, ворованные с табачных фабрик, лотерейные билеты или жевательную резинку.

В 1925 году Карлос Балиньо, Хулио Антонио Мелья и другие революционеры основали первую коммунистическую партию Кубы. Однако о каких–либо продуманных и активных действиях по изменению существующего на острове строя речи идти не могло. (Сегодня мемориал основателя марксистско–ленинской партии Кубы Хулио Антонио Мельи находится у Гаванского университета, на том месте, где часто происходили стычки студентов с полицией и войсками.)

Народ был озабочен только одним: как бы не умереть с голоду. А среди лидеров партии в те годы не нашлось такой личности, как Хосе Марти, кто мог бы повести его за собой. Коммунисты заметно уступали по авторитету в кубинском обществе двум другим движениям: «центристам», которые хотели добиться от США большей самостоятельности для острова, и правым буржуазным партиям. Те ратовали за присоединение Кубы к Соединенным Штатам и фактически находились на содержании американцев.

На Кубе сегодня хорошо знают историю о том, как в 1920 году американцы, подкупив президента Гарсиа Менокаля, разорили кубинские банки, а затем скупили их, установив полный контроль над финансами Кубы. В 1925 году президентом Кубы стал бывший министр внутренних дел генерал Херардо Мачадо, получивший в период своего правления миллионные займы от американцев. 80 процентов кубинского экспорта, львиную долю которого составляли сахар и сигары, приходилось

на США. (К слову, в 1933 году Мача–до не спасла дружба с американцами, которые организовали военный переворот, приведший к его свержению.)

Мачадо установил в стране диктаторский режим. Компартия была в полной изоляции, а частью политической жизни тогдашней Кубы стали аресты, убийства и пытки сотен партийных активистов и прогрессивных студентов. Не проходило и дня, чтобы на Кубе не находили истерзанный труп кого–то из них. (В музее, расположенном в бывшем президентском дворце в Гаване, посетителям демонстрируют один из самых ужасающих экспонатов той эпохи – машинку для вырывания ногтей.) Известный французский писатель Анри Барбюс в своей книге «Террор на Кубе» так охарактеризовал режим Мачадо: «…Мачадо впитал в себя все пороки, дефекты и преступления своих предшественников в президентском дворце. Он довел террор до степени безумия»[11].

Глава вторая
ДЕТСТВО КОМАНДАНТЕ

Благодаря телевидению, газетам и книгам Фиделя Кастро в мире больше знают как революционного лидера, нежели как человека. Досконально известны практически все этапы революционной борьбы главнокомандующего: неудачный штурм крепости Монкада, высадка с яхты «Гранма», партизанская борьба в горах, свержение режима Фульхенсио Батисты, Карибский кризис, наконец, строительство новой Кубы в условиях жесточайшей американской блокады.

Фидель Кастро еще в горах Сьерра–Маэстра, в годы своей партизанской борьбы, обрел свой «вечный» революционный образ – «барбудо» (в переводе с испанского – бородач). Тогда революционеры поклялись не бриться до победы над Фульхенсио Батистой. (Некоторые из них, в том числе и Фидель, и по прошествии десятилетий так и не сбрили бороды.)

Высокий, стройный, в неизменном темно–оливковом френче и фуражке цвета хаки, со своей легендарной бородой – таким запечатлело его в своей памяти не одно поколение людей во всем мире. (К слову, изображение Фиделя Кастро в военной форме, со сжатым кулаком, рядом с двумя «братьями по оружию» является логотипом главной кубинской газеты «Гранма».) Трудно представить себе его иным. Потому и кажутся нереальными кинокадры, снятые в больничной палате во время долгого послеоперационного периода реабилитации Фиделя Кастро. Дело даже не в физической слабости команданте, который во время болезни сбросил 20 килограммов веса. А в том, что он предстал перед миром не таким, как всегда. Кастро был одет в спортивный костюм цвета кубинского флага.

В многочисленных фотоальбомах и в монографиях «иллюстрированная история Кастро» начинается с того самого образа вооруженного бородача – «барбудо». Дело не в том, что он неохотно вспоминает о своем детстве и юности, как, кстати, и не любит статей и книг о себе, которые зачастую пестрят небылицами о нем. И не в том, что он ненавидит культ личности. Фиделю Кастро претит интерес к его личной и в особенности к закрытой для всех семейной жизни. Обсуждение этой темы является на Кубе табу. А сведения о состоянии его здоровья после операции 31 июля 2006 года и вовсе были переведены в разряд государственной тайны.

Но можно подметить одну интересную особенность. На самом

деле, больше всего команданте эн хэфэ не любит, когда речь заходит о его *внереволюционной* жизни, прошедшей, образно говоря, в его родной, но еще не *его* стране. Той, в которой нет его пламенных многочасовых речей и его любимого лозунга «Родина или смерть!».

В свое время для многих людей в Советской России таким непривычным в сравнении с обычным образом «Ильича в кепке» казался маленький Володя Ульянов на октябрят–ском значке. Что и говорить о Сталине, который, кажется, и вовсе родился с трубкой в руках и маршальском мундире.

Кастро конечно же вспоминает о своем детстве и отрочестве, но с меньшим упоением, чем о годах славной революционной молодости, о втором доме – горах Сьерра–Маэст–ра, о десятках лет революционного созидания. Да и в силу возраста, в той немыслимой череде пережитого – трагедий и счастливых побед – воспоминания детства представляются отрывочными фрагментами из, кажется, уже далекой жизни.

Ученые утверждают, что сознание ребенка формируется в возрасте от трех до шести лет. От «зерен, брошенных» родителями в эти годы на чистую детскую почву, зависит, какой урожай взойдет в зрелые годы, каким вырастет человек. Черствым, сухим, нервным, с гнилой сердцевиной, озлобленным на весь мир или полным жизненных сил, открытым миру и людям, способным к развитию и совершенствованию.

Бытует мнение, что формирование личности Фиделя произошло в студенческие годы, когда за считаные месяцы он, подававший большие надежды студент–юрист, ступил на путь революционной борьбы.

С этим нельзя не согласиться. Окончив знаменитый Гаванский университет и надев мантию адвоката, Фидель вскоре сбросил ее и, как говорил герой незабвенного «Бум–бараша» Аркадия Гайдара, «пошел революцию делать». Учеба в лучшем вузе Кубы, основанном, страшно подумать, еще в рабовладельческие времена, в 1728 году; книги, а именно их Фидель Кастро считает наиболее ценным достоянием человечества; знание множества предметов; общение с прогрессивно мыслящими студентами и преподавателями; активное участие в манифестациях против диктатуры… Все это, безусловно, оказало колоссальное влияние на формирование революционного мировоззрения будущего главнокомандующего. Усиление репрессий на Кубе привело его к пониманию того, что борьба против диктатуры должна иметь только революционный, а отнюдь не юридический и парламентский характер.

Но вот вопрос: смогла ли бы начатая в молодые годы

революционная борьба команданте, которая в итоге привела к триумфальному взятию страны под свой контроль, увенчаться успехом, если бы еще в детстве родители не посеяли в маленьком Фиделе семена «доброго, разумного и светлого»? Состоялся бы он вообще как личность без своих простых, скромных, трудолюбивых и уверенных в «правде своей» и внутренней силе родителей? Что было бы, если бы будущий лидер Кубы еще в детстве сам не сталкивался с неправедностью и унижением в окружающем мире, зародившем в нем обостренное чувство справедливости, а жил, как и полагается сыну латифундиста, размеренно и вольготно? Наконец, где бы еще он постиг природу и подноготную капитализма, как не в Биране, в имении своего отца – дона Анхеля, на которого трудились сотни наемных рабочих?

Изучая детские и юношеские годы кубинского лидера, я поражался тому, как в ребенке начали формироваться те качества, которые спустя десятилетия станут частью огромной глыбы, особой планеты под названием «Кастро»: неприятие любой формы несправедливости, упрямство, несокрушимое желание идти к победе до конца, вера в праведность своего дела, неприятие проигрышей и поражений, феноменальная память. А также самая, пожалуй, его главная черта – способность всецело отдаваться тому, что его по–настоящему захватывает.

На первый взгляд в Фиделе Кастро больше отцовского. Даже внешнее сходство. Точнее сказать, в нем больше выражены отцовские несгибаемость, упорство, умение идти напролом, нежели материнские мягкость, мудрость и терпение. Действительно, от испанца дона Анхеля Фидель унаследовал предприимчивость, силу воли и храбрость, стремление покорять новые высоты и, не считаясь с преградами, идти вперед. Говорят, именно дон Анхель пристрастил Фиделя к табаку, по одним данным, дав ему прикурить в шесть, а по другим, в 13 лет. В рабочем кабинете Фиделя Кастро висит большая фотография отца в простой рубашке, старого, умудренного жизнью фермера.

Отец Фиделя, Анхель Кастро Архиз, был испанского происхождения (у всех кубинцев две фамилии – первая отца, вторая – матери. – *М. М.)*. Он родился 8 декабря 1875 года на севере Испании, в отсталой малоземельной Галисии, в семье очень бедных крестьян. В 11 лет Анхель Кастро остался без матери, после чего его отец, дедушка Фиделя, женился вновь. Отношения у дона Анхеля с мачехой сразу не заладились, и детство его было крайне сложным и даже мучительным.

В 17 лет Анхеля Кастро призвали на военную службу. В 1895 году, когда ему исполнилось 20 лет, отправили воевать на Кубу. Так и осталось неизвестным, по каким причинам Анхель Кастро

попал на Кубу только в 1898 году. Сам Фидель говорил, что отец никогда не рассказывал ему об этом. К счастью для будущей кубинской революции, Анхе–лю Кастро не пришлось принимать участия непосредственно в боевых действиях, и он остался в живых.

После войны, закончившейся бесславной капитуляцией Испании и потерей ею Кубы, своей последней колонии в Западном полушарии, Кастро–старший вернулся в родную Галисию. Испания, изможденная войной, переживала тяжелейший экономический кризис и была в то время одной из беднейших стран Европы, и Галисия «плелась в хвосте» самых отсталых ее провинций. На родине Анхелю Кастро, как и большинству галисийских мужчин, было уготовано далекое от оптимизма будущее: в лучшем случае тяжелая работа поденщиком на полях местных землевладельцев.

Морально опустошенные, испанские солдаты возвращались в Испанию с надеждой, что она если не примет их в объятия, то будет рада их возвращению. Но на родине их никто не ждал: в стране царила безработица. А в Галисии сложилась и вовсе беспросветная для простого человека ситуация. Бал правили помещики и чиновники, на стороне которых было духовенство. Это стало настоящим потрясением для Анхеля Кастро, истового католика. И он вспомнил солнечную и приветливую Кубу с ее малозаселенными и плодородными землями и простыми, отзывчивыми людьми. Уже через год после возвращения с войны он вместе с несколькими товарищами – галисийцами принял решение снова уехать на Кубу. В декабре 1899 года эмигранты высадились на острове. Родной брат Анхеля – Гонсало продолжил путь дальше и впоследствии осел в Аргентине.

Но к тому времени ситуация на Кубе была далека от той, что Анхель Кастро видел в 1898 году. После окончания Испано–кубинской войны многие предприятия перешли под контроль американцев. Новые хозяева острова начали развивать на нем бурную деятельность, захватывая наиболее плодородные земли. Североамериканские плантаторы активно занимались вырубкой леса и использовали древесину в качестве горючего на сахароперерабатывающих заводах. В свою очередь на освобождающихся и весьма плодоносных землях разбивались новые плантации сахарного тростника. Его промышленная переработка стала основным родом занятий американских деловых людей на Кубе.

Американцы внедряли на сахарных заводах передовые по тем временам технологии, что приводило к сокращению рабочих мест. К тому же массовый поток бедствующих эмигрантов,

которые прибывали на Кубу из Европы, из Гаити, с Антильских островов и Ямайки в поисках счастья, сокращал возможности трудоустройства.

К счастью, Анхель Кастро быстро сориентировался в ситуации. Он отправился в один из самых бедных и еще относительно не освоенных для сельского хозяйства районов Кубы, в провинцию Ориенте. У него не было ни денег, ни связей, ни образования, но было огромное желание вырваться из нищеты. Первым местом работы Анхеля Кастро стали шахты Пануто и Дайкири. Он не спускался в забой, а устроился ночным сторожем. Ему потребовалось немного времени, чтобы понять – на Кубе можно выбраться из нищеты, только если иметь отношение к «земле и сахару». Но все плодородные тростниковые земли были скуплены или стремительно скупались новыми хозяевами. А у Анхеля Кастро не было накоплений, позволявших пустить их в оборот. Ему удалось устроиться рабочим на сахарный завод – небольшое подразделение американской фирмы «Юнайтед фрут компани», которой к тому времени принадлежала уже четверть (!) обрабатываемых земель острова. (С годами эта компания стала самой крупной американской монополией на Кубе.) Освоившись, Кастро попал в артель рабочих, строивших транспортную ветку, по которой срубленный тростник доставлялся на завод. Таким образом, шаг за шагом, отец Фиделя получил возможность на практике изучить все стадии сахарного производства.

В артели Анхель Кастро вскоре стал неформальным лидером. Как и все галисийские эмигранты, он был скромен и трудолюбив. Его отличали большая сила воли и жесткий характер. Экономя на еде и отказывая себе в малейших удовольствиях, Анхель Кастро на паях со своим товарищем, таким же галисийским эмигрантом, открыл небольшую закусочную для рабочих. На вырученные деньги купил несколько быков. Парнокопытные на Кубе были в то время основным транспортным средством. Они перевозили сахарный тростник с плантаций на заводы по производству сахара.

Теперь Кастро–старший мог перейти в совершенно другую категорию – в подрядчики по выполнению транспортных работ для сахарозаводчиков. Он сколотил свою группу рабочих, которые начали выполнять подряды по контракту с той самой американской фирмой, на заводе которой он начинал свою «сахарную» карьеру. Эта артель занималась вырубкой леса, чтобы на освобожденных площадях выращивать тростник, а также заготавливала древесину для заводов по его переработке. За короткое время бригада Анхеля Кастро увеличилась до 300 человек. На его предприятии работали в основном эмигранты:

испанцы, выходцы из Гаити, Антильских островов и Ямайки. Позже самых трудолюбивых из них дон Анхель возьмет к себе на работу в усадьбу в Биране, и их чернокожие дети станут первыми друзьями Фиделя.

Поднакопив денег, Анхель Кастро наконец–то мог приступить к реализации своей давней мечты – обзавестись земельными угодьями. Ему удалось приобрести 900 гектаров земли в провинции Ориенте, а также арендовать два соседних участка земли – несколько тысяч гектаров – у двух отставных кубинских генералов, принимавших участие в последней колониальной войне. Плата за подобные участки в то время, как правило, составляла не больше пяти процентов от реализации продукции, которая выращивалась на них.

Таким образом, Анхель Кастро поднялся еще на одну ступеньку социальной лестницы. Теперь он попал в разряд «колона» – землевладельца, который выращивал на арендованных землях сахарный тростник.

Он приобрел усадьбу, на Кубе именуемую «финка», – поместье «Манакас». До его продажи оно не было объектом повышенного спроса, так как значительную его часть составляли не плантации тростника, а деревья, которые еще предстояло вырубить. Но теперь дону Анхелю вырубка представлялась пустяком. Тростник на этих землях начал давать такие обильные урожаи, что соседние сахарные заводы, до этого временами простаивавшие из–за недостатка сырья, наконец–то стали работать на полную мощность. А в целом количество сахарного тростника, получаемого с земель, принадлежавших Кастро, составляло от 75 до 80 тонн ежегодно, что являлось весьма внушительным показателем.

«В усадьбе основной культурой был сахарный тростник, а вторым по важности было животноводство, потом уже шли другие культуры, – рассказывал Фидель Кастро известному бразильскому теологу и философу Фрею Бетто. – Там выращивали бананы, корнеплоды, были маленькие поля зерновых, кое–каких овощей, аллеи кокосовых пальм, разных фруктовых деревьев и цитрусовых, к дому прилегало десять–двенадцать гектаров цитрусовых деревьев. Затем – поля сахарного тростника, подходившие к железнодорожной ветке, по которой тростник перевозили на сахарный завод»[12].

Уже значительно позже, в зрелом возрасте, словно чувствуя свою вину перед природой, Кастро–старший будет засаживать свою землю кедром. Любопытно, что первая книга о детстве и юношестве Фиделя Кастро вышла лишь в 2003 году к столетию со дня рождения его матери Лины Рус. В том, что такая книга

крайне необходима, Фиделя Кастро убедил его друг – нобелевский лауреат Габриель Гарсиа Маркес. Эту идею он озвучил, когда приезжал в родное имение Фиделя на Кубу в 1996 году по случаю 70–летия команданте. Большой литературный труд почти в 500 страниц написала известная кубинская журналистка Катюшка Бланко, которая получила редкую возможность ознакомиться с десятками уникальных фотографий из семейного архива Кастро. Примечательно, что свое произведение Бланко назвала «Во времена кедров».

Впрочем, не «Манакас», а другому поместью «Сабаниль–яс» в Биране суждено было стать «родовым гнездом» Фиделя. Это место, в отличие от других угодий дона Анхеля, было более живописным. Помимо хвойных пород, там высаживались кокосовые и апельсиновые деревья, что являлось исключительным случаем и неким элементом роскоши, учитывая тотальную «сахаризацию» острова.

Именно в «Сабанильяс», в весьма необычном для Кубы галисийском стиле, был построен дом, в котором 13 августа 1926 года родился будущий лидер кубинской революции. Дом этот настолько необычен, что о нем нельзя не рассказать поподробнее. Во–первых, он стоял на сваях, которые делались из очень твердого дерева, на эти сваи стелили пол. Все потому, что в Галисии зимой крестьяне держали домашнюю птицу, скот под домом в своеобразных загонах. Но в тропических условиях Кубы не это обстоятельство повлияло на выбор дона Анхеля. Участок земли, на котором он поселился с семьей, был под уклоном, а дом, построенный на сваях, позволял не выравнивать местность при закладке фундамента. Кроме того, такая конструкция позволяла расширять жилище семьи без ущерба для планировки, при помощи мансард и дополнительных помещений. Так, с годами, в некогда квадратном доме появились несколько дополнительных комнат, а в одну из пристроек была перенесена кухня. В этом «галисийском доме» была даже отдельная «лекарственная комната», в которой размещались полки с медикаментами. Над главным, квадратным, домом был еще один этаж, который называли башней, там спали дети.

В конечном итоге под домом на сваях образовалось довольное большое пространство, которое дон Анхель оборудовал под коровник. Фидель вспоминал, что туда вечерами отец загонял по 20—30 коров. (Дом в Биране сгорел в 1954 году и был восстановлен по фотографиям и воспоминаниям четверть века спустя.)

«…Метрах в шестидесяти от дома и недалеко от пекарни стояла начальная школа, маленькая общественная школа, у

главной дороги – так называли земляную грязную дорогу, которая соединяла центр муниципии с усадьбой и шла дальше на юг, – за большим развесистым деревом помещалась лавка, наш торговый центр, который тоже принадлежал нашей семье, а напротив лавки были почта и телеграф. Это были основные постройки»[13], – описывал свое «родовое гнездо» Фидель Кастро.

К тому моменту, когда родился Фидель, Анхель Кастро Архиз, разменявший шестой десяток, владел 10 тысячами гектаров земли (в том числе арендованной), став крупным латифундистом. Пастбища в Биране считались одними из самых лучших в провинции Ориенте. Это позволило отцу Фиделя развести около трех тысяч голов крупного рогатого скота, в то время как его соседи использовали свои земли только для культивирования тростника и размещения сахарных заводов.

Будучи неграмотным, дон Анхель прилагал большие усилия, чтобы научиться всему. Именно у отца будущий революционер перенял способность идти вперед к осуществлению своей мечты, невзирая ни на какие трудности. Начав заниматься чем–то новым, Анхель Кастро полученную прибыль тут же откладывал для будущего дела. Поступательно двигался по социальной лестнице, при этом не позволяя себе послаблений.

В Биране проживало около тысячи человек, большинство из которых составляли выходцы из бедных латиноамериканских стран. Главным их развлечением, которое хоть как–то скрашивало беспросветное бытие, были петушиные бои, проводившиеся в Биране по воскресеньям, на Рождество и во время новогодних праздников. «В эти праздничные дни там собирались любители петушиных боев, некоторые приносили своих петухов, другие просто делали ставки, – вспоминал Фидель. – Многие бедняки теряли там все свои скромные средства, если проигрывали, а если выигрывали, то немедленно спускали все без остатка, пропивали, проматывали»[14].

Состояние позволило дону Анхелю построить не только дом в галисийском стиле, но и, как принято сейчас говорить, сопутствующую инфраструктуру: молочный заводик, мастерскую, скотобойню, свою хлебопекарню. Фактически весь поселок, носящий название Биран, за исключением маленькой начальной школы и почты, которые были государственными, находился в собственности дона Анхеля Кастро. Вполне естественно, что отец Фиделя пользовался там непререкаемым авторитетом и был самым уважаемым человеком. Впоследствии многие из тех, кто анализировал жизнь главнокомандующего, поражались метаморфозе – как сын крупного сельскохозяйственного буржуа стал самым главным революционером на Кубе.

В 2005 году на конференции «Диалог цивилизаций» в Гаване, куда было приглашено много российских гостей, Фидель Кастро произнес многочасовую речь, в которой сообщил немало интересных подробностей из своей жизни. В частности, он сказал: «…Когда Карл Маркс говорил, что частная собственность существует только при условии, что ее нет у девяти десятых населения, я мог это понять, поскольку родился в месте, где моему отцу принадлежало всё»[15].

При этом Анхель Кастро никогда не отказывал в помощи людям, которые обращались к нему. Особенно это касалось рабочих с принадлежавших североамериканцам предприятий и ферм, располагавшихся рядом с его усадьбой. Эти люди трудились в значительно более тяжелых условиях, чем рабочие у Кастро. Он принимал на работу эмигрантов, которым отказывали в трудоустройстве другие землевладельцы. Помня о своем тяжелом прошлом, давал участки земли в Биране беднейшим семьям, чтобы те могли прокормить себя. Поэтому кощунственными выглядят воспоминания внебрачной дочери Фиделя Алины Фернандес, плода его связи с Нати Ревуэльта в 1950–е годы, которая явно решила привлечь интерес к своей персоне. В своей книге Алина Фернандес, в 1993 году бежавшая с Кубы в Испанию, а затем в США, представляет своего дедушку, дона Анхеля, чуть ли не сатрапом, всячески унижавшим наемных рабочих.

В отличие от матери Фиделя дон Анхель не был религиозным человеком. По крайней мере, Фидель не помнит, чтобы его отец как–то проявлял свою религиозность. «Можно сказать, что этого почти не было, – вспоминал Фидель. – Я не мог бы даже ответить на вопрос, был ли он на самом деле верующим. Моя мать – да, помню, она была очень религиозной, и моя бабушка тоже»[16].

Мать Фиделя, крестьянка Лина Рус Гонсалес, была моложе дона Анхеля на 28 лет и работала кухаркой в его поместье. Она стала его второй женой. Первой его супругой была Мария Луиса Арготе Рейес. Она родила ему пятерых детей, из которых в живых осталось только двое – Лидия и Педро Эмилио. С ними дети от второго брака дона Анхеля, по признанию самого Фиделя, «хорошо ладили». Именно с Лидией, а не с родными братьями и сестрами он постоянно переписывался, когда находился в тюрьме после неудачного штурма казармы Монкада.

Ситуация с младенческой смертностью в те годы на Кубе была просто катастрофической, и вовсе не случайно одними из первых шагов Фиделя Кастро по приходу к власти станет борьба с неграмотностью и детской смертностью.

Полное имя команданте включает в себя фамилию отца и

девичью фамилию матери и на самом деле звучит – Фидель Алехандро Кастро Рус, а не Фидель Кастро Рус, как его часто представляют официально. Второе, «дополнительное», имя – Алехандро, которое он добавил себе сам, является знаковым для Фиделя. Это был его псевдоним в 1950–е годы во время революционной борьбы. Кастро восхищался Александром Македонским, который, из иностранцев, наряду с Линкольном, является его любимым историческим персонажем. Примечательно, что имена всех пяти сыновей Фиделя от последнего, не афишируемого, брака начинаются также на «А».

Лина Рус была кубинкой, родилась на западе острова, в провинции Пинар–дель–Рио в семье бедных крестьян. Ее отец возил сахарный тростник на буйволах. В самом начале XX века он со своей женой, дочкой и двумя сыновьями – также возчиками тростника перебрался в провинцию Ориенте, где и обосновался. И мама Фиделя, и его бабушка по материнской линии были очень набожными. Фидель вспоминал, как после победы революции, в 1959 году, приезжал в Биран их проведать. «Обе были дома, – рассказывал Фидель Кастро. – Бабушка болела, и комната была полна изображений святых, обвешанных дарами (речь, по всей видимости, идет о традиционных на Кубе оберегах и талисманах. – *М. М.)*. Весь этот период борьбы, больших опасностей и моя мать, и моя бабушка давали самые разнообразные обеты, молясь за нашу (с Раулем. – *М. М.)* безопасность, и тот факт, что мы прошли через эту борьбу и остались в живых, несомненно должен был укрепить их веру. Я очень уважал их верования, они рассказывали мне о своих обетах, о их глубокой вере, все это было уже после победы революции, в 1959 году, и я всегда слушал их с большим интересом, с большим уважением. Хотя мое мировоззрение было иным, я никогда в жизни не спорил с ними на эти темы, потому что видел, какой опорой служили им религиозные чувства и вера, какие духовные силы, какое утешение они давали. Конечно, это была не строгая догматическая вера, а вера, им свойственная, семейная, традиционная, очень прочувствованная и глубокая, такими были их чувства»[17].

Анхель Кастро уважал своего тестя и предложил ему переехать в новое, только построенное жилое здание в усадьбе в Биране. Бабушка нянчила грудного Фиделя.

Первый брак Анхеля Кастро дал трещину во многом из–за того, что его супруга сильно болела и категорически не хотела переезжать из местечка Гуаро в Биран, где Анхель Кастро затеял строительство новой усадьбы. В результате каждый день Кастро–старший, рискуя жизнью, так как это место пользовалось дурной

славой из–за разбойников, был вынужден преодолевать на повозке 40 километров по разбитой дороге из Гуаро в Биран и обратно[18].

Переезд Марии Луисы с двумя детьми еще дальше от Би–рана, в Сантьяго–де–Куба, способствовал окончательному разрыву отношений между супругами. Они уже давно не жили вместе, но первая жена дона Анхеля не давала ему развода, хотя Кастро–старший уже стал жить с Линой Рус Гонсалес. У дона Анхеля и Лины Рус родилось семеро детей: Анхела, Рамон, Фидель, Рауль, Хуанита, Эмма и Агустина. Хуанита не приняла революцию и в 1964 году эмигрировала в США, в Майами, где живут большинство выходцев из Кубы. После ее отъезда Фидель разорвал с сестрой всякие отношения.

Пять первых детей, в том числе Фидель – третий и Рауль – четвертый, родились, когда отношения дона Анхеля и Лины Рус не были скреплены узами брака, и считались незаконнорожденными. По этой причине церковь долгое время не хотела крестить Фиделя. Это произошло только в январе 1935 года. Священник принял во внимание, что и Лина Рус, и ее родители были очень набожными людьми.

Родители Фиделя Кастро вели довольно замкнутый образ жизни, отличавшийся от того уклада, который был свойствен представителям богатых сословий. Они почти никогда не ходили в гости и очень редко принимали гостей у себя дома. Все время работали по хозяйству. Напротив, дети дона Анхеля и Лины Рус часто общались с окружающими. Родители никогда не говорили им: «Дружи с тем, не дружи с этим». Фидель общался и с детьми гаитян, и с детьми креолов. Его главное воспоминание о детстве – чувство свободы, когда он мог делать все, что ему заблагорассудится. Мудрые родители предоставляли Фиделю много возможностей для саморазвития. При этом его воспитание не было пущено на самотек.

Фидель не любил говорить о знакомстве его отца и матери. Известно, что дон Анхель встретил свою будущую жену, молодую крестьянку, недалеко от имения, когда искал свою пропавшую лошадь. Лина Рус была неграмотна и, как отец Фиделя, научилась грамоте самостоятельно. Именно она привила маленькому Фиделю любовь к чтению. Лина, как настоящая мать и хозяйка, следила не только за тем, чтобы ее дети были одеты и накормлены, но и чтобы они получили достойное образование. Она была трудолюбива, прекрасно готовила, хорошо разбиралась в народной медицине. Соседи удивлялись, откуда у такой маленькой женщины столько энергии, как она успевает работать по дому, ухаживать за мужем и воспитывать детей. Лина Рус была

довольно строгой, требовала от детей соблюдения порядка, дисциплины и гигиены.

В те годы на острове свирепствовали инфекционные болезни, самой распространенной и опасной была желтая лихорадка. Возбудитель ее, к слову, был открыт кубинским врачом в конце XIX века. Лина Рус боялась, как бы ее дети не заразились от детей бедняков. Нередко по возвращении домой ее отпрыски получали не только «дежурный, но мягкий подзатыльник», но и порцию народных средств, с тем чтобы промыть желудок. На одном из снимков из архива семьи Кастро Лина Рус, в очках, с весьма суровым видом держит в руках винтовку. Говорят, что, когда дети не слушались ее и запаздывали вернуться домой, выстрел «доброй мамы Лины» служил им сигналом для возвращения в усадьбу.

Лина Рус, несмотря на малообразованность и хрупкость, олицетворяла собой народную мудрость и основательность. Она молилась по четкам, повторяя «Аве Мария» и «Отче наш». Дом Кастро был полон изображений Пречистой Девы Милосердной, покровительницы Кубы, Иисуса Христа, святого Иосифа, других святых католической церкви. Молилась «истово, каждый день, всегда зажигая свечи перед Пречистой Девой». «Она просила их, – вспоминал Фидель Кастро, – молила при всех обстоятельствах, давала обеты, когда в семье кто–то заболевал. В каждом трудном случае, и не только, давала обеты, но и выполняла их. Таким обетом могло быть, скажем, посетить храм Пречистой Девы Милосердной и поставить свечу, передать для кого–то определенную помощь, это бывало очень часто»[19].

До того как ее дети, ставшие во главе новой Кубы, объяснили ей истинный смысл своей борьбы, Лина Рус считала революционеров и коммунистов чем–то вроде «нечистой силы». В своей книге «Гавана—Москва. Памятные годы» бывший посол СССР на Кубе Виталий Воротников вспоминает рассказ Рауля Кастро о материнском восприятии революции: «В одну из встреч Рауль, убеждая ее фактами наступивших на Кубе преобразований, улучшающих жизнь простых людей, что она воспринимала с одобрением, сказал, что это и есть реализация идей равенства, свободы, справедливости, проповедуемых коммунистами. И когда Рауль исчерпал все доводы, убеждая ее в обратном, то спросил: „Мама, как ты считаешь, я похож на тот образ, о котором вам прожужжали уши?“ Она ответила – ну что ты говоришь, сын? „Так вот, я и есть настоящий коммунист!“ Мама была в шоке, смеясь, закончил Рауль»[20].

Для кубинцев не представляет никакого секрета то, о чем они боятся сказать вслух, – о связи Фиделя с религией сантерия –

смесью католичества и африканских верований. На Кубе уже давно ходит легенда о том, что в детстве тяжелобольного Фиделя спасли местные колдуны – сантеро, последователи языческой веры, которую завезли на Карибы их африканские предки. Дескать, они попросили защиты для Кастро у бога войны Аягуна, который и взял будущего вождя Кубы под свое покровительство[21]. О «заговоренности» Фиделя речь пойдет в других главах. Но информация о том, что он действительно был «заговорен» в детстве, в возрасте шести лет, когда медики, разведя руками, отказались его лечить, повторяется в различных интерпретациях в нескольких источниках.

Действительно, несколько человек, те, кто покушался на Фиделя и уже держал его на мушке, по необъяснимым причинам отказывались от своих планов убить команданте едва ли не в самый последний миг. Одному из них, который собирался выстрелить в него с расстояния полуметра, Фидель усмехнулся в лицо, после чего развернулся и спокойно пошел в другую сторону. (Даже друг Фиделя Кастро легендарный Габриель Гарсиа Маркес однажды обронил фразу по поводу «заговоренности» Фиделя: «Существует какой–то особый фактор, ускользающий от компьютеров ЦРУ. Возможно, здесь существует какая–то карибская магия». Но, повторимся, покушения на Фиделя и его «заговоренность» – темы отдельных глав, в которых читатель найдет немало любопытных фактов.)

Анхель Кастро Архиз умер 21 октября 1956 года, через два месяца после того, как Фиделю исполнилось 30 лет. Ан–хель Кастро внимательно следил за гражданской войной в Испании в 1936 году, однако идеи испанских республиканцев не поддерживал. Он был сторонником испанского диктатора Франко.

В 1930–е годы у дона Анхеля возникло новое политическое увлечение, вызывавшее раздражение у супруги. Он приводил в дом собеседников и спорил с ними до хрипоты на глазах маленьких детей о сути мирового устройства и особенно о событиях на его родине, в Испании. Мало того, что это сказывалось на экономике его хозяйства, которому глава семьи теперь уделял меньше внимания, страдал семейный бюджет. В дом Кастро зачастили разного рода проходимцы, журналисты, которые пытались выбить у дона Анхеля деньги на липовые политические кампании или заказные статьи. Они знали, что у прямого и открытого дона Анхеля, который с пол–оборота заводится на разговоры о политике и уж тем более о родной Испании, при удачном стечении обстоятельств можно попросить энную сумму песо. Без возврата. Будь то на выборы или на

абстрактную «политическую деятельность». На выборы отец Фиделя «отстегивал» действительно большие по тем временам суммы. К тому же политики пользовались тем, что дону Анхелю не составляло труда убедить сотни рабочих, трудившихся у него в усадьбе, проголосовать за нужного кандидата.

Фидель Кастро чтил своего отца, считал его очень умным, предприимчивым человеком. Но утверждать, что Фидель находился под отцовским влиянием, было бы не совсем верно. По мере того как Фидель взрослел, он уходил из–под опеки семьи. Его соратники вспоминали, что, получив в эмиграции известие о смерти отца, Фидель тяжело вздохнул и сказал: «Ну что ж! Мы не имеем права на слезы!» И это в тот момент, когда расплакались многие из товарищей Кастро, лично знавшие дона Анхеля и переписывавшиеся с ним.

Дон Анхель услышал знаменитую речь Фиделя «История меня оправдает», писал ему письма в тюрьму, дождался его триумфального выхода из ее застенков, но до победы кубинской революции, к сожалению, не дожил.

Впрочем, неизвестно, какой была бы реакция отца на то, что свершили его сыновья Фидель и Рауль, придя к власти:

Фидель Кастро издал декрет о передаче народу земли, и в первую очередь – угодий, которые его отец нажил буквально потом и кровью. Когда революция победила, он, выступая на телевидении, заявил, что является сыном землевладельца, эксплуататора. В результате мать Фиделя, его брат Рамон, а также сестры Анхела и Агустина были вынуждены спешно уехать из Бирана. А Хуанита и вовсе покинула страну.

Фидель Кастро родился 13 августа, под самым «властным» астрологическим знаком – в созвездии Льва. Людей, родившихся под этим знаком, отличают упорство, мужество, целеустремленность, уверенность в собственной правоте.

Здесь уместно сделать небольшое отступление. В ходе работы над этой книгой ее автор получил возможность ознакомиться с личными записями легендарного советского разведчика и дипломата, посла СССР на Кубе с 1962 по 1968 год Александра Ивановича Алексеева (Шитова). Именно этому человеку, у которого установились теплые товарищеские отношения с Фиделем Кастро с 1959 года, принадлежит заслуга в установлении и развитии дружественных отношений между Кубой и СССР. Об этом речь идет в восьмой и девятой главах этой книги. В записях А. И. Алексеева я нашел удивительную и сенсационную деталь – признание посла в том, как ему удалось изменить дату рождения Кастро, под которой его знает сегодня весь мир: «При определении в начальную школу–интернат, когда

Фиделю только исполнилось 5 лет, родители приписали ему лишний год, поскольку в школу принимались дети с 6–летнего возраста. Так появилась новая дата рождения – 13 августа 1926 года вместо 13 августа 1927 года, „состарив“ Фиделя на один год. Она стала переходить из документа в документ.

Мы в некоторой степени повинны в том, что способствовали утверждению этой даты. Впервые в официальной биографии Фиделя, опубликованной в советских газетах 28 апреля 1963 года по случаю его визита в Советский Союз, была названа дата его рождения: 13 августа 1926 года. Биография была подготовлена корреспондентом ТАСС Н.Чигирем и мной. Нам было известно о двух существующих версиях года рождения Фиделя. Так, в вышедшей в 1959 году книге писателя Г. Родригеса Морехона «Биография Ф. Кастро» утверждалось со ссылкой на церковную запись, сделанную при крещении, что Фидель родился 13 августа 1927 года.

При согласовании с Фиделем подготовленной нами биографии он проявил какую–то неуверенность и колебался точно назвать год своего рождения. Он начал вспоминать об одном из своих двоюродных братьев, который родился с ним в один год, и выходило, что вроде бы это было в 1927 году. Но, поскольку во всех документах, которыми пользовался Фидель, фигурировал 1926 год, как год его рождения, Фидель попросил оставить его и в подготовленной нами биографии для советских газет. Так утвердилась эта дата не только в Советском Союзе, но и во всех социалистических странах, и таким образом стала общепризнанной.

Фидель в молодости не обращал никакого внимания на возникшее недоразумение, так как никогда не отмечал своего дня рождения. Но вот после революции его положение изменилось. И когда в августе 1959 года возник вопрос о том, чтобы отметить предстоящий день его рождения в прессе, Фидель категорически запретил это делать, сказав, что день рождения – событие семейного характера и недопустимо использовать его публично для восхваления юбиляра. Надо учесть, что в 1959 году подавляющее большинство газет находилось в руках буржуазии, и Фидель понимал, что комплименты в его адрес от противников революции могут ввести в заблуждение массы трудящихся»[22]. А. И. Алексеев также отмечал, что после победы революции кубинская пресса не отметила ни одного дня рождения Фиделя Кастро, в том числе и пятидесятилетия.

Не менее интересна история, рассказанная самим Фиделем Кастро бразильскому священнику брату Бетто о том, как его крестили. Фидель признался, что до этого момента у него…

вообще не было имени.

В те годы крещение было очень важной церемонией на Кубе. На острове на фоне высокой детской смертности была крайне низкой продолжительность жизни кубинцев в сельской местности. Поэтому тогда почти в каждой крестьянской семье считали, что крестный – это второй отец ребенка, который поможет ему, если родной отец умрет. И в качестве крестника детям подыскивали не только близких и надежных, но и обеспеченных людей. Причем нередко давая детям имена таких людей. Вот и для Фиделя подыскали в качестве крестного друга его отца, миллионера. Тогда миллион был действительно миллионом – дневной заработок кубинского рабочего был меньше доллара. Этого человека звали Фидель. И именно это имя решили дать мальчику в честь «богатого дяди».

Но долгое время его не могли окрестить. Во–первых, второй сын дона Анхеля был незаконнорожденным. Во–вторых, в Биране не было церкви и священник приезжал туда по большим праздникам. Как правило, на Рождество, которое, как известно, как день рождения, отмечается один раз в год. В результате долгое время мальчик был не только некрещеным, но и человеком без имени. «Никак не получалось, чтобы тот богач и священник приехали в Биран одновременно, и в результате, в ожидании этого события, я жил некрещеным, и, помню, меня называли евреем – „худио“. Говорили: „Это еврей“. Мне было четыре–пять лет, и меня порицали, говоря, что я еврей. Я не знал, что такое еврей, но несомненно, мне говорили это в укор, было вроде как стыдно жить некрещеным, хотя я тут был совсем не виноват»[23] ,– рассказывал Фидель Кастро. В итоге среди всех братьев и сестер его окрестили самым последним. Это произошло, когда Фидель уже уехал из Бирана в Сантьяго–де–Куба.

Любопытно, что имя Фидель на испанском языке перекликается с двумя ключевыми понятиями: «фе» – вера и «фиделидад» – верность. «Одни верят в Бога, у других – иная вера, но я всегда был человеком, полным веры, доверия, оптимизма»[24], – говорил Фидель Кастро брату Бетто.

Судьба приготовила Фиделю Кастро первое испытание, когда ему еще не было и четырех лет. Впоследствии десятки раз он будет оставаться один на один с самыми тяжелыми обстоятельствами, не тушуясь и помня об уроках, полученных в детстве. Родители, которые весь день были заняты работой в усадьбе, отдали Фиделя, Рамона и Анхел в общественную школу Бирана, куда ходили 15—20 детей. Среди учащихся они оказались единственными выходцами из обеспеченной семьи.

Другие школьники были детьми бедняков. Конечно, никому и в голову не приходило обижать сына крупного землевладельца и авторитетнейшего человека в округе. Наоборот, дети понимали, что Фиделю, самому маленькому из учеников, приходилось тяжелее всех. Фиделя посадили за первую парту, и он внимательно слушал и запоминал все, что говорила учительница Эуфросия Фелию. Он во всем брал пример со своих старших товарищей, но и не стеснялся заявлять о себе при случае. Эуфросия Фелию часто приходила к Кастро домой, обедала вместе с семьей и хвалила Фиделя. Спустя всего несколько месяцев, благодаря прилежанию и упорству, он стал одним из лучших учеников в классе.

В школе были строгие порядки. Детей часто наказывали за провинность, а злостных нарушителей дисциплины даже ставили на колени, предварительно насыпав на пол зерна кукурузы. Уже в раннем возрасте у Фиделя проявилось обостренное чувство справедливости. Он решительно протестовал, когда учителя чересчур строго наказывали детей из бедных семей, а ему делали поблажки.

Несмотря на то, что Фидель был младше одноклассников, он ничуть не уступал им в выносливости и физической силе. В свободное от учебы и детских забав время Фидель любил играть с четырьмя своими собаками. Любопытно, что одну из них звали Наполеоном.

Уже в детстве Фидель проявлял интерес к военным сражениям. Когда ему было девять лет, он заинтересовался войной в Эфиопии, которую развязали там итальянцы, позже – войной в Испании. Фиделя очень притягивали личности Наполеона и Александра Македонского. В общем, как и многим мальчишкам, ему нравились удачливые полководцы.

Когда Фиделю было 13 лет, он присоединился к небольшому стихийному бунту, который подняли в Биране бедняки. Известный французский публицист и главный редактор журнала «Монд дипломатик» Игнасио Рамонет на основе бесед с Кастро в 2004—2005 годах написал книгу «Сто часов с Фиделем». Он спросил у команданте: «Выходит, что в свое время вы восстали против отца, так как он был сторонником капиталистических ценностей?» Кастро пояснил: «Я не восставал против отца. Это было трудно сделать, так как мой отец был очень добрым и сердечным человеком. Я восстал против власти». «Вы не выносили власть?» – «Чувство неприязни власти появилось, когда мне было шесть–семь лет»[25], – сказал Фидель.

Отвечая на вопрос Рамонета, что еще повлияло на формирование его личности в детстве, Фидель сделал одно

весьма важное признание: «Мне повезло, что я был сыном землевладельца, а не его внуком. В противном случае, я бы уже родился в аристократической семье, где бы меня окружала атмосфера сытости, достатка и благополучия. А я вырос в обстановке, когда меня окружали представители бедноты, моими друзьями были дети из малообеспеченных семей, по линии матери все родственники были так же бедными, как и родственники отца, приехавшие к нам из Галисии. Наверное, на меня особенно повлияло то, что народ, окружавший меня в детстве, был беден и обездолен. Я вспоминаю неграмотных и безработных людей, которые стояли в очередях, чтобы устроиться на работу. И никто не предлагал им ни воды, ни еды. …У многих из них не было даже обуви. Друзья, с которыми я в детстве играл в Биране, в основном были босоногой голытьбой. С ними я всегда делился едой, которую мне давали в доме. Мы вместе бегали на речку, катались на лошади, баловались, кидались камнями, охотились на птиц»[26].

«Я учился в религиозных школах. Так что я не родился в пролетарской колыбели, – рассказывал Фидель участникам конференции „Диалог цивилизаций“ в Гаване в 2005 году. – Если бы я не был сыном землевладельца, я не смог бы учиться, а если бы не смог учиться, тогда у меня не было бы убеждений, у меня не было бы дела, которое надо защищать. Я должен быть благодарен тому обстоятельству, что смог чему–то научиться, не быть политическим неграмотным. Свою политическую неграмотность я ликвидировал сам, потому что научился иметь идеи. Хотя нет, не так – потому что я был сыном, а не внуком землевладельца; мне не довелось вести буржуазную жизнь в аристократическом районе, где из меня сделали бы самого ярого реакционера из всех, когда–либо существовавших в этой стране, поскольку в том или ином направлении я бы не остановился на полпути»[27].

В шесть лет, по инициативе той самой учительницы Эуфросии Фелию, которая приходила обедать в семью Кастро, Фиделя отправили учиться в Сантьяго–де–Куба. Ее отчий дом был в Сантьяго, а на время учебного года она переезжала в Биран. Она убедила родителей Кастро, что умный и смышленый мальчик, поражавший взрослых феноменальной памятью, непременно должен развиваться. Учительницу поддержала мать, донья Лина, которая страстно желала дать своим детям достойное образование.

Обучение в начальной школе, которая больше напоминала «продвинутый детский сад», закончилось. На семейном совете было принято решение отправить в Сантьяго–де–Куба не только

Фиделя, но и дочь Анхел. На содержание каждого из детей дон Анхель выделял по 40 песо в месяц. Позже к ним присоединился Рамон, и теперь отец выделял семье учительницы на пропитание и проживание детей уже 120 песо, что примерно соответствует, по словам самого Кастро, трем тысячам долларов в нынешнем эквиваленте[28].

И сам город (раньше Фидель никогда не выезжал за пределы Бирана), и нравы, царящие в нем, потрясли маленького мальчика. «Меня вырвали из моего мирка, где я жил без всяких материальных забот, и отвезли в город, где начались лишения и голод», – вспоминал об этом периоде детства Фидель Кастро[29].

В то время на Кубе были частыми ночные облавы, которые проводила полиция в поисках активистов из числа студентов и профсоюзных деятелей. Однажды в Сантьяго–де–Куба Фидель стал свидетелем жестокого избиения патрулем военных моряков группы студентов[30].

Поселились Фидель и Анхел у своей учительницы. Она жила вместе с вдовцом–отцом, имевшим гаитянские корни, и двумя сестрами. Одна из ее сестер давала уроки игры на пианино, другая была врачом. Вскоре последняя умерла. Жили эти люди в деревянном доме, в бедном районе Тива–ли. Домик был маленький и обшарпанный. Потолки были в трещинах, и когда начинался дождь, по словам Фиделя, «все ходили мокрыми, и воды было гораздо больше внутри дома, чем на улице». В доме было проведено электричество, но семья из–за недостатка средств была вынуждена использовать керосинки. «Было понятно, что в такой бедности, когда они (другие члены семьи. – *М. М.)* не получали жалованья и старались экономить, на еду оставалось очень мало. Нас там питалось пять человек, а позже шесть, потому что через несколько месяцев приехал мой брат Рамон… На каждого приходилось по горстке риса, фасоли, бататов, бананов и тому подобного. В середине дня покупали обед в судках, которого должно было хватить сначала пятерым, а потом шестерым, на утро и вечер. Тогда я думал, что у меня слишком большой аппетит, еда казалась мне замечательной, а на самом деле я был просто голоден. Да, мне пришлось нелегко»[31], – вспоминал Фидель Кастро.

Правда, не все было так плохо. С балкончика дома, который находился неподалеку от бухты Сантьяго, открывался живописный вид на море и на горы Сьерра–Маэстра. Поблизости на небольшой площади была лавка, где продавали «туррон» – лакомство, похожее на халву с орехами. На другой стороне площади находился большой красивый дом, когда–то принадлежавший местному богачу, арабу Иди. Впоследствии в

этом доме разместилась школа, которую во время диктатуры президента Мачадо заняли военные. В память Фиделя врезалась сцена, когда солдаты избили ни в чем не повинного прохожего. Такие случаи были нередки[32]. К слову, режим Мачадо оказался одним из самых тиранических, какие только знала Куба за всю свою многострадальную историю. Мачадо сам лично «поправил» Конституцию страны, «разрешив себе» переизбрание на новый срок.

Итак, семья, где жил Фидель, была малообеспеченной, экономила на еде. Такие условия были непривычными для ребенка, привыкшего жить в достатке. К тому же в стране во время диктатуры Мачадо в 1931—1932 годах разразился тяжелейший экономический кризис. Впоследствии Фидель признавался, что «впустую потерял эти два года своей жизни». Единственным полезным занятием в то время для него стало самостоятельное изучение таблиц умножения. Сестра учительницы заставляла Фиделя заучивать таблицы сложения, вычитания, умножения и деления, напечатанные на обложке тетради. Это была обычная зубрежка. «Я знал их наизусть, похоже, выучил так крепко, что больше никогда не забыл. Иногда я считаю почти так же быстро, как на компью–тере»[33], – говорил Фидель Кастро.

Однажды в дом учительницы приехал навестить своих детей дон Анхель. Он ужаснулся, увидев детей нестриженными, неухоженными, и это несмотря на то, что родители выплачивали учительнице солидную сумму на их содержание. Оказалось, что учительница тратила эти деньги на личные нужды: на туристическую поездку в США, на новую мебель и пр. Все это вскрылось, когда Фидель с братом и сестрой приехали на каникулы в Биран.

Лучше бы Фидель не знал об этом. Поступок учительницы до глубины души потряс мальчика. Они с Рамоном решили отомстить ей. Залезли на крышу дома, соседствовавшего со школой, и в течение получаса бомбили камнями оцинкованную крышу над кабинетом, где преподавала Эуф–росия Фелию. Кастро невозмутимо признавался, что «сила ударов была такова, что криков испуганной учительницы было практически не слышно»[34].

В итоге мать и отец были вынуждены на время забрать Фиделя домой, но позже он сам и «раскаявшаяся» учительница все же настояли на том, чтобы вернуться в Сантьяго–де–Куба и продолжить учебу. Рамон остался в Биране, так как врачи обнаружили у него астму.

Тем временем на Кубе пала диктатура Мачадо. Временным

президентом страны стал доктор Карлос Мануэль де Сеспедес–Кесада, почти полный однофамилец «отца кубинской нации» Мануэля де Сеспедеса. Однако 4 сентября 1933 года группа молодых солдат и офицеров под руководством сержанта Фульхенсио Батисты и при поддержке студенчества осуществила еще один переворот, который они назвали «революцией», а в народе именовали «заговором сержантов». Отстранив от командования старших офицеров, они свергли президента Сеспедеса. На его место пришел Рамон Грау Сан–Мартин, профессор физиологии Гаванского университета.

Позднее доктор Грау стал основателем Кубинской революционной партии. Но Соединенные Штаты наотрез отказались признать нового президента и правительство, что, в свою очередь, повлекло экономическую катастрофу для Кубы. 80 процентов сахарного экспорта страны приходилось на долю северного соседа, а сахар был основой экономики острова. Уже в начале 1934 года «король кубинских переворотов» и будущий главный враг Фиделя Фульхенсио Батиста добился того, что доктор Грау ушел в отставку, апеллируя к тому, что, пока тот будет оставаться на своем посту, сахарный рынок США будет недоступен для кубинцев. В отличие от Грау новый президент, полковник Карлос Мендьета Монтефур, был сразу же признан американцами. Именно при нем была де–юре отменена поправка Платта. Но это была чистая формальность, так как американцы и без нее практически полностью контролировали все сферы жизнедеятельности острова.

Когда Фиделю Кастро исполнилось семь лет, его определили в первый класс салезианского колледжа «Братьев Ла Саль». (Салезианцы – католический монашеский орден, избравший своим покровителем святого Франциска Сальско–го, который жил в конце XVII – начале XVIII века. Целью ордена являются образование и воспитание детей. Салези–анцы придерживаются принципа, что грех проще не допустить в сердце ребенка, чем его потом искоренять во взрослой жизни.)

Теперь Фидель жил в семье посла Гаити на Кубе, Луиса Ибберта. Рано утром он шел в школу, находившуюся в шести–семи кварталах от дома, затем возвращался, обедал и шел опять в школу учиться во вторую смену. Уже в первом классе Фидель постиг основы религии, катехизис. Несмотря на всю серьезность предметов, учиться Фиделю нравилось, так как он теперь общался с людьми, а не сидел один дома перед тетрадкой с арифметикой.

Консул Гаити женился на сестре Эуфросии Фелию, той, что преподавала игру на фортепиано. Их роман завязался на глазах мальчика, еще когда тот проживал в доме своей учительницы.

Консул взял в свой дом всю семью молодой жены. Вместе с ними переехал туда и Фидель.

Именно гаитянский консул и его жена повели Фиделя крестить в собор Сантьяго–де–Куба, когда тому исполнилось восемь лет. Таким образом, получилась интересная ситуация. Крестным Фиделя «по имени» стал близкий друг дона Анхеля, один из местных богачей, Фидель Пино Сантос, а реальными крестными были консул и его жена. День святого Фиделя приходится на 24 апреля, а Фидель Кастро родился 13 августа, которое считается днем святого Ипполита. «Справедливый случай может помочь получить человеку подходящее имя. Это было единственное справедливое из всего, что я получил в тот период»[35], – говорил впоследствии Фидель Кастро.

Фидель Кастро был в колледже так называемым приходящим учеником – не жил в интернате, как большинство других детей. В новом доме Фидель встретил три Рождества. Он называл этот день «Праздником волхвов».

«По эту сторону Атлантического океана, как во многих других местах мира, дети с нетерпением ожидали каждого 6 января, собирая достаточно травы для верблюдов волхвов. Я сам в течение первых лет моей жизни тоже разделял эти ожидания, прося невозможного у богатых волхвов, будучи во власти тех же иллюзий, что и некоторые соотечественники, ожидающие чудес от нашей напористой и достойной революции»[36], – вспоминал спустя много лет Фидель Кастро.

Он полюбил музыку, которая целый день звучала в доме в исполнении его крестной, но играть на музыкальных инструментах из–за нехватки времени так и не научился, о чем позже сожалел, ведь на каждое Рождество ему дарили новый музыкальный инструмент, причем все время это были корнеты разных моделей. В доме консула его поселили в коридорчике, который выходил на задний двор. По ночам в Сантьяго часто гремели взрывы, и Фидель, тогда еще не знавший, по какой причине это происходит, боялся, что одна из бомб угодит во двор дома или залетит в окно.

Консул требовал от Фиделя беспрекословного послушания, при малейшей провинности наказывал подзатыльниками, грозясь отправить в интернат, где порядки были еще строже. От Фиделя всегда требовалось быть вежливым, говорить только по делу, нельзя было повышать голос. Маленький бунтарь нарочно нарушал дисциплину и провоцировал крестного. Однажды пришел домой и стал нарушать все правила: говорил громко, да еще «неположенные слова». Это был самый первый «мятеж» юного Фиделя Кастро. И он добился своего.

В итоге консул отправил Фиделя в интернат. «Для меня было огромным счастьем жить в интернате, каждый день ходить к морю и чувствовать себя свободным, удить рыбу, плавать, гулять, заниматься спортом, и то же по воскресеньям. Все это меня больше интересовало, больше увлекало»[37],– вспоминал Фидель.

Позже в интернат приехал его брат Рамон, а через пару лет и младший – Рауль. История его появления там необычна. В «Ла Саль» Рауль поступил, когда ему было четыре с половиной года. Он приехал туда с матерью, чтобы навестить старших братьев, и устроил истерику, не желая возвращаться в Биран, – так ему понравилось в школе. Мать вынуждена была пойти навстречу младшему сыну. Его поселили в четырехместной комнате вместе с Рамоном, Фиделем, а также с сыном директора одной иностранной компании. Обычно над Раулем подшучивали другие ученики, и на первых порах за него заступался Рамон, который был старше всех.

Однажды, когда ребята вернулись на каникулы в Биран, Фидель попросил разрешения у родителей «быть ответственным за Рауля» в колледже. Получив отцовское согласие, Фидель стал своеобразным куратором младшего брата.

Помимо гуманитарных наук, к которым с раннего детства тяготел будущий команданте, Фидель проявил большой интерес к спорту. Именно спорт, а не музыка и танцы, стал главным увлечением Кастро в свободное время. В этом отношении он был «нетипичным кубинцем», который может провести день, танцуя и веселясь. Больше всего Фидель Кастро любил играть в футбол, баскетбол и конечно же бейсбол, который благодаря американцам стал самым популярным видом спорта на острове.

Впоследствии, в годы революции, Фидель Кастро будет уделять особое внимание развитию физической культуры и спорта, который считался элитным при прежнем режиме. «Что я действительно знаю – так это число медалей, полученных кубинскими спортсменами; в спорте Куба имеет самое большое число золотых медалей на душу населения, олимпийских медалей всех видов»[38], – говорил он.

Фидель выделялся во всем: и в игре в бейсбол, и в плавании, и в боксерских поединках. Его успехам способствовало то, что он рос на природе и, постоянно находившийся в движении, отличался физическими данными и выносливостью. Фидель по натуре не был задиристым, но, как известно, в подростковой среде драки с целью выяснения, кто прав, а кто виноват, обычное дело. Старшеклассники нередко пытались поставить на место непокорного Фиделя и часто провоцировали его, зная, что парень непременно ответит. Бывало, нападали на него исподтишка.

Тогда Фидель на следующий день отлавливал обидчиков, предпочитая разбираться с ними по–честному. Вступался, если старшие обижали кого–то из младших, горою стоял за Рауля.

Сверстников поражало, что Фидель мог тренироваться до исступления, пока как следует не отработает технику удара или броска. Атмосфера среди подростков в самом колледже была отвратительной. Отпрыски из богатых семей любили бравировать друг перед другом положением и состоянием родителей. Фидель, которому претили высокомерие и бахвальство, всегда уходил от подобных разговоров.

Преподаватели, в свою очередь, относились к воспитанникам в зависимости от «благополучия их родителей». Зная о том, что отец Фиделя является крупным латифундистом, они пытались «подружиться» с братьями Кастро. Однажды Фидель упомянул, что его отец зарабатывает до 300 песо в день. Рауль Кастро вспоминал, что на следующий день отношение к нему и его братьям со стороны директората, учителей, учеников поменялось на 180 градусов: из презрительно–высокомерного превратилось в уважительно–подобострастное[39].

Два раза в неделю учеников вывозили на берег моря, где колледжу принадлежала специальная площадка. Увлечение подводным плаванием и подводной охотой Кастро сохранил на всю жизнь, погружался в глубины даже в преклонном возрасте. А в самом колледже был хороший плавательный бассейн. Во время первого посещения бассейна Фидель сразу решил отличиться. Забрался на самый высокий трамплин и сиганул с него ногами вниз, чем изрядно напугал окружающих. Позже он признавался, что в тот момент даже не подумал о том, что может разбиться. Он с детства не боялся воды, научился плавать еще в Биране. Вместе с детьми из бедных семей братья Кастро часто проводили время на речке.

Однажды тренер по подводному плаванию отстранил двух учеников от тренировки за какой–то проступок. Фидель спросил его: «Вы можете смягчить наказание, если я прыгну с самого высокого трамплина в воду?» Тренер, улыбнувшись, кивнул. Фидель забрался на самый высокий трамплин и прыгнул вниз. Когда Фидель, долго не появлявшийся из воды, показался на поверхности, то утонул в объятиях и овациях одноклассников, а двое наказанных ребят были прощены[40].

Но не все учителя были такими, как тренер по плаванию. Некоторые из них имели обыкновение бить учеников. Сам Фидель впервые столкнулся с подобными методами воспитания. И это повлияло на его учебу. «В первый раз в жизни брат инспектор, следящий за учениками, ударил меня и довольно больно, –

вспоминал Фидель. – Он дал мне две увесистые пощечины, по одной и по другой щеке. Это было недостойно и грубо. Я был, кажется, в третьем классе. Обида затаилась у меня внутри. Позже, уже в пятом классе, он в двух случаях стукнул меня по голове, последний раз я не стерпел, и все окончилось яростной стычкой между инспектором и мною. После этого я решил не возвращаться в школу»[41].

Проучившись в колледже салезианцев четыре года, Фидель перешел в школу «Долорес», принадлежавшую ордену иезуитов, школу более престижную, более высокого класса. Там учились только белые дети из обеспеченных семей. Сначала ему не нашлось места в интернате, и он был вынужден временно проживать в доме еще одного друга своего отца, тоже коммерсанта. Позже Кастро вспоминал, что часто сталкивался с непониманием членов этой семьи. Они не просто приютили мальчика. Отец Фиделя «отстегивал» им на содержание сына сумму отнюдь не меньшую, чем семье биранской учительницы. «Это была чужая семья, они не могли заботиться обо мне, как о своем, и устанавливали порою строгие, иной раз даже произвольные правила, – вспоминал Фидель Кастро. – Например, они не учитывали, что у меня были трудности в прежней школе, <…> не учитывали психологических факторов, того, что мне надо было привыкнуть к новой школе, к новым учителям, к новому заведению, где требования были выше, чем в прежнем, и хотели, чтобы я получал самые лучшие отметки, настаивали на этом, а если я не получал наивысших баллов, они не давали мне еженедельного минимума, а это были десять сентаво на кино, пять сентаво на мороженое после кино в конце недели и пять сентаво по четвергам, чтобы купить комиксы»[42].

Едва начался новый учебный год, Фиделя, которому исполнилось одиннадцать лет, положили в больницу. У мальчика случился острый приступ аппендицита с осложнениями, и ему пришлось пролежать в больнице целых три месяца. В итоге он начал свой учебный год с конца первой четверти.

С шестого класса Фидель стал жить в школьном интернате. В «Долорес» нравы и порядки были построже, чем в колледже «Ла Саль», но ученики имели возможность изучать не только религию. «Ты приобретал там определенные этические нормы, определенные правила, не только нормы религиозные, там ты ощущал влияние в плане человеческом – престиж преподавателей, их мнения, их оценки всего вокруг. Они поощряли занятия спортом, экскурсии в горы, а я как раз любил спорт, экскурсии, походы, подъем в горы, все это очень привлекало меня. В иных случаях я заставлял всю группу ждать

меня по два часа, потому что залезал на гору. Меня за это не бранили, если причиной моего опоздания было нечто, требовавшее больших усилий с моей стороны, они видели в этом доказательство предприимчивого и упорного духа, если дело было рискованным и трудным, они не расхолаживали нас»[43], – рассказывал Фидель Кастро бразильскому священнику брату Бетто.

Гораздо позже Фидель по–другому говорил о годах обучения в колледже: «Я учился в религиозных школах, критиковал и все еще могу критиковать форму, в какой меня учили религии, очень догматически. Люди не рождаются одинаковыми, и у каждого есть свой характер, свой образ мыслей. Я отвергаю все, что мне пытаются навязать или во что меня заставляют верить, не убедив в том, во что меня хотели бы заставить поверить. Так каждый реагирует на свой лад»[44].

В те годы Фидель увлекся альпинизмом. Он нравился ему не только как вид спорта, но и как способ познания природы. Позже он скажет, что, когда видел гору, она словно дразнила его и им овладевала мысль влезть на эту гору, достичь вершины. Фиделя назвали лучшим альпинистом–первопроходцем школы, и это было его первое «почетное звание» в жизни. Он также был признан лучшим спортсменом колледжа.

Но занятия спортом не мешали талантливому парню учиться. Он получал хорошие и отличные оценки на экзаменах. По–прежнему обожал книги, читал до двух–трех часов ночи, украдкой, под одеялом. И конечно же, как и у большинства подростков, доминирующей его потребностью было самоутверждение. Для Фиделя проблемный возраст – с 12 до 15 лет – проходил безболезненно, в первую очередь из–за того, что он пользовался большим уважением учеников школы. Хотя добиться этого было непросто. Его одноклассниками были не простые и доброжелательные дети бедняков, как в родном Биране, а выходцы из богатых семей, точнее не просто из богатых, а из исключительных семей, династий богачей.

В некоторых источниках говорится, что в школе Фиделя называли *loco* (по–испански – сумасшедший). Но не потому, что у него были проблемы с головой и какие–то экстремальные повадки. Просто иногда он решался на такие рискованные и отчаянные поступки, на которые не были способны другие ученики. Потому и говорили о нем не презрительно–высокомерно, а с уважением, мол, глядите, какой необычный парень, то, что сделал Фидель, никому повторить не под силу.

16 июня 2004 года одна из известных западных информационных корпораций Би–би–си выступила с

сенсационным сообщением. Будто бы в 1940 году 14–летний мальчик по имени Фидель Кастро написал письмо президенту США Франклину Рузвельту с просьбой выслать ему на Кубу десятидолларовую банкноту. В те годы, перед Второй мировой войной, американский Белый дом часто получал письма от детей из бедных стран, содержащие какие–нибудь просьбы. «Я никогда не видел зеленую американскую банкноту в 10 долларов, но мне очень хотелось бы, чтобы она у меня была», – рассказывал Фидель. Архивисты, а следом за ними журналисты утверждали, что в письмо был вложен конверт с обратным адресом колледжа «Долорес» в Сантьяго–де–Куба, где Фидель в то время учился. Это письмо затерялось в американских архивах, спустя много лет на него совершенно случайно наткнулся один из исследователей.

Позже в беседе с Игнасио Рамонетом Фидель подтвердил, что действительно в 1939 году направил письмо президенту США Рузвельту. В нем он написал, что изучает английский язык, обычаи американцев, и попросил выслать ему «десятидолларовую зеленую купюру». Канцелярия президента США прислала ему формальный ответ, который тем не менее вывесили на школьном стенде в «Долорес». «Некоторые говорят в шутку, что если бы тогда Рузвельт прислал мне десятидолларовую купюру, то я не создал бы столько проблем для руководства США»[45], – иронизировал Кастро.

В 1942 году Кастро переехал в Гавану, где поступил в иезуитский колледж «Белен». Это была самая сильная иезуитская школа страны, которая после победы революции превратилась в технологический институт. В «Белене», где обучалось около тысячи учеников и из них было около 200 приезжих, Фиделю предстояло провести три года, чтобы завершить обучение в средней школе и подготовиться к поступлению в Гаванский университет. Плата за обучение составляла около 50 долларов в месяц, что было значительно выше прожиточного минимума на Кубе тех лет. Здесь Фидель также быстро выдвинулся в число лучших учеников по всем видам спорта, возглавив «группу разведчиков». Так в то время в «Белене» называли ребят, которые занимались альпинизмом и которым учителя ставили задание исследовать незнакомые горные маршруты и вершины. Позже эти навыки пригодятся Фиделю Кастро во время партизанской войны в горах Сьерра–Маэстра.

Выпускники этого учебного заведения, которое курировалось лично архиепископом Гаваны, как правило, продолжали учебу в столичном университете. Именно здесь формировалась будущая элита Кубы. В «Белене» Фидель не был лучшим учеником, однако в его аттестате были «отличные» и «хорошие» отметки. Причем

Кастро часто получал высшие отметки по самым трудным предметам. Так, например, был единственным учеником, который получил 90 баллов по географии – самую высокую оценку по предмету. Учителя часто приводили его в пример другим детям. В этой школе, а точнее в интернате, где он жил, у Фиделя была своя «ответственная должность». Он отвечал за комнату для самостоятельных занятий, где ученики оставались позаниматься до отбоя.

И в «Долорес», и позже в «Белене» ученикам нужно было каждое утро ходить к мессе. У Фиделя было много друзей среди священников. Один из них, отец Вьеренте, который во время войны в Испании служил санитаром, рассказывал Фиделю, что после войны там расстреливали десятки тысяч людей, и он должен был освидетельствовать их на предмет смерти. Фидель тогда сделал для себя вывод, что весь католический мир в Испании делился на тех, кто был за Республику и против нее, причем последних было немало. Все без исключения преподаватели в «Белене» были националистами, если не сказать прямо франкистами, и много рассказывали детям об ужасах Второй мировой войны, о расстрелянных франкистах и священниках, практически не упоминая об убитых республиканцах и коммунистах в Испании и Европе.

Любопытно, что Фидель Кастро, который слывет непревзойденным оратором современности, не сразу научился красноречию. В «Белене» была литературная академия, но, чтобы туда поступить, надо было говорить подряд 10 минут без бумажки. Тему ученикам давали за час до выступления. В это трудно поверить, но Фидель пробился в число слушателей литературной академии только на четвертый раз. Возможно, именно этот случай, в конце концов, подстегнул будущего главнокомандующего на ораторские подвиги.

Его многочасовые речи в середине повествования подчас производили впечатление потока сознания. Кажется, что Фидель как бы отталкивался от заданной темы и от главного тезиса и пускался в плавание по «водам бессвязного повествования». Но это не так. В конце своего выступления он обязательно возвращался к тезисам, озвученным в начале, и путем неоспоримых фактов многократно усиливал их.

«Патриа о муэрте! Родина или смерть!», «Венсеремос! Мы победим!» – так неизменно заканчивались выступления Кастро. Фидель, как пламенный глашатай революции, использует любимый многими поэтами прием – играть на контрастности, на противоречиях, на извечном противостоянии любви и ненависти, жизни и смерти.

В «Белене» главными спортивными увлечениями Фиделя стали бейсбол и баскетбол. Однажды, приехав на каникулы в родной Биран, он привез с собою несколько баскетбольных мячей, комплекты спортивной формы и умудрился создать из числа сверстников–приятелей настоящую баскетбольную команду! На последнем году обучения в «Белене» Фидель был включен в сборную команду всех колледжей Кубы, которая носила громкое название «Звезды баскетбола».

В то время на Кубе курс среднего обучения составлял тринадцать лет. По его окончании, в 19 лет, Фидель Кастро получил в «Белене» следующую характеристику: «Отличался во всех дисциплинах. Его успехи блестящи. Великолепный атлет, всегда мужественно и с гордостью защищал честь колледжа на соревнованиях. Сумел завоевать любовь и восхищение своих товарищей. Он намерен изучать юриспруденцию, и мы не сомневаемся, что он заполнит блестящими страницами книгу своей жизни. Фидель – это великолепный материал, а художник для работы с таким материалом обязательно найдется»[46].

Подводя итоги детско–юношеского периода жизни будущего кубинского лидера, можно сделать главный вывод. Сначала в салезианском, а затем в двух иезуитских колледжах Фиделю Кастро привили умение находить выход из сложных ситуаций и дали необходимые знания для поступления на юридический факультет Гаванского университета. Именно в эти годы сформировались такие качества будущего команданте эн хэфэ, которые с блеском проявятся в будущем: несокрушимая вера в успех своего дела и обостренное чувство справедливости.

Глава третья
ДОН КИХОТ ИЗ ГАВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гаванский университет был не только кузницей кадров для политической и экономической элиты Кубы. С середины 1920–х годов в условиях резкого «закручивания гаек» и политических репрессий он стал своеобразным островком вольнодумства и свободолюбия. Но считать всех студентов тогдашнего главного учебного заведения Кубы диссидентами и радикалами было бы неверно. В Гаванском университете учились отпрыски богачей и людей состоятельных, как, например, отец Фиделя. Ведь за обучение надо было платить большие деньги. Для детей рабочих и крестьян не то что высшее, среднее образование было недоступно.

Гаванский университет является одним из старейших вузов Западного полушария. Он был основан в 1728 году по указу папы Иннокентия XV как Королевский католический университет святого Иеронима. В 1842 году был реорганизован и переименован в Королевский университет гуманитарных наук. В 1871 году университет закрылся. А в 1883 году, когда был построен комплекс университетских зданий, открылся вновь и получил название Гаванского университета. К моменту окончания испанского владычества на Кубе, в 1898 году, университет имел пять факультетов: естественных наук, фармацевтический, медицинский, философии и литературы, права. В 1930 году, из–за политических волнений на Кубе и участия в них студентов, университет, по распоряжению тогдашнего кубинского диктатора Мачадо, закрылся опять – на этот раз на три года.

Когда в Гаванский университет поступил Фидель Кастро, там было одиннадцать факультетов: философии и литературы, сельскохозяйственный, с особым уклоном на «обучение переработке сахарного тростника», строительный, архитектурный, медицинский, фармацевтический, одонтологии, ветеринарный, естественных наук, педагогический, государственного права. На этот факультет, также именуемый юридическим, и поступил 19–летний Фидель Кастро осенью 1945 года.

Студенты именно юридического факультета слыли самыми продвинутыми и прогрессивно мыслящими молодыми кубинцами, готовыми противостоять режиму политических

репрессий в стране.

В 1922 году в Гаванском университете произошли первые волнения. Во время студенческой конференции выступавшие, среди которых выделялся девятнадцатилетний Хулио Антонио Мелья, говорили о необходимости реформы образования и предоставлении университету автономии от правительства, об обострившихся на Кубе социальных проблемах. Основной лейтмотив их речей сводился к тому, что причиной всех бед и проблем в стране является политический строй – фактическая диктатура, поддерживаемая неоколонизаторами. Многие преподаватели разделяли тревоги студентов. Один из профессоров прямо заявил, что «студенческие волнения – это следствие коррупции и мошенничества за стенами университета». Окружение тогдашнего президента Кубы Альфреда Сайаса–Альфонсо решило принять меры против смутьянов.

Студенты, узнав, что их альма–матер могут закрыть, соорудили баррикады у входа в комплекс университетских зданий. Отряды полиции готовились к штурму. Однако в последний момент, во многом благодаря упорству студентов и преподавателей, не желавших покидать университет, правительство Кубы пошло на компромисс. Оно предложило администрации университета начать переговоры со студентами с тем, чтобы удовлетворить их требования. А кубинские конгрессмены приступили к подготовке законопроекта о предоставлении Гаванскому университету автономии.

Однако это был отвлекающий маневр властей. Когда студенческие волнения стихли, а конфликтующие стороны уже были готовы сесть за стол переговоров, на пост ректора университета был назначен Хосе Антолин дель Куэто. Он имел репутацию «человека властей» и был известен своими консервативными взглядами. Узнав об этом назначении, студенты собрались на митинг и потребовали немедленной отставки Антолина дель Куэто. «Хулио Антонио Мелья – в ректоры!» – скандировали молодые люди.

Правительство в ответ предложило создать комиссию из преподавателей и студентов, которая должна была бы подготовить предложения по реформированию к концу учебного года. На самом деле правительство хотело отвлечь студентов от участия в политической борьбе. Дело в том, что на одном из стихийных митингов они выдвинули совершенно не «студенческие требования», приняли резолюцию с резким осуждением политики США по отношению к Кубе и другим странам Латинской Америки, территория которых или ее часть (Пуэрто–Рико, Мексика, Панама) была фактически оккупирована

или захвачена Соединенными Штатами. После митинга лидер студенческих активистов Хулио Антонио Мелья был жестоко избит полицией. Позже он сказал журналистам: «Народ Кубы, видимо, понял смысл нашей социальной системы, которая обращается с гражданами как с рабами или рабочим скотом».

Мелья предложил созвать в октябре 1923 года первый конгресс студентов Кубы. На нем присутствовало 128 делегатов от 53 учебных заведений, а председательствовал на собрании 19–летний Мелья. Опасения правительства подтвердились. Разговор на конгрессе вышел за рамки обсуждения вопросов административной реформы вуза. Студенты все резче критиковали сложившийся в стране режим, приняли несколько резолюций, в частности, осуждающие поправку Платта, «существующий на Кубе международный капитализм». А настоящий взрыв негодования властей вызвала резолюция, в которой содержалось требование признать… «Социалистическую республику Соединенных штатов России». Кубинские студенты хотя и не смогли дать точного определения далекой страны из Восточного полушария, но были наслышаны о тех переменах, которые происходили в большевистской России. Тогда власти объявили о роспуске конгресса.

Но не зря в первых рядах активистов студенческого движения были именно юристы. Они создали комиссию, которая доказала, что декрет президента страны о роспуске вузовского конгресса и запрете на проведение публичных мероприятий является неконституционным и студенческое собрание вправе продолжить свою работу. Впоследствии Фидель Кастро, будучи сам студентом факультета права Гаванского университета, путем умело выстроенной юридической защиты, будет неоднократно «разбивать» неконституционные и противоречащие законодательству «доводы» приспешников Батисты как в статьях, так и в публичных выступлениях.

Хулио Антонио Мелья и Фиделя Кастро объединяла не только учеба на факультете права, но и любовь к национальному герою Кубы Хосе Марти. На том самом первом студенческом конгрессе Мелья предложил создать Народный университет имени Хосе Марти, который должен был стать центром вечернего обучения малообразованных рабочих. Мелья стоял у истоков создания в 1925 году Коммунистической партии Кубы. Вместе с единомышленниками он издавал журнал «Хувентуд» («Молодежь»), где печатались статьи леворадикального толка. После опубликования своей статьи «Мачадо – тропический Муссолини» о вступлении Херардо Мачадо в должность президента Кубы Мелья был вынужден эмигрировать в Мексику,

где в качестве юриста Национальной крестьянской лиги отстаивал интересы крестьян, выступавших за проведение аграрной реформы, разоблачал диктаторский режим Херардо Мачадо на Кубе. Мелья создал в Мексике Ассоциацию новых революционных кубинских эмигрантов, издавал газету «Свободная Куба», вынашивая, как Хосе Марти, идею вооруженного свержения режима Мачадо.

То, что не удалось ни Марти, ни Мелья, убитому в возрасте 26 лет в Мехико 10 января 1929 года двумя агентами мачадовской полиции, осуществит Фидель Кастро. Спустя менее чем три десятилетия он начнет борьбу с новым, еще более жестоким диктаторским режимом.

В ноябре 2005 года ЦРУ, на основании анализа телевизионных записей и консультаций с американскими светилами медицины, подготовит секретный доклад. В нем утверждается, что уже на протяжении нескольких лет Фидель страдает тяжелой формой болезни Паркинсона. Спустя несколько дней, после утечки информации из ЦРУ в американские СМИ, Фидель Кастро придет в альма–матер. В Гаванском университете 17 ноября 2005 года в полном разгаре торжества по случаю 60–летия поступления в этот вуз Фиделя. Команданте поднимается на сцену в главной аудитории и в течение пяти часов без перерыва, стоя (!), выступает перед преподавателями и студентами. Он много шутит по поводу своей «тяжелой болезни». Иронизирует над теми, кто думает, что после его смерти кубинская революция закончится.

Обстановка на Кубе первых послевоенных лет ничуть не отличалась от времен, когда в стенах Гаванского университета начались волнения молодежи под руководством Хулио Антонио Мелья. В 1944 году покинул Кубу и уехал в США, в Майами, где он окончательно сблизился с американской мафией, правивший на острове с 1940 года лидер «заговора сержантов» 1933 года Фульхенсио Батиста[47]. Согласно новой Конституции Кубы 1940 года, он мог выдвинуть свою кандидатуру на выборах президента страны лишь через восемь лет. Именно Батиста станет главным врагом Фиделя в 1950–е годы, установив поистине беспросветный для простого человека режим. Но об этом речь позже.

В 1944 году на очередной президентский срок на Кубе был совершенно неожиданно для многих избран бывший союзник, а теперь лидер оппозиции Батисте, профессор медицинских наук Гаванского университета Рамон Грау Сан–Мартин. Он победил сторонника Батисты, тогдашнего кубинского премьер–министра Карлоса Саладригаса. Саладригас был особенно непопулярен среди женщин, так как, в бытность премьер–министром, он, чтобы

расстаться с не дававшей ему развода надоедливой женой, провел в парламенте «Закон об одностороннем разводе на Кубе». Вот какая характеристика Саладригасу давалась в разведывательном сообщении, посланном из Гаваны в Москву в конце 1943 года: «На сегодня есть один кандидат – член демократической партии Салад–ригас. Ему оказывают поддержку все группы, являющиеся сторонниками Батисты. Братская компартия также решила отдать все свои голоса ему, предупредив его о том, что он будет неуклонно проводить в жизнь конституцию страны.

Саладригас является ближайшим соратником Батисты и находится под полным его влиянием. Считают, что вся его работа, если он будет президентом, будет проходить под руководством Батисты, который сохранит за собой руководство вооруженными силами.

О Батисте следует сказать, что он пользуется большой популярностью своими демократическими действиями. Хотя его демократические действия не помешали ему «скопить» за три года 20 миллионов долларов чистенького капитальца за счет казны»[48].

Накануне выборов правительство Саладригаса допустило глупейшую и грубейшую ошибку. Аккурат перед голосованием оно, по неизвестной причине, прекратило снабжать население продовольствием – мясом, молоком, маслом. В итоге Карлос Саладригас вчистую проиграл эту схватку популисту Грау Сан–Мартину, который шел на свои вторые в карьере выборы президента под лозунгом «Куба для кубинцев». Батиста, который в день выборов заявил: «Народ, я с вами и в любую минуту готов к вашим услугам», не помешал избранию Грау, потому что хотел создать себе славу человека, обеспечившего «свободные выборы». Действительно, и Грау, и американская пресса назвали эти выборы 1944 года «самыми честными и справедливыми в истории Кубы». Во время инаугурации 4 июня 1944 года Грау заявил, что его основная задача – борьба против коммунизма. Это вызвало волну возмущения в стране, и Грау сменил тон выступлений, обещая добиваться прежде всего национального единения.

Грау Сан–Мартин и Батиста были злейшими врагами. Именно из–за «заговора сержантов», возглавляемого бывшим сержантом–стенографистом Батистой, Грау был вынужден уйти со своего поста в 1933 году. Теперь он взял реванш и вроде бы получил сатисфакцию. Тем не менее до Грау доходили разговоры о том, что в высших военных кругах Кубы готовится переворот, цель которого снова объявить военную диктатуру, убрать Грау и провести на новых выборах в президенты Батисту. В июне был снят с поста начальника полиции и генерального инспектора

армии и выслан в Майами генерал Мануэль Бенитес. Официальная версия гласила, что Бенитес замышлял переворот с целью объявить себя президентом Кубы. Между тем неофициально получила распространение версия о том, что Бенитес готовил этот переворот для Батисты, личным другом которого он являлся много лет.

Физиолог Грау Сан–Мартин был основателем и лидером так называемых «аутентиков» – Кубинской революционной партии (КРП). В 1944 году ему удалось сыграть на чувствах электората, уставшего от власти военных, и понравиться избирателям прежде всего хорошо поставленной речью и манерами. Однако вскоре кубинцы поняли, что к власти пришел обычный демагог. В декабре 1944 года в донесении советской резидентуры в Гаване отмечалось следующее: «Правительству Грау грозит политический кризис, признаки которого усиливаются. После Мачадо Куба не знала столь реакционного правительства, как кабинет Грау. Становится ясно, что президент не в состоянии выполнить обещаний, которые он дал народу в период выборной кампании. Действительность разоблачает всю демагогию граусистов. Вместо улучшения экономического положения наблюдаются перебои в снабжении хлебом, углем и другими продуктами, повышается квартирная плата. Грау уволил с постов в правительстве ряд известных деловых людей. Аутентики (члены партии Грау. – *М. М.)* сотнями просят о назначении на пост шефа не менее <…> Среди членов правительства наблюдаются страх и растерянность <…> Часть военных бежала в Мексику, где они якобы будут ждать приезда Батисты»[49].

Первые два года президентства Грау прошли под знаком его политической борьбы с парламентом, большинство в котором пока что составляли сторонники прежнего президента. И лишь в 1946 году «аутентики» получили большинство мест в обеих палатах парламента.

Грау оказался слабовольным политиком – зависимым от американцев и бессильным перед мафиозными группировками, рвавшимися во власть. Именно при Грау Сан–Мартине на Кубе начали процветать казино и бордели, коррупция и подкуп пронизали все общество. Уровень казнокрадства и расхищения превысил все мыслимые размеры. Удивительно, что на этом фоне из года в год экономика Кубы набирала темпы. Но объясняется это во многом тем, что в 1940–х годах под контролем американских компаний оказалась вся горнодобывающая промышленность Кубы, все предприятия по выработке электроэнергии, средства коммуникации и три четверти предприятий сахарной отрасли. Не меньшую роль в этом сыграло

и то, что именно в эти годы янки «обрушили» на Кубу целый вал капиталовложений, фактически парализовав самостоятельное развитие экономики этой страны. Фидель как–то метко заметил, что на Кубе тех лет существовала еще одна религия – религия уважения и благодарности по отношению к Соединенным Штатам.

«Чистка государственного аппарата» по Грау свелась к избавлению от большей части военных, сторонников Батисты. Но самое главное состояло в том, что с началом холодной войны и охоты на ведьм в США на Кубе, следовавшей в «американском фарватере», начались нападки на инакомыслящих, левых и особенно коммунистов. Слово «коммунист» стало самым страшным ярлыком и ругательством в кубинском политическом лексиконе тех лет. Социалисты и коммунисты на Кубе во второй половине 1940–х годов, несмотря на то, что сумели укрепиться в рабочем движении, были фактически изолированы от общества. Официальная пропаганда представляла их чуть ли не главными врагами человечества и религии.

После окончания Второй мировой войны вслед за США и Великобританией резко изменило свое отношение к СССР и кубинское правительство. С антисоветскими заявлениями стали выступать видные государственные деятели Кубы. А в разгар холодной войны на Кубе по отношению к Советскому Союзу был совершен ряд провокационных актов. В январе 1947 года в одном из залов фотовыставки «Москва – столица СССР» некий Гонсалес пытался подложить бомбу, но был задержан. 21 августа 1947 года неизвестные попытались бросить бомбу в здание советской миссии на Кубе, но она разорвалась на каменной ограде миссии. 20 апреля 1948 года неизвестные лица с проезжавшей машины обстреляли здание советской миссии. 17 августа того же года во двор миссии была брошена бутылка с зажигательной смесью, вызвавшая пожар на веранде здания. Когда сотрудники миссии пытались потушить пожар, они подверглись обстрелу. Несмотря на неоднократные протесты советского дипломатического представительства, никаких мер для наказания виновных кубинскими властями не принималось.

На Кубе, как и в США, и в западноевропейских странах, началась так называемая «охота на ведьм», то есть на граждан, имевших левые взгляды. Вот что сообщал об этом в 1945 году источник советской разведки в Москву: «<…>сек–ретная служба американского посольства на Кубе наняла к себе на службу известного кубинского криминалиста и совместно с ним составляет списки на всех членов и лиц сочувствующих братской (кубинской компартии. – *М. М.)*. Предполагается, что такая

работа проводится во всех странах Южной Америки»[50].

Возглавляемая новым президентом Кубинская революционная партия стала отступать от революционных идеалов. К парламентским и президентским выборам 1948 года в КРП произойдет раскол, и из ее рядов выйдет группа во главе с популярным в народе сенатором Эдуардо («Эдди») Чибасом, так называемые «ортодоксы». Они создадут Партию кубинского народа (ПКН), в ряды которой позже вступит и Фидель Кастро.

На первом курсе университета Кастро был избран в руководящий комитет студенческой организации факультета государственного права. В 1946 году он получил 181 голос «за» и 33 «против» на выборах в состав студенческого актива. А вскоре он стал старостой курса.

Укреплению его личного авторитета среди студентов способствовали не только врожденные качества лидера, невероятная энергичность, неподражаемое красноречие и эрудиция (книги он буквально поглощал), но и великолепные данные. Правда, некоторые высокомерные студенты называли его гуахиро – крестьянин, потому что он был выходцем из Бирана.

Фидель стал членом баскетбольной и бейсбольной команд факультета, а потом и всего университета. В бейсбольной команде Фиделя определили на ответственную позицию питчера – подающего. Питчер должен бросить мяч в сторону своего принимающего так, чтобы соперник не отбил его по пути своей битой. Вот почему эту роль отдают игроку мыслящему и нестандартному, который способен угадать, уловить действие отбивающего соперника. Идеальный игрок на этой позиции должен иметь рост больше 180 сантиметров и сильные руки. Все эти качества снискали Фиделю внимание представительниц слабого пола.

И хотя его мятежный, бунтарский дух еще не «обрел пристанища» – политическое мировоззрение еще не сформировалось, уже в первые месяцы учебы в университете определились его идеологические пристрастия. «Если в тебе есть черты бунтаря, если у тебя есть определенные этические нормы и ты обнаруживаешь идеи, которые тебе все прояснят – как те, что помогли мне понять мир и общество, в котором я жил, которое видел вокруг, – как не ощутить воздействия настоящего политического откровения»[51], – позже говорил он о годах своей молодости.

Именно в университете началась эволюция взглядов Фиделя, которая будет продолжаться на протяжении всей его жизни, вплоть до зрелого возраста. Когда он поднимет свое первое восстание, а позже станет во главе новой революционной Кубы,

когда будет ломать устои старого неправедного общества и учить свой народ жить по справедливости. Когда после распада СССР Куба останется фактически один на один с окружающим миром.

Таким образом, если главный нравственный выбор Фиделя Кастро – борьба с любой формой несправедливости и унижения человека – был сделан им еще в школьные годы, то во время обучения в Гаванском университете он сделал свой мировоззренческий и политический выбор. Происходило это по мере знакомства с марксистской литературой. Именно она объяснила Фиделю Кастро многие процессы, происходящие в обществе. «Довольно быстро я стал превращаться в человека, которого называли утопичным коммунистом, – рассказывал Кастро. – И именно в этом университете я стал революционером, так как мне попались соответствующие книги. Но даже до их прочтения я интересовался капиталистической экономикой, и она мне казалась иррациональной. На первом курсе моим преподавателем по экономике был профессор Портель. Он был очень требовательным и заставлял нас учить именно его предмет. Мне повезло. На устном экзамене я ответил без запинки и получил довольно высокую квалификацию по предмету политическая экономия. Чем больше я занимался политической экономией, изучая капитализм, тем больше у меня возникали сомнения в правильности его сущности»[52].

На самом деле строгий «буржуазный» преподаватель Портель оказал неоценимую услугу делу революции. Когда Кастро познакомился с основами политэкономии, марксистским учением, он начал вырабатывать собственные идеи по изменению общества.

«Это была такая политическая экономия, которая преподавалась молодежи от буржуазии, – рассказывал Кастро. – Уже тогда я стал задавать себе много вопросов. Я сам по себе своим умом пришел к заключению, что капиталистическая экономика была абсурдной. Еще до моего знакомства с материалами марксизма–ленинизма я превратился в утопического коммуниста, такого человека, который не является частью какого–то социального или политического движения, но которому кажутся несправедливыми: неравенство, нищета, непреодолимые противоречия между обществом и развитием. Для осмысления моего политического кредо мне очень помогла моя собственная жизнь, которую я уже прожил к тому времени, и жизнь других, окружавшая меня. Когда мне говорили о кризисе перепроизводства, безработице и других проблемах, я сразу понимал, что эта система неспособна решить данные проблемы <… >

Одним из первых материалов Маркса, которые я прочитал, был «Коммунистический манифест». На меня он произвел большое впечатление. Я начал понимать и находить объяснение многим вещам. Ведь я родился в семье землевладельца, меня окружали другие землевладельцы. Позже я испытал на собственной шкуре, что такое империализм, угнетение, коррупция, репрессивные правительства»[53].

Здесь необходимо сделать одно весьма важное уточнение. Фидель, приезжая в родной Биран на каникулы и, кстати, привозя туда из Гаваны мячи и комплекты спортивной формы, купленные на свои деньги для бедных друзей детства, попадал в «капиталистическое» имение отца, где, образно говоря, на практике мог проверять истинность марксистской теории. Именно в Биране впервые и произошел у Фиделя своеобразный внутренний конфликт – между семейными привязанностями и формирующимся мировоззрением. Безусловно, почти все бедняки в Биране искренне любили дона Анхеля и его сына Фиделя, потому что они никогда не отказывали обездоленным. Но в соседних землевладениях, принадлежавших североамериканским компаниям, социальные проблемы рабочих и тем более их личные просьбы о помощи не принимались во внимание. Фиделя тяготы беспросветного существования бедных, а не семейные проблемы волновали с каждым годом все больше.

После победы революции Фидель назовет умершего к тому времени отца «эксплуататором и землевладельцем». Показательно передаст одним из первых в государственное пользование имение в Биране. Остается догадываться, как бы отреагировал на это сам Анхель Кастро Архиз, которому Фидель всецело обязан возможностью получить образование в колледжах и Гаванском университете и, по логике вещей, революционным мировоззрением.

Некоторые авторы приклеивают к Фиделю ярлык ярого коммуниста. Складывается впечатление, что коммунистом тот чуть ли не родился и уже с детских лет боролся с «эксплуатацией и буржуазией». Между тем первый съезд кубинской компартии, на котором Кастро стал ее генеральным секретарем, состоялся лишь в 1975 году, спустя целых шестнадцать лет после победы кубинской революции. А сам он впервые признался, что имеет коммунистические убеждения, только в ноябре 1960 года – до этого его политическая ориентация оставалась загадкой даже для соратников.

Точнее будет сказать, что он всегда был бунтарем. А каждое из проявлений бунтарства – антиколониализм, коммунистические убеждения, ярко выраженный антиамериканизм – выходило на

первый план в разные периоды жизни.

Вспоминая о своих студенческих годах, Кастро не случайно уточняет, что в то время он был «утопичным коммунистом». «Утопичность» мировоззрения Фиделя заключалась в том, что он ненавидел любую, в том числе социальную, форму несправедливости. Но у него не было «марксистского» понимания того, как с ней бороться.

«Коммунистический манифест» Маркса понравился ему не из–за своей «агитационности или идейности», а, как он сам говорил позже, «в силу простоты, ясности, той прямой формы, в которой дается объяснение нашего мира и нашего общества»[54].

«Несмотря на имеющиеся амбиции и тщеславие, которые мы должны проявлять во время нашей революционной жизни, мы всегда должны не забывать, что находимся на постоянном боевом дежурстве. И я принял данную этику, ибо руководствоваться этическими ценностями – это очень важно. От Маркса – мы получили концепцию того, что из себя представляет человеческое общество. Маркс нам показал, каким было общество и историю его развития. Без Маркса вы не можете привести никакой аргумент, который бы смог обосновать исторические события, а также тенденции развития человечества, процесса, который еще не завершился в обществе <…> Если бы Христофор Колумб не имел компаса, то он бы никуда не приплыл. И у меня был компас, который я нашел в мыслях и идеях Маркса и Ленина, а также этика, которую я встретил в идеях Марти»[55], – объяснял истоки своего мировоззрения лидер кубинской революции.

Итак, марксистские труды показали Кастро путь, по которому, по его мнению, должно идти общество. Он нашел в них теоретическое объяснение многим скрытым социальным и экономическим процессам. У Маркса же он научился главному практическому революционному постулату «первый этап революции – это взять власть», который с блеском воплотит в жизнь на стыке 1958—1959 годов. Марти и Маркс повлияли на его решение перейти от теории к практике. (Правда, произошло это лишь со второй попытки. Как известно, победе революции предшествовал неудачный штурм Монкады.)

«В то время когда я должен был перейти в университете со второго курса на третий, у меня было много идей, я был антиимпериалистом и антиколониалистом, – вспоминал Фидель Кастро, – я выступал за доминиканскую демократию, независимость Пуэрто–Рико, возвращение Панамского канала панамцам, возвращение Мальвинских островов Аргентине, ликвидацию европейских колоний в Латинской Америке, таковы были мои знамена. Да, но то не было еще социалистическое

знамя»[56].

Фидель считал себя плохим студентом. Ему больше нравилось болтать со сверстниками в парке, читать книги, спорить на разные интересные темы. Его часто видели на университетской площади Каденас в компании других студентов. Говорили, что Фиделя было почти невозможно переспорить. Более того, часто он начинал «дискутировать» с тезисами, которые сам же и выдвигал! Сила его убеждения была такой, что студенты мгновенно попадали под его влияние и слушали его буквально с открытыми ртами. Фидель, уже после победы революции, на одной из встреч с трудящимися честно признавался, что в те годы студентов больше интересовала «стихия улицы», чем сама учеба. «На этой площади Каденас я провел пять лет, а на занятия почти не ходил, – вспоминал Фидель Кастро. – Перед экзаменами занимался три–четыре дня и сдавал предметы, как это делали все. Таковы были экзамены, и я думаю, что никто серьезно не готовился к тому, чтобы стать хорошим специалистом»[57].

В личном деле Фиделя Кастро, найденном в Гаванском университете после революции, есть пометка куратора из администрации вуза: «Был постоянным возбудителем и агитатором студенческой массы»[58].

На третьем курсе Кастро уже не мог быть студенческим старостой, потому что выбрал свободное посещение лекций и редко бывал в университете, предпочитая самообразовываться по книгам. Это также означало, что он мог сам выбирать, какие предметы сдавать. Таких предметов у Фиделя набралось целых пятьдесят! Успешная сдача их была необходима Кастро для получения, кроме диплома и степени доктора по административному праву, также степени лицензиата по дипломатическому праву и доктора социальных наук. Те, кто успешно сдавали эти предметы, имели возможность получить «бекарио» – грант на продолжение учебы в Европе или в США. Когда Фидель понял, что сможет получить «бекарио», он начал посвящать учебе 15—16 часов в сутки. «Я завтракал, обедал и ужинал с учебником, не отрывая взгляда от книги»[59], – рассказывал он. Ему оставалось сдать только два предмета из пятидесяти, чтобы получить грант. «Но нетерпение и реальная ситуация подтолкнули меня к тому, чтобы начать действовать, – признавался Фидель годы спустя. – <…>Уже достаточно хорошо вооруженный главными, основными идеями и революционной концепцией, я решаю применить их на практике»[60].

Как уже говорилось, в Гаванском университете учились отпрыски богачей, и потому студентов с левыми, прогрессивными

убеждениями было немного. В 1945 году – не больше 50 человек. К тому же, когда на Кубе в самом разгаре была «охота на ведьм», прогрессивные студенты объявлялись «коммунистами» и рисковали быть отчисленными из университета и стать безработными. Левые идеи, безусловно, привлекали молодежь, но о том, чтобы бороться за радикальное изменение общества, речи не шло.

Университетский друг Фиделя Кастро Альфредо Гевара, который в те годы возглавлял студенческую организацию факультета социальных наук, рассказывал: «Фидель был искателем справедливости. Это был юноша очень умный, с чистым сердцем, чрезвычайно добрый, но заряженный такой жаждой деятельности, что из него мог получиться второй Хосе Марти. Но не дай бог, если этот сгусток энергии выйдет из–под контроля»[61].

В то время перед ним стояла дилемма: продолжить ли учебу в университете, или уйти из него. «Я продолжал оставаться в университете потому, что отец посылал мне сто песо каждый месяц для поддержания моего пребывания в Гаване, – рассказывал Фидель. – Я часто оставался без гроша в кармане и, несмотря на получаемые сто песо, жил очень неважно, потому что жил я в пансионе, и спали мы в одной комнате вчетвером, и зажженный свет не давал никому спать. Было много шума и суматохи, питание было тоже неважное»[62].

Первое «боевое крещение» произошло уже через несколько месяцев после поступления Фиделя в университет. Ему предстояли выборы в Федерацию университетских студентов, ту самую, которую создал национальный герой Хулио Антонио Мелья. Кандидатуру Кастро, не принадлежавшего в то время ни к какой партии, выдвинул студенческий союз «Католическое действие». К середине 1940–х годов когда–то независимая и вольнодумная федерация студентов забюрократизировалась, стала подконтрольной университетской администрации и правительству. На выборах Фиделю противостоял кандидат, поддержанный администрацией университета. «Я рисковал столкнуться с мафией, которая правила в университете, – рассказывал Фидель Кастро Иг–насио Рамонету. – Мне угрожали физически и „прессовали“ морально. Все кончилось тем, что, когда я был на втором курсе школы права, как раз накануне выборов, эта мафия, после многочисленных предупреждений, сделала очень сильный ход – мне запретили появляться в школе права, дорога туда мне была закрыта. Я плакал, даже ушел на пляж, чтобы успокоиться и прийти в себя, зарылся в песок, из моих глаз текли слезы. Я понял, что противостою всем властям, и

мои противники были сильны, вооружены, пользовались поддержкой коррумпированного правительства Грау. Единственным светлым моментом в этой истории была моральная поддержка моих сторонников. Я решил вернуться, чтобы дать последний бой тем, кто противостоял мне»[63].

Атмосферу вокруг выборов иллюстрируют воспоминания студенческого друга Фиделя, выходца из семьи русских эмигрантов Алексиса де Бернарда Куракина: «В 1946 году я был слушателем Гаванского университета. И мне передали, что со мной хочет переговорить Фидель. Я и еще один мой товарищ встретились с Фиделем в кафе, что находится под факультетом права. Проговорили полтора часа. Он просил нас поддержать его кандидатуру в борьбе за пост лидера Федерации студенческой молодежи. Говорил, что надо оздоровить общество и начать с университета. Мне было тогда 18 лет, ему 20.

И он меня поразил. «О чем он говорит?» – думал я тогда. Для многих учащихся студенческая борьба была своего рода авантюрой, приключением. Они были не прочь поучаствовать в потасовках, забросать камнями полицию. Кастро воспринимал эти действия как политические акции.

«Он сумасшедший, – сказал после встречи мой друг. – Его убьют». Но мы решили поддержать его, потому что он нам показался честным человеком. И мы «бросили камни» – проголосовали за него. За это нас исключили из университета, и отец послал меня учиться в Штаты, в Беркли»[64].

Атмосфера вокруг Фиделя Кастро, который все же решил участвовать в выборах, была настолько тревожной, что один знакомый одолжил ему для самообороны браунинг на 15 патронов. Из такого типа оружия Фиделю уже доводилось стрелять. Он был обучен стрельбе с детства, пользовался арсеналом отца, даже иногда не спрашивая у него на то разрешения. Несколько раз Фидель в Биране лично отстреливал диких животных, которые пытались напасть на принадлежавшие его семье стада. У него была своя полуавтоматическая винтовка на четыре заряда. Фидель научился выпускать эту обойму за две секунды.

К счастью, во время учебы ему не пришлось воспользоваться браунингом. Но противостояние на выборах было первым настоящим актом его борьбы с правительством и государственной властью. Фидель неоднократно рисковал быть арестованным полицией за незаконное ношение оружия. Однажды он даже пришел в университет в компании с пятью вооруженными друзьями. Им повезло, что на их пути не встретились многочисленные стукачи и доносчики, которые вполне могли

сдать их администрации и полиции. Вообще, гангстерская атмосфера того времени сказывалась и на гаванских студентах. Многие из них, подражая американским мафиози, ходили в черных костюмах и широкополых шляпах, бравируя при удобном случае оружием. Но Фидель и его товарищи носили оружие не для бравады, а в целях самообороны, что называется, «для защиты убеждений».

Неудачно закончившиеся выборы в Федерацию университетских студентов, когда Фидель впервые столкнулся с подтасовками и кознями администрации, стали решающим моментом в формировании революционных взглядов будущего кубинского лидера. Он понял, что в одиночку не сможет бороться с «ветряными мельницами». Впоследствии Фидель так говорил об этом периоде жизни: «Я был Дон Кихотом университета, и мне всегда доставалось на орехи. То, что я пережил в университете, имеет большую ценность, нежели мой опыт, приобретенный в Сьерра–Маэстра»[65].

Теперь его окончательно увлекает уличная стихия: он принимает активное участие в громких политических акциях обличителей режима на Кубе. Его «берут на карандаш» в администрации университета и в полиции. Поводом для этого послужило его публичное выступление на митинге 27 ноября 1946 года, посвященном 75–й годовщине казни студентов Гаванского университета. Осенью 1871 года по приказу испанских колониальных властей за участие в акциях протеста против них были расстреляны семь студентов–медиков. Фидель Кастро в своем выступлении отдал дань памяти своим предшественникам, а потом обрушился с резкой критикой на правительство Грау, которое, по его убеждению, «довело народ до голода и нищеты и забыло о своих предвыборных обещаниях».

Смелая речь 20–летнего студента произвела настолько сильное впечатление на присутствующих, что отрывки из нее процитировали некоторые кубинские газеты. Именно тогда Фидель Кастро понял, что прямое и страстное обращение к людям является наиболее эффективным средством воздействия на них.

В январе 1947 года он входит в состав специальной комиссии университетских студентов, которая ставит цель – убедить общественное мнение Кубы воспрепятствовать избранию Грау на второй президентский срок. Затем Фиделя избирают председателем «Комитета за доминиканскую демократию», позже председателем «Комитета за независимость Пуэрто–Рико». Фидель с большой ответственностью относился к этим назначениям. Проанализировав опыт кубинской борьбы за независимость и других мировых конфликтов, он, по его

собственному признанию, пришел к выводу о возможности ведения партизанской борьбы против диктаторских режимов с их регулярными армиями.

Идеализм, романтика, азарт, жажда справедливости привели Фиделя Кастро в экспедицию молодых людей, планировавших тайно прибыть в Доминиканскую Республику и свергнуть диктатора Рафаэля Молина Трухильо. Формально занимая пост президента Доминиканской Республики с 1930 по 1938 год и с 1942 по 1952 год, он фактически правил этой страной с 1930 по 1961 год, когда был убит. (Трухильо, панически боявшийся покушений, окружил себя целой армией телохранителей. Пуля в 1961 году «найдет» диктатора в тот самый момент, когда охрана допустит единственную промашку. Как только чуть–чуть приоткроется стекло его лимузина, снайперу будет достаточно секунды, чтобы сделать точный выстрел…)

Ставленник США, бригадный генерал Трухильо в 1927 году занял пост главнокомандующего доминиканской армией, а в мае 1930 года в результате переворота захватил власть в Доминиканской Республике и установил там военный режим.

Экспедиция в Доминиканскую Республику, к которой примкнул Фидель Кастро, поначалу даже получила одобрение правительства Кубы, члены которого были возмущены политикой Трухильо. Она получила название «Кайо–Конфи–тес». Фидель вступил в отряд в июне 1947 года. Но у него было свое мнение о том, как свергнуть диктатора: «Я считал, что надо развернуть партизанскую борьбу в горах Санто–Доминго, а не идти на прямое столкновение с регулярной армией Трухильо»[66]. Но, увы, «командовал парадом» тогда не он.

Подобных идеалистов, революционеров–мечтателей в экспедиции набралось немало. Они верили, что, приплыв к доминиканским берегам, без преград доберутся до резиденции «кровожадного диктатора» и смогут уничтожить его, сразу же к ним присоединятся народ и военные. Однако к отряду молодых идеалистов примкнули проходимцы, уголовники, беглые преступники, которым нечего было терять и которые искали лишний повод для кровопролития. О конспирации и дисциплине в таком отряде не могло быть и речи.

«Хотя в экспедиции участвовали мои враги, я все же поехал, – вспоминал Фидель. – Мне исполнился 21 год на островке, где организовывалась экспедиция под руководством группы тупых кубинцев, очень много о себе мнивших, которые помогали доминиканцам и намеревались сделать все сами»[67].

Фидель Кастро, который попал в группу доминиканских эмигрантов, вначале готовился к отплытию недалеко от родного

Бирана, на севере провинции Ориенте. Он был принят в отряд как рядовой, но через несколько недель, благодаря лидерским качествам, стал командиром отделения, а потом и роты, получив звание лейтенанта. Вскоре отряд численностью 1200 человек перебросили на пустынный песчаный остров Кайо–Конфитес, где, изнемогая от жары и жажды, экс–педиционеры должны были продолжить обучение огневой подготовке и терпеливо ждать начала операции. Но «час икс», по непонятным причинам, все откладывался и откладывался, а бойцы с каждым днем теряли уверенность в своих силах и падали духом.

К тому же, благодаря утечке информации из кубинского правительства, а также агентурной работе американских спецслужб, о «планах революционеров» узнали не только на Кубе, но и в США и, естественно, Трухильо. Было упущено время, а самое главное, потерян эффект внезапности. Над будущими повстанцами уже откровенно потешались некоторые американские газеты.

Понимая, что тайно высадиться на территории Доминиканской Республики теперь невозможно, многие из одержимых этой идеей смельчаков все же решили отправиться к ее берегам и вышли на нескольких судах в Карибское море. Видя хаос и дезорганизацию, которая царила при формировании и подготовке экспедиции, Фидель намеревался отбиться от них и уйти в горы со своим небольшим отрядом, когда они прибудут на территорию Доминиканской Республики. Однако этим планам не суждено было сбыться. Министр военных дел Кубы полковник Дамера отдал приказ кубинской армии и военно–морскому флоту: арестовать участников экспедиции и доставить их для проведения судебных действий в Гавану. Несостоявшихся повстанцев, едва те отплыли от берега, перехватили не доминиканцы, а кубинские военные корабли, вынудили их сдаться и сложить оружие. «Революционеров» погрузили на три корабля и под конвоем отправили в ближайший кубинский порт, чтобы затем переправить в столицу. Вот как вспоминал сам Кастро о тех событиях: «Дорогу экспедиции преградил огромный фрегат. Никогда мне не казались такими длинными орудия фрегата, потому что с них сняли чехлы, показали и сказали: „Назад!“ – и у руководителей экспедиции не оставалось другого выхода. На том судне со мной плыл Пичирило, доминиканец. Какой он решительный и смелый! Годы спустя он был нашим помощником капитана на „Гранме“. Мы стали братьями, потому что в тот день я взбунтовался против экспедиции, против роты, где я командовал взводом, и сказал: „Я против возвращения в этот порт, на Кубе сейчас определенная ситуация, вас всех

арестуют, я не согласен“.

Я был сторонником того, чтобы сохранить оружие в горах, я собрал оружие, и у меня была масса сторонников, в их числе капитан судна. В те дни мы подружились, он стал моим сообщником в той сложной ситуации, когда я взбунтовался против кубинских и доминиканских командиров <… > Вначале я даже подумал, что фрегат, преграждавший нам путь, был доминиканским. Но скоро понял, что он кубинский <…> Фрегат следовал за нами по пятам. Мы ждали темноты»[68].

И тут случилось первое из череды десятков событий, позволяющих утверждать, что судьба непостижимым образом берегла Фиделя. Из всей экспедиции, из более чем тысячи человек, от наказания спаслись только Фидель Кастро и три его товарища! «При содействии капитана скорость убавили больше чем наполовину. Но это ни к чему не привело, было лето, темнело позже. Я продолжал бунт, пока не покинул судно на надувном плоту, – я и еще трое, только четверо из тысячи с лишним, которых не арестовали. <…> Я был авантюрист, должен это признать. Все думали, что меня съели акулы, но в один прекрасный день я всех удивил, я воскрес. Я воскресал много раз, несколько раз»[69] , – рассказывал Фидель Кастро.

Несмотря на провал, экспедиция дала бесценный опыт будущему команданте эн хэфэ. Он перешел от теории к практике. Первый раз «понюхал пороха», пройдя, благодаря своим исключительным качествам, хоть и за короткий срок, путь от рядового до командира. Наконец, он, рискнув, принял правильное решение и избежал ареста, уцелел, спасся. «Я отдавал себе отчет, что экспедиция закончится провалом <…>, – рассказывал Кастро. – Я уже тогда думал о новой нестандартной войне, потому что наши отряды не были армией. У нас не было даже самолетов, и мы думали просто высадиться на берегах Санто–Доминго, где бы мы столкнулись с доминиканской армией, с тысячей людей, хорошо организованных, обученных и вооруженных североамериканским правительством, армией, которая обладала военной авиацией. Та экспедиция была обречена на провал. Это был вопрос нескольких часов – уничтожить наш только что высадившийся отряд»[70].

Это признание говорит о многом. Дело в том, что история многочисленных переворотов в Латинской Америке в первой половине XX века убеждала многих тамошних мятежников и повстанцев в том, что сильную армию можно либо склонить на свою сторону, либо победить при помощи более сильной армии, поскольку практически все подобные перевороты не происходили без участия военных. А Фидель уже в 20–летнем возрасте понял,

что врага можно победить не числом, а умом и хитростью.

Конечно же о «приключениях Фиделя» знали в университете. Теперь он уже числился в «черных списках» администрации и местных спецслужб как один из наиболее радикально настроенных студенческих активистов. Теперь его решительность и революционный азарт представляли серьезную угрозу. Но администрация университета и полиция даже не предполагали, что на их глазах растет лидер, который пойдет дальше неистового студента–мятежника 1920–х годов Хулио Антонио Мелья. Новоявленный бунтарь Фидель Кастро смелел, даже дерзил, постепенно превращался в непримиримого, убежденного и сильного противника властей, говоривших об «экономическом росте» и о «политическом спокойствии» в стране. Но о каком спокойствии на Кубе могла идти речь?

Фиделю в конечном итоге оказались более близки идеи «ортодоксов». В 1946 году группа недовольных «аутентиков», во главе с сенатором Эдуардо Чибасом, откололась от партии, возглавляемой президентом Грау, и образовала Партию кубинского народа – партию «ортодоксов». Название этой партии не имело ничего общего с религией, как может показаться на первый взгляд. Ортодоксы главный акцент делали на борьбе не с политическими противниками, а с пороками, присущими тогдашнему кубинскому обществу: взяточничеством, коррупцией, воровством. То есть с различными формами несправедливости, что, собственно, и привлекало в ее ряды студентов.

В те годы почти все кубинские политические партии и деятели при каждом удобном случае пытались «всуе» упомянуть имя легендарного кубинского борца за свободу Хосе Марти, спекулируя на его памяти, «наполняя» свои политические программы его цитатами, заявляя, что только их партия или движение «следует его заветам».

Отколовшись от «аутентиков» и создав партию «ортодоксов», популярный в народе политик, бывший журналист Эдуардо Чибас давал понять, что ее «ортодоксальность» как раз и будет состоять в четком и искреннем следовании идеям Марти. Основной идеологической задачей партии было освобождение наследия Марти от искажений и наслоений, возвращение ему изначального духа революционного национал–демократизма. В программе партии Эдуардо Чибаса одним из основных пунктов, кроме борьбы с коррупцией, было также требование провести национализацию электроэнергетики Кубы. Почти каждую неделю Чибас, обладавший большим досье на правительственных чиновников, выступал по радио с разоблачительными материалами, вызывавшими бурные отклики и полемику в

стране. Выражаясь современным языком, эти радиопрограммы имели самый высокий рейтинг. Чибас мечтал о том, чтобы Куба была по–настоящему независима от США, что, собственно, и привлекло в ряды «ортодоксов» в начале 1950–х годов Фиделя Кастро, впоследствии возглавившего ее молодежное крыло.

Эмблемой новой партии, в которую с каждым днем вступало все больше кубинцев, стала метла. А на свои митинги и шествия «ортодоксы» – своеобразная «партия очищения» – выходили, вооружившись вениками, щетками и метлами.

Фидель Кастро еще официально не вступил в ряды этой партии, но симпатизировал ей и особенно ее лидеру – хариз–матичному и убежденному в своей правоте Эдуардо Чибасу. Кастро продолжал выступать на разного рода митингах и акциях, причем тон его заявлений в отношении существующей власти становился все жестче и даже агрессивнее, несмотря на угрозы и предупреждения, раздававшиеся в его адрес.

Именно в эти годы начал формироваться один из самых важных жизненных принципов Фиделя Кастро, который можно сформулировать так – «не отступать, не сдаваться». Чем больше давили на него, чем больше начинали «прессовать», тем нерушимей была «защита Фиделя», тем яростней были «ответы Кастро». Уже тогда стало ясно, что его лучше не дразнить и не пытаться заставлять играть по правилам, которые он не приемлет.

6 ноября 1947 года на митинге, посвященном очередной годовщине начала национально–освободительной войны кубинских патриотов XIX века против испанского колониального господства, 21–летний Фидель Кастро поднялся на трибуну и произнес такую речь, которая сразу же затмила собою выступления других ораторов. Воспоминания о борцах за независимость Кубы стали лишь прелюдией его эмоциональной словесной атаки на власть. «Президент Грау стал чуждым народу, – говорил Фидель. – Он обманул всех тех, кто поверил его предвыборным обещаниям. Он обещал земельную реформу крестьянам, школы детям, улучшение социального законодательства рабочим и достойный уровень жалованья учителям. Но ни одно из этих обещаний не было выполнено. Революцию, о которой он говорил, будучи кандидатом на пост президента, предали. Богатства страны находятся в чужих руках <…>»[71].

Выступление Кастро шокировало присутствующих, особенно людей, близко его знавших. На их глазах происходило рождение и стремительное становление нового трибуна, которому через десять с небольшим лет было суждено изменить жизнь в стране…

Глава четвертая
ВЫЗОВ МАФИИ И МАРИОНЕТКАМ

В 1947 году в стенах Гаванского университета Фидель встретил девушку, которая станет его первой и единственной официальной женой, – Мирту Диас–Ба–ларт. Она происходила из богатой и влиятельной кубинской семьи, так же, как и Фидель, выходцев из провинции Ори–енте. Познакомил их ее брат Рафаэль Диас–Баларт, университетский приятель Кастро. Эта привлекательная зеленоглазая блондинка изучала философию и литературу. Говорят, что, увидев Мирту, Кастро заявил: «Я непременно женюсь на ней!» Отец Мирты был другом Фульхенсио Батисты, еще с тех времен, когда тот пришел к власти в результате «переворота сержантов».

Если Фидель резко выступал с критикой тогдашних властей, то Рафаэль Диас–Баларт, напротив, отрицал леворадикальные взгляды и примкнул к партии сторонников будущего кубинского диктатора Фульхенсио Батисты «Народное действие», которую тот организовал и содержал, находясь за границей. Вскоре Диас–Баларт возглавил молодежную секцию батистовской партии. Позже он сыграет роковую роль в разрыве официальных отношений своей сестры и молодого революционера Фиделя Кастро, так и не простив себе, что когда–то познакомил их. Против этих отношений и брака была вся семья Диас–Баларт. Знал бы Фидель тогда, в 1947 году, как резко разойдутся его пути с Рафаэлем, какими непримиримыми врагами они станут, как и с кузеном Рафаэля и жены Мирты – Линкольном Диас–Балартом, конгрессменом–республиканцем от американского штата Флорида!

Но Мирта безумно влюбилась в Фиделя. Это была удивительно противоречивая пара. Скромная Мирта, далекая от политики, и азартный, решивший посвятить себя революционной борьбе Фидель. Его страсть – митинги, акции, выступления. Она любит танцевать, готова кружиться в танце часами.

Они поженились 12 октября 1948 года. Свадьба была роскошной. Родители новобрачных оплатили им свадебное путешествие в Америку, в Нью–Йорк.

Новый, 1948 год обещал быть более жарким в политическом отношении, чем предыдущий. На 1 июня были назначены выборы президента Кубы. В стране кипели предвыборные страсти, резко обострилась криминогенная обстановка. Куба снова вспомнила о заказных убийствах популярных деятелей. В начале января

выстрелом в спину был убит один из наиболее популярных в народе профсоюзных лидеров, руководитель Федерации рабочих сахарной промышленности Хесус Менендес. Проститься с ним пришли десятки тысяч человек. Власть, словно открещиваясь от происшедшего и желая снизить накал народного гнева, предоставила для этой церемонии здание кубинского Капитолия.

Известный кубинский журналист тех лет Марио Кучи–лан вспоминал, что Фидель, пришедший на кладбище вместе с товарищами почтить память Хесуса Менендеса, был очень разъярен и обронил фразу: «А что, если я сейчас поднимусь на могилу и призову народ идти к президентскому дворцу?»[72]

А вскоре произошла и первая серьезная провокация в отношении быстро набирающего популярность студенческого лидера: Фиделя Кастро обвинили в убийстве. 22 февраля 1948 года на одной из улиц в Гаване был убит однофамилец Фиделя, бывший руководитель Федерации университетских студентов Маноло Кастро, выходец, как и Фидель, из семьи галисийских эмигрантов. Как удалось установить позже, к этому грязному делу оказалась причастна местная мафия. Между тем в университетской среде был запущен слух, будто бы устранение студенческого активиста могло быть на руку студентам из союза «Католическое действие» и Фиделю, который таким образом облегчает себе путь к лидерству в Федерации студентов.

Узнав об этом, Фидель немедленно явился в полицейский участок и потребовал снять у него отпечатки пальцев, сделать пробы на дактилоскопию, которые позволили бы определить, стрелял ли он из пистолета, найденного на месте преступления. Следствие установило непричастность Фиделя к убийству Маноло Кастро. Выйдя из участка, Фидель первым делом направился к поджидавшим его репортерам и заявил, что случившаяся провокация является местью лично ему за разоблачительные выступления против власти и гангстерского режима на Кубе.

Вокруг него сложилась невыносимая обстановка. Он даже вынужден был уехать на время в Биран готовиться к экзаменам. Фидель сильно переживал слухи о себе, а также то, что студенты из католической организации вовсе не стремились его защитить. Это и стало причиной разрыва Кастро с ними и привело в конечном итоге к сближению с партией «ортодоксов» и лично с сенатором Чибасом. Весной 1948 года Фидель включился в предвыборную кампанию Чибаса, который баллотировался в президенты Кубы.

Между тем казнокрадство в высших эшелонах власти и гангстеризм на улицах стали обычным явлением кубинской жизни тех лет. Чего стоит одна трагикомическая история того

времени, которую до сих пор помнят в Гаване. В гаванском Капитолии, той самой копии Капитолия вашингтонского, в главном его зале под центром купола, охраняемый самой современной сигнализацией, покоился большой бриллиант. В свое время, при постройке здания в конце 1920–х годов, он специально был куплен в Гаване по личному поручению «антильского диктатора» Херардо Мачадо. В Капитолии он должен был символизировать своеобразное «сердце Кубы» – отсюда происходил отсчет километров от ее столицы до различных ее уголков. Бриллиант лежал на своем месте пару десятков лет и… однажды исчез. Следователи пришли к выводу, что, кроме законодателей и их окружения, никто его своровать не мог. На Кубе многие знали, что в Капитолии «берут» и, образно говоря, отнюдь «не борзыми щенками». Но чтобы украсть национальную святыню – это было уже слишком. Ситуация разрешилась просто. «Муки совести» замучили вора. Он избавился от бриллианта. И подбросил его не абы куда… а на стол президента страны![73] (Теперь под куполом 62–метрового кубинского Капитолия, на возведении которого в течение более чем трех лет трудилось около пяти тысяч рабочих, в пол вмонтирована копия этого 24–каратного бриллианта. После победы революции в 1959 году в этом здании вместо конгресса разместились министерство науки, техники и экологии Кубы, Национальная научно–техническая библиотека и музей. Внутри также находится бронзовая статуя, третья по величине в мире после статуи Будды в Японии и Мемориала Линкольна в Вашингтоне, весом в 49 тонн и высотой 17 метров статуя Республики Куба с мечом и копьем.)

О том, что человеческая жизнь «не стоила и нескольких песо», говорит и тот факт, что за два последних года правления Грау было убито более ста политических противников его режима. Что говорить, если хозяевами «закулисной» жизни страны были даже не кубинские гангстеры, а «филиалы» «классической» американской мафии, той, что зародилась в 1920–е годы в США.

Свои огромные состояния американская мафия на Кубе сделала в конце 1920–х – начале 1930–х годов во времена действия в США сухого закона. С острова, находившегося в сотне миль от Флориды, нелегально поставлялся в США знаменитый кубинский ром, а дельцы, быстро осознав преимущества райского отдыха на Кубе, скупили там все лучшие участки на побережье. «Всего два часа полета и вы будете купаться в роме», – зазывала потенциальных клиентов специально созданная в начале 1930–х годов для полетов на Кубу и в другие карибские страны авиакомпания «Пан–Амери–кэн». Вскоре Куба стала местом, где

богатый американец мог по полной программе удовлетворить свою прихоть и похоть.

К моменту прихода к власти в результате переворота в 1952 году Фульхенсио Батисты количество публичных домов в Гаване, где проживало 700 тысяч человек, достигло почти восьми с половиной тысяч, в которых трудилось более 22 тысяч девушек! Для пополнения борделей «свежим товаром» по Кубе шныряли гангстерские группировки, похищая девушек прямо на улицах. А когда жрицы любви старели и оказывались невостребованными, они в один прекрасный день пропадали. Некоторые американские блюстители морали любят рассуждать о так называемом «трафике» – торговле людьми, в том числе женщинами для работы в борделях. Но почему бы не вспомнить о том, что поставленная на поток торговля, в том числе и детьми 12—13 лет, началась еще много лет назад, в их вотчине, на Кубе?

Среди мафиози особо выделялся Мейер Лански, подельник и компаньон знаменитого крестного отца американской мафии Лаки Лучиано. Этот выходец из России был своего рода «смотрящим за Кубой». Он стал прототипом главного героя Макса в исполнении Джеймса Вудса в легендарном гангстерском фильме Серджо Леоне «Однажды в Америке».

Лански принадлежало самое знаменитое казино Кубы, которое находилось в роскошной гостинице «Националь». Его родной брат Джек Лански владел казино в гостинице «Хилтон». На Кубе существовала хорошо разветвленная гангстерская сеть, со своими «солдатами» и «чистильщиками», для которых устранить неугодного властям или мафии человека было сущим пустяком.

Мы рассказываем об атмосфере того времени на Кубе для того, чтобы читателям было понятно: Фиделю, вставшему на путь борьбы с существующим режимом, ежедневно угрожала опасность. Рене Родригес, университетский приятель Кастро, считает, что «Фидель остался в живых по счастливой случайности. Много раз его пытались убить, и много раз нам приходилось отрываться от преследования»[74].

Вскоре Фиделю представился повод на время покинуть страну. Как уже упоминалось, в Федерации университетских студентов Фидель Кастро отвечал за так называемое «латиноамериканское» направление, будучи председателем двух комитетов «За доминиканскую демократию» и «За независимость Пуэрто–Рико». В апреле 1948 года в столице Колумбии Боготе открывался «Антиимпериалистический конгресс латиноамериканского студенчества», который по срокам совпадал с проводимой там же очередной Панамериканской конференцией.

Расходы на участие в студенческом съезде представителей латиноамериканских стран оплачивало аргентинское правительство, которое возглавлял знаменитый генерал Перон. При поддержке студенчества и участников Панамериканской конференции генерал намеревался «продавить» антианглийскую резолюцию по так называемым Мальвинским (Фолклендским) островам, предмету острого территориального спора между Англией и Аргентиной.

Но покинуть Кубу Фиделю оказалось непросто. В аэропорту Гаваны его не пустили в самолет. Пограничники посчитали его «невыездным» из–за якобы не закрытого дела по убийству Маноло Кастро. Ему пришлось снова давать показания в полицейском участке и объяснять журналистам, что он невиновен. Лишь после выполнения всех этих утомительных процедур он вылетел в Колумбию через Панаму. Там он остановился на пару дней, чтобы встретиться со студентами, которые подверглись агрессии со стороны американских оккупантов в зоне канала. Американцы расстреляли манифестацию студентов, требовавших возвращения канала Панаме. Было много погибших и раненых. Картина жуткой нищеты и унижения людей в Панаме поразила Фиделя, особенно запомнилась одна из улиц, заполненная кубинскими проститутками, по которой гуляли только американские солдаты.

Перед тем как попасть в Колумбию, Фидель заехал в Венесуэлу, где встретился с молодежными лидерами, в частности с главой партии «Демократического действия» Ромуло Бетанкуром, который вскоре станет одним из самых влиятельных венесуэльских политиков, затем президентом страны и яростным противником кубинского революционного правительства в 1960–е годы.

В Боготу Кастро прибыл 1 апреля 1948 года. Тут выяснилось, что колумбийское правительство, занятое подготовкой Панамериканской конференции, отказывается предоставлять студентам помещения для проведения конгресса. На выручку студентам пришли профсоюзные деятели, а также окружение самого популярного колумбийского политика тех лет Хорхе Гаитана. Выдающийся оратор, преуспевающий адвокат, довольно обеспеченный человек, Хорхе Гаитан, выдвигая в качестве программных тезисы о борьбе с олигархией и американским засильем, баллотировался на выборах президента Колумбии как независимый кандидат в 1946 году. Несмотря на подтасовки, Гаитан набрал большое количество голосов и рассматривался как главный претендент на пост руководителя этой страны на будущих выборах.

В то же время в Боготе активно шла работа по созданию ОАГ

(«Организации американских государств»). Прибывший в Боготу глава американской делегации Джордж Маршалл, известный как автор «плана Маршалла» для объединенной Германии, пытался навязать план такой экономической помощи латиноамериканским государствам, который поставил бы их в еще большую зависимость от Соединенных Штатов. Между тем студенты выразили поддержку аргентинцам в их борьбе за Мальвинские острова, а также высказались за независимость Пуэрто–Рико от США и за суверенитет европейских колоний в Западном полушарии. Программы студентов носили антиимпериалистический и антидиктаторский характер. Но, по словам Фиделя, тогда у них «еще не было социалистического налета» [75].

Кульминационным событием конгресса стало избрание председательствующего. На эту роль планировали выдвинуть неприметного молодого кубинского студента, однако, когда на трибуну для выступления вышел Фидель, присутствующим стало ясно, что именно он должен вести последующие заседания. Настолько яркой и убедительной была речь 21–летнего студента Гаванского университета, направленная против диктаторских режимов на континенте и колониального порядка, который пытались установить Соединенные Штаты в Латинской Америке. Студенты решили устроить митинг на главной площади Боготы в день начала Панамериканской конференции и пригласить на него Хорхе Гаита–на. Они направили к Гаитану делегацию во главе с Кастро. Их встреча состоялась 7 апреля. Фидель понравился Гаита–ну, и тот подарил Кастро тексты своих популярных речей, с которыми обращался к народу. Для уточнения деталей выступления Гаитана на студенческом митинге было решено встретиться еще раз. Фидель должен был прибыть к нему днем 9 апреля. Но незадолго до назначенного часа Гаитан был убит тремя выстрелами в спину, когда выходил из своего офиса на обед. Его доставили в центральный госпиталь, где он скончался, не приходя в сознание.

По горячим следам был задержан некий Хуан Роа Сьер–ра, якобы стрелявший в Гаитана, и возбужденная толпа, не дожидаясь приезда полиции, разорвала его на части. Все попытки исследователей узнать, кто же был заказчиком этого преступления, потерпели неудачу. В архивах спецслужб дело об убийстве Гаитана относилось к категории совершенно секретных. ФБР, например, уничтожило большую часть документов по нему в 1972 году. И лишь в начале 2005 года венесуэльская газета «Веа» сообщила об одном «сенсационном признании». Бывший агент ЦРУ Джон Мепплс Спирито заявил, что он в составе группы

агентов ЦРУ принимал участие в операции «Пантомима», которая проводилась в Колумбии при содействии местных спецслужб. Их задачей было физическое устранение Хорхе Гаитана, который пользовался большой популярностью в народе и уверенно шел к победе на выборах президента Колумбии.

Несколько месяцев спустя в Колумбии начались массовые репрессии в отношении гражданского населения и разразилась пятилетняя гражданская война, так называемая «виоленсиа», стоившая жизни не менее 200 тысячам человек.

А тогда, 9 апреля 1948 года, в считаные часы после убийства Хорхе Гаитана столица Колумбии Богота превратилась в арену боевых действий жителей против военных. Разъяренная толпа направилась к президентскому дворцу, чтобы спросить ответа у главы государства. По пути люди врывались в полицейские участки и забирали там оружие. Полицейские, которые в большинстве своем симпатизировали Гаитану, не оказывали никакого сопротивления, а некоторые даже присоединялись к повстанцам. Фидель в одном из полицейских управлений прихватил гранатомет и переоделся в камуфляж. Правда, полицейский офицер, сформировавший группу штурмовиков, отнял у него гранатомет и вручил маузер с шестнадцатью патронами[76]. Но подойти к президентскому дворцу отряду не удалось, он попал под ураганный огонь, который вели с его крыши военные. В этот момент мимо Фиделя проехал грузовик. Вещавший из него в громкоговоритель молодой человек призывал повстанцев немедленно идти на подкрепление к студентам, захватившим радиостанцию «Насиональ». Они передавали в эфир адреса военных казарм и складов, которые надо было немедленно захватить. Фидель вскочил в грузовик и вместе со студентами ринулся на помощь товарищам на радиостанцию. Но, прибыв на место, они увидели несколько трупов у входа в здание, оказавшееся полностью блокированным военными.

Стихийное восстание, как это обычно бывает, переросло в мародерство.

В 2005 году Фидель Кастро впервые рассказал подробности своего участия в событиях тех дней. «Народ все погубил, потому что бросился грабить; что можно было ждать от них с их культурным уровнем и уровнем образования, они походили на муравьев, тащили на себе рояли, холодильники объемом в два кубометра…»[77] Около 500 вооруженных повстанцев засели в здании 11–го полицейского управления. Майору полиции, «по старшинству» взявшему на себя руководство бойцами, Фидель пытался доказать бессмысленность и «обреченность» тактики выжидания. Но тот, внимательно выслушав доводы Фиделя,

приказал бойцам отдыхать… в ожидании завтрашнего дня. Единственное, в чем командир уступил Фиделю, – выделил в его подчинение группу бойцов, с которыми он ранним утром 10 апреля начал патрулировать территорию возле участка. Однако военным и оставшимся верными президенту силам полиции за ночь удалось объединиться и начать нейтрализацию очагов сопротивления. Лидеры либеральной партии, единственной оппозиционной партии в стране, «клюнули на приманку президента», призвавшего их сесть за стол переговоров, но, прибыв в резиденцию главы государства, они были арестованы и брошены в тюрьму.

Утром 11 апреля правительственные радиостанции призвали повстанцев добровольно сложить оружие. Когда решение об этом приняли бойцы, засевшие в здании 11–го полицейского управления, Фидель понял, что пора возвращаться на родину. Переодевшись и избавившись от камуфляжа, Фидель отправился в гостиницу, где остановился на время проведения конгресса, чтобы забрать дорожную сумку и книги, приобретенные в Боготе. Но гостиница оказалась оцеплена солдатами, и в нее никого не пускали. Фидель опешил: он один в чужой стране, без денег и документов – паспорт остался в гостиничном номере, а без него он не мог улететь на Кубу. И, главное, где искать в этом «живом улье», который напоминала Богота, своих товарищей–студентов, он не знал.

Но тут ему в очередной раз повезло. Из проезжавшей мимо машины с аргентинскими дипломатическими номерами ему кто–то махнул рукой. Это был участник студенческого конгресса, заметивший бредущего по улице Фиделя. По просьбе Кастро его отвезли в кубинское посольство, где консул быстро оформил ему необходимые документы и оказал содействие в отправке на Кубу.

Эти десять дней в Колумбии в апреле 1948 года дали будущему главнокомандующему неоценимый опыт. Он понял, что любое стихийное народное выступление обречено на провал, потому что оно не организовано, не имеет авторитетного лидера. Много лет спустя он так оценивал случившееся в Колумбии: «Гаитан был надеждой на мир в Колумбии, и его убийство стало детонатором к народному взрыву, началом восстания народа, который искал справедливости. Перед моими глазами представал революционный спектакль, спектакль революции, которая происходила совершенно спонтанно»[78].

Возвратившись в Гавану, Фидель Кастро не угомонился, не взял паузу, чтобы прийти в себя, не засел за учебники, а снова ринулся в пучину борьбы. На этот раз избирательной, продолжив работу в штабе кандидата в президенты Эдуардо Чибаса, который

считал абсолютно неприемлемым для себя возможность взять власть путем вооруженного восстания или переворота, каким бы жестоким и тираническим ни был существующий режим.

Согласно кубинской конституции, Грау Сан–Мартин не мог баллотироваться на пост президента второй раз подряд. Кандидатом от правящей партии, а вскоре, выиграв выборы, преемником Грау на посту президента стал министр труда в его правительстве, бывший адвокат Карлос Прио Сокаррас. Разгул коррупции и организованной преступности в эти годы пошел по нарастающей. Коррупция на Кубе во многом увеличилась из–за притока денег из США в Гавану, которая стала центром мафии, отмывавшей на острове «грязные деньги». Сокаррас и сам не стеснялся брать взятки. Тем не менее он сумел поработать и на благо страны. В годы его правления были созданы Счетная палата (аналог Бюджетного бюро США), Национальный банк Кубы, стабилизировалась финансовая ситуация, кубинский песо окончательно заменил доллары, находившиеся в обращении на острове.

Хотя в целом в период президентского правления Со–карраса экономическое положение Кубы было достаточно благополучным, годы с 1949–го по 1951–й ознаменовались ростом инфляции, что вынуждало трудящихся требовать повышения заработной платы. Поскольку работодатели им в этом, как правило, отказывали, отличительной чертой кубинской социально–политической жизни были бесконечные забастовки. Прио Сокаррас попытался решить эту проблему, предоставляя субсидии для увеличения заработной платы, а иногда подвергая аресту предприятия. Но результатов это не приносило. Что касается внешней политики, он во всем следовал курсом Соединенных Штатов. И хотя «охота на ведьм» и коммунистов в конце 1940–х годов как в США, так и на Кубе пошла на спад, Прио Сокаррас не упускал повода при каждом удобном случае пройтись по «Советам и коммунистам». 13 августа 1949 года он выступил с заявлением, что поставил «свою страну в авангард борьбы против попыток Востока добиться в холодной войне свержения демократических режимов в Западном полушарии».

Фидель Кастро, вернувшись с женой Миртой в октябре 1948 года из свадебного путешествия по США на Кубу, засел за учебники, чтобы наверстать упущенное за время отсутствия в университете, доздать экзамены и за второй, и за третий курсы. Остается удивляться либеральности администрации Гаванского университета и правилам, в нем царившим. Студенту позволили сдать «хвосты» полуторагодичной давности. Впрочем, в ректорате знали, что Фидель быстро справится с задолженностями. Так и

произошло. За несколько недель, сдавая по одному экзамену в два–три дня, он ликвидировал все «хвосты».

Однако вскоре «улица» снова позвала Фиделя. Правительство Грау перед вступлением в должность президента Прио Сокарраса повысило на 20 процентов плату за проезд в общественном транспорте. Это было довольно существенным ударом по скудному бюджету кубинцев, в особенности живших там, где автобус был единственным средством передвижения между селами и городами. В ответ на это студенты в Гаване стали захватывать городские автобусы и перегонять их на территорию студенческого городка, куда, согласно законам «автономии университета», был запрещен доступ полиции. Стражи порядка принялись провоцировать студентов, впервые решившись открыть огонь по их общежитиям. А те в ответ закидывали их пустыми бутылками, гнилыми помидорами и камнями. Не отставал от товарищей и Фидель, при непосредственном участии которого накануне было отпечатано 50 тысяч листовок с призывом к населению Кубы бойкотировать те маршруты автобусов, на которых повысят цены[79].

В 1949 году произошло два знаменательных события в личной жизни Фиделя. Он убедил родителей отправить на учебу в университет и Рауля, который также поступил на юридический факультет. Считается, что именно с этого момента между братьями Кастро установились особенно доверительные отношения. А 11 сентября 1949 года в семье Фиделя Кастро и Мирты Диас–Баларт родился сын, которого в честь отца назвали Фиделем. Однако он более известен не под своим официальным именем, данным при рождении, а как Фиделито, что в переводе означает – «маленький Фидель».

С осени 1949 года Фидель Кастро стал больше времени уделять семье и учебе. Ему предстояло сдать много предметов по дипломатическому, административному праву и общественным наукам. К тому же с расколом той же осенью 1949 года Федерации университетских студентов общественная жизнь в Гаванском университете зашла в тупик. Значительная часть «старой гвардии» студентов закончила обучение и покинула стены университета, а студенты–новички все реже собирались для дискуссий на привычном месте на площади Каденас.

Первое полугодие 1950 года и свой последний семестр обучения в университете Фидель целиком посвятил сдаче экзаменов. 13 октября того же года ему было присвоено звание доктора юридических наук.

С вступлением в самостоятельную взрослую жизнь Кастро возмужал, осознав, что несет ответственность за жену и сына. Тем

более что поддержка отца, материально помогавшего ему в студенческие годы, почти прекратилась, и он сам должен был зарабатывать средства для содержания своей семьи. Из выпускников Гаванского университета были наиболее востребованы именно юристы. Они получали должности в правоохранительных органах, становились помощниками членов конгресса, надевали адвокатскую мантию. По этому пути пошел и Фидель, вместе с двумя однокурсниками создавший адвокатскую контору. Акции протеста, уличные стычки с полицией остались в прошлом. Процедура оформления документов, необходимых для открытия конторы, была формальностью. А вот аренда помещения оказалась проблемой. Несмотря на то, что все трое были выходцами из обеспеченных семей, они принципиально решили не занимать деньги у родителей. И хотя арендатор помещения, состоявшего из маленькой приемной и небольшого кабинета, запросил в качестве предоплаты 120 долларов, три товарища смогли «наскрести» только 80 долларов, таким образом, фактически с самого начала карьеры начав работать в долг.

Конечно, тогда обеспеченные и состоятельные люди не могли быть их клиентами – начинающие адвокаты не имели опыта работы. Поэтому они стали заниматься делами мелких контор и рабочих, которым задолжали деньги за труд. Тут Фидель выявил тенденцию – те, кто имел целые состояния, оказывались самыми прижимистыми работодателями.

Компаньон Фиделя Хорхе Аспиасо вспоминал, что Кастро был всегда чуток и внимателен к рабочим. Однажды Фидель, посетив мастерскую столяра, разуверившегося в справедливости и погрязшего в долгах, настолько растрогался, что достал из кармана последнюю банкноту и незаметно положил ее на стол.

Адвокатская практика Кастро, которая невольно «отвела» его от уличных стихийных выступлений, также дала ему неоценимый опыт аналитической работы над документами. Впрочем, адвокатская деятельность интересовала его значительно меньше, чем сбор материалов, компрометирующих президента Прио Сокарраса.

В 1979 году тогдашний начальник аналитического управления КГБ СССР Н. С. Леонов с санкции своего шефа Ю. В. Андропова и по специальному постановлению Политбюро ЦК КПСС получил добро на трехмесячную работу в кубинских архивах в Гаване. Результатом этого стала книга «Фидель Кастро. Политическая биография», по определенным причинам вышедшая в свет только через 20 лет. «Фиделю удалось собрать острые компрометирующие материалы на Прио Сокарраса, – пишет Н. С.

Леонов. – Из этих материалов было видно, что в свое время один из крупных землевладельцев по имени Эмилио Фернандес Менди–гутия был отдан под суд по обвинению в изнасиловании 10–летней крестьянской девочки. Его адвокатом на процессе выступал Прио Сокаррас, который в то время еще не занимал поста главы государства, а занимался частной адвокатской практикой. Приговор был таков: шесть лет тюремного заключения и 10 тысяч песо денежного возмещения родителям пострадавшей. Прошло немного времени, Прио Сокаррас стал президентом республики и, злоупотребляя своими правами, он личным декретом помиловал этого преступника.

Но Фидель установил, что, выйдя на свободу, Мендигу–тия стал играть роль подставного лица, на имя которого приобретались земли президентом Кубы и его родственниками. Таким путем Прио Сокаррасу удалось скупить значительные площади земель в пригородах Гаваны, на которых строились виллы, продававшиеся затем по спекулятивным ценам.

Для того чтобы представленные материалы были еще более впечатляющими, Фидель задумал провести киносъемку не только этих поместий, но и незаконного использования для их обработки государственных технических средств и рабочей силы. Вместе со своим другом Рене Родригесом Крусом, который обладал навыками кинооператора, они ночью незаметно проникали на территорию владений Прио Сокарраса, прятались в надежном месте, а с рассветом начинали снимать разоблачительные кадры. Так удалось снять, как по приказу президента Прио Сокарраса по утрам в поместья привозили на грузовиках солдат, которые целыми днями занимались строительными и садово–огородными работами, на которых к тому же использовалась техника (тракторы, бульдозеры), принадлежавшая министерству общественных работ. Иногда, когда появлялось несколько лишних песо, Фидель арендовал за 20 долларов в час частную авиетку и вел киносъемку с воздуха.

Собранные с таким риском материалы позволили Фиделю возбудить уголовное дело против президента страны, которого он обвинил в незаконном приобретении имущества, нарушении основных положений трудового законодательства, в извращении функций вооруженных сил Кубы, в насаждении латифундий»[80].

Как и следовало ожидать, это уголовное дело не дошло до суда. Тогда Фидель, несмотря на предупреждения «оставить свое досье при себе» или уничтожить его, решил ознакомить с его содержанием широкую общественность. Он сотрудничал с гаванской газетой «Алерта», из тех немногих, которые не боялись публиковать острые разоблачительные материалы. Кроме того,

вел на одной из гаванских радиостанций свою передачу на юридические темы, которая превратилась, по сути, в открытую трибуну для разоблачения деятельности президента страны. После того как в феврале 1952 года в газете «Алерта» Фидель Кастро опубликовал материал о связях президента с мафией и преступным миром Гаваны, никто не давал за его жизнь и ломаного гроша. Фидель договорился до того, что обвинил Прио Сокарраса в том, что «он покупал и продавал убийства». Читателей, передававших экземпляры издания из рук в руки, потрясли факты о том, что глава государства лично выдавал руководителям преступного мира по 18 тысяч песо ежемесячно, а многие члены гангстерских банд официально числятся служащими государственных учреждений и при этом не ходят на работу[81].

С 28 января по 4 марта 1952 года Фидель выпустил целую серию статей в газете «Алерта», направленных против правительства Прио Сокарраса. И многие тогда недоумевали: как после столь серьезных разоблачений главарей преступного мира и их сообщников Фидель все еще жив. И друзья и близкие Кастро заговорили о «заговоренности Фиделя», которая всякий раз позволяет ему «уходить от смерти».

Имя Фиделя Кастро, который быстро завоевывал популярность в прогрессивной среде Гаваны, прогремело на всю страну после того, как он успешно провел адвокатскую защиту группы студентов Гаванского университета. Их обвиняли в нарушении общественного порядка. Фидель своей яркой и аргументированной речью настолько поразил присутствующих в зале суда, что председатель судебного заседания пожал ему руку и поздравил его с блестящей защитой. Студенты были оправданы.

Как уже говорилось, в этот период резко обострились установившиеся с 1943 года советско–кубинские дипломатические отношения: был сокращен персонал советского посольства в Гаване, которое стало выполнять по сути лишь протокольные функции. А состоявшийся 18—20 ноября 1951 года конгресс правящей партии «аутентиков» вообще рекомендовал правительству расторгнуть дипломатические отношения с СССР. Впрочем, Прио Сокаррас не успел ее официально узаконить. За него это чуть позже сделал Фульхенсио Батиста.

В том же 1951 году произошло событие, которое потрясло население Кубы и Латинской Америки. Лидер партии «ортодоксов» Эдуардо Чибас во время прямого радиоэфира достал пистолет и выстрелил себе в голову. Трансляцию тотчас прервали. Поступок Чибаса стал для многих шоком. Знающие его люди говорили, что он находился на грани нервного срыва.

Накануне Чибас обвинил одного из министров в том, что тот заполучил земельные участки в Гватемале. Однако, втянутый в полемику с правительственным чиновником во время передачи, Чибас не смог эти обвинения доказать. Он пришел в отчаяние и предпочел застрелиться, нежели слышать упреки в клевете. Перед самоубийством Эдуардо Чибас назвал свой поступок актом протеста против надвигающейся военной диктатуры, а перед тем как нажать на курок, произнес: «Товарищи ортодоксы! Вперед!»

Этот совершенно необъяснимый поступок Чибаса так потряс Фиделя, к тому времени ставшего руководителем молодежного крыла партии «ортодоксов», что он долгое время не мог отойти от случившегося. А пойдя на штурм казарм Монкада в июле 1953 года, он даже взял с собой магнитофонную запись предсмертной речи Чибаса, полагая, что она «способна воспламенить даже самых инертных людей». Эту пленку он собирался поставить во время своего выступления по радио после захвата казарм.

Тело Чибаса было выставлено для прощания в Гаванском университете. В день похорон Фидель предложил руководству партии «ортодоксов» направить толпу людей, пришедших попрощаться со своим кумиром, к президентскому дворцу и взять его. Перед похоронами Фидель целую ночь отвечал на вопросы радиожурналистов и настраивал народ на радикальные действия. Правительство было дезорганизовано и охвачено паникой, армия была деморализована и не имела желания подавлять эту массу. «Никто не смог бы сопротивляться», – вспоминал Фидель. Так был упущен еще один шанс, воспользовавшись ситуацией, взять власть в стране в свои руки.

Это самоубийство внесло в ряды «ортодоксов» смятение. Их позиции и влияние, во многом державшиеся на личной харизме и популярности Эдуардо Чибаса, заметно ослабли.

У Фиделя была личная договоренность с Чибасом, что он войдет в партийные списки на выборах в кубинский конгресс. Однако, когда в феврале 1952 года новое руководство партии огласило список кандидатов для участия в выборах, к изумлению Фиделя Кастро, его имени там не оказалось. Фидель объяснял это так: «Тогда ходили слухи, что я коммунист, – слово, которое пробуждало множество условных рефлексов, созданных господствующими классами»[82].

Этот случай не выбил Фиделя из колеи, а только его раззадорил. Свое очередное выступление на радио он начал с обращения к слушателям с просьбой поддержать его на выборах. После этого он обзвонил несколько приятелей, которые согласились помочь ему, и, нарушив партийную дисциплину, на время, изъял из сейфа печать партии «ортодоксов». Затем Фидель,

с помощью друзей, послал 80 тысячам (!) членов партии, проживавших в Гаване, письма с просьбой о поддержке его кандидатуры. Самый положительный отклик просьба Кастро вызвала в одном из самых бедных районов Гаваны – Кайо Уэсо, где находились мастерские рабочих, еще не забывших, как он помогал им в юридических тяжбах с богачами. Сработало и «сарафанное радио». И вскоре тысячи людей выдвинули Фиделя как независимого кандидата на выборы в конгресс Кубы.

Все предрекало победу на парламентских выборах именно партии «ортодоксов», которая, по предварительным опросам, за три месяца до выборов могла набрать около 50 процентов голосов. Параллельно шла предвыборная борьба за пост главы государства. Однако неожиданно активизировал свою деятельность Фульхенсио Батиста, ставший кубинским сенатором в 1948 году. Причем он ухитрился добиться этого, живя в США. Впрочем, он мог себе позволить тратить на избирательную кампанию средства, которые и не снились другим кандидатам в сенаторы. На деньги, «накопленные» в период своего первого президентства, Батиста создал партию «Народное действие». Он вступил в предвыборную гонку под популистскими лозунгами, обещав повысить зарплату военным и чиновникам госаппарата, и сумел привлечь на свою сторону даже кубинских коммунистов. До политических противников Батисты доходили слухи, что он путем подкупа вербует новых сторонников и призывает под свои знамена «старую военную гвардию», изгнанную из коридоров власти во время правления «аутентиков». Но слухам о готовящемся в среде военных государственном перевороте никто не придавал значения. Слишком гладко прошли на Кубе две предыдущие президентские кампании 1944 и 1948 годов. Но оказалось, Батиста действительно готовился к перевороту, поняв, что его шансы на избрание почти равны нулю.

Летом 2007 года Фидель Кастро в своих «Размышлениях» – цикле статей в главной кубинской газете «Гранма» – утверждал: «Если бы Чибас был жив, Батиста не сумел бы устроить государственный переворот, потому что основатель Партии кубинского народа („ортодоксов“) пристально следил за ним и методически публично ставил его к позорному столбу»[83].

Американцы, обеспокоенные ростом влияния левых партий, хотели видеть в качестве президента Кубы именно Батисту. «Симпатичный мулатик», как называли Батисту в Вашингтоне, за четыре, с 1944 по 1948–й, года отдыха на роскошной вилле в Майами успел не только как следует расслабиться, но и установил связи с влиятельными политиками и бизнес–элитой США. На Батисту у американских спецслужб было много

компромата. В Белом доме понимали, что досье о его связях с мафией – самый действенный способ давления на Батисту, если, придя к власти, он отклонится от «генеральной американской линии». Но путь к возвращению в кресло президента для Фульхенсио Батисты был не таким уж легким. Предварительный опрос населения показал, что Батиста может рассчитывать на выборах на поддержку лишь 14 процентов населения.

По всем прогнозам выходило, что «титул президента» должны «разыграть» два других кандидата: Роберто Агра–монте от «ортодоксов» и Карлос Эвиа, которого поддерживали «аутентики». Поняв, что ему не суждено прийти к власти законным путем, Батиста начал готовиться к ее захвату с помощью военных…

Ранним утром 10 марта 1952 года помощник разбудил президента Кубы Прио Сокарраса и передал ему послание от Батисты: «С тобой всё кончено! Я – правительство!»

Глава пятая
ШТУРМ МОНКАДЫ

Фульхенсио Батиста был необразованным человеком и слабым политиком. Обидчивый и высокомерный, он во всем старался копировать своего кумира Наполеона Бонапарта. Знакомым он признавался, что сравнивает «заговор сержантов» 4 сентября 1933 года с 18 брюмера, а военный переворот 10 марта 1952 года – с возвращением Наполеона с острова Эльба. Правда, искренне верил, что не повторит финал Наполеона. И в конце жизни его будут ждать успех и слава, а не забвение и одиночество. Кроме того, Батиста исповедовал языческую веру и в решающие для него моменты, особенно когда находился на вершине власти, обращался за советами к личному колдуну. У него был талисман–божок, принадлежавший в Средние века вождю одного из африканских племен. Об этом удивительном талисмане речь пойдет в другой главе.

Фульхенсио Батисту не зря называли «королем переворотов». Этот бывший сержант, который во время своего первого президентства сам себя произвел в генералы, оказался мастером дворцовых интриг. Причем он не выдумывал какие–то сложные схемы и не плел хитроумные комбинации, чтобы прийти к власти. Он следовал двум самым важным правилам почти всех латиноамериканских заговоров и переворотов. Во–первых, знал, что «внезапно взять власть» в Латинской Америке можно, склонив на свою сторону армию, – нужно просто дать военным установку поставить на место слабовольных гражданских. Во–вторых, не дразнить и не обижать американцев, выполнять их просьбы и поручения, не зарываться и помнить, «кто старший в латиноамериканском доме». Его вовсе не беспокоило то, что компетентным американским органам хорошо известно о его связях с мафией. Однако он не учел того факта, что американцы, используя в своих интересах «людей во власти в Латинской Америке», как правило, позже избавлялись от них, как от отработанного материала.

Людей, обиженных на власть (гражданских и в армейской среде), на Кубе было предостаточно. «Аутентики» перекрыли доступ во властные структуры военным, к началу 1950–х годов полностью «выкурив» из ключевых государственных структур сподвижников Батисты.

«Я верну вас во власть!» – обещал высокопоставленным офицерам Батиста. К тому времени, когда депеша Фульхен–сио

Батисты о том, что отныне «он – правительство», дошла до президента Прио Сокарраса, в главном военном гарнизоне Гаваны – крепости Колумбия по призыву Батисты, приехавшего туда заранее, уже собрались несколько тысяч военнослужащих.

Оппозиция не смогла, вернее, побоявшись, не оказала генералу и его сподручным серьезного сопротивления. Силы, которые до 10 марта 1952 года считали Фульхенсио Батисту своим противником, вскоре присягнули ему. Республиканская, Либеральная и часть Демократической партии Кубы сразу же перешли на сторону Батисты.

Весть о перевороте, который замыслил Батиста, не стала для Фиделя сенсацией. Он хорошо знал повадки Батисты, анализировал предвыборные расклады. Неожиданностью стало другое – как быстро и, главное, без какого–либо сопротивления со стороны законно избранных властей он был осуществлен.

Ранним утром 10 марта 1952 года ситуация еще была далеко не такой безнадежной. Военные еще не вышли из своей ставки, в Гаване не начались столкновения. Действовать надо было стремительно, не теряя ни минуты. Десятки студентов, высыпав из университетского городка на пустынные улицы столицы, устремились к президентскому дворцу, чтобы уговорить президента Прио Сокарраса принять решительные меры. Фидель был во главе этой толпы.

«Когда произошел переворот Батисты, у меня уже была выработана стратегия на будущее: запустить революционную программу и организовать народное восстание, – рассказывал впоследствии Кастро. – С того момента у меня в голове была концепция борьбы и фундаментальной революционной идеи: взятие власти революционным путем»[84].

Толпа студентов подошла к президентскому дворцу в восьмом часу утра. Прио Сокаррас согласился принять группу делегатов, среди которых был Фидель. Студенты попросили главу государства выдать им оружие, чтобы защищать законную власть. Сокаррас пообещал, что через некоторое время грузовики с оружием прибудут в университетский городок, и призвал молодежь вернуться в общежитие. Однако это обещание оказалось лживым. Прио Сокарраса беспокоило только одно – остаться в живых и найти способ покинуть столицу.

Тем временем Фидель продолжил мобилизацию наиболее радикальных студентов и настроенных по–боевому членов молодежного крыла «ортодоксов». Он вступил в переговоры с некоторыми руководителями этой партии. На словах все они были за вооруженную борьбу против военных мятежников во главе с Батистой. Действия Фиделя одобряли, к его мнению

прислушивались. Но вскоре Кастро убедился, что все это фальшь. А затем до студентов дошла информация о том, что Прио Сокаррас покинул президентский дворец и укрылся в мексиканском посольстве.

Время было потеряно. Молодежь в университетском городке, так и не дождавшись «оружия от Прио Сокарраса», стала разбредаться по домам. Рядом с Фиделем остались чуть больше сотни человек. У многих из них, конечно, было оружие, пистолеты, с которыми ходил в кармане каждый уважающий себя гаванский студент. Но разве с ними можно противостоять профессиональным военным?

В полдень Фульхенсио Батиста устроил пресс–конференцию, на которую пригласил журналистов ведущих кубинских изданий и иностранных корреспондентов. Исповедуя главный пропагандистский принцип тиранических режимов – «Самая большая ложь и есть настоящая правда», Батиста заявил журналистам, что якобы Прио Сокаррас готовил государственный переворот, чтобы сорвать предстоящие выборы президента – мол, так боялся потерять власть. И его бегство с Кубы лишь подтверждает поговорку: «На воре и шапка горит». Генерал всячески пытался доказать, что явился «кубинцам во спасение».

Чтобы склонить на свою сторону часть колеблющихся военных, Батиста объявил на всю страну, что своим первым указом повышает жалованье полицейским и военнослужащим. Полиция при Батисте станет своего рода «кубинским гестапо», будет пытать и убивать осмелившихся встать в оппозицию к режиму.

Своим указом Батиста расформировал Верховный суд страны, разогнал аппарат прежнего президента, набрал в новый проверенных людей из армейской среды. Прекратил действие Конституции 1940 года, которая была принята, когда Батиста в первый раз стал президентом. Это означало конец избирательной кампании на Кубе, которая к тому времени была в полном разгаре. Он упразднил конгресс, отдав законодательные функции подконтрольному ему Совету министров. Не забыл и своих покровителей – назначив сам себя главой переходного правительства до новых выборов, он обещал защитить американские капиталовложения на Кубе. США закрыли глаза на государственный переворот на Кубе и приветствовали возвращение Батисты на пост главы государства. Фульхенсио Батиста заявил, что приложит все усилия для «подавления коммунистического проникновения», и, если США будут втянуты в войну с Советским Союзом, Куба будет воевать на стороне Штатов. Первые решения Батисты так понравились американцам,

что тогдашний посол США на Кубе Артур Гарднер, еще несколько недель назад уверявший в дружбе Вашингтона и Гаваны Прио Сокарраса, теперь заявил, что «история Кубы начинается с 10 марта 1952 года».

21 марта 1952 года временный поверенный в делах СССР на Кубе Фомин посетил заместителя министра иностранных дел Кубы Гюэля, чтобы получить разрешение на въезд в страну советских дипломатических курьеров, которые должны были прибыть в Гавану в тот же день. Гюэль заявил Фомину, что кубинское правительство не может дать такое разрешение, так как оно считает отношения между СССР и Кубой «прерванными». То, что советское правительство не ответило на ноту МИДа Кубы от 11 марта 1952 года о том, что Батиста становится президентом, не поздравило его, означает, что СССР не признает новое правительство Кубы. Советские дипкурьеры, прибывшие 21 марта 1952 года в Гавану самолетом из Мексики, были задержаны на аэродроме, а затем препровождены в самолет, направлявшийся обратно в Мексику. После этого Куба и СССР официально заявили о разрыве дипломатических отношений.

10 марта 1952 года, когда к власти на Кубе пришел Батиста, Фидель Кастро называл одним из самых важных дней в своей жизни. «Винтовку и приказ – вот и всё, что я желал иметь в тот момент», – говорил Кастро. Но ни президент, ни лидеры партии «ортодоксов», проявившие трусость и нерешительность, не рискнули начать вооруженную борьбу с мятежниками. Именно тогда Фидель решил порвать все контакты с политиками подобного рода, которых его младший брат Рауль назвал «людьми–пробками, остававшимися на плаву всегда, при любых политических бурях».

Теперь прогрессивно настроенная молодежь осталась единственной силой, противостоящей Батисте. Федерация университетских студентов возглавляла первые массовые протесты против его режима, начавшиеся чуть позже, в 1953 году. Объединив молодых патриотов, большей частью своих сверстников из молодежной секции партии «ортодоксов», Кастро принял одно из самых главных решений в своей жизни – начать подготовку вооруженного выступления против диктатора.

Фидель с двумя своими товарищами уехал в пригород Гаваны. Здесь в доме одного из активистов молодежного крыла «ортодоксов» написал два документа. Первый – манифест «Военный мятеж», своего рода воззвание к Батисте – стал политической установкой Фиделя и его единомышленников на ближайшие годы. Он был отпечатан на стареньком мимеографе – аппарате для размножения рукописного или машинописного

текста. Опубликовать его не рискнула ни одна из газет, даже смелая «Алерта», которая принимала до этого все острые тексты Кастро. Как раз в эти дни отмечалась годовщина самоубийства Чибаса, и друзья Фиделя, соратники по партии, раздавали этот документ всем, кто пришел 16 марта 1952 года на гаванское кладбище Колон почтить память сенатора.

В обращении к Батисте Фидель сразу же перешел в атаку: «Вы совершили переворот не против беспомощного, находившегося в прострации президента Прио, а против народа, да еще сделали это накануне выборов, результаты которых практически были известны заранее <…> Своими действиями вы сеете не мир, а зерна ненависти. Не счастье, а скорбь и горе испытывает наш народ перед открывающейся трагической перспективой <…> Наступил час борьбы и самопожертвования. Отдать жизнь – это значит ничего не потерять, а вот жить в кандалах – это жить в позоре. Умереть за родину – значит стать бессмертным!»[85]

Вторым документом стало обвинительное заключение в отношении Фульхенсио Батисты. Как учили в университете, опираясь только на факты, Фидель Кастро проанализировал антиконституционные и незаконные действия Батисты, приведшие к государственному перевороту, и уже через две недели, 24 марта 1952 года, отнес свое досье в гаванский суд по особо важным и срочным делам. Батиста отменил конституцию, но не отменил уголовный кодекс. Фидель убедительно доказывал, что генерал нарушил семь уголовных статей, что «тянуло» более чем на 100 лет тюремного заключения.

Как и следовало ожидать, в гаванском суде делу «Фидель против Фульхенсио Батисты» не дали хода. Сам диктатор не придал должного значения информации о зяте своего товарища, который во второй раз выступил с обличениями в его адрес.

В первые месяцы после переворота Батиста играл роль этакого либерального диктатора, для укрепления власти которому было вовсе не обязательно бросать скопом своих политических противников в тюрьмы. Ему нужно было решать «важные государственные дела». Бороться не с одиноким бунтарем, а с потенциально опасными коммунистами. Помогать американцам расширять сферы влияния. Наконец, пополнять собственный карман, иначе зачем он вернулся во власть?

По сравнению с аппетитами Батисты «президентские шалости» Прио Сокарраса, оформлявшего землю и недвижимость на подставных лиц, бравшего взятки чаще через посредников, могли показаться детской забавой. Батиста тоже «брал». Но, как правило, лично и миллионами. «Антильский мулатик» не гнушался, как сейчас принято говорить, и «стильных штучек»,

вроде телефонного аппарата, сделанного из драгоценных металлов. Это была благодарность крупнейшего монополиста в области телефонных услуг на острове – североамериканской корпорации «ITT», которой диктатор «подарил» право повышать по своему усмотрению тарифы на услуги телефонной связи. А в «антологию мирового взяточничества» так и просится история о преподнесенном Батисте ночном горшке из золота, который был любимой «игрушкой» диктатора.

Фидель, по опыту знавший, что неподготовленные военные операции обречены на провал, избрал для себя два главных принципа: дисциплина и конспирация. Это означало, что лидер, которому обязаны безоговорочно подчиняться бойцы, должен лично заниматься их подбором и инструктажем и никого не посвящать в план военной операции: когда и каким образом начнется, а главное, где именно она должна завершиться. Он не сказал о том, что задумал, даже брату Раулю!

Костяк революционного отряда на этапе его становления вместе с Фиделем составили его брат Рауль и члены молодежного крыла «ортодоксов» Хесус Монтане и Абель Санта–мария, которые работали в филиалах американских автомобильных концернов в Гаване. Проанализировав ситуацию, Фидель с товарищами решили начать вооруженную борьбу с Батистой в городе Сантьяго–де–Куба. Во–первых потому, что это отдаленные от столицы места – родная для Фиделя провинция Ориенте, где в лесистых горах Сьерра–Маэстра можно было укрыться. Во–вторых, Батиста и его окружение не рассчитывали, что их противники могут начать вооруженное выступление в провинции. Генерал придерживался принципа: «Кто владеет крепостью Колумбия, тот владеет Кубой», и потому сосредоточил свои силы в этом гаванском гарнизоне. В–третьих, жители Сантьяго–де–Куба и провинции Ориенте, в отличие от аморфных и избалованных гаванцев, на втором этапе операции вполне могли присоединиться к отряду. Три войны за независимость Кубы начинались именно здесь, где традиционно было большое количество рабов. Именно здесь были наиболее сильны антибатистов–ские настроения, и именно в этой провинции погиб «апостол» кубинской революции, легендарный Хосе Марти. В 1953 году исполнялось 100 лет со дня его рождения, и победа над ненавистным режимом стала бы лучшим подарком для кубинского народа.

Чтобы поднять народ одновременно с началом выступления отряда, необходимо было захватить оружие у противника. Фидель решил взять его во второй по величине военной крепости страны Монкада. Там было расквартировано около полутысячи военных,

а названа так она была в честь Ги–льермо Монкады – кубинского патриота, героя десятилетней войны за независимость XIX века. Изучая местность и проводя рекогносцировку, Фидель, по его признанию, проехал около 40 тысяч километров! Итак, Фиделю предстояло понять мотивацию каждого из добровольцев, которые решили присоединиться к его отряду, и уже потом обучать их владению оружием, соблюдению жесткой дисциплины и конспирации. Тогда на Кубе «было множество тех, кто выступал против мошенничества, растрат, безработицы, беззакония, несправедливости, – рассказывал впоследствии Кастро. – Но они считали, что причиной этого являются плохие политики, и не могли понять, что именно политическая система лежала в основе всех проблем. Я был убежден, что влияние капитализма, невидимое для большинства людей, воздействовало на человека так, что он этого не замечал. Существовали убеждения, что с неба спустится архангел для управления республикой, и с приходом которого установятся административная честность и порядок, будут строиться школы и никто не будет воровать деньги, выделяемые на здравоохранение и другие социальные цели. Простые люди не могли понять, что такие понятия, как безработица, бедность, нехватка земель и другие подобные проблемы, архангел не сможет решить, поскольку этому противостояла существующая в стране система собственности. Я был полностью убежден, что эту систему нужно искоренять»[86].

Фидель лично принимал каждого новобранца в отряд и с каждым проводил агитационную работу. Сам искал надежных людей среди беднейших слоев населения. Отбирал их по таким критериям: человек должен быть патриотом, ненавидеть режим Батисты, быть преданным делу и товарищам, честным, ответственным, готовым идти на смертельный риск. Фидель разговаривал с каждым кандидатом по многу часов ежедневно. Аргументы Фиделя Кастро носили большей частью политический и идейный характер. Большинство в отряде составляла молодежь, примкнувшая к партии «ортодоксов». Приученная к дисциплине, она сразу же стала оправдывать его надежды. А вот принимать в отряд коммунистов и членов организаций католической молодежи, которые были связаны со своими структурами строгой партийной дисциплиной, Кастро не спешил.

Для встреч и бесед с людьми, которые пожелали присоединиться к его отряду, был выбран основной, гаванский офис партии «ортодоксов» по адресу: Прадо, 109. Всем было известно, что туда ежедневно приходило много народу, чтобы пообщаться на животрепещущие темы. Кастро собирал пять—семь добровольцев в небольшой комнате. Людей, которые подходили

ему, Фидель сразу же ставил в своеобразную зависимость от себя, при этом не посвящая в свои конечные планы. Вскоре отряд разросся до 1200 человек. Это были молодые парни в возрасте 20—24 лет, проживавшие в Гаване или ее пригородах. Только двоим добровольцам было за тридцать.

Уже после победы кубинской революции историки и исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что в отряде Фиделя Кастро, который намеревался выступить в Сантьяго–де–Куба, почти все бойцы были потомками испанских эмигрантов. Главный упор в идеологической подготовке делался на знакомство с марксистскими трудами. «Если бы мы не изучали марксизм, если бы мы не узнали из книг о политической теории Маркса и если бы мы не были вдохновлены Марти, Марксом и Лениным, мы не смогли бы даже представить себе революцию на Кубе, потому что группа людей, из которых никто не учился в военной академии, не смогла бы начать войну против армии, хорошо организованной, хорошо вооруженной и хорошо обученной, и одержать победу практически без потерь»[87], – вспоминал эти годы Фидель Кастро.

Инструктаж и обучение новобранцев огневой подготовке взял на себя Педро Мирет, студент инженерного факультета Гаванского университета. Хороший стрелок, давний знакомый Фиделя, он с первых дней вошел в руководящий состав движения. (Позже, в революционном правительстве Кастро Педро Мирет займет пост министра сельского хозяйства.) Пользуясь хорошей репутацией у администрации альма–матер, Мирет по вечерам и ночам организовывал во дворе и в подвальном помещении Гаванского университета занятия по военной подготовке. Такие же занятия проводились в охотничьем клубе в Серро и в провинции Пинар–дель–Рио. Молодые люди могли спокойно тренироваться, не боясь быть разоблаченными. Во–первых, потому что по–прежнему сильной была автономия самого университета и полиция должна была получить специальное разрешение, чтобы войти на его территорию. Во–вторых, потому что окружение Батисты искало врагов в более взрослой среде политических оппонентов, а «студенческие забавы» даже не принимало в расчет. Спецслужбы Кубы полагали, что гораздо большую опасность представляют эмигранты, группирующиеся вокруг бежавшего из страны Прио Сокарраса.

Тренировки повстанцев в Гаванском университете по легенде должны были представляться как обычные занятия студентов – будущих солдат и офицеров по общевойсковой подготовке. Кстати, уникальность кубинской революции заключалась в том, что среди ее участников не было ни одного профессионального

военного!

Все постигалось путем проб и ошибок. Огневая подготовка проходила… в обычных тирах Гаваны. Причем в целях соблюдения конспирации некоторым бойцам, учитывая их типаж, изменялась внешность.

По предложению Педро Мирета была введена так называемая система революционных «сот и ячеек». Отряд разбивался на небольшие группы, по шесть—восемь, но, как правило, не больше 10 человек, они знали только своего командира и друг друга под псевдонимами. Каждая из таких ячеек была нацелена на выполнение своей специфической задачи, о которой бойцы узнавали непосредственно перед боем.

Фидель, понимавший важность не только устного, но и печатного слова, настоял на выпуске бюллетеня под названием «Обвинитель». Он осознавал, что тем самым нарушает правила конспирации. Но не в его характере было уходить в подполье. Эта «газета–листовка» печаталась на имевшемся у Абеля Сантамария ротаторе.

Фидель писал статьи в «Обвинитель» под псевдонимом «Алехандро» («Александр»), выбранный в честь Александра Македонского. Это имя являлось революционным псевдонимом Фиделя до самой победы в 1959 году.

В этом бюллетене 16 августа 1953 года была напечатана статья «Критический обзор деятельности Партии кубинского народа („ортодоксов“)», в которой Кастро давал понять, что обрывает все контакты с партийными коллегами и встает на свой революционный путь.

Агенты батистовских спецслужб до поры до времени не обращали внимания на эти листовки, полагая, что это часть внутренних разборок в партии «ортодоксов», которые были на руку новым властям. Но когда Фидель Кастро в своей статье «Я обвиняю» не просто осмелился покритиковать, а назвал президента «верным псом империализма, холуем всех послов», терпение спецслужб лопнуло. К тому же им стало известно, что молодые оппозиционеры создали подпольную радиостанцию и намереваются выйти в эфир. И однажды на квартиру, где хранился радиопередатчик, ротатор и листовки, нагрянула полиция. Она арестовала Абеля Сантамария, Мельбу Эрнандес и Хесуса Монтане, а технику конфисковала. К счастью, полиция отнесла действия арестованных к «забавам молодости» и, строго предупредив их об ответственности в дальнейшем, освободила из–под стражи. Фидель Кастро лишь по счастливой случайности не засветился в полиции. Он понял, что совершил ошибку, и решил ради конспирации прекратить на время любые публичные

антиправительственные выступления, всякие «выходы в народ и эфир».

Фидель все реже бывал в семье. Посвятившая себя воспитанию сына Мирта была абсолютно безразлична к «революционным исканиям» супруга. К тому же на нее оказывали сильное давление родственники. Ее брат Рафаэль, начинавший как руководитель молодежного крыла батистовской партии, стремительно делал карьеру. Генерал–диктатор не забывал людей, которые остались ему верны, когда он был в опале. Более того, он не забыл одарить семью Диас–Ба–ларт, с которой он сохранял дружеские отношения. Батиста назначил молодого Рафаэля Диас–Баларта заместителем министра внутренних дел. Он передал под его начало тайную политическую полицию, которая должна была следить за оппозиционерами. Таким образом, брат Мирты стал одним из главных идейных противников и врагов ее мужа, Фиделя Кастро. И она, по сути, должна была выбирать, образно говоря, между «зовом предков» и любовью к мужу. В общем, супружеская жизнь дала трещину. Как раз в этот момент Фидель познакомился со светской львицей Гаваны Нати–дад – «Нати» – Ревуэльта. Это была девушка из богатой семьи, обладавшая «мятежным духом и революционным шармом». Она считала себя социалисткой.

«Когда Фидель встретил Нати в начале 1950–х, она казалась кинозвездой, которую боги искупали в оливковом масле, как Аву Гарднер и Риту Хейворт. У нее были большие зеленые глаза, прекрасный рот и волосы цвета воронова крыла. Она была сиреной, которую растили для хорошего замужества»[88], – писала биограф семьи Ревуэльта Уэнди Джимбел.

Молодая и не менее страстная, чем Фидель, Нати была замужем за старым и уважаемым столичным кардиологом, на прием к которому ходили сливки «гаванского общества». Без ее участия не обходилось ни одно сколь–нибудь значимое светское мероприятие в Гаване. Услышав впервые пламенную речь Фиделя на одном из митингов, Нати Ревуэльта не могла не поддаться его магнетизму. Однажды товарищи по партии попросили Нати спрятать Фиделя на время в ее квартире, когда врач находился на дежурстве. Ключи от элитной квартиры в самом престижном гаванском районе Ведадо Натидад передала Фиделю в конверте, пропитанном ароматом дорогих духов «Шанель». Так начался роман пылкой красавицы и революционного романтика. Для Фиделя Кастро он стал своего рода продолжением его второй, скрытой от чужих глаз, жизни: встречи любовников проходили втайне от всех. Одна из подруг Нати позже вспоминала: «Как только любящая женщина появилась в вестибюле и молодые

люди взглянули друг на друга, они, словно пораженные ударом молнии, ослепли и оглохли, сфокусировав весь мир друг на друге. К тому же эта связь для нее ассоциировалась с началом политической деятельности, увлекающей и мятежной, как сама молодость. А он стоял перед красивым храмом и жаждал в него войти»[89].

Нати Ревуэльта стала играть важную роль не только в личной жизни Фиделя, но и в подготовке молодых патриотов к вооруженному выступлению. Энтузиазм, горячность, активность Нати, не порывавшей с аристократическими кругами, но искренне помогавшей революционерам, не могли не прийтись по душе будущему лидеру революции. Нати Ревуэльта была так влюблена в Кастро, что продала свои фамильные драгоценности и подарки мужа, чтобы «поучаствовать деньгами» в тайной деятельности молодых революционеров.

А деньги будущие повстанцы были вынуждены собирать, что называется, «с миру по нитке». За четырнадцать месяцев в ряды революционной организации вступили 1 200 человек. Было создано около 150 боевых и мобильных ячеек.

В своей речи на суде, известной под названием «История меня оправдает», Фидель рассказал: «Мы собрали свои средства лишь благодаря беспримерным лишениям. Например, юноша Эльпидио Соса продал свою должность и однажды явился ко мне с 300 песо, как он сказал, „для нашего дела“.

Фернандо Ченард продал аппаратуру из своей фотостудии, в которой он зарабатывал себе на жизнь. Педро Марреро отдал на подготовку восстания свое жалованье в течение многих месяцев, и пришлось строго ему приказать, чтобы он не продал также свою мебель. Оскар Алькальде продал свою лабораторию фармацевтических товаров. Хесус Монтане отдал деньги, которые он копил более пяти лет. Так поступили многие другие»[90].

С большим трудом революционеры собрали смехотворную по тем временам сумму, чтобы «делать революцию», – около 20 тысяч песо. На эти деньги можно было вооружить лишь чуть более полутора сотен бойцов, и то не профессиональным оружием, а охотничьим, малокалиберными винтовками, которые продавались свободно в оружейных магазинах. К тому же на руку повстанцам было то, что такое оружие продавалось без регистрации имен покупателей.

В 1999 году Фидель под смех и аплодисменты участников I Международного конгресса по культуре и развитию, проходившего в гаванском Дворце съездов, рассказывал о тех годах с присущей ему иронией: «Нам выпало приобрести революционное сознание, когда уже были самолеты, танки,

пушки, средства связи и многое другое, о чем в то время не было даже представления; но поскольку мы верили в определенные принципы и исходили из определенной традиции, мы разработали идею вооруженной борьбы, ее стратегию и тактику. Русские, советские не имели к этому никакого отношения – никто; как никто не поставлял нам никакого оружия, не давал нам ни гроша. Только потом в этом полушарии возникли революционные движения, располагавшие десятками миллионов долларов. Однажды я подсчитал, во сколько обошлись Монкада, „Гранма“ и война в Сьерра–Маэстра, и, возможно, я не ошибусь, если в сумме все это даст 300 тысяч долларов. Так что можно записать еще этот пункт в нашу пользу и сказать, что мы совершили самую дешевую в мире революцию»[91].

К тому же, как выяснилось позже, на суде, эти охотничьи ружья и винтовки были приобретены в кредит и рассрочку через проверенных лиц. Фидель, сам выбиравший для бойцов ружья, отдал предпочтение бельгийским охотничьим ружьям 12–го калибра и американским легким полуавтоматическим, но эффективным в ближнем бою винтовкам 22–го калибра «М–1 спрингфилд». На вооружении в отряде был лишь один автомат 45–го калибра «томпсон», который Фидель считал лучшим оружием для обороны позиций.

Фидель начал разрабатывать операцию по захвату крепости Монкада. Но, поскольку на собранные деньги можно было приобрести не более 150—160 единиц оружия, штурмовать крепость могли только примерно полторы сотни бойцов, а не весь отряд. Те, кто оставались «за бортом», должны были быть в боевой готовности, чтобы присоединиться к отряду после того, как в руки бойцов попадет оружие правительственной армии.

Но еще нужно было решить проблему экипировки. И Фидель придумал гениальный ход. Памятуя о том, какой эффект произвел заговор сержантов 1933 года и как стремительно он произошел, Фидель распорядился раздобыть или пошить для штурмовиков армейскую форму непременно с погонами сержантов батистовской армии. Он знал, что военные, особенно младший армейский состав, часто, почти задаром, продают запасные комплекты формы крестьянам в период сезонных работ. Благодаря солдату, внедренному в гаванскую казарму Колумбия, было приобретено около 100 комплектов армейской формы.

Остальные комплекты были изготовлены из типовой армейской ткани группой женщин–революционерок. Таким образом, все члены отряда превратились в «сержантов» ба–тистовской армии. Революционеры, многие из которых до штурма не знали лично друг друга, должны были распознавать своих в

бою по типу оружия, а главное, по обуви – неармейской.

Теперь предстояло найти перевалочный пункт – место в окрестностях Сантьяго, куда накануне штурма должны были прибыть небольшие отряды бойцов. И тут пригодился Ренато Гетарта, единственный из бойцов житель Сантьяго и один из четырех человек, вместе с Фиделем, Абелем Санта–мария и Хесусом Монтане, знавший конечную цель штурма. Гетарта досконально знал Сантьяго и его окрестности. Он понимал, что для сбора штурмовиков необходим объект, находящийся в отдалении от дорог и скрытый от посторонних глаз. (То, что в отряде был только один человек из Сантьяго, который мог ориентироваться на местности, сыграет отрицательную роль во время атаки.)

Ренато нашел неподалеку от Сантьяго небольшую ферму «Сибоней», которая сдавалась в аренду. Роль новой «хозяйки фермы» должна была играть Айде Сантамария, сестра Абеля, которой, по легенде, надоело жить в городе, и она решила переехать в сельскую местность и разводить в

«Сибонее» кур. На территории фермы очень пригодился пустой глубокий колодец – его переделали под оружейный склад. Там даже оставалось место, где могли спрятаться несколько бойцов. Кроме того, на ферме был сооружен закрытый навес якобы для содержания клеток с живностью. На самом деле там планировалось поместить часть автомобилей, на которых бойцы должны были двинуться к крепости Монкада.

Штурм был намечен на 26 июля, на третий день ежегодного карнавала в провинции Ориенте. Организаторы операции не случайно выбрали именно этот день. Они знали, что во время карнавала в Сантьяго будут запускаться фейерверки, и никто, привыкнув к пальбе, не будет обращать особого внимания на канонаду и выстрелы. Кроме того, и солдаты, и офицеры в эти дни, как правило, получали увольнительную, расслаблялись, утрачивали бдительность. Наконец, участием в карнавале можно было объяснить приезд в Сантьяго такого большого количества молодых людей на машинах, чтобы повеселиться. Айде Сантамария как бы невзначай упомянула в беседе с местными жителями, что к ней приедут «развеяться» друзья из Гаваны. В дни карнавала снять номер в приличном отеле Сантьяго было большой проблемой, и гаванцы нередко снимали комнаты и дома у местных жителей. Айде Сантамария, без лишних вопросов и не вызвав подозрений, купила в местной лавке двадцать матрасов, на которых могли «переночевать гости».

Самой сложной проблемой было доставить на ферму оружие. Везти его с собой в машинах по дорогам, где было много

полицейских, было рискованно. Поэтому решили доставлять винтовки на «Сибоней» заранее, небольшими партиями.

Сбор всех групп был назначен на вечер 25 июля. 165 участников штурма должны были приехать на ферму «Сибо–ней» на машинах. Некоторым командирам «ячеек» приказали взять машины напрокат не в Сантьяго, а в столице «покататься» на них по улицам Гаваны, чтобы проверить, нет ли слежки, и в случае чего сбить с толку противника. Для каждой ячейки было назначено свое время прибытия на ферму. Большинство повстанцев остановились в квартирах жителей в Сантьяго.

Фидель выехал из Гаваны в Сантьяго в ночь на 25 июля. Ему предстояло преодолеть с водителем около тысячи километров. По пути он заехал в магазин оптики, где приобрел очки. Уже тогда Фидель страдал близорукостью и взял запасные, на случай, если первые потеряет или повредит в бою. Когда вечером 25 июля на ферме «Сибоней» собрались все группы, Фидель и Абель Сантамария обнародовали план операции и «расписали» роли для всех участников штурма. Все было организовано так, чтобы исключить малейшую утечку информации. Даже родной брат Фиделя Рауль до последнего момента не знал, какой объект предстоит атаковать. Фидель посвятил участников операции в свои планы лишь за час до операции.

Но до этого часть бойцов была направлена Фиделем Кастро и Абелем Сантамария для захвата еще одной военной крепости – Баямо, находившейся в двухстах километрах от Сантьяго. Повстанцы рассчитали, что, когда поднимется тревога, первые войсковые подразделения направятся в Сантьяго не из столицы, а из провинции. Взятие Баямо было необходимо в стратегическом плане, для того чтобы повредить железнодорожный мост над рекой Кауто, в нескольких километрах к северу от этой крепости.

В итоге на ферме «Сибоней», помимо Фиделя, осталось еще 134 человека, включая двух женщин – Мельбу Эрнан–дес и Айде Сантамария, которые были взяты в отряд в качестве медсестер. Фидель Кастро объявил бойцам, что атака Монкады состоится в 5 утра, что это «дело рискованное и потому добровольное», а затем попросил тех, кто твердо решил идти за ним, сделать шаг вперед. На своем месте остались 11 человек.

Фидель разделил отряд на три штурмовые группы. Первая, которую возглавил он сам, насчитывала 90 человек. Именно на нее возлагался штурм самой крепости. Восемь человек, в том числе Хуан Альмейда, Хесус Монтане и Ре–нато Гитарта, должны были выдвинуться вперед и бесшумно разоружить часовых у ворот Монкады, затем пропустить внутрь основную колонну автомашин. Бойцам этой ударной группы предстояло

стремительно ворваться в казарму и арестовать спавших солдат. У этой группы оказалось самое тяжелое задание: захватить штаб, из которого мог быть подан сигнал тревоги в Гавану.

Другая группа, численностью 24 человека, включая врача и двух медсестер, под руководством Абеля Сантамария должна была захватить здание госпиталя и вести в случае необходимости огонь по казарме с тыла, прикрывая отход основной группы. Сантамария должен был занять место командующего всем отрядом в случае гибели Фиделя.

Второй группе поддержки под руководством Рауля и состоявшей из десяти человек предстояло занять здание суда, установить на его чердаке автомат–пулемет и держать под контролем верхние этажи и крышу казармы. Фидель знал, что гарнизон крепости Монкада был вооружен полуавтоматическими винтовками М–1, автоматическими винтовками и пулеметами 30,06 и 50–го калибров и гранатометами. А на крыше казармы было установлено несколько зачехленных пулеметов.

В случае благополучного исхода операции Фидель Кастро и его ближайшие соратники собирались выступить по радио с обращением к кубинскому народу, призвать его к вооруженному восстанию против режима Батисты. А затем, забрав оружие из крепости, укрыться в горах Сьерра–Маэстра и продолжать борьбу.

Годы спустя после штурма Фидель подробно объяснил, что делали бы повстанцы в случае удачного начала операции: «Если бы мы взяли Монкаду, три тысячи единиц оружия было бы в наших руках. Все мы были „сержантами“. Одна прокламация „Восстание сержантов“ должна была повергнуть в хаос ряды наших врагов. Те, кто находились в тюрьме, должны были бы послать письма всем начальникам эскадронов о „новом восстании сержантов“, которое было на Кубе недавно, и эти сержанты смогли добиться многого.

Сразу же после этого мы бы идентифицировались и сказали бы, кто на самом деле взял Монкаду. Потом мы бы распространили оружие по городу, чтобы защититься в случае атаки с воздуха. Для них неважно, есть ли солдаты в крепости или нет. Мы планировали немедленно вынести все оружие из зданий, потому что первая контратака должна была быть с воздуха. Нас беспокоила главная дорога, по которой должны были пойти войска для контратаки. Поэтому наша вторая группа атаковала Баямо. Было необходимо перегородить мост через Кауто на Центральной дороге <…> После крепости мы бы оккупировали местное сельское радио. У нас были готовы все законы, призвание народа к массовой забастовке»[92].

«Мы представляли собой всего лишь группу людей и не

исходили из того, что сможем своими силами свергнуть батистовскую тиранию, нанести поражение армии, нет, – вспоминал Фидель события того рокового дня. – Однако мы полагали, что эта группа людей могла первыми взять в свои руки оружие и начать вооружать народ. Мы знали о том, что хотя группки людей не хватит для свержения режима, однако этого может быть достаточно для того, чтобы дать толчок к выходу громадной энергии народа, который безусловно был способен смести этот режим»[93]. Позже Фидель говорил, что, если бы 26 июля 1953 года у него было еще 200 бойцов или хотя бы 20 ручных гранат, штурм Мон–кады мог бы завершиться победой.

Перед тем как выдвинуться к казармам, Фидель выступил с короткой речью: «Товарищи! Через несколько часов вы сможете оказаться победителями или побежденными, но знайте это, товарищи, как бы то ни было, наше движение победит! Если завтра мы победим, быстрее сбудутся чаяния Марти. Если этого не случится, наше выступление послужит для всего народа Кубы призывом подхватить знамя и идти вперед. Народ поддержит нас в Ориенте и по всему острову. Поколение столетия Марти! Как в 1868 и 1895 годах, здесь, в Ориенте, мы первыми провозглашаем: „Свобода или смерть!“»[94]

После этого к бойцам обратился Абель Сантамария, затем слово снова взял Фидель. Он попросил по возможности избегать убийств солдат и попытаться взять казармы, «нанеся внезапный удар». Каждому из бойцов был выдан стакан молока «на дорожку», и в 4 часа 45 минут они на 16 машинах, примерно по восемь человек в каждой, двинулись в центр города, к Монкаде. Фидель также учел и то, что Сантьяго находится на востоке Кубы и солнце там вставало примерно на полчаса раньше, чем в столице. Таким образом, в 5.15 утра, в то время когда должна была начаться сама операция и все солдаты еще спали, уже было достаточно светло, чтобы атаковать крепость.

Группа Фиделя Кастро разделилась на две части по 45 человек – основную и резервную. На 12 машинах они направились к Монкаде, в самое сердце Сантьяго. Фидель ехал во второй машине колонны, на расстоянии примерно ста метров от головного автомобиля. Вскоре первая машина выехала на прямую дорогу, ведущую к крепости, и потом свернула на обочину, что сделали и все остальные. Из первой машины быстро высадились семь бойцов, в том числе Рена–то Гитарта, чтобы снять охрану на посту. «Освободите дорогу, сейчас прибудет генерал!» – крикнул он. Опешившие солдаты беспрекословно отдали оружие «сержанту» и пошли в казарму.

Когда десант бойцов уже заходил в крепость, Фидель увидел

примерно в 20 метрах от его машины патруль из двух солдат с автоматами Томпсона, которые приготовились стрелять в передовую группу.

Повстанцы, наблюдавшие за объектом во время подготовки к операции, никогда не видели, чтобы патруль появлялся на этом месте. Тем более не могли предположить, что он окажется здесь в столь ранний час. Как выяснилось позже, эти солдаты были дополнительно выделены для охраны казармы на время карнавала. Они приняли эту группу за заблудившихся гуляк. Но тут неожиданно раздался выстрел, который стал роковым и привел к провалу операции.

Вот как описывал эти события впоследствии сам Фидель: «Мне в голову мгновенно пришла мысль: нейтрализовать эту парочку, пока они не начали стрелять в наших товарищей, и завладеть их оружием. Когда я увидел, что солдаты целятся из автоматов в сторону поста, я быстро выбрался из машины, чтобы их схватить. Я шел за ними с ружьем в левой руке и с пистолетом в правой. Я был рядом с ними, за полуоткрытой дверью машины.

Солдаты и не увидели бы наши спрятанные машины, если бы не услышали шум от моей. Тогда они направили оружие в нашу сторону. Я, все еще оставаясь за полуоткрытой дверью, пригнулся. И все, кто был в салоне, тоже пригнулись. Потом нам наконец–то удалось их схватить.

Когда мы пытались нейтрализовать патруль, один наш товарищ выстрелил. Этот выстрел услышали в крепости и подняли сигнал тревоги. Тогда наша первая группа напала на пост. Началась перестрелка. Звуки выстрелов смешивались с сигналом тревоги. Все мои бойцы, как и было задумано по плану, проникли в крепость и взяли здание, достаточно большое, по архитектуре такое же, как и все остальные постройки в крепости. Но это был военный госпиталь, который наша группа не должна была брать по плану»[95].

Резервная группа, почти все бойцы которой имели винтовки, а не легкое охотничье оружие, как авангард, из–за незнания гаванскими водителями местности, прозевала поворот, отклонилась от маршрута и заблудилась в незнакомом городе.

Впрочем, ситуация тогда еще была далеко не безнадежной. Группа Абеля Сантамария успела переместиться к баракам, примыкающим к казарме, захватив больницу. А группа, в которой находился Рауль, без единого выстрела захватила здание суда.

Позже, многократно анализируя ситуацию, Фидель Кастро поймет, что, составляя план операции, он и его товарищи не предусмотрели путей отступления, а самое главное, не продумали, что делать в «нештатной ситуации». Для них такой

ситуацией стал невесть откуда появившийся патруль.

В результате началась стрельба, в казарме поднялась тревога, и бойцы лишились своего главного козыря – фактора внезапности. Сражение, которое должно было начаться внутри крепости, произошло за ее пределами. Правда, передовая группа проникла в крепость и успела захватить склад с оружием, а также взять в плен около 50 солдат. Но часовые на крыше уже расчехлили пулеметы и изготовились к стрельбе. В результате группа Абеля Сантамария, которая не должна была в эти минуты вступать в бой, была вынуждена «ввязаться в драку».

Вдобавок у передовой части отряда оборвалась связь как с группой Ренато Гитарта, захватившей пост, так и с отделением Абеля Сантамария. В этих и без того сложных условиях труднее пришлось именно «ячейке» Абеля. Они должны были всего лишь подстраховать бойцов Фиделя. Но именно этой малочисленной «группе огневой поддержки» пришлось «принять весь огонь на себя».

Случилось то, чего больше всего опасался Фидель. Их отряд представлял из себя несколько разрозненных групп, увязших в локальных стычках и к тому же потерявших связь друг с другом. Трагичнее всего складывалась ситуация у отряда Абеля Сантамария. Мало того что у этих бойцов не было достаточно патронов для затяжного боя, они оказались окружены. Группа Абеля специально открыла огонь по казарме с тем, чтобы отвлечь внимание военных от передовой группы, прикрыла ее отход и, как оказалось, пожертвовала собой. Двадцать бойцов во главе с Абелем Сантамария до тех пор, пока не закончились патроны, героически отбивали атаки нескольких сотен солдат. В результате большая часть отряда Абеля, так и не дождавшись ни поддержки, ни приказа к отступлению, попала в плен. Показателен тот факт, что избежать расправы этим ребятам всячески помогали пациенты госпиталя. Они даже дали им больничные халаты, а один из пациентов все–таки сумел спасти самого молодого члена отряда Рамона Ферреса, выдав его за своего внука.

Противники Кастро потом нередко говорили, что Фидель попросту забыл об Абеле Сантамария, который в плену, через несколько часов после захвата, принял мученическую смерть. Вообще критики Кастро часто делали упор на то, что любая яркая «звезда», появлявшаяся на революционном небосклоне рядом с Фиделем, сравнимая с ним по таланту и силе народной любви (Абель Сантамария, Че Гевара, Камило Сьенфуэгос), быстро «сгорала», погибая при до конца невыясненных обстоятельствах. Некоторые студенческие лидеры тоже обвинили Фиделя Кастро в «безответственности и трусости», но ему уже было все равно.

В бою блестяще проявила себя немногочисленная группа под руководством Рауля Кастро. Мало того что его бойцы успели захватить пленных, они разоружили патруль у здания суда и заперли его вместе с пленниками в одной из комнат этого учреждения. Фидель даже не догадывался, в какую сторону ушел его брат. Связь между ними на время была утеряна.

Перестрелка в казарме продолжалась почти два часа. Штурмующих Монкаду революционеров было в 15 раз меньше, чем ее защитников. Стало ясно, что вскоре в Сантьяго прибудут силы из Гаваны. Кроме того, из–за потери фактора внезапности потерпела неудачу операция в Баямо и бойцы, находившиеся там, не смогли захватить и взорвать железнодорожный мост.

«Можно было продолжать наступление, но мы бы ничего не добились, и жизни моих товарищей мне были важнее, – вспоминал Фидель. – Пришел момент, когда я дал команду отступать. Я находился посередине улицы, недалеко от КПП, у меня было ружье 12–го калибра, а на крыше одного из зданий стоял пулемет 50–го калибра, который мог заблокировать улицу. Мне пришлось взять его на себя, пока все уезжали на машинах. Каждый раз, когда я пытался подбежать и завладеть брошенным оружием, он стрелял.

Я не видел ни одного стоящего солдата. Я втиснулся в последнюю машину и, только оказавшись внутри, увидел нашего оставшегося бойца. Я выпрыгнул из машины и уступил ему место. И машина уехала.

Я остался совсем один, на середине улицы, один. Я стоял перед входом в крепость, и в этот момент мне была безразлична смерть. Вдруг откуда–то выскочила машина. Не представляю, как и почему эта машина направилась ко мне и забрала меня. Я никогда не спрашивал деталей моего спасения. Я хотел поговорить с этим человеком, который меня спас, но, как всегда, не хватало времени. К сожалению, он умер лет через десять после этого»[96].

Этот человек, которого, как выяснилось позже, звали Сантана, продолжил череду чудесных спасений Кастро. Сантана отвез его на ферму «Сибоней». В колонне отступающих было три или четыре машины.

Фидель решил поехать в хорошо знакомое ему местечко Каней в провинции Ориенте. Там произошла одна из важнейших битв второй войны за независимость 1898 года, и он замыслил атаковать находившуюся там небольшую военную крепость. Но, увидев опустошенные глаза бойцов, шокированных провалом штурма Монкады, Фидель понял, что их сложно будет поднять еще на одну операцию. Фидель также понимал, что не может

помочь людям, оставшимся в Баямо и в Монкаде, но не собирался складывать оружие. Он намеревался уйти в горы. Из 40 человек, которые в конечном итоге вернулись на ферму «Сибоней», на призыв Фиделя пойти с ним откликнулись только 19. Но тех, кто остался на ферме, вскоре захватили в плен и зверски замучили.

Утром 26 июля Батиста созвал экстренное совещание и устроил разнос своим генералам. Он приказал немедленно отправить в Сантьяго части спецназа и беспощадно подавить бунт: поймать всех мятежников, выяснить любыми способами, включая пытки, кто является организатором штурма крепости, сопротивляющихся казнить на месте и выдавать их за павших в бою. Более того, диктатор приказал убить по десять революционеров за каждого солдата своей армии, погибшего при защите Монкады, и представить кубинцам и миру мятежников как террористов, направивших свои акции против мирного населения. Когда на молодых революционеров пресса начала выливать «ушаты грязи», Фидель сказал: «Нас женили на лжи и заставляли все время жить с нею»[97].

Уже через несколько часов были зверски убиты захваченные в плен Абель Сантамария и почти все бойцы из его отряда. По счастливой случайности из отряда Абеля остались в живых лишь Айде Сантамария и Мельба Эрнандес. Правда, этим девушкам на допросе прижигали кожу сигарами. Еще живому Абелю выкололи глаза и преподнесли во время допроса его сестре, травмировав ее психику на долгие годы. Какой–то сержант принес глаз брата Айде и сказал: «Это глаз твоего брата, если ты не скажешь то, что он не захотел нам сказать, мы вырвем ему и второй». Айде, сильно любившая своего брата, мужественно ответила: «Если вы вырвали у него глаз и он вам ничего не сказал, я тем более не скажу вам ничего». Остается поражаться стойкости Айде, ведь в эти дни погиб не только ее брат, но и жених Борис де ла Колома. Когда солдаты сообщили Айде о гибели жениха, она невозмутимо ответила: «Он не мертв, потому что умереть за родину – значит жить!» (Сегодня все глазные больницы и клиники на Кубе носят имя Абеля Сантамария.) Когда мать Абеля и Айде возвращалась из тюрьмы Бониато, в автобус, в котором она ехала, сел убийца ее сына, один из самых кровожадных батистовских палачей Эулалио Гонсалес по прозвищу «Тигр». Узнав о том, что вместе с ним едет несчастная мать Абеля и Айде, он начал бахвалиться своими «подвигами»: «Да, я вырвал много глаз и буду продолжать делать это». Фиделя же этот случай лишь укрепил в ненависти к режиму Батисты: «Рыдания матери от этого трусливого оскорбления, которое нанес ей убийца ее сына, лучше, чем любые слова, свидетельствуют о невероятном моральном падении, которое

переживает наша родина»[98].

Если в боях за Монкаду было убито всего шестеро повстанцев, то в следующие несколько дней каратели убили 55 человек. Казнили без суда и следствия. Им вводили в вены воздух, чтобы вызвать закупорку кровеносных сосудов, выпускали якобы на свободу, а затем стреляли в спину. Их закапывали по грудь в землю и использовали в качестве мишеней, сбрасывали с крыш высоких зданий, раненых волокли по лестницам, пока они не умирали. Вот свидетельство судебного патологоанатома, осматривавшего трупы повстанцев: «Все фиделисты были одеты в мундиры цвета желтоватого хаки, под которыми были рубашки и брюки. Все мундиры оказались целыми. Никаких следов пуль на них не обнаружено. На некоторых трупах мундиры были вывернуты наизнанку. Когда их раздели, то стала видна вся жестокость, садизм, жертвой которых они стали <… > У большого числа трупов голова была раздроблена автоматной очередью, выпущенной в упор. У многих были изуродованы половые органы. У других были выбиты зубы. У троих были вырваны глаза. Не было ни одного, кто бы не был подвергнут страшным пыткам, прежде чем быть приконченным»[99].

Фидель на суде представил ужасающую картину расправы над безоружными людьми: «Происходило истребление людей руками прекрасно вымуштрованных профессиональных убийц. Казарма Монкада превратилась в фабрику пыток и смерти, а некоторые недостойные люди превратили военный мундир в подобие передника мясника. Стены были забрызганы кровью, пули застревали в стенах вместе с кусками кожи, брызгами мозга, волосами, опаленными выстрелами в упор. Газон во дворе крепости был залит темной и липкой кровью. Руки убийц, которые вершат судьбами Кубы, начертали для пленных при входе в эту камеру смерти надпись, которая висит у входа в ад: „Оставь надежду всяк сюда входящий“»[100].

Тогда же, 26 июля, Батиста узнал, кто является лидером повстанцев, и приказал уничтожить Фиделя на месте. Ходили слухи, что спецназовцы имели разрешение не просто казнить Фиделя, а перед убийством кастрировать его.

Покинув ферму, отряд Кастро направился на юг, якобы к побережью, чтобы сбить с толку пытавшихся проследить за незнакомцами. Затем повернул к горному массиву Гран–Пьедра. По пути им повстречалась убогая хижина, где жила старая негритянка, помнившая еще те времена, когда в XIX веке в горах провинции Ориенте сражались бойцы за независимость Кубы. В ее доме не оказалось ни крошки хлеба, но она подарила бойцам все сигареты, что хранила для себя, и дала в сопровождающие своего

внука, который провел отряд на самую вершину Гран–Пьедра, находившуюся на высоте более тысячи метров над уровнем моря.

От идеи пересечь горный хребет и продолжить борьбу в провинции пришлось отказаться: военные взяли под контроль все дороги. Между тем состояние раненых бойцов, лишенных лекарств, ухудшалось. Фидель решил переправить шесть человек обратно в Сантьяго к доверенным людям, тем более что военные бросили все свои силы на поиски беглецов в горном массиве и не ожидали, что мятежники вернутся обратно по тому же пути, которым уходили. Оставшимся повстанцам пришлось передвигаться почти по вертикальному склону. Фидель единственный в группе имел альпинистские навыки, но даже ему было трудно. Однажды передохнуть им пришлось на таком крутом склоне, они привязались к деревьям, чтобы не свалиться вниз.

Шел четвертый день поисков группы Кастро. Военные уже расстреляли тех бойцов, которые не успели покинуть ферму «Сибоней», арестовали четверых раненых из шести, пробиравшихся в Сантьяго. Кардинал Кубы Артеага, узнав о жестоких расправах над безоружными и ранеными людьми, попросил военных прекратить казни повстанцев, но расправы не прекращались. По узким горным дорогам разъезжал на джипе архиепископ Сантьяго монсеньор Перес Серантес и в громкоговоритель призывал повстанцев сдаться под гарантии церкви о сохранении жизни.

Фидель предложил товарищам дойти до местечка Чивера, пересечь на лодке залив до другого берега и продвигаться в сторону самой большой в провинции горной гряды Сьерра–Маэстра. Кастро был уверен, что искать их в этом направлении не будут. Мог ли он в юности, занимаясь альпинизмом на горных склонах родной провинции Ориенте, представить, что всего через три с половиной года ему придется искать убежища именно в горах Сьерра–Маэстра?

Перед тем как пересечь залив, повстанцы решились навестить крестьянина по фамилии Сотело, чей дом находился под покровительством епископа. От него Кастро узнал, что большая часть его товарищей, штурмовавших Монкаду, убита. Вестей о Рауле не было. Одно обнадеживало – под давлением церкви и общественности военные прекратили расправу над пленными. Все силы бросили на поиски Фиделя и его ближайших соратников. Предложение Фиделя двигаться дальше поддержали только двое из них – Хосе Суарес и Оскар Алькальде. Остальные бойцы предпочли поверить слову церкви и сдаться.

Фидель с двумя товарищами отправились в путь. И тут они,

усталые и измученные, допустили ошибку: свернули на дорогу, чтобы найти место, где можно было поспать, собраться с силами. Нашли сарайчик, где крестьяне обычно оставляют свои рабочие инструменты, и впервые за шесть дней заснули не на земле, а в помещении, где было сухо и относительно тепло. Уснули мертвецким сном, забыв выставить одного человека в караул.

Через несколько часов они проснулись от шума, цокота копыт и лязга передернутых затворов. Позже так и не удалось выяснить, сдал ли трех бойцов военным тот самый крестьянин, или их случайно обнаружил патруль, прочесывавший местность.

В который раз Фидель Кастро оказался на волосок от смерти. Солдаты спросили у Фиделя и товарищей их имена. Кастро представился «Франсиско Гонсалесом Кальдеро–ном», сказал, что он и его спутники из «Армии освобождения» – так назывались вооруженные отряды патриотов, воевавшие против испанских колонизаторов в XIX веке. Конечно же им не поверили.

Ослепленные жаждой мести солдаты уже были готовы нажать на курки, когда раздался повелительный голос: «Не трогайте их!» Из–за спин солдат вышел высокий чернокожий лейтенант. Этот немолодой человек, которого звали

Педро Саррия, стал еще одним ангелом–хранителем Фиделя. Оттащив озлобленных солдат от измученных беглецов, Саррия повел пленников к армейскому грузовику.

«Лейтенант успокаивал людей как мог. Он всё говорил: „Не стреляйте, идеи не стреляют…“ – вспоминал впоследствии Фидель. – „Идеи не стреляют“. Это он бормотал сам себе. Не знаю, слышали ли это солдаты <…> Я помню этих разозленных солдат. Когда я споткнулся, они нас ударили прикладами так, что мы все упали на землю, и навели автоматы. Я сказал: „Не стреляйте, когда я на земле. Если хотите стрелять, стреляйте, когда я стою“. Мне разрешили встать и повели дальше. Лейтенант Саррия, который шел рядом со мной, сказал тихим голосом: „Вы очень отважные, ребята, очень отважные“.

Когда я увидел, как ведет себя этот мужчина, я сказал ему: «Лейтенант, я и есть Фидель Кастро». Он мне быстро ответил: «Никому это не говорите, никому». То есть и до этого момента он знал, кто я. Знал ли он, что я сделал? Мы зашли в дом к одному крестьянину, который жил недалеко от дороги, там был автобус, нас погрузили в него. Там уже были солдаты с другими пленными»[101].

Впрочем, некоторые источники утверждают, что Кастро не был расстрелян на месте, потому что Педро Саррия знал, что сохранение жизни лидеру повстанцев гарантировано лично католическим архиепископом Сантьяго Пересом Се–рантесом. По

свидетельству Альфредо «Чино» Эстевеля, который называл себя одним из самых близких друзей Кастро в молодые годы, немалая заслуга в том, что Фиделю была сохранена жизнь, принадлежала его супруге Мирте Диас–Ба–ларт, которая попросила об этом одного из близких знакомых Батисты, имевшего влияние на диктатора, а также на архиепископа[102].

Для безопасности лейтенант Саррия взял Фиделя в кабину автобуса и посадил между собой и водителем. Не успела машина проехать несколько десятков метров, как дорогу ей преградил отряд спецназовцев с автоматами, возглавляемый майором. Это был один из самых жестоких карательных отрядов, задействованных в поиске повстанцев. Майор Перес Чаумонт, в те дни прославившийся особо изощренными пытками заключенных, охотился на братьев Кастро. «Дай его мне», – приказал Чаумонт чернокожему лейтенанту. Однако Саррия и бровью не повел, спокойно ответив: «Пленник мой» и добавив, что сам отвезет свой «трофей» в Сантьяго. Так он во второй раз спас жизнь Фиделю.

Пытки захваченных в плен соратников Фиделя происходили в казарме Монкада. Педро Саррия понимал, что, если он доставит «разыскиваемого номер один» именно туда и отдаст в руки военных, Фидель проживет максимум несколько часов, несмотря на гарантии церкви. «Если бы меня повезли в Монкаду, меня бы там расстреляли, не оставив ни кусочка тела без пули, – рассказывал Фидель. – Только представьте мой приезд туда! <…> Все уже было предусмотрено. Даже было объявлено в газетах о моей смерти. <…> 29 июля появилась эта новость. Я все еще был в горах. Тогда меня еще не поймали. В те дни я умирал несколько раз»[103].

Автобус с пленными, покружив по улицам Сантьяго, так чтобы не попасть в руки военных Монкады, приблизился к крепости Вивак, охраняемой полицией, а не солдатами. Саррия знал, что Вивак был гражданской тюрьмой, а это означало, что заключенные находились под юрисдикцией трибуналов. Лейтенант сдал пленных под расписку караула и тепло попрощался с Фиделем, пожелав ему всего хорошего. Так лейтенант в третий раз стал спасителем Фиделя.

Карьера Педро Саррия в армии так и не сложилась. Выросший в семье батраков, он не смог смириться с тем, что служит в армии, воюющей против народа. Когда Повстанческая армия под руководством Фиделя начала одерживать первые победы, батистовцы вспомнили о строптивом лейтенанте, который, передав Фиделя полиции в июле 1953 года, сохранил ему жизнь. Его уволили из армии и упекли в тюрьму. Когда победила революция и стихла эйфория, Фидель распорядился

разыскать лейтенанта.

В этом проявилась еще одна из черт характера Фиделя: он всегда помнил о злодеяниях врагов и был предельно честен и благодарен тем людям, которые его выручали.

В 1959 году Педро Саррия получил повышение по службе в Революционных вооруженных силах, был назначен капитаном–помощником у президента Кубы Дортикоса Торра–до, а впоследствии командиром президентского эскорта. К сожалению, этот «мужественный и достойный человек», как называл его Фидель, прожил недолго, подхватил лихорадку, ослеп и вскоре умер. Кастро лично шел во главе похоронной процессии в 1972 году, провожая гроб с телом Саррия. Педро Саррия был похоронен со всеми воинскими почестями.

В тюрьме, куда доставили Кастро, уже находились несколько десятков его товарищей. Первыми из них его увидели через решетку женщины – Айде Сантамария и Мельба Эрнандес. Весть о том, что он жив, быстро распространилась среди заключенных и была встречена с ликованием. «Там, в застенках Монкады, после штурма были моменты, когда нам действительно хотелось умереть, потому что мы не знали, что с Фиделем. Мы сидели там с абсолютной уверенностью, что если Фидель жив, то будет жив и пример Монкады, что если Фидель жив, то будет много других Монкад… А если Фидель погиб, то все наши потенциальные герои будут жить для нас, но кто их откроет для нации, как умел открывать он. И, узнав, что Фидель жив, мы сами ожили, ожила вся эпопея Монкады, выжила Революция»[104],– вспоминала Айде Сантамария.

Только в тюрьме Фидель наконец–то узнал, что жив его брат Рауль. Его схватили двумя днями раньше на дороге, ведущей в Биран. Там он планировал укрыться. Рауль назвался другим именем, разыграв из себя человека, возвращающегося с карнавала в Сантьяго. Поскольку в те дни арестовывали всех молодых людей, вызывавших подозрение и не имевших при себе документов, Рауль был доставлен в Вивак для проверки личности. Но там нашелся негодяй, опознавший его. Не миновать бы братьям Кастро смерти, если бы в Сантьяго не съехались журналисты всех ведущих кубинских изданий и корреспонденты западных газет. В этих условиях скоропалительная казнь мятежников выглядела бы, по меньшей мере, странной. Но почему братьев Кастро не приговорили к пожизненному заключению, так и осталось загадкой. Может быть, на их пути встретился такой же человек, как лейтенант Саррия? Впрочем, и роль жены Мирты, просившей за Фиделя в «высоких инстанциях», безусловно, нельзя умалять.

По одной из версий, что ходила в американских СМИ, за Кастро перед Батистой лично «замолвил» словечко архиепископ Кубы Артеага, который был знаком с отцом братьев, доном Анхелем Кастро. Еще одна, более правдоподобная, версия заключается в том, что казненные без суда и следствия в период зачисток повстанцы стремительно обретали на Кубе ореол мучеников. И Батиста, все еще грезивший о том, что он добьется популярности в народе, решил прекратить расправы над участниками штурма Монкады, отдав дело в руки суда.

Но, в любом случае, ждать милости от судей Фиделю и товарищам не приходилось. Уже на следующий день после поимки Фиделя повстанцы из тюрьмы в Виваке были переведены в тюрьму небольшого провинциального городка Бониато. Фиделя начал допрашивать начальник тюрьмы полковник Чавиано. Фидель Кастро сразу же взял на себя всю ответственность за штурм Монкады. Больше всего Чавиано интересовало то, кто на самом деле за этим стоит. Он не верил, что на это могли решиться молодые люди, не имевшие опыта политической и повстанческой борьбы, денег и связей. Потому следователь упорно пытался найти связь между повстанцами и бывшим президентом Карлосом Прио Со–каррасом. Фидель ответил, что повстанцев никто не финансировал, что оружие они покупали на собственные деньги в оружейных магазинах, не прося ни у кого помощи извне.

Все попытки журналистов пробиться к Фиделю были безрезультатными, в газетах появлялись скупые заметки, что «Кастро пойман и сидит в тюрьме». Наконец, следователи снизошли до того, что разрешили побеседовать с ним журналисту одной из пробатистовских газет, и Кастро получил возможность наконец–то объяснить смысл своих действий. «Фидель стоял в центре, держался очень прямо. Если не ошибаюсь, на нем была светлая рубашка с короткими рукавами и брюки, выцветшие на коленях. По–моему, они были из джинсовой ткани. Было заметно, что его лицо с пробивающейся бородой опалено солнцем, – вспоминал журналист. – Он в сжатой и конкретной форме рассказал о программе, которую ставили перед собой революционеры в случае победы. Он отметил, что они намеревались восстановить суверенитет народа, обеспечить крестьянам право оставаться на своей земле, гарантировать людям, жившим сельским трудом, безопасность от насильственных выселений и от безработицы в так называемые мертвые сезоны, допустить трудящихся к участию в прибылях, создаваемых их трудом, подтвердить права мелких землевладельцев, дать медицинскую помощь нуждающимся в ней,

а детям – школы и учителей, оздоровить государственную администрацию и сделать более достойной жизнь всей страны. „Одним словом, мы хотим возродить Кубу“»[105], – заключил Кастро.

Сальвадор Лью, университетский знакомый Фиделя, после революции эмигрировавший в США, вспоминал: «Когда Батиста взял власть, Фидель увидел свой шанс стать национальным лидером. Поэтому он и атаковал Монкаду. Он знал, что проиграет, но станет известным всей стране. Фидель поставил на карту свою жизнь, он ведь не знал, убьют его или нет»[106]. А для Игнасио Раско, который учился с ним в колледже и в Гаванском университете, известие о том, что Фидель напал на Монкаду, вовсе не было неожиданностью. Еще с детства он знал, что Кастро способен «свернуть горы»: «Помню, он поспорил на пять долларов с другим студентом, который его спровоцировал, что на полной скорости въедет на велосипеде головой в стену в школьном коридоре. Он въехал и без сознания попал в больницу. Но пять долларов выиграл. Я всегда смотрю на этот дурацкий случай, как на репетицию нападения на Монкаду»[107].

Фиделю впоследствии часто задавали вопрос: а не проще ли было просто убить диктатора? «Мы были против Батисты, но никогда не использовали покушение <… > – отвечал он. – Подготовить атаку на самого Батисту было бы в десять раз легче, но мы никогда этого не делали. Тирания существует для совершения революции. Если просто убить диктатора, не изменишь то, что вызвало тиранию <… > Люди, которые готовили атаку на Монкаду, могли убить Батисту в его усадьбе, по дороге или где–нибудь еще, но у нас была идея: убийство диктатора не решит проблемы. Также мы много обсуждали, что коммунисты нападали на банки. В истории СССР некоторые говорят, что Сталин нападал на банки. Теория нападения на банки для изъятия денег на самом деле противоречила самой коммунистической идее. Это было очень непопулярно на Кубе, специфической стране, где банки и банкиров очень уважали. Это не вопрос этики, это вопрос на самом деле практики: помогало ли это революции или врагу»[108].

Известие о штурме группой молодых парней второй по значимости военной крепости в стране быстро разнеслось по Кубе. «Безумству храбрых» на Кубе пели песни, и число сторонников Фиделя Кастро росло с каждым днем. Его перевели в одиночную камеру, опасаясь, что он будет «дурно» влиять на своих товарищей. К нему приставили конвоиров, которые старались унизить его при каждом удобном случае. Почти на два с половиной месяца до суда Фидель Кастро был изолирован от

всего: от общения с родными и товарищами, от новостей и книг, ему не давали письменных принадлежностей, чтобы записывать свои мысли, которые он мог бы огласить на суде. Но у Фиделя была феноменальная память. Он заучивал наизусть фрагменты будущего выступления, выстраивая их в четкое логическое повествование. Свою легендарную речь «История меня оправдает» Фидель Кастро сохранил в памяти и произнес на суде, а потом спустя несколько месяцев сумел восстановить ее практически без помарок уже в письменной форме на более чем ста страницах!

Конечно, готовя обличительную речь против режима Батисты, он не мог не вернуться к анализу причин того, почему штурм Монкады закончился неудачей. И тогда, и много десятилетий спустя после победы революции Фидель был убежден, что, если бы не непредвиденный случай – появление патруля у ворот казармы, – не потеря фактора внезапности, Монкада была бы взята. Фидель Кастро повторял, что если бы ему пришлось снова придумать план атаки на Монкаду, то он был бы абсолютно таким же. Другое дело, смогли бы молодые люди воспользоваться победой и поднять на восстание всю страну. «Если бы такая революция, как наша тогда (в 1953 году), имела успех, Советский Союз не сделал бы ради Кубы того, что позже сделало советское руководство, уже освободившееся от тех темных, скрытных методов, с энтузиазмом воспринявшее социалистическую революцию, совершившуюся в нашей стране. Это я хорошо понял, несмотря на мою справедливую критику в адрес Хрущева за факты, слишком хорошо известные»[109].

Находясь в полной изоляции, Фидель объявил голодовку. Он хотел лишь одного – минимального общения с кем–нибудь. И добился своей цели. «В определенный момент мне поменяли стражников, которые меня охраняли, потому что некоторые из предыдущих уже стали друзьями. Они искали специально людей, наполненных ненавистью, но все равно среди них оказался друг, – вспоминал Фидель о томительных днях в ожидании суда. – В дни голодовки, когда мне приносили еду, я кричал тюремщикам: „Не хочу я еду, скажите это своему Чавиано!“ – он был шефом тюрьмы в Монкаде. В итоге им пришлось услышать меня и разрешить поговорить с моими товарищами. Нам надо было согласовать даты и поступки для суда, чтобы наши показания не различались. Мне разрешили побыть с товарищами только 24 часа, потом меня снова заключили в одиночную камеру, но эту битву я выиграл»[110].

Процесс над повстанцами начался 21 сентября 1953 года. Заключенных перевезли из тюрьмы Бониато в то самое здание суда в Сантьяго, которое успел захватить во время штурма

Монкады Рауль Кастро со своей группой. На скамье подсудимых предстало 30 человек. Количество солдат, находившихся в небольшом зале суда, в несколько раз превышало общее число заключенных, ближайших родственников и журналистов. Все дороги, ведущие в Сантьяго из других городов, были взяты под усиленный контроль военных, будто в городе и провинции было введено чрезвычайное положение.

Чтобы изолировать Фиделя от большинства своих товарищей, для которых, безусловно, нахождение с ними рядом их лидера имело важнейшее значение, было сфабриковано заключение тюремных врачей: якобы Фидель Кастро по состоянию здоровья не может находиться на процессе в общей группе и слушания в его отношении переносятся на определенный срок. В итоге Фиделя начали судить позже, с теми немногими ранеными, взятыми в плен, которые находились в тюремном госпитале. «Врачи оказались людьми благородными, – говорил потом на суде Фидель. – Оказывается, в тот же вечер в тюрьме побывал полковник Чавиано, который заявил им, что я своими выступлениями в суде наношу огромный ущерб правительству, что они должны подписать документ о том, что я якобы болен и, следовательно, не могу присутствовать на заседаниях суда. Врачи сказали также, что они готовы отказаться от своей должности и даже подвергнуться преследованиям, что они предоставляют мне право решать и вручают свою судьбу в мои руки. Мне было тяжело просить этих людей, чтобы они жертвовали собой, но в то же время я никоим образом не мог согласиться, чтобы осуществились подобные замыслы. Я предоставил им решать по велению совести и сказал только: „Вы должны знать, в чем заключается ваш долг, свой я хорошо знаю“. После ухода из камеры врачи подписали документ»[111].

Это было 25 сентября, а через день судебные врачи, снова посетив Фиделя Кастро, констатировали, что у него нет никаких проблем со здоровьем. Несмотря на неоднократные требования суда, его по–прежнему не приводили в зал заседаний. Тем временем неизвестные лица распространяли сотни фальшивых листовок, в которых содержались призывы «выкрасть Фиделя из тюрьмы». «Это было глупое алиби для того, чтобы физически уничтожить меня при „попытке к бегству“.

После того как эти планы провалились благодаря их своевременному разоблачению со стороны бдительных друзей, а фальшивое медицинское свидетельство стало достоянием гласности, у них не оставалось иного способа воспрепятствовать моему присутствию на суде, кроме открытого и наглого неисполнения распоряжений суда»[112], – говорил Фидель.

В ответ на провокации со стороны администрации тюрьмы и лично полковника Чавиано Фидель в очередной раз продемонстрировал, что подлые, язвительные «уколы» противника не подавляют его, а наоборот, служат стимулом для контрнаступления. Он взял на себя свою защиту, отказавшись от адвокатов. Обвинение, разрешившее Кастро защищаться самому, потирало руки, думая, что ему будет сложно противостоять обвинению. Но процесс показал, что если кто и выиграл в этом случае, так это Фидель. Он выстроил свою защиту в наступательном стиле, делая упор на невиновность повстанцев, аргументируя все их действия стремлением восстановить конституционный строй, попранный Батистой. Обвинение не знало, что замыслил Фидель и какова будет логика его действий на суде. Если бы у него был адвокат, их разговор можно было бы подслушать. А так обвинителям приходилось только догадываться, что «выкинет» на процессе непредсказуемый Кастро. Самой большой ошибкой обвинения было то, что Фидель получил возможность вести свой монолог в суде как «подзащитный и адвокат в одном лице», и, будучи подсудимым, он имел все привилегии, которые имел на суде адвокат. Мало того что он мог протестовать, обращаясь к судье «Ваша честь!», допрашивать свидетелей и приглашать своих, он имел право надеть традиционную мантию адвоката и занимать место не в клетке для подсудимых, а в адвокатской ложе!

Фульхенсио Батиста, узнав о промашке судей, пришел в ярость. Он приказал сократить число журналистов на процессе, ограничив его проверенными людьми, чтобы не создавать рекламу Фиделю Кастро. Тон газетных статей должен был быть нейтральным, тексты лаконичными, речи Фиделя не должны были цитироваться вообще. Кроме того, процесс над Фиделем Кастро из здания суда перенесли в здание того самого госпиталя, где 26 июля укрывались от расправы с помощью больных бойцы отряда Абеля Сантамария, в крохотное помещение, где работали медсестры. К тому моменту Фидель уже знал о приговорах, которые были скоропалительно вынесены его товарищам, практически лишенным квалифицированной защиты. Рауль Кастро и трое оставшихся в живых руководителей ячеек получили по 13 лет тюремного заключения, 20 бойцов по 10 лет, трое были приговорены к трем годам. Айде Сантамария и Мельба Эрнандес, которые проходили по делу как «медсестры», получили по шесть месяцев тюремного заключения. Но власти не удовлетворились вынесением приговора «монкадис–там», они хотели морально добить повстанцев, а заодно и унизить Фиделя, оказать на него психологическое давление в преддверии его решающего

выступления на суде. Рауль Кастро впоследствии так вспоминал об этом: «Батистовские власти привели Фиделя и посадили на скамейку перед входом в тюремное здание, надеясь унизить его, лишить присутствия духа. Перед ним заставили пройти остатки отряда бойцов Монкады, плененных, истерзанных и физически опустошенных. Но эффект получился обратным, чем тот, который ожидался нашими врагами. Им не удалось ни унизить нас, ни лишить присутствия духа, потому что на всех нас, составлявших ту маленькую группу, произвело необыкновенное впечатление поведение Фиделя, который, с гордо поднятой головой, решительный и непокорный, смотрел на нас, передавая нам свою уверенность в том, что мы не побеждены и что это только начало борьбы!»[113]

Стоицизм и сила воли у Фиделя раскрылись в полном блеске в один из самых критических моментов жизни, когда он шел на последнее заседание суда, спокойный, хладнокровный, готовясь произнести самую важную в своей жизни речь, которая получила название «История меня оправдает» по последней фразе, брошенной им в лицо своих обличителей. Она была произнесена 12 октября 1953 года в тесной, четыре на четыре метра, комнатке военного госпиталя. Судьи догадывались, что Кастро готовит необычную речь, а потому резко ограничили не только размеры помещения, но и число присутствующих в последний день судебного заседания. Но не могли себе и представить, что речь Кастро, изредка прерываемая стороной обвинения и судом, превратится в грозный политический памфлет и продлится более трех с половиной часов.

Перед тем как представить суду свою философию и политическую программу, которая должна была стать финальным аккордом его выступления, Кастро подробно рассказал о том, как готовилась операция, с каким трудом изыскивались средства на покупку оружия. Фидель остался один на один с судьями, его товарищи уже получили свои сроки, и теперь только он сам, без опасения подставить соратников, действительно отвечал за то, что сделал. Пусть приговор ему будет более строгим, но для Фиделя было главным доказать, что операция не была спланирована кем–то извне, что повстанцы не получали «миллион песо от экс–президента Прио Сокарраса», как утверждали его враги. Фидель вообще был крайне чувствителен к тому, что не только его победы, но даже его единственное поражение приписывались кому–то другому. «Наша революция такая же кубинская, как наши пальмы», – сказал однажды Фидель Кастро.

«Правительство заявило, что нападение было проведено так

организованно и точно, что это свидетельствует об участии военных специалистов в разработке плана. Более абсурдного обвинения нельзя и придумать! – говорил на суде Фидель. – План был разработан группой юношей, из которых никто не имел военного опыта. И я могу назвать их имена, за исключением двух, которых нет ни среди пленных, ни среди убитых: Абель Сантамария, Хосе Луис Тасенде, Ренато Гитарт Россель, Педро Мирет, Хесус Монтане и тот, кто сейчас перед вами выступает. Половина из них погибла; отдавая должную дань уважения их памяти, я заявляю, что они не были военными специалистами, однако они были достаточно хорошими патриотами для того, чтобы при равных условиях разбить наголову всех генералов, участвовавших в событиях 10 марта, ибо те не являются ни военными, ни патриотами»[114].

Фидель опроверг утверждения обвинения, что повстанцы «были страшно далеки от народа» и что жители Сантьяго ни за что бы не поддержали повстанцев: «Жители Сантьяго–де–Куба полагали, что бой идет между солдатами. Кто сомневается в храбрости, патриотизме и безграничной смелости непокорного и любящего родину населения Сантьяго–де–Куба? Если бы Монкада попала в наши руки, то даже женщины Сантьяго–де–Куба взяли бы в руки оружие! Много винтовок зарядили нашим бойцам сестры гражданского госпиталя! Они тоже сражались. Этого мы не забудем никогда!»[115]

Фидель вогнал в краску своих обвинителей, когда с присущей ему страстностью говорил, что молодые люди, шедшие в бой вместе с ним, не имели целью расправиться с такими же, как и они, молодыми солдатами, не пытали и не добивали раненых в отличие от карателей Батисты. Фидель, который, находясь в почти полной изоляции, непостижимым образом (наверное, благодаря упомянутому им «другу» среди конвоиров) сумел получить информацию о почти каждом (!) пленнике, замученном батистовцами, поверг в шок немногочисленных присутствующих в зале. Он рассказал, как его друзей, взятых в плен, военные закапывали в землю, как их жестоко избивали, а у некоторых отрезали половые органы, как Абелю Сантамария выкололи глаза. При этом Фидель Кастро не забывал назвать имена честных офицеров, которые не опозорили честь мундира и не истязали безоружных людей, добровольно сдававшихся в плен.

Через два дня после того, как начался суд над ним, за три недели до оглашения ему приговора, уже после того, как направился по этапу отбывать долгое тюремное заключение его младший брат Рауль, Фидель послал весточку своим старикам. «Мои дорогие родители! Я надеюсь, что вы меня простите за то,

что я поздно пишу вам. Не думайте, что это из–за моей забывчивости или черствости. Я очень много думал о вас, и меня больше всего беспокоит, как у вас идут дела и какие же на вас свалились страдания ни за что и ни про что из–за нас. Суд уже идет два дня. Он протекает хорошо, и я доволен его ходом. Разумеется, нас осудят, но я должен бороться и отвести наказание от всех невинных людей. В конечном счете людей судят не судьи, а история, а ее вердикт будет, в конце концов, безусловно, в нашу пользу. Я взял на себя свою собственную защиту и, думаю, достойно воспользовался этим правом. Больше всего я хочу, чтобы вы не считали, будто тюрьма является для нас чем–то отвратительным. Она никогда не бывает такой для тех, кто защищает справедливое дело и выражает законные чувства всего народа. Все великие кубинцы, которые создавали нашу родину, прошли через те же испытания, через которые нам приходится идти сейчас. Кто страдает за нее и выполняет свой долг, всегда найдет в своей душе более чем достаточно сил, чтобы спокойно и уверенно переносить превратности судьбы. Речь идет об одном–единственном дне; если сегодня судьба преподносит нам часы горечи, то это потому, что свои лучшие времена она заготовила нам на будущее. Я абсолютно уверен, что вы поймете меня и постоянно будете помнить, что ваше спокойствие и мир будут для нас лучшим утешением <…> Впредь я буду писать вам чаще, чтобы вы знали о нас и не беспокоились. Любящий и часто вас вспоминающий сын Фидель»[116].

Одна из иностранных журналисток, которая увидела на процессе тогда безусого и безбородого Фиделя, отметила, что за его «железной непробиваемостью» и могучестью скрывается тонкая натура: «Он очень высок, и кажется, что стесняется своего огромного роста. Он мне напоминает Христа на некоторых иконах, Христа с черными миндалевидными глазами, внимательными и всевидящими. Он очень скромен, даже застенчив, в нем, пожалуй, чувствуется какая–то беспомощность, хрупкость, возможно, это ощущение создает его детская улыбка»[117].

После того как Кастро обнародовал замысел и ход операции, когда ответил на все интересующие обвинение вопросы касательно штурма Монкады, он наконец огласил свою политическую программу. А точнее идеологически обосновал то, почему начал бороться с антиконституционным режимом Батисты, рассказал, как представляет себе свою дальнейшую борьбу и какова конечная ее цель. Будь судьи на процессе провидцами, сидеть бы Кастро в тюрьме пожизненно. Но и обвинение, и судьи восприняли вторую часть выступления

Фиделя как обычный «монолог в пользу бедных». Сколько уже было таких «выскочек» в истории Кубы и Латинской Америки, примерявших тогу героя? Даже Хосе Марти, с его харизмой, и тот не смог «победить ветряные мельницы», пав на поле боя…

Противникам Кастро на процессе было невдомек, что он придает совершенно другое значение избитым популистами и мягкотелыми оппозиционерами терминам. Что он буквально по полочкам раскладывает все цели не просто своей борьбы, а своего дальнейшего существования, дает четкое определение тех идеалов и ценностей, за которые положили головы его товарищи и к чему будет стремиться он сам, как только выйдет из тюрьмы. Это было не абстрактное обращение к нации, которыми любят пудрить мозги болтливые политики. Специфика кастровского выступления состояла в том, что он не обращался, а «говорил» с самыми униженными и оскорбленными, на их же языке, объясняя, зачем он ввязался в драку и чего хочет добиться с помощью тех, кто готов ему верить: «Когда мы говорим „народ“, мы имеем в виду не зажиточные и консервативные слои нации, которым по нраву любой угнетающий режим, любая диктатура, любой вид деспотизма и которые готовы бить поклоны перед очередным хозяином, пока не разобьют себе лоб. Под народом мы понимаем, когда говорим о борьбе, огромную угнетенную массу, которой все обещают и которую все обманывают и предают, но которая жаждет иметь лучшую, более справедливую и более достойную родину. Мы имеем в виду тех, кто веками рвется к справедливости <…> кто хочет мудрых и больших преобразований во всех областях и готов отдать за это всё до последней капли крови, когда верит во что–то или в кого–то, особенно если достаточно уверен в себе» [1] .

Рамки привычного понимания, что именно рабочие являются оплотом революции против власть имущих, были тесны для Фиделя. Он мыслил шире, с позиций в некоторой степени идеалиста, взращенного на трудах Марти, с позиций латиноамериканца, с его образной эстетикой и бурным темпераментом привыкшего оперировать глобальными категориями свободы, независимости, справедливости. «Когда речь идет о борьбе, мы называем народом 600 тысяч кубинцев, которые не имеют работы и хотят честно зарабатывать хлеб, а не быть вынужденными эмигрировать из страны в поисках средств к существованию; 500 тысяч сельскохозяйственных рабочих, живущих в жалких хижинах и работающих всего четыре месяца в году, в остальное время голодающих, разделяющих нищету со своими детьми <…>; 400 тысяч промышленных рабочих и чернорабочих, чьи пенсионные кассы целиком разворованы <…

>; мы говорим также о 100 тысячах мелких земледельцев, которые живут и умирают, обрабатывая землю, не принадлежащую им, глядя на нее с грустью, как Моисей на землю обетованную <…>. Мы говорим также о 30 тысячах самоотверженных учителей и преподавателей, принесенных в жертву, людей столь необходимых для лучших судеб будущих поколений, но с которыми так плохо обращаются, им так мало платят за труд; мы говорим и о 20 тысячах мелких торговцев, отягощенных долгами, разоряемых кризисами и окончательно добиваемых множеством грабителей–чиновников и взяточников; о 10 тысячах молодых специалистов: врачах, инженерах, адвокатах, ветеринарах, педагогах, зубных врачах, аптекарях, журналистах, художниках, скульпторах и т. д., которые покидают учебные аудитории с дипломами, с желанием бороться, полные надежд, а попадают в тупик, натыкаясь повсюду на закрытые двери, безразличие к их просьбам и требованиям. Вот это и есть народ – те, кто переживает все несчастья и поэтому готов бороться со всей отвагой! Этому народу, пе– 1 Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 63.

чальные пути которого вымощены фальшивыми обещаниями и ложью, – этому народу не скажем: «Мы вам всё дадим». Мы ему скажем: «Отдай борьбе все силы, чтобы свобода и счастье стали твоим достоянием»»[118].

Фидель не случайно сделал акцент на последней фразе. Он дал понять, что не имеет ничего общего ни с популистами, ни со словоблудами, которые обещали «принести на блюдечке» счастье кубинскому народу. Фидель не обещал дать свободу. Он предлагал народу взять свободу самому, присоединившись к его движению. От витиеватых и косноязычных выступлений политиков того времени Фиделя отличало то, что он говорил с народом, следуя его логике, с той неповторимой сочной «уличной образностью», которая неизменно усиливает впечатление от услышанного и прочитанного. Потрясающе просто он охарактеризовал режим, установившийся на Кубе: «Однажды собрались 18 авантюристов, они решили ограбить республику, бюджет которой равнялся 350 миллионам. Один из них сказал другим: „Я вас назначаю министрами, а вы меня назначьте президентом“. Сказано – сделано. Затем он позвал 20 своих телохранителей и сказал им: „Я вас назначаю министрами, а вы меня назначьте президентом“. Так они друг друга назначили генералами, министрами, президентами и прибрали к рукам казну и республику»[119].

Фидель говорил о сотнях прохиндеев, укравших у государства миллионы, но не проведших ни одной ночи за решеткой. О

богачах, которые поджигали свои магазины и торговые лавки, чтобы получить страховку, а простые люди погибали на этих пожарах. Сравнивал чиновников, за одну ночь становившихся миллионерами, с персонажами Бальзака, «миллионерами, только что взошедшими на трон».

Фидель Кастро так проникновенно и с такой болью говорил о нищете и беспросветности жизни на Кубе, что судьи потупили взор: «Общественные школы в деревне посещают босые, полураздетые и полуголодные дети, да и они составляют менее половины всех детей школьного возраста… От такой нищеты может избавить только смерть, и уж в этом деле государство действительно оказывает помощь. 90 процентов деревенских детей страдают от паразитов, которые попадают к ним из земли, через ногти их босых ног. Общество бывает потрясено сообщением о похищении или убийстве какого–нибудь одного ребенка. Но оно остается преступно безразличным к факту ежегодного массового убийства стольких тысяч детей, которые из–за отсутствия средств медленно умирают в ужасных муках»[120].

Безусловно, Фидель Кастро лишь обозначал приоритеты. Земля, жилье, здравоохранение, образование, безработица, индустриализация – шесть самых главных из наболевших проблем, которые, свергнув режим Батисты, должна решать новая власть, были сформулированы задолго до победы, именно на этом суде, в 1953 году. Ему бы думать о том, «как бы живым остаться», а Кастро рассуждал о том, чем должен будет заняться народ, взяв власть.

Во время курса реабилитации после операции летом 2006 года Фидель неожиданно вспомнил об одной детали того процесса. «… В вещах бойцов нашли даже книгу Ленина, изданную в СССР, – она была приобретена благодаря кредиту, которым я пользовался в книжном магазине Народно–социалистической партии на проспекте Карлоса III в Гаване». «Кто не читает Ленина, тот невежда», – сказал Фидель на одном из первых заседаний процесса, когда этот факт выдвигали в качестве обвинения.

Речь Фиделя, позже написанная им по памяти, впоследствии вышла отдельной книгой, разошедшейся за десятилетия миллионными тиражами на всех континентах. А тогда, находясь в заключении, он частями передавал ее текст на волю, чтобы его сторонники рассылали эту речь по почте, разносили по конторам, раздавали на митингах. Уже спустя несколько месяцев после процесса она была опубликована стотысячным тиражом на испанском языке и имела оглушительный успех.

Ряд основных новаторских идей из речи Фиделя Кастро, родившихся у него в результате осмысления неудачного штурма Монкады, безусловно, заслуживают упоминания. Кастро был убежден, что революция может победить в условиях Латинской Америки и профессиональная армия не является непобедимой. Он считал, что самый правильный путь к достижению власти – партизанская война и полем битвы должна стать провинция, деревня, поддержанная городом. Он был уверен, что основные субъективные факторы созревают в ходе самой войны, а для победы нужно единство всех революционных сил, несмотря на различия между ними, объединенных на почве борьбы с общим врагом. Лидеры революции должны воплощать в себе такие черты, как преданность, смелость и политическая дальновидность. (Именно такие качества были присущи Фиделю, Че Геваре и Камило Сьенфуэгосу, Раулю Кастро.) Наконец, Фидель считал, что рабочим, участвующим в революции, нужно помочь организоваться как классу – это ускорит падение режима, который их угнетает. Кастро хорошо знал, что бедой всех партизанских движений, свергавших антинародные режимы, являлось то, что после победы эти боевые партизанские формирования как бы «оттирались от власти» поднаторевшими в словесных баталиях с режимом оппозиционными партиями и политиканами всех мастей. Поэтому конечной и самой важной целью должно быть не просто свержение прежнего режима, а удержание в своих руках обретенной власти.

Но тогда, в октябре 1953 года, до реализации этих целей было еще очень далеко. Суд, устав слушать обличительную речь Фиделя, попросил его закончить выступление. Он не стал просить у судей пощады, не стал раскаиваться и на последнем дыхании произнес: «Что касается меня, я знаю, что тюрьма будет для меня тяжелым испытанием, каким не была никогда ни для кого другого. Она полна для меня угроз, низкой и трусливой жестокости. Но я не боюсь тюрьмы, так же как не боюсь ярости презренного тирана, который отнял жизнь моих 70 братьев! Выносите ваш приговор! Приговорите меня! Это не имеет значения! История меня оправдает!»[121]

Как истинный оратор, он вложил в это последнее предложение всю квинтэссенцию, весь смысл своей вдохновенной речи.

Прокурор просил суд приговорить Фиделя к 26 годам тюремного заключения, хотя статья Уголовного кодекса Кубы, по которой его судили, предполагала от 5 до 20 лет лишения свободы. Суд признал Фиделя Кастро виновным в организации вооруженного нападения на Монкаду и приговорил к 15 годам

заключения. Фидель воспринял этот приговор спокойно и с достоинством. Уже 17 октября 1953 года он был переправлен из тюрьмы Сантьяго для отбытия наказания на остров Пинос, где стал «заключенным номер 4914».

Остров Пинос, нынешний остров Молодежи (Хувентуд), в Средние века называли «логовом флибустьеров». Многократные попытки испанских колонизаторов «разбомбить» на Пиносе пиратское осиное гнездо заканчивались провалом. Мрачный остров представлял собой хорошо укрепленный каменный форпост с почти вертикальными склонами, подступавшими прямо к воде. В конце концов, когда испанцам удалось наконец–то овладеть непокорным островом, они не нашли ничего лучшего, как превратить его в место заточения. Так пиратский остров стал островом–колонией, куда ссылались самые непокорные противники колонизаторского режима.

Темные и сырые казематы, куда редко пробивалось солнце, наводили смертельную тоску на заключенных и конвоиров. В этих застенках в конце XIX века томился апостол кубинской революции Хосе Марти, он отбывал заключение на так называемой усадьбе «Эль–Абра». Единственным крупным сооружением на острове в то время была тюрьма «Пресидио модело» («Образцовая тюрьма»). Построенная у подножия горы Сьерра–де–Кабалос, рядом с каменоломней, она была точной копией знаменитого Синг–Синга – тюрьмы штата Нью–Йорк. Впрочем, не только тюрьмой и своими легендарными узниками был известен остров Пинос. Многочисленные, главным образом, американские авантюристы рыскали здесь в поисках сокровищ пиратов. Вооружившись старинными, пожелтевшими от времени картами, а также миноискателями, они пытались найти мифические клады. Если верить легенде, зарытые на Пиносе клады оценивались в гигантскую сумму – 20 миллионов пиастров. К тому же, по преданию, на дне моря недалеко от острова покоились несколько испанских кораблей с сокровищами, потопленных пиратами.

Несмотря на суровый приговор суда, Фидель был полон оптимизма. Во–первых, потому что постепенно стихало внимание властей к мятежникам. Батиста был удовлетворен не столько приговором главному бунтарю, сколько тем, что подавляющая часть отряда, штурмовавшего Монкаду, была уничтожена. Он был уверен, что жестокое подавление восстания надолго отбило охоту у других молодых людей к подобным выступлениям в будущем. Во–вторых, Фидель Кастро наконец–то воссоединялся со своими боевыми товарищами. Кроме Абеля Сантамария, все остальные командиры ячеек остались в живых. Рауль Кастро, Педро Мирет,

Хуан Альмейда, Айде Сантамария и Мельба Эрнандес впоследствии составят костяк нового революционного «Движения 26 июля» и займут руководящие посты в новом правительстве после победы революции. В ряды движения уже гораздо позже вольется ряд знаковых фигур, в том числе Эрнес–то Че Гевара.

Товарищи встретили Фиделя на Пиносе бурными овациями и стали уважительно называть его «хэфэ максимо», что означает «верховный вождь». Так Фиделя именуют до сих пор во многих публикациях в Европе на французском и испанском языках.

«Образцовая тюрьма» на острове Пинос значительно отличалась по условиям содержания от тех изоляторов, где Фидель коротал 75 дней с ареста до того момента, когда ему зачитали приговор. После тюрьм в Бониато и Сантьяго, где Фидель был полностью изолирован от общения, книг и новостей, а в его тесной камере всегда горел свет, чтобы подорвать психику, пребывание на острове Пинос казалось простой ссылкой.

В одном из писем близким Фидель почти полностью описал, как проходит его день, что называется, от рассвета и до рассвета: «Ровно в пять часов утра, когда кажется, что только–только удалось заснуть, раздается голос: „На поверку!“, который напоминает нам, что мы находимся в тюрьме, а то, чего доброго, мы могли забыть об этом, пока видели сны. Конечно, я трачу менее 30 секунд, чтобы надеть брюки, рубашку и ботинки, больше мы не ложимся до 11 часов ночи, когда сон застает меня за чтением Маркса или Ролла–на, а если пишу что–нибудь, как сегодня, то ложусь, когда закончу.

Короче: в 5.30 утра завтрак, с 8.00 до 10.30 – занятия; в 10.45 – второй завтрак; с 2 до 3 часов – занятия, потом до 4 свободное время; в 4.45 – обед; с 7 до 8.15 – занятия политэкономией и чтение общей литературы; с 9.30 до 10 часов вечера я поочередно читаю курс – один день философии, другой день всеобщей истории. Занятия по истории Кубы, грамматике, арифметике, географии и английскому языку ведут другие товарищи. Совсем поздно мне приходится читать политэкономию, а дважды в неделю заниматься с товарищами ораторским искусством, если это можно назвать таким словом. Мой метод состоит в следующем: вместо уроков политэкономии я читаю товарищам в течение получаса описание какой–нибудь битвы, скажем, штурма Угомента пехотой Наполеона Бонапарта, или затрагиваю какую–нибудь идеологическую тему, или читаю обращение Хосе Марти к Испанской республике, или что–то подобное. Немедленно различные товарищи, вызываемые произвольно, или добровольцы должны в течение трех минут выступить по затронутой теме. Выступления носят соревновательный характер, и специально

избранные судьи награждают победителей премиями.

26–го числа каждого месяца (в честь даты нападения на казармы Монкада. – *М. М.)* мы отмечаем празднества, каждое 27–е число – день скорби, поминовения погибших, размышлений и воспоминаний на эту тему. В день скорби, разумеется, отменяется всякий отдых и развлечения. Дни занятий охватывают с понедельника до полудня субботы. Ребята просто молодцы! Это настоящая элита, потому что они прошли через тысячи испытаний. Те, кто научился владеть оружием, теперь учатся овладевать книгами для великих боев, которые нам предстоят в будущем. Дисциплина у нас спартанская, жизнь спартанская, воспитание спартанское – все у нас спартанское. А вера и несокрушимая твердость таковы, что можно также повторить: «Со щитом или на щите!»»[122]

Приведенный отрывок свидетельствует, что Кастро находился отнюдь не на каторге, он и его товарищи получали регулярное питание, а главное, посвятили почти все свободное время политической и идейной подготовке. Тюрьма на острове Пинос стала для них не просто школой выживания, а настоящим «университетом за колючей проволокой».

Фидель в «Образцовой тюрьме» коротал дни не только за чтением Маркса и Ленина. Родители передали ему много книг из его личной библиотеки, в том числе и художественной литературы. Настольным для Фиделя Кастро стал четырехтомник произведений Хосе Марти.

В одном из писем на волю в декабре 1953 года он сообщал, что читает книги запоем, получая огромное удовольствие от классики: «В последние дни я прочитал несколько книг, представляющих интерес: „Ярмарка тщеславия“ Уильяма Теккерея, „Дворянское гнездо“ Ивана Тургенева, „Жизнь Луиса Карлоса Престеса“ Жоржи Амаду, „Тайна советской крепости“ архиепископа Кентерберийского, „Беглецы любви“ Эрика Найта, „Как закалялась сталь“ Николая Островского (современный русский роман, волнующая автобиография автора–юноши, который принял участие в революции), „Цитадель“ А. Кронина. Кроме того, я углубленно изучаю „Капитал“ Карла Маркса (пять огромных томов по экономике, исследованной и изложенной с самой строгой научностью)»[123].

О «Капитале» речь особая. Фидель, с присущим ему чувством юмора, впоследствии не стеснялся признаваться, что, при всей его любви к Марксу, «Капитал» он закончил читать на 370–й странице. Дальше не осилил.

Люди, которые по просьбе Фиделя присылали ему в тюрьму книги, удивлялись, как быстро поступает от него заказ на новые

тома. Став руководителем страны, он говорил, что когда не имел возможности по нескольку дней взять в руки книгу из–за важности государственных дел, после наверстывал упущенное, устраивая так называемые «библиотечные дни», когда никто уже не мог ему помешать.

В феврале 1954 года тюрьму на острове Пинос посетил Фульхенсио Батиста, пожелавший посмотреть в «потухшие глаза фиделистов» и ожидавший, что они попросят о пощаде. Формально он прибыл на открытие электростанции на острове. Когда Батиста вышел из здания электростанции, находившегося рядом с тюрьмой, монкадисты дружно запели сочиненный ими гимн «26 июля», в котором были слова о «ненасытных тиранах, погрузивших Кубу в пучину зла». Они продолжали петь гимн, несмотря на то, что усмирять их пришел самый жестокий надзиратель, убийца по прозвищу Пистолетик.

Батиста был в ярости. Тюремные власти посадили Кастро в карцер, куда через решетку, прикрытую занавеской, каждый раз, когда шел дождь, попадала вода. Фидель без света не мог читать книги и на ночь, чтобы они не промокли, убирал их в чемодан, который бережно прикрывал одеялом. Его кровать и простыня были насквозь мокрыми, и засыпать ему приходилось, дрожа от холода. В карцере он прожил 40 дней, но жалел лишь о том, что за это время упустил столько времени, которое мог потратить на чтение книг. Потом он написал близким: «У меня теперь есть свет. Сорок дней я жил без него, и теперь я понял, что это такое. Я его никогда не забуду, как и всегда буду помнить унижающее действие темноты … От негодования сердце мое обливалось кровью и глаза горели. Из всех проявлений человеческого варварства я менее всего понимаю бессмысленную жестокость»[124].

«Он самый читающий из известных мне политических деятелей. Главной материальной ценностью в жизни считает книгу, – рассказывал мне Николай Леонов. – Книги он читает бесконечно много. Когда я был в его скромном доме в Гаване, то ничего кроме книг и гимнастических снарядов не увидел. В свое время советское правительство подарило Фиделю роскошный по тем временам автомобиль „ЗИС“, „чле–новоз“, как их тогда называли в народе. Первое, что сделал Фидель на Кубе, – установил в машине на заднем сиденье освещение, чтобы читать во время поездок. Врачи пришли в ужас. Этого нельзя делать, говорили они ему. Вибрация в машине неизбежно скажется на зрении. С трудом уговорили его отказаться от этой затеи. Фидель все время что–то читает. Это у него еще со времен заключения в тюрьме и партизанской борьбы в горах Сьерра–Маэстра. Этим, в

частности, объясняется его прекрасная натренированная память».

В тюрьме, помимо чтения и преподавания, Фидель постигал азы кулинарного искусства. В молодости он любил вкусно поесть. Несмотря на вяло тянувшиеся дни в заключении, с помощью щедрых друзей и собственной выдумки и сноровки ему даже в то время иногда удавалось устраивать себе роскошные пиршества.

«Так как я повар, то время от времени развлекаюсь приготовлением то одного, то другого блюда, – писал он родным. – Недавно брат прислал мне с востока кусочек окорока, и я приготовил из него бифштекс с желе из гуайявы. Но это ерунда. Сегодня ребята прислали мне банку ананасовых долек в сиропе. Поверь мне, я просто мысленно притягиваю вещи. Завтра я буду есть окорок с ананасами. Еще время от времени я готовлю спагетти по разным рецептам – все моего собственного изобретения. Или сырную тортилью. Ах, как это вкусно! И мой репертуар этим не исчерпывается»[125].

Говорят, что макаронные изделия – это «кулинарная» любовь всей жизни Фиделя. Противники часто упрекали Кастро в том, что традиционной кубинской кухне, куда, например, входят рис с черной фасолью, тапиока с подливкой, жареные бананы и молочный поросенок, он предпочитает «худшие итальянские образцы» – спагетти, рожки, пиццу. Когда ныне покойного писателя Карлоса Франки, в прошлом соратника Кастро (но не «друга», как уточняет сам Фидель), а позднее его противника и диссидента, спросили, что он думает о том, что Кастро превратил Кубу в гигантскую пиццерию, тот заявил, что Куба стала «спагетницей Фиделя». Дескать, он «наводнил» страну небольшими пиццериями. Но в итоге эти самые мини–пиццерии сыграли важную роль во время дефицита продуктов в начале 1990–х. В одном из интервью Франки заметил: «Фидель не из тех, кто стоит на месте. Он все время в движении, никогда не останавливается. Если он говорит, то он говорит стоя. Он отдыхает, только когда спит или ест – поэтому он так любит еду, она для него символизирует отдых»[126].

Фидель Кастро собрал много рецептов простых, но изысканных блюд. Посол СССР на Кубе в годы перестройки А. С. Капто вспоминал любопытный случай во время празднования дня рождения Рауля Кастро, куда он был приглашен. Все с нетерпением ожидали Фиделя, теряясь в догадках, почему тот опаздывает: «Когда мы, наконец, увидели выходившего из подъехавшего „Мерседеса“ кубинского вождя, все ожидающие вопросительно переглянулись, как бы спрашивая друг друга: что значит – Фидель с хозяйственной сумкой, не дал ее нести порученцам, а сам бережно ее удерживает в своих руках. И все

ахнули, услышав от него рассказ о том, как он ко дню рождения брата лично готовил креветки, специально по своей методике – в сметане, со специями. Вынул из сумки кастрюлю, поставил на стол и пригласил: пока свежие – угощайтесь. Не скрою, все облизывались от фиделевской вкуснятины»[127].

Другой советский посол Виталий Воротников, который работал на Кубе в 1970– 1980–е годы и подружился с Кастро, также отметил, что Фиделю доставляло особое удовольствие самому приготовить какое–нибудь блюдо. В конце декабря 1979 года Воротников рыбачил с Фиделем. Кастро вместе с поваром разделывал на деревянных мостках пойманных лангустов, отбивал их, сдабривал пряностями и лимоном. «Мы сначала с опаской стали дегустировать сырые лангусты, – вспоминал Виталий Воротников. – Оказалось – это весьма вкусное, нежное, буквально тающее во рту яство. У меня сразу же прошли все неприятные ощущения от качки. Фидель был оживлен, шутил, довольно улыбался, наблюдая, как мы наслаждаемся. Посетовал, что нет еще какой–то специи»[128].

Абсолютной неправдой являются сплетни, которые распространяют перебежчики с Кубы о том, что для Кастро поставляли дорогие продукты и напитки из Европы.

Он абсолютно неприхотлив в еде. «Однажды Фидель пригласил меня к себе в гости домой, – вспоминал генерал Леонов. – И меня поразило, что он сам, надев фартук, на кухне у плиты готовил обед: спагетти, кубинские блюда. А накрыв стол, сказал: „Вина у нас хорошего нет, но есть подарочные бутылки. Давайте выпьем по бокалу“».

«Однажды в начале 1980–х в моей квартире в районе метро „Фрунзенская“ раздается звонок. Открываю и не верю глазам своим. На пороге – Фидель собственной персоной, – рассказывал мне Николай Леонов. – Он приехал для участия в работе 25–го съезда ЦК КПСС. Стало скучно, решил навестить советского друга. „Пустишь перекусить?“ – улыбается Фидель. Отвечаю: „Без вопросов, но у меня ничего такого нет, знал бы, подготовился“. Надо заметить, что насчет еды всегда, когда в СССР организовывались банкеты в честь Фиделя, были проблемы с его охраной, привозившей проверенные напитки и продукты и возражавшей против таких „импровизаций“. Но на этот раз Фидель зашел один, охрана осталась в подъезде и на улице. Открываю холодильник, Фидель замечает там малосольную рыбу. Это была нельма, ее мне прислали ребята из Сибири. Порезали рыбу. Хорошо она пошла с хлебушком и под стопочку водки. Фидель, наконец–то, расслабился, счастливый, буквально сиял, нахваливая сибирскую рыбку. Позже я старался с оказией

передать дары из Сибири Фиделю».

Но вернемся в начало 1950–х. В одном из писем к близким Кастро явно иронизировал по поводу своего пребывания в тюрьме: «Я захотел есть и поставил вариться спагетти с кальмарами, итальянский шоколад на десерт и свежесва–ренный кофе и, наконец, сигара „Аче Упман 4“. Тебе не завидно? Обо мне заботятся, обо мне понемногу заботятся все… На мои постоянные просьбы ничего не присылать просто не обращают внимания. Когда по утрам я чувствую солнечное тепло и до меня доносится морской воздух, мне кажется, что я на пляже и вот–вот отправлюсь в ресторан на берегу. Так меня могут заставить поверить, что я в отпуске. Что сказал бы Маркс о таких, как мы, пленных революционерах?»[129]

На самом деле все было не так весело и романтично. Фидель знал, что адресованные ему письма проходят перлюстрацию, а его послания близким, прежде чем «направиться в адрес», проверяет цензура, зачеркивая «нежелательные фразы», что передачи с воли проверяются, прежде чем попасть ему в руки.

В 1954 году перестали приходить письма от жены Мирты. Еще в письме от 19 июля 1953 года от сводной сестры Лидии Фидель узнал шокировавшую его новость: Мирта Диас–Баларт подала на развод и «отказалась от любой деятельности, связанной с ним». Мирта с четырехлетним Фи–делито уехала из Гаваны, а впоследствии эмигрировала с сыном в США. Можно только гадать, какой вулкан эмоций бушевал в душе Фиделя. Однако держался он мужественно. А Лидии ответил так: «Моя дорогая и преданная сестра. Не беспокойся за меня. Ты знаешь, что у меня стальное сердце, и я не потеряю достоинства до последних дней моей жизни»[130].

Существуют различные версии того, почему Фидель Кастро и Мирта Диас–Баларт расстались. Об одной, и, наверное, основной причине развода уже упоминалось ранее. Чем больше Фидель окунался в стихию революционной борьбы, связанную с ежедневным риском для жизни, тем больше он отдалялся от Мирты. Она выходила замуж за начинающего адвоката, а получила в мужья неистового революционера. Не менее значимым было то обстоятельство, что супруга Фиделя находилась под сильным давлением своей семьи: отца – личного друга Батисты, и брата – начальника батис–товской тайной полиции. Ей постоянно напоминали, что замуж за Кастро она вышла против воли своих родных. Этот постоянный нажим, который, по сути, начался сразу же после того, как Фидель предложил Мирте руку и сердце, усилился, когда Кастро во главе группы мятежников покусился на государственные устои,

вознамерившись свергнуть друга и благодетеля семьи. Мирта изо дня в день слышала от родных упреки в том, что является женой «государственного преступника».

Однако на самом деле на развод подал Фидель, когда прочитал в одной из газет, что стесненная материально Мирта согласилась получать жалование в ведомстве своего брата Рафаэля – Министерстве внутренних дел. Для Фиделя это был удар ниже пояса. Его жена – по идее самый верный и близкий человек, получает деньги в ведомстве его злейшего врага Фульхенсио Батисты!

Себастьян Белфор в своей книге о Фиделе Кастро приводит и другую версию. В июле 1954 года Фидель узнал, что у Мирты «любовная интрижка» с известным политиком, министром внутренних дел батистовского правительства Эрми–дой, шефом ее брата Рафаэля. Эту новость, растиражированную многими кубинскими газетами, Фидель воспринял крайне болезненно. Он писал из заключения своему другу: «Престиж моей жены и моя честь как революционера находятся под угрозой. Не колеблясь, отвечай на оскорбление, и благодарность будет бесконечной. Пусть лучше они увидят меня тысячи раз мертвым, чем беспомощно переносящим такое оскорбление». Фидель вынес свой вердикт и самому Эрмиде: «Только такой женоподобный субъект, как Эрмида, опустившийся до последней степени половой дегенерации мог снизойти до процедуры подобного рода, неблагопристойной, с отсутствием всякой мужественности»[131].

В истории развода действительно наличествовал не только идейный, но и любовный фактор. Фидель Кастро, несмотря на соблазн и острое желание пообщаться с Натидад Ре–вуэльта, одно время сохранял стоическое терпение и не вступал с любовницей в переписку. Светская львица с «революционным шармом», которая к тому времени успела развестись со своим старым мужем, не выдержала первой. Она написала Фиделю страстное письмо, в котором призналась ему в сильной любви. Свою весточку она передала через мать Фиделя Кастро – Лину Рус, с которой успела познакомиться. Фидель написал ответное послание: «Милая Нати! Шлю тебе нежный привет из своей тюрьмы. Я постоянно помню и люблю тебя… хотя давно уже ничего о тебе не знаю. Я получил то милое письмо, что ты передала с моей матерью, и всегда буду хранить его при себе. Знай, что я с радостью отдам жизнь за твою честь и твое счастье. Мнение света не должно нас волновать, все по–настоящему важное хранится в нашем сознании. Несмотря на всю убогость этой жизни, есть вещи непроходящие, вечные, такие, как моя память о тебе, которая останется со мной до могилы». Между любовниками началась

переписка. Причем им было все равно, что их почту читает батистовская охранка. «Ты женщина. Женщина – это самое нежное, что есть на свете… Женщина в мужском сердце – источник священного и неприкосновенного почитания»[132], – писал «железный Фидель» своей возлюбленной. А вот фрагмент другого письма: «Сейчас я с особой силой ощущаю свое заточение и ограниченность в общении с тобой. Сегодня в моей памяти вновь возникли дни, когда я, грустный, опечаленный и униженный чем–нибудь, приходил к тебе. Мои ноги сами вели меня в твой дом, где я находил покой, радость, умиротворение… Краткие мгновения общения с твоей чистой, благородной душой, излучающей живую, радостную силу, были мне наградой за долгие часы горестей и печалей… Не знаю, придет ли это письмо к Новому году. Если ты и в самом деле верна мне, то вспомни обо мне за праздничным столом и выпей за меня стакан вина. А я мысленно буду рядом с тобой. Фидель»[133].

Некоторые источники утверждают, что в этой истории роковую роль сыграл заместитель Эрмиды, Рафаэль Диас–Баларт, брат Мирты, к которому, как к шефу тайной полиции, стекалась вся корреспонденция, приходившая к Фиделю и посланная Фиделем. Диас–Баларт, давно мечтавший избавиться от такого зятя, знал о тайной любовной связи Кастро и Натидад Ревуэльта. Он просто ждал удобного повода. Об этом прямо говорит уже упоминавшийся Сальвадор Лью: «Когда Фидель сидел в тюрьме на острове Пинос, Рафаэль, как заместитель министра внутренних дел, мог контролировать всю переписку заключенных. Он взял письмо для Нати и положил его в конверт для Мирты. А письмо для Мирты положил в конверт, адресованный Нати. Перемена писем и стала причиной развода. Иначе Мирта не расторгла бы этот брак»[134].

Вскоре после развода Мирта Диас–Баларт вышла замуж за Эмилио Нуньеса Бланко – одного из сторонников Фульхен–сио Батисты. После свержения Батисты в 1959 году Нунес Бланко и Диас–Баларт переехали в Мадрид, где прожили более 40 лет. В июле 2006 года Нуньес Бланко скончался после длительной борьбы с болезнью Альцгеймера. К чести Мирты Диас–Баларт она хранила молчание о том, что была замужем за Фиделем Кастро, и об этом в Мадриде знало только ее ближайшее окружение. Она никогда не отзывалась плохо о Фиделе и вообще публично не предавалась воспоминаниям о нем. Она выбрала Испанию, потому что боялась, что в Майами ей может угрожать антикастровская оппозиция. Ее брат Рафаэль рассорился с сестрой и эмигрировал в США. Он умудрился стать одним из самых близких друзей свергнутого конголезского диктатора

Мобуту Сесе Секо.

Фидель Кастро, который, по его признанию, с разводом испытал «новую, неведомую ранее жестокую боль», очень старался оправиться от душевных ран. Отвлечься от тяжелых личностных переживаний ему помогали не только книги, но и новое увлечение. В жизни Фиделя начинался новый период эволюции его мировоззрения. Завершилось формирование его представлений об устройстве мира и собственной жизненной позиции. Теперь все его мысли были посвящены идеологической работе по разоблачению режима Батисты, пропаганде революционных идей.

В феврале 1954 года из тюрьмы на волю вышли Мельба Эрнандес и Айде Сантамария. Перед тем как проводить девушек, Кастро дал им соответствующие напутствия. Первым делом он просил их развернуть широкую пропаганду идей, изложенных в речи «История меня оправдает». Но как Фидель Кастро собирался переправить текст своей речи на волю? Передавать из застенков какие–либо воззвания и манифесты не представлялось возможным. Охрана тюрьмы была проинструктирована, что штурм Монкады когда–то начался с «жалких листовок» с надписью «Обличитель», которым полиция сначала не придала должного значения.

И Фидель опять решился на нестандартный ход. Ему помогли книги. Надзиратели привыкли к тому, что литература на имя Кастро приходила часто и в больших количествах. Так же быстро и в таком же объеме она возвращалась на волю. Неизвестно, знал ли Фидель Кастро тогда о том, что в свое время Владимир Ульянов писал «шифровки» своим товарищам на волю молоком, а те потом «проявляли» их при помощи лимонного сока. Фидель пошел по тому же «конспираторскому пути» и восстанавливал текст своей устной речи в суде «История меня оправдает» своеобразным способом: писал его лимонным соком между строками в книгах, которые передавались обратно на волю. Помогала революционерам в этом деле и сводная сестра Фиделя Кастро Лидия. Она передавала книги с зашифрованными текстами девушкам, вышедшим из тюрьмы, а те, в свою очередь, – соратникам Фиделя на свободе.

Фидель настоял на том, чтобы речь напечатали в двух самых дешевых типографиях, общим тиражом в 100 тысяч экземпляров, а затем доставляли прежде всего представителям образованных слоев кубинского общества: журналистам, преподавателям, во врачебные кабинеты и адвокатские конторы. Он предупредил, что нужно соблюдать такие же правила конспирации, как будто бы речь идет о партии оружия. Фидель специально поставил задачу

отпечатать такое, немыслимое на первый взгляд, количество экземпляров речи. Он намеренно завышал планку, которую нужно было преодолеть. Второй задачей, которую поставил Фидель своим товарищам на свободе, было создание общенациональной политической организации, которая объединила бы противников режима Батисты.

Новое движение (которое получит название «26 июля», когда Кастро с товарищами выйдут из тюрьмы) должно было «покоиться на трех китах»: дисциплине, которой Кастро уделял первостепенное значение, идеологии, а также твердом руководстве. Будущий лидер революции еще со времен провала операции «Кайо–Конфитес», а потом на примере многих кубинских политических партий и деятелей, «дрогнувших» во время переворота Батисты, понял, что самые благие начинания терпят неудачу в самый ответственный момент. Во многом, по его убеждению, это происходило из–за того, что никто из руководителей не решался взять на себя бремя лидерства, а сторонники, почувствовав их нерешительность и слабину, в мгновение ока превращались в неуправляемую толпу.

Разумеется, давая инструкции товарищам на свободе, Фидель Кастро предполагал, что руководящей основой будущего движения должны стать участники штурма Монка–ды, узники тюрьмы на острове Пинос.

Медлить с созданием новой революционной структуры было нельзя не только потому, что Батиста, посетивший остров Пинос, убедился, что Фидель Кастро не собирается сдаваться, и начал «закручивать гайки» в стране. Именем повстанцев, чьи подвиги на Кубе уже обросли легендами, пытались воспользоваться нечистоплотные политики и деятели в популистских целях. В письме из тюрьмы в апреле 1954 года Фидель Кастро предупреждал своих товарищей: «Следует с максимальной осторожностью относиться к любому намерению наладить координацию с другими силами, чтобы не допустить простого использования нашего имени; потеряв свой престиж, эти силы могут запятнать любую группу, под сенью которой они хотят действовать. Надо не допускать никакой недооценки, не идти ни на какое соглашение, если оно не зиждется на прочной и ясной основе, не обещает вероятный успех и не несет выгоды Кубе. В противном случае предпочтительнее, чтобы вы шли одни, высоко неся наше знамя, вплоть до того момента, когда выйдут из тюрьмы эти прекрасные ребята, которые очень упорно готовятся к борьбе. „В умении ждать, – говорил Марти, – заключается великий секрет успеха“»[135].

Фидель Кастро писал эти зашифрованные между книжных

строк послания своим товарищам, не зная, дойдут ли они до них в прямом смысле. Дойдут ли они до их понимания в переносном. Но, если внимательно вчитаться в эти фразы, нельзя не заметить, с какой непоколебимой верой в то, что скоро он присоединится к ним, обращается Кастро к своим товарищам на свободе. И это, несмотря на то, что выйти на волю, по идее, он должен был только через четырнадцать лет! Это лишний раз свидетельствует о том, что Фидель не просто не мирился с неудачами и поражениями, а расценивал их в лучшем случае как досадное недоразумение, если не придавал значения вообще, только извлекая из них уроки.

Между тем и речи не могло быть о легальной оппозиции Батисте, несмотря на возросшую симпатию народа к повстанцам. Фидель Кастро понимал, что, в условиях полной политической несвободы и концентрации власти в руках у Батисты, главным было начать поиск единомышленников, которые впоследствии станут активными участниками революционного движения.

Тем временем Фульхенсио Батиста, уже более двух лет находившийся у власти, решил наконец–то юридически узаконить свой статус. Он назначил на 1 ноября 1954 года «демократические выборы» президента Кубы. Предполагалось, что конкуренцию ему составит кто–то из известных политиков из партий «ортодоксов» или «аутентиков». Но все это напоминало политический фарс. «Оппозиционеры» настолько погрязли в выяснении отношений друг с другом, подмочив свою и без того слабую репутацию в народе, что Батиста, который еще два года назад не имел никаких шансов быть избранным, предстал единственным «фаворитом президентской гонки». Избрание официальным президентом Кубы позволило Батисте окончательно легализовать свою власть. Годом ранее он ввел так называемый конституционный статут, который должен был заменить Конституцию Кубы 1940 года. Этот статут фактически лишал прав и свобод граждан страны и делал невозможной деятельность оппозиционных политических партий.

Но Фульхенсио Батиста своей проамериканской политикой настроил против себя не только простой народ, но и крупную кубинскую буржуазию и помещиков. Неудивительно, что кандидатуру Фульхенсио Батисты выдвинули несколько политических партий, названия которых, наверное, не припомнят сегодня на Кубе: Партия объединенного действия, Либеральная партия, Демократическая партия, а также некий Радикальный союз.

Единственным кандидатом от оппозиции являлся Грау Сан–Мартин, бывший в 1940–х годах президентом Кубы. Однако после

того как Верховный избирательный трибунал, состоявший из людей Батисты, не разрешил его сторонникам присутствовать на участках, Грау Сан–Мартин за несколько часов до голосования снял свою кандидатуру «из–за отсутствия гарантий справедливых выборов». Но фамилию Сан–Мартина не успели вычеркнуть из избирательных бюллетеней, а значит, выборы формально должны были быть признаны состоявшимися.

Армия, самый верный союзник генерала, взяла под свой контроль все избирательные участки в стране, мотивируя это «ожиданием провокаций». Исход выборов был предрешен, несмотря на то, что почти половина взрослых кубинцев их проигнорировала. Батиста, набравший чуть более пятидесяти процентов голосов, или в пересчете четверть голосов всех кубинских избирателей, занял пост президента Кубы.

Батиста и верный ему конгресс почти все свои действия согласовывали с американцами. Экономические меры заключались в предоставлении преференций американским предприятиям. Боевая подготовка кубинской армии в 1955 году полностью перешла под контроль американской военной миссии в Гаване. Несмотря на то, что в США прошел пик «охоты на ведьм», на Кубе, напротив, в угоду американцам продолжались гонения на коммунистов. Им даже было запрещено использовать слово «коммунистическая» в названии своей партии, поэтому теперь она именовалась Народно–социалистической партией. В мае 1955 года на Кубе при активном участии ЦРУ было создано Бюро по подавлению коммунистической деятельности. Фактически с его созданием на Кубе вновь возобновились политические убийства – всего за годы диктатуры Батисты было убито около 20 тысяч его политических противников! Многие из них перед смертью подверглись жестоким пыткам.

Шеф разведуправления США Аллен Даллес выразил благодарность «понятливому» кубинскому президенту: «Создание кубинским правительством Бюро по подавлению коммунистической деятельности является важным шагом вперед в деле борьбы за свободу. Я считаю для себя честью, что Ваше правительство приняло решение разрешить нашему управлению оказать помощь в подготовке некоторых офицеров этой важной организации».

Батиста упивался своей властью. Оппозиция на Кубе, фактически полностью разгромленная, согласилась признать итоги выборов. Американцы одобряли все действия диктатора. Что нужно было Батисте еще для того, чтобы встретить «политическую старость»? И он «расслабился», и совершил, как показала позже история, роковую ошибку. Желая

продемонстрировать народу, какой он справедливый и гуманный правитель, Фульхенсио Батиста решил амнистировать большинство заключенных в тюрьмах. Пребывая в эйфории от своей победы, он, вероятно, посчитал, что «организованные» коммунисты представляют для него большую угрозу, чем молодые бунтари. Весть о том, что батистовская амнистия касается Фиделя и его товарищей, вызвала бурю восторга среди кубинцев, искренне симпатизировавших им.

Фидель встретил это известие спокойно. «Наша личная свобода есть неотъемлемое право, принадлежащее нам как гражданам, родившимся в стране, которая не признает никаких хозяев, – писал Фидель Кастро, узнав о своем помиловании. – Силой можно отобрать у нас это и все другие права, но никогда никому не удастся добиться от нас, чтобы мы согласились пользоваться ими ценой недостойного компромисса. Словом, за наше освобождение мы не отдадим ни крупицы нашей чести… Нет, мы не устали. После 20 месяцев мы стойки и непоколебимы, как и в первый день. Мы не хотим амнистии ценой бесчестия. Мы не станем к позорному столбу, поставленному бесчестными угнетателями. Лучше тысяча лет тюрьмы, чем унижение. Лучше тысяча лет тюрьмы, чем утрата достоинства. Мы делаем это заявление обдуманно, без страха и ненависти»[136].

15 мая 1955 года Фидель Кастро и отбывавшие вместе с ним наказание 27 товарищей, участников штурма Монкады, покинули тюрьму острова Пинос. У ворот «Образцовой тюрьмы» их встречали боевые подруги – Мельба Эрнандес и Айде Сантамария. Фидель провел в заключении двадцать один месяц и пятнадцать дней.

Глава шестая
ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ НА КУБУ

Полтора месяца, проведенные Фиделем Кастро в Гаване после выхода из тюрьмы в мае 1955 года, убедили его в том, что развернуть революционную деятельность на Кубе ему не дадут. Простив Кастро и его товарищей, Фульхенсио Батиста даровал им волю и жизнь, но не свободу слова и действий. Власти перестраховались, введя новый конституционный статут, который фактически парализовал деятельность оппозиционных партий и объединений.

В качестве доказательства того, что уровень жизни на Кубе при Батисте был вполне приемлемым, приводят такие факты, как количество телевизоров и машин на душу населения, развитая сеть дорог, хорошая система телекоммуникаций. Но кто пользовался всем этим? Батраки, жившие в «шалашах» с глиняным полом и «крышей» из пальмовых веток, или лоточники, наводнившие улицы Гаваны? Потребителями этих услуг были крупные и средние кубинские предприниматели, связанные «сахарным бизнесом» с американцами. А также мафия, по сути превратившая Кубу в «ту–ристическо–бордельный» придаток США. В 1958 году, в последний год правления Батисты, только в Гаване работали около одиннадцати с половиной тысяч проституток. В торговлю телом мафия вовлекала даже двенадцатилетних девочек. В лучшем случае, срок «службы» кубинской проститутки составлял семь лет. Местной порномафии постоянно требовалось «свежее мясо». В поисках новых секс–рабынь по стране рыскали вербовщики «живого товара».

Из кубинских сельских пролетариев, опрошенных Католическим университетским объединением в 1956—1957 годах, лишь 4 процента потребляли мясо, 1 процент – рыбу, 11 процентов – молоко, 3 процента – хлеб. Многие к 30– 40 годам теряли зубы: основу их скудного рациона составляли рис, фасоль и сахар. Лишь 6 процентов имели дома водопровод. 43 процента были неграмотными. 64 процента детей школьного возраста не посещали школу, а 86,4 процента сельского населения были лишены медицинской помощи. В этой благодатной тропической стране, с хорошим климатом и морским воздухом, около 100 тысяч человек болели туберкулезом[137].

Любые попытки даже не восстать, а попытаться объяснить

забитому населению, кто виноват в его бедах, подавлялись. Спустя несколько дней после возвращения из тюрьмы, 19 мая 1955 года, Фидель выступил на местной радиостанции, на которой вел когда–то свою программу. На следующий день, собираясь на студенческий митинг, куда был приглашен, Кастро узнал об увольнении главного редактора этой радиостанции. Да и митинг не состоялся – Фидель не смог попасть к студентам из–за кордона полицейских у университетского городка.

Агрессивность, с которой действовали кубинские спецслужбы безопасности в отношении только что вышедших на свободу участников штурма Монкады, не вызывала у Фиделя Кастро сомнений в том, что его ставят перед выбором: или забыть о политической деятельности, или покинуть страну, в противном случае ворота тюрьмы вновь откроются для него и товарищей. Но тогда их упрячут за решетку действительно на долгие годы. Власти дали это ясно понять, когда полиция арестовала Педро Мирета и его родственников, якобы по доносу «анонимного доброжелателя», который также «указал» на дом Лидии Архиз, где проживал Фидель. Устроенный там обыск не дал полиции никаких доказательств противоправной деятельности Фиделя Кастро.

Тем не менее на 15 июня 1955 года было назначено слушание по делу Педро Мирета, обвиненного в антиправительственной деятельности. Спецслужбы, как и осенью 1953 года во время суда над повстанцами, давили не на Фиделя, а на его товарищей, зная, что Кастро самостоятельно может «отбиться» и переспорить самых строгих судей. Педро Ми–рет и его близкие были отпущены на свободу, а Фиделю Кастро дали понять, что следующая провокация будет направлена лично против него.

Так и произошло. 10 июня в различных районах Гаваны с небольшими интервалами прогремело семь мощных взрывов. Осталось неизвестно, кто стоял за ними – провокаторы, охранка Батисты или группа «народных мстителей», решивших таким образом заявить о себе. Спецслужбы начали устраивать облавы на членов многострадальной Народно–социалистической партии. Понимая, что следующим объектом для атаки станут он и его товарищи, Фидель принял решение покинуть остров. Он отправил в Мексику своего брата Рауля, которого полиция обвинила в причастности к одному из взрывов, а сам намеревался присоединиться к нему чуть позже.

В конце июня 1955 года на конспиративной квартире состоялось собрание участников штурма Монкады и нескольких их молодых единомышленников. На этом собрании было принято решение о создании организации «Движение 26 июля», которая

поставила своей целью свержение режима Батисты. Антонио Лопес по прозвищу «Ньико», Педро Мирет, Айде Сантамария, Мельба Эрнандес, Педро Агилера Гонсалес и Хосе Суарес Бланке – участники штурма, а также Армандо Харт (будущий муж Айде Сантамария), Фаустино Перес Эрнандес и Луис Бонито вошли в руководство этого движения и получили свой конкретный участок работы. Был утвержден флаг «Движения 26 июля», красный и черный цвета которого соответствовали девизу «Родина или смерть!». Посередине было помещено название организации.

Ее члены рекомендовали Фиделю Кастро в целях конспирации движения и его личной безопасности уехать в Мексику, где были сильны левые политические течения. Общественность Мексики – страны, имевшей общую границу с Соединенными Штатами, традиционно была лояльна к политическим эмигрантам. Вдобавок там существовала большая кубинская диаспора, настроенная против Батисты.

Фидель Кастро должен был не только руководить «Движением 26 июля» из–за границы, но и заняться сбором материальных средств и привлечением в ряды организации кубинских эмигрантов. Перед отлетом в Мексику он разослал во все кубинские газеты свое заявление, в котором рассказал о причинах своего отъезда из страны. После его отъезда только журнал «Боэмия» опубликовал статью Фиделя Кастро под названием «Мы еще вернемся». «Так как все двери для политической борьбы народа захлопнуты, перед нами не остается другого пути, чем тот, по которому шли наши предки в 1868 и 1895 годах»[138], – объяснял свое решение Фидель Кастро.

Перед ним и его товарищами стояла задача не копировать опыт предыдущих борцов за независимость, а разработать принципиально новый план противостояния властям. «Наши предшественники в течение всех войн за независимость ни разу не сооружали окопов. Их сражения были стычками, в то время как наши необходимо было продумывать и стараться предотвращать столкновения, – рассказывал Фидель Кастро. – <…> Идея совершить вооруженное выступление нам пришла в голову в тюрьме <…> В первые недели нашего освобождения из тюрьмы мы развернули грандиозную кампанию по пропаганде наших идей. Мы назвали нашу организацию „Движение 26 июля“. Мы показывали невозможность продолжать борьбу мирными и легальными методами <… >

Когда говорят об армии, говорят о развитии силы, которая сможет победить другую армию. Это было нашей главной идеей, когда мы отсиживались в Мексике <…> Есть два типа войны: нерегулярная и обычная, регулярная. Нам необходимо было

разработать стратегию, чтобы оказать сопротивление армии Батисты, у которой были самолеты, танки, пушки, коммуникации. У нас не было ни денег, ни армии. Нам надо было искать способ, чтобы противостоять тирании и совершить Революцию на Кубе»[139].

Фидель прибыл в Мехико по туристической визе 9 июля, кстати, в день национальной независимости Аргентины, где родился его будущий «брат, товарищ, друг» Эрнесто Гевара де ла Серна. Ему предстояло привыкнуть к непростому мексиканскому климату, к недостатку кислорода в высокогорном Мехико, «вечно» пропитанном смогом.

«Жилище» и одновременно «штаб–квартира» революционеров находилась в центре города по адресу улица Эмпаран, дом 49. Один из руководителей движения, Хуан Альмейда, тоже прибывший в Мексику, так описывал это помещение: «Квартира маленькая, тесная оттого, что там спит много народу. Когда в доме спит больше трех человек, очень трудно заставить их спозаранку складывать вещи. Помещение очень простое, с гостиной, столовой, спальней, ванной, маленькой кухней и длинным узким небольшим патио. В гостиной, столовой и спальне стоит несколько раскладушек. Позже мы выяснили, что их ставят на ночь, а днем сворачивают»[140].

Эта квартира принадлежала Марии Антонии Гонсалес, немолодой кубинке, эмигрировавшей с Кубы после переворота Батисты. Она занималась приемом и размещением кубинцев, начавших прибывать в Мексику. У Марии Антонии был свой счет к Фульхенсио Батисте и его режиму. Ее родной брат не оправился от пыток в одной из кубинских тюрем и умер вскоре после приезда в Мексику.

Мария Антония была замужем за мексиканцем и в своем квартале в Мехико пользовалась авторитетом. Зная, какой интерес вполне естественно будут проявлять к кубинским эмигрантам местные спецслужбы, она посоветовала кубинцам разработать систему паролей и условных знаков для входа в «штаб–квартиру». Именно в ее доме состоялась, как оказалось впоследствии, судьбоносная встреча Фиделя Кастро с Эрнесто Гевара де ла Серной, молодым аргентинским врачом, прибывшим из Гватемалы, исключительным человеком, про жизнь и смерть которого написаны сотни книг и статей, который в современном мире стал настоящей иконой леворадикальных движений и молодых бунтарей.

«Я думаю, что он был не только интеллектуалом, но и самым совершенным человеком нашей эпохи», – сказал о нем выдающийся французский философ и писатель Жан Поль Сартр.

Не менее выразительны строки кубинского писателя Десноэса: «Должно быть, Че был ослепительным, раз самые темные люди загорались, когда он проходил мимо». Он не просто нравился женщинам, а был ими обожаем. Для подавляющего большинства тех, кто знает биографию Эрнесто Гевары, читал его произведения, Че останется самым неисправимым романтиком, тем юношей, который когда–то сказал в лицо богатому отцу своей первой возлюбленной Чичи–ны: «Мой смысл жизни? Я хочу делать благие дела, без какой–либо личной выгоды».

Легендарное прозвище «Че» приклеилось к Эрнесто Ге–варе де ла Серне таким образом. В общении с кубинцами Эрнесто часто пересыпал свою речь присущим аргентинцам междометием «че» – по–испански «Эй ты! Ну!». В Аргентине это не просто обращение, оно несет определенную смысловую нагрузку и даже может переводиться как «хороший парень». На родине Гевары часто говорят: «Привет, Че, как дела, Че?» Однако для кубинцев такое «простонародное» и отчасти вальяжное обращение было нетипичным и несвойственным. Они сначала подсмеивались над аргентинцем, а потом привыкли. «Он относился к людям с симпатией, – вспоминал Фидель Кастро. – Он был из тех людей, которые добиваются расположения своей натуральностью, простотой, дружелюбностью <… >

Никто не скрывал своей симпатии к Че, потому что он ездил по Латинской Америке, посетил Гватемалу, видел нанесенный североамериканскими компаниями вред, знал о нашей борьбе на Кубе, разделял наши идеи. Мы встретились, поговорили с ним, и именно тогда он к нам присоединился. Он знал также, что в нашем движении было мало буржуазии, что мы собирали революцию для национальной свободы, для антиимпериалистической революции, но еще не затевали социалистическую революцию.

<…> в Мексике были такие случаи, когда над ним смеялись, потому что он аргентинец, а не кубинец, за что получали от меня взбучку. Это было вначале, но потом, когда все поняли, какой он человек, шутки прекратились. И никто его больше не спрашивал о его происхождении»[141].

Поначалу его звали по имени. Затем просто «че». Наконец, «Че» с большой буквы. Ему самому очень нравилось это имя. Уже будучи одним из руководителей новой Кубы, он на вопрос, зачем подписывает «революционные деньги» своим прозвищем, ответил: «Для меня Че означает самое важное, самое дорогое в моей жизни. Иначе быть и не могло. Ведь мои имя и фамилия – нечто маленькое, частное, незначительное»[142].

Эрнесто Гевара родился в 1928 году в Аргентине. Он был

первым ребенком в семье архитектора, который на протяжении многих лет неудачно пытался заняться бизнесом. По отцовской линии он был аргентинцем в двенадцатом, а по материнской – в восьмом поколении. Его мать была одной из первых автолюбительниц в стране. Среди его предков были бунтари – выходцы из Ирландии, испанские пираты, аргентинские землевладельцы и даже особы королевских кровей. Когда Че сражался с войсками Батисты в горах Сьерра–Ма–эстра, его дядя–адмирал, брат отца, возглавлял аргентинское посольство в Гаване.

В возрасте двух лет Эрнесто заболел астмой, которая даст о себе знать в самые трагические для Че периоды жизни: во время экспедиции на «Гранме», когда его едва не примут за мертвого и не выбросят за борт. И перед пленением, когда он, оказавшись в окружении в боливийской сельве, останется без лекарств. Из–за астмы маленький Тете, а именно так его звали в семье, не ходил в школу, а грамоте его обучала мать. Болезнь протекала в столь тяжелой форме, что Че Гевара был вынужден колоть себе инъекции адреналина, в шутку называя себя впоследствии «адреналиновым авантюристом». Уже после революции он с горькой иронией напишет: «Я люблю мой ингалятор больше, чем пистолет… Я склонен к глубоким размышлениям во время тяжелых приступов астмы».

Среднюю школу он закончил на отлично. В 19 лет поступил на медицинский факультет университета в Буэнос–Айресе, где курс обучения прошел за три года вместо семи лет. Будучи студентом, путешествовал по Аргентине на мотоцикле, который именовал «Росинантом». Считается, что взгляды Эрнесто Гевары во многом сформировались в начале 1950–х годов, во время его мотоциклетного путешествия по Южной Америке, которое он совершил со своим другом Альберто Гранадо. За несколько месяцев друзья посетили практически все страны континента: работали в госпиталях для прокаженных, причем Че общался с больными без маски, помогали крестьянам. Друзья побывали на местах добычи меди в Чили, пересекли пустыню Атакама, посетили развалины Мачу–Пикчу в Перу, плавали по озеру Титикака. В 2004 году немецкие кинематографисты на основе воспоминаний живущего на Кубе Альберто Гранадо сняли замечательный художественный фильм об этом путешествии – «Дневник мотоциклиста».

В Боливии Гевара свел знакомство с представителями новой народной власти. Но, увидев их отношение к крестьянам, разочаровался в этом режиме и отправился в Гватемалу.

В этой стране, в результате очередной смены власти,

президентом стал Хакобо Арбенс. Он начал проводить радикальную аграрную реформу и осмелился противостоять американской экспансии. По решению Арбенса огромные банановые плантации, которыми раньше владела североамериканская «Юнайтед фрут компани», были разделены между крестьянами. Посол США в Гватемале Джон Перифуа, возмущенный таким поступком Арбенса, писал в журнале «Тайм»: «Соединенные Штаты не могут допустить возникновения советской республики между Техасом и Панамским каналом»[143]. (По той же причине американцы приложат впоследствии максимум усилий, чтобы устранить Фиделя.)

Вскоре с помощью ЦРУ в Гватемале был совершен реакционный переворот, и президента Арбенса свергла наемная армия Кастильо Армаса. Арбенс побоялся вооружить народ, хотя желающих сражаться с наемниками и американцами было немало. Как следствие, аграрная реформа была отменена, а ее проведение списали на «происки коммунистов». Координировал операцию по свержению Хакобо Арбенса государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, который к тому же был акционером «Юнайтед фрут компани». В «коммунисты» были записаны все, симпатизировавшие Хакобо Арбенсу и лояльно воспринявшие его реформы. Эр–несто Гевара принимал участие в стычках с американской морской пехотой, а затем вместе с потоком гватемальских политических эмигрантов в 1954 году попал в Мексику. Там Че Гевара принял решение посвятить свою жизнь делу революции, которая для него заключалась в установлении социальной справедливости.

Не так давно стало известно о том, что ЦРУ завело досье на Че Гевару не во время партизанской войны повстанцев в горах Сьерра–Маэстра, а именно после событий в Гватемале. Бывший сотрудник ЦРУ Филипп Эйджи заявил, что у этой спецслужбы были свои личные счеты с Че. Она в конце концов настигла и при помощи боливийских солдат уничтожила его в Боливии в 1967 году. В 1959 году ЦРУ направило в Гавану своего агента Эндрю Сент–Джорджа, который ранее как «журналист» брал интервью у Фиделя Кастро и Че Гевары, во время их партизанской борьбы. Сент–Джордж должен был уговорить Че не расстреливать бывшего заместителя начальника так называемого кубинского «Бюро по подавлению коммунистической деятельности», приговоренного к смертной казни. Однако Че Гевара ответил американцу: «Мы его все равно расстреляем, потому что он убивал и пытал кубинцев и потому что знаем, что он агент ЦРУ». Тогда резидент ЦРУ на Кубе в своей телеграмме в Лэнгли написал: «Это – объявление войны»[144].

В Мексике двадцатисемилетний Эрнесто Гевара перепробовал несколько профессий: продавал книги, был уличным фотографом, подрабатывал в одном из госпиталей. Он не состоял ни в какой партии или организации, а по убеждениям был марксистом. Люди, которым довелось общаться с Фиделем и Че в первые годы борьбы против Батисты, отмечали, что по многим теоретическим вопросам аргентинец был «подкован лучше», чем будущий главнокомандующий. Это впоследствии отмечал и сам Фидель Кастро: «В идеологическом, теоретическом плане он был более развит. По сравнению со мной он был более передовым революционером»[145].

Еще в Гватемале Эрнесто Гевара познакомился с Антонио «Ньико» Лопесом, одним из руководителей «Движения 26 июля», который во время штурма Монкады участвовал в атаке на крепость Баямо и сумел избежать плена. Каково было изумление Эрнесто, когда в одном из кубинцев, пришедших в аллергическое отделение Института кардиологии в Мехико, где он тогда подрабатывал, он узнал Лопеса! Ньико сообщил аргентинцу, что со дня на день в Мексику приезжает группа его кубинских товарищей, штурмовавших Монкаду. Среди них – брат лидера повстанцев Рауль Кастро. Позже Че так вспоминал о встрече с Раулем, состоявшейся несколько дней спустя: «Мне кажется, этот не похож на других. По крайней мере, говорит лучше других, кроме того, он думает»[146]. Ньико Лопес рассказал Че о положении на Кубе, о революционной стратегии, объявленной Фиделем Кастро на суде после неудачного штурма казармы Монкада.

В Мехико Гевара познакомился и с Раулем Роа, который впоследствии много лет занимал в правительстве Фиделя Кастро пост министра иностранных дел. В памяти Роа Гевара остался таким: «Че казался и был молодым. Его образ запечатлелся в моей памяти: ясный ум, аскетическая бледность, астматическое дыхание, выпуклый лоб, густая шевелюра, решительные суждения, энергичный подбородок, спокойные движения, чуткий, проницательный взгляд, острая мысль, говорит спокойно, смеется звонко <…>. Уже тогда Че возвышался над узким горизонтом креольских националистов и рассуждал с позиций континентального революционера»[147].

Сходство во взглядах стало решающим фактором для сближения Эрнесто Гевары с кубинскими эмигрантами. Кстати, в Мексике год спустя у Эрнесто Гевары родится первый ребенок – дочь Ильдита от его брака с перуанкой Ильдой Гадеа.

Во время первой встречи Эрнесто Гевара и Фидель Кастро проговорили целую ночь – с восьми часов вечера до рассвета.

Фидель позже вспоминал, что «Че сразу записался в авантюру». Он уже тогда был уверен в «успехе безнадежного мероприятия» и даже смотрел далеко вперед. «Когда победит революция на Кубе, не запрещайте мне вернуться в Аргентину, чтобы там бороться за свободу»[148], – сказал он Фиделю.

Гевара и братья Кастро составили план высадки вооруженной экспедиции в провинции Ориенте и продолжения борьбы в горах Сьерра–Маэстра. Гевару брали как врача. Годы спустя Фидель скажет: «Че был врачом, который превратился в солдата, продолжая быть врачом каждую минуту»[149].

Сам Че так объяснял свое решение присоединиться к экспедиции: «Собственно говоря, после пережитого во время моих скитаний по Латинской Америке и гватемальского финала не требовалось много, чтобы толкнуть меня на участие в революции против любого тирана. К тому же Фидель произвел на меня впечатление исключительного человека. Он был способен решать самые сложные проблемы. Он был глубоко убежден, что, направившись на Кубу, достигнет ее. Что, попав туда, он начнет борьбу, что, начав борьбу, он добьется победы. Я заразился его оптимизмом. Нужно было делать дело, предпринимать конкретные меры, бороться. Настал час прекратить стенания и приступить к действиям <…> Тогда я считал, что не так уж плохо умереть на прибрежном пляже чужой страны за столь возвышенные идеалы»[150].

Эрнесто Гевара был так восхищен Кастро и его планами, что через несколько дней после их встречи сочинил «Песнь в честь Фиделя!». Правда, он считал это произведение не самым своим удачным поэтическим опытом и однажды пришел просто в ярость, узнав, что несколько лет спустя одна из кубинских газет все же напечатала его. Он послал главному редактору издания гневное письмо с требованием никогда не печатать его литературные произведения без его ведома.

Теперь Фиделю и его ближайшим соратникам необходимо было определиться с кругом людей, готовых участвовать в свержении режима Батисты на Кубе. К тому времени авторитет Фиделя в среде прогрессивно настроенной молодежи был уже довольно высок и ему не пришлось тратить много времени для формирования отряда. В Мексику начали съезжаться с Кубы, из Флориды и Калифорнии поодиночке, группами по два–три человека желающие присоединиться к повстанцам. В целях конспирации каждому из них были сообщены пароль, контактный телефон или адрес, где их ждали. (Забегая вперед скажем, что в итоге Фидель взял с собой, кроме Эрнесто Гевары, только трех иностранцев, чтобы избежать обвинений в том, что его

революционная борьба ведется «руками иностранных наемников».)

Фидель Кастро снова создал систему революционных ячеек. Бойцы расселялись по семь—десять человек на снимаемых конспиративных квартирах. Фидель установил единый для всех распорядок дня. За соблюдением режима следили старшие по квартирам. Бойцам, жившим в разных помещениях, строго запрещалось знакомиться друг с другом, интересоваться тем, чем занимаются их будущие соратники, вступать в контакты с подозрительными иностранцами. Также Фидель Кастро предупредил бойцов, чтобы они не подтрунивали и, тем более, не издевались друг над другом, а вырабатывали чувства локтя и товарищества.

Каждому из бойцов на неделю выделялся всего один доллар – настолько тяжелым было финансовое положение отряда. Движение оплачивало бойцам еду, стирку, бытовые расходы. Для того чтобы отпечатать в Мехико один из самых важных документов «Движения 26 июля» – «Манифест номер 1», Фидель Кастро был вынужден заложить в ломбард свое пальто. «Я работаю сейчас, преодолевая огромные трудности из–за нехватки средств. Не знаю, может быть, всем нам здесь придется поголодать в эти первые месяцы <…> Ломбарды здесь принадлежат государству, и они берут невысокие проценты, – сообщал Фидель в письме Мельбе Эр–нандес на Кубу. – Я не поколеблюсь ни на секунду, если и остальные предметы моего гардероба должны будут последовать за пальто!»[151]

Перед собой Фидель поставил, казалось, невыполнимую задачу – собрать миллион песо для нужд экспедиции. В памяти его осталось, как во время штурма Монкады нападавшие были вынуждены выдерживать паузы и не отвечать на шквальный огонь противника, экономя патроны: «Все наши расходы по подготовке штурма Монкады составили 20 тысяч песо. На миллион мы могли бы вооружить 8 тысяч человек и атаковать не один гарнизон, а 50 гарнизонов»[152].

Вскоре к отряду примкнул один из самых знаменитых командиров и героев кубинской революции Камило Сьен–фуэгос. Мачо, любимец женщин, он родился в Гаване в семье анархистов. В 1953 году Камило поехал на заработки в США, где устроился посудомойщиком в ресторане в штате Калифорния. Потом вернулся на Кубу и участвовал в студенческой борьбе против диктатуры Батисты. В 1955 году во время студенческой манифестации в Гаване был ранен. Познакомившись с идеями Фиделя, Камило Сьенфу–эгос без колебаний принял решение присоединиться к его отряду.

Фидель постоянно поддерживал контакт со своими соратниками на Кубе, призывал их действовать: находить состоятельных людей, готовых оказать революционерам помощь, склонять на свою сторону прогрессивных и еще не определившихся молодых людей из ортодоксальной партии, развивать связи с профсоюзами, с «Гражданским женским фронтом имени Марти», чтобы превратить этот фронт в женскую организацию «Движения 26 июля». Впоследствии в горах Сьерра–Маэстра с наемниками будет воевать целый женский отряд, куда войдут Селия Санчес – верная боевая подруга Фиделя – и Вильма Эспин – жена Рауля Кастро и на протяжении нескольких десятилетий неофициальная «первая леди» Кубы.

Как и перед штурмом Монкады, Фиделю предстояло найти не только деньги, но и подходящее помещение или базу для тренировок, а также опытного военного инструктора. Им стал бывший генерал испанской республиканской армии Альберто Байо, потерявший глаз в одном из боев. В некоторых источниках говорится о «случайности» встречи Фиделя и Байо в одном из магазинов Мехико, однако есть основания полагать, что Кастро вполне сознательно мог выйти на этого заслуженного человека, имевшего в Мексике репутацию настоящего «профессора партизанских наук».

Альберто Байо запросил за свои услуги почти 10 тысяч долларов – непомерную сумму по тем временам. Но, узнав, что он будет обучать борцов с тиранией Батисты, не только отказался от гонорара, но продал свое небольшое предприятие по производству мебели и отдал деньги Фиделю и его товарищам!

Альберто Байо родился на Кубе в 1892 году, еще до провозглашения независимости. В 1920–х годах служил в воздушных войсках в Испании, потом, как истинный республиканец, участвовал в гражданской войне в Испании и был сослан в Мексику. Байо имел большой военный опыт, даже успел повоевать в Африке в составе экспедиционного корпуса против марокканских партизан.

Он был разносторонним человеком. Писал стихи, неплохо разбирался в математике. В качестве инструктора наемников принимал участие в попытках свергнуть того или иного диктатора в некоторых латиноамериканских странах. К тому времени, когда Альберто Байо познакомился с Фиделем Кастро, он преподавал в кадетской школе мексиканских военно–воздушных сил в Гвадалахаре, но, проникнувшись благородными идеями Фиделя, уволился с этой службы и целиком посвятил себя обучению бойцов.

В 1955 году Байо выпустил в Мехико учебное пособие под

названием «150 вопросов партизану». Это сочинение было своего рода энциклопедией партизанской науки. По книге можно было научиться не только тому, как устраивать засады, взрывать мосты, изготавливать ручные бомбы и адские машины, но и тому, как делать подкоп из мест заключения, как запустить мотор самолета и взлететь на нем[153]. Поэтому уроки полковника свелись не просто к стрелковой подготовке, но, в большей степени, к постижению основ ведения боя, чтению карт, маскировке, изготовлению взрывчатых веществ, караульной службе.

В целях конспирации ученики называли Байо в беседах между собой вне занятий – «учителем английского языка». Благо им Альберто Байо владел в совершенстве. А сам «лингвист» требовал от своих подопечных строжайшего соблюдения дисциплины – в отряде были запрещены спиртные напитки, а позже и курение. Фидель даже предупредил владельца лавки, находившейся рядом со штаб–квартирой повстанцев на улице Эмпаран, что тот может давать молодым людям в кредит любые продукты и товары, но только не спиртные напитки. Несмотря на строгость «профессора партизанских наук», молодые люди искренне любили своего учителя и внимали буквально каждому его слову. (После победы революции Байо вернулся на Кубу, где умер в 1965 году.)

Фидель проводил много времени в разъездах, принимал курьеров с Кубы, вел переговоры с потенциальными союзниками – оппозиционерами режиму Батисты, писал статьи.

В июле 1955 года Фидель Кастро закончил работу над «Манифестом номер 1» от имени «Движения 26 июля» к кубинскому народу. Этот документ содержал 15 конкретных пунктов преобразований, которые был намерен осуществить Фидель с соратниками после свержения режима Батисты.

Кастро писал его, чтобы довести до кубинцев истинные цели и задачи движения, которое пытались опорочить политики и пресса, утверждая, что Фидель с товарищами существуют на иностранные деньги. Одними из ключевых пунктов «Манифеста» были требования о запрещении латифундий, распределении земли между крестьянами, передачи земли в неотчуждаемую собственность всем мелким арендаторам, колонам, издольщикам, национализация отраслей экономики, связанных с обслуживанием всего общества – электричество, газ, телефон. Особое внимание Кастро уделил вопросу конфискации капитала, незаконно нажитого местными и северными дельцами: «Подлежит конфискации имущество всех казнокрадов всех правительств без исключения. Страна должна получить сотни миллионов песо, которые были безнаказанно украдены у нее, и вложить их в исполнение указанных в манифесте

программ…»[154] Для Фиделя было очень важно, чтобы с этим документом ознакомилось как можно больше кубинцев. На Кубу было отправлено несколько тысяч экземпляров «Манифеста».

Тем временем набирала обороты собственно военная подготовка участников будущей экспедиции. Че Гевара, несмотря на астму, посещал все занятия генерала. По отзывам Альберто Байо, Гевара являлся одним из самых дисциплинированных, инициативных и политически грамотных бойцов, он всегда получал 10 баллов по десятибалльной системе. Спустя время, во многом благодаря урокам седовласого Байо, Че Гевара разработает свою стратегию партизанской войны (о ней он подробно расскажет в своих двух книгах). Суть ее сводилась к тому, что партизанский отряд постепенно превращался в армию, которая могла победить другую.

Позже Фидель вспоминал, что Че в редкие выходные дни, которые предоставлялись бойцам, пытался подняться на вулкан Попокатепетль в окрестностях Мехико: «Это высокая гора, 5 тысяч метров. Че делал огромные усилия, но у него так и не получалось достичь вершины. Ему очень мешала его астма. У него никогда не получилось забраться на вершину, но он не оставлял попыток и каждые выходные пытался и пытался. Он приложил героические усилия, но все равно не смог достичь вершины. Вот это я называю характером. Когда мы еще были небольшой группой, каждый раз, когда был необходим доброволец для какого–нибудь сложного задания, первым добровольцем был, конечно, Че»[155].

Че Гевара стал старостой группы, отвечал за ее политическую подготовку, что на первых порах вызывало недовольство у кубинцев, невольно вынужденных внимать аргентинскому чужаку. Но своей простотой, искренностью, а главное, желанием выполнить самое сложное задание, он быстро завоевал симпатии у подавляющего большинства членов группы. «Он отличался поразительным бесстрашием, никогда ничего не боялся и иногда он выдвигал предложение сделать очень сложные и рискованные вещи. И мне приходилось говорить ему „Нет“»[156], – признавался Фидель. Чего стоит, например, такое предложение – Че решил стать своего рода подопытным кроликом, именно на нем экспедиционеры тренировались… делать уколы. За время обучения Че получил около 100 инъекций от своих товарищей!

В феврале 1956 года Фидель получил разрешение на тренировки на пригородном стрельбище, где занимались члены местного стрелкового клуба. Бойцы упражнялись в стрельбе в живых индюков на расстоянии полкилометра. Кто попадал в индюка – получал право съесть трофей. Однажды и Че Гевара вернулся домой к жене с таким трофеем. Это был праздник, ведь

из–за нехватки денег бойцы питались в основном лепешками с водой. Впрочем, никто не «зажимал» добычу. Все делились с товарищами. «Нам удалось найти 55 винтовок с оптическим прицелом. Мы практиковались на быках, которых отвязывали на расстоянии 200 метров от стрелка. Мы могли разбить тарелку на расстоянии 600 метров»[157], – вспоминал Фидель.

Со временем около сотни бойцов переехали на ранчо «Санта–Роса» в местечке Чалко в тридцати пяти километрах от Мехико, которое располагалось в гористой местности. Это вызвало настоящее изумление у жителей по соседству. Дело в том, что ранчо было собственностью Эрасмо Риверы, давнего друга Панчо Вильи, командующего партизанской армией, руководителя крестьянского движения в период мексиканской революции 1910—1917 годов и убитого в 1920 году. Судьба Риверы была исключительной. Попав в годы партизанской войны в лапы американского экспедиционного корпуса, Эрасмо Ривера был расстрелян вместе со своими товарищами. Но раны оказались несмертельными и он, выбравшись из–под горы трупов, сумел выжить. Ривера сдавал свое «имение» кубинцам за символическую плату – всего лишь за восемь долларов в месяц. «Санта–Роса» была совершенно не приспособлена для жилья, и бойцам приходилось спать на полу, отгоняя от себя полчища назойливых мух. Однако выигрышным моментом была огромная (16 на 9 километров) территория ранчо, благодаря чему бойцы смогли соорудить настоящий стрелковый полигон и много упражняться в огневой подготовке.

Байо поднимал бойцов среди ночи и гонял их по горной местности. За несколько месяцев бойцам было необходимо пройти трехлетний курс военной школы. С каждой неделей задания усложнялись. Так, например, боец, водрузив на спину товарища, должен был при полной амуниции подниматься с ним в гору.

Седовласый Альберто Байо так увлекся, что выразил желание плыть с повстанцами на Кубу. Правда, он не подходил по ключевым параметрам – возраст и вес. Однако старик сел на жесточайшую диету и умудрился сбросить более десяти килограммов за пару недель.

Фидель Кастро, безусловно, учел горький опыт штурма Монкады, когда бойцы испытывали недостаток как в стрелковом оружии, в особенности в его «тяжелых образцах», так и в патронах. Забегая вперед скажем, что уже в первые дни партизанской борьбы в Сьерра–Маэстра Кастро отдаст негласный приказ о том, что боец может расстаться со всем, кроме оружия. Антонио Потонес, один из продавцов оружия в мексиканской

столице, подружился с революционерами и, зная о их финансовых трудностях, взялся обеспечить их новейшими образцами оружия по сниженным ценам.

Как и при штурме Монкады, Фидель предпочел оружие европейского производства. Винтовки с телескопическим прицелом, карабины, пистолеты – единственным условием кубинцев было то, чтобы оружие было совместимо с боеприпасами кубинского производства.

Неоценимую помощь в вооруженном оснащении экспедиции оказывали и рабочие оружейной фабрики, симпатизировавшие Фиделю и его товарищам. Пользуясь просчетами охраны, они тайно выносили по частям продукцию из цехов, затем собирали винтовки и пистолеты и по низким или умеренным ценам продавали их повстанцам.

В Соединенных Штатах через надежных людей удалось приобрести и легально доставить в Мексику пять автоматов «ремингтон». Оттуда же, но уже нелегально было доставлено два десятка автоматов «томпсон», два противотанковых ружья 50–го калибра.

Судьба свела повстанцев с еще одним колоритным человеком. Мария Гонсалес порекомендовала Фиделю своего знакомого – Арсасио Ванегаса Арройо, владельца маленькой типографии, где Фидель и товарищи стали печатать документы «Движения 26 июля». Ванегас был неплохим борцом и основательно «подтянул» физическую подготовку будущих экспедиционеров. У бойцов не было денег даже на автобус, и Ванегас практиковал так называемые пешие походы – бойцы, собиравшиеся в условленном месте, заодно получали навыки проверки на маршруте, преодолевая в день от 8 до 10 километров.

В октябре 1955 года Фидель отправился в поездку по Соединенным Штатам с целью заручиться моральной и финансовой поддержкой кубинских эмигрантов, желавших падения режима Батисты. Как уже говорилось, он в точности скопировал тот маршрут, по которому в конце XIX века, готовясь к своей вооруженной экспедиции, проехал его духовный и идейный учитель Хосе Марти. Фидель посетил штаты Пенсильвания, Нью–Джерси, Коннектикут, Флорида, а также Нью–Йорк. Во всех городах, где ему пришлось остановиться, Кастро выступал на митингах или собраниях с участием патриотически настроенных кубинских эмигрантов. Кастро не скрывал, что собирает «милостыню для своей родины», чтобы она поскорее обрела долгожданную свободу.

Фидель внушал доверие публике. Он был хорошо одет, ухожен. Все отмечали его ораторский дар. А самое главное, он ни

словом не обмолвился о коммунизме, в принадлежности к которому его упрекали кубинские и североамериканские газеты. «Состоятельные кубинцы, – писал позже Эн–рике Сальгадо, – больше верили в падение Батисты, чем в социальную программу вождя повстанцев. Иными словами, когда они слушали, они думали о своем, видели лишь свое. Однако их расшевелила новизна системы, смелость намерений человека, геометрия стиля»[158].

Американские власти чинили препятствия для Фиделя и «наводняли» своими агентами помещения, где он выступал. Благодаря провокаторам в эмигрантской среде усиленно запускались слухи о том, что пришедшие на встречу с главным оппозиционером Батисты будут вскоре высланы из США. Фидель писал своим соратникам на Кубе: «Всюду, где мы становились жертвами какого–нибудь агрессивного акта, во много крат возрастал энтузиазм и симпатии к нашему движению, и наши усилия неизменно вознаграждались самым полным успехом»[159].

Несмотря на определенные идеологические разногласия с аудиторией, настроенной на свержение Батисты, но не на изменение существующего на Кубе строя, Фидель кропотливо объяснял цели и задачи своего движения, изложенные в «Манифесте». Он особо подчеркивал, что революционная борьба не заканчивается свержением конкретного тиранического режима, который на тот момент олицетворяли собой Фульхенсио Батиста и его приспешники, на щеках которых, по меткому выражению Фиделя, уже «не осталось места для оплеухи». Борьба должна вестись в первую очередь за искоренение тяжелых условий жизни, в которых прозябали большинство кубинцев.

Кульминацией этой поездки, длившейся чуть более двух недель, стала его речь 30 октября 1955 года в нью–йоркском зале «Палмгарден», куда пришла почти тысяча представителей кубинской диаспоры. Именно там Фидель Кастро заявил: «Могу с полной ответственностью сказать вам, что в 1956 году мы будем либо свободными, либо мучениками. Эта борьба началась для нас 10 марта, она длится уже почти четыре года, и она закончится лишь в последний день существования диктатуры либо в последний день нашей жизни»[160].

Каковы же были практические итоги этой североамериканской поездки Фиделя Кастро? Конечно же ему не удалось с первого захода собрать заветный миллион. В Мехико Фидель вернулся с пятьюдесятью тысячами американских долларов. Но и это был успех. На эти деньги можно было купить и недостающее оружие, и судно для экспедиции на Кубу. Но самое главное состояло в том, что в нескольких городах

Соединенных Штатов были созданы так называемые комитеты поддержки «Движения 26 июля». Они обещали Фиделю финансовую помощь в будущем и впоследствии выполнили свое обещание. В годы кубинской революции за границей – в США, странах Центральной Америки и Карибского бассейна – действовали 62 таких комитета, которые собирали средства, приобретали оружие и разъясняли людям цели и задачи повстанцев.

По возвращении из США Фидель написал «Манифест номер 2», который, как и первое воззвание, в основном предназначался его соратникам и соотечественникам на Кубе. В этом документе Фидель подробно рассказал о своем пребывании в Штатах и о проблеме «финансирования восстания». «Другие просят деньги для себя лично и отдают в залог дома, земли, одежду, мы же просим деньги для Кубы, а в залог отдаем наши жизни»[161], – писал Фидель.

Тем временем на самой Кубе в борьбу с Батистой вовлекались все новые силы. Дело дошло до того, что офицеры решили устроить переворот, который, правда, носил не политический характер, а скорее походил на «внутренние разборки» в среде военных. Однако офицерский заговор во главе с полковником Р. Баркином был раскрыт и все его участники угодили за решетку. Они были освобождены из тюрем только революционными властями в 1959 году.

Батиста принялся закручивать гайки в стране. Он фактически спустил с «поводка» свою тайную полицию. Не проходило дня, чтобы на Кубе не обнаруживали изувеченный труп студенческого или профсоюзного активиста со следами многочисленных побоев, вырванными ногтями. Батистов–ская полиция даже не утруждала себя прятать трупы. В лучшем случае сбрасывала их с обрывов в море! При этом посол США на Кубе А. Гарднер называл Фульхенсио Батисту «самым честным человеком из всех политических деятелей Кубы»[162].

В декабре 1955 года на Кубе началась забастовка рабочих сахарных заводов, к которой присоединились рабочие табачных заводов, железнодорожники, студенты. Последние начали вооруженные столкновения с полицией. Напуганный Батиста перебрался в свою военную ставку в крепости Колумбия. После подавления выступления студентов он закрыл все высшие учебные заведения страны.

А в апреле 1956 года было жестоко подавлено выступление пятидесяти студентов, которые, вдохновившись примером Фиделя и его товарищей, захватили несколько грузовиков и попытались взять штурмом армейские казармы в городе Матансас, однако

были встречены шквальным огнем из пулеметов. Треть молодых людей погибла на месте, оставшиеся успели укрыться в гаитянском посольстве. И тут Батиста пошел на беспрецедентный шаг. В нарушение всех дипломатических норм и правил он отдал приказ военным ворваться на территорию посольства и уничтожить повстанцев. Это походило на карательную операцию. На глазах у дипломатов военные гонялись за безоружными молодыми людьми и убивали их. В посольстве не осталось ни одного помещения, где не было бы трупа студента.

Кастро понимал, что на Кубе, выражаясь марксистским языком, уже сложилась революционная ситуация и необходимо ускорить подготовку вооруженной экспедиции на Кубу. Но глупо было бы думать, что батистовские спецслужбы оставались в неведении относительно намерений кубинских эмигрантов в Мексике. Как выяснилось позже, в среду повстанцев затесался предатель по имени Венерио. Охранке важно было отследить все связи Кастро на родине, круг его помощников и союзников.

Особая роль в нейтрализации деятельности революционеров–эмигрантов отводилась кубинскому посольству в Мехико, военный атташе которого находился в прямом контакте с Фульхенсио Батистой и главой Генерального штаба вооруженных сил Кубы. Сводки о деятельности революционеров в Мексике составляли львиную долю шифротелеграмм, доставлявшихся лично Батисте. Атташе докладывал, что Фидель Кастро и его соратники собирают деньги и покупают оружие.

Борьбу с Фиделем было решено вести в двух направлениях: пропагандистская кампания на Кубе и нейтрализация революционеров в Мексике. И проправительственные газеты, и правобуржуазные партии, и даже оппозиционеры Батисты из ортодоксальной партии обрушились с нападками на Фиделя, упрекая его в том, что «он занят сбором подаяний на территории США для свержения законно избранного президента». Но, как всегда, «забыли», что и сам режим Батисты, и некоторые партии существовали за счет американских подачек и субсидирования.

Еще в декабре 1955 года Фидель Кастро, который, безусловно, был в курсе грязной пропагандистской кампании, развернутой против него и товарищей в родной стране, пишет гневную статью, которую опять рискует напечатать популярный кубинский журнал «Боэмия». В статье Фидель отрекается от каких–либо контактов с бывшими союзническими партиями и движениями, ставшими на путь пособничества диктатуре Батисты. Тем самым он окончательно отрезает пути к сотрудничеству или компромиссу как с властными структурами на Кубе, так и с некогда бывшими политическими союзниками и

однопартийцами.

До кубинского диктатора дошло содержание речи Фиделя Кастро, произнесенной 30 октября 1955 года в Нью–Йорке. Из нее следовало, что до конца 1956 года революционеры должны высадиться на Кубе и начать вооруженное восстание. Батиста и его советники приняли решение о физическом устранении Кастро в Мексике, чтобы затем списать преступление на «криминальные разборки»: дескать, собрал большую сумму денег «на какие–то темные делишки» и не поделился ими с местными авторитетами. Руководство этой операцией было возложено на кубинского военного атташе в Мехико.

Однажды Мария Антония Гонсалес, хозяйка квартиры, где жил Фидель в Мехико, вышла из дома за покупками. Наметанный глаз женщины, знавшей в своем квартале всех, заметил нервничающего незнакомца. А тот, увидев ее, спешно скрылся за углом. Мария Антония немедленно сообщила об этом странном типе революционерам. Они схватили незнакомца и допросили. Им оказался известный в Мехико гангстер Поликарпо Солер. 10 тысяч долларов – такой гонорар пообещали ему за убийство Фиделя Кастро, чью фотографию нашли у него в кармане. Позже уже на допросе в полиции выяснилось, что заказчиками убийства являлись сотрудники кубинского посольства. Они даже не скрывали своих намерений. Действовали напрямую, а не через подставных лиц.

Судьба в очередной раз отвела злодейский удар от Фиделя. Тем не менее на собрании соратники с трудом убедили Кастро реже выходить в город, и обязательно в сопровождении «группы товарищей».

Поняв, что в случае физического устранения Кастро тень от его убийства ляжет темным пятном на и без того подмоченную репутацию Батисты, его окружение решает действовать другими методами – убедить мексиканские спецслужбы, что у них под боком формируется преступная группировка. Но местные спецслужбы осознавали, какой негативный общественный резонанс вызовут действия в отношении «гонимых диссидентов». К тому же они были прекрасно осведомлены о природе режима Батисты и о «популярности», которой тот пользовался на острове.

Но путем подкупа части сотрудников мексиканского федерального управления безопасности представителям кубинского посольства удалось спровоцировать мексиканские спецслужбы на обыски и аресты революционеров. 22 июня 1956 года мексиканские полицейские арестовали на улице Фиделя Кастро, затем ворвались на квартиру Марии Антонии и стали задерживать всех, кто туда приходил. В их руки попали не только

тексты речей, манифестов и листовок, но и некоторые планы и схемы революционеров по соблюдению конспирации и внутреннего распорядка. Наибольший улов ожидал агентов спецслужб на ранчо «Санта–Роса», где они конфисковали партию оружия.

«Я был арестован случайно. Одна бумажка отсюда, одна оттуда, с минимальными данными: какими–то адресами и телефонами, – рассказывал об этом аресте почти четыре десятилетия спустя сам Фидель. – Мы были удачливы: нас заключила под стражу Федеральная служба безопасности, а не Тайная полиция. Она официально принадлежала армии. Они изначально думали, что мы контрабандисты <… > Им казались странными наши перемещения.

У Батисты было огромное влияние, и он подкупил Тайную полицию, чтобы арестовать нас. Нам необходимо было принимать меры, и однажды вечером, уже почти ночью, когда мы с огромным риском перемещались с одной квартиры на другую, некоторые агенты Федеральной службы, видя наши передвижения, решили нас арестовать. Они действовали хитростью. Мы шли осторожно, не поняв странных движений машин. Я стоял в тени улицы, выжидая. Сзади меня был Рамиро, в 30—40 метрах, идя по левой стороне улицы. Мы свернули в переулок, где обычно было мало прохожих. Машина поехала за нами и высадила группу людей. Я спрятался за колонну строящегося дома и попытался достать автоматический испанский пистолет с 25 пулями. И в этот момент я понял, что это бессмысленно. Это были федеральные силы. Они поймали Рамиро. Для нас началась большая одиссея в Мексике <…> Когда я доставал оружие, меня арестовали. Они думали, что поймали контрабандистов или кого–то им подобных. В то время почти не существовало проблемы наркотиков, внимание властей больше уделялось контрабанде. Нас отвезли в центральный офис.

Нас спасло то, что они почти сразу же начали разговаривать с нами. Это были люди сильные и достаточно энергичные. Они получили какие–то бумажки и продолжили расследование <…> я вспомнил, что Кандидо Гонсалес – один из наших товарищей, который нас всегда сопровождал, – положил в мою сумку номер телефона квартиры, которую мы использовали как основной склад лучшего оружия, про который знал только я и один мой товарищ. Я совсем забыл о той бумажке. И этот номер телефона нашли полицейские. Это был самый сильный удар. Однако чем больше эти полицейские о нас знали, тем больше они нас уважали»[163].

Как выяснилось позже, на деньги Батисты работали сразу две

группы мексиканских агентов. У них были фотографии и анкетные данные на всех, без исключения, бойцов отряда. Фидель, узнав, что батистовские агенты подстрекают мексиканскую полицию взять ранчо «Санта–Роса» штурмом, сказал полицейским, что сам доведет их до ранчо. Расчет Фиделя был прост: увидев его в толпе незнакомых людей, бойцы не откроют огонь, как это произошло бы в ином случае.

В результате на ранчо удалось избежать кровопролития и, самое главное, «шальных пуль», которые могли быть выпущены агентами спецслужб исподтишка в Фиделя. К счастью, не была арестована ячейка Рауля Кастро, в этот момент находившаяся в увольнении. Избежали наказания и те, кто находился у себя дома или на задании. Не был арестован и Альберто Байо. На следующий день он даже написал письмо в одну из мексиканских газет, в котором предлагал явиться с повинной в обмен на освобождение учеников. Но его предложение было проигнорировано[164].

Когда спецслужбы нагрянули на ранчо, Че Гевара находился в укрытии, на дереве. Оставшись незамеченным, он мог избежать ареста. Но, увидев, что его товарищей забирают в околоток, демонстративно вышел из убежища и присоединился к двум десяткам задержанных друзей[165].

Как только ни злорадствовали кубинская пресса и политики по поводу ареста, какими только эпитетами ни награждали Фиделя и его товарищей, потирая руки от удовольствия. Мексиканские газеты объявили, что раскрыт заговор иностранных наемников, во главе которого стоит кубинский адвокат. Дошли до такой глупости, что Фиделя Кастро назвали… «тайным руководителем Мексикано–советского института культуры», а аргентинца Че Гевару «международным коммунистическим агитатором». Мария Антония Гонсалес, которая вместе с бойцами угодила в тюрьму «Мигель Шульц», куда в Мехико заключались граждане других стран, спустя годы не без иронии вспоминала: «В дешевом прозрачном нейлоновом плаще и старой шляпе он (Че Гевара. – *М. М.)* смахивал на огородное пугало. И я, желая рассмешить его, сказала ему, какое он производит впечатление <… > Когда нас вывели из тюрьмы на допрос, ему единственному надели наручники. Я возмутилась и заявила представителю прокуратуры, что Гевара не преступник, чтобы надевать ему наручники, и что в Мексике даже преступникам их не надевают. В тюрьму он возвращался уже без наручников»[166].

Кстати, Че Гевара создал большие проблемы для отряда: на вопрос следователя, коммунист ли он, ответил «да» и пустился в дискуссию с ним по поводу роли Сталина в истории.

Несколько недель длилось заключение Кастро и большинства его боевых товарищей в мексиканской тюрьме. Как и ранее, после неудачного штурма Монкады Фидель взялся защищать себя сам. Все доводы следствия, обвинявшего Кастро в использовании территории Мексики для подготовки восстания на Кубе, разбивались об умелую защиту бывшего адвоката. Огневую подготовку своих бойцов на ранчо он представил как уроки стрельбы для желающих совершенствовать свои навыки в обращении с оружием. Фидель отбился и от обвинений в нарушении миграционных законов Мексики, доказав, что он ведет себя на территории принявшего его государства как законопослушный иностранец, добропорядочный гость Мексики.

В прогрессивных кругах Мексики конечно же были прекрасно осведомлены о реальной деятельности Кастро и его сподвижников. Громкий судебный процесс по делу штурма Монкады, смелость Фиделя, его упорное стремление избавить свою страну от диктатуры, твердость его принципов, несомненно, добавляли ему популярности не только в среде мексиканских интеллектуалов и леворадикальной молодежи, которые традиционно симпатизировали таким людям. Скорое освобождение Кастро и товарищей из застенков не могло состояться без помощи извне, без ходатайства мексиканских политических деятелей. Желание кубинских властей с помощью мексиканцев надолго упрятать революционеров за решетку в чужой стране и готовность потратить на это большие деньги были слишком очевидны и вызвали совершенно противоположную от их ожиданий реакцию.

Но добрым ангелом–освободителем для кубинских революционеров стал человек, который пользовался в Мексике непререкаемым авторитетом – бывший президент этой страны, генерал Лазаро Карденас. Ярый противник фашизма и антиимпериалист, он управлял Мексикой с 1934 по 1940 год и провел первую в истории Латинской Америки национализацию нефтяной промышленности. Несмотря на колоссальное давление со стороны властей страны, экс–президент, благодаря своему влиянию, способствовал освобождению Фиделя и его товарищей из следственного изолятора. За Кастро также заступились известные на весь мир мексиканские художники Ривера и Сикейрос.

Хуже обстояли дела у Эрнесто Гевары. Аргентинцу, в большей степени из–за его «коммунистических воззрений», дали понять, что он попал в тюрьму надолго. У него были серьезные проблемы с миграционными документами. Его адвокат, который, кстати, еще недавно был министром экономики правительства Гватемалы

в недолгий период правления Хакобо Арбенса, призывал его к сотрудничеству со следствием. Но Че заявил: «Ни за что! Я хочу, чтобы меня считали кубинцем». Он считал, что из–за него «не должна задерживаться революция». Но Фидель «своих на войне не бросал». Он потратил много времени и денег, чтобы вызволить Че Гевару из мексиканской тюрьмы[167]. Ему пришлось дать «мордиду» – взятку, чтобы Че, отсидевшего к тому времени больше двух месяцев в тюрьме, выпустили на свободу. «Его не стали дольше задерживать, потому что его имя было известным народу, который любил его за моральные принципы, и народное недовольство могло легко открыть двери той тюрьмы»[168], – рассказывал Фидель.

Выйдя из тюрьмы на свободу в конце июля 1956 года, Кастро столкнулся с главной проблемой: как компенсировать материальные потери, понесенные отрядом, где взять деньги, чтобы восстановить арсеналы оружия, большая часть которого была конфискована в ходе июньских обысков? Сильнее всего он беспокоился о том, что не сможет сдержать обещание, данное товарищам, а значит, и кубинскому народу. До конца 1956 года, отмеренного им самим срока, оставалось менее полугода, а ему снова предстояло найти деньги на покупку оружия и яхты для переправки отряда на Кубу. О том, чтобы совершить повторный вояж в США, не могло быть и речи. Фиделя там восприняли бы как несерьезного человека и никудышного политика.

Но, как уже говорилось ранее, для Фиделя Кастро любое поражение означало «прелюдию большой победы». Оно заводило его, раззадоривало, а не ввергало в уныние. Он воспринимал локальные неудачи как «неизбежные издержки революционной борьбы».

После летних арестов Фидель сделал выводы: дальнейшая подготовка к экспедиции будет проходить под неусыпным вниманием местных спецслужб, «накачиваемых» бати–стовскими агентами, поэтому параллельно с разработкой новых способов конспиративной связи он решил рассредоточить отряд на маленькие группы. Этим, кстати, начал заниматься Рауль, в то время как его брат Фидель находился в тюрьме «Мигель Шульц». Ему было поручено найти места в глухих уголках Мексики, где могли продолжить военную подготовку бойцы отряда. Все они по условному сигналу должны были собраться в назначенном месте для отплытия на Кубу. Так, например, Че Гевара оказался в городке Куа–утла. В местной гостинице он жил под фамилией Гонсалес.

Проанализировав ситуацию, Фидель решил встретиться с бывшим кубинским президентом Карлосом Прио Сокарра–сом,

своим политическим противником. Батистовцы распространяли слухи о том, что «фиделисты» получали значительные суммы денег от Прио Сокарраса и он якобы помог им купить два ранчо, где молодежь обучалась ведению партизанской войны. На самом деле Кастро с бывшим главой Кубы до этого момента был лично не знаком.

В свое время Фидель Кастро собрал внушительное досье на Сокарраса, уличавшее его в связях с гангстерскими группировками. Понятно, что для Фиделя, который открыто обвинил экс–президента в том, что «тот продавал и покупал убийства», встреча с Сокаррасом означала некое отступление от своих моральных и идейных принципов. Но у него не было выхода – никто в многочисленной колонии кубинских эмирантов не имел столько денег и такое громкое имя, как Карлос Прио Сокаррас, проживавший в США. В данном случае два бывших политических противника, вынужденных эмигрировать с Кубы, могли пойти на тактический компромисс, объединившись против своего заклятого врага Фульхенсио Батисты, который одного из них сверг с трона, а другого упрятал в тюрьму.

Когда на Сокарраса вышли представители «Движения 26 июля», он поставил Фиделю Кастро единственное условие: встреча должна произойти на территории Соединенных Штатов.

Незадолго до встречи с экс–президентом Фидель успел сделать одно важное дело. В конце августа 1956 года он вместе с лидером федерации кубинских студентов Хосе Антонио Эчеверрия подписал совместную декларацию, которая получила название «Мексиканская хартия». В ней осуждались любые формы диктатуры, а также тактика соглашательства и уступок некоторых оппозиционных партий. 2 сентября эта декларация была обнародована на Кубе. Хосе Антонио Эчеверрия, один из будущих героев революционной борьбы против Батисты, руководил Федерацией университетских студентов с 1954 года. Он был одним из инициаторов массового движения против предоставления телефонной компании «ITT» новых привилегий.

Теперь можно было отправляться на встречу с Прио Сокаррасом. 29 августа под покровом темноты Фидель покинул свою квартиру на улице Пашука в районе Кондесса, где он жил после выхода из тюрьмы «Мигель Шульц». Компанию ему составили пять человек. Фидель не мог легально покинуть Мексику из–за отсутствия документов, конфискованных при аресте. Впрочем, и у Прио Сокарраса была схожая проблема. Экс–президент не мог выехать за пределы США, так как находился под подпиской о невыезде, проходя по сфабрикованному делу о контрабанде оружием. В этих условиях Фидель попросил экс–

президента о встрече в местечке Макаллен, в штате Техас, который граничит с Мексикой.

Путь Фиделя Кастро до границы с Мексикой был полон приключений. Автомобиль, на котором он и его спутники ехали по горным дорогам, мог двигаться с максимальной скоростью 40 километров в час. Только в пути Фидель объявил товарищам, что собирается пересечь мексиканскую границу не пешим путем, а вплавь по реке Рио–Браво, которая течет по территории пяти мексиканских штатов. В США эта река носит название Рио–Гранде.

Соратники Кастро были в шоке. В этом месте, в устье, у реки было бурное течение, и существовал риск не справиться с водной стихией и «кануть» в пучину. А с ней и в Лету. Но Фидель не слышал никаких возражений. Компания заночевала в мотеле в местечке Рейноза.

Утром за Фиделем заехал на джипе мексиканский инженер Альфонсо Гутьеррес и доставил его на границу – к устью реки Рио–Браво. План был прост: Фидель отправится по воде вплавь, а его товарищи пересекут два пограничных поста по мосту, благо у них с документами все в порядке. На территории США они дадут Фиделю сухую одежду и препроводят его к месту встречи с экс–президентом Сокаррасом.

Спустя годы после победы Фидель Кастро назовет встречу с Прио «горьким опытом революционной борьбы». Он признается, что тогда, в конце лета 1956 года, у него не было выбора. Он обязан был найти компромисс с Сокаррасом, который нередко высказывался уничижительно в адрес революционеров: дескать, собрались делать революцию, а сами – без штанов.

Успешно справившись с водной стихией, благодаря отменной физической подготовке, Кастро вышел на берег территории США. Переодевшись в одежду, доставленную его товарищами, он вместе с ними прибыл в городок Макаллен и поселился в гостинице «Королевская пальма». Здесь в номере 21 его ждал экс–президент Карлос Прио Сокаррас со своим помощником. Собеседники тепло поздоровались, по их настрою было ясно, что былые противоречия и обиды они решили оставить в прошлом. Первая часть беседы, прошедшая при свидетелях, была посвящена обсуждению ситуации на Кубе, а также деталей предстоящей экспедиции отряда Фиделя. Кастро убеждал влиятельного собеседника в своей правоте, не стесняясь спорить и отстаивать свою точку зрения.

Экс–президент, в свою очередь, рассказал Фиделю о готовящемся на острове заговоре офицеров, недовольных политикой Батисты. Информация об этом стала откровением для

лидера «Движения 26 июля». Фаустино Перес, сопровождавший Фиделя в поездке, предложил ему пригласить экс–президента для участия в их революционной экспедиции, но тот, извинившись, ответил, что у него есть не менее важные дела, к тому же он уже не молод[169].

Оставшись с Фиделем и Фаустино Пересом, Прио Сокаррас пообещал передать на нужды революционного движения 50 тысяч долларов. Правда, не тотчас, а в самое ближайшее время и поэтапно. Эта сумма вполне устраивала революционеров. Яхта, на которой отряд должен был отправиться на остров, по прикидкам Фиделя, стоила 15—30 тысяч долларов. На оставшиеся деньги можно было приобрести оружие. Экс–президент заверил, что непременно обеспечит бойцов деньгами и Фидель может не сомневаться в его обещании. От Фиделя лишь требовалось заранее сообщить предполагаемую дату отплытия на остров. Конечно же он рисковал, «открывая карты» своему давнему политическому противнику. Но, видимо, ненависть к Батисте была настолько сильна, что заставила Фиделя отбросить мысли об опасности. Тридцатилетний Кастро шел ва–банк.

Вечером 1 сентября 1956 года, попрощавшись с бывшим президентом, Фидель Кастро со своими товарищами, Фаус–тино Пересом и Рафаэлем дель Пино, направился к мексиканской границе. Ему уже не надо было пересекать реку вплавь. Въезд в Мексику из США был свободным, и на пограничном посту не надо было предъявлять документы, удостоверяющие личность. На другой стороне границы Фиделя и его товарищей ждала машина. Утром 3 сентября революционеры были в мексиканской столице.

Спустя несколько дней в один из отелей Майами в американском штате Флорида вселился новый постоялец, представившийся капитаном экспедиционного судна. Это был соратник Фиделя Кастро, Хуан Мануэль Маркес[170]. В тот же день состоялась его встреча с Карлосом Прио Сокаррасом, который передал Маркесу 20 тысяч долларов. Вернувшись в Мехико, Маркес вручил эти деньги Фиделю. Теперь можно было приобретать яхту, малогабаритную, не привлекающую внимания, но на которой можно разместить немало людей.

Как часто бывает во время великих свершений, не обошлось без фарта и элемента случайности. Однажды Фидель проезжал мимо города Тукспан и из окна машины увидел стоявшую на приколе в устье одноименной реки небольшую яхту. Позже исследователи отметят, что только Фидель, с его звериной интуицией, мог счесть полезной делу революции «полуразвалившуюся посудину» с развевавшимся над нею американским флагом. Эта яхта, спущенная на воду в 1943 году,

была длиной чуть более 13 метров, шириной около пяти. Ее можно было называть как угодно – и суденышком, и большой лодкой. В 1953 году яхта попала в ураган, обрушившийся на Атлантическое побережье Мексики, и затонула. Прошло несколько недель, прежде чем ее подняли. Во время ремонта пришлось полностью перестелить палубу, заменить мачту, оба двигателя, а также баки для воды и горючего. Помимо неказистости у яхты был еще один плюс. Она носила имя «Гранма», по–английски «бабуся». Такое умилительное название вполне могло бы растопить сердца самых строгих пограничников, если бы те решили проверить суденышко в пути. Подумаешь, плывет какой–то чудаковатый американец, назвавший свою старушку–яхту в честь любимой бабушки.

Фиделю, «влюбившемуся в яхту», что называется, с первого взгляда, не стоило труда выяснить, что «Гранма» принадлежит американскому бизнесмену Вернеру Грину, который готов был уступить ее за символическую цену. Позже, когда сделка по покупке яхты была поручена мексиканцу Антонио Дель Конде, сочувствовавшему кубинским революционерам, стало известно, что американец поставил условие: «Гранму» он продаст только в комплекте – вместе с небольшим домом в пригороде Тукспана. Революционеры согласились на условия продавца – «Гранма» была куплена за небольшую сумму – 15 тысяч долларов, а еще несколько тысяч долларов были внесены как задаток за недвижимость. О деталях сделки знали несколько человек, а когда плавучее средство увидели остальные повстанцы, их изумлению не было предела.

Впрочем, источники называют разную цену, за которую была куплена «Гранма». Одно время фигурировала сумма в 18 тысяч долларов. Сам Фидель в марте 1985 года в интервью мексиканской газете «Эксельсиор» рассказывал: «„Гран–му“ мы купили у кого–то в кредит. Не знаю, был ли то американец, но он продавал дом на берегу реки и „Гранму“, продавал их вместе, а нам как раз обе эти вещи были необходимы для заключительной операции по высадке. На судне не всё было в порядке, не всё – один из двигателей был неисправен. Кажется, в целом это стоило 30 тысяч долларов – судно и дом, причем тогда не было такой инфляции, как сегодня. Это была законная сделка, совершенная в кредит. Часть мы заплатили, а остальное намеревались заплатить после победы революции <… > Все эти счета были потом оплачены»[171].

Но то, что «Гранма» уже однажды пережила катастрофу и была далека от технического совершенства, представляло большую проблему для революционеров. Дело в том, что на борт

она могла взять человек двадцать, в то время как число революционеров, которые должны были отправиться в поход, превышало эту цифру как минимум в три с половиной раза. И эти возможности судна, безусловно, были учтены Фиделем Кастро: он выбирал бойцов по росту и весу.

Когда из–за недостатка денег и времени стало ясно, что «Гранма» будет единственным средством перевозки революционеров на Кубу, Фидель выдвинул жесткое условие – на борт яхты будут взяты бойцы, не имеющие лишнего веса. По этой причине многие на «Гранму» не попали. Уже после победы революции произошел один забавный эпизод. Восемьдесят два юных пионера забрались на яхту «Гранма», подражая восьмидесяти двум участникам первой экспедиции. Участник экспедиции на «Гранме» Эфихенио Амейхей–рас так комментировал эту ситуацию: «Удивительно, но, как они ни толкались, им не удалось разместиться на судне. Некоторым мальчишкам пришлось забраться на крышу. А теперь представьте себе, что значило плыть на этой яхте, настолько перегруженной, что ватерлиния у нее находилась глубоко под водой»[172].

Сам Фидель вспоминал: «Мы испытывали „Гранму“ в спокойных водах и всего с несколькими членами команды на борту. Никто не подумал толком о том, что, если на лодку погрузить восемьдесят два человека, которые вместе весят несколько тонн, плюс оружие, воду, топливо, продовольствие <… > это должно сильно перегрузить лодку. Она была не просто перегружена, она чуть ли не тонула. Судно представляло собой жалкую скорлупку, подпрыгивавшую на волнах в Мексиканском заливе»[173] .

После покупки яхты осталась проблема, на какие средства приобретать оружие. И в этот момент помощь пришла от одного из руководителей «Движения 26 июля», координировавшего его работу на Кубе. В Мехико прибыл Франк Паис Гарсиа с восемью тысячами долларов для повстанцев. Этому школьному учителю было всего 22 года. (Как молоды были люди, намеревавшиеся свергнуть Батисту!) Фидель так отзывался о Франке Паисе в письме Марии Антонии Фигерос: «Я полностью убедился в том, что ты была права, когда рассказывала мне о его великолепных качествах организатора, его мужестве и способностях. Мы очень хорошо поняли друг друга. Его приезд сюда оказался очень полезным»[174].

Франк Паис заверил Кастро, что его люди на Кубе готовы поднять восстание в Сантьяго одновременно с прибытием отряда из Мексики. Тогда Фидель решил, что значительная часть средств, поступающих повстанцам в Мехико из–за границы

главным образом от эмигрантов, живших в США, должна переправляться на Кубу. Однако самым главным было то, что Фидель Кастро договорился о координации действий своего отряда и группы Франка Паиса в Сантьяго–де–Куба. В день отплытия экспедиции из Мексики в дом на улице Сан–Фермин будет послана телеграмма: «Книга распродана. Издательство „Дивульгасьон“». Это означало, что все идет по плану и через пять суток «Гранма» пришвартуется у кубинского берега, недалеко от Сантьяго, где должно начаться восстание. Причем Фидель не намеревался использовать действия отряда Франка Паиса как «отвлекающий маневр», чтобы «увести» внимание армии Батисты от десанта, а считал ее важной частью партизанской операции. Руководители движения договорились, что на берегу возле города Никеро десант будут ждать резервные отряды Кре–сенсио Переса и Селии Санчес. Эти резервные группы должны были обеспечить проводников из местных крестьян, приготовить транспорт и продовольствие. Совместное выступление отрядов Кастро и Паиса в провинции Ориенте должны были поддержать акции студентов, о чем Фидель договорился с Хосе Эчеверрия еще в августе.

Фидель арендовал ранчо «Абасоло» в штате Тамаулипас. Туда к концу октября съехались около сорока бойцов. Однажды на ранчо из Мехико приехала Мария Антония и сообщила Фиделю о смерти в Биране его отца, дона Анхеля Кастро. Фидель, любивший и почитавший своего отца, стоически воспринял это трагическое известие[175].

Тем временем с вызывающей подозрение регулярностью в Мехико продолжались облавы на конспиративных квартирах и аресты повстанцев. В очередной раз был взят под стражу Педро Мирет, по этой причине он и не смог присоединиться к экспедиции. Было ясно, что полиция действует по наводке человека, хорошо знакомого с планами Фиделя. Имя предателя так и осталось одной из тайн революционной борьбы. Мелькала фамилия батистовского агента Венерио. В других источниках называлось имя тогдашнего телохранителя Фиделя Кастро Рафаэля дель Пино. Фидель якобы узнал, что человек, на имя которого была куплена «Гранма» и у которого хранится радиопередатчик для связи с соратниками на Кубе, за 15 тысяч долларов согласился выдать бойцов военному атташе в Мехико. Он приказал изолировать Рафаэля дель Пино и попросил друзей спрятать в Мексике в конспиративном месте несколько ружей. «Если нас вновь постигнет неудача, я вернусь в Мексику, снова соберу надежных людей и снова вернусь на Кубу на самолете, – пояснил он товарищам. – Мы спустимся на парашютах в горы. И

так буду делать до тех пор, пока меня не убьют или мы не освободим нашу родину от тиранов и эксплуататоров»[176]. Что же касается предателя в отряде, то Фидель говорил следующее: «Тот, кто передавал сведения о нас, сбежал у мексиканской границы. Мы выяснили, что он выдавал конспиративные квартиры одну за другой, а затем собирался выдать и нашу лодку. Именно поэтому мы так поторопили события»[177].

После того как 21 ноября расположение отряда, никого не предупредив, таинственным образом покинули еще два проверенных бойца, стало ясно, что операция находится под угрозой провала. 22 ноября 1956 года Фидель отдал распоряжение всем группам, к тому времени рассредоточившимся по Мексике, прибыть 24 ноября на пристань в устье реки Тукспан, в нескольких километрах от маленького порта в штате Веракрус. Именно отсюда было намечено отплытие «Гранмы» к берегам Кубы.

«Приказ о сборе пришел совершенно неожиданно, – вспоминал Че. – Все мы должны были выбираться из Мехико лишь в той одежде, что была на нас, группами по два–три человека… чтобы опередить предателя, который должен был выдать нас полиции»[178].

В условленный день на автобусах и «на перекладных» из нескольких мексиканских городов в Тукспан съезжались бойцы, к тому времени получившие достойную военную подготовку. Но одной из групп забыли сообщить, что надо «выдвинуться на базу». Впрочем, все бойцы все равно не могли поместиться на яхте. Местная полиция получила свою «мордиду» – взятку за отсутствие на пирсе. На Кубу уже была отправлена телеграмма о «распроданном тираже книги». А это означало, что ровно через пять дней отряд Франка Паиса, насчитывавший несколько сотен человек, начнет вооруженное восстание в Сантьяго. Его основными целями были городское полицейское управление, управление морской полиции, а также крепость Монкада.

Подготовка к отплытию экспедиции происходила в такой спешке, что неизбежно должны были случиться ошибки. С них, собственно, и началось это, как оказалось, злополучное путешествие.

Штурманом яхты Фидель назначил Роберто Роке, который служил в военно–морских силах Кубы. Но он первый раз увидел «Гранму» только 24 ноября. Роке не знал, что скорость судна составляет не девять, как он думал, а всего лишь семь узлов, а потому неправильно рассчитал время нахождения в пути. Роке сказал Фиделю, что яхта сможет достигнуть берегов Кубы через пять суток. На самом же деле она могла прийти туда только через

неделю. Таким образом бойцы Фиделя Кастро объективно не успевали присоединиться к группировке Франка Паиса. Кроме того, у повстанцев не было карты побережья Кубы, где им предстояло высадиться, а значит, «Гранме» предстояло двигаться практически вслепую. Никто из бойцов, включая самого Кастро, не знал рельефа Сьерра–Маэстра. Фиделя подвела излишняя доверчивость, когда он положился на одного участника экспедиции, который якобы хорошо знал эти места и мог наладить снабжение отряда продовольствием, ночлегом и пр. В 1974 году Фидель вспоминал об ошибках, допущенных в те дни: «Чтобы не раскрывать предварительно наши намерения, мы никого не посылали на разведку в те места, где собирались воевать. Исходили из того, что все будет яснее прямо на месте. Очень мало сведений было у нас о берегах Кубы, хотя нам и помогал один товарищ, который в прошлом служил в военно–морском флоте. Изучая по карте побережье провинции Ориенте, мы пришли к решению высадиться в Колорадас, затем захватить городок Никеро, блокировать другой город Пилон, а потом уже податься в горы»[179].

Итак, 82 бойца были готовы отправиться в нелегкий путь. Из них 21 человек принимали участие в штурме Мон–кады. Отряд напоминал настоящее воинское подразделение со своими званиями, которые вскоре будут установлены в Повстанческой армии: команданте – майор Фидель Кастро, шесть капитанов и три лейтенанта. Средний возраст повстанцев составлял 27 лет, но в числе рядовых бойцов были и 53–летний Франсиско Чикола, и 19–летний мексиканец Гильен Селайя. Каждый пятый в отряде был рабочим, две трети – служащие. У 44 повстанцев было начальное образование, у 20 – неполное среднее, у 8 – среднее, у 10 – высшее. На «Гранме» были представлены все шесть провинций страны[180].

На борт судна были погружены две тысячи апельсинов, сорок восемь банок сгущенного молока, четыре окорока, коробка яиц, 100 плиток шоколада и 100 фунтов хлеба. Этого должно было хватить на пять суток похода, которые предсказывал «Гранме» Роберто Роке[181].

«Гранма» вышла из Тукспана во втором часу ночи 25 ноября. Только теперь Фидель впервые посвятил участников экспедиции в подробные планы – высадиться на Кубе и начать вооруженную борьбу с многотысячной армией Батисты в горах Сьерра–Маэстра. Бойцы спели кубинский гимн и гимн «Движения 26 июля», закончив их криками «Да здравствует революция!».

Но эйфория быстро прошла. Накануне береговые службы Мексики в категорической форме предупреждали владельцев

судов и яхт о приближающемся шторме. И действительно, начавшийся вскоре шторм сбил яхту с курса. «Судно стало представлять собой трагикомическое зрелище: люди сидели с печальными лицами, обхватив руками животы, одни – уткнувшись головой в ведро, другие – распластавшись в самых неестественных позах. Из 82 человек только два или три матроса да четыре или пять пассажиров не страдали от морской болезни»[182], – писал Че Гевара в своих воспоминаниях. Но если большинство страдало от морской болезни, то Че задыхался от астмы. Пабло Уртадо, участник экспедиции на «Гранме», рассказывал: «Я видел, что у него ужасный приступ астмы. И, несмотря на это, именно он заботился о нас и оказывал всем нам помощь, хотя мы страдали всего–навсего морской болезнью». Хесус Монтане, участник штурма Монкады, вспоминал: «Экспедиция была вынуждена отправиться в сильной спешке <… > И Че не удалось собрать медикаменты, необходимые для того, чтобы справляться со своими приступами <… > Мы были все поражены стоицизмом и самопожертвованием, с которым он переносил страдания. Никто не слышал от него ни единой жалобы. И лишь благодаря тому, что товарищ Фаустино Перес, словно по наитию, захватил с собой несколько ампул адреналина, удалось несколько облегчить Че самые тяжелые мгновения приступа»[183].

Тем временем в каюты стала поступать вода, на «Гранме» началась паника. Как назло на судне оказался неисправен насос для откачки воды. А потом заглох двигатель. Бойцы принялись лихорадочно вычерпывать воду всеми имеющимися подручными средствами. Однако это не помогало. Тогда Фидель приказал избавиться от лишнего балласта, оставив только личное оружие, минимум еды и боеприпасов. Когда за борт уже отправились консервы, канистры с горючим и с пресной водой, выяснилось, что на самом деле проблемы создает не течь, а всего лишь неполадки гальюна на судне.

На сей счет уже после победы революции участники похода на «Гранме» выдвигали несколько версий «поломки санузла». Одни говорили, что туалет не выдержал «напора» тех, кого сильно тошнило. Другие – что кто–то не закрыл кран умывальника. У Фиделя же было свое объяснение: «Мы отчаянно откачивали воду, а проблема, как выяснилось позже, была очень проста. Часть борта, которая обычно находилась над водой, была менее водонепроницаема и поначалу пропускала воду, но судно глубоко сидело в воде, доски разбухли и щели закрылись сами собой»[184]. Как бы то ни было, но из–за этой мелочи бойцы целых три дня откачивали воду с суденышка. К тому же стало ясно, что запасов

воды и продовольствия, остававшихся на судне, не хватит на все дни плавания. Участник похода Каликсто Гарсиа вспоминал: «Нужно иметь богатое воображение, чтобы представить себе, как могли на такой маленькой посудине разместиться 82 человека с оружием и снаряжением. Яхта была набита до отказа. Люди сидели буквально друг на друге. Продуктов взяли в обрез. В первые дни каждому выдавалось полбанки сгущенного молока, но вскоре оно кончилось. На четвертый день каждый получил по кусочку сыра и колбасы, а на пятый остались лишь одни гнилые апельсины. А ведь предстояло еще плыть долгих три дня»[185].

Фидель ввел жесткое нормирование питания. Но не проблемы с питанием и морской болезнью больше всего его беспокоили. Он с болью вспоминал впоследствии, что из–за нечеткой координации действий они так и не смогли помочь отряду Франка Паиса, ночью 30 ноября начавшему вооруженное восстание в Сантьяго. В бой они шли в военной форме оливкового цвета – цвета будущей кубинской революции. На руках у них были красно–черные повязки «Движения 26 июля». Эти люди, следуя заранее согласованному плану, штурмовали управление полиции Сантьяго, а затем перекрыли дороги, ведущие к Монкаде, ожидая подкрепления в лице бойцов Фиделя. Над основными объектами второго по величине города Кубы установили контроль всего четыре сотни молодых бойцов! Но помощь все не приходила.

Будучи не в силах оказать сопротивление прибывающим армейским частям, с большими потерями, бойцы Франка Паиса вынуждены были бежать из города в горы. Однако на этом пути их уже ждали полицейские патрули. Повстанцев зверски пытали и расстреливали без суда и следствия. А «Гранма» еще находилась в двух днях хода от берегов Кубы. Фидель жадно слушал радио и буквально заходился от ярости. «Как бы я хотел быть сейчас там, вместе с ними!» – восклицал он.

Между тем батистовские спецслужбы получили информацию от предателя о том, что из Мексики на Кубу идет судно с отрядом Фиделя Кастро. Правда, они не знали, что это за судно и где оно должно пришвартоваться. Поэтому береговые службы усилили слежение за судами, входящими в кубинские территориальные воды. Пограничникам и военным было приказано досматривать любые подозрительные суда и в случае обнаружения повстанцев открывать огонь на поражение.

В нескольких милях от берега «Гранма» столкнулась с одним из военных катеров. Бойцы бросились в трюм и буквально попадали друг на друга – настолько тесно было в их иллюзорном укрытии. На палубе остался лишь штурман Ро–берто Роке. Но

военные, проскользнув в нескольких десятках метров от «Гранмы», не приблизились к ней.

Вскоре стало ясно, что судно, вдобавок ко всем бедам, отклонилось от курса на Никеро, где бойцов ждала группа Селии Санчес. Штурман Роберто Роке, решив скорректировать курс, не нашел ничего лучшего, как забраться на мачту и осмотреть горизонт. И тут огромная волна, наклонив «Гранму», снесла его в воду. Благо бойцы, находившиеся на палубе, вовремя это заметили. Фидель приказал остановить судно и заняться поисками штурмана. На это ушло несколько часов – была ночь. Наконец луч фонаря выловил в кромешной темноте штурмана. Роберто Роке был спасен.

Когда на рассвете 2 декабря «Гранма» подходила к берегам Кубы, бойцов, находившихся на палубе, увидели с каботажного судна, о чем было немедленно сообщено полиции и береговой охране. В связи с этим Фидель принял решение высадиться в местности, отдаленной от гор, и прорываться с боями к массиву Сьерра–Маэстра. «Был отдан приказ быть готовыми к бою, – вспоминал один из участников экспедиции. – Нет слов описать, что мы испытывали тогда, особенно те из нас, кто давно покинул родину. При полном молчании яхта тихо скользила с приглушенным мотором. Все смотрели вперед, стараясь разглядеть берег. Стало слышно, как киль и дно судна зашуршали по песку. Мы были в Лас–Колорадас – в зоне мыса Крус, муниципальный округ Ни–керо, в провинции Ориенте»[186].

«Гранма», израсходовав последние литры горючего, села на мель в сотне метров от берега. (Теперь «Гранма» находится в Музее революции в Гаване, под стеклянным куполом, рядом с бывшим президентским дворцом свергнутого Фульхенсио Батисты.)

Спущенная на воду шлюпка тут же затонула. Обессиленные голодом и морской болезнью повстанцы, прыгнув за борт, вынуждены были идти по горло в воде, неся на вытянутых руках винтовки, а группа Рауля стала сгружать с «Гранмы» боеприпасы. И в этот момент на горизонте показались военные катера. Подойдя ближе, они открыли по отряду огонь.

И вот, когда бойцы, изнемогавшие и усталые, уже думали, что достигли суши, оказалось, что берега–то как такового поблизости нет. Впереди было километровое болото, зловонно пахнущие мангровые заросли с огромными надземными корнями. Бойцам потребовалось несколько часов, чтобы выбраться из него.

«Мы брели, спотыкающиеся от усталости и представляющие собой армию призраков, движущихся по воле какого–то механизма», – напишет позже в своем дневнике Эрнесто Че

Гевара. – Во время переправы наши люди провели семь дней, страдая от голода и болезни»[187].

Теперь этой «армии призраков» предстояло воевать с тридцатипятитысячной армией Батисты, постепенно сужавшей район поисков отряда Фиделя.

Глава седьмая
СЬЕРРА–МАЭСТРА – ВТОРОЙ ДОМ. ПОБЕДА

Как оказалось, бойцы десантировались на мысе Крус, в трех десятках километрах от того места, где их ждал отряд Селии Санчес.

Над мангровыми зарослями закружили военные самолеты. Но эти же заросли, не «отпускавшие из своего плена», оказались спасительными. Летчики не заметили «армию призраков» и решили, что повстанцы утонули в болоте.

Новость о том, что отряд Фиделя был разгромлен, еще не ступив на берег Кубы, в чем уверяли командование летчики, немедленно подхватили журналисты. Руководитель бюро американского информационного агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл» в Гаване телеграфировал в Америку только одну фразу: «Фидель Кастро мертв», которая тотчас была растиражирована многими западными газетами.

Однако Батиста не верил, что все повстанцы погибли. По его приказу военные перекрыли дороги, ведущие от мыса Крус к горной гряде Сьерра–Маэстра, а самолеты бомбили небольшой участок суши, который тянулся от болота к кокосовой роще. До плантаций сахарного тростника, где можно было хоть на время спрятаться от неприятеля, было не меньше километра.

В некоторых источниках указывается, что часть отряда погибла при первой же бомбежке, в болоте. Но это неверная информация. Выбрались на сушу все бойцы отряда Фиделя. Целых три дня, сбиваясь с пути, голодные, изможденные, со стертыми в кровь ногами, они шли в сторону гор. Едой и питьем им служили стебли сахарного тростника.

Эти трое суток, со 2 по 5 декабря, когда они наконец–то достигли местечка Алегриа–де–Пио, слились для них в один сплошной черный день. По иронии судьбы, Алегриа–де–Пио в переводе означает «Святая радость». Повстречавшийся на пути крестьянин вызвался проводить бойцов в горы «безопасными тропами», но… на самом деле заманил их в ловушку. «Наш проводник, как нам стало известно много лет спустя, был главным предателем и навел на след отряда, – писал Че в своей книге. – Отпустив этого предателя накануне ночью, мы совершили ошибку, которую не раз повторяли в ходе последующей борьбы, пока не поняли, что ненадежных людей из

местного населения нельзя оставлять без надзора, когда находишься в опасном районе»[188].

Наступило 5 декабря. «Мы прошли вместе по маленькой горе не больше, чем гектар в периметре, и прошли еще 100 или 200 метров до высокой горы, которая ограничивалась морем с юга и полосой земли, плоской и плодородной, засеянной под пастбище, с севера, – вспоминал этот день Фидель. – Мы подошли к границе леса, зашли в него, и метров через 100 мы растянулись по всему лесу. Это был достаточно подходящий участок, но земля была неровной и полна упавших деревьев. Нам надо было пройти еще и всю следующую ночь, чтобы добраться до места. Но некоторые из наших товарищей были совсем вымотаны. Мы решили остановиться у маленькой горы. Люди расположились, чтобы отдохнуть до наступления ночи. Пост расположили всего в сотне метров от лагеря. Достаточно самонадеянно»[189].

Бойцы, попадав без сил на землю, забыли выставить караул. Если бы они знали, что в непосредственной близости от них находятся 140 спецназовцев, а в воздух уже поднимаются самолеты…

Большинство бойцов сразу же уснули мертвецким сном. А те, что не спали, из–за усталости не сразу обратили внимание на то, что в небе над ними кружат самолеты. К охоте на отряд Фиделя подключились не только военные летчики, но и владельцы сахарных плантаций на своих авиетках.

«Мы с товарищем Монтане прилегли, прислонившись головой к дереву, и беседовали о наших детях, поглощая свой скудный паек, состоявший из половинки копченой колбасы с двумя галетами, как вдруг раздался выстрел, – писал Эрнесто Че Гевара в своих воспоминаниях. – Прошла какая–то секунда, и на нашу группу из 82 человек обрушился шквал пуль <…> Мы были почти безоружны перед яростно атакующим противником: от нашего военного снаряжения после высадки с „Гранмы“ и перехода по болотам уцелели лишь винтовки и немного патронов, да и те в большинстве оказались подмоченными <… > Помню, ко мне подбежал Хуан Альмейда. „Что делать?“ – спросил он. Мы решили как можно скорее пробираться к зарослям тростника, ибо понимали – там наше спасение! В этот момент я заметил, что один боец бросает на бегу патроны. Я схватил было его за руку, пытаясь остановить, он вырвался, крикнув: „Конец нам!“ Лицо его перекосилось от страха. Возможно, впервые передо мной тогда возникла дилемма: кто же я – врач или солдат? Передо мной лежали набитый лекарствами рюкзак и ящик с патронами. Взять и то и другое не хватало сил. Я схватил ящик с патронами и перебежал открытое место, отделявшее меня от тростникового

поля»[190].

Огонь по бойцам велся беспрестанно, с воздуха и с разных сторон с земли. Отряд охватила паника. Кто–то из бойцов предложил сдаться, но в ответ услышал устрашающий крик Хуана Альмейды: «Трус! Бойцы Фиделя не сдаются!» Солдаты подожгли плантацию тростника, чтобы выманить бойцов на себя и уничтожить их встречным огнем. Фидель приказал товарищам разбиться на группы и двигаться по направлению к горному массиву. «Возникавшие сцены то казались списанными у Данте, то были совершенно гротескными. Как будто в калейдоскопе, мелькали кричащие люди, раненые взывали о помощи, бойцы пытались прятаться за стебли тростника, словно это были стволы деревьев, а некоторые, испуганные, умоляли соблюдать тишину, прижимая пальцы к губам среди оглушительной стрельбы – и вдруг раздался ужасный вопль: „Стреляйте по тростникам!“»[191] – описывал те минуты Че Гевара.

Сам Фидель Кастро, несмотря на пережитое им за восемьдесят с лишним лет – бесчисленные утраты, покушения, предательства, считает, что именно 5 декабря 1956 года было одним из самых трагических дней в его жизни: «Все остальные попрятались кто где. Каждый человек или группа переживали свою собственную одиссею. Все силы, которые у меня остались, не разбросанные по лесу: трое людей и оружие: моя винтовка с 90 патронами и винтовка Санчеса с тридцатью. Вокруг было полно солдат. Нам надо было идти на восток и объединить как можно больше разбросанных сил.

Нас могли увидеть с любой дистанции <…> Нетрудно представить, насколько плохо мне было, когда я видел, как за считаные минуты исчезло то, что я с такими усилиями создавал почти два года. <… > Мы уже прошли несколько километров к солнечному свету, когда увидели гражданский самолет, который летал кругами примерно в тысяче метров от нас. Я заметил его со страхом. Мы ускорили шаги. Впереди находилась равнина, на которой росли кустарники примерно метрах в 30 друг от друга. За ближайшим из них мы и спрятались. Самолет, наблюдающий за нами, ждал истребителей, которые вскоре появились примерно в 60 метрах от нас. Я сказал, что нам надо покинуть как можно скорее эти кусты и спрятаться в зарослях сахарного тростника, находившихся поблизости. И мы сделали это вовремя, потому что истребители начали стрелять по кустам из четырех пулеметов 50–го калибра, установленных на каждом самолете. <… > Никто из нас троих не был убит или ранен. Перерыв в стрельбе позволил нам переползти метров 30—40 в другие заросли тростника, более высокие и густые. Было невозможно продвигаться дальше.

Выстрелы прекратились. Самолеты низко пролетели над зарослями тростника. Мы спрятались под листья, лежали и боялись пошевелиться».

<…> Из тех, что я пережил, этот день, этот час были самыми драматическими в моей жизни <…>. Что я мог сделать в тех обстоятельствах? Когда я понял, что все равно засну, я повернулся на бок, положил приклад винтовки между ног так, что дуло упиралось мне в подбородок. Я не хотел, чтоб меня поймали живым, если вражеский патруль найдет меня спящим. Иметь пистолет в таких случаях намного лучше – его легко вытащить и выстрелить во врага или в себя, но если ты с винтовкой в таких обстоятельствах, ты ничего не можешь сделать. Так как я не мог двигаться, я просто заснул. Из–за такого изнурения я проспал 3 часа. Наступал вечер»[192].

Самолеты больше не появились, и солдаты прочесывать местность не стали.

Выйдя из зарослей с большими потерями, отряд разбился на три группы: одна – трое человек во главе с Фиделем, другая – шестеро во главе с Раулем, третья – семеро бойцов – с Хуаном Альмейдой, в составе которой находился раненный в шею Че Гевара. «Что–то сильно толкнуло меня в грудь, и я упал, – рассказывал Че. – Один раз, повинуясь какому–то смутному инстинкту раненого, я выстрелил в сторону гор. И в этот момент, когда все казалось потерянным, я вдруг вспомнил старый рассказ Джека Лондона. Его героя, который, понимая, что все равно должен замерзнуть, готовился принять смерть с достоинством, зная о том, что ему суждено замерзнуть в ледовой Арктике»[193].

Группа Альмейды вышла к дому крестьянина Маноло Капитана, где засел отряд офицера военно–морской разведки, лейтенанта Хулио Лаурента. Последний лично расстрелял из пулемета восемь участников похода на «Гранме», которых выдал этот самый крестьянин. Среди них был Ньико Лопес, с которым Че подружился во время подготовки экспедиции. Обессилевшие и изможденные бойцы не стали вступать в бой с тридцатью хорошо вооруженными спецназовцами. Они пошли дальше. На их пути попался живительный ручей. «Мы, бросившись на землю, стали жадно пить до тех пор, пока наши голодные желудки не переполнились водой. Затем наполнили фляги и продолжили путь», – писал в дневнике Эрнесто Че Гевара.

13 декабря группа в полуобморочном от голода состоянии добралась до дома адвентиста Архелио Росабаля, которого называли Пастором. Здесь они узнали из радиопередач, что, по меньшей мере, шестнадцать их товарищей были захвачены и на месте убиты. Известий о братьях Кастро не поступало. 15 декабря

Фульхенсио Батиста заявил, что Фидель Кастро вообще не принимал участия в высадке на Кубе вооруженного отряда. У бойцов появилась надежда, что слух о том, что Фидель попал в расположение отряда Кресенсио Переса, одного из тех, кто должен был ждать его в горах Сьерра–Маэстра, окажется правдой.

Они приняли решение двигаться в направлении дома Монго Переса, брата Кресенсио. Крестьяне, которые рискнули проводить бойцов, посоветовали им оставить у них обмундирование и винтовки. В итоге из этой группы, которая разбилась на два отделения: по три и четыре человека, оружие сохранили только Че Гевара и Хуан Альмейда, а восемь винтовок с патронами оставили у крестьян.

20 декабря они пришли в дом Монго. Какова же была их радость, когда они встретили там целыми и невредимыми братьев Кастро и еще восемь участников экспедиции! Но Фидель, увидев, что некоторые из пришедших бойцов не имеют оружия, резко отчитал их. Че Гевара вспоминал, что «страшно возмущенный» Фидель на протяжении всей войны и даже после нее часто выговаривал им: «Вам повезло, что не пришлось заплатить за совершенную ошибку. Оставить оружие в этих обстоятельствах – означало заплатить своей жизнью. Оружие было единственной нашей надеждой, чтобы спастись в случае встречи с батистовцами. Оставить его было преступлением и глупостью»[194].

В доме Монго Переса были подведены печальные итоги высадки отряда. В бою 5 декабря погибла почти половина бойцов. Большинство из них уходили из Алегриа–де–Пио поодиночке. Эти бойцы и попали в плен. Их свозили в так называемую «временную тюрьму», барак, находившийся в Алегриа–де–Пио. Многие из них были подвергнуты пыткам и расстреляны. Большинство – убиты выстрелами в затылок. Трупы повстанцев бросали в горные расщелины хребта Сьерра–Маэстра. В итоге к условленному месту добрались всего 22 из 82 повстанцев. В том числе: Фидель Кастро, Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Камило Сьенфуэгос, Рамиро Вальдес, Хуан Альмейда. Этим членам «Движения 26 июля» суждено было не только сыграть решающую роль в годы партизанской борьбы, но и возглавить масштабные преобразования уже на новой Кубе, заняв ключевые посты в революционном правительстве.

На Кубе любят вспоминать легендарный эпизод воссоединения Фиделя со своим братом Раулем. «Сколько у тебя винтовок?» – спросил Фидель. «Пять!» – ответил Рауль. «Плюс две, которые есть у нас, итого семь. Теперь считайте, что мы победили!»[195]

О тех драматических минутах Фидель рассказал спустя десятилетия: «Ни одному из нас не приходило в голову сдаваться, хотя был момент, когда в нашей группе осталось две винтовки, а у других товарищей – пять. После серьезного поражения собрались две наши вооруженные группы, чтобы начать снова борьбу, – группа товарища Рауля, в которой было пять винтовок и четыре человека, и моя, в которой было две винтовки и три человека. В общей сложности нас было семь человек и семь винтовок, мы не теряли присутствие духа и спустя двадцать четыре месяца одержали победу.

Это не самовосхваление. Это действительность, которую нам выпало честь пережить, и не могу не вспомнить об этом в данную минуту. Когда есть воля к победе, когда человек не теряет присутствие духа, когда верит в свое дело, никакое поражение не заставит его отступить»[196].

В последней фразе выражена вся жизненная философия Фиделя, заметно возвышающая его над простыми смертными, – никогда не отступать и не сдаваться, какими бы роковыми и трагическими ни были обстоятельства, в которых приходится вести борьбу и побеждать.

На тот момент немногочисленный отряд, собиравшийся выиграть сражение у 35–тысячной армии Батисты, действительно располагал семью винтовками, и слова Фиделя Кастро показались приунывшим и измученным повстанцам стремлением сохранить хорошую мину при плохой игре. Но Фиделя это не смутило. «Враг нанес нам поражение, но не сумел нас уничтожить. Мы будем сражаться и выиграем эту войну», – сказал он.

Поблагодарив крестьян, приютивших их на несколько дней и давших им возможность отдохнуть, отряд Фиделя Кастро ушел в горы Сьерра–Маэстра. Это произошло в рождественскую ночь 25 декабря 1956 года, когда вся Куба была «украшена» проамериканскими плакатами розовощекого Санта–Клауса с кока–колой в руках.

Разгром в местечке Алегриа–де–Пио заставил Фиделя и его соратников еще раз проанализировать, какие основные тактические ошибки были допущены отрядом. «…Не было всех необходимых субъективных условий для успешного осуществления предпринятой попытки, не были соблюдены все правила революционной войны, которые мы потом усвоили ценой собственной крови и крови наших братьев по борьбе в течение двух лет тяжелой борьбы. Мы потерпели поражение, и тогда началась самая важная часть истории нашего движения, – позже переосмысливал этот трагический эпизод Че Гевара. – Тогда стала явной его подлинная сила, его подлинная историческая заслуга.

Мы поняли, что совершали тактические ошибки и что движению недоставало некоторых важных субъективных элементов; народ сознавал необходимость перемен, но ему не хватало веры в возможность их осуществления. Задача заключалась в том, чтобы убедить его в этом»[197].

Сделать это было крайне сложно. Немало крестьян сочувствовало повстанцам. Их хижины, благодаря предварительной работе, проведенной группой Селии Санчес, могли рассматриваться как своего рода явочные пункты и перевалочные базы, где бойцы имели бы возможность остановиться на ночлег и подкрепиться. Но батистовская пропаганда сделала все, чтобы представить повстанцев как «террористов» и «врагов простого народа». Переодетые солдаты армии Батисты совершали набеги на дома крестьян, выдавая себя за соратников Фиделя.

А позже, когда повстанцы вступили в полномасштабные бои с армией Батисты, военные начали проводить настоящие карательные акции против крестьян. Они вырезали в одной из горных деревень 62 человека, всех мужчин.

Когда стало известно, что часть повстанцев во главе с Фиделем жива, правительство Батисты объявило награду за содействие в поимке «государственных преступников». В горах Сьерра–Маэстра распространялись листовки следующего содержания: «Настоящим доводится до сведения, что каждый, кто предоставит информацию, способствующую успеху операции против какой бы то ни было повстанческой группы, возглавляемой Фиделем Кастро, Раулем Кастро, Кресенсио Пересом, Гильермо Гонсалесом Гарсиа либо другим главарем, будет вознагражден в зависимости от важности сообщения суммой не менее чем в 5000 долларов. Вознаграждение может быть повышено до 100 тысяч долларов. Последняя сумма предлагается за голову Фиделя Кастро. Имя информатора будет сохраняться в тайне»[198].

Поэтому на первом этапе борьбы повстанцы столкнулись не только с проблемой приобретения оружия и продовольствия, но и с тем, как убедить простых людей в праведности своего дела. Но, по мере того как кубинцы узнавали правду о бойцах Фиделя, в отличие от солдат Батисты не насиловавших и не обижавших крестьян, щадивших пленных, ширилась народная поддержка тех, кто бросил вызов Батисте.

0 том, как непросто было наладить взаимопонимание с крестьянами, Фидель рассказывал делегатам одного из совещаний сельскохозяйственных работников Кубы в конце 1959 года: «Вспоминается, что на первом этапе борьбы в Сьерра–

Маэстра каждый раз, когда мы заходили в крестьянский дом, его обитатели стремились убежать, и не потому, что они к нам плохо относились, а потому что боялись и, кроме того, не верили в возможность победы революции <… > Вначале мы были своеобразным злым духом Сьерра–Маэстры, потому что, действительно, нас никто не приглашал укрыться в горах и превратить их в поле боя вопреки воле местных жителей. Жители Сьерры – люди добрые и благородные, но на нас они смотрели со страхом, так как ждали, что потом последуют репрессии, а они были совершенно бессильны перед армией <…>Так было, но <…> настал момент, когда крестьянские массы стали массами рево–люционными»[199].

Че Гевара писал в своем дневнике, что крестьяне «еще не созрели для участия в борьбе», но были благожелательно настроены по отношению к их отряду: «Они радушно нас принимали и, помогая пройти вереницу испытаний, надежно укрывали в своих домах <…> Но чья вера в народ была поистине безгранична, так это вера Фиделя. Он продемонстрировал в то время необыкновенный талант организатора и вождя. Где–нибудь в лесу, долгими ночами (с заходом солнца начиналось наше бездействие) строили мы дерзкие планы. Мечтали о сражениях, крупных операциях, о победе. Это были счастливые часы. Вместе со всеми я наслаждался впервые в моей жизни сигарами, которые научился курить, чтобы отгонять назойливых комаров. С тех пор въелся в меня аромат кубинского табака. И кружилась голова, то ли от крепкой „гаваны“, то ли от дерзости наших планов – один отчаяннее другого»[200].

Именно благодаря крестьянам, осознанно сделавшим свой выбор в пользу молодых революционеров, отряд со временем перерастет в Повстанческую армию, которая одержит победу над многотысячной армией Батисты. А сам Фидель Кастро станет крестным отцом для многих крестьянских детей в горах Сьерра–Маэстра.

В конце декабря 1956 года произошло знаковое событие – к вооруженному отряду присоединился первый крестьянин – Гильермо Гарсиа, который со временем стал ключевой фигурой в партизанской войне, а затем членом Политбюро ЦК кубинской компартии. Именно Гарсиа был одним из немногих людей, кто посещал команданте эн хэфэ в больнице после тяжелой операции летом 2006 года. Он и по–прежнему здравствующий Хуан Альмейда имеют особое звание «команданте де ла революсьон» и особые знаки отличия. На их погонах, рядом со звездой команданте, нашит знак – три горные гряды Сьерра–Маэстра,

означающие, что он был руководителем отряда во время партизанской борьбы.

1957 год в отряде Фиделя был провозглашен «Годом накопления сил». До победы было еще очень далеко. Этот новый год бойцы, обнявшись, встретили под проливным дождем. По радио Батиста уверял кубинцев, что Фидель Кастро мертв, а остатки его отряда разгромлены. Это лживое сообщение было рассчитано на то, чтобы подавить моральный дух сторонников Фиделя Кастро, пока еще не воссоединившихся с повстанцами.

Че Гевара называл этот этап партизанской войны кочевым – у отряда не было постоянного места дислокации. Они были вынуждены передвигаться по горному хребту, как говорится, куда глаза глядят, не имея четко поставленной цели и находясь в постоянном ожидании встречи с противником.

Однажды крестьяне, встретившиеся на пути отряда, помогли им оружием. Это были винтовки захваченных в плен бойцов с «Гранмы», которые местные жители успели подобрать и припрятать у себя. В начале января в отряде Фиделя было уже 17 винтовок. С ними повстанцы и вступили в свой первый бой – 17 января 1957 года, со смешанным патрулем из солдат и моряков, спустя 46 дней после высадки отряда на Кубу. Это произошло у казармы в устье реки Ла–Плата, в том месте, где горный массив вплотную примыкал к морю.

Здесь бойцы казнили Чико Осорио, одного из трех управляющих латифундией семейства Лавити, которое создало на своих сахарных плантациях настоящее феодальное имение, фактически превратив рубщиков тростника в рабов. Осорио постоянно издевался над простыми крестьянами. Он появился перед повстанцами неожиданно, пьяный, восседая на муле, с бутылкой бренди в руке. Член отряда повстанцев Универсо Санчес, прикинувшись жандармом, потребовал, чтобы тот остановился, а Осорио в ответ немедленно назвал пароль: «Москит».

«Наш оборванный вид не вызвал подозрений у этого типа. Фидель, назвав себя армейским полковником, с возмущенным видом стал говорить ему, что занят расследованием причин, почему повстанцы до сих пор еще не ликвидированы и почему воинские подразделения ничего не делают. Он негодовал на то, что ему, „полковнику“, приходится бродить по лесам, не имея времени даже побриться. Одним словом, Фидель крепко поносил оперативность вражеских сил, – вспоминал Че Гевара. – Осорио очень охотно согласился с тем, что находящиеся здесь солдаты все время торчат в казармах и лишь изредка совершают незначительные вылазки. Он рьяно призывал ликвидировать всех

повстанцев»[201].

В темноте и в подпитии приняв повстанцев за карателей, приехавших истребить отряд Фиделя, Осорио «открыл им свою душу». Сказал, что лично убил и замучил двух крестьян, но «щедрый генерал Батиста» сразу же отпустил его на свободу. Похвастался ботинками, снятыми с одного из убитых. На вопрос «полковника», что бы он сделал, попадись ему на пути Кастро, тот ответил, что уничтожил бы его не задумываясь. И показал, что кое–что отрезал бы у него ниже пояса. После этих слов и жестов судьба Осорио была предопределена. Его ссадили с мула, отвели в сторону и расстреляли.

А затем произошел бой с солдатами. Отряд Фиделя, который к тому моменту насчитывал уже почти тридцать человек, за полчаса расправился с ними. Убив двух человек, а остальных взяв в плен, бойцы захватили пулемет «томпсон», несколько винтовок «спрингфилд» и около тысячи патронов. Это была первая их – пусть маленькая – победа.

В те дни проявится одно из самых ценных качеств Фиделя, благодаря которому он за считаные месяцы завоюет авторитет не только среди крестьян, но и в рядах неприятеля. «Мы никогда не относились к раненым так, как относилась к ним батистовская армия, – писал Че Гевара. – Это гуманное отношение со временем стало приносить плоды. В тот день, несмотря на все мои старания как врача сохранить наличные запасы медикаментов в своем отряде, Фидель приказал оставить их для раненых пленных»[202].

Фидель понимал, что, узнав о разгроме казармы Ла–Плата, военные бросятся за ними в погоню, сумеют определить, в каком направлении отступил отряд, и приказал устроить засаду.

Меньше всего Фидель и его товарищи напоминали Робина Гуда и его друзей, лихо «экспроприировавших экспроприированное». С первых недель пребывания в горах партизаны стали разрабатывать свое искусство ведения войны с многократно превосходящими силами противника. «Еще до тюрьмы у меня был план войны в Сьерра–Маэстра, – рассказывал Фидель Кастро. – Мы разовьем войну в движении, говорил я, ударим и скроемся. Удивим их. Ударим и скроемся. И много психологического оружия. Нам должны были помогать саботаж связи и средств передвижения. Для нас партизанская война должна была закончиться торжеством революционной силы. И должен быть кульминационный пункт: великий революционный подвиг и подъем всего народа»[203].

В книге Эрнесто Че Гевары «Партизанская война» подробно описаны стратегия и тактика повстанцев в войне против правительственной армии.

В горах Сьерра–Маэстра проявилась еще одна грань таланта Фиделя Кастро – как стратега и командира партизанской войны. «Засады такие же древние, как и сами войны. Мы разнообразили типы засад. Первую засаду мы всегда устраивали против авангарда, потому что враг часто ретировался, когда терял авангард. Потом мы продолжали атаки с флангов, и, наконец, когда они убегали, мы нападали на арьергард. Войска пытались вернуться в пункт, откуда вышли, и арьергард превращался в авангард, что вызывало путаницу, – рассказывал Фидель Кастро. – Если атакуешь несколько раз ночью, враг перестает передвигаться по ночам. Тогда атакуешь днем, если враг передвигается пешком. В горах удобно атаковать, когда враг в каньоне или на узкой горной тропе. Если ты с автоматическим оружием, то они не смогут никуда деться. Если можешь, нужно использовать мины. Если уже не можешь ничем удивить их, надо придумывать новую тактику.

Надо всегда нападать. Удивлять и удивлять. Атаковать там, где они не представляют и не ожидают. Если они не двигаются – атаковать рядом с гарнизоном. В этом случае они всегда ждут подкрепления. Если они его не получают, они сдаются. Они знали, что революционеры уважают своих пленников».

В горах Сьерра–Маэстра Фиделю пригодились знания, почерпнутые из книг о великих сражениях. Как уже говорилось, его любимым полководцем был Александр Македонский. И Фидель Кастро блестяще воспользовался его методами. «Я всегда доверяю возможностям нерегулярной войны. Если заглянуть в историю, еще со времен Александра и Ганнибала, победы всегда доставались тому, кто умел лучше использовать секретность перемещения войск и появляться внезапно для врага. А сколько раз эти стратеги использовали солнце и ветер против своих врагов! Тот, кто знал, как лучше употребить свои ресурсы, и кто лучше мог использовать природу в своих нуждах, именно он побеждал, – рассказывал о тактике своего отряда Фидель Кастро. – <…> мы развивали искусство провоцировать врага на то, чтоб он двигался, потому что враг силен на своих укрепленных позициях и слаб при передвижениях. Поэтому мы развивали метод убеждения врага, чтобы он начал двигаться и чтобы нам было легче его атаковать, когда он движется и когда он наиболее уязвим <…> В лесу есть места, по которым можно пройти только одному человеку, и способность сражаться минимальна, они не могут развернуть строй <… > Мы всегда атаковали внезапно в тех местах, которые мы знали. В такой тактике мы сражались достаточно эффективно»[204].

Но вернемся к бою у реки Ла–Плата. Место, где Фидель

устроил засаду, называлось Арройо–дель–Инфьерно («Адский поток»). Приблизившись к двум крестьянским хижинам, группа спецназа, преследовавшая бойцов, попала под самый настоящий «адский поток» пуль. Повстанцам противостоял карательный отряд под командованием Санчеса Москера, который участвовал в казнях их товарищей, пойманных в декабре 1956 года. Огонь повстанцы вели из семи точек вокруг хижин. В результате военные потеряли пять человек и полуавтоматическую винтовку «гаранд» со всеми патронами. Санчесу Москера удалось убежать. «Это победа была не полной, но в то же время она не была пирровой. Мы померились силами с батистовцами в новой обстановке и выдержали испытание»[205], – говорил Че Гевара.

Значение этих двух первых побед было трудно переоценить. Армейскому командованию стало понятно, что «армия призраков» не просто воскресла, а подобно птице Феникс, возродившись из пепла, по–настоящему «расправляет крылья». Простые солдаты отказывались идти в горы на поиски отряда, зная, что теперь в любом месте и в любой момент могут угодить в расставленные партизанами ловушки.

Когда стало понятно, что отряд Фиделя Кастро не возьмешь просто так, военные решили действовать другими методами. Они смогли перевербовать крестьянина, который еще с декабря помогал повстанцам. Эутимио Герра присоединился к отряду через несколько дней после его высадки. Он знал каждую тропинку в горах Сьерра–Маэстра, снабжал повстанцев продовольствием.

Батистовцы перехватили крестьянина, когда он направлялся в деревню за провизией. Под угрозой пыток он согласился указать место расположения отряда Фиделя, а также при возможности убить самого команданте. В награду предателю было обещано 10 тысяч долларов и чин в кубинской армии. Для выполнения задания он получил две гранаты и пистолет.

Здесь необходимо небольшое отступление. Фидель Кастро и команданте – эти сочетания стали нераздельны. Однако называть Фиделя просто команданте не совсем верно. Он является команданте эн хэфэ – главным командующим. В начале 1957 года Фидель еще носил звание майора – команданте. А когда стал командовать целой Повстанческой армией, стал главнокомандующим – команданте эн хэфэ.

Сам он объяснял воинские звания в своем отряде следующим образом: «Раньше в Латинской Америке все, кто воевал, непосредственно командуя боевыми действиями, были генералами. Но с начала вооруженной борьбы кубинских революционеров установилась традиция, что командиры бригад и

боевых колонн стали именоваться „команданте“, что соответствует званию майора»[206].

«<…> Команданте было самым скромным званием в традиционной армии, и у него было то преимущество, что действительно к нему можно было прибавить „эн хэфэ“. С тех пор ни в одном революционном движении уже никогда не использовали звание генерала»[207].

Однажды Эутимио Герра попросил у Фиделя разрешения проведать свою якобы больную мать. Кастро его отпустил. На следующее утро, 30 января 1957 года, бойцы услышали гул самолетов, а вскоре началась бомбардировка. В тот момент ничего не предвещало такого развития событий. Отряд достаточно отдалился от преследовавших их военных и, петляя в лесу, выбрал для ночлега одно из самых безопасных мест в горах. Как уже потом узнали повстанцы, Эутимио Герра лично находился на борту одного легкого самолета и показывал пилотам точное местонахождение отряда. К счастью, из–под этой бомбежки удалось выйти без людских потерь. Бойцы успели отбежать от лагеря на 200—300 метров.

Правда, прямым попаданием была уничтожена полевая кухня. Гораздо хуже было то, что в ходе бомбардировки сгорели несколько домов крестьян, которые симпатизировали повстанцам и снабжали их продуктами и медикаментами. Вскоре в отряд, как ни в чем не бывало, вернулся Эутимио Герра. С этого дня он стал выступать буквально в роли прорицателя, с точностью предсказывая время и место будущих налетов вражеской авиации.

Поведение крестьянина, постоянно отпрашивавшегося к больной матери, а затем предугадывавшего налеты, показалось бойцам подозрительным. В одну из холодных февральских ночей, перед тем как раскрылось предательство, Эути–мио сказал, что у него нет одеяла и он сильно замерз. Фидель предложил Герре ночевать в его палатке. Эта была одна из самых драматических ночей в жизни Кастро. Команданте быстро уснул, ничего не подозревая. А рядом с ним лежал предатель, который в любой момент мог выстрелить в него из пистолета, который он держал за пазухой. Проходили часы, а Эутимио Герра никак не мог решиться нажать на курок. Даже спустя много лет Фидель часто вспоминал об этом случае, когда в который раз его жизнь висела на волоске: «У него были две гранаты и пистолет, и он спал бок о бок со мной!»

Но с началом боевых действий бойцы стали выставлять по ночам пост у палатки. Поэтому Герра и не рискнул выстрелить.

9 февраля повстанцы, беседуя с крестьянином по имени Лабрада, выяснили, что недавно Эутимио Герра «по–дружески»

предупредил его о скором налете авиации и посоветовал уйти из хижины. Дальше медлить было нельзя. «Прорицательство» Герры переходило все мыслимые пределы. Начались поиски предателя, который к тому времени, почувствовав неладное, покинул расположение отряда.

Их пришлось отложить на некоторое время. На 16 февраля была назначена встреча на ферме Эпифанио Диаса с городскими лидерами «Движения 26 июля» во главе с Франком Паисом.

Помимо важного политического аспекта, а речь шла о фактическом объединении бойцов Фиделя и городских повстанцев, эта встреча оказалась судьбоносной в личной жизни братьев Кастро. Фидель встретился с боевой подругой всей его жизни Селией Санчес, имя которой на Кубе окружено «ореолом революционной святости» и которую Че Ге–вара называл «нашим самым дорогим товарищем».

Рауль познакомился со своей будущей женой, героиней революционного движения, впоследствии председателем Федерации кубинских женщин Вильмой Эспин, с которой он прожил около пятидесяти лет, до ее смерти летом 2007 года. Вильма Эспин, наполовину француженка, была девушкой из обеспеченной семьи. Ее отец занимал важный административный пост на заводе, выпускавшем ром «Баккарди». Ее мать была дочерью сотрудника французского консула в Сантьяго–де–Куба. Как и братья Кастро, она училась в Гаванском университете, только на химическом факультете. Однако учеба для девушки отошла на второй план. Вместо того чтобы поехать продолжать обучение в США, где она успела закончить два курса в Массачусетском технологическом институте, Вильма Эспин присоединилась к группе Франка Паиса и вскоре стала его ближайшей помощницей. Участвовала в подготовке восстания 30 ноября 1956 года в Сантьяго, а затем ушла воевать в горы, где вместе с Селией Санчес и участницей штурма Монкады Айде Сантамария вошла в руководство так называемого женского партизанского отделения.

Но его формирование было еще впереди. А пока и Виль–ма Эспин, и Селия Санчес вместе с товарищами прибыли в горы для знакомства с Фиделем и определения дальнейшей тактики повстанцев. На этом совещании Франк Паис и Ай–де Сантамария, которую бойцы любовно называли Ейе, настойчиво советовали Фиделю покинуть горы и уехать в какую–нибудь латиноамериканскую страну. Там, по их предположениям, он мог без риска для жизни руководить движением и искать средства для продолжения борьбы. Фидель повел себя так, как он неоднократно делал, когда ему не нравились какой–то совет или

предложение. Он просто пропустил эти слова мимо ушей. А когда они замолкли, сказал, что ему в настоящий момент нужны только боеприпасы и толковые помощники.

Обе стороны сразу же перешли к конкретным вопросам и договорились о том, что в ближайшее время отряд Фиделя Кастро получит подкрепление из числа «городских». На бойцов Фиделя неизгладимое впечатление произвел сам двадцатидвухлетний Франк Паис. «В его взгляде чувствовалась непоколебимая вера в правоту своего дела. Это был незаурядный человек, – напишет Че после революции в своей книге, когда Франка Паиса уже не будет в живых. – И хотя я видел его только один раз, он запомнился мне на всю жизнь. Франк был одним из многих наших товарищей, погибших во цвете лет. Такова часть той большой цены, которую народ заплатил за свою свободу.

Молча почистив наши грязные винтовки, пересчитав и разложив патроны, он преподнес нам хороший урок того, как нужно поддерживать порядок и дисциплину. С того дня я дал себе слово лучше ухаживать за своим оружием и сдержал его, хотя и не могу сказать, что был образцом в этом»[208].

Тем временем в расположении отряда неожиданно появился Эутимио Герра, против которого уже были собраны уличающие его в предательстве факты. Фидель Кастро вызвал его для беседы. И тут предатель, при обыске которого был найден пистолет из тех, которыми пользовались батис–товцы, что называется, «поплыл». Он рассказал, как и когда его завербовали. Признался, что должен был убить Фиделя, но в последний момент передумал это делать. Упав на колени перед Фиделем Кастро, он заплакал, просил о пощаде. А когда понял, что его как предателя все–таки казнят по законам военного времени, попросил Кастро позаботиться о его семье. Отряд единогласно высказался за казнь, и участь Эутимио Герры была предрешена.

А перед самой казнью произошла памятная сцена, которую описал Че Гевара: «Этот человек сразу как–то постарел, на висках стала заметна седина, которой раньше не было видно. Эта сцена была чрезвычайно напряженной. Фидель гневно осудил его предательство. Эутимио признавал свою вину и просил лишь скорейшей смерти. Всем нам, кто присутствовал при этом, запомнился момент, когда Сиро Фри–ас, бывший друг Эутимио, стал говорить с ним. Фриас напомнил ему обо всем, что сделал для него и его семьи. Но Эутимио отплатил неблагодарностью и выдал батистовцам его брата. Длинным и взволнованным был этот монолог, который Эутимио слушал с опущенной головой»[209].

Революционеры сдержали данное Герре обещание. По–

людски похоронили его, а после революции Фидель Кастро велел найти семью этого крестьянина и позаботиться о ней. Дети Герры получили хорошее образование и работали на престижных государственных предприятиях. А его вдова получила в 1977 году медаль по случаю XX годовщины Вооруженных революционных сил как признание помощи, оказанной ею Повстанческой армии во время партизанской войны.

В те дни, когда в отряде гостили Франк Паис и его товарищи, произошло еще одно примечательное событие. В конце января Фидель Кастро отправил в Гавану одного из своих самых преданных соратников Фаустино Переса найти охочего до сенсации, пользующегося авторитетом журналиста какой–нибудь североамериканской газеты. Фаустино Перес обратился к Руби Харт Филипс, собственному корреспонденту «Нью–Йорк таймс». Она немедленно телеграфировала в США, что на контакт с ней вышли представители Фиделя Кастро, о котором все слышали, но которого мало кто видел. Руководство газеты тотчас командировало в Гавану своего военного обозревателя – Герберта Мэтьюза. Доставка Мэтьюза в горы напоминала сюжет шпионского фильма. Его сначала повозили по стране в компании с женой, а затем под видом состоятельного американца привезли в город Мансанильо, откуда он должен был отправиться в предгорья Сьерра–Маэстра, чтобы, по легенде, присмотреть себе для покупки одну из рисовых плантаций. Там повстанцы пять часов ночью водили журналиста по горным тропам, а на самом деле «наматывали круги» в одном районе, чтобы создать у того представление о многочисленности и солидности «армии Фиделя». И каждый раз на пути проводников и американца возникали «часовые», которых изображали бойцы отряда. На самом деле повстанцы умело разыгрывали сценку с переодеванием, передавая друг другу единственную на тот момент в отряде не потрепанную гимнастерку. Мэтьюз купился на этот трюк, подумав, что у Кастро большая, боеспособная, а главное, вышколенная армия. Уставшие путники наконец–то дошли до большой палатки, где их ждал Фидель. Бойцы вытянулись по струнке, а команданте заявил опешившему от массы впечатлений журналисту, что это его штаб.

Это сегодня политический пиар изучают в вузах и об этом написаны целые пособия. Но разве можно оценить срежиссированную и несколько «театральную доставку» в лагерь повстанцев журналиста влиятельной североамериканской газеты иначе, чем образцовую рекламную акцию? Пораженный увиденным, Мэтьюз раструбил на весь мир о «грозном отряде Фиделя», в котором, на самом деле, не было достаточного

количества обмундирования и вооружения. В этом проявилась еще одна черта Фиделя Кастро – умение выжать из минимума максимум выгоды, обратив обстоятельства в свою пользу.

Фидель в деталях рассказал журналисту о том, что происходило с его отрядом два последних месяца, с тех пор как бойцы в начале декабря высадились с «Гранмы». Мэтьюз, приехавший на встречу с маленьким фотоаппаратом и сделавший несколько снимков, записал в своем блокноте: «Мне кажется, что он непобедим». Рассказал Кастро и о том, что батистовская армия разоряет и сжигает дома крестьян, о том, что повстанцы отпускают пленных, оказав медицинскую помощь тем, кто ранен. Фиделю понравилось то, что американец не задает лишних и провокационных вопросов и, похоже, действительно симпатизирует повстанцам. Чуть более трех часов продолжалась беседа команданте с журналистом. Расстались они по–дружески, и вскоре Герберт Мэтьюз благополучно вернулся в Гавану, а затем в США.

Репортажи из лагеря ˆповстанцев, публиковавшиеся с 24 по 26 февраля в «Нью–Йорк таймс», произвели оглушительный эффект. Когда на Кубе появились экземпляры «Нью–Йорк таймс» с первой статьей Мэтьюза под заголовком «В гостях у кубинского повстанца», подручные Батисты не придумали ничего лучшего, чем дать распоряжение… вырезать статью из номера ножницами, перед тем как газета поступит читателям. Этот глупый запрет, как всегда бывает в подобных случаях, вызвал еще больший интерес на Кубе к Фиделю. Батиста добился противоположного эффекта.

Две следующие статьи дошли до кубинских читателей уже в полном объеме. Диктатор потерпел сокрушительное моральное поражение. В статье американца Батиста представал в крайне неблагоприятном свете. «Судя по всему, у генерала Батисты нет оснований надеяться подавить восстание Кастро. Он может рассчитывать только на то, что одна из колонн солдат невзначай набредет на юного вождя и его штаб и уничтожит их, но это вряд ли случится…» – писал Герберт Мэтьюз.

Но даже не мысль о бесплодности усилий армии Батисты вселяла уверенность в людей, симпатизировавших Фиделю. Кубинцам было достаточно убедиться, что он полон сил и энергии для продолжения борьбы. А главное – жив.

Третий материал, который был проиллюстрирован фотографией, на которой журналист стоял рядом с Фиделем, а также факсимиле Кастро, окончательно убедил читателей в том, что публикация беседы с Фиделем Кастро не фальшивка, как пытались представить ее некоторые члены батистов–ского правительства. (Позже, после победы революции на Кубе Герберт

Мэтьюз пострадал за «правду о Фиделе». Его затаскали в ФБР, в различные комиссии сената, пытаясь выявить связь с повстанцами.)

Люди, которые знали Фиделя Кастро, увидев его партизанскую фотографию, заметили, как возмужал этот молодой человек. Фидель, не бривший, как и его товарищи, с момента высадки с «Гранмы», успел отрастить бороду. Она «скрыла» сильно молодивший его узкий подбородок. Теперь Кастро выглядел как настоящий воин, высокий, могучий, уверенный в своих силах «барбудо».

Существует версия, что бойцы фиделевского отряда, все как один начавшие отращивать бороду, сделали ее чем–то вроде отличительного знака, чтобы узнавать друг друга в бою с неприятелем. Тем более что батистовцы часто нападали на крестьян, выдавая себя за отряд Фиделя. А вот что сам он говорил, с присущей ему иронией, по поводу своей легендарной бороды:

«История бороды очень простая: она росла сама по себе в тех сложных условиях, в которых мы жили в течение всей партизанской войны. У нас не было бритв, чтобы бриться. Когда мы жили в горах, у всех повырастали бороды и усы, и в итоге это превратилось в какой–то способ идентификации. Для крестьян, для всех и для журналистов мы были „барбудос“ – „бородачами“. В то же время в этом была и позитивная сторона: чтобы подготовить шпиона, им надо было его не брить как минимум шесть месяцев, иначе его легко было бы расшифровать. Борода служила символом идентификации и защиты, даже потом трансформировалась в символ партизанских войн. Позже, после победы революции, мы сохранили бороду как свой символ».

У Фиделя есть даже свое философское обоснование полезности и практичности бороды: «К тому же превосходство бороды было в том, что мне не надо было бриться каждый день. Если вы тратите 15 минут на бритье каждый день, у вас уходит на это 5500 минут в год, получается примерно 10 дней. Это означает, что если не бриться, то эти 10 дней можно потратить на что–то более нужное, например, на работу, на лекции, на спорт или на что хотите.

Это не говоря о том, что расход идет на бритву, мыло, лосьон, горячую воду. Иметь бороду не только практично, но еще и экономно. Единственно плохо то, что в бороде раньше всего появляются седые волосы. Поэтому некоторые из тех, кто решил отращивать бороду, сбривают ее, как только появляется седина»[210].

Подкрепление в составе 50 человек, вскоре прибывшее из

Сантьяго в отряд Фиделя, заметно отличалось от проверенных бойцов. «Городские» не умели быстро передвигаться по горной местности, не имели опыта партизанской борьбы. Во время маневров и перемещений этот отряд, во главе с Хорхе Сотусом, поначалу плелся в хвосте партизанской колонны. Че вспоминал: «Наши товарищи были дисциплинированными, спаянными, закаленными в боях. Новички пока еще болели детскими болезнями – не привыкли есть один раз в день, а если еда была невкусной, отказывались от нее. В вещмешках у новичков было много ненужных вещей. Когда же вещмешок натирал ему плечи, то он предпочитал выбросить из него банку сгущенного молока, чем расстаться с полотенцем. В условиях партизанской жизни это было преступлением»[211].

Хорхе Сотус, который после революции был осужден на 20 лет тюрьмы за контрреволюционную деятельность, а вскоре бежал из тюрьмы и уехал в США, обладал властным характером и не умел ладить с людьми. Когда Фидель, отсутствовавший в отряде несколько дней, узнал, что Сотус не соблюдает военную дисциплину, он строго предупредил его. Вернувшись на базу, Фидель произвел перегруппировку внутри отряда, разбив его на три взвода, командование которыми поручил Раулю Кастро, Хуану Альмейда и Хорхе Сотусу. Камило Сьенфуэгос был назначен командующим головным дозором, а Че стал врачом при штабе Фиделя.

В эти дни Че Геваре, подхватившему малярию, приходилось хуже всех. Обострились приступы астмы. Ее первые признаки появились еще 22 февраля. На беду Че в отряде не оказалось лекарств, и он задыхался от удушья. В этот момент отряд оказался в районе, буквально кишевшем солдатами Батисты. Нужно было срочно уходить, но бойцы потеряли много времени, отстав от намеченного графика как раз из–за приступа астмы Че. Фидель задумал подняться по крутому склону, скрытому лесом, и сверху атаковать колонну батистовцев из 300 человек. «Мы должны были стрелять в них сверху. Так мы шли, практически таща за собой Че, пытаясь успеть занять высоту раньше, чем враг, – вспоминал Фидель Кастро. – Было уже поздно и смеркалось. Мы пришли на место буквально за несколько минут до появления врага примерно в 600 и 700 метрах от нас. Жажда заставила нас продолжить путь на другую сторону горы, где находились две крестьянские семьи, уже почти ночью. Они располагались примерно в 100 метрах друг от друга. У них была холодная проточная вода. Че уже не мог даже двигаться»[212].

Фидель обратился к одному из хозяев этих домов Хосе Исааку с просьбой найти лекарство от астмы для их товарища.

Крестьянин ушел в город, а Че оставили на ферме со своей винтовкой и еще одним бойцом. Че сильно переживал из–за того, что доставляет такие проблемы отряду и лично Фиделю Кастро. Он чувствовал себя виноватым. Впоследствии, «если у Че начинался приступ, – вспоминал участник боев в Сьерра–Маэстре, Жоэль Иглесиас, – это никак не отражалось на движении колонны. Самое большее, что он допускал, это чтобы кто–то нес его рюкзак. Он считал, что отряд не должен задерживаться из–за того, что он болен. Это было общее для всех правило. Отряд не задерживался из–за больных. Если не можешь идти – оставайся, лечись. Если можешь терпеть – иди. Это правило он никогда не нарушал»[213].

Крестьянин Хосе Исаак принес лекарство, и Че десять дней спустя присоединился к колонне.

Еще в конце февраля, на восьмидесятый день военной кампании, Фидель написал свое знаменитое «Обращение к народу Кубы», которое напечатали в подпольных типографиях, а распространили городские члены «Движения 26 июля». Фидель обрушился в этом документе на тиранию Батисты, который, будучи не способным справиться с отрядом повстанцев силой оружия, прибегает к «самой трусливой лжи, объявляя об уничтожении революционного отряда и меня самого». «Кого действительно они могут уничтожить – это крестьянские семьи путем беспрерывной бомбардировки домов и поселков, сжигания сотен жилищ, убийства десятков крестьян, подозреваемых в помощи революционерам, и массового выселения местных жителей <…> – писал Фидель. – Кампания в Сьерра–Маэстра показала, что диктатура, пославшая на театр военных действий свои лучшие войска и самое современное оружие, не способна подавить революцию. Она бессильная, а у нас в руках с каждым днем становится все больше оружия, все больше людей присоединяется к нам, растет военный опыт, расширяется поле наших действий, мы все лучше осваиваем местность, крестьяне все увереннее поддерживают нас. Солдатам надоела утомительная, трудная, бесполезная кампания»[214].

В своем манифесте Фидель Кастро призывал население поджигать плантации тростника, чтобы «лишить тиранию доходов», создавать очаги гражданского сопротивления во всех кубинских городах, а в перспективе перейти к всеобщей революционной забастовке «как высшей и конечной точке борьбы». Именно в этом документе Фидель впервые заговорил о необходимости применения высшей меры наказания «к наемникам, которые пытают и убивают революционеров».

Это обращение было опубликовано примерно в то же время,

что и цикл репортажей Герберта Мэтьюза в «Нью–Йорк таймс». Фидель, конечно, рассчитывал на мощный «пропагандистский залп» по Батисте, но эффект превзошел его ожидания. И на самой Кубе, и за ее пределами резко активизировали свою деятельность противники диктатора. Кубинские эмигранты активно собирали деньги для отряда, покупали и тайно переправляли в горы Сьерра–Маэстра медикаменты и оружие. «Весточки от Фиделя» так вдохновили членов Федерации университетских студентов Кубы, что они решились на отчаянный поступок, который поразил не только кубинские спецслужбы, но и повстанцев в горах.

Руководство созданного в начале 1957 года в Гаване «Революционного студенческого директората» вознамерилось своими силами расправиться с Фульхенсио Батистой. Небольшой отряд возглавлял генеральный секретарь директората Хосе Антонио Эчеверрия, тот самый, с которым Фидель Кастро подписал в конце августа 1956 года «Мексиканскую декларацию» о координации действий «Движения 26 июля» со студенческими лидерами.

13 марта 1957 года Фульхенсио Батиста пребывал в особенно приподнятом настроении, так как получил в знак благодарности за подписанный им указ о повышении телефонных тарифов на Кубе взятку от крупной телефонной корпорации «ITT» – уже упоминавшийся аппарат для связи, инкрустированный золотом и драгоценными камнями. В этот день пятьдесят студентов атаковали президентский дворец, разоружили охрану, взяли первый этаж, второй. Впереди был третий этаж, где находился кабинет Батисты.

Но охрана диктатора сумела перегруппироваться и вызвать подмогу из крепости Колумбия. Сам Фульхенсио Батиста, выйдя через потайную дверь в кабинете, поднялся наверх в изолированное помещение, доступ в которое был блокирован через специальный лифт его охранниками. Он ускользнул буквально из–под носа студентов, которым не хватило около пяти минут, чтобы расправиться с диктатором. В ходе боев внутри здания была убита половина штурмовавших дворец студентов. Остальных добивали на улице во время облав. Группа Хосе Антонио Эчеверрия захватила гаванскую радиостанцию и успела передать призыв к кубинцам начать восстание. Но в ходе боев с войсками, прибывшими к зданию радиостанции, Эчеверрия был убит. После этих событий организация стала называться «Революционным директоратом 13 марта» («РД–13–3»).

Непродуманные, импульсивные действия студенческого отряда и гибель яркого молодежного лидера еще больше убедили Кастро в необходимости координации и объединения всех сил,

противостоящих Батисте. Вскоре было получено еще одно подтверждение того, что против диктатора бесполезно проводить так называемые «разовые акции». На следующий день ушел из дома и не вернулся один из лидеров ортодоксальной партии Пелайо Куэрво Наварро, критиковавший Батисту, но не имевший отношения к студенческому выступлению. Его истерзанное тело было подброшено к дверям закрытого элитного гаванского клуба.

Между тем связи отряда повстанцев с группами противников Батисты в городах нельзя было назвать прочными. Острая борьба развернулась внутри самого «Движения 26 июля». Городские организации претендовали на лидерство в нем, не признавая Фиделя Кастро вождем революционной борьбы. «Именно в это время формируются два разных подхода к тактике, которой нужно было следовать, что отвечало двум разным стратегическим концепциям, названным тогда: концепция „Сьерры“ и концепция „Равнины“, – писал Че Гевара. – Наши дискуссии и внутренние столкновения происходили довольно остро. При всем при том главной нашей заботой на данном этапе было продержаться и постепенно создавать партизанскую базу»[215].

Устойчивый контакт был налажен лишь с группой Франка Паиса и подпольными подразделениями в городе Сантьяго–де–Куба. Селия Санчес, к тому моменту сблизившаяся с Фиделем и за короткий срок завоевавшая большое доверие у команданте, стала начальником канцелярии штаба повстанцев. Участник партизанской борьбы Луис Креспо вспоминал: «Среди самых храбрых хочется отметить нашего замечательного стрелка – девушку по имени Селия Санчес. Заняв удобную позицию на самом высоком месте, она вела оттуда меткий огонь по противнику»[216].

Селия Санчес была на шесть лет старше Фиделя. Она неотлучно находилась при команданте. В горах у них с Кастро была одна на двоих кровать в палатке главнокомандующего. Эта женщина отличалась не столько внешними данными, сколько умом и расчетливостью. Ли Локвуд, бывший репортер американского журнала «Лайф», который много писал о кубинских революционерах, вспоминал: «Она была привлекательная в жесткой, строгой манере – не с точки зрения чувственности или сексуальности, но как очень яркая личность»[217].

«Селия была самой важной. Остальные – так, развлечение. К тому времени, когда Кастро вышел из тюрьмы, Нати Ревуэльта его уже не волновала. Когда Фидель был в тюрьме, Нати была ему полезна – потому что обеспечивала его книгами, была красивой и могла служить игрушкой в тот момент. А после он ушел в дела

революции, и Селия была из мира, известного ему. Она не принесла с собой никаких проблем и груза вроде детей и разводов, как Нати. С точки зрения Селии, Нати была дамой из клубного общества, которой случилось переспать с Кастро; она рисковала жизнью, а Нати меняла наряды»[218], – писала биограф семьи Ревуэльта Уэнди Джимбел.

К тому времени Натидад Ревуэльта уже воспитывала дочку Алину, которой, когда она повзрослела, передался весь бунтарский дух отца – Фиделя Кастро. В 1993 году Алина бежала в Испанию, сказав: «Это – не мой банкет». Там она выпустила скабрезную книгу «Воспоминания мятежной дочери Фиделя Кастро». При Фиделе имя Алины произносить не рекомендуется – он начинает нервничать.

В марте и апреле 1957 года отряд пополнился добровольцами, причем не только кубинцами. Забавный эпизод произошел с тремя юными американцами, воодушевленными статьями в «Нью–Йорк таймс». Они ушли из дома с американской базы в Гуантанамо, оставив своим родителям записки, что «направляются сражаться в отряд Фиделя». Эти ребята через несколько недель пути выглядели совершенно измотанными и исхудавшими, но, по выражению Че, сделали повстанцам «неплохую рекламу в США». Как только Фидель узнал о том, что на поиски юношей брошены морские патрули и силы кубинской армии, было решено «спустить» искателей приключений в равнину.

Американцы, поняв, что отряд Фиделя превращается в грозную военную и, более того, политическую силу с четко обозначенными целями борьбы, стали искать контакты с ним. В конце апреля 1957 года по пути Герберта Мэтьюза проследовали телерепортеры из Северной Америки. Поплутав по горным тропам, в расположение отряда прибыл журналист Боб Табер с оператором. Они сняли фильм о повстанцах. Фотография повстанцев, поднявших вверх оружие на самой вершине горного хребта Сьерра–Маэстра – пике Туркин, стала своеобразным символом партизанской борьбы и, перепечанная в газетах, хранилась в домах многих кубинцев в те годы.

Американские спецслужбы пытались внедрить под видом журналистов своих сотрудников. Они хотели знать, что представляет из себя Фидель Кастро и можно ли с ним иметь дело. Но Фидель по характеру вопросов, задаваемых ему, быстро понимал, кто перед ним: настоящий журналист или сотрудник ЦРУ.

Тем временем руководство отряда решило поменять тактику партизанской борьбы. Стремительные налеты на противника в

ночное время суток, засады, безусловно, приносили ощущение преимущества. Но это были локальные стычки, больше похожие на контратаки. Становилось понятно, что партизанскую войну без атак на хорошо укрепленные редуты противника – не выиграть. Для того чтобы побеждать, было необходимо расширять и развивать фронт действий, чтобы выдавить батистовцев с занимаемых ими территорий и начать продвижение вглубь страны.

В эти дни Фидель часто вспоминал своих погибших товарищей, с которыми прибыл на Кубу на «Гранме». Много времени было упущено из–за того, что новых бойцов было необходимо как следует обучить. «Если бы мы высадились там, где было запланировано, с 82 бойцами, война длилась бы только семь месяцев. Почему? Из–за опыта. С той группой, с 55 винтовками с оптическим прицелом, с замечательными стрелками и с нашим опытом война, в конце концов, не длилась бы и семи месяцев»[219], – до сих пор убежден Фидель Кастро.

Когда новое пополнение завершало курс обучения огневой подготовке и основам партизанской борьбы, Че Гевара предложил Фиделю «обкатать» новобранцев – напасть на первый попавшийся блокпост или захватить грузовик с оружием противника. Фидель сказал другу, что если рисковать, то «по–крупному». Он убедил Че попытаться взять штурмом один из гарнизонов, расположенных у подножия Сьерра– Маэстра. По замыслу Фиделя эта операция должна была отвлечь военных от судна «Коринтия», которое в скором времени должно было доставить из Майами группу добровольцев во главе с Каликсто Санчесом.

Для проведения акции повстанцев была выбрана казарма, расположенная в селении Уверо, в пятнадцати километрах от Сантьяго. Она имела определенное стратегическое значение, так как преграждала путь повстанческому отряду с гор Сьерра–Маэстра в равнину, в провинцию Ориенте. С военной точки зрения эта операция была рискованной, так как повстанцы решили атаковать хорошо укрепленный гарнизон, находившийся на побережье у самого подножия горного хребта.

Впоследствии повстанцы оценивали этот бой как самый кровопролитный за всю войну, принимая во внимание его продолжительность и число жертв в пересчете на количество участников. Совершив ночной шестнадцатикилометровый марш–бросок со своей базы в горах в Уверо, бойцы окружили казарму с трех сторон. Нападение было совершено в самый разгар дня. Бойцы получили строгий приказ Фиделя не открывать огня по жилым строениям, где находились дети и жены военных.

Повстанцы учли горький опыт некоторых предыдущих

операций (штурм Монкады, неудавшийся захват президентского дворца «Революционным директоратом»), когда военные успевали сигнализировать о вторжении и запрашивали поддержку. Бойцы Фиделя разрушили сеть коммуникаций в первые минуты атаки. По этой причине в районе боя не появилось ни военных кораблей, ни самолетов.

А сигналом к бою послужил выстрел Фиделя из оптической винтовки. Еще много раз залп из ружья Фиделя будет служить сигналом к началу боевых операций Повстанческой армии. Фидель оставил несколько человек в резерве, а сам переместился на небольшую высоту, чтобы видеть, как солдаты в крепости отреагировали на нападение. Местность вокруг крепости была лесистая. Возле ворот казармы были сложены спиленные деревья, которые солдаты готовили к отправке в Сантьяго. Толстые стволы послужили укрытием для обороняющихся.

В этом бою отличились командиры отделений: Гильермо Гарсиа, Хуан Альмейда и Че Гевара. После трех часов изнурительного боя военные дрогнули и сдались. Повстанцы потеряли убитыми и ранеными 15 человек. Потери противника были серьезнее – 19 человек ранеными и 14 убитыми. Повстанцы захватили 45 винтовок, из них 24 полуавтоматические типа «гаранд», 20 винтовок «спрингфилд», один автомат; почти 6 тысяч патронов, пистолеты, униформы, ботинки, сумки, каски, штыки.

Значение этой победы было трудно переоценить. Отряд Фиделя, в котором не было ни одного военного, действовал строго в соответствии с правилами ведения боя против хорошо укрепленной обороны.

Но не менее важным было и другое обстоятельство. Еще в феврале Фидель Кастро обращался к своим сторонникам с призывами не допускать жестокости в обращении с пленными. Первый по–настоящему серьезный бой, а точнее поведение бойцов по отношению к военным, захваченным в плен, показало, что повстанческий отряд разительно отличается от батистовцев, истязавших пленных. Че и военный врач казармы вместе оказывали помощь раненым солдатам, которых было намного больше, чем повстанцев.

У Фиделя своя концепция гуманизма на войне: «Нельзя убивать беззащитных, надо сражаться с настоящим противником. <…> Когда враг начинает уважать противника, ты одерживаешь очень важную психологическую победу. Нас уважали, потому что знали, что мы никогда не нанесем никакого вреда пленным». «<… > Наша война длилась только 25 месяцев, и я не помню, чтобы хоть один мирный житель погиб во время сражений Первой колонны (которую возглавлял Фидель. – *М. М.)* с врагом; надо

спросить других начальников подразделений, помнят ли они такие случаи. Для нас была одна из главных теорий, что невинные люди не должны страдать. Это был вечный принцип, почти догма. Были случаи, когда бойцы Движения закладывали куда–нибудь бомбы, которые были традиционно включены в революционные средства борьбы на Кубе. Но мы были не согласны с этим методом. Мы на самом деле беспокоились о гражданских людях, которые во время войны не должны были подвергаться опасности. <…> с помощью террора нельзя выиграть ни одну войну. Потому что ты добиваешься обратного, вражды со стороны тех, чья поддержка помогла бы выиграть. Поэтому мы защищали практически 90 процентов населения. Вы думаете, что, если бы мы мучили и убивали невинных людей, мы смогли бы победить на Кубе? Вы думаете, что, закладывая бомбы, убивая заключенных солдат, мы бы получили то оружие, которое нам было необходимо? А сколько жизней мы спасли?»[220].

На закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию в Гаване 11 июня 1999 года Кастро тоже говорил об этом: «Помню, во время нашей освободительной борьбы мы как–то окружили одну часть, и они остались без воды и продовольствия, потому что воду мы отрезали, а продукты у них кончились; наши бойцы делились своими сигаретами и едой с взятыми в плен измученными солдатами, потому что в революционных войсках выработалось чувство благородства по отношению к побежденным и существовала даже определенная политика в отношении противника. Если такой политики нет, войну не выиграть. Если ты жестоко обращаешься с ними, пытаешь их, они никогда не сдадутся и будут сражаться до последнего патрона. В этом плане у нас была строгая политика, через 24 или 48 часов мы их освобождали. Сначала они яростно сражались, но потом, когда чувствовали, что проиграли, вступали в переговоры, и мы отпускали офицеров даже с личным оружием. Не было необходимости заставлять их голодать или распределять наши малые запасы продуктов <…> За время войны в сражениях мы взяли в плен тысячи человек, окружали целые части и обращались с ними безупречно <…>».

После боя в Уверо Батиста впервые признал поражение части правительственных войск, приказал приспустить флаги над своей ставкой – крепостью Колумбия и приказал выселить со склонов Сьерра–Маэстра всех крестьян, по его мнению, оказавших помощь Фиделю. Но это только способствовало притоку крестьян в отряд повстанцев. Правда, отсталые и забитые крестьяне не всегда понимали суть революционной борьбы, но это была не главная проблема внутренней жизни отряда. Недостаточная «спаянность»

коллектива порой приводила к очень серьезным инцидентам. Самый показательный случай произошел в отсутствие Фиделя Кастро. Командир одного из подразделений Лало Сар–диньяс допрашивал бойцов, нарушивших дисциплину. В какой–то момент он не сдержался и ударил одного из них пистолетом. Оружие выстрелило, и смертельно раненный боец упал. По приказу Фиделя, немедленно прибывшего в расположение отряда, Лало Сардиньяс был арестован.

На удивление, многие из тех, кто еще недавно симпатизировал храброму командиру, стали требовать для него смертной казни, утверждая, что Сардиньяс убил бойца преднамеренно. Большинство из них составляли те, кто неоднократно был замечен им в нарушении дисциплины. И тут слово взял Фидель Кастро. Он не стал винить в случившемся одного только командира, а рассказал о неоднократных нарушениях дисциплины в отряде, о том, что без устранения ошибок нельзя выиграть главное сражение. В итоге Фидель переубедил тех, кто требовал казнить Лало Сардиньяса. Вопрос о наказании для командира был поставлен на голосование. Из 146 бойцов отряда 76 голосовали за понижение Лало в звании, а остальные 70 – за расстрел. Лало Сардиньяс был понижен в должности, а командиром отряда Фидель Кастро назначил Камило Сьенфуэгоса.

В начале июня 1957 года в отряде произошла реорганизация. Фидель Кастро разделил отряд на две колонны. Руководство Первой колонной имени Хосе Марти он взял на себя.

Командование Второй колонной, которая в целях конспирации именовалась Четвертой, Фидель поручил Эрнесто Че Геваре, который не только зарекомендовал себя как врач, но и проявил блестящие воинские способности. 5 июня 1957 года Че Геваре было присвоено звание команданте – майора. Фидель стал поручать ему самые сложные операции, между ними установились тесные дружеские отношения. «Доза тщеславия, которая имеется у всех нас, – писал Че Гевара, – сделала меня в тот день самым счастливым человеком в мире»[221].

Че Геваре вручили погоны команданте, а Селия Санчес подарила ему наручные часы и маленькую пятиконечную звездочку, которую он приколол на свой черный берет. Фотография Че в берете, именно с этой звездочкой, сделанная в 1960 году личным фотографом Фиделя – Кордой, растиражирована сегодня во всем мире.

Че писал, что с лета 1957 года начался «оседлый» период жизни отряда. Повстанцы применяли тактику одурачивания противника. Небольшая группа подкрадывалась к позициям

неприятеля и имитировала наступление. За ней в погоню бросалась карательная экспедиция батистовцев и попадала в засады. Фидель же в это время демонстрировал свое присутствие в других местах.

В конце июля произошло то, что рано или поздно должно было случиться. Фиделю стало ясно, что противника нельзя победить, заманивая его в ловушки или сбивая с толку «горными маневрами». Настала пора формировать фронты, чтобы развернуть боевые действия на равнине.

Фидель Кастро разделил повстанческий отряд по территориально–географическому принципу. За точку отсчета был принят самый высокий в Сьерра–Маэстра пик Туркин. Колонна Че должна была действовать на востоке от него, а колонна Кастро – на западе. У Второй колонны было право действовать самостоятельно. Общее руководство по–прежнему осуществлял Фидель, которому раз в неделю с посыльным доставлялась почта от Че. Колонна Че состояла из 75 бойцов. Они были распределены на три взвода. Лало Сар–диньяса простили и вновь назначили командиром взвода. Другими взводами руководили Сиро Редондо, позже погибший в боях, и Рамиро Вальдес, который после победы революции возглавил МВД Кубы.

Началось формирование боевых групп повстанцев и в другом стратегическом районе Кубы – в горах Эскамбрая, где одной их частью до прихода туда бойцов Фиделя Кастро руководило «Движение 26 июля», другой – представители «Революционного директората».

Таким образом, в начале лета 1957 года в поле зрения повстанцев оказалась вся территория Сьерра–Маэстра, и участь казармы в Уверо вскоре разделили остальные мелкие гарнизоны батистовской армии. Но не только с армией приходилось сражаться партизанам. В горах появились банды мародеров, которые, выдавая себя за «людей Фиделя», грабили крестьян, и так настрадавшихся от батистовской армии.

Настоящий ужас на безоружных крестьян наводила банда китайца Чанга. В нее входили потомки китайцев – первых наемных рабочих на сахарных заводах. К середине XX века китайская община на Кубе разрослась до 100 тысяч человек. Несколько недель отряд Камило Сьенфуэгоса охотился на банду Чанга, пока та не попалась в ловушку. Решением революционного трибунала Чанг и член его отряда, изнасиловавший девочку–подростка, были приговорены к расстрелу, другие его сподручные – к разного рода наказаниям. «Для нас акты вандализма также считались заслуживающими смерти, и нам приходилось стрелять. Мы судили тех, кто грабил дома и магазины. И в этих случаях

нам приходилось выносить смертный приговор, – рассказывал Фидель Кастро. – Это было эффективно, потому что я не помню еще случаев ограбления магазина бойцом Повстанческой армии. И наконец–то появилась революционная этика, бойцы начали уважать местных жителей»[222].

Между тем военные успехи повстанцев по–своему вдохновили политиков, которые хотели войти во власть «руками Фиделя», не испачкавшись кровью в боевых действиях. Воскресли из политического небытия бывшие кубинские президенты Грау Сан–Мартин и Прио Сокаррас. Оживились эмигрантские организации, которые, собирая средства для повстанцев, преследовали собственные цели. «Оппозиция (Батисте. – *М. М.)* была раздроблена на отдельные группы, которые весьма различались по своему характеру, хотя для большинства из них общим знаменателем служило стремление к захвату власти (читай, общественных фондов), – писал Че Гевара. – Это имело следствием ожесточенную внутреннюю борьбу для достижения своей цели. Группировки были начинены агентами Батисты, которые в нужный момент доносили о подготовке любой более или менее серьезной акции <…> В обстановке, когда недовольство среди кубинского общества было очень сильным, честные и смелые люди жертвовали своей жизнью ради интересов таких политиканов, как Прио»[223].

В июле в отряд для знакомства прибыли два политика: Рауль Чибас, брат покончившего в 1951 году жизнь самоубийством Эдуардо Чибаса, входивший в руководство ортодоксальной партии, и Фелипе Пасос, имевший репутацию честного человека, – он отказался от должности главы кубинского Национального банка с приходом к власти Батисты. Пасос, видя себя в роли лидера всех оппозиционных диктатору сил, поддерживал контакты с кубинской диаспорой за границей.

Фидель Кастро подписал с ними «Манифест об образовании Революционного гражданского фронта». Манифест требовал ухода в отставку Батисты, назначения временного президента, на пост которого претендовал Пасос, проведения всеобщих выборов и осуществления аграрной реформы в стране.

16 июля 1957 года все антибатистовские силы подписали «Декларацию Сьерра–Маэстра», призывавшую объединиться в борьбе против Батисты. Кроме того, документ предусматривал образование Гражданско–революционного фронта, с выработкой единой линией борьбы, недопустимость иностранного вмешательства в кубинские дела. По требованию Фиделя в этот документ были добавлены два важных тезиса. Первый – о признании лидирующей роли партизан Сьерра–Маэстры, а второй

– о том, что в качестве гражданского временного правительства после победы революции не может выступать военная хунта. «В данный момент самым роковым событием для страны была бы замена Батисты военной хунтой, так как она вызывала бы обманчивую иллюзию, будто проблему Кубы можно решить путем отстранения диктатора <…> – писал Че Гевара. – Опыт показывает, что в Америке (имеется в виду Латинская Америка. – *М. М.)* военные хунты всегда приводят к установлению автократии. Худшим из зол на нашем континенте является укоренение военных каст в странах, которые воевали меньше, чем Швейцария, но имеют генералов больше, чем Пруссия»[224] .

Положение о ведущей роли партизан, означавшее признание Фиделя Кастро лидером революционной борьбы на Кубе, естественно, не устраивало тех политиков, кто брезговал участием в повстанческой борьбе и хотел въехать в Гавану после победы над Батистой «на белом коне». Но они хотели использовать в своих интересах доверие народа к Фиделю Кастро. По словам Че, «они считали свою работу в Майами столь полезной, что, по–видимому, избрали это место для своего постоянного пребывания в настоящее время». Фелипе Пасос, уязвленный тем, что его не хотят признать лидером оппозиции, на съезде эмигрантов в Майами выдал себя за кандидата от «Движения 26 июля» и сумел заключить с эмигрантами соглашение о том, что получит пост временного президента после свержения Батисты.

Узнав об этом, Фидель составил гневное письмо, в котором сообщал, что «Движение 26 июля» не посылало и не уполномочивало никакой делегации вести такие переговоры. «Заключить соглашение о единстве на основе принципов, которые мы даже не обсуждали, подписать его с людьми, которые на это не уполномочены, без всяких церемоний опубликовать это соглашение из уютного заграничного города, поставив „Движение“ перед необходимостью противостоять общественному мнению, обманутому мошенническим пактом, – все это представляет собой самую гнусную ловушку, в которую не должна попасться по–настоящему революционная организация»[225].

Видя, что ситуация выходит из–под контроля, а лидеры оппозиции уже делят «шкуру неубитого медведя», Батиста усилил террор в стране. В Сантьяго началась настоящая охота за Франком Паисом, который за неделю был вынужден сменить три конспиративные квартиры. 30 июля 1957 года подручные Хосе Каньисареса, прославившегося особой жестокостью по отношению к противникам Батисты, выследили и убили Паиса на одной из

улиц Сантьяго.

В «Обращении к лидерам всех ведущих партий», оппозиционных Батисте, написанном 14 декабря 1957 года, Фидель крайне жестко отреагировал на так называемый съезд представителей кубинской эмиграции и либеральных партий в Майами. В работе съезда приняли участие многие бывшие руководители Кубы, в том числе Прио Сокаррас и Мануэль Антонио де Варона. Они подписали «документ о единстве кубинской оппозиции перед лицом диктатуры Батисты», получивший название «Пакт Майами», в котором объявили о создании «Хунты кубинского освобождения» и призвали США и Организацию американских государств признать эту организацию. Получив текст «Пакта Майами» через три недели, Фидель дал отповедь его авторам. «Все наше поколение имеет моральное обязательство перед кубинским народом в корне решить стоящие перед ним проблемы. Мы победим или умрем. А борьба никогда больше не будет такой трудной, как тогда, когда нас было всего 12 человек, когда у нас не было организованных и закаленных в боях бойцов из народа по всей Сьерра–Маэстра, когда у нас не было такой мощной и дисциплинированной организации по всей стране, как сейчас, когда у нас не было такой огромной поддержки масс, проявившейся в день гибели нашего незабвенного Франка Паиса. Чтобы пасть с честью, не нужна компания». Тем самым Фидель подвел черту под сотрудничеством с партиями, нарушившими обещания и делившими за спинами повстанцев посты и портфели[226].

«Мы остались в одиночестве, – говорил Фидель Кастро, вспоминая эти события уже после победы революции, – но это был действительно тот случай, когда стоило тысячу раз оказаться одному, чем быть в плохой компании»[227].

1957 год подходил к концу. Он действительно стал для повстанцев годом накопления сил, и довольно успешным. Отряд из двенадцати практически безоружных, босых и голодных бойцов превратился в мобильное боевое подразделение в двести человек со своими штабом, колоннами и базами. Несмотря на провокации со стороны правительственных войск, бандитов и мародеров, крестьяне все большим доверием проникались к повстанцам и все охотнее помогали им продовольствием и лекарствами, и пополняли их ряды. В местечке Лас–Мес повстанцы даже открыли школу для детей крестьян. Но доверием крестьян не злоупотребляли: они заключали с ними договоры на закупку кофе, кукурузы и риса, сами возводили хозяйственные постройки, создали мини–пекарню и даже маленькую сигарную фабрику – почти все бойцы были заядлыми курильщиками. И врачей в их

стане прибавилось.

Два студента, приехавшие в отряд в конце 1957 года, привезли с собой небольшой множительный аппарат, и команданте Че Гевара стал издавать газету «Свободный кубинец». Газету под таким названием выпускали кубинские патриоты, сражавшиеся с испанскими колонизаторами в конце XIX века. «Мы срочно нуждаемся в новостях обо всех действиях, преступлениях, перемещениях в правительстве и т. п. и регулярной связи, чтобы можно было организовывать специальный журналистский корпус»[228], – писал Че Гевара Фиделю, посылая первый экземпляр газеты. Тогда же, в конце 1957 года, отряд Че получил аппаратуру для создания радиостанции. Она начала вещание в 1958 году и вскоре стала одной из самых популярных на Кубе.

И теперь представьте себе состояние Батисты, когда большой красно–черный флаг «Движения 26 июля» с надписью «С новым 1958 годом» был водружен повстанцами на одном из самых высоких пиков горного массива. Несколько дней истребители пытались сбить флаг, но всякий раз промахивались. В конце концов Че снял флаг, чтобы сохранить эту реликвию для истории.

В целом конец 1957 года стал периодом относительного спокойствия. Стороны накапливали силы: батистовцы прекратили подниматься в горы, а повстанцы не спускались на равнину, но стали фактически полновластными хозяевами гор, контролируя обширную территорию с запада на восток: от пика Каракас до Пино–дель–Агуа. И лишь юг Сьерра–Ма–эстра не был им подконтролен. Но по объективной причине: там к горам подступало Карибское море.

Все понимали, что это было затишье перед бурей, которая должна была начаться уже на равнине.

Переломить ход войны могло бы сражение, которое бы деморализовало неприятеля. 16 февраля 1958 года повстанцы атаковали казармы в местечке Пино–дель–Агуа. На этот раз Фидель отказался от фактора внезапности. Он хорошо изучил тактику противника, знал, что штаб батистовской армии всегда посылал подкрепление гарнизонам, атакованным повстанцами. Военным в казарме, успевшим к тому времени занять круговую оборону, удалось и на этот раз вызвать подмогу, прибывавшую из различных районов. Именно эти подразделения, друг за другом попадавшие в капканы повстанцев, а не сама казарма, в результате оказались основной мишенью партизан. В этом бою повстанцы захватили рекордное количество вооружения и боеприпасов.

К этому времени из Первой колонны имени Хосе Мар–ти,

которой командовал Фидель Кастро, выделились еще две. 27 февраля 1958 года отряд Рауля в составе пятидесяти человек, прорвавшись через кордоны Батисты и захватив несколько грузовиков, пересек Сьерра–Маэстра на северо–востоке. Так в провинции Ориенте был открыт Второй восточный фронт.

Фидель наделил брата правом создавать колонны и назначать командиров, и тот образовал колонну под командованием Хуана Альмейды, чтобы создать Третий фронт.

Фидель понимал, что для успешного наступления на правительственные войска необходимо разработать полномасштабный план борьбы на несколько месяцев вперед, определив для всех колонн конкретные районы действия и направления удара. 1 марта 1958 года он собрал командиров всех подразделений в отряде Че на совещание. Перед колоннами Рауля Кастро и Хуана Альмейды была поставлена задача освобождения от батистовцев населенных пунктов Ориенте. Первая колонна под командованием Фиделя Кастро должна была поддержать колонну Рауля. С двух сторон окружив Сантьяго, они могли взять этот город. В случае успеха этой операции война начала бы отдаляться от гор Сьерра–Маэстра, ставших родным домом для повстанцев, а центр вооруженной борьбы, таким образом, автоматически переносился во второй по численности город Кубы.

Другие отряды должны были перебазироваться: Вторая колонна под командованием Камило Сьенфуэгоса – в западную часть острова, провинцию Пинар–дель–Рио, а колонна Че Гевары, которая сменила название и порядковый номер (теперь это была Восьмая колонна имени капитана Сиро Редондо, погибшего в одном из боев), – в провинцию Лас–Вильяс, расположенную в центре острова, чтобы захватить ее столицу – город Санта–Клара. Но не это было самым трудным. Именно отряд Че должен был первым начать наступление на Гавану. А к столице тем временем должен был подойти с запада отряд Камило Сьенфуэгоса. Че Гевара отправился в Лас–Вильяс во главе ста сорока бойцов с самым лучшим оружием, которое имелось у повстанцев. Ему был выделен единственный на тот момент гранатомет.

«Мы выбрали двух самых выдающихся командиров, хотя у Камило было меньше груза. Че нес большее количество противотанковых гранат. Че хотел использовать какой–нибудь транспорт, но в то время как раз был тропический циклон, постоянно лили дожди, и многие реки очень трудно было переходить, – вспоминал Фидель Кастро. – Колоннам необходимо было пройти к Камагуэю, где „Движение 26 июля“ было слабым, и преодолеть еще 400 километров по местности, которая

контролировалась самолетами Батисты. Бойцы голодали, о чем записано в исторических документах Че и Камило.

Этот поступок двух мужчин являлся необыкновенным подвигом, так как в век развития техники они смогли пройти этот путь пешком. В таких условиях многие битвы заканчивались для нас удачно. Подвиги записывались. Камило избрал аккуратный доклад, а Че дневник, который он вел в течение всей войны. Потом он превратился в книгу «Эпизоды революционной войны», потому что у него была привычка письменно излагать происходящее и великолепная способность к рассказу»[229].

Если бы речь шла об организации только военных действий, возможно, Че Гевара мог бы решить эту задачу в сжатые сроки. Но Фидель поставил перед ним и политическую цель – сплотить вокруг себя и подчинить разрозненные вооруженные группировки, которые также воевали в Лас–Ви–льясе против войск Батисты, установить контакты с другими антибатистовскими организациями, соперничавшими друг с другом за влияние на население. В Лас–Вильясе было сильно влияние Народно–социалистической партии, в ряды которой Че вступил в 1957 году. Фидель рассчитывал на то, что Че с его умом и интуицией может найти контакт со своими привередливыми партийными товарищами.

Серьезной политической проблемой представлялись разногласия и внутри «Движения 26 июля». Фидель никогда не был сторонником стачек и забастовок, считая их бесполезным делом. Признавая только вооруженную борьбу как наиболее эффективный способ свержения существующего режима, он часто конфликтовал с «городскими» руководителями «Движения 26 июля». Те, в свою очередь, утверждали, что повстанцы не осознают «градус зрелости революционного процесса».

Тем не менее 12 марта 1958 года Фидель Кастро согласился подписать манифест «Движения 26 июля», присланный ему городскими руководителями. Документ призывал к всеобщей войне против диктатуры и вместе с тем к участию в общенациональной забастовке, а также рекомендовал кубинским гражданам с 1 апреля не платить налоги правительству Батисты. В общем документ отразил два подхода к ведению борьбы против режима Батисты. Один, который отстаивали повстанцы, предусматривал дальнейшее расширение фронта вооруженной борьбы с армией противника, ее распространение во все районы Кубы и свержение тирании Батисты революционным, насильственным путем. Второй, которого придерживались городские руководители движения, состоял в организации во всех городах массовых стачек и выступлений, которые со временем

должны были привести к всеобщей забастовке и вынудить Батисту уйти со своего поста.

Правоту повстанцев подтвердили последующие события. 9 апреля 1958 года на Кубе началась всеобщая стачка. Завершилась она полным провалом из–за того, что Национальное руководство «Движения 26 июля» начало ее без предварительного оповещения трудящихся, которые должны были принять в ней участие, без предварительной подготовки масс, объяснения им конечных целей и задач акции. Не были созданы забастовочные комитеты – непременный в таком случае «атрибут» всеобщих стачек. Бойцы «Движения 26 июля» захватили в Сантьяго радиостанцию и в эфире призвали к забастовке, но многие не восприняли его всерьез, посчитав провокацией. Провал апрельской забастовки 1958 года деморализовал народ, повредил колоннам повстанцев, выдвигавшимся на боевые позиции в различных районах Кубы. А армия Батисты буквально воспряла духом.

Тем временем к Фиделю с письмом обратилась группа командиров партизанских отрядов с просьбой, как говорилось в обращении, «носящей характер приказа». «Товарищ команданте Фидель Кастро! <…> Мы просим Вас не подвергать без нужды риску свою жизнь и тем самым не ставить под угрозу тот успех, который был достигнут нами в результате вооруженной борьбы и который мы должны закрепить победой революции.

Знайте, товарищ Фидель, что это не проявление какого–либо сектантства, не стремление показать свою силу. Когда мы пишем это письмо, нами движет заслуженное чувство любви и уважения к Вам, чувство любви к родине, к нашему делу, нашим идеалам»[230], – говорилось в этом обращении.

Фидель, который до этого момента всегда находился в авангарде повстанческого отряда, а выстрел из его винтовки служил сигналом для атаки на противника, был вынужден выполнить просьбу товарищей. Это позволило ему сконцентрироваться на разработке боевых операций, что отвечало его статусу командира.

Престиж и авторитет Фиделя Кастро еще более возрос после совещания Национального руководства «Движения 26 июля», которое состоялось 3 мая в штабе повстанцев в Сьерра–Маэстра. Оно длилось почти сутки – с раннего утра 3 мая до двух часов ночи 4 мая. Фидель в своей продолжительной речи резко раскритиковал решение городских руководителей движения устроить забастовку 9 апреля – они недооценили силы противника и переоценили свои возможности.

3 мая Фидель был назначен главнокомандующим

революционных сил, получив звание команданте эн хэфэ. Кроме того, он стал генеральным секретарем «Движения 26 июля». Также был создан секретариат движения в составе пяти человек. Это означало, что к Фиделю перешло не только военное, но и политическое и организационное руководство движением. Одновременно на этом совещании было принято решение направить в Майами Айде Сантамария в качестве специального представителя движения, поручив ей контроль за финансами, поступавшими на нужды повстанцев из–за границы. Тем самым Фидель «отсекал» от финансов представителей тех эмигрантских групп и движений, которые подписали соглашательский «Пакт Майами» с Фелипе Пасосом и экс–президентом Прио Сокаррасом. На этом совещании было принято еще одно решение – исключить из методов борьбы забастовки и стачки как не приносящие желаемого результата и лишь провоцирующие армию на жесткие силовые действия. Впредь должен был проводиться курс на всеобщую вооруженную борьбу.

К чести Фиделя, он не гнул упрямо свою линию и не пытался заставить своих городских соратников принять его правила игры. Он был готов к компромиссу, если бы убедился, что «городской вариант» борьбы более эффективен. Об этом свидетельствует его речь, произнесенная в местечке Сагуа–ла–Гранде 9 апреля 1968 года, в десятую годовщину забастовки: «…Лично мы ориентировались на победу партизанского движения, но если бы произошло так, что до того, как партизанское движение развилось в достаточной степени, чтобы нанести поражение армии, возникло бы сильное массовое движение и народное восстание победило в одном из городов, мы были готовы, если бы это произошло, немедленно оказать такому движению поддержку и принять в нем участие. Я хочу сказать, что в революционном процессе могли иметь место разные альтернативы и что просто следовало быть готовыми использовать любую из них»[231].

В мае повстанцы получили информацию о военных приготовлениях батистовской армии, которая сужала кольцо вокруг Первой колонны, о том, что Батиста поставил задачу ликвидировать именно это воинское соединение и лично Фиделя Кастро. Для этого была мобилизована примерно третья часть его армии: 14 батальонов и 9 отдельных рот. Всего в район боевых действий было стянуто от 10 до 12 тысяч военных. Они должны были «разрезать» район расположения частей Фиделя Кастро на несколько участков и вынудить их к капитуляции. Одновременно правительственным войскам было приказано блокировать районы, откуда Первая колонна могла получить подмогу. Чтобы подорвать моральный дух повстанцев, батистовцы разбрасывали с

самолетов в горах Сьерра–Маэстра и распространяли в городах и селах листовки, в которых обещалось помилование «раскаявшимся» бойцам: «Соотечественник! Если ты оказался замешанным в антиправительственном заговоре и в настоящее время продолжаешь находиться в лесах или в горах, у тебя есть возможность одуматься и вернуться в лоно своей семьи <…> Сделай это как можно скорее, поскольку в зоне, где ты находишься, правительством будут по–прежнему приниматься самые решительные меры к установлению всеобщего спокойствия»[232]. Ниже текста были напечатаны фотографии плохого качества уже якобы «покаявшихся бойцов», то есть фальшивка.

Фидель Кастро полностью сосредоточился на подготовке Первой колонны к отражению атаки. Он дал распоряжение оборудовать траншеи на тех направлениях, где должен был появиться противник, растянуть телефонную сеть от главного командного пункта до всех районов Сьерра–Маэстра, где находились подразделения повстанцев. «Фидель придерживался принципа, что достижение неуязвимости наших позиций зависит, прежде всего, от количества и уровня подготовки людей, которыми мы располагаем, а не от численности противника. Именно из этого принципа исходили повстанцы в своей тактике. Все наши силы были сосредоточены поблизости от главного командования повстанческих сил с тем, чтобы можно было быстро выступить единым фронтом»[233], – вспоминал Эрнесто Че Гевара.

Фидель распорядился заготовить запасы продовольствия на случай затяжных боев. Для этого на митинге собрали около 350 крестьян из районов, находившихся в непосредственной близости к расположению Первой колонны. Фидель намеревался выпустить деньги в Сьерра–Маэстра для оплаты труда поденщиков, работавших на повстанцев, создать кооперативы, организовать крестьянам помощь повстанцев в сборе урожая.

К этому моменту, в зоне действий Второго фронта, которым командовал Рауль Кастро, крестьянские лидеры во главе с Хосе Рамиресом создали оргкомитет Крестьянского конгресса. Сотни крестьян представили свои предложения по аграрной реформе, которую Фидель Кастро обозначил как один из приоритетов новой власти еще в своей речи «История меня оправдает». Бои с армией Батисты на время прервали работу над реформой, но уже осенью 1958 года руководство «Движения 26 июля» вернется к этой теме.

Из Сантьяго в качестве подкрепления прибыл отряд, сформированный из участников забастовки. Подпольные

мастерские в Сантьяго и селении Гуантанамо неподалеку от американской базы работали круглосуточно, в три смены, чтобы снабдить повстанцев боеприпасами. В маленьких оружейных мастерских, которые к тому времени уже имелись в Сьерра–Маэстра, повстанцы набивали гильзы крупной дробью.

25 мая в направлении поселка Лас–Мерседес, где находилась передовая позиция отряда, началось массированное наступление батистовской армии. 10 тысяч солдат, артиллерия, танки и авиация атаковали позиции Первой колонны, ее Главный командный пункт и радиостанцию. Тогда Фидель распорядился перебросить силы с других фронтов на помощь Первой колонне, дав точные инструкции руководителям подразделений: «На всех дорогах мы будем оказывать врагу сопротивление, постепенно отходя в сторону Ма–эстра, стремясь нанести ему максимальные потери. Если противнику удастся проникнуть на всю нашу территорию, каждый взвод должен превратиться в партизанский отряд и наносить удары противнику, перехватывая его на дорогах, заставляя его вновь уйти. Надо сражаться как никогда прежде»[234].

25 мая территория партизан подверглась массированному обстрелу и бомбежке напалмовыми бомбами с воздуха. Этими бомбами батистовцев снабжала североамериканская военно–морская база Гуантанамо, которая существует и по сей день. В тот день погибло очень много повстанцев.

Здесь необходимо сделать важное отступление. К началу лета 1958 года Батиста начал надоедать американцам. Несмотря на режим полного экономического и политического благоприятствования для «дорогих гостей с Севера», он незаметно перешел критическую черту и стал неконтролируемым. В американской прессе, а вслед за ней и в СМИ других стран все чаще стали появляться статьи о бессмысленных убийствах и пытках оппозиционеров, которые свидетельствовали о самом настоящем «беспределе» на Кубе. Весной 1958 года Батиста распорядился отправить в концлагеря около двух тысяч крестьян, якобы замеченных в «пособничестве повстанцам», Белый дом сделал «первый звоночек» Батисте. В конце марта 1958 года администрация США официально объявила о прекращении поставок оружия его армии. Иными словами, американцы не склонны были покрывать диктатора–марионетку, вышедшего из–под контроля и совершившего роковую ошибку.

Тогда–то они и начали присматриваться к Кастро, который к тому времени имел наибольшую популярность в народе и каждым новым сражением все сильнее забивал гвоздь в «гроб батистовского режима». И кое–что их в нем вполне устраивало:

этот сын богатого латифундиста, несмотря на бунтарские замашки, не был замечен в связях с коммунистами, за исключением «международного коммунистического агитатора» Че Гевары; не вызывали опасения и радикальные реформы, в особенности национализация и аграрная реформа, о которых говорил Кастро. Некоторые латиноамериканские деятели провозглашали и не такое перед тем, как стать во главе своих стран, а потом послушно исполняли американские указания – просто менялась «вывеска», а сам режим в этих странах оставался, как правило, проамериканским. К концу 1950–х годов в Латинской Америке произошло около 80 «революций». Но, в результате, позиции и влияние США не уменьшились. Наоборот, всякий раз Вашингтон извлекал свои выгоды от таких «переворотов», увеличивая политическое влияние и американские капиталы в этих странах.

Американцы считали, в случае прихода Фиделя к власти наверняка можно будет «договориться». Дескать, бывший адвокат наиграется в «войнушку», сбреет бороду, наденет привычный ему цивильный костюм и сядет с ними за стол переговоров.

Надо сказать, что и сам Фидель Кастро вводил в заблуждение американцев, особо не афишируя своих политических взглядов. По крайней мере о том, что «в голове» у Фиделя, американцам ровным счетом ничего не было известно.

В конце мая авиация Батисты нанесла самый сильный удар по Сьерра–Маэстра с воздуха напалмовыми бомбами (позже США применят их против Вьетнама). Беснуясь от невозможности уничтожить повстанцев, перемещавшихся с места на место, армия свой гнев обрушила на мирных жителей. Полностью была стерта с лица земли деревня Лима. «Сколько было разрушено домов, сколько убито людей, в том числе стариков, детей, женщин. Особенно тяжело было видеть, как во время налетов авиации насмерть перепуганные детишки разбегались кто куда, – рассказывал Рауль Кастро. – Целые семьи неделями жили в пещерах, едва осмеливаясь в перерывах между бомбежками выйти из укрытия, чтобы набрать воды»[235].

Руководство повстанцев получило документальные подтверждения того, что американцы, несмотря на официальные заявления в марте, что они не поставляют оружие Батисте, на самом деле врут. Об этом свидетельствовали фотографии, сделанные на американской базе в Гуантанамо, запечатлевшие, как на два грузовика, принадлежащие бати–стовской армии, перегружается американское оружие, и записка, датированная 8 мая 1958 года, в которой шла речь о новых поставках американского оружия.

И тогда Фидель написал маленькое, но, как оказалось, крайне важное для истории письмо «дорогому боевому товарищу» Селии Санчес: «…я поклялся, что американцы очень дорого заплатят за свои дела. По окончании нынешней войны для меня начнется новая, еще более длительная и великая война, которую я поведу против них. Я отдаю себе отчет в том, что это станет подлинной целью моей жизни»[236].

Ярко выраженный антиамериканизм стал основой политики Фиделя Кастро, особенно с конца 1980–х годов, когда Куба оказалась в политической изоляции, брошенная «великим и могучим» Советским Союзом. А борьба самого Фиделя Кастро с «северной империей» длится уже без малого целых полвека! И в этой борьбе Фидель выигрывает все локальные, большей частью «психологические» сражения у США.

В конце мая 1958 года могло показаться, что отряд повстанцев доживает свои последние дни. Шутка ли, десятитысячной армии, обладавшей самым современным оружием, противостоял отряд, на вооружении у которого было всего 200 винтовок.

После того как противник нанес повстанцам несколько тяжелейших ударов, Фидель приказал тайно перегруппировать колонны: Вторую – под руководством команданте Ка–мило Сьенфуэгоса, ранее действовавшую в центральной части горного массива, Третью – под управлением команданте Хуана Альмейды, отозванную из района Эль–Кобре, Четвертую под командованием команданте Рамиро Вальдеса, прибывшую из района Уверо–Окухаль, и Седьмую – под руководством команданте Кресенсио Переса. Отряд под руководством команданте Рауля Кастро, открывший к тому времени свой фронт, оставался на месте и вынужден был действовать автономно на протяжении почти 70 дней. Все перечисленные четыре колонны, вместе с Восьмой колонной Че Гевары и Первой колонной, которой руководил сам главнокомандующий, в результате образовали единый оборонительный фронт протяженностью 30 километров. Его передний край находился на северных склонах массива Сьерра–Маэстра. Благодаря вовремя возведенным оборонительным редутам, постоянной перегруппировке сил на разных направлениях, хорошему ориентированию на местности отряду удалось компенсировать преимущество противника в живой силе и вооружении.

Фидель приказал изматывать противника, использовать любую возможность для «распыления» его сил. Повстанцы устраивали засады, на горных дорогах расставляли самодельные мины, на которых подрывалась армейская тяжелая техника.

Произошло то, чего так опасались батистовские генералы: войска надолго увязли в локальных стычках на подступах к Сьерра–Маэстра, позволив повстанцам организовать ответные атаки. В результате случился ключевой психологический перелом: солдаты не желали воевать против повстанцев и сдавались в плен, зная, что их не только не расстреляют, но и освободят, передав через Красный Крест, с условием, что они больше не будут воевать против партизан. Кстати, за все время боевых действий в горах Сьерра–Маэстра армия Батисты не взяла в плен ни одного повстанца!

Число дезертиров и отказников в армии Батисты чуть более чем за два месяца составило около 600 человек, это 5 процентов от тех, кто принял участие в боевых действиях.

«Некоторые солдаты сдавались в плен три раза, и все три раза мы их освобождали, – рассказывал Фидель Кастро. —

Вражеские солдаты были поставщиками оружия для нас, а местные жители, крестьяне, помогали нам продуктами. Солдаты Батисты обворовывали крестьян, сжигали их дома и убивали невинных людей. Крестьяне сравнивали нас с солдатами и видели, что мы их уважаем и платим за то, что брали у них. Если нам нужна была курица или свинья, а никого не было поблизости, мы оставляли деньги для хозяина этого животного. Если бы не поддержка населения, мы бы никогда не победили»[237].

19 июня все силы противника, сосредоточенные к западу от пика Туркин, перешли в наступление. Армия захватила селения Хибакоа и Санто–Доминго, находившиеся на пути к главной военной ставке Фиделя в Ла–Плате. Над выдвинувшимися вперед частями партизан нависла угроза окружения. А спустя несколько дней батистовцам удалось прорваться через заслоны повстанцев в Гавиаро и обойти Сьерра–Маэ–стра с фланга. Между наступавшими навстречу друг другу с севера и юга горного массива группировками оставалось каких–то семь километров, и батистовские генералы уже предвкушали скорую победу.

Решающее сражение с армией Батисты произошло на южном участке фронта, который партизаны не могли полностью контролировать из–за моря, омывающего горный массив. 10 июля с нескольких кораблей противника высадился десант, которым командовал майор Хосе Кеведо. Перед ним стояла задача – добраться до местечка Ла–Плата, где находился командный пункт повстанцев, и уничтожить Фиделя Кастро. Однако партизанам удалось окружить десантников. Оставшись без воды и продовольствия, они не могли даже высунуться из временных укрытий, как по ним тотчас открывался снайперский огонь. И тогда Фидель использовал громкоговоритель. С его блестящими

ораторскими способностями и даром убеждения не стоило большого труда уговорить солдат не проливать бессмысленно кровь за диктатора и отказаться от дальнейшей борьбы. На десятый день осады майор Кеведо принял решение сдаться. Это был первый крупный успех повстанцев за годы войны. В их руки попало около ста винтовок, 47 автоматов, один миномет и 35 тысяч патронов. Все пленные этого батальона были отданы Красному Кресту. А позже многие из них присоединились к повстанцам. Кстати, Фидель не сразу объявил о пленении и о победе над элитным батальоном Хосе Кеведо, а лишь двое суток спустя.

Скорее не военный, а психологический успех сражения, происшедшего в местечке Эль–Хигуэ, во многом предопределил ход дальнейшей борьбы. 29 июля после изнурительного трехдневного боя была разгромлена самая сильная группировка батистовской армии. За два с лишним месяца армия потеряла около тысячи солдат. В руки повстанцев попало 600 единиц различного оружия, в том числе два 14–тонных танка, два средних и восемь легких минометов, две базуки, 12 тяжелых и 20 ручных пулеметов, огромное количество боеприпасов. 422 пленных были по окончании кампании переданы Красному Кресту. Но батистовское радио сообщило, что повстанцы якобы сотнями сдавались в плен в Мансанильо, Байямо и других районах. На самом деле повстанцы за это время потеряли 27 человек (в сравнении с тысячей у противника!) убитыми и 50 ранеными, то есть лишь пятую часть от своего состава. В истории партизанских войн произошел уникальный случай: в ходе наступления профессиональная и хорошо вооруженная армия была разгромлена партизанским формированием, в составе которого не было ни одного профессионального военного!

Фидель решил воспользоваться преимуществом и начать широкомасштабное наступление на равнине. Он опять перегруппировал силы Повстанческой армии, чтобы вести бои в трех направлениях: в городе Сантьяго, где по–прежнему противник держал хорошо укрепленную оборону, а также в стратегически важных провинциях Лас–Вильяс и Пинар–дель–Рио. Для начала были сформированы две колонны вторжения во главе с Че Геварой и Камило Сьенфуэгосом.

21 августа 1958 года Че Гевара получил приказ перебазировать Восьмую колонну в провинцию Лас–Вильяс, развернуть фронт борьбы в горном массиве Эскамбрай. Стратегической задачей Че Гевары было нанесение непрерывных ударов в центральном районе Кубы до тех пор, пока вражеские силы не окажутся полностью скованными.

Колонне под командованием Камило Сьенфуэгоса, которой было присвоено имя национального героя Кубы Антонио Масео, в конце XIX века сражавшегося с испанскими колонизаторами, предстояло развернуть революционную борьбу в западной провинции Пинар–дель–Рио. Фидель Кастро приказал усилить эти две колонны: колонне Че Гевары придали 140 человек, а Камило Сьенфуэгосу – 90. Средний возраст бойцов составлял 24 года, и, по словам Че Гевары, 90 процентов из них были неграмотными.

Когда отряд Сьенфуэгоса был уже на середине пути, Фидель вдруг изменил свое решение и приказал колонне остановиться в городе Санта–Клара, столице провинции Лас–Вильяс, куда как раз должен был подойти отряд Че. За сорок ночей отряд углубился на 50 километров в провинции Лас–Вильяс.

Впоследствии Фидель Кастро так объяснял свое неожиданное решение об изменении маршрута колонны Сьенфу–эгоса: «Я хорошо помнил историю войны за независимость 1895 года и анализировал ее итоги <…> Когда Камило пришел в центр страны, у повстанцев не было стратегического решения идти дальше. Мы понимали, что сейчас уже новая эпоха и новые обстоятельства, отличные от тех, что были в прошлой революции, и не было необходимости продолжать завоевание до Пинар–дель–Рио. В этот момент я дал указание Камило: „Направляйся в центр и соединись с Че“ <…> К тому же определенные обстоятельства в Лас–Вильясе заставили его остаться на месте и навести порядок в Санта–Кларе, дожидаясь Че»[238] . По пути следования колонн Че Ге–вары и Камило Сьенфуэгоса по стране в Повстанческую армию стали впервые вступать рабочие.

Наконец, третья колонна под командованием Хуана Альмейды 30 августа получила задание начать боевые действия в непосредственной близости от Сантьяго–де–Куба и блокировать столицу провинции Ориенте. Тогда же, 30 августа, Фидель Кастро написал в своем блокноте: «В эти дни революция развивается самым великолепным образом». Тем временем не менее примечательные события происходили и на Втором фронте, где командовал Рауль Кастро. Под его председательством открылся крестьянский конгресс, на основе предложений делегатов которого впоследствии был принят «Закон № 3», провозглашавший право крестьян на землю. Ее передача началась в освобожденных районах. Фидель Кастро стремился при любой возможности отблагодарить крестьян, которые на протяжении всего полуторагодичного пребывания повстанцев в горах Сьерра–Маэстра, рискуя жизнью, снабжали их продовольствием и лекарствами. По распоряжению Фиделя врачи Повстанческой армии должны были оказывать крестьянам бесплатную

медицинскую помощь. Когда повстанцы стали пробиваться с боями на равнине, скот, который конфисковывался у латифундистов, распределялся среди крестьян. «Я на этих днях занимаюсь многими делами, в том числе распределением 10 тысяч голов мясного и молочного скота среди крестьян, – писал Фидель Че Геваре. – Я надеюсь таким образом хотя бы немного облегчить тяжелое положение населения. Под самым носом у армии мы захватываем весь скот на равнине <…> Наша система направлена не на сокращение животноводства, а на увеличение его. Категорически запрещается убивать коров. Отелившихся и стельных коров мы распределяем как молочный скот, а телки остаются в резерве, чтобы распределить их потом. Всякий, кто продаст или забьет полученную корову, теряет право на землю. Даже если скот получит случайное повреждение, его запрещается пускать в пищу. Это единственная форма предотвратить массовый забой скота. Мы передаем скот в пользование, но после окончания войны крестьяне получат на него право собственности. Маленьких бычков крестьяне могут продавать только нам. Я тебе пишу об этом на тот случай, если тебе придется проводить что–то подобное в районе твоих операций»[239].

Молочный скот в первую очередь отдавали многодетным семьям и тем, которые у себя в хозяйстве до этого вообще не имели возможности содержать коров. (К слову, в 1990–е годы, когда над Кубой впервые после революции нависла угроза голода, коровы стали «священными животными», они являются «стратегическим запасом государства». Их запрещено отправлять на убой. Благодаря этому все кубинские дети в возрасте до шести лет получают в день литр молока бесплатно.)

Тем временем колонна Камило была вынуждена начать боевые действия, не дождавшись колонны Че, которую с самого начала похода стали преследовать неприятности. Бойцы Че Гевары были вынуждены поджечь самолет с оружием, чтобы он не попал в руки неприятеля. Затем лишились грузовиков – их перехватил противник. Двигаться по Центральному шоссе, которое было единственной асфальтированной дорогой на Кубе в том районе, было рискованно. Начался изматывающий и изнурительный поход по вышедшим из берегов рекам и каналам, по заболоченным местам. Треть отряда шла босой – не имела обуви. Но никто не роптал. Через неделю пути головной дозор попал в засаду. «Это были дни утомительных переходов по необжитым и безрадостным местам, где в нашем распоряжении были лишь вода и грязь, – вспоминал Че, – мы голодали, изнывали от жажды и еле–еле продвигались вперед, ноги у всех были будто налиты свинцом, а оружие казалось неимоверно

тяжелым»[240].

В селении Эль–Педреро, в предгорьях Эскамбрая, Че Гевара, который к тому времени расстался со своей женой, перуанкой Ильдой, встретил семнадцатилетнюю миловидную кубинку Алейду Марч, которая станет его второй женой и родит ему четверых детей. Перевязав руку поранившемуся Че, Алей–да растопила сердце команданте, который до этого был категорически против присутствия женщин в отряде и их участия в революционной борьбе. Алейда Марч родилась в 1936 году на Кубе в провинции Лас–Вильяс, в семье выходцев из Испании. Получила педагогическое образование, но по специальности никогда не работала. До того как вступить в отряд Че, Алейда поддерживала связь с вооруженными отрядами Фиделя Кастро, передавая им деньги, информацию и оружие.

Перед командиром Восьмой колонны стояла, пожалуй, самая трудная задача. Ведь ему предстояло не только автономно воевать с отрядами Батисты, но и попытаться объединить под своим началом другие группировки, воевавшие в горах Эскамбрая. Кого здесь только не было: бывшие офицеры, иностранные наемники, уголовники, бежавшие из тюрем, простые «охотники за удачей», те, кто хотел урвать свой кусок «революционного пирога». К тому времени слава о подвигах Че вышла за пределы Кубы. И противники, и союзники Повстанческой армии знали, что он является первым помощником Фиделя Кастро.

Майор Каррера, возглавлявший так называемый Второй революционный фронт, послал Че оскорбительное письмо: «Любая организация, имеющая вооруженную группу и предполагающая проводить боевые действия в этой области без предварительного соглашения или разрешения от высшего командования Второго фронта, будет сначала предупреждена, а затем удалена или истреблена армией Второго фронта»[241]. Группы повстанцев Второго фронта в горах Эскамбрай фактически бездействовали, ожидая крушения режима Батисты, чтобы затем не дать возможности сторонникам Фиделя Кастро захватить власть в стране. Эти группы получили у крестьян презрительную кличку «коме вакас» – «пожиратели коров» – за свое пристрастие к охоте за их коровами и были ничуть не лучше батистовских солдат. Некоторые бойцы были направлены в горы Эскамбрай при помощи американцев руководителями старых буржуазных партий, находившимися в эмиграции в США. В штаб Фиделя поступила информация о том, что за лидером Второго фронта Элоем Гутьерресом на самом деле стоят Соединенные Штаты.

Отряд команданте Че столкнулся с презрительным отношением к себе не только со стороны «пожирателей коров», но и, казалось бы, «своих». На устную просьбу повстанцев о помощи местное отделение «Движения 26 июля», которое возглавлял бывший рабочий сахарного завода Бордон, ответило в не менее грубом, чем майор Каррера, тоне: «Если Че пришлет просьбу в письменной форме, мы ему поможем; если нет, то пусть катится на все четыре стороны». Кроме того, тайник, где должны были храниться обмундирование и обувь для бойцов Че, оказался пуст – его обчистили люди Карреры.

Тем не менее Че в конце концов удалось объединить различные отряды. Народная социалистическая партия передала своих партизан и организации на равнине под начало Че, а с «РД–13» повстанцы договорились о создании объединенного командования.

23 октября Че разделил свою колонну на два отряда. Один из них атаковал и после непродолжительного боя взял городок Санкти–Спиритус, который Че сделал своей базой.

Тем временем Батиста, чувствуя недовольство американцев его деятельностью, издал указ о проведении новых президентских выборах на Кубе в конце 1958 года. Сам он изъявил желание уйти из политики и назвал своим преемником премьер–министра Рива Агуэро.

Как только стало известно о точной дате выборов – 3 ноября 1958 года, Фидель выступил по повстанческому «Радио Ребельде»: «Какими бы ни были результаты этих выборов, чье бы имя ни вписала диктатура в избирательные бюллетени, революция неизменно будет следовать своим курсом. Никто не в состоянии изменить его, и 4–го числа народ узнает о сражениях, которые мы дадим, чтобы продолжить настоящую дорогу к миру»[242]. Фидель Кастро приказал отрядам Повстанческой армии с 30 октября по 4 ноября парализовать движение на автомобильных и железных дорогах и призвал кубинцев в день выборов не покидать дома.

Колоннам Че Гевары и Камило Сьенфуэгоса, действовавшим на юге и севере провинции Лас–Вильяс, поручалось перекрыть дороги на всех направлениях, ведущих к избирательным участкам. В результате отряды Камило Сьенфуэго–са полностью сорвали выборы в северной части провинции. В провинции Ориенте голосование тоже не состоялось.

Тем не менее Батиста объявил о победе на выборах своего кандидата, хотя в целом по стране проголосовало не больше четверти от общего числа имевших право голоса, а в некоторых провинциях меньше 10 процентов.

Понимая серьезность угрозы своему режиму, Батиста пытался

стравить повстанцев с американцами. Первый инцидент произошел еще в начале июля 1958 года, когда Генеральный штаб армии Батисты вывел свои части из района Ятеритас, откуда осуществлялось снабжение водой военно–морской базы США в Кайманере. Генштаб обратился к американским властям с просьбой направить солдат на этот участок кубинской территории якобы для защиты водопровода. Американцы немедленно заняли станцию, тем самым совершив акт интервенции в отношении Кубы. В следующий раз Батиста отдал приказ своим подразделениям оставить территорию принадлежавших США никелевых заводов в Никеро. Едва эту зону взяли повстанцы, как Батиста отдал новый приказ десантникам – высадиться около Никеро. Он хотел спровоцировать конфликт, который бы привел к порче американской собственности на острове и неминуемой в этом случае интервенции. Однако Фидель не поддался на провокацию и сам, по своим дипломатическим каналам, договорился с представителями США и не допустил конфликта. Да и американцы, по правде говоря, не были настроены на открытое военное вмешательство. В деятельности повстанцев они не видели угрозы своим национальным интересам. Кроме того, американцам было известно о приказе, который отдал Фидель Кастро Повстанческой армии – не причинять ущерба гражданам и имуществу США. Когда Фидель ввел налоги на занятых повстанцами равнинных территориях, с тем чтобы блокировать поступление денег в бюджет Батисты, североамериканские компании предпочли не идти на конфликт, а стали исправно платить Повстанческой армии, хотя могли бы этого не делать.

Единственный серьезный инцидент мог произойти, когда Рауль Кастро, получив фотоснимки с базы Гуантанамо, на которых было видно, как снаряжались американским оружием кубинские армейские истребители, провел так называемую «противосамолетную операцию», в чем ему очень помогла Вильма Эспин, имевшая псевдоним «Дебора».

В конце июня бойцы Рауля Кастро, в подчинение которого перешел отряд погибшего Франка Паиса, задержали сначала 20 американских специалистов, работавших на никелевых заводах и в компании «Юнайтед фрут», а затем 29 американских солдат, направлявшихся с базы Гуантанамо в увольнение. По совету «Деборы» Рауль Кастро не объявил задержанных ни пленными, ни заложниками, а назвал

их «международными свидетелями». Партизаны накормили, напоили их, а потом показали снимки с базы Гуантанамо и фотографии сожженных напалмом кубинских сел. Когда консул

США на Кубе встретился с Раулем Кастро и потребовал немедленно освободить своих соотечественников, последний взорвался: «Какое мне дело до вашего правительства? Для меня важнее мой народ!» К удивлению американского чиновника, его соотечественники заявили, что платят налоги не для того, чтобы Соединенные Штаты нарушали введенное ими же эмбарго на поставки оружия Батисте.

«Противосамолетная операция» была частью долгосрочной и широкомасштабной операции под названием «Правда», которая была задумана Фиделем как ответ на недружественные и клеветнические публикации, появлявшиеся в североамериканских СМИ.

Летом точка в инциденте с «международными свидетелями» была красиво поставлена Фиделем. «Карты были разложены» так, что именно он изящно «разрулил» конфликт между Раулем Кастро и американским консулом, не нашедшими общий язык и отказывавшимися идти на компромисс. Фидель выступил в роли командира–миротворца. Как только по «Радио Ребельде» передали приказ Фиделя об освобождении американцев, «международные свидетели» покинули расположение повстанцев и стали рассказывать встречавшим их американским репортерам о том, как хорошо с ними обращались.

Тем временем Фидель выступил по «Радио Ребельде» со специальным заявлением: «Мы хотим предупредить, что Куба – свободное и суверенное государство. Мы хотим поддерживать наилучшие дружественные отношения с США. Мы не думаем, что между Кубой и США может возникнуть конфликт, который невозможно было бы разрешить согласно разуму и праву.

Однако, если Государственный департамент США и впредь будет поддаваться интригам мистера Смита (посла США на Кубе. – *М. М.)* и Батисты, и совершит непоправимую ошибку, прибегнув к иностранной агрессии против суверенитета нашей страны, пусть он знает, что мы достойно сумеем защитить ее суверенитет. Есть такой долг перед родиной, который мы выполним, чего бы это ни стоило. Угрозы могут запугать трусливых и малодушных, но они никогда не запугают тех, кто готов умереть, защищая свой народ»[243].

Это предупреждение, конечно, не могло остаться незамеченным в Белом доме. Президент США Дуайт Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что только в конце 1958 года ЦРУ впервые предположило, что победа Фиделя Кастро будет не в интересах Соединенных Штатов: «Один из моих советников рекомендовал опять сделать ставку на Батисту, как наименьшее из двух зол. Я отверг этот план. Если Кастро настолько плох, как

предполагает наша разведка, то нашей единственной надеждой остается недиктаторская третья сила, не связанная ни с Кастро, ни с Батистой».

Американцы понимали, что Батиста является одиозной и скомпрометировавшей себя фигурой. Теперь все их усилия были направлены на то, чтобы успеть поменять его на человека, не связанного с повстанцами и лояльного к Вашингтону. О том, что на Батисте в конце 1958 года был поставлен крест, свидетельствует и тот факт, что в ноябре того года в Гавану прибыл хороший знакомый кубинского диктатора, специальный представитель Белого дома, бывший посол США в Перу и Бразилии Уильям Поули. Он получил вводные инструкции от представителей ЦРУ и Государственного департамента.

Поули передал Батисте, что тот должен выполнить несколько американских условий, позволявших ему безболезненно и тихо покинуть свой пост: образовать временное правительство и объявить о дате новых президентских выборов, которые должны состояться через полтора года. В ответ на это Батиста получит от американцев оружие на сумму 10 миллионов долларов и гарантии того, что новые власти не будут преследовать его лично и его сторонников. Кроме того, Фульхенсио Батиста должен обеспечить вхождение в состав временного правительства лиц, враждебно настроенных по отношению к Фиделю Кастро и «Движению 26 июля». Только после выполнения этих условий диктатору разрешалось вернуться в США на собственную виллу в Майами. Батисте не сказали, что этот план уже согласован с Эйзенхауэром, и он, наивно полагая, что глава Белого дома не знает о «кознях разведчиков и дипломатов» за его спиной, категорически отверг эти предложения. Батиста рассчитывал выиграть время и очень надеялся на помощь своего друга, доминиканского диктатора Трухильо.

Посол США на Кубе Эрл Смит в середине декабря последний раз встретился с Батистой и дал понять кубинскому президенту, что тот больше не может рассчитывать на помощь и поддержку Вашингтона. Произошло это после того, как все попытки Смита убедить Батисту сформировать новое кубинское правительство с участием «традиционных консерваторов» оказались безуспешными.

Было понятно, что до свержения Батисты оставались считаные недели. Но прежде чем победоносно пройти от центральной, где укреплялись колонны Че Гевары и Ками–ло Сьенфуэгоса, до западной части страны, где находилась Гавана, нужно было «отрезать» от батистовской армии восточную часть страны. Там Раулем Кастро уже был открыт Восточный фронт.

Взятие города Санта–Клара, столицы провинции Лас–Вильяс, представлялось логическим завершением этой стратегической задачи.

Но для начала, чтобы полностью очистить Восточный фронт от батистовцев, Фидель Кастро решил помочь младшему брату и лично возглавил крупную военную операцию по освобождению города Гиса, который находился на равнинной части провинции Ориенте. Фиделю противостоял командующий восточным флангом армии Батисты. В этом сражении произошла эволюция Фиделя как командира Повстанческой армии, ведь ему пришлось отказаться от проверенных в горах Сьерра–Маэстра приемов партизанской войны: засад, вылазок, внезапных атак. Это было классическое равнинное сражение двух армий, в котором батистовцы потеряли убитыми и ранеными более 200 человек, в четыре раза больше, чем повстанцы.

Таким образом, был реализован первый пункт стратегического плана Фиделя по очищению Кубы от батистовцев. От Гаваны была «отрезана» самая боевая провинция страны – Ориенте. Теперь настало время для следующего этапа операции. Фидель отдал приказ Че Геваре захватить важнейший стратегический пункт – столицу Лас–Вильяса Санта–Клару, которая находилась в центре Кубы. Камило Сьенфуэгос получил приказ двигаться или в направлении Гаваны, или поддержать Че Гевару, в зависимости от обстановки.

Утром 16 декабря повстанцы взорвали мост через реку Фалкон, тем самым прервав сообщение между столицей и восточной частью провинции Лас–Вильяс. Генеральный штаб Батисты не прислал подмогу своим солдатам, и 100 человек сдались в плен повстанцам. 21 декабря, чтобы окончательно деморализовать противника, колонна Че блокировала Центральное шоссе и одновременно атаковала города Кабайгуан и Гуайос. Тем временем на севере провинции колонна Камило Сьенфуэгоса захватила город Ягуахай, последний оплот батистовцев в этом районе. После того как Восьмая колонна без особого труда взяла город Камахуани, Че принял решение идти на Санта–Клару, город с населением 150 тысяч человек, являвшийся важным железнодорожным узлом и центром пересечения основных коммуникаций Кубы. Заняв Санта–Клару, Повстанческая армия решила бы самую главную задачу военно–стратегического плана Фиделя: «разрезать Кубу» надвое и фактически открыть прямой путь на Гавану.

Но тут в дело вмешались высокопоставленные батис–товские офицеры. Нет, они не усилили сопротивление повстанцам и не попросили о пощаде. Чувствуя скорое падение Батисты, они

попытались «договориться с Фиделем» и предложили повстанцам свои услуги. 23 декабря в Гаване состоялась встреча руководителей «Движения 26 июля» с полковником Флорентино Росселом. Он командовал инженерными частями батистовской армии. Россел предложил создать военно–гражданскую хунту, объединить части правительственной армии, находившиеся к востоку от Санта–Клары, с Повстанческой армией и начать совместное массированное наступление на Гавану. Фидель, на дух не переносивший слово «хунта», ответил Росселу резко и категорически: «Все условия отвергнуты». Через день он написал Че Геваре: «Война выиграна, силы противника разваливаются на глазах. В Ориенте мы связываем и блокируем 10 тысяч вражеских солдат. Гарнизоны провинции Камагу–эй находятся в мешке <… > Поэтому крайне важно, чтобы продвижение к провинции Матансас и к Гаване осуществлялось исключительно силами „Движения 26 июля“. Колонна Камило должна идти в авангарде и занять Гавану, когда диктатура рухнет <…>»[244].

В этот решающий момент начальник вооруженных сил противника, генерал Эулохио Кантильо, попросил Фиделя о срочной встрече. Она произошла 28 декабря 1958 года, на старом разрушенном заводе по производству сахара, недалеко от Пальма–Сориано. Фидель так вспоминал об этом разговоре: «Он сказал, что мы были очень мужественными и храбрыми людьми, и жалел, что мы потеряли стольких замечательных товарищей. Наша встреча была высокомерной, но рыцарственной.

До этого иногда мы обменивались с ним сообщениями, например, когда мне надо было освободить сотню вражеских солдат. Очень часто мы обменивались сообщениями с руководителями закрытых городов, чтобы убедить их разрешить нам расположить войска в городе. Это был стиль и метод борьбы. Кантильо <… > прилетел один на вертолете. Я помню, он мне говорил, что проиграл войну. Я ему ответил: «Мы не будем арестовывать офицеров и солдат, которые не совершили преступлений. Вам надо поговорить с гарнизоном Сантьяго, чтобы они объединились с Повстанческой армией». Ко всему прочему, Кантильо был начальником восточного региона страны. Он согласился принять мое предложение, и мы договорились о дате. Он сказал: «Когда это случится, через 24 часа Батиста уже не будет у власти»»[245].

По мнению Фиделя Кастро, для того чтобы свергнуть Батисту, было необязательно брать его главную военную ставку – крепость Колумбия. Достаточно было бы того, чтобы Кантильо приказал защитникам Сантьяго разоружиться. Тот тянул время и попросил несколько дней для принятия решения. Генерал Кантильо

пообещал, что гарнизон Сантьяго присоединится к повстанцам 31 декабря, но попросил об одном условии. Он хотел поехать в Гавану, чтобы якобы уговорить сдаться своего брата, занимавшего высокий пост в батистовской армии. Фидель Кастро был против этого, заявив, что генерал подвергает себя ненужному риску. Но скрепя сердце согласился подождать и отложить наступление на Сантьяго.

«Мы думали начать атаку с 1200 бойцами. Противник насчитывал примерно 5000 бойцов. Однако никогда у нас не было такого благоприятного соотношения сил, и мы собирались использовать такую же тактику, как и на главном хребте: осадить город. Эта операция, по моим подсчетам, должна была продлиться пять дней. Мы переправили сто единиц оружия защитникам Сантьяго, потому что на пятый день осады в городе вспыхнуло бы восстание. Эта битва должна была длиться шесть дней максимум <…> После встречи с Кантильо мы ждали подписания с ним соглашения. У Камило был рядом вражеский батальон, а Че уже вошел в Лас–Вильяс»[246].

Фидель поставил Кантильо три условия. «Вы едете в Гавану, но, первое: мы не хотим государственного переворота. Второе: мы не хотим, чтобы кто–то помог Батисте сбежать. Третье: мы не хотим контактов с посольством Соединенных Штатов Америки. <…> Генерал согласился с ними и поехал в Гавану».

Но сделал все с точностью наоборот. «…Во–первых, он поужинал с Батистой вечером 31 декабря 1958 года и потом сопроводил его до самолета, на котором тот и улетел с группой генералов; во–вторых, он организовал государственный переворот в столице и поставил во главе правительства самого старого члена Верховного суда, которого звали Карлос Пьедра; и, в–третьих, после всего он заключил контракт с посольством США. Это было подлое предательство!»[247]

Таким образом, было потеряно несколько решающих дней. Военные получили возможность перегруппироваться, а Батиста успел бежать в Доминиканскую Республику, прихватив государственную казну – 424 миллиона долларов в придачу к своему личному состоянию в 300 миллионов. (Впоследствии группа высших офицеров вынесла Батисте смертный приговор за то, что он прикарманил казну Кубы.)

Тем временем отряд Че Гевары уже выдвинулся в Санта–Клару. В полдень 28 декабря бойцы Восьмой колонны, «вооруженные» гранатометом без гранат, подошли к горе Ка–пиро, которая возвышалась над городом. Там повстанцам преградили путь два танка и бронепоезд с более чем 400 солдатами, которыми руководил тот самый полковник Флорен–

тино Россел Лейва, командующий инженерными войсками, который несколько дней назад безуспешно предлагал повстанцам объединиться. И тут у него сдали нервы. Узнав, что перед ними находится колонна во главе с Че Геварой, Флорентино Россел спрыгнул с бронепоезда и ретировался в Санта–Клару. Оба танка развернулись и поехали в город.

Вскоре позиции противника на горе были взяты, хотя локальные стычки там продолжались до 31 декабря. Гораздо более упорными оказались те, кто находились внутри бронепоезда, – его успели отправить по железнодорожным путям в центр Санта–Клары, – и летчики. В отличие от деморализованных солдат они не выказывали ни малейшего намерения сдаться, подвергая массированной бомбардировке не только позиции повстанцев, но и дома мирных жителей.

На следующий день повстанцам удалось переместить свой штаб в центр города, овладеть укрепленными пунктами противника. Но Че не давал покоя бронепоезд. Бойцы Че нашли два бульдозера и в считаные минуты разворотили колею, чтобы не дать бронепоезду уйти из Санта–Клары на запад страны. Че, как охотник, почуявший крупную добычу, буквально ходил кругами вокруг бронепоезда, а солдаты, находившиеся в нем, упорно отказывались сдаваться. «Завязался довольно интересный бой, – вспоминал Че, – повстанцы стали буквально выкуривать противника из бронепоезда, бросая бутылки с горючей смесью. <…> Бронепоезд превратился в настоящее пекло для батистовских солдат. Через несколько часов вся его команда сдалась, в наших руках оказались 22 вагона, зенитные орудии, пулеметы и баснословное количество боеприпасов (баснословное, конечно, в сравнении с тем количеством, которым располагали мы)»[248].

Самое удивительное, что против 400 солдат, находившихся внутри бронепоезда, сражалось всего 18 повстанцев. Но «коктейль Молотова» сделал свое дело. Вскоре вся Санта–Клара оказалась под контролем революционных сил. А продолжавшееся по инерции сопротивление гарнизона Леонсио Видаль, самой крупной крепости в центральной части Кубы, было подавлено 1 января.

В тот же день, 1 января, стало известно о том, что Батиста бежал с Кубы. Фидель Кастро немедленно связался с Че Геварой и Камило Сьенфуэгосом и приказал им выдвигаться в Гавану. Че Геваре поручалось захватить крепость Кабанья, а Камило Сьенфуэгосу главную военную ставку диктатора крепость Колумбия. Те из военных, кто еще не перешел на сторону повстанцев и колебался, кто поддерживал Батисту, узнав о его

бегстве, пребывали в подавленном состоянии и практически не оказывали сопротивления колоннам Че и Камило.

Сам Фидель отправился на «Радио Ребельде» и выступил с заявлением, что категорически не признает военную хунту, и призвал кубинцев к всеобщей забастовке. Обращение Кастро вышло в эфир в десять часов утра 1 января. Через несколько часов оно было передано радиостанциями других стран Латинской Америки. Практически все радио–и телестанции перестроили свои передатчики, чтобы связаться с радио повстанцев, объединить радиоволны и вещать на всю страну – радиопередатчик повстанцев был слабым, мощностью в один киловатт. Теперь повстанцам принадлежали почти все радио–и телестанции, и они могли передавать сообщения в самые отдаленные уголки Кубы.

Выступив по радио, Фидель поехал в Сантьяго, чтобы там с балкона здания городского муниципалитета объявить о победе революции. По пути ему встретилась группа военных, производившая довольно жалкое впечатление. Они сказали Кастро, что гарнизон Монкады не намерен сдаваться и готов сражаться до победного конца. Фидель тут же связался с начальником военного гарнизона Сантьяго, и тот подтвердил, что «солдаты не сдадут оружия». Фидель не стал брать крепость штурмом, считая, что это принесет напрасные жертвы. Он поехал в деревню Пальма Сориано, где находилось радио повстанцев, на северной окраине Сантьяго–де–Куба, и объявил в эфире, что готов принять военных батистовской армии и выслушать их требования и пожелания. Спокойствие и выдержка Фиделя, как выяснилось, сыграли решающую роль. «Я принимал офицеров гарнизона Сантьяго и глав подпольных группировок города. Ко мне пришли примерно 300 офицеров. 300 офицеров, чьи войска защищали Сантьяго!

Я долго говорил с ними. Рассказал о нашем соглашении с генералом Кантильо, которое он не выполнил. Рассказал о предательстве. Офицеры решили нам помочь и перешли на нашу сторону»[249]. (После победы революции Кантильо был на несколько лет заключен в тюрьму.)

Тем временем в столице были захвачены уже почти все ключевые объекты, а по всей стране устанавливалась новая власть. 1 января 1959 года стало днем рождения новой Кубы. Пять лет, пять месяцев и пять дней – эти «счастливые пятерки» знает сегодня каждый кубинец едва ли не с начальной школы. С 26 июля 1953 года по 1 января 1959 года – это точные даты, это остановившееся в истории время, которое началось атакой повстанцами крепости Монкада, включило в себя почти два года

тюремного заключения, почти два года подготовки за границей к новой вооруженной экспедиции и еще два года и месяц победоносной войны.

Глава восьмая
АГРАРНАЯ РЕФОРМА. ФИДЕЛЬ ИДЕТ ВА–БАНК

Антибатистовское движение было неоднородным. В Повстанческую армию пришли люди с самыми различными убеждениями. Их объединяло только желание свергнуть Фульхенсио Батисту.

В этом была уникальность кубинской революции. Впервые в истории многочисленные и отличающиеся друг от друга буржуазные и левые партии, радикальные группы дружно объединились против общего врага, на время отодвинув на второй план свои политические интересы. Но все они, едва рухнул диктаторский режим, по извечному закону любой революции поспешили начать дележ постов и портфелей, совершенно не желая принимать во внимание тот факт, что революцию начала горстка бойцов с «Гранмы».

2 января 1959 года представители Второго революционного фронта Эскамбрая захватили президентский дворец Батисты, но по требованию Че Гевары были вынуждены передать его под контроль правительства, назначенного Фиделем Кастро, и заключить с ним соглашение о единстве армий.

Че Гевара оставил свидетельства о первых днях революции, прошедших в ожесточенной «драке за власть». «Когда наступило время назначения на должности, почти около сотни капитанов и большое число майоров 2–го фронта потребовали государственных постов, – вспоминал Че Гева–ра. – Всех этих людей объединяло одно общее желание – погреть руки за счет государственной казны, чем занимались те, кто находился на этих постах при прежнем режиме. Они хотели получить должности финансовых инспекторов, сборщиков налогов и т. п., где деньги сами шли в карман, – только не зевай. Таков был высший смысл устремлений всех этих людей. К сожалению, они входили в состав Повстанческой армии, и с ними мы должны были сосуществовать <…>.

Такова была ошибка революции, из–за которой нам приходилось выплачивать жирные оклады всем этим баркинам, филипе пасосам, тете касусам (военные и представители правых буржуазных партий. – *М. М.)* и другим прихлебателям внутри страны. Мы вынуждены были содержать их за счет средств революции, чтобы избежать конфликта, и тем самым платить за

их молчание, хотя и знали, что они только выжидают удобного момента для измены делу революции»[250].

Фидель Кастро понимал, что угрозу для революции представляет не жалкая хунта во главе с генералом Кантильо, а вооруженные до зубов наемники Второго фронта, словно хищники, выжидавшие, когда начнется дележ добычи. Впрочем, Че хотя и с огромным трудом, но сумел заставить их подчиняться приказам главного командования.

В начале января 1959 года специальным постановлением кубинского правительства Че Геваре за его выдающиеся заслуги было присвоено «кубинское гражданство по рождению». Он был назначен комендантом крепости Кабанья, построенной в XVIII веке. В задачу Че входили демобилизация старой армии, а также расследование преступной деятельности офицеров и полицейских диктаторского режима. Товарищи решили сделать сюрприз команданте и привезли через неделю после победы на Кубу из Аргентины его родителей. Отец Че, Эрнесто Гевара Линч, вспоминал: «Когда мы с женой прилетели в Гавану, у нас с собой было мало денег. Сборы были очень поспешными, поэтому у нас оставалось только несколько долларов. Нам предоставили автомобиль с солдатом–шофером, но Эрнесто настоял, чтобы за бензин платили мы сами, а не правительство. Цены на бензин тогда были очень высоки, за него платили долларами. Я занялся подсчетами и пришел к выводу, что нам не удастся часто пользоваться этой машиной»[251].

3 января 1959 года было объявлено о вступлении в должность временного президента Кубы Мануэля Уррутиа, а на следующий день сформировано Временное революционное правительство во главе с Хосе Миро Кардоной. Лидер партии «аутентиков» Аграмонте, сменивший на этом посту Грау Сан–Мартина, был назначен министром иностранных дел. Экс–президент Прио Сокаррас, вернувшийся на Кубу, заявил, что ни один из членов его партии не желает участвовать в новом правительстве, и призвал своих сторонников сложить оружие и следовать указаниям президента Уррутиа.

Эти кадровые решения были приняты наспех и являлись своего рода компромиссом между различными политическими силами. Уррутиа никогда не был членом какой–либо политической партии Кубы и формально не принадлежал к повстанческому движению. Его считали «строгим антикоммунистом» и сторонником ориентации на Америку. Уррутиа фактически примкнул к движению, возглавляемому Фиделем Кастро в 1955 году, когда он, будучи председателем Верховного суда в провинции Ориенте, выступил в защиту взятых

в плен повстанцев. За это он был отстранен от обязанностей судьи, долгое время находился в изгнании в Венесуэле и Мексике, жил в США. При вступлении в должность Урру–тиа заявил, что его режим будет «честным и демократическим», в соответствии с принципами, изложенными «освободителем Кубы Хосе Марти», распустил избранный при Батисте конгресс и Верховный суд, отметив, что его правительство будет «активно поощрять приток американского капитала в экономику Кубы»[252].

Кубинский революционный гражданский фронт, объединивший во время борьбы все оппозиционные Батисте партии, профсоюзные организации, движения, высказался за поддержку кандидатуры Уррутиа. Но все прекрасно понимали, что реальная власть на Кубе принадлежит Повстанческой армии и что политику нового правительства и решающую роль в его формировании будет определять Фидель Кастро. В Гаване «Движение 26 июля» в первые же дни нового года взяло под свой контроль все полицейские участки.

2 января Фидель выехал из Сантьяго в Баямо. Дальше его путь по стране сопровождался ликованием кубинцев, дружно высыпавших на улицы городов и сел, чтобы салютовать героям. «Я прибыл в Гавану с тремя тысячами повстанцев и двумя тысячами лучших бойцов старой армии. Это были солдаты, которые вели ожесточенные бои с нами несколько дней назад, в Гиса, Байре, Маффо и ранее на главном хребте, сейчас они были вместе с нами. Они шли со мной, управляли танками и другим вооружением.

Потребовалось восемь дней, чтобы достичь Гаваны, потому что в каждом городе нам приходилось участвовать в массовых демонстрациях и празднествах. Там можно было проехать только на танке без опасения быть раздавленным. В столице не было никаких волнений и столкновений. Но позже все праздновали победу»[253] , – вспоминал эти счастливые дни Фидель.

На самом деле это триумфальное шествие отряда «барбу–дос» было крайне изматывающим и изнурительным. Не проходило часа, чтобы Повстанческая армия не останавливалась в населенном пункте, и Фидель Кастро, надрывая уже «севшее» горло, не принимался кропотливо разъяснять народу суть революции. Кстати, по воспоминаниям очевидцев, Фидель лечил надорванное горло соком из сахарного тростника.

Завоеванию авторитета и укреплению позиций революционеров в народе Фидель Кастро придавал гораздо большее значение, чем самому факту падения старой власти. При этом ему необходимо было ежечасно находиться в контакте с новым правительством, которое начало формироваться по его

указанию в столице. Своего брата Рауля он назначил уполномоченным Повстанческой армии и революционного правительства в провинции Ориенте. Нельзя не поразиться политической интуиции и прозорливости Фиделя Кастро. Получая информацию о том, какая подковерная борьба происходит в Гаване за право войти в состав нового кабинета министров, Фидель своим распоряжением главнокомандующего Повстанческой армии на то время, пока продолжался его переход из восточной части страны в Гавану, перенес административную столицу Кубы в Сантьяго – туда, где командовал его брат. Таким образом, формирование «нового правительства» в Гаване без Кастро и его людей можно было представить как незаконное. Выступая на «Радио Ребельде», он уже успел убедить кубинцев, что на острове «командует парадом» Повстанческая армия. 4 января в провинцию Камагуэй, где в тот день находилась колонна Фиделя, поочередно доложить о положении в Гаване прибыли временный президент Уррутиа и Че Гевара. Тогда многим на Кубе, в том числе американскому послу Смиту, стало ясно, кто является настоящей властью в стране.

8 января Фидель, со словами «Кубинцы, я принес вам свободу!» триумфально вошел в Гавану. По пути к городу произошел трогательный эпизод. Проезжая мимо залива, Фидель воскликнул от изумления. У берега была пришвартована «Гранма» – соратники подняли яхту со дна и немного отремонтировали ее, чтобы сделать сюрприз своему главнокомандующему. Фидель под оглушительный рев толпы поднялся на борт яхты. А соседние фрегаты «Максимо Гомес» и «Хосе Марти» салютовали «Бабуле» из пушек.

Весь мир обошла фотография, на которой Камило Сьен–фуэгос и Фидель Кастро подъезжают на джипе к крепости Колумбия. Этот снимок сделал кубинский фотограф Луис Корда, которому принадлежит растиражированная в миллионах копий фотография Че Гевары со звездой на берете. Народ, бережно сняв Фиделя с джипа, пронес его через главный пост в крепость, где еще несколько дней назад находилась ставка диктатора.

Из поколения в поколение у кубинцев передается красивая история о том, что, когда Фидель в день приезда в Гавану произносил речь, в небе над крепостью появилась стая белых голубей. Один из пернатых «символов мира» неожиданно сел Фиделю на плечо. Все присутствующие восприняли это как счастливый знак, символизирующий правильность нового для Кубы пути. Последователи популярной на Кубе религии сантерия до сих пор расценивают этот эпизод как знамение свыше. Они убеждены, что боги взяли кубинского лидера под свое

покровительство.

Величие и благородство Фиделя проявились и в том, что он в своей речи не сказал ни одного плохого слова в адрес тех, кто потерпел поражение, ни одной фразы, которая могла бы обидеть солдат и офицеров, хоть немного ущемить их достоинство. Исключив из своего выступления воинственную риторику, он поздравил соотечественников с долго жданной и выстраданной победой и призвал их к миру, подчеркнув, что сложность стоящих перед революцией задач не оставляет кубинцам иного выхода, как неустанно трудиться.

В конце выступления Фидель спросил народ, должен ли он занять пост главнокомандующего всеми революционными силами, и, получив утвердительный ответ, заявил: «Думаю, что если мы с 12 бойцами создали армию и эти 12 человек теперь стали военачальниками, если мы научили армию, что раненых нельзя бросать на произвол судьбы, что пленных нельзя бить, то мы сможем научить все вооруженные силы республики тому, чему научили эту армию. Чтобы никто из военных никогда больше не позволил себе ударить, подвергнуть пыткам или убить пленного. Кроме того, мы сможем послужить мостом между революционерами и честными военными, которые не грабили и не убивали, потому что эти военные, которые не грабили и не убивали, будут иметь право продолжать служить в вооруженных силах. Но одновременно заверяю вас, что тех, кто убивал, ничто не спасет от расстрела»[254].

После митинга Фидель Кастро отправился на телевидение, где в программе «Перед лицом прессы» сказал о том, что главной задачей правительства должно стать проведение аграрной реформы, которая бы решила проблемы 150 тысяч семей на Кубе, имеющих участки земли, но не являющихся их хозяевами, а затем, глубоко за полночь, поехал в отель «Хилтон» (ныне – «Гавана Либре»). Эта гостиница на несколько месяцев станет штаб–квартирой Повстанческой армии и личной резиденцией Фиделя Кастро.

10 января подал в отставку посол США на Кубе Эрл Смит. В своем письме президенту США Эйзенхауэру Смит, в частности, писал: «После такого сильного правительственного потрясения, какое произошло на Кубе, искренне считаю, что лучше для интересов США на Кубе сменить посла»[255]. А 16 января Госдепартамент США поспешил выступить с заявлением, в котором говорилось, что правительство США не оказывало помощь Батисте и строго соблюдало принцип невмешательства в дела Кубы.

Одним из первых шагов командования Повстанческой армии

была ликвидация всех старых органов власти. Были упразднены батистовская армия и полиция. Повстанческая армия превратилась в Революционные вооруженные силы. Их главнокомандующим был утвержден Фидель Кастро.

Суд над бывшими пособниками диктаторского режима стал, по сути, первым серьезным испытанием для зарождающейся революционной власти. Около 500 главных военных преступников были расстреляны в январе—феврале 1959 года. Эти расстрелы нельзя рассматривать как репрессии за политические убеждения. Это было справедливое возмездие кубинского народа, который потерял 20 тысяч своих лучших сыновей за годы диктатуры. По данным частных опросов, проведенных на Кубе в январе 1959 года, 93 процента кубинского населения выступали за казни и наказания пособников Батисты[256].

При этом Фидель призывал своих сторонников не прибегать к стихийным и самовольным расправам, народным «судам Линча» в случае поимки и опознания преступников. Он, как юрист, прекрасно понимал, что малейшее нарушение законности послужит веской причиной для обвинения новых властей в негуманности, жестокости и терроре. К тому же Фидель Кастро, анализировавший опыт других революций, начиная с Великой французской конца XVIII века, знал, что главное для революционеров – удержаться от «соблазна возмездия», от жестокого кровопролития, которое, как показала история, часто приводит к «пожиранию» самой революцией «своих же детей». Один из уроков революционной и партизанской борьбы, который хорошо усвоили кубинские революционеры, состоял в том, что кровопролитие и слепая месть – удел слабых.

Когда в американской печати появились обвинения революционеров в том, что они расстреливают своих противников «налево и направо», Фидель прибег к проверенному еще в горах Сьерра–Маэстра приему. Он лично пригласил группу известных журналистов из влиятельных американских изданий, чтобы они сами убедились в правильности действий революционеров. В январе 1959 года в одном из Дворцов спорта Гаваны в присутствии 18 тысяч зрителей и десятков журналистов состоялся открытый процесс над майором Соса Бланко. За жестокость его прозвали «черным палачом провинции Ориенте». Бланко лично жестоко пытал и убил десятки противников режима Батисты. Из показаний чудом выживших жертв вырисовывалась страшная картина злодеяний как Бланко, так и батистовского режима в целом. Несколько человек в ходе слушаний, не в силах выслушать до конца жуткие свидетельства очевидцев трагедий, упали в

обморок. Публика потребовала от суда приговорить Бланко к смертной казни, ее приведение в исполнение было даже снято на пленку операторами некоторых американских телеканалов. Впоследствии западные СМИ часто сравнивали этот процесс с гладиаторскими боями времен Древнего Рима, когда публика решала судьбу проигравшего поединок[257].

Этот психологический и пропагандистский прием – спрашивать у сотен тысяч граждан «согласия» на свое решение, Фидель, взяв на вооружение в первые дни революции, мастерски использовал на протяжении десятилетий. У недругов Кастро – другое мнение на этот счет. «Сначала Кастро с трибуны разоблачает очередного врага революции, а после этого весь его пропагандистский аппарат мобилизуется на полную дискредитацию жертвы. В конце концов кубинский лидер устраивает гигантскую уличную манифестацию, нацеленную на то, чтобы заклеймить врага. Сотни тысяч, а иногда и миллионы людей срывают с мест учебы или работы, и они идут в колоннах, размахивая флажками, выкрикивая лозунги, демонстрируя неистовый революционный энтузиазм»[258], – писал бывший соратник Фиделя, а ныне известный кубинский диссидент Карлос Монтанер.

Тем не менее некоторые американские СМИ продолжали «лепить» из палачей мучеников, лишь бы досадить ненавидимому ими Кастро. Это настолько вывело из себя Кастро, что 21 января 1959 года на митинге в Гаване, впервые в истории страны собравшем около миллиона человек, среди которых было около 400 иностранных корреспондентов, он со всей страстью обрушился на фарисеев и лицемеров: «Никто в США не поднимал голоса в защиту жертв, даже когда палачи Батисты врывались в иностранные посольства, чтобы расстрелять очередную группу патриотов <…> Кампания против Кубы поднимается потому, что она хочет быть свободной». Чувствуя настроение и пульс народа, внимавшего каждому его слову, Фидель обратился к присутствующим с просьбой поднять руки, если они одобряют казнь преступников, убивших не менее пяти революционеров. Ответом были почти миллион поднятых рук. А Фидель произнес ставшие легендарными слова: «Господа представители дипломатического корпуса, господа журналисты всех стран американского континента, суд в составе миллиона кубинцев, принадлежащих к различным социальным слоям и придерживающихся различных взглядов, высказал свое мнение»[259].

На этом же митинге Фидель высказался по поводу казней. «Агентов диктатуры надо расстреливать, потому что даже в

Библии говорится, что поднявший меч от меча и погибнет. Их надо расстреливать, потому что те же люди, кто сегодня просит не расстреливать их, через три года начнут просить, чтобы их выпустили на свободу, убеждая нас, что не может быть мира без справедливости. Во имя такого „мира“ и были совершены страшные преступления. – Фидель выдержал небольшую паузу и усилил тональность своей речи. – И я хочу спросить американских конгрессменов, нападающих на нас: что совершили Соединенные Штаты в Хиросиме и Нагасаки? Во имя мира они подвергли атомной бомбардировке два города? Мы не расстреляли ни одного ребенка, ни одной женщины, а вот в Хиросиме и Нагасаки погибло 300 тысяч человек гражданского населения. Во имя чего? Утверждалось, что во имя мира, во имя того, чтобы предотвратить гибель многих американских солдат»[260].

23 января 1959 года Фидель Кастро отправился в свою первую зарубежную поездку в качестве лидера кубинской революции. Путь его лежал в Венесуэлу транзитом через Колумбию, где он пережил много волнующих и трагических минут в 1948 году. Казалось, что все жители колумбийской столицы Боготы высыпали на улицы, ведущие в аэропорт «Сьюдад Либертад» – «Город свободы», чтобы приветствовать кубинских революционеров. Первая заграничная поездка, как первая любовь. Романтичная и захватывающая. Ее назвали «визитом благодарности». Фидель приехал в Каракас поблагодарить венесуэльцев за моральную и материальную поддержку кубинской революции, а заодно и поучаствовать в торжествах по случаю годовщины свержения венесуэльского диктатора Маркоса Переса Хименеса. (В 1958 году представители всех кубинских организаций–участников вооруженной борьбы против режима Батисты встречались с целью объединения именно в Венесуэле. В сентябре того года они собрались в Каракасе и создали Гражданский революционный фронт. Именно тогда главой движения был назначен Мануэль Уррутиа.)

В январе 1959 года произошло еще одно знаменательное событие. Под давлением кубинских властей и общественности американцы были вынуждены вывести с острова свою военную миссию.

Трения между революционерами и правыми буржуазными партиями, представители которых образовали свое правительство еще до того, как Фидель ступил в Гавану 8 января, становились все сильнее. Происходило это по мере того, как Фидель больше вникал в «кабинетные дела». Правительственный кризис разрешился естественным образом, когда премьер–министр

Кардона 13 февраля 1959 года демонстративно покинул свой пост. Он подавал в отставку еще 17 января, когда заявил, что не может смириться с существованием параллельной и более авторитетной власти в лице Фиделя. Чуть позже от правительства «откололись» еще несколько колеблющихся представителей буржуазных партий. Кардона уехал в США, где стал одним из самых непримиримых противников Фиделя.

А16 февраля стало историческим днем. На пост премьер–министра Кубы был назначен Фидель Кастро, тем самым получивший возможность лично осуществить радикальные преобразования в стране. В своей программной речи при вступлении в должность Кастро сказал, что путь к обретению свободы только начинается: «Народ должен отдавать себе отчет, что путь, лежащий перед нами, труден и долог, в борьбе наши рубахи не раз взмокнут от пота, и надо об этом не только помнить, но и следить за тем, чтобы не испарился энтузиазм»[261].

Иностранные корреспонденты пытались узнать, к какой из трех групп в правительстве будет больше склоняться Фидель Кастро: к Че и Раулю, которые не скрывали своих коммунистических взглядов, к «умеренным» или к представителям правых партий националистического толка, испытывавшим антипатию к левым и социалистам. Правые и проамериканские газеты не раз намекали на то, что Че Ге–вара и Рауль Кастро являются в правительстве «главными проводниками коммунистического влияния», как бы противопоставляя их Фиделю, которого они еще не решались тронуть.

Фидель Кастро поступил так, как и положено народному лидеру. Он остался над схваткой, с головой погрузившись в сугубо управленческую и административную работу. Он не имел тогда ни личной квартиры, ни даже своего кабинета в правительстве и пользовался, когда это было необходимо, кабинетами своих соратников. Лишь через три месяца после победы, в конце марта Фидель Кастро переселился в район Сьерра–де–Кохимар в Восточной Гаване, где одним из его первых гостей стал тот самый иностранный корреспондент Герберт Мэтьюз, открывший Кастро миру. Он писал в одном из своих репортажей с послереволюционной Кубы: «Дом в Кохимаре наполнен атмосферой счастья, дружбы, открытости. Фидель явно доволен тем, что бежал из роскошных апартаментов в „Гавана–Хилтон“. Для него роскошь лишена всякой привлекательности. Он скучает по Сьерра–Маэстра, по ее лесам, деревням, зелени, духу товарищества и опасности, – все там было так просто и это так далеко сегодня». Мэтьюз, как никто другой из американцев понявший натуру Фиделя, написал удивительно точные слова о

нем в том же репортаже: «Те, кто относят Фиделя к какой–то категории, кто судит, восхваляет или осуждает его, выражают не более чем собственные страхи и надежды. Как все романтики, Фидель нарушает рамки всяких классификаций. Пока еще нет тех критериев, по которым можно было бы квалифицировать его»[262].

Легендарный разведчик и будущий советский посол на Кубе Александр Алексеев, прибывший в Гавану 1 октября 1959 года под «журналистской крышей», вспоминал: «Фидель всегда находился в движении. На автомашине, которую он нередко водил сам, на самолете или вертолете, а то и пешком, Фидель перемещался с одного места на другое и начинал беседы с народом. Внезапное появление Фиделя в том или ином населенном пункте никого не удивляло. Народ привык к его манере работы и ждал встреч с ним как большого праздника. <… > Думаю, что на Кубе нет ни одного населенного пункта, крупного предприятия или сельскохозяйственного кооператива, в котором бы не побывал Фидель. Было известно, что его рабочий день всегда кончался на рассвете»[263].

С народом Фидель разговаривал на простом, понятном рабочему и крестьянину языке, иногда для убедительности вставляя в свою речь цитаты из Библии. Без всякой вычурности объяснял, что новая власть хочет, чтобы у всех были еда, обувь, лекарства и не было «того ада, полного горя, боли и отчаяния, что раньше».

Вступив в должность премьера, Кастро начал создавать органы государственной власти. 7 февраля 1959 года Совет министров Кубы принял так называемый Основной закон, который на самом деле не являлся конституцией.

Одна из статей Закона гласила, что Куба делится на шесть провинций (областей): Пинар–дель–Рио, Гавану, Ма–тансас, Лас–Вильяс, Камагуэй, Ориенте. Эти провинции делятся в свою очередь на муниципии (районы). В общей сложности на Кубе стало 126 муниципий. Согласно Закону, судебная власть отныне должна была осуществляться Верховным судом республики, провинциальными, муниципальными и районными судами. Члены Верховного суда назначались президентом республики.

Закон определял структуру и функции временных государственных органов Республики Куба. По этому закону законодательным органом Кубы являлся Совет министров, а не конгресс, как это было раньше. Исполнительная власть отныне принадлежала президенту республики, который назначался Советом министров по представлению премьера. Становилось очевидным, что вся полнота и концентрация власти на Кубе находилась в ведении Совета министров, а конкретно премьер–

министра, пост которого и занял Фидель Кастро. Это был первый шаг на пути обретения Фиделем контроля над исполнительной и законодательной властью в стране.

Анализируя состав и первые шаги нового кабинета министров, гаванская резидентура сообщала в Москву следующее: «Правительство Кубы является действительно народным, революционным, либеральным, национальным, антиимпериалистическим правительством. Эта характеристика правительства является правильной со всех точек зрения, ибо, когда народ хотел свержения Батисты, нынешние члены кубинского правительства являлись самыми активными борцами против диктатуры Батисты. Поэтому народ выдвинул их как своих национальных героев, которые являются для него национальными героями и по настоящее время <…>

Главная характеристика правительства Кубы состоит в том, что его безраздельно поддерживает народ, причем все слои населения, начиная даже с многих богатых латифундистов, кончая рабочими и крестьянами Кубы, одни много, другие немного меньше в силу своего классового положения <…>

Но всех в настоящее время в поддержке кубинского правительства объединяет ненависть к режиму Батисты. Правительство Кастро является в настоящее время национальным правительством, реорганизованным на базе борьбы против империализма.

ОСНОВНАЯ (выделено по тексту. – *М. М.)* философия большинства членов нынешнего правительства Кубы – философия Хосе Марти, самая распространенная в настоящее время на Кубе философия, философия идеалистическая, но ярко выраженная, антиимпериалистическая <…> Основная слабость правительства Кубы и, в частности, самого Кастро состоит в том, что у него нет программы–максимум, ясной цели, какое общество они желают создать на Кубе. Нет своей законченной долгой программы. Поэтому правительству Кубы не сейчас, по мнению источника, но в недалеком будущем угрожает дезориентация, некоторые колебания, как вправо, так и влево, несознательно, но по указанным выше причинам <… > наш долг – помочь правительству Кастро и Кастро лично в этом отношении.

Правительство Кубы состоит из очень способных и умных людей. В основном все члены правительства «барбудос» – ветераны революционной борьбы против Батисты.

Фидель Кастро – 32 года, молодой, способный председатель правительства Кубы. По происхождению – сын крупного латифундиста. С юных лет, будучи студентом, боролся против коррупции в стране. «Барбудо». Ярый антиимпериалист и

антиамериканец, католик, но не убежденный, а скорее верующий, скорее по привычке. Антикоммунист, но уважает коммунистов Кубы за тот вклад, который они сделали для разгрома Батисты. Основными отрицательными качествами Кастро, влияющими на его практическую деятельность, являются его богатое происхождение, отсутствие твердых идейных убеждений (философия), дилетант в теоретических вопросах. Большим положительным качеством Кастро является его смелость в решении вопросов, энергичность, то, что он не уходит от трудных вопросов и всегда решает их в антиимпериалистическом духе.

Эрнесто Че Гевара – молодой. Директор Национального банка Кубы. «Барбудо». Не коммунист, но симпатизирует, во многом разделяет коммунистические идеи. Будучи на посту директора банка, много сделал для укрепления финансового положения в стране. Очень болен – астма в сильной форме и туберкулез <…> необходимо оказать всемерную медицинскую помощь как ценному для кубинской революции человеку»[264].

Кадровая политика Кастро была следующей: Фидель, который редко ошибался в людях, часто зная о неискренности сотрудников, никогда не кричал на проштрафившихся, не свирепствовал, избегал массовых чисток и увольнений представителей правых партий, всегда убирал неугодные ему элементы поодиночке и, как правило, под благовидным предлогом. Так он освободился от правых министров Фернандеса, Фрескета, Фаустино Переса, Ольтуски, министров Буча, Камачо, секретаря канцелярии премьера Миро Кардо–ны – Орта. Не доверяя чиновничьему аппарату бывших министерств, правительство Кастро начало создавать свои, совершенно новые для Кубы органы государственной власти, которые стали называться национальными институтами и советами. Всего было создано семь таких инстанций. Главную роль среди них стал играть Национальный институт по проведению аграрной реформы – ИНРА *(Institute national de reforma agraria),* президентом которого стал Фидель Кастро. Любопытно, что директором Института кинематографии Кубы стал Альфредо Гевара, давний друг Кастро еще с университетских времен, тот самый, с которым он ездил на студенческий конгресс в Колумбию в 1948 году, когда был убит популярный колумбийский политик Гаитан.

Фидель Кастро и его соратники рассматривали ИНРА не как простой институт, а как некий символ и опору грядущих революционных реформ. Непосредственное руководство ИНРА Фидель доверил одному из своих самых близких соратников Антонио Нуньесу Хименесу, который стал исполнительным директором института.

ИНРА создавался не только для проведения аграрной реформы. Фидель хотел, чтобы ИНРА взял под свой контроль все средства массовой информации, а в перспективе заменил собою революционное правительство переходного периода. Летом 1959 года Фидель направил Нуньеса Хименеса в командировку по странам социалистического лагеря Восточной Европы, чтобы попытаться заручиться технической поддержкой с их стороны и наметить перспективы взаимовыгодного сотрудничества. (К слову, чуть позже Хименес войдет в так называемую «революционную тройку»: только Фидель, Че и Хименес будут через несколько месяцев в курсе намечающегося многостороннего сотрудничества между Кубой и Советским Союзом. Весной 1959 года к ним присоединится Рауль Кастро, который через своих эмиссаров, вылетевших в Москву, направит маршалу Малиновскому послание с предложением о контактах армий двух стран.)

По существу ИНРА стал контролировать весь государственный сектор в сфере экономики Кубы, вне зависимости от того, являлось ли это предприятие сельскохозяйственным, промышленным или торговым. Следует отметить, что правительство Кастро проводило все свои революционные преобразования именно через подобные национальные институты, а министерствам были оставлены право канцелярского оформления дел и второстепенные вопросы.

Механизм создания новых революционных органов управления на Кубе достаточно подробно описан в сообщении советской резидентуры в Гаване в Москву, раскрывающем секрет «тактики» Фиделя в первые после революции месяцы: «…Сразу же после победы революции и после образования правительства, в которое вошли представители буржуазии и некоторые элементы „Движения 26 июля“, Кастро собрал своих старых друзей, в основном из числа членов народно–социалистической партии, и создал из них нелегальный рабочий аппарат, заявив им, что этот комитет будет являться истинным правительством, а легальное правительство будет служит лишь ширмой. В этот комитет вошли Эр–несто Гевара, А. Нуньес Хименес, А. Гевара, члены ЦК НСП (народно–социалистической партии. – *М. М.)* Карлос Рафаэль Родригес и Луис Мас Мартин. Для координации действий они негласно встречались с Фиделем и Раулем Кастро.

<…> проекты законов Ф. Кастро представлял на Совете министров от их имени и без особых дискуссий вынуждал министров одобрять их. Закон об аграрной реформе в своей основе был выработан К. Р. Родригесом и А. Нуньесом Хи–менесом, и министры узнали его содержание только на заседании

Совета министров.

Даже министр сельского хозяйства П. Мирет, человек полностью преданный Кастро, ничего не знал о тексте нового закона. Это метод работы Кастро и полное подчинение его воле министров и президента привели к недовольству правых членов правительства и заговорщической деятельности президента Уррутиа <…>» [265].

Благодаря тому, что Фидель лично «проводил» в правительстве любые законопроекты, к весне 1959 года революционный кабинет смог начать крупные радикальные преобразования в экономике. 4 марта правительство Кастро приняло закон о снижении телефонных тарифов, а 6 марта Совмин Кубы принял закон о снижении квартирной платы. Особый энтузиазм у кубинцев вызвал подписанный Фиделем Кастро закон № 112 о конфискации и передаче кубинскому народу всего имущества, незаконно присвоенного Фульхенсио Батистой. Аналогичная мера стала применяться и ко всем политикам и чиновникам, сотрудничавшим с диктаторским режимом.

Но самым важным шагом в работе нового кабинета министров стала разработка и принятие судьбоносного для Кубы Закона об аграрной реформе.

В начале деятельности нового кабинета министров Кубы к аграрной реформе существовало два подхода: либеральный, предусматривающий создание средней сельской буржуазии путем перераспределения земель, и радикальный. Фидель Кастро просто зачеркнул план, предложенный министром сельского хозяйства Умберто Сори Марином, и в итоге провел свой, радикальный, вариант. Попутно он приказал армии в целях ускорения аграрной реформы взять под контроль сотню хозяйств в провинции Камагуэй.

В результате, уже спустя полгода после свержения Батисты, к лету 1959 года революционное правительство Кастро и аграрная реформа определяли все внутриполитическое положение в стране. Революционный журнал «ИНРА» в марте 1960 года в статье об аграрной реформе на Кубе сообщал: «Решение этого вопроса предполагает принятие действительно революционных мер по радикальному преобразованию обычной социально–экономической структуры государства. Тем самым это означает фундаментальный удар, почти насилие, направленное против привилегированных каст внутренней олигархии и империализма»[266].

Первое время на стороне новых властей были и сами латифундисты, с падением прежнего «режима для избранных»

ожидавшие резкого поднятия деловой активности в стране. Те из них, кто «держал нос по ветру» и понимал, что «барбудос», получившие всемерную поддержку народа, пришли к власти не на несколько месяцев, а всерьез и надолго, бесплатно раздавали свои земли крестьянам, принимали активное участие в проведении аграрной реформы. Они полагали, что, сотрудничая с правительством Кастро, заработают позже гораздо больше, чем потеряют при раздаче земель.

Фидель Кастро сразу же дал понять, что работа над текстом закона не будет вестись в тиши правительственных кабинетов, а станет предметом публичного обсуждения. Для этих целей был создан постоянно действующий «Форум аграрной реформы», где представители различных политических партий, крестьяне, общественность высказывали свои предложения по реформированию земельного законодательства. В результате такого обсуждения соратники Фиделя учли важное пожелание людей – организовать кооперативы как базу для аграрной реформы и основу будущего экономического и социального развития Кубы. При этом правительство Фиделя решило сделать упор на четыре сельскохозяйственные отрасли: сахарный тростник, скотоводство, кофе и табак.

В чем же состояла сложность проведения реформы? Лучше об этом скажут показатели экономического «наследия», доставшегося новой власти от прежнего режима.

До революции на Кубе 28 сахарообрабатывающих предприятий располагали не менее 153 тысячами кабальерий (22,5 процента всей обрабатываемой территории страны) (1 кабальерия составляет 13,4 гектара. – *М. М.)*. 40 скотопромышленников владели 73 тысячами кабальерий (10,7 процента территории). Таким образом, третья часть всей сельскохозяйственной площади Кубы находилась в руках 68 фирм латифундистов. Это составляло 10 процентов всей территории Кубы и 53 процента земель, годных для обработки. Около 50 процентов земель вообще были целинными. Куба производила 5,5 миллиона тонн сахара. Из 161 сахарного завода – 120 было кубинских, 36 американских, 3 испанских, 1 французский[267]. Но эти 120 кубинских заводов были небольшими в сравнении с 36 американскими, которые производили 40 процентов кубинского сахара.

Сахар на Кубе рубили всего два–три месяца в году. Это означало, что три четверти года его рубщики были безработными. А ведь речь шла о внушительном количестве мужчин – 700 тысячах человек, 25 процентов всех кубинских рабочих! Всего же уровень безработицы среди трудоспособного населения на Кубе в

годы правления Батисты составлял 40 процентов.

Сельскохозяйственная перепись 1945 года показала, что 63,7 процента лиц, обрабатывающих землю, не владели ею. А 67,7 процента людей, обрабатывающих менее двух кабаль–ерий, были простыми колонами, арендаторами, издольщиками, батраками[268].

Но дело даже не в статистических показателях. Цифры просто дают представление о том, что земля на Кубе была сконцентрирована в руках небольшой группы людей, в основном – сахаропромышленников и скотоводов, чей бизнес был в подавляющем большинстве «завязан» на Соединенные Штаты. В своем большинстве крупные латифундисты даже не жили на территории Кубы. Головные офисы их компаний в основном находились в Нью–Йорке. На кубинских плантациях трудились местные наемные рабочие, чей дневной заработок не превышал 50 сентаво. Кроме того, крупные землевладельцы сдавали их в аренду мелким арендаторам, при этом забирая до 70 процентов их доходов. При существовавшей системе аренды часто арендатор – колон оказывался в положении вечного должника латифундиста. Но самое трагичное для кубинской экономики дореволюционного периода, как экономики де–юре самостоятельного государства, состояло в том, что она была серьезно деформирована и ориентирована только на одну отрасль – производство сахара.

Подобное происходило, например, и в Венесуэле, вся экономика которой была «завязана» на нефть, и во многих странах Латинской Америки, которые фактически занимались выращиванием бананов на экспорт. К слову о пресловутых бананах. Ситуация с ними на кубинском продуктовом рынке и вовсе была абсурдной. Кубинские бананы по низкой цене вывозились в США компанией «Юнайтед фрут», а кубинцам на продовольственных рынках продавались бананы из Гватемалы, которые привозились оттуда этой же компанией по цене в три раза дороже кубинских!

В результате Куба в середине XX века превратилась в страну, производящую только одну культуру и импортирующую из США все продукты потребления. Если во времена господства на острове испанцев, знающих толк в мясе, на Кубе неплохо развивалось животноводство, то при новых хозяевах Куба более 70 процентов говядины закупала в США. Там же закупалось почти 60 процентов зерновых культур.

Американцам удалось добиться концентрации капиталов в сахарной промышленности и экономического господства на внутреннем кубинском рынке. Их интересовало только одно – как

выжать из Кубы больше сахара. При этом они разбаловали местных плантаторов и промышленников одним нехитрым способом. Сахар, произведенный на Кубе, закупался американскими компаниями по ценам выше мировых. Американцы покупали фунт сахара за 5 центов в отличие от 3 центов его мировой рыночной цены. Местным производителям правительство США доплачивало от 30 до 80 центов за каждые 100 фунтов сахара. Выращивать другие сельскохозяйственные культуры, вкладывать деньги в затратное промышленное производство, таким образом, становилось делом невыгодным, когда «сахарные деньги» сами плыли в карман местных бизнесменов.

Наиболее характерной чертой экономического вторжения американцев на Кубу был целый вал капиталовложений, которые уже сами по себе были неспособны вызвать экономическое развитие страны. Общие американские капиталовложения на Кубе в 1958 году составляли миллиард долларов (примерно 4—5 миллиардов долларов по нынешним оценкам. – *М. М.)*.

Куба почти полностью зависела от США не только в сфере экономики. В своей книге об Эрнесто Че Геваре легендарный советский разведчик Иосиф Григулевич писал под псевдонимом Лаврецкий, что «обеспеченный кубинец был одет в американский костюм, носил американские ботинки, шляпу, рубашки, галстуки, ел американские консервы, пил американские соки и спиртные напитки, спал на американском матрасе, смотрел американское телевидение по американскому телевизору, разъезжал в американских автомашинах, кубинские поля обрабатывались американскими тракторами, которые, как и автомашины, питались американским бензином, даже книги кубинец читал в основном американских авторов. Возникал невольно вопрос: если все это американское у него отобрать, если США перестанут покупать его сахар и продавать ему нефть, ширпотреб и прочие товары, выдюжит ли кубинец, сможет он восполнить образовавшийся вакуум всеми нужными ему товарами? И особенно если иметь в виду, что следует обеспечить товарами всех трудящихся, а не только горстку привилегированных эксплуататоров, как это было при старом режиме; что надо выстроить необходимое жилье, школы, больницы, ясли и сделать тысячу других маленьких и больших дел…»[269].

Кроме этого, США поддерживали на Кубе старую, еще с колониальных времен, испанскую таможенную систему, ту, при которой несколько веков местные товары почти задаром уходили за границу, для нужд королевского двора. Эта таможенная система характеризовалась таким низким уровнем пошлин, что

делала почти невозможным развитие местной промышленности. Вдобавок к 1959 году импорт из США составлял 71,4 процента всего импорта Кубы. Только на закупку продовольствия Куба тратила до 180 миллионов песо ежегодно.

В соответствии с оценками, проведенными уже революционным правительством, запасы нефти на Кубе доходили до 250 миллионов тонн. Американские компании, которые закупили богатые нефтью территории, не вели бурений на них, не вкладывали капиталы для того, чтобы добывать там нефть. Запасы железной руды на Кубе оценивались в 3,5 миллиарда тонн (26 процентов – латиноамериканских запасов и 5,2 процента мировых). Несмотря на это, Куба не имела собственной металлургической промышленности. США рассматривали ее исключительно как поставщика сырья – ежегодно с Кубы США вывозили 100 тонн руды. 40 процентов меди (4–е место в Латинской Америке) импортировалось в США.

Вдобавок с падением режима Батисты резко осложнилось финансовое положение революционной Кубы. Неблагополучная ситуация с валютными запасами объяснялась пассивным платежным балансом, который составил в 1959 году 50 миллионов долларов. Это произошло вследствие вывоза из страны наличных денег как иностранными компаниями, так и сторонниками режима Батисты, бежавшими со своими накоплениями, а также почти полным прекращением туризма и свертыванием развлекательной отрасли. Американские туристы, приезжавшие на Кубу, обычно оставляли там ежегодно несколько десятков миллионов долларов. А каким количеством денег швырялась мафия? Можно вспомнить один из эпизодов из знаменитой гангстерской саги «Крестный отец», когда дон Корлеоне за ночь «оставил» в одном из казино Гаваны миллион долларов! Это как раз тот случай, когда художественный вымысел недалек от исторической правды.

По заявлению революционного правительства Кубы, «если бы режим диктатуры продержался бы еще три месяца, кубинское песо, которое котировалось наряду с долларом, было бы девальвировано»[270].

В связи с этим правительство Кастро было вынуждено ввести строгий контроль над обменом валюты, чтобы приостановить утечку долларов и золотых запасов с Кубы, создать Национальный банк и поставить во главе его проверенного бойца революции Эрнесто Че Гевару. Одновременно Че стал неофициальным ответственным в правительстве за все вопросы экономики, финансов и торговли страны. Именно ему принадлежала инициатива вывода экономики Кубы из–под

влияния США и ориентации ее на страны социалистического лагеря.

В первые месяцы 1959 года Фидель поручил Че заняться индустриализацией страны и направил его со специальной экономической миссией в страны Азии и Африки. Че Гева–ра посетил Объединенную Арабскую Республику (ОАР), Югославию, Индию, Японию и по возвращении возглавил в ИНРА департамент индустриализации, фактически подчиняясь только Фиделю Кастро. Именно Фидель с Че определяли экономическую политику новой Кубы.

В сообщении резидентуры в Москву глава Национального банка Кубы характеризовался следующим образом: «Гевара, не являясь формально членом НСП, полностью стоит на наших позициях и только в силу того, что американская и контрреволюционная пропаганда направляет против него главный удар как против „коммуниста“ и „иностранца“, Ге–вара был часто вынужден лавировать и часто делать заявления, не всегда соответствующие линии партии. Гевара с большим интересом следит за марксистской литературой и знает основные произведения классиков марксизма.

Является одним из самых непримиримых и последовательных антиимпериалистов в кубинском правительстве и считает, что единственным для завоевания полной независимости Кубы является социалистический путь.

<…> Гевара является одним из самых скромных и самоотверженных деятелей кубинской революции. Лишен какого бы то ни было честолюбия, противник всякого протокола и дипломатических условностей.

Несмотря на свою хроническую и тяжелую болезнь (аллергическая астма в тяжелой форме с двухлетнего возраста и туберкулез, который излечен в 1959 году), Гевара ни на один день не прерывал своей деятельности. Его рабочий день, как правило, начинается в 11 часов утра и заканчивается в 5—6 часов утра. В качестве секретаря у него работает Алейда Марч, участвовавшая в партизанской борьбе и разделяющая его взгляды.

Гевара является одной из самых легендарных фигур кубинской революции и пользуется огромным авторитетом у кубинского народа и особенно в армии.

<… > Из черт его личного характера необходимо отметить его большую иронию, а иногда сарказм, по отношению к своим собеседникам. Те, кто хорошо не знают Гевару, часто уходят после беседы с ним в недоумении. Его любимым методом в разговорах с людьми является метод противоречий. Он часто защищает то, что собеседником опровергается, и опровергает то,

что собеседником защищается»[271].

В соответствии с Законом об аграрной реформе от 17 мая 1959 года подавляющее большинство кубинских латифундий было национализировано, а земля передана батракам и крестьянам государством в бессрочное и бесплатное пользование.

Каждая крестьянская семья получила так называемый «жизненный минимум» земли в размере около 27 гектаров – это количество было своего рода «нижним пределом». В зависимости от количества членов семьи и качества земли государство могло выделить семье больший надел. Также крестьяне могли купить дополнительный надел земли, но его общая площадь не должна была превышать 67 гектаров. На Кубе полностью ликвидировалось иностранное землевладение, а прежним владельцам выплачивалась компенсация облигациями государственного казначейства со сроком погашения в течение 20 лет с 4,5 процента годовых.

Любопытно, что этот закон был утвержден в горах Сьер–ра–Маэстра. Инициатива поехать в «колыбель революции» всем членам правительства принадлежала Фиделю, для которого символичным было подписать закон в отсталой сельскохозяйственной глубинке, в присутствии крестьян, для которых он предназначался. Это был старый штаб Фиделя в местечке Ла–Плата. Чиновники обомлели, когда увидели простую избушку крестьянина по фамилии Сантаклеро. Фидель попросил хозяина дома приготовить для гостей завтрак. Спустя несколько минут тот принес несколько куриных яиц и сказал: «Берите, команданте. Эти яйца от тех же кур, от которых я приносил вам яйца во время войны». Селия Санчес тут же ушла готовить яичницу для Фиделя…

В качестве трибуны для выступления предназначалась грубо отесанная доска на одной «ноге». На таком столе еле умещались листки бумаги! В этой обстановке и был подписан закон, который, как показала история, имел определяющее значение для кубинской революции. Выступление Фиделя, как в старые добрые времена, передавалось по «Радио Ребельде».

Кубинское сельское хозяйство до революции развивалось по так называемому «прусскому пути» – для сбора урожая использовался труд огромного числа батраков. Поэтому кубинская революция, наряду с множеством чисто экономических сложностей, столкнулась и с весьма существенной психологической преградой. У основной массы кубинских подневольных сельскохозяйственных рабочих не было самого главного – тяги, крестьянской привязанности к земле, своеобразного «ощущения земли». Они рассматривали ее не как

кормилицу, а как обременительное средство для получения скудного заработка в денежном исчислении.

Кроме того, бедняки были настолько отсталыми и забитыми, что иногда просто не понимали, о чем идет речь. А. Нуньес Хименес вспоминал один забавный эпизод, когда

Фидель Кастро в разговоре с одним бедняком сказал, что вскоре болотистые местности будут осушены и в перспективе район будет производить рис. Бедняк снял шляпу, почесал затылок и спросил у Фиделя: «Это очень хорошо, только скажите, пожалуйста, а эту перспективу можно отваривать с рисом, как фасоль?»[272]

Фидель Кастро требовал от соратников и последователей не «просто отмерять участки аршином», а проводить кропотливую пропагандистскую работу, убеждая крестьян, что от того, как они распорядятся землей, теперь реально зависит их будущее. Этим в решающей степени объясняется тот факт, что развитие аграрной реформы на Кубе пошло по пути создания кооперативов, которые, по сути, являлись государственными хозяйствами, в которых состояли бывшие батраки и сельскохозяйственные рабочие латифундистов. Иногда, в случае нехватки рабочей силы, в кооператив вступали безработные из близлежащих городов и поселков. Это были так называемые «кооперативы ИНРА». Как правило, они создавались в крупных латифундиях, представлявших собой уже сложившийся производственный комплекс.

Во главе каждого такого кооператива стоял администратор (управляющий) ИНРА, который, в духе революционных времен, был либо представителем Повстанческой армии или гражданским лицом, разбирающимся в вопросах сельского хозяйства. Понятно, что последних было не так уж много. При администраторе существовал совещательный орган из членов кооператива. Земля передавалась крестьянам в бесплатное пользование, однако кооператив не мог передать этот участок какому–либо другому кооперативу и тем более продать его.

Специфика кубинского сельского хозяйства тех лет состояла в том, что каждый кооператив занимался выращиванием только одной культуры: помимо сахара, это были томаты, бананы, рис, цитрусовые, которые шли на продажу населению. ИНРА в корне изменил характер торговли на селе. Он имел право закупать продукты питания за границей и через систему так называемых народных магазинов непосредственно продавать эти товары крестьянам. В каждом кооперативе существовал свой народный магазин. Эта мера привела к ликвидации большого количества посредников, в результате чего продукты питания

предоставлялись членам кооператива по низким государственным ценам, которые были в два раза меньше рыночных.

Примечательно, что в тогдашних кубинских кооперативах не было четко фиксированного рабочего дня, а на работу выходило все трудоспособное население деревни. У крестьян на первых порах порою не было денег, чтобы приобрести продукты питания. И они выкручивались как могли. В одном из хозяйств крестьяне нашли такой способ зарабатывать деньги: вылавливали в окрестных болотах крокодилов и продавали их кожу. Вырученные деньги вносили в фонд аграрной реформы. Узнав об этом, Фидель улыбнулся и произнес: «Даже крокодилы на Кубе вносят свой вклад в аграрную реформу!» [273]

Под руководством Фиделя Кастро был разработан широкомасштабный план помощи деревне. Государство оказывало кооперативам ИНРА огромную поддержку. При помощи военных строило дома и продавало их крестьянам за символическую плату в рассрочку, без процентов. Только в 1959 году правительство Кастро построило около 10 тысяч квартир, что было значительно больше построенного за семь лет пребывания у власти Батисты!

Кооперативам предоставлялись кредиты на льготных условиях, а государство гарантировало полную закупку урожая по довольно высоким ценам, в сравнении с теми, что существовали при батистовском режиме. При этом Фидель специально распорядился, чтобы три процента от доходов таких сельских хозяйств отчислялось государству.

Помимо этих государственных кооперативов на Кубе появилось несколько десятков так называемых «крестьянских» – классических кооперативов, объединявших бывших арендаторов, издольщиков. В собственности у члена такого кооператива оставались дом, небольшой участок земли, корова, куры. Распределение доходов среди членов кооператива происходило в рассрочку в соответствии с затраченным трудом.

На Кубе были созданы также потребительские кооперативы (по вопросам поставок сырья и оптовых закупок), транспортные и так называемые «кооперативы по продаже». Фидель задумал операцию «Корова», незатейливый смысл которой состоял в том, что городское население – рабочие и служащие вносили определенную сумму для покупки крупного рогатого скота для нужд сельских кооперативов.

Таким образом, политика правительства Фиделя Кастро состояла в том, чтобы увлечь, всячески заинтересовать крестьянина работой, привить ему чувство привязанности к земле. Фидель прекрасно понимал, что на этапе становления

кубинского сельского хозяйства невозможно избежать изъянов. Деревне остро не хватало грамотных руководителей, но гораздо более серьезной проблемой было то, что крестьяне, привыкшие батрачить из года в год от рассвета до заката, вначале не поверили своему счастью, попросту не знали, что им делать. К тому же они не были осведомлены о своих правах и обязанностях. Поэтому еще одной важной задачей было не допустить перегибов при проведении аграрной реформы.

Важным подспорьем в этом служила и просветительская работа. В тот период Фидель Кастро почти ежедневно выступал перед народом: на митингах, по радио или телевидению. Он появлялся то в одном, то в другом уголке страны и разъяснял непросвещенным людям суть новых преобразований. Большая часть населения была безграмотной, а пресса в первый год революции была в большинстве своем враждебна новому правительству, так что речи Кастро были главным средством убеждения кубинцев в правильности начатого дела. Он требовал, чтобы его соратники тоже при любой возможности, на улицах, предприятиях, в домах разъясняли суть реформы.

«Фидель покорял всех своей убежденностью в правоте революционных свершений. Он так полюбился кубинцам, что у входа почти в каждый подъезд и каждый дом висела табличка: „Фидель – это твой дом!“ За 8 лет работы на Кубе, да и позднее, у меня были с Фиделем сотни встреч, – вспоминал Александр Иванович Алексеев. – Каждая беседа с ним открывала новые черты этого глубоко интеллигентного и постоянно беспокоящегося за судьбы простых людей человека. Глубина знания проблем, неотразимая логика в суждениях, политическая и человеческая честность, нетерпимость к любой фальши и редчайшая скромность были и остаются характерными чертами этого незаурядного человека. Личность Фиделя Кастро притягивает к себе людей как огромный магнит и никого не оставляет равнодушным»[274] .

Фидель Кастро стал вести на национальном телевидении свою еженедельную двухчасовую программу. Обычно вечером в пятницу он разъяснял кубинцам суть действий правительства. Посмотреть на Фиделя к счастливым обладателям телевизоров собирались едва ли не все соседи. Часто телевизор выносился на улицу, и тогда аудитория исчислялась уже десятками человек. Как правило, Кастро не укладывался в отведенные программе два часа, и передача затягивалась далеко за полночь. Утром в субботу, которая также была рабочим днем, рабочие и служащие Кубы выглядели вялыми и сонными. Этому было простое объяснение: они ложились спать в 2—3 часа ночи, лишь после

того, как Фидель Кастро закончит выступать по телевидению.

«В кафе, ресторанах, в мастерских и на фабриках, просто у окон на улицах перед телевизорами собирались толпы людей, которые жадно, с глубоким вниманием слушали доходчивые, всегда логичные и вместе с тем эмоциональные речи Фиделя. Не припомню случая, а я слушал все речи вместе с простыми кубинцами, чтобы кто–нибудь остался равнодушным, наоборот, люди всегда сожалели, что они кончались, – вспоминал Александр Алексеев. – Затрагиваемые вопросы касались каждого слушателя, так как Фидель говорил не отвлеченно, а на темы, близкие каждому. В его речах меня, как и всех слушателей, поражали логика и глубина анализа событий. Фидель Кастро всегда общался с народом, чувствовал его пульс, знал проблемы, которые его волнуют, и оперативно откликался на них. Фидель никогда не выступал по написанному тексту и не пользовался никакими конспектами, тем не менее его речи всегда были последовательны и стройны. Они произносились экспромтом, но им всегда предшествовала огромная работа по осмыслению и проверке правильности выдвигаемых тезисов в предварительных беседах с сотнями людей. Мне известны десятки случаев, когда Фидель в беседах развивал определенные волнующие его мысли, наблюдал за реакцией собеседника, а потом, через некоторое время я слышал в его речах изложение тех же самых мыслей, но более отшлифованных, с учетом мнений многих своих собеседников»[275].

Советская резидентура информировала Москву об образе жизни, распорядке дня и организации работы революционного правительства: «Неписаное правило, которого придерживались все революционеры на Кубе, – запрет для военнослужащих употреблять спиртные напитки <…> Сам Фидель с большим удовольствием пьет молоко, чем спиртные напитки <… > Они совершенно не требовательны к пище, могут целыми днями работать, забывают об обеде. Сам Фидель признавался, что он последний раз спал 8 часов в сутки во время боев в Сьерра–Маэстра. После же победы революции ему не приходилось спать больше 4—5 часов в сутки. Нерегулярный, перенапряженный характер работы сказывается на здоровье руководителей правительства. Так, например, у Че, который давно болен астмой, наступило обострение процесса. К этому надо добавить, что все ближайшие соратники Фиделя Кастро очень много курят и главным образом сигары. Первой заботой их адьютантов является обычно не пища, а обеспечение сигарами, табаком <…> бывали случаи, когда члены правительства спали просто на полу, прикрывшись солдатскими одеялами <…> Лидеры революции

стараются максимально снизить расходы на содержание правительственного аппарата. Если раньше Батиста получал оклад размером в 10 тысяч долларов в месяц, то оклад Фиделя Кастро составляет всего 2 тысячи долларов <…>

Правительство упразднило специальные номерные знаки для правительственных машин, запретило пользоваться сиренами и т. д. Члены правительства обязаны выполнять правила уличного движения так же, как и простые граждане Кубы. По существу в настоящее время на Кубе не существует уже старых протокольных порядков. Все члены правительства сами водят машины (в начале февраля 1960 года Че Гевара, не имевший достаточно опыта в управлении автомобилем, разбил свою машину на улице Гаваны и благодаря случайности отделался небольшими ушибами). Куда бы ни приезжали члены правительства, и особенно сам Фидель Кастро, их непременно окружает густая толпа кубинцев, через которую трудно бывает пробиться. Охране, сопровождающей их, запрещается, как правило, отталкивать народ, поэтому обычно Фиделю приходится пожать несколько сотен рук, прежде чем он доберется до места назначения <…> Где бы ни пролегал их маршрут, они обязательно заедут во все близлежащие кооперативы, школы, предприятия, чтобы взглянуть на то, как идут дела, перекинуться парой слов с руководителями, рабочими»[276].

Кстати, во время аварии с участием Че Гевары, в машине с которым, надо же такому случиться, ехал А. Алексеев, произошел любопытный эпизод. Когда Че стукнул ехавшую перед ним машину, ее шофер, темпераментный кубинец, выйдя из своего автомобиля, прошелся по «виновнику торжества» бранными словами. Но, увидев перед собой Че Ге–вару, тут же поменялся в лице и воскликнул: «Че, команданте, какая честь, что ваша машина столкнулась с моей!» Водитель сразу забыл об инциденте и клялся, что не будет выправлять вмятину и сохранит ее как дорогое воспоминание о своей личной встрече с Че Геварой[277].

На Кастро и его сторонников, покусившихся не просто на устои ведения сельского хозяйства, а на весь уклад жизни на Кубе, ополчились и американцы, и прежние кубинские хозяева жизни, и почти все средства массовой информации в стране и за рубежом, и многие из членов нового кабинета министров. Тем более что правительство Кубы к лету 1959 года конфисковало всю собственность бывших военных преступников и сторонников Батисты. У самого диктатора были заморожены и изъяты банковские вклады на 9 миллионов долларов – внушительную сумму по тем временам. (Но это, повторимся, была лишь малая часть прикарманенных Батистой за время своего правления

средств. В 1952 году, когда Батиста, в результате переворота, пришел к власти, Куба держала на сохранении в Форт–Ноксе в Соединенных Штатах 500 миллионов долларов в золотых слитках и монетах. Батиста во время пребывания у власти изъял эти резервы и почти полностью использовал их в личных целях.) Правда, следует заметить, что ни у одной из семей, принадлежавших к крупной буржуазии, пока они проживали на Кубе после революции, власти не отнимали ни домов, ни денег, хранившихся в банках. В первом полугодии 1959 года американцы так же вольготно, как и раньше, чувствовали себя на Кубе. «Внешне 1959 год мало чем отличался от предшествующего периода, – вспоминал Александр Алексеев. – Гавана была наводнена американскими туристами. Работали в полную силу казино, кабаре и всякие ночные клубы, еще не началось бегство буржуазии в Соединенные Штаты, хотя предгрозовые тучи уже скапливались»[278].

В апреле 1959 года случилось знаковое событие, которое заслуживает подробного рассказа о нем. Речь идет о первой поездке Фиделя Кастро в Соединенные Штаты в качестве главы революционного правительства. Как показали последующие события, именно эта поездка расставила акценты в официальных кубино–американских отношениях, которые за почти полвека противостояния стали напоминать непрекращающийся сериал. Американцев, не признающих иной модели построения мира, кроме той, что делается по их лекалам, раздражает то, что крошечная Куба, фактически их бывшая колония, не просто не идет в их фарватере, а позволила себе бросить вызов Вашингтону.

По так называемой давней «антильской традиции» новые кубинские президенты свою первую заграничную поездку совершали именно в Соединенные Штаты. Ехали они туда «на поклон», чтобы получать негласное благословение северного соседа, а также получить официальную «политическую крышу» и экономическую помощь. Фидель сразу же дал понять, что он – исключение из правил. Он запретил своему окружению, сопровождавшему его в поездке, вообще заводить разговоры с американцами о какой–либо поддержке.

Вместе с тем Фидель хорошо понимал, что сразу освободиться от экономической зависимости от Соединенных Штатов не удастся, и поэтому желал установить доброжелательные, прежде всего равноправные и взаимовыгодные торговые отношения с США. Он намеревался воспользоваться противоречиями, существовавшими между некоторыми американскими промышленниками в оценке происходящего на Кубе. Хотя на тот момент главной и острейшей

необходимостью Кубы были кредиты.

Сейчас, по прошествии лет, ясно, что данный визит стал поворотным в развитии американо–кубинских отношений. Можно долго рассуждать на тему, а что было бы, если Фидель и американские официальные лица относились бы, так сказать, «помягче» друг к другу. Авось бы срослось, может быть, и не враждовали? Но история, как известно, не терпит сослагательных наклонений.

Некоторые авторы утверждают, что Соединенные Штаты «шли навстречу Фиделю», а тот уже якобы смотрел в сторону Москвы[279]. Но правда состоит в том, что официальный Вашингтон попросту не мог представить Кубу свободной и независимой от себя.

Кастро сознательно приехал в Вашингтон не по официальной линии. Его визит был частным, по персональному приглашению «Американской гильдии издателей». И это, без сомнения, было беспрецедентным событием. Руфо Лопес Фреске, министр финансов революционного правительства, был одним из членов кубинской делегации. В своих мемуарах, после того как он в начале 1960–х годов был лишен государственных должностей и отправлен в ссылку, Фреске вспоминал слова Фиделя Кастро, сказанные соратникам накануне визита в Америку: «Я не хочу, чтобы эта поездка походила на визиты других латиноамериканских правителей, которые приезжают в США, чтобы клянчить деньги. Я хочу, чтобы эта поездка прошла под знаком доброй воли»[280].

Тут необходимо сделать небольшое отступление, чтобы понять, на каком фоне проходил визит революционного лидера в Соединенные Штаты и какова была реакция американцев на события на Кубе в первые послереволюционные месяцы 1959 года.

Некоторые представители американской элиты по–прежнему питали иллюзии по поводу того, что сын богатого и уважаемого латифундиста, блестяще зарекомендовавший себя как адвокат, снимет боевой оливковый френч, наденет цивильный костюм и галстук и, наконец–то, сядет за стол переговоров с американцами.

Но в Белом доме и Госдепартаменте царили совсем другие настроения. Там со всей ответственностью отнеслись к заявлениям революционеров о том, что они «пришли на Кубу всерьез и надолго». И хотя свержение диктатуры Батисты не явилось неожиданностью для американцев, оно вызвало серьезное беспокойство среди правящих кругов США и, в большей степени, в могущественном кубинском бизнес–лобби Соединенных Штатов. Они опасались, что развитие событий на Кубе может

принять неблагоприятный для них характер в случае решительного выступления широких народных масс в защиту революции.

Демонстрируя способность применить вооруженную силу для защиты своих интересов на Кубе, правительство США еще в январе 1959 года направило к ее берегам три миноносца и две подводные лодки, а также привело в боевую готовность военно–морские базы в Гуантанамо на Кубе и в местечке Ки–Уэст в штате Флорида. А член конгресса США, ярый антикоммунист Фултон даже призвал министерство обороны и Госдепартамент США послать на Кубу парашютистов, если кубинские повстанцы начнут захватывать собственность США[281].

Соединенные Штаты все же признали революционное правительство Кубы спустя неделю после победы повстанцев, 7 января 1959 года. К тому же опасений у Вашингтона не вызвало назначение Фиделем Кастро доктора Мануэля Уррутиа до момента проведения «свободных выборов на Кубе» временным президентом Кубы. В Белом доме были осведомлены о том, что это назначение является своего рода компромиссом между различными политическими группировками, участвовавшими в свержении Батисты. И этот вариант в условиях свершившейся революции был вполне приемлем для американцев. Уррутиа, который некоторое время жил в США, был известен своими проамериканскими взглядами и выражал интересы мелкой и средней буржуазии.

Более того, первые заявления уже самого Фиделя Кастро не таили особых угроз для официального Вашингтона. Фидель ясно давал понять, что не хочет конфликта и, образно говоря, «какой бы то ни было» войны с американцами. В частности, придя к власти, он перестал упоминать о краеугольном камне своей политической программы 1953 года из речи «История меня оправдает» на судебном процессе – о национализации предприятий, принадлежавших на Кубе иностранному капиталу. Во время борьбы повстанцев и в первые месяцы после революции он говорил, что намерен уважать интересы американских монополий на Кубе и что не собирается осуществлять «идеи национализации», которые могли бы вызвать «антагонистические противоречия в его стране». Кастро обещал соблюдать все международные обязательства Кубы и соглашения с США.

С такими заявлениями он собирался выступить и в ходе своего неофициального североамериканского визита. По замыслу Фиделя Кастро, его первый визит в США в качестве премьера революционного правительства Кубы должен был продемонстрировать не только независимость новой Кубы от

Соединенных Штатов, но и добрую волю кубинских революционеров, показать, что они настроены не на конфронтацию, а на деловое сотрудничество с США.

Тем временем встречи и консультации американских политиков и чиновников в Белом доме накануне приезда «бар–будос» следовали одна за другой. Там были уверены, что хочет того или нет сам Фидель, но он не может считаться «простым и анонимным путешественником», приехавшим в США для решения каких–то личных дел. Он – лидер революционного правительства, которое должно быть заинтересовано в установлении дипломатических отношений с Соединенными Штатами.

К тому же американцы прекрасно понимали, что поездка Фиделя Кастро выходит за рамки протокола. Он стал одним из самых значимых символов современности, чье имя произносилось с восхищением на всех континентах и на всех языках и рассказы о боевых подвигах которого уже достигли даже «одноэтажной Америки».

Следовательно, не могли они пройти и мимо вопроса обеспечения личной безопасности кубинского лидера. Тем более что существовал реальный повод для беспокойства. Радикальные кубинские элементы и военные преступники, получавшие жалованье от диктатора Батисты и укрывшиеся на североамериканской территории, преимущественно во Флориде, развлекались тем, что накануне поездки размахивали плакатами фривольного содержания с угрозами в адрес Фиделя и его соратников. Американским спецслужбам стало известно, что при содействии сотрудников аппарата доминиканского диктатора Рафаэля Леонидаса Трухильо беглецы с революционного острова вынашивают планы физического устранения Фиделя Кастро во время его поездки в Америку. В случае убийства команданте эн хэфэ на территории США ответственность за это деяние неизбежно легла бы на американские верховные власти.

Кубинская делегация отправилась в США в среду 15 апреля 1959 года из гаванского аэропорта, откуда тремя месяцами ранее она вылетала в Венесуэлу. Фидель прибыл в аэропорт в пять часов вечера и сделал короткие заявления для прессы прямо у трапа самолета: «Предстоящий визит в США – продолжение нашей „Операции Правда“, которая имеет своей целью защиту революции от нападок и клеветы». Североамериканская часть «Операции Правда», в ходе которой Фидель должен был посетить шесть городов северо–востока США, а затем и Канады, задумывалась как возможность донести всю правду о кубинской революции и, тем самым, развенчать слухи, которые, благодаря местной прессе, ходили в Соединенных Штатах о

революционерах.

Вместе с Фиделем Кастро на борт самолета поднялись его соратники: Селия Санчес, Регино Ботти, Кончита Фернандес и Хуан Кастинейрас. Самолет «Британия» компании «Кубана авиасьон» отправился из Гаваны в 17.29 и уже в девять вечера по местному времени приземлился в аэропорту Нью–Йорка. Едва Кастро начал спускаться по трапу, как его встретил восторженный крик: «Фидель! Фидель!» Сотни кубинцев и латиноамериканцев, живших в США, прибыли в аэропорт, чтобы поприветствовать революционеров. Коротко поприветствовав кубинских послов в США и ООН, Фидель лихо перемахнул через небольшое ограждение и направился к ждущим его людям. Этим он привел в немалое замешательство сотрудников местных служб безопасности, привыкших к тому, что политические лидеры предпочитают отгораживаться от народа. К тому же в этой неконтролируемой толпе вполне мог находиться кто–то из врагов Фиделя.

Местные журналисты стали настаивать на том, чтобы Кастро высказался по существу злободневных проблем, прежде всего о будущем кубино–американских отношений. Фидель отказался отвечать на вопросы политического содержания и только пояснил, что прибыл в Соединенные Штаты с миссией доброй воли. «Не могу больше, протокол, то, чем я не могу пренебречь. Приветствий достаточно на сегодня! Честное слово, труднее приземлиться в США, чем высадиться на Кубе с „Гранмы“»[282], – улыбнулся Фидель.

На следующий день он уже давал интервью местному радио. На вопрос: «Какова цель вашего визита в США?» он, ничуть не смутившись, ответил: «Вы привыкли видеть, как приезжающие в Америку представители других правительств обращаются с различными просьбами. Я здесь не для этого. Я приехал, чтобы наладить взаимоотношения кубинцев с американцами. Мы нуждаемся в улучшении отношений между Кубой и США»[283].

В полдень 16 апреля у Фиделя была намечена встреча в отеле «Статлер Хилтон» с госсекретарем США Кристианом Гертером. Благодаря журналистам, разнесшим весть о визите «доброй воли» кубинского лидера, под окнами гостиницы собралась толпа, ничуть не уступавшая по численности той, что скандировала имя Фиделя в аэропорту. И лишь с десяток приверженцев Фульхенсио Батисты жалко смотрелись в сторонке, держа в руках плакаты и стенды с выпадами в адрес Фиделя Кастро. Некоторые из них на условиях анонимности позже признались журналистам, что их акция была оплачена. «Кто заказчик? – спросили репортеры. – Кто ваш патрон?» «Трухильо», – последовал ответ. «Каков тариф?» –

«17 долларов в час»[284] (около 70 долларов в нынешнем эквиваленте. – *М. М.)*.

Сама встреча Кастро с чиновниками Госдепартамента не вышла за рамки обычного протокола. Короткое чаепитие, обмен стандартными фразами. Лед в отношениях не растапливался, между собеседниками стояла стена взаимного недоверия. Кастро сказал Гертеру о желании революционного правительства Кубы улучшать отношения с Соединенными Штатами и подчеркнул, что приехал в США не для того, чтобы просить займы. В конце беседы произошел интересный эпизод. К Фиделю Кастро подошел один из чиновников и представился: «Я Уильям Уилланд, шеф Карибского отдела Госдепартамента США. Доктор Кастро, я тот человек, который занимается делами Кубы». Кастро лукаво улыбнулся, грамотно, по Станиславскому, выдержал паузу и сразил окружающих всего лишь одной фразой: «Простите, но тот, кто занимается проблемами Кубы, – это я!»[285]

К вечеру Фидель напрочь забыл об опасности и следовал только своему инстинкту. Сопровождаемый лишь своими соратниками, Кастро «пошел в народ», в город. Он сделал только несколько шагов по направлению к парку, как его стал сопровождать целый эскорт горожан. Он начал болтать о жизни с группой студентов, потом те сели в автобус и оттуда стали салютовать команданте. В парке люди начали топтать газоны: что делать, если на узкой аллее не хватило места всем желающим послушать революционера? Дети удостоились особого внимания Кастро. Любопытные малыши пытались подергать его роскошную черную бороду. На следующий день газета «Вашингтон дейли ньюс» опубликовала на первой полосе фотографию улыбающегося Фиделя с маленькой девочкой на руках. С каждым днем он вызывал все больше симпатий у простых американцев.

Пятница. Семь часов утра. Фидель просыпается и читает свежую прессу. К программе, предусмотренной организаторами поездки на этот день, неожиданно добавляется встреча с членами комиссии по международным делам сената. В 10.30 Фидель уезжает на эту важную встречу. Его ждут уже около десяти сенаторов, к которым чуть позже присоединяются другие парламентарии обеих палат американского конгресса. Встреча объявлена как частная, и потому журналисты остаются за закрытыми дверьми.

Однако вскоре репортерам удается разговорить некоторых конгрессменов и узнать, что Фидель Кастро отвечал с присущей ему искренностью на самые заковыристые вопросы американцев. И при этом «ни на миллиметр не отошел от своих воззрений». На следующее утро газета «Вашингтон пост» отметит в своей

редакционной статье: «Премьер–министр Кубы мужественно отвечал на крайне прямые вопросы, которые ему задавались, став, таким образом, главным действующим лицом одного из наиболее памятных заседаний, которое видели стены Капитолия»[286].

Случилось невероятное. Кастро покинул конгресс, который утонул в овации. Фидель заворожил идеологических противников своей речью на английском языке. Чтобы убедить их, ему достаточно было произнести несколько фраз.

В его словах таилась некая мистическая страсть, которая была так непривычна американским законодателям. Он мог убедить их, потому что никто не был убежден больше в справедливости его слов, чем он сам. Свое выступление Кастро посвятил драматической и многострадальной истории Кубы. Он рассказал, как на протяжении веков колонизаторы обманывали народ. Коснулся он и пресловутой поправки Платта, назвав ее «источником всех конформизмов и всех политических недостатков». Политические тезисы подтверждал экономическими показателями.

«Мы наказали военных преступников, но не всех. Их было гораздо больше, – комментировал Кастро факт расстрела приспешников Батисты. – Они замучили и убили более двадцати тысяч кубинских граждан. Вам трудно понять нас, потому что вы никогда не жили под тиранией. Вы решили поговорить о военных преступлениях Батисты, так знайте, что они подобны преступлениям, совершенным против христиан в римских цирках»[287].

Американским законодателям понравилось, что Фидель Кастро тепло и искренне высказался об «отцах–основателях» Соединенных Штатов. Упомянул об Аврааме Линкольне, который был одним из его кумиров в детстве.

В тот же день, 17 апреля, у Кастро состоялась встреча с директорами североамериканской прессы, по приглашению которых Фидель прибыл в США. Он заявил о желании Кубы заключить справедливый торговый договор с Соединенными Штатами, подчеркнув, что с 1948 года дефицит Кубы в торговле с США составил 1,5 миллиарда долларов. «Куба нуждается в таком торговом договоре, в котором для обеих сторон стоимость импорта равнялась бы стоимости экспорта. Куба будет продолжать покупать в США, – сказал Фидель, – но при этом упор будет сделан на покупку материалов, необходимых для индустриализации страны»[288].

В столице США Кастро посетил мемориал Джорджу Вашингтону. Он назвал его «человеком, посвятившим жизнь работе и знаниям», чья «честность и разумная система жизни»

заслуживают восхищения. Высказался он и по поводу декларации, принятой третьим президентом США Томасом Джефферсоном: «Декларация Джефферсона, согласно которой законы должны меняться по мере того, как прогрессирует человечество, – революционный принцип. А он предусматривает изменение учреждений, по мере того как изменяется людское мышление и сознание»[289].

Но не все было гладко в программе визита Фиделя. В студию канала Эн–би–си, куда Фиделя Кастро пригласили для участия в популярной передаче «Встреча с прессой», его ждал агрессивный прием. Складывалось впечатление, что Фидель Кастро сидит в кресле не перед журналистами, а перед прокурором. Характер вопросов был практически одинаков – как будто в студии схлестнулись представители двух воюющих сторон. Ведущий Брукс сам задал тон диалогу прессы и команданте эн хэфэ, заявив, что современная Куба столкнулась с большими проблемами. «Позвольте мне сказать другое. Вы говорите, что наши проблемы, внутренние и внешние, крайне значительные, но это ошибка. Нужно учитывать, что кубинская революция произошла всего лишь три месяца назад. К тому же, если бы у нас были трудности, я не находился бы здесь», – парировал Фидель.

Брукс не унимался: «Доктор Кастро, известный североамериканский журналист в одной из наших ведущих газет опубликовал статью, в которой он утверждает, что вы ненавидите США. Это правда?»

«Как я могу ненавидеть американский народ? – ответил Фидель. – Я никого не ненавижу, даже моих врагов. На Кубе против меня сражались мои самые рьяные враги, но и их я не ненавижу. Хосе Марти, наш апостол, учил нас оставить в стороне чувство ненависти».

(К чести Фиделя Кастро, он всегда разделял понятия «северная империя» – так он называет правительство и весь мощный аппарат государственной власти в США – и американский народ. В адрес простых американцев он за весь период пребывания у власти не сказал ни одного грубого слова, не сделал ни одного выпада. Одним из первых руководителей других стран предложил Америке помощь после терактов 11 сентября 2001 года, выразив готовность предоставить кубинские аэропорты для транзитных посадок самолетов, прибывавших со всего мира с гуманитарной помощью. «Когда я говорю „империя“, я не говорю „американский народ“. Американский народ спасет многие из этических ценностей, спасет много забытых принципов, приспособится к миру, в котором мы живем, если этот мир сможет спастись, а этот мир должен спастись», – говорил Фидель

Кастро студентам Гаванского университета на торжествах в ноябре 2005 года.)

Другой журналист пожелал узнать, насколько благоприятными Кастро считает результаты визита.

«Я из своей поездки извлек выгоду скорее духовного порядка, так как я желаю, чтобы американский народ нас понял лучше. Мы преследовали цель обратиться к общественному мнению в Соединенных Штатах и объяснить им, как мы сделали многие вещи у себя на родине. По крайней мере, общественному мнению так будет проще нас понять».

Затем слово взяла экзальтированная особа неопределенного возраста в «неправдоподобной шляпе». Сдвинутые брови, никакого намека на улыбку. Явно раздраженная и импульсивная, она выступила в защиту Трухильо и других латиноамериканских диктаторов: «По какому праву вы советуете другим латиноамериканским странам, какой тип правительства они должны выбрать?»

Фидель Кастро, казалось, пропустил мимо ушей непочтительный тон дамы. «Вы спрашиваете по какому праву? Я имею право говорить. Так же как США говорят о демократии, и я говорю о демократии, потому что я верю в демократию и я нахожу несправедливым, когда некоторые страны вынуждены жить в диктатуре, как живут люди в Санто–Доминго. У меня есть идеалы»[290], – ответил он.

После встречи с журналистами Фидель Кастро направился в офис вице–президента США Ричарда Никсона. Подробности этой встречи, которая длилась два с половиной часа, были тщательно скрыты от прессы. Да и оба политика позже долгое время всячески уклонялись от публичных комментариев относительно содержания их беседы. Известно, что Фидель Кастро выделял Никсона из когорты американских политиков, но из всех американских президентов он с теплотой относился только к Джимми Картеру, с которым у него сложились приятельские отношения. Выделял и Форда, при котором в 1970–е годы немного снизился уровень напряженности в отношениях двух стран. Лишь спустя годы, в интервью, данном североамериканским журналистам, Фидель Кастро сам приоткрыл завесу над тайной тогдашней встречи: «Я был очень откровенен. Я объяснил Никсону, какой вижу ситуацию на Кубе и какие меры мы собираемся предпринять в будущем. В целом он не спорил со мной, даже проявил дружеское расположение ко мне и внимательно слушал то, что я пытался донести до него. Благодаря взаимопониманию наш разговор ограничился этим. Я предполагаю, что он позже сделал из этого свои собственные

выводы»[291].

Вот как вспоминал о той встрече сам Никсон: «…Было очевидно, что в отношении его (Кастро) визита в Соединенные Штаты его главным интересом было не добиться изменения сахарной квоты или получить правительственный заем, а завоевать поддержку своей политики со стороны американской общественности. Именно его почти рабское подчинение преобладающему общественному мнению – то есть голосу плебса, – а не столько его наивное отношение к коммунизму и его очевидное отсутствие понимания самых элементарных экономических принципов, больше всего тревожило меня, когда я оценивал, каким лидером он станет в будущем. По этой причине я все возможное время пытался настаивать на том, что, хотя у него был большой дар лидера, ответственность лидера – не следовать всегда голосу общественности, а помочь направить ее по правильному пути, не давать народу того, что он думает, что хочет в момент эмоционального напряжения, а добиться, чтобы народ хотел того, что должен иметь <…> Я искренне думаю, что не произвел на него большого впечатления, но он слушал меня и казался восприимчивым. Я попытался представить ему свою мысль в основном с точки зрения того, как его место в истории будет определено отвагой и способностью государственного деятеля, которые он проявит в этот момент. Я настаивал на том, что легче всего следовать за чернью, но что поступать правильно в дальнейшем будет лучше для народа и, конечно, лучше также и для него. Как я уже сказал, он был невероятно наивен в отношении коммунистической опасности и, казалось, ничуть не боялся, что коммунисты, в конце концов, могли бы прийти к власти на Кубе. В наших разговорах о коммунизме я снова попытался выдвинуть аргументы в свете его собственных интересов и указать, что революция, которой он руководил, может обернуться против него и против кубинского народа, если только он не сохранит контроль над ситуацией и не обеспечит, чтобы коммунисты не добились власти и влияния. В этом смысле сомневаюсь, что я добился многого <…> Было очевидно, что, пока я восхвалял такие темы, как свобода слова, прессы и религии, его главной заботой было развивать программы в целях экономического прогресса. Он повторял снова и снова, что человек, работающий на полях сахарного тростника в течение трех месяцев в году и голодающий остальной год, хочет работу, что–нибудь поесть, дом и кое–какую одежду <…> Должен признать, что, в сущности, в его аргументах едва ли было то, с чем я не мог бы не согласиться»[292].

Но, как выяснилось уже гораздо позже, когда достоянием

гласности стала записка, направленная Ричардом Никсоном по итогам этой встречи в адрес президента США Дуайта Эйзенхауэра, благодушное расположение Никсона по отношению к Кастро было наигранным. Вице–президент представил довольно жесткую характеристику Фиделя: «Моя оценка его как человека несколько неоднозначна. Однако мы можем быть совершенно уверены в том, что он обладает теми неопределимыми качествами, которые делают его лидером. Что бы мы о нем ни думали, он станет важным фактором в развитии Кубы и, очень возможно, в делах Латинской Америки в целом. Он кажется искренним, но или невероятно наивен в отношении коммунизма, или находится под коммунистической опекой.

Но так как он обладает силой руководителя, о которой я говорил, единственное, что мы можем сделать, это по крайней мере попытаться сориентировать его в правильном направлении. Либо Кастро невероятного простодушного мнения о коммунизме, либо он находится под его властью. Не надо предаваться иллюзиям: это не яростный мятежник подобно Боливару, нам необходимо действовать в соответствии с обстоятельствами»[293].

Фидель Кастро, как выяснилось впоследствии, тоже не питал особых иллюзий в отношении встречи с Никсоном: «Когда Никсон начинал говорить, его было не остановить. Он имел привычку поучать латиноамериканских правителей. Он не набрасывал того, что думал сказать, и не записывал того, что говорил <… > Даже ученику начальной школы не приходилось выслушивать столько уроков сразу о демократии, антикоммунизме и остальных предметах, связанных с искусством правления. Он был фанатиком развитого капитализма и его господства над миром в силу естественного права. Он идеализировал систему. Другого он не воспринимал, не было ни малейшей возможности вести с ним разговор»[294].

Этот «не сложившийся» диалог двух крупнейших политиков, как оказалось впоследствии, наложил отпечаток на дальнейшие отношения США и Кубы. Кто знал, что субъективное мнение Никсона о встрече с Кастро будет по–своему истолковано Эйзенхауэром, который находился под большим влиянием некоторых своих помощников, советовавших президенту «не иметь с барбудос дело».

Кто знает, как бы повернулась история, если бы с Кастро встретился сам Эйзенхауэр и составил бы о нем личное впечатление? Но Дуайт Эйзенхауэр, большой любитель природы и игр на открытом воздухе, встрече с Фиделем предпочел престижный турнир по гольфу в штате Джорджия…

С момента кубинской революции в 1959 году ни один

высокопоставленный американский представитель, находящийся во главе Белого дома, так и не посетит Кубу и не удостоится приема у Фиделя Кастро. Единственным исключением станет бывший президент США Джимми Картер, с которым, повторимся, у Фиделя Кастро сложились теплые отношения. Картер посетит Кубу по личному приглашению Фиделя в 2004 году и буквально придет в восторг от успехов, которых Куба добилась в сфере медицины и образования.

Важная пресс–конференция состоялась у Кастро в Вашингтонском пресс–клубе 20 апреля 1959 года. Туда были приглашены не только американские и иностранные корреспонденты, но и представители Госдепартамента и Конгресса США.

Фидель Кастро посвятил значительную часть своего выступления анализу состояния кубино–американских отношений, высказался за необходимость установления дружбы и взаимопонимания между Кубой и США, призвал Соединенные Штаты помочь кубинцам в разрешении внутренних проблем «без опасений и страха» в отношении Кубы. Тогда, в апреле 1959 года, он несколько раз заявлял, что его правительство не намерено конфисковать или национализировать сахарные плантации, принадлежащие американским монополиям, а предложило «законно экспроприировать» неиспользуемые и заброшенные земли для проведения аграрной реформы в интересах бедных крестьян, которая является «основой восстановления Кубы». При этом Кастро указал, что «в ходе осуществления аграрной реформы будет установлен лимит распределения земельных участков»[295]. Тогда мало кто мог предположить, что буквально через год ситуация повернется на 180 градусов и Кастро в ответ на недружественные и провокационные действия американцев эту собственность все–таки конфискует…

На вопрос об отсрочке «свободных выборов» на Кубе Фидель ответил, что в «настоящее время политические партии, дезорганизованные в период тирании», находятся все еще в стадии становления. И подчеркнул: «Если проводить выборы без организаций оппозиционных партий <… > вы не сможете проводить выборы среди голодных людей»[296].

Американские корреспонденты неоднократно пытались вызвать Фиделя Кастро на «диалог о Советах», не скрывали, что хотят выявить некую тайную связь между ним и «коммунистами в Москве». Отвечая на один из таких провокационных вопросов, касающихся советского премьер–министра Никиты Хрущева, Кастро не удержался: «Мы против любой формы диктатуры, будь то диктатура личности или диктатура класса». Он подчеркнул,

что Советский Союз и другие страны не предлагали Кубе помощь и что «Куба никого не просила о помощи». Но позже Кастро пояснил, что под диктатурой в СССР он подразумевает не тиранию, а провозглашенную там «диктатуру рабочего класса», и на самом деле не хотел сказать о Советском Союзе ничего плохого.

В целом американские репортеры старались спровоцировать Фиделя Кастро, односторонне и часто в искаженном свете преподнося происходящее на Кубе и в таком же духе комментируя его пребывание в США. Некоторые обозреватели прямо указывали, что Соединенные Штаты должны принять меры для того, чтобы не дать возможности «закипеть странам Карибского моря», так как это привело бы к обострению положения вблизи южных границ США и создало бы угрозу коммуникациям через Панамский канал[297].

Пресса активно использовала показания бывшего командующего ВВС кубинской армии, команданте Диаса Ланса, сбежавшего в 1959 году в США. Он заявил, что Кастро и его сподвижники на самом деле являются коммунистами. Ряд американских СМИ начал активно «мусолить» эту сенсацию. Но нашлись аналитические обозреватели, которые резко раскритиковали своих коллег и в особенности подкомиссию сената по вопросам внутренней безопасности за «организацию безответственного слушания показаний» майора Ланса, которое, как они отмечали, «нанесло серьезный ущерб отношениям США и Кубы»[298].

В ходе своего визита Фидель Кастро выкроил время и приехал в Принстонский университет, куда его пригласили преподаватели и студенты. Там он прочитал лекцию в рамках курса по вопросам американской цивилизации. Студенты были так очарованы этим необычным «бородачом в оливковом френче», что водрузили Фиделя на плечи и пронесли его вокруг здания университета. Понятно, что и самому высокому гостю понравилась непринужденная университетская обстановка. Профессор Палмер представил Фиделя следующим образом: «Доктор Кастро был адвокатом до прихода Батисты во власть. Начиная с этого момента, он посвятил себя другим делам»[299]. В зале наступила тишина. И тогда слово взял сам гость: «Я чувствую себя лучше среди вас, чем где–либо угодно в другом месте. Наша революция доказала три вещи: революция возможна, даже если в стране нет голода. Второе – революция возможна против армии. И третье – революция возможна не просто против армии, а против современной и хорошо оснащенной армии. Мы уверены, что все сделанное нами не является случайным. Если бы

мы все совершали заново и снова делали бы революцию подобным образом, и ее результаты были бы теми же. <…> Другие революции наводили ужас на людей своими социальными изменениями. Наша целиком зависит от воли народа»[300].

До своего отъезда из Нью–Йорка Фидель успел многое: выступил перед студентами школы журналистики Колумбийского университета, пообщался с мэром Нью–Йорка Робертом Вагнером, навестил и очаровал членов ассоциации женщин–адвокатов Нью–Йорка, побывал в Совете по международным отношениям, в который и по сей день входят наиболее авторитетные американские эксперты по внешней политике. Кастро интересовался всем. Он даже понаблюдал за торговыми операциями на Нью–Йоркской бирже кофе и сахара. Он встретился с членами ассоциации иностранных корреспондентов и с тогдашним Генсеком ООН Данном Хаммарскольдом.

Везде Фидель Кастро подробно и эмоционально разъяснял суть кубинской революции, по каким принципам будет жить его родная страна в будущем. «Нью–Йорк пост» по следам его визита напишет: «Фидель Кастро – это голос, внушенный нам свыше в нашем полушарии».

Из Нью–Йорка Фидель Кастро направился на поезде в Бостон. В Университете Гарварда его ждала еще одна встреча с профессорами и студентами. Но перед посещением Гарварда смешной эпизод приключился в школе Лорренсвилля, выпускники которой поступали в Гарвард. Кастро настолько поразил юношей своим выступлением, что они подрались за право обладать окурком сигары, который выбросил Фидель! Группа молодых слушателей Гарварда вручила ему медаль имени Хосе Антонио Эчеверрия и Фруктуосо Родри–геса, которые погибли во время неудачного штурма дворца Батисты в 1957 году. Медаль была учреждена в честь молодых людей, которые «отдали свои жизни, чтобы покончить с диктатурой на Кубе». Фидель с присущей ему иронией сказал, что до сих пор жалеет о том, что не поступил в Гарвард после окончания иезуитского колледжа. В ответ Мак–джордж Банди, декан факультета наук и искусств Гарварда и участник легендарной высадки американцев в Нормандии во время Второй мировой войны, собственно, и пригласивший Фиделя выступить в университете, с улыбкой заметил, что учиться никогда не поздно. Выступление Фиделя в Гарвардском университете слушали почти девять тысяч человек! (Примечательно, что спустя всего два года молодой декан Макджордж Банди, принимавший Фиделя в Гарварде, станет советником по национальной безопасности у только что избранного президентом США Джона Фицджералда Кеннеди и

сыграет свою роль во время Карибского кризиса.)

Перед отъездом из США у Фиделя Кастро состоялась еще одна необычная встреча. Вождь индейского племени криков раскурил с Фиделем трубку мира и от имени своих сородичей присвоил ему боевое имя: «Великий вождь воинов».

27 апреля 1959 года кубинская миссия доброй воли прибыла в Хьюстон, в Техас, по приглашению властей этого штата. Это была последняя остановка кубинской делегации на территории США. Там к Фиделю и товарищам на время присоединился команданте Рауль Кастро, который прибыл специально, чтобы доложить брату о положении дел в стране и получить от него указания. Спустя несколько часов Рауль отправился обратно в Гавану.

Столь подробный рассказ о первой, в должности кубинского премьера, поездке Кастро в США важен для понимания истоков конфронтации двух стран. Визит Кастро в апреле 1959 года стал своего рода Рубиконом в кубино–аме–риканских отношениях.

Официальный Вашингтон и революционная Куба в своей взаимной ненависти, действительно, напоминают мне яростных, исступленных, но смертельно уставших боксеров. Тех, что не могут дотянуться перчатками друг до друга, но продолжают уперто и по инерции сражаться до «потери пульса». Только, в отличие от боксерского поединка, неизвестно, когда в противостоянии «Фидель – Северная империя» прозвучит гонг…

К сожалению, тогда, в апреле 1959 года, голос Фиделя на самом американском верху не был услышан. Именно после этого визита, когда Фидель воочию убедился в высокомерии тамошнего истеблишмента, в нежелании Белого дома даже не сотрудничать, а просто общаться с ним, Северная Америка начала «окончательно терять Кубу».

Позиция США в отношении Кубы стала резко меняться спустя всего лишь несколько дней после визита Фиделя. Вот конкретные факты. 28 апреля 1959 года Фидель Кастро вылетел в Аргентину, где возглавил делегацию Кубы на совещании «Комитета 21». Оно было созвано для обсуждения экономического положения в странах Латинской Америки. 3 мая, выступая на этом совещании, он предложил, чтобы правительство США выделило в течение ближайших десяти лет 30 миллиардов долларов для поднятия экономики латиноамериканских стран. Американцы были шокированы таким предложением и проигнорировали его. Они были готовы «пожертвовать» латиноамериканцам лишь полмиллиарда долларов.

17 мая кубинское правительство приняло Закон об аграрной реформе. Американцы использовали это как повод для

ужесточения политики в отношении Кубы. 5 июня правительство Фиделя Кастро направило телеграмму секретарю по вопросам сельскохозяйственного производства США Бенсону, в которой содержалось предложение кубинцев продать в США в 1961 году 8 миллионов тонн сахара по цене 4 цента за фунт, и вообще готовы были продать американцам столько сахара, сколько им будет нужно.

10 июня Соединенные Штаты отвергают это предложение. 12 июня посол США на Кубе вручает в МИДе этой страны ноту, в которой выражена озабоченность тем, достаточную ли компенсацию получат граждане США, собственность которых может явиться объектом экспроприации в ходе аграрной реформы. Американцы высказывали сожаление, что «правительство Кубы не нашло возможность выслушать мнение американских вкладчиков на Кубе, интересы которых оказываются затронутыми». Выражалась надежда, что в будущем правительство Кубы будет проводить подобные консультации.

15 июня в ответной ноте правительство Кубы заявляет, что «оно не принимает и не примет никакого указания или предложения, направленного хотя бы на малейшее ущемление суверенитета и национального достоинства». В той же ноте говорилось, что, в связи с тяжелым экономическим положением, выплаты компенсаций будут происходить постепенно, в течение 20 лет[301].

В середине июня Фидель обратился к нации по кубинскому телевидению: «Хочу сказать вам, что мы откажемся от дара в размере двух миллионов песо, который передали нам на нужды аграрной реформы плантаторы. Мы откажемся от десяти тысяч телят, подаренных скотоводами, и от двух с половиной миллионов песо, собранных землевладельцами. Другими словами, мы откажемся от пяти с половиной миллионов песо, и причины на то разные <… > Мы не хотим делать революцию при помощи тех денег, которые идут на создание фондов для контрреволюционных кампаний. Эти деньги нам не нужны. Не все сводится к деньгам <…> Для нас дороже сентаво, пожертвованный малышом–школьником на дело аграрной реформы, чем миллионы песо крупных магнатов, которым аграрная реформа не нужна и которые лишь хотят прикинуться хорошими, якобы помочь ей, а потом обрушиться на нее со всей силой, если она не будет отвечать их интересам»[302].

За десять дней до выступления Фиделя американский политик Спруйл Бройден, один из самых ярых борцов с коммунизмом, заявил, что положение дел на Кубе можно исправить только с помощью силы. А в американском конгрессе

впервые был поднят вопрос о «наказании Кубы». Сенатор Джонсон предложил поправку, предусматривающую отказ во всякой помощи Кубе в связи с конфискацией земельной собственности американских граждан и компаний на острове. 2 июля состоялось голосование по внесенной поправке. Сторонники и противники предложения разделились почти поровну. Но поправка была отклонена.

А 11 июня 1959 года правительство Фиделя Кастро покинули пять его членов, вскоре эмигрировавших в США. Среди них был один из кандидатов на выборах президента Кубы 1952 года, отмененных Батистой, министр иностранных дел в новом правительстве Роберто Аграмонте, который был заменен на одного из людей Кастро – Рауля Роа. Порвал с Кастро и Руфо Лопес Фреске, довольно толковый и образованный министр финансов с января 1959 года, который также сначала ушел в оппозицию Кастро, а затем эмигрировал из страны. Наконец, Педро Мирет заменил в правительстве престарелого Умберто Сори Марина.

Временный президент Уррутиа демонстративно прекратил посещать заседания кабинета министров страны, стал задерживать подписание законов и резолюций, жизненно необходимых для кубинской экономики. Таким образом, наметился серьезный кризис в отношениях между президентом Кубы и революционным правительством, возглавляемым Фиделем Кастро. В этих условиях Фиделю Кастро не оставалось ничего другого, как первому пойти на решительный шаг.

Утром 17 июля 1959 года он появился в студии национального кубинского телевидения и обратился с речью, которая транслировалась по радио, к кубинскому народу. Неожиданно для всех он объявил, что подает в отставку с поста премьер–министра, и стал ждать реакции кубинцев. Перед этим Фидель сказал А. Нуньесу Хименесу фразу на латыни: «Жребий брошен».

В первый раз Кастро прибег к рискованному, но оправданному, в случае успеха, приему – дать народу возможность самому решить, нуждается ли он в нем. Фидель, безусловно, понимал, что не проиграет. Ему было важнее показать своим врагам, какую мощную поддержку населения он имеет. За считаные часы новость о том, что любимый Фидель уходит, разнеслась по всей стране. Кубинцы начали собираться на стихийные митинги и демонстрации. К полудню вся Гавана была заполнена лозунгами «Отставка, но для чего?», «С Фиделем до конца!», «Фидель! Куба нуждается в тебе!». Уррутиа хранил молчание, и один из команданте Повстанческой армии даже

попросил Фиделя разрешить взять президентский дворец и «вытащить из него этого старичка». Но тот запретил это делать, сказав, что подобный поступок в духе военных переворотов в Латинской Америке. «Кризис должен быть разрешен народом!» – добавил он.

Мотив народных выступлений был один – Фидель Кастро должен продолжить революционные преобразования в стране, несмотря на противодействие со стороны временного президента Уррутиа и отдельных членов правительства страны. Люди скандировали: «Долой Уррутиа! Да здравствует Фидель!» Уже много лет спустя на митингах в поддержку Фиделя и его политики будет собираться до миллиона человек и в конце каждого выступления скандировать: «Родина или смерть! Мы победим!» Именно эти публичные шествия и митинги в июле 1959 года, на которых, по сути, на долгие годы был «выдан» кредит доверия лично Фиделю, стали прообразом впечатляющих народных выступлений, «референдумов под открытым небом», на которых принимались основные кубинские законы.

В сообщении резидентуры о внутриполитической обстановке в стране отмечалось следующее: «Обстановка на Кубе сейчас такова, что если бы правительство изменило интересам народа, то оно было бы немедленно уничтожено»[303].

Напуганный таким развитием событий, президент Ур–рутиа укрылся в венесуэльском посольстве в Гаване, а потом бежал с острова. На пост президента был выдвинут и 18 июля утвержден в нем на заседании Совета министров сподвижник Фиделя, Освальдо Дортикос Торрадо. Он так же, как и Фидель, был выпускником юридического факультета Гаванского университета, по окончании которого в 1941 году стал заниматься адвокатской практикой. Тор–радо принимал активное участие в борьбе против диктатуры Батисты, возглавив повстанческое движение в Сьен–фуэгосе. Был выслан в Мексику. В январе 1959 года после падения диктатуры вернулся на Кубу и вошел в состав правительства Кастро в качестве министра революционного законодательства. Дортикос Торрадо был исключительно культурным и высокоэрудированным человеком, одним из лучших кубинских революционных ораторов, пользовался большим уважением в народных массах и доверием Фиделя Кастро.

26 июля Фидель Кастро выступил на митинге в честь празднования шестой годовщины штурма Монкады: «Народ мог сказать: „Не возвращайся!“ равно, как мог сказать и как сказал „Вернись!“. Свершилась воля не одного человека и не группы людей, а всего народа»[304].

На этом митинге в Гаване, собравшем миллион кубинцев и сотни журналистов, президент Дортикос спросил у народа: «Хотите ли вы, чтобы Фидель Кастро оставался во главе правительства?» Миллион сомбреро взлетели в воздух, и на всю Гавану раскатилось громоподобное «Да!».

С этого момента в американской прессе развернулась кампания против Фиделя Кастро. Его отставка с поста премьер–министра преподносилась как своего рода маневр, направленный на разжигание в народных массах еще большей ненависти к противникам Кастро и повышение его личной популярности. Американские СМИ утверждали, что Кастро намерен «экспортировать революцию в другие страны Латинской Америки», что он «инстинктивно враждебен американцам», «с предубеждением относится к их дружественным советам» и «восстанавливает кубинцев против США»[305].

Экономические и социальные реформы, начатые правительством Кастро, квалифицировались как «абсурдные», «утопические» и «опасные». Особое раздражение официального Вашингтона вызывали мероприятия по проведению на Кубе аграрной реформы, в ходе которой должны были быть экспроприированы два миллиона акров земли, находившихся во владении американцев.

По прогнозам одного из изданий, в середине 1959 года кубинцев ожидало мрачное будущее: «…Приток американских частных капиталов, который составлял от 30 до 70 миллионов долларов ежегодно, по всей вероятности, прекратится, доходы от туризма, составляющие 60 миллионов долларов в год, резко снизятся, а шансы на получение займов и кредитов от западных стран крайне ничтожны»[306].

Как неутешительная оценивалась социально–политическая обстановка на Кубе. Пресса пыталась убедить читателей, что у Кастро есть серьезная оппозиция на самом острове как в лице антикоммунистов из различных слоев населения, так и в лице крупных собственников в деревне и городе: «Эта оппозиция будет становиться все более сильной и опасной для Кастро по мере того, как будут выявляться неудачи в решении стоящих перед правительством проблем»[307]. Некоторые американские политологи даже не исключали возможности контрреволюционного переворота на Кубе.

Особое недовольство американской прессы вызывало то, как правительство Кастро обошлось с «четвертой властью». К осени 1959 года были закрыты практически все независимые периодические издания. С Кубы эмигрировали главный редактор известной антибатистовской газеты «Авансе» Хорхе Сайяс и

Мигель Анхель Кеведо, главный редактор «Боэмии», издания, которое в условиях жесточайшей диктатуры во времена Батисты не побоялось печатать отрывки из речи Фиделя Кастро на судебном процессе в 1953 году, а позже и статьи будущего команданте. По советскому образцу главной газетой Кубы стала коммунистическая «Нотисиас де Ой», главным редактором которой был один из ближайших соратников Фиделя Кастро – Карлос Рафаэль Родригес.

С конца 1959 года начинается первая волна эмиграции с Кубы представителей наиболее образованной части общества: в добровольное изгнание уезжают более пятидесяти тысяч представителей среднего класса и кубинской интеллигенции, которые искренне приветствовали революцию. Самое трагичное было в том, что Кубу покинули около половины из шести тысяч врачей, имевшихся на острове.

Естественное желание старых как кубинских, так и североамериканских хозяев латифундий, которые были главной общественной опорой режима Батисты, состояло в том, чтобы земельная реформа провалилась. Для этих целей была избрана тактика явного или более–менее законспирированного саботажа. Во многих поместьях сельскохозяйственные работы были отменены или сокращены до минимума. На крупных плантациях сахарного тростника, по указанию старых хозяев, крестьяне прекратили подготовку к посевам, необходимым для получения урожая 1960 года. В животноводческом секторе наблюдалась еще более плачевная картина: многие профессионалы–скотоводы покинули Кубу, а некоторые демонстративно ушли со скотоводческого рынка как покупатели скота для откорма на убой. Этим они хотели поставить в безвыходное положение мелких скотоводов и прекратить снабжение населения мясом.

Внутренняя контрреволюция вела активную борьбу против правительства Кастро, применяя не только экономические методы (саботаж, вывоз валюты из страны), но и различные формы идеологической борьбы, а также индивидуальный террор. На первых порах «оплотом контрреволюции» внутри страны считались провинции Матансас и Лас–Вильяс, поскольку основное население в первой составляли бедные забитые крестьяне, а второй – средние и мелкие землевладельцы, обиженные на новую власть.

Внешние противники Кастро были сильны, они представляли собой два хорошо понимающих друг друга лагеря: американские монополии, лишившиеся собственности и источников дохода на Кубе, и кубинцы – противники Кастро, осевшие во Флориде, обладавшие большими средствами и пользовавшиеся

материальной поддержкой со стороны США. Ежемесячно в 1959 году с Кубы уезжало около двух тысяч человек, не принявших новую власть.

До победы революции посольство Соединенных Штатов предоставляло кубинским гражданам очень мало виз для эмиграции в эту страну, а формальности при их получении были крайне строгими. Того, кто проникал на территорию США нелегально, неизбежно ждали депортация или тюрьма. А в разгар «охоты на ведьм» те, кого хоть отдаленно подозревали в том, что он мог быть коммунистом или человеком прогрессивных убеждений (для чего, например, было достаточно хоть раз поддержать борьбу за повышение заработной платы), никогда не получали визы и попадали в список лиц, которым был закрыт въезд на территорию США.

Но как изменилась визовая политика США после победы революции! Военным преступникам, уголовникам, растратчикам, тем, кто нелегально покидал Кубу, было предоставлено убежище. Неважно, что на их совести была кровь и за ними тянулся длинный шлейф преступлений.

В Штатах кубинские противники Кастро сгруппировались вокруг экс–премьера Миро Кардоны. Они знали, что Кастро испытывает большие проблемы в создании армии. Он нуждался в оружии и особенно в реактивных самолетах для защиты страны, а западные страны не желали оказать ему содействие в этом. К тому же у Кастро не было денег для оснащения своей армии. Кроме того, значительную внешнюю поддержку кубинская контрреволюция находила в лице реакционных режимов Никарагуа, Доминиканской Республики, Сальвадора и Парагвая.

Внутри страны противники Кастро теряли влияние по мере того, как набирали популярность проводимые революционным правительством реформы. Основной оппозиционной силой представителей «Движения 26 июля» было «Христианско–демократическое движение». В него входили представители крупной буржуазии, часть бывшего чиновничьего аппарата, выпускники католических колледжей, в период становления правительства Кастро в первой половине 1959 года вступавшие в открытую политическую конфронтацию с ним. Другие политические группировки, возглавляемые политическими лидерами 1930—1940–х годов, в частности, экс–президентом Грау Сан–Мартином, пытавшимся доказать свою «полезность революции», почти не пользовались никаким политическим влиянием среди широких слоев населения. Единственным политическим деятелем прежней эпохи, который сохранял видимость какого–то влияния, был бывший президент Прио

Сокаррас, свергнутый Батис–той. Он имел определенную популярность в Федерации университетских студентов, часто появлялся на правительственных приемах или мероприятиях, стараясь показать, что он является то ли союзником, то ли политическим партнером Фиделя Кастро.

На Кубе кто–то запустил слух, что глава Федерации университетских студентов команданте Роландо Кубельяс, проявивший героизм в горах Сьерра–Маэстра, является креатурой Прио Сокарраса. Фидель, едва информация об этом дошла до него, среагировал мгновенно. К Федерации университетских студентов, в которой он делал первые политические шаги, у Фиделя было особенно трепетное отношение. С целью напомнить о себе студентам и укрепить свой авторитет в Федерации он организовал осенью 1959 года поход вооруженных студентов по местам боевой славы повстанцев в горы Сьерра–Маэстра. Он возглавил этот поход совместно с Роландо Кубельясом. Эта мирная экспедиция завершилась восхождением на самую высокую горную вершину Кубы, знаменитый пик Туркино.

Советская резидентура информировала Москву о внутриполитическом положении на Кубе в первой половине 1959 года: «Безраздельным влиянием в стране и огромным авторитетом пользуется „Движение 26 июля“. Это первая партия как по количеству, так и по своей роли во внутриполитической жизни страны. Все руководящие посты в правительстве, армии и государственном аппарате безраздельно находятся в руках сторонников „Движения 26 июля“. Кастро ревностно бережет руководящие посты в государстве от проникновения в него каких–либо других сил, в том числе и коммунистов.

Другие партии либерального толка «аутенитикос» и «ор–тодоксос» поглощены «Движением 26 июля» и практически не оказывают никакого влияния на внутриполитическую обстановку в стране. «Партидо–популяр социалиста» (НСП. – *М. М.)* – фактически компартия пользуется большим авторитетом в стране, который она заработала своим участием в борьбе против Батисты. Это вторая по численности и по влиянию прогрессивная сила в стране. Но она во всем уступает движению сопротивления («Движению 26 июля». – *М. М.)*. Следует учесть тот факт, что значительное ослабление кадрового состава партии произошло в результате ее истребления во время диктатуры Батисты»[308].

Следует уточнить, что «Движение 26 июля», как и «Революционный директорат 13 марта» к тому времени были скорее не партиями в их классическом понимании, а чем–то вроде патриотического фронта всех революционных сил Кубы. Они не имели четкой программы и устава, в них не было

членских билетов. Главной их задачей была установка Фиделя: «Завершить революцию!» Основной формой их деятельности была организация массовых митингов, тех самых, численность которых достигала миллиона человек.

С трудом поначалу приняли правительство Кастро кубинские просоветские коммунисты. По каналам межпартийной информации, которая направлялась в Москву через Народно–социалистическую партию Кубы, они сообщали, что Фидель Кастро проводит политику, противоречащую классическому марксизму и пролетарской революции. В их глазах он был и антиимпериалистом, и антикоммунистом. Аграрную реформу они оценивали не как социалистическую, а как национально–демократическую. Тем более что на первом этапе ее проведения новое правительство не скрывало, что эта реформа была направлена не против всех землевладельцев, а против иностранцев и крупных латифундистов, обладавших излишками земли. Удивление членов местной компартии вызывало то обстоятельство, что земля на первом этапе аграрной реформы не национализировалась по классическому «большевистскому» варианту. Латифундисты получали компенсацию за ее потерю.

В целом политическое своеобразие кубинской революции заключалось в том, что правительство Кастро опиралось не на одну, а на три партии (движения): Народно–социалистическая партия – НСП, «Движение 26 июля» и «Революционный директорат 13 марта». Ни одно важное решение не принималось без консультаций с этими политическими силами, чьи позиции к концу первого года революции практически сблизились. Через два года Фидель поставит вопрос о их слиянии и создании единой политической партии. 24 июня 1961 года на пленуме Национального комитета НСП, в работе которого примут участие Фидель Кастро, Дортикос и другие руководящие деятели, будет принято решение о создании на Кубе единой марксистской кубинской партии. 26 июля 1961 года на митинге в Гаване Фидель Кастро официально объявил о создании «Единой партии кубинской социалистической революции», генеральным секретарем которой он и стал.

А в 1959 году Кастро беспокоили не только проблемы объединения революционных организаций. Непросто складывались отношения новой власти с церковью. Самой распространенной на Кубе религией в годы колонизаторства была католическая. Архиепископ Кубы подчинялся Ватикану. Покровительницей Кубы местные католики считают Пречистую Деву Милосердную из Кобре. Но не меньшее распространение получила на Кубе сантерия, или «Регла–де–Оча», названная так в

честь священного нигерийского города, где, по легенде, Небесный Владыка вылепил первых людей. Сантерия представляет собою уникальное смешение римского католицизма и культов народа йоруба, проживающего на территории Нигерии. В эпоху раннего колонизаторства языческие верования черных рабов этого племени, вывозимых преимущественно из Нигерии, уживались с насаждаемым испанцами католицизмом. Считалось, что представители этого племени из всех других африканцев более тесно общаются с богами и духами. Божки, спиритические сеансы и общение с духами, гадание на морских ракушках – атрибуты этой своеобразной и очень сильной религии, которую исповедовали большинство чернокожих жителей острова.

А католичество на Кубе было религией в основном богатых и обеспеченных. Церковь на этом острове исторически не играла такой роли, как, например, в метрополии – в Испании или в Европе в целом. Кубинцы были людьми крайне набожными, но в церкви ходили редко, выражая, особенно потомки рабов из Африки, свое верование в различных ритуальных знаках: предметах одежды, обрядах, в выращивании некоторых видов «чудодейственных» растений, в домашних молитвах, как мать Фиделя – Лина Рус. К тому же народ, истово верящий в Бога «напрямую», не сильно уважал местных клерикалов за угодничество колониальным властям. Вдобавок в годы своего правления Батиста, приверженец сантерии, презиравший католическую церковь, не давал ей развернуться ни экономически, ни политически. Вот почему католические деятели, настрадавшиеся от Батисты, возлагали большие надежды на партизан Сьерра–Маэстра, а некоторые из них даже присоединились к их борьбе против правительственной армии, став своего рода «повстанческими священниками».

С приходом к власти «барбудос» противники Кастро всячески старались поссорить революционеров с церковью. Однако они не учли того обстоятельства, что простые люди традиционно относились с недоверием к католическим священникам, которые в большинстве своем были приезжими испанцами, а значит, ставленниками метрополии. А когда люди увидели, какие реальные социальные и материальные блага приносит им революция, церковные иерархи уже не могли сильно влиять на их умы, хотя активно подстрекали к неприятию новой власти.

Сам Фидель Кастро, как известно, воспитывался в очень набожной семье, а затем с раннего детства в различных католических учебных заведениях. Первое время над его рабочим столом висели распятие и иконка с изображением Девы Марии, а сам он носил на груди маленький серебряный медальон, что

поначалу удивило советского представителя на Кубе А. Алексеева, когда он впервые встретился с команданте. Фидель сказал Александру Алексееву, что этот медальон с изображением Святой Девы Марии ему прислала маленькая девочка, когда он сражался в горах Сьерра–Маэстра. И он служил ему своеобразным оберегом[309].

Фидель Кастро не хотел конфликта с церковью, однако проводил постепенную политику ее изоляции и подчинения. За все годы нахождения Фиделя у власти на Кубе не было разрушено ни одного храма, не был репрессирован и посажен в тюрьму ни один священник. Говорят, что при встречах с советскими представителями он неоднократно спрашивал их, чем объясняются репрессии против священников в Советском Союзе. Но, естественно, не получал вразумительного и обоснованного ответа.

Кастро хотел показать народу, что революционеры уважают свободу вероисповедания. Во время препровождения останков Святой Девы Гваделупе из Сантьяго–де–Куба в Гавану в почетном эскорте шли Фидель и все члены его правительства. Он также участвовал в открытии Католического конгресса, прошедшего на Кубе в конце ноября 1959 года. На это двухдневное мероприятие из Ватикана прибыл даже папа Иоанн XXIII.

Не меньшие проблемы для нового правительства таил так называемый «национальный вопрос». 60 процентов населения Кубы составляли чернокожие и мулаты. Сам Батиста был мулат, и довольно большое количество мулатов при прежнем диктаторе, по правде говоря, не бедствовало. Однако в революционном правительстве Фиделя Кастро и на важных государственных должностях оказались одни «голубоглазые» – так на острове называли потомков галисийских эмигрантов и выходцев из Испании. Мулатов и чернокожих в его составе на первых порах не было. Единственным темнокожим в правительстве был Мехия, одно время отвечавший за вооруженные силы. Чтобы показать, что в отношении чернокожих на Кубе нет никакой дискриминации, Кастро даже запланировал поездку в Нигерию, учитывая, что в Средние века именно из Нигерии на Кубу поставлялось наибольшее количество рабов–негров, принадлежавших к народности йоруба. Однако ввиду сложной обстановки в стране эта поездка тогда не состоялась. Но правительство по–прежнему старалось привлечь на свою сторону максимально большее количество населения. Во время диктатуры Батисты его приближенные и крупные землевладельцы скупили все пригороды Гаваны, где располагались пляжи. Чернокожих на них не пускали. Правительство Фиделя конфисковало эти пляжи,

сделав их общедоступными. Так кубинцы, в том числе и темнокожие, наконец–то получили возможность научиться плавать.

Как бы то ни было, новое правительство постепенно укреплялось во власти. С помощью своих соратников Кастро приступил к решению главного вопроса революции – вопроса о земле. Но с лета 1959 года напряженность в отношениях между США и Кубой стала расти не по дням, а по часам. Ущемление интересов американских монополий на Кубе привело Белый дом к пониманию того, что с правительством Кастро ему не сработаться, и тогда он выбрал силовую линию в отношении Острова свободы.

Глава девятая ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ «БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»: МОСКВА—ГАВАНА—ВАШИНГТОН

Поняв, что правительство Кастро полностью меняет акценты в своей внешней политике и, тем самым, подает «дурной пример» некоторым государствам Латинской Америки в их борьбе за независимость, американцы с лета 1959 года в рамках международных форумов стали оказывать давление на Кубу через региональные организации. Госдепартамент США начал использовать рычаги влияния на правительства латиноамериканских марионеточных стран, возглавляемые диктаторами.

Так, президент Никарагуа Сомоса потребовал созыва чрезвычайной сессии Организации американских государств (ОАГ) для обсуждения кубинского вопроса под предлогом того, что правительство Кастро заявило, что не считает себя связанным договором о совместной защите Западного полушария, подписанного в разгар холодной войны в 1947 году в Рио–де–Жанейро. Ряд латиноамериканских стран открыто предоставлял свою территорию для подготовки наемников с целью последующей интервенции на Кубу.

Совещание министров иностранных дел Организации американских государств (ОАГ) 12 августа 1959 года США намеревались использовать для вмешательства во внутренние дела Кубы. Они вынесли на совещание вопрос о том, что в «составе вооруженных групп, которые вторглись в Никарагуа 24 июля 1959 года», якобы были «люди Кастро» и что, по их информации, аналогичное вторжение будто бы готовится в Доминиканскую Республику[310].

Правительство Кубы, как и в мае, опять настаивало на включении в повестку дня заседания вопросов, касающихся экономических отношений между странами–членами ОАГ, и, в частности, хотело добиться от США принципиального согласия на предоставление Кубе кредитов. США воспрепятствовали включению этого вопроса в повестку дня.

Справедливости ради, следует признать, что в Соединенных Штатах не все крупные монополии разделяли намерение правительства наложить эмбарго на торговлю с Кубой. Некоторые из крупных компаний в начале 1960 года все же добились

получения лицензий на поставку товаров на Кубу. В частности, химические предприятия, руководствовавшиеся не политической конъюнктурой, а экономической целесообразностью, выступали за признание революционного правительства Кастро. Они были кровно заинтересованы в кубинском рынке, понимая, что его потеря может существенно отразиться на их доходах, ведь сахар в большом количестве использовался в американской военной химической промышленности. К тому же здравомыслящие бизнесмены понимали, что сокращение квоты кубинского сахара приведет к сокращению кубинского импорта из США, который был довольно значителен. Это не могло не беспокоить американских экспортеров.

США не могли не принимать во внимание и внешнеполитические факторы. Революционную Кубу морально поддержали многие страны мира и все государства социалистического лагеря. Ряд латиноамериканских стран (Бразилия, Венесуэла, Панама) выступил за изменение политики США как по отношению к Кубе, так и к Латинской Америке в целом. Такие выводы были сделаны, в частности, в докладе вице–президента Никсона президенту США Эйзенхауэру по результатам поездки по странам этого региона.

Наконец, к нормализации отношений США с Кубой подталкивало то обстоятельство, что основные конкуренты американцев установили экономические отношения с революционным правительством Кастро: Великобритания поставила Кубе автобусы в кредит на несколько миллионов долларов, а Голландия предоставила правительству Кастро большой заем.

А вот что сообщалось в докладе о положении дел на Кубе и в Центральной Америке, направленном одним европейским посольством на Кубе в МИД своей страны, копия которого попала в руки советской разведки: «На кубинской сцене доминирует фигура Кастро, но неизменно растет авторитет его некоторых ближайших сотрудников, особенно тех, кто, по–видимому, более склонны к тоталитарному режиму явно социал–коммунистического толка <…> Следует избегать разрыва с Гаваной, тем более что по глубокому убеждению Форин оффис (МИД Великобритании. – *М. М.)* всякое применение силы привело бы к крайне отрицательным последствиям как в Центральной Америке, так и в странах Юга <…> надо возродить у правительства Кубы доверие к Западу. Это необходимо для того, чтобы не допустить такого положения, при котором кубинские лидеры, уже измученные самыми разными чувствами по отношению к западному миру, начнут проводить такую политику,

которая окончательно отдаст их в руки коммунистического блока»[311].

Позиция Великобритании по отношению к правительству Кастро была неоднозначной. С одной стороны, британцы были обязаны поддержать политику по отношению к Кубе своего союзника – Соединенных Штатов. С другой стороны, исход американцев из Кубы открывал возможности для активизации деятельности британских компаний на кубинском рынке. Примечательно, что свое первое интервью иностранным корреспондентам после прихода в Гавану Фидель Кастро дал 9 января 1959 года корреспонденту лондонской газеты «Дейли телеграф». Он выразил желание развивать дружественные отношения с Англией и, в частности, заявил о том, что «английская собственность на Кубе не будет конфискована»[312].

Британско–кубинские отношения поначалу складывались хорошо. Произошли обмены торговыми делегациями, а британское правительство даже поставило Кастро пять реактивных истребителей из числа тех, что были закуплены еще при Батисте. Но Вашингтон быстро «отследил ситуацию» и намекнул Лондону на нежелательность сближения с Гаваной[313].

Реакция дружественной американцам страны была моментальной. Правительство Великобритании отказалось удовлетворить просьбу Кастро о продаже 15 реактивных истребителей и двух небольших судов, необходимых Кубе для обороны против возможного нападения со стороны Доминиканской Республики и в случае агрессивных действий со стороны США. Британские нефтяные компании, как и американские, прекратили поставки нефти на Кубу и, в нарушение взятых ранее обязательств, отказались снабжать кубинские самолеты горючим, на время фактически парализовав и без того небольшой кубинский воздушный флот. В целях оказания давления на правительство Кастро более 50 консерваторов–членов парламента Великобритании подписали резолюцию с требованием прекратить ввоз кубинского сахара в Англию. А глава МИДа Великобритании лорд Хьюм, явно подыгрывая своим заокеанским друзьям, заявил в палате лордов: «Обвинения Кубой Америки в том, что она является государством, проводящим политику колониального империализма, вызывают у нас смех. Обвинения и намеки на то, что Соединенные Штаты являются агрессором, вызывают у нас глубокое недовольство»[314].

Тем не менее не все, как лорд Хьюм, были склонны ставить «крест на Кубе». В справке о политике Англии в отношении Кубы, направленной из советского посольства в Лондоне в Москву,

отмечалось следующее: «Правящие круги Англии, получившие не один наглядный урок в своих попытках расправиться вооруженным путем с национально–освободительным движением народов Африки и Ближнего и Среднего Востока, отдают себе отчет в опасных последствиях организации подобных авантюр против Кубы. Поэтому следует ожидать, что, хотя английское правительство будет проводить враждебную позицию в отношении Кубы, тем не менее оно, по–видимому, не пойдет на прямое участие в военной интервенции против Кубы, которую подготавливают правящие круги США»[315].

Тем временем в среде контрреволюционных эмигрантов, осевших в США, формировались террористические организации, ставившие целью физическую ликвидацию руководителей кубинской революции. Выходящая в Майами газета «Ньюс» сообщала, что католическая организация кубинских эмигрантов готовит покушения на тех членов правительства Кастро, которых она считает коммунистами.

Александр Алексеев вспоминал о «контрреволюционной шутке», которая начала гулять на Кубе в 1960 году. В связи со слухами о коммунистическом влиянии на революционное правительство святой Петр решил провести проверку. Он собрал трех главных лидеров революции – Фиделя, Че, Рауля – и предложил им перейти через болото с одного берега на другой, сказав, что праведники перейдут на ту сторону, а грешники, то есть коммунисты, утонут в болоте и попадут в преисподнюю. Вернувшись после некоторого отсутствия на берег, Петр увидел Фиделя по бороду в воде, а Рауля – только по колени. «Как же так, – сказал Петр Раулю, – тебя считают самым главным коммунистом, а ты, оказывается, самый праведный из них?» – «Так я же стою на плечах Че Гевары», – ответил Рауль. «Мораль была такова, – пояснял Александр Алексеев, – поскольку Фидель ростом на голову выше Рауля, значит, все трое в равной мере коммунисты»[316].

Террористические акты, беспорядочные взрывы бомб, налеты самолетов, распространение листовок – все это, по замыслу противников Кастро, должно было посеять панику, недоверие к новому правительству у кубинцев и, тем самым, подготовить почву для вторжения, которое, по мере успешного проведения на Кубе социально–экономических реформ, стало рассматриваться как основная форма борьбы против революционного правительства.

В 1999 году, когда в связи со сроком давности был снят гриф секретности с ряда документов американских спецслужб, Фидель выступил с сенсационным заявлением: «17 марта 1960 года, на

совещании, в котором участвовали вице–президент Ричард Никсон – „святой человек“, – госсекретарь Кристиан Гертер, который так и не стал президентом, министр финансов Роберт Б. Андерсон, помощник министра обороны Джон Н. Ирвин, заместитель госсекретаря Ливингстон Т. Марчант, помощник госсекретаря Рой Рю–боттом, адмирал Арлей Берк, из генштаба, директор ЦРУ Аллен Даллес, высокопоставленные офицеры этого управления Ричард Бисселл и Д. К. Кинг, сотрудники Белого дома Гордон Грэй и генерал Эндрю Д. Гудпастер, а также президент Соединенных Штатов (Дуайт Эйзенхауэр. – *М. М.),* была утверждена так называемая «Программа скрытого действия против режима Кастро» <…> предложенная ЦРУ, в которой, среди прочего, давалось разрешение на создание тайной организации по разведке и действиям на территории Кубы, для чего ЦРУ были выделены необходимые фонды. В недавно рассекреченном протоколе этого совещания – его уже рассекретили, потому что прошло почти 40 лет, у них так принято, – генерал Гудпастер записал: – «Президент сказал, что он не видел лучшего плана для контроля этой ситуации <…> главная проблема – утечка информации и сбой в системе безопасности. Все должны быть готовы поклясться, что он (Эйзенхауэр) ничего не знает об этом. <…> Он сказал: „Мы должны выглядеть непричастными ни к чему“ <…>». Фидель сообщил, что «это было лишь формальное совещание, еще и потому, что ЦРУ рекомендовало совершить покушение на меня еще в конце 1959 года – 11 декабря. Не прошло еще и года с момента победы революции»[317].

Первое время кубинцы не шли на конфронтацию с США и старались не отвечать на провокации. В том же 1959 году, на международных форумах и конференциях, представители кубинских делегаций сознательно не обостряли отношения с США и соседними латиноамериканскими странами, голосуя за предложенные теми резолюции. Постоянный представитель Кубы в международных организациях в Женеве, посол Х. Э. Камехо Аргудин в беседе с заместителем руководителя делегации СССР В. Г. Шкунаевым 18 июня 1959 года объяснял политику нейтралитета и неучастия Кубы в каких–либо блоках, провозглашенную правительством Кастро, тем обстоятельством, что «самолет США до Кубы долетает за 20 минут» и что «вся экономическая жизнь Кубы зависит от экспорта в США»[318].

Осенью 1959 года, после серии неудачных дипломатических попыток «угомонить» Фиделя, начались силовые действия в отношении Кубы. 24 сентября в провинции Пи–нар–дель–Рио была обезврежена первая группа контрреволюционеров с большой

партией оружия. Их целью был захват аэропорта Баракоа в провинции Ориенте, с тем чтобы превратить его в опорную базу для вторжения. В составе группы было два гражданина США: полковник Джим Смит и летчик Питер Лаутен. 21 октября 1959 года были сброшены две бомбы на сахарную плантацию Пунта Алегре. 27 октября правительство США опубликовало отчет о встрече посла США в Гаване Ф. Бонсала с президентом Кубы О. Дортикосом. В заявлении отмечалось, что правительство США «испытывает некоторую озабоченность в связи с тем, что в дружественных и сердечных отношениях между Кубой и США появляются признаки недоверия и враждебности»[319]. Американцы даже обещали принять «необходимые меры» против пиратских полетов самолетов с территории США на Кубу. А по сообщению агентства АП из Вашингтона, правительство Соединенных Штатов даже запретило «создание на территории США кубинского правительства в изгнании»[320].

Но многое стало очевидным после выступления 3 ноября президента Эйзенхауэра, который заявил, что «коммунисты ловят рыбу в мутных водах Кубы»[321]. Именно с осени 1959 года, с началом диверсионных атак и актов саботажа, по сути, началась тайная война США против Кубы, которая длится уже почти полстолетия.

Тогда Фидель Кастро терпеливо выжидал и не поддавался на провокации. В заявлении кубинского правительства от 13 ноября 1959 года подчеркивалось, что «правительство Кубы никогда не смешивает американский народ с теми кругами, которые стремятся аннексировать Кубу и которые навязали ей поправку Платта и другие неравноправные соглашения»[322].

Но, похоже, в Белом доме так и не поняли, что с новой кубинской властью следует сотрудничать и уж никак не надо ее дразнить, а тем более воплощать свои угрозы в реальность.

В ответ на начатую американцами пока еще не экономическую, а своего рода «сахарную блокаду», сводившуюся к ограничению покупок кубинского сахара, Фидель Кастро решился на «ответный удар». 15 октября 1959 года он назначил на пост министра обороны Рауля Кастро, которого в США считали коммунистическим агентом в правительстве Кубы. Рауль до этого момента занимал формальную должность руководителя военного крыла «Движения 26 июля». При этом Фидель Кастро пошел на серьезные преобразования силовых структур страны. 29–летний Рауль Кастро возглавил новое министерство революционных вооруженных сил, которое пришло на смену министерству национальной безопасности.

В состав нового ведомства также вошли Повстанческая армия,

Военно–воздушные силы, Военно–морской флот, а месяц спустя разведка и контрразведка. Таким образом, под управлением брата Фиделя оказались все силовые структуры страны. Тем самым Фидель Кастро давал понять и своим сторонникам, и недоброжелателям, что Рауль становится вторым человеком в государстве. Годами позже в Кубинской конституции было закреплено «право преемственности» Рауля в случае невозможности исполнения Фиделем Кастро своих обязанностей. К слову, Рауль, возглавивший министерство обороны Кубы в конце 1950–х годов, уже давно установил «рекорд» – никто в мировой истории так долго, как он, почти полвека, не руководил вооруженными силами своей страны.

Как уже было сказано, в США Рауль, как и Че Гевара, имел репутацию одного из наиболее радикальных лидеров кубинской революции. Он, как и Че, был сторонником установления отношений с СССР и к лету 1959 года, по указанию Фиделя, начал работать в этом направлении.

Немаловажно, что в кубинском обществе постепенно формировалось уважительное отношение к армии, которое она растеряла при Батисте.

Одним из самых первых шагов революционного правительства стало решение все военные городки и казармы, все капитальные постройки, принадлежавшие бывшей армии диктатора, передать в ведение министерства просвещения Кубы с тем, чтобы в них разместились школы и детские центры. В горах Сьерра–Маэстра началось строительство образцовой школы–интерната на шесть тысяч мест. «Особую любовь и признательность к Фиделю проявляют кубинские дети, – писал Александр Алексеев. – Ведь кубинская революция сделала их единственными привилегированными гражданами Кубы <…> Школьники сами возделывают поля и обеспечивают себя необходимым питанием. Там же организованы различные мастерские, в которых ученики получают профессии квалифицированных рабочих»[323].

Крепость Монкада была превращена в школьный центр имени 26 июля, а в бывшей крепости Колумбия был создан крупнейший по тем временам в Латинской Америке школьный городок, получивший название «Свобода». Детские дома для ребят, потерявших родителей в период диктатуры Батисты или в период партизанской войны в горах Сьерра–Маэ–стра, заняли особняки, отобранные у военных преступников, бежавших с Кубы или осужденных революционным трибуналом. На вилле, принадлежавшей Батисте и расположенной в роскошном туристическом центре Варадеро, разместился детский дом на 240

детей. Позднее, в 1970–х годах на Кубе появились более ста школ–дворцов просвещения в сельской местности, в которых стали учиться не только крестьянские дети, но и ребята из других стран – Никарагуа, Анголы, Намибии – государств, которые именовали «странами третьего мира».

В своей книге «В походе с Фиделем» его боевой соратник и бывший глава ИНРА Нуньес Хименес отмечал, что встречи Фиделя со школьниками отличались искренностью и непринужденностью. Фидель не заигрывал с детьми, а старался заводить разговор на серьезные темы. Нуньес привел один показательный эпизод разговор Фиделя со школьниками в 1959 году: «Наши школы могут посещать все дети, будь они даже детьми бывших солдат. Потому что дети не виноваты. В школе с любым надо обращаться, как с равным. И если даже, к его несчастью, его отец совершил преступление, то на нем нет вины, он тоже жертва. В школе все надо забыть, потому что эти дети ни при чем»[324].

Каким поразительным контрастом была политика Фиделя по отношению к детям батистовцев в сравнении со сталинскими временами, когда к детям репрессированных на долгие годы прилеплялось клеймо «чесеир» – «член семьи изменника родины»! Александр Алексеев вспоминал, что среди 16 детей–сирот, воспитывавшихся тогда в доме Фиделя, был сын расстрелянного повстанцами человека, которому батистовцы поручили совершить в горах покушение на Фиделя[325]. (Речь, по всей видимости, идет о сыне казненного предателя Эутимио Герра. – *М. М.)*

Особое отношение к детям обусловлено у Фиделя тем, что он еще совсем маленьким мальчиком был оторван от семьи, а затем, находясь в тюрьме, был поставлен перед фактом, что его жена забрала сына Фиделито. В начале 1959 года, как говорят, не без помощи кубинских революционных спецслужб, Фиделито воссоединился со своим отцом.

Покинутые обеспеченными кубинцами особняки в престижных и роскошных гаванских кварталах – Ведадо, Мирамар, Тарара – были превращены в общежития. В них после кампании по ликвидации неграмотности 1961 года, на протяжении первых десяти лет после победы революции жили тысячи учащихся из бедных семей, получавших государственные стипендии, до тех пор, пока правительство не построило сотни интернатов и полуинтернатов, школ для детей с нарушениями развития и детские сады.

Фидель Кастро пользовался невероятной популярностью у народа. Американский писатель Уолдо Фрэнк, которого Фидель пригласил совершить поездку по стране, писал: «В течение

последних двух недель я был свидетелем рождения Кубы. Я жил в самой гуще народа, был вместе с его вождями и, конечно, с человеком, которого все называют здесь Фиделем. Некоторые говорят о нем, как о брате, другие – как о сыне, воплотившем в дела самые дорогие мечты родителей, третьи – так, как может говорить только девушка о своем возлюбленном или женщина о своем муже, четвертые – как солдаты, рассказывающие о своем командире, справедливом, но требовательном и, если нужно, даже жестком. И все говорят о нем с нежностью и любовью, – писал американец. – Я видел, как Фидель неожиданно, без предупреждения приезжал в город или селение и из уст в уста передавалось: „Фидель здесь!“ И народ выскакивал на улицу, окружал здание, где он беседовал с государственными служащими, и ждал, когда он появится»[326].

В октябре 1959 года Фидель пришел к выводу о необходимости создания двух даже не общественных, а поистине общенародных организаций, в которые было бы вовлечено максимальное количество кубинцев. Ими стали Комитеты защиты революции и народная милиция – «милисианос», созданная по типу народных дружин.

Комитеты защиты революции (КЗР), действовавшие в каждой муниципии, по сути объединили все взрослое население страны: жильцов дома, квартала, городского или сельского района. Они были своеобразным «государственным оком» в самой гуще народа, что было крайне важно с учетом большого количества диверсий и провокаций, которым в те годы подвергалась Куба. Эти комитеты стали следить не только за «перемещениями людей», а за моральным обликом кубинцев, помогая выявлять неблагонадежных кубинцев. Члены комитетов регулярно принимали участие в обходах домов с целью расстроить планы «вражеского проникновения». Один из иностранных корреспондентов назвал Комитеты защиты революции «глазами и ушами режима, которые контролируют страну и прислушиваются к настроениям населения»[327]. С годами значение этой организации только возрастало. Действенность КЗР была убедительно продемонстрирована в марте 1961 года. По приказу руководителя МВД Кубы Вальдеса за два выходных дня была проведена гигантская облава, задержаны более ста тысяч человек, несколько тысяч из которых на предмет выявления «благонадежности» были препровождены в центры предварительного заключения, оборудованные на стадионах, в жилых домах или в спортивных залах.

Сегодня именно КЗР дают всевозможные «отзывы и характеристики», необходимые для жизни и работы в кубинских

условиях. По данным на начало 2007 года, в ста тысячах Комитетах защиты революции состояло около восьми из одиннадцати кубинцев.

Отряды же народной милиции, по замыслу Фиделя, должны были в считаные часы мобилизоваться в случае интервенции. Особенно эффективными они оказались в отдаленной сельской местности, где не были расквартированы подразделения только формирующихся революционных вооруженных сил. Всего за год в ряды народной милиции вошло 800 тысяч человек. Первым ее боевым крещением была нейтрализация криминальных банд и мелких десантов контрреволюционных групп.

Банды состояли из уголовников, вышедших из тюрем при падении режима Батисты, остатков армии диктатора, тех, кто не сдались новым властям, а также противников Кастро, которые не успели бежать с Кубы. Не в силах тягаться с крепнущей день ото дня революционной армией, объектом своих нападений они выбрали безоружных крестьян, женщин, стариков и в особенности добровольцев – «бригадистов», прибывших в деревню обучать ее жителей грамоте.

Специфика кубинской революции состоит в том, что каждый ее год имеет свое название и определение. Об этом накануне нового календарного года вот уже несколько десятилетий заранее объявляет руководство Кубы. Так, 1961 год – третий год революции – стал «Годом просвещения». Подобно большевистским «двадцатипятитысячникам», командированным в российскую глубинку в период коллективизации 1920—1930–х годов, в кубинские деревни хлынули так называемые «бригадисты», чтобы нести людям знания. В большинстве своем это была молодежь от 15 до 20 лет, учащиеся колледжей и школ. Около 100 тысяч школьников и студентов, как правило, выходцы из небедных семей, приняли участие в этой кампании, в ходе которой они впервые своими глазами увидели, что такое жить в бедности. Все их «вооружение» состояло из букваря, учебников, тетрадок и керосиновой лампы. С неменьшим энтузиазмом участвовали в кампании по ликвидации неграмотности сами крестьяне, понимавшие, что их необразованность является последним препятствием на пути к активному участию в революции.

Всю Кубу потрясла трагедия, случившаяся в одном из сел. Позже эта история легла в основу документального фильма «Бригадист». Банда уголовников схватила во время занятий 16–летнего бригадиста Мануэля Аскунсе Доменеча и его ученика, крестьянина Педо Лантигуа. Бандиты садистским образом отыгрались за все свои обиды на беззащитном подростке и

безоружном крестьянине – несколько часов пытали их, а потом повесили, накинув на шею колючую проволоку.

Похороны бригадиста и его ученика вылились в демонстрацию гнева и возмущения всех кубинцев. После речи Фиделя в бригады движения, получившего имя Конрадо Бенитеса, записались десятки тысяч школьников. Найти преступников – было делом чести для революционного правительства. Именно тогда Фидель Кастро, до поры до времени не прибегавший к насилию, решил ответить на контрреволюционный террор террором революционным. Все бандиты, принимавшие участие в пытках и казни юного бригадиста и его крестьянина–ученика, были пойманы и уничтожены или прилюдно казнены. Сделав борьбу с уголовной преступностью одной из приоритетных краткосрочных задач, правительство Фиделя, при помощи народной милиции, менее чем за год практически покончило с основными криминальными бандами.

Строя вертикаль новой власти, Фидель Кастро замыкал принятие всех важных решений на себя. Именно тогда ЦРУ стало склоняться к тому, что «кубинскую проблему» можно решить, лишь ликвидировав лидера страны, который, правда, успел «подстраховаться», сделав своей правой рукой младшего брата.

Назначение Рауля на пост главы всех силовых структур вызвало недовольство не только в среде контрреволюционеров, но и у бывших «братьев по оружию», сражавшихся вместе с Кастро в Повстанческой армии. Противники этого назначения говорили, что Рауль еще слишком молод, не обладает достаточным авторитетом, а главное, харизмой, необходимой для руководителя такого масштаба. Серьезным ударом для Фиделя стала реакция на назначение Рауля со стороны Убера Матоса, командующего революционными войсками в провинции Камагуэй, а точнее, его дальнейшие действия после объявления о назначении Рауля.

Убер Матос, бывший владелец хозяйства по выращиванию риса в провинции Ориенте, присоединился к повстанцам, когда партизанская борьба была в разгаре, а армия, возглавляемая Фиделем, одержала ряд побед над батистов–скими войсками. Благодаря образованности, смекалке, смелости Матос быстро выдвинулся в число лидеров Повстанческой армии. Впрочем, ряд его качеств (самолюбование, недисциплинированность) еще тогда насторожил Фиделя. Однажды он даже вызвал Матоса, присвоившего трофеи, для объяснений в свою ставку. Тогда Матос сумел доказать

Фиделю, что «вышло недоразумение»[328]. По мере того как укреплялся авторитет новой власти в стране, росли и амбиции

Убера Матоса, который после победы революции возомнил себя хозяином провинции Камагуэй, хотя был всего лишь начальником ее военного гарнизона. Он начал продвигать на важные должности в местной администрации своих людей и уже не скрывал, что готовит мятеж несогласных с «коммунистической политикой Гаваны».

20 октября он написал письмо Фиделю Кастро, которое в тот же день было доставлено главнокомандующему. В нем Матос дал понять, что ему не по пути с коммунистами, занявшими важные государственные посты, что Фидель не верен делу революции. При этом Убер Матос предупредил Фиделя, что это письмо носит доверительный характер и не предназначено для обнародования. Кастро, не подозревающий о подвохе, не предпринимал никаких мер до тех пор, пока уполномоченный ИНРА в провинции Камагуэй Энрике Мендоса, один из немногих, кто не являлся там «человеком Матоса», не доложил поздно вечером 20 октября Фиделю, что в провинции готовится самый настоящий мятеж и уже 21 октября Матос намерен огласить «Личное письмо Фиделю» на митинге.

Потрясенный поступком своего боевого товарища, Фидель, не медля ни минуты, отправился в Камагуэй: с врагами и своими противниками он всегда предпочитал выяснять отношения лично, как говорится, с открытым забралом. Фидель поехал к Матосу, один и без оружия, оставив свой пистолет в сейфе в Гаване. Весть о его приезде быстро распространилась в народе. 21 октября он выступил по радио и призвал присоединиться к нему всех тех, кому дорога революция. Спустя пару часов на главной площади города Камагуэй собралось несколько десятков тысяч безоружных людей. На этот раз Фидель был необычайно краток, но крайне эмоционален. Он сообщил собравшимся, что Матос готовит заговор, и призвал их идти вместе с ним в гарнизон, которым командовал мятежник. Ворота штаб–квартиры Убера Матоса были закрыты. Разъяренный Фидель ударил по ним с такой силой, что они открылись с первого раза[329].

Толпа вслед за Фиделем прошла в резиденцию Убера Ма–тоса мимо остолбеневших часовых, которые не рискнули выстрелить в Кастро. Когда Кастро открыл кабинет командующего гарнизоном, тот от растерянности оцепенел. Фидель Кастро бросил в лицо Уберу Матосу всего лишь одну фразу: «Если кто неверен, то это ты». Заговорщики были арестованы и доставлены в Гавану. За последние несколько месяцев это было уже второе предательство человека, которому Фидель доверял. Ранее, в июле 1959 года в США бежал уже упоминавшийся командующий революционными Военно–воздушными силами Кубы команданте Педро Диас Ланс.

Он умудрился поставить на ключевые должности в ВВС своих родственников, и Фидель уволил его. Через несколько недель он был принят с распростертыми объятиями в американском конгрессе, где нечасто удостаивались аудиенции кубинцы. Там он обвинил своего бывшего боевого товарища и командира – Фиделя Кастро в обмане кубинского народа и насаждении коммунизма. Тогда, в июле, Фидель заявил, что вызов Диаса Ланса «для допроса в подкомиссию сената США является оскорблением для Кубы»[330].

Фидель словно предчувствовал беду. Во время первого «пиратского налета» на Гавану в октябре 1959 года, в дни туристического конгресса, когда в результате бомбежки погибли двое и были ранены 45 жителей столицы, самолетом, вылетевшим с американской базы, командовал не кто иной, как бывший командующий ВВС Кубы Диас Ланс. Фидель тогда сказал в узком кругу: «Думаю, что настало время готовиться к обороне. Бомбежка Гаваны – это куда серьезнее взрыва броненосца „Мейн“ (в 1898 году). Ведь здесь сейчас не ведутся боевые действия. Как можно совершать налеты, убивать беззащитных людей! А что случилось бы, если канадские самолеты вдруг стали бы сбрасывать бомбы на Вашингтон или любой другой город Соединенных Штатов? Что там происходило бы сейчас! До какой степени был бы потрясен американский народ! Что бы стала бы требовать общественность США? Почему же мы, в таком случае, должны переносить такие налеты и терпеть страдания, причиняемые ими?! Разве нет разницы между Перл–Харбором, этой военной базой, вооруженной до зубов, и Кубой, не имеющей современного оружия и самолетов, живущей мирно, где в настоящее время присутствуют делегаты 82 стран и большинство из них как раз американцы»[331].

Фидель не простил Уберу Матосу измены. Матос получил 20 лет тюремного заключения, которые отсидел от звонка до звонка, а потом без всяких препятствий уехал в США.

Впрочем, для полноты картины уместно привести воспоминания самого бывшего команданте Убера Матоса, которыми он поделился, уже находясь в эмиграции в США. Матос рассказал, что впервые Фидель принял его в отеле «Хилтон», где размещался штаб революционного правительства в годовщину штурма Монкады 26 июля 1959 года. Кастро был крайне возбужден. «У нас еще много работы впереди. Я признаю, что Рауль и Че „кокетничают“ с марксизмом, но эта ситуация находится под контролем. Забудь об отставке, – убеждал Фидель Убера Матоса. – Но если ты почувствуешь, что ситуация выходит из–под контроля, дай знать» [332] . В сентябре 1959 года Убер

Матос понял, что его надежды на формирование демократического правительства не оправдались. Тогда он и признался Фиделю, что вынужден оставить свой пост из–за усиливающегося на Кубе коммунистического влияния, послав Кастро второе на тот момент письмо, в котором объяснял причины своего расхождения с ним: «Я не хочу превращаться в препятствие для революции. Мой революционный жест – это моя отставка». Значительно позже Матос говорил, что просто хотел, чтобы его оставили в покое: «Я увидел не только приближение диктатуры, а диктатуры с коммунистическими тенденциями. Мне было с ними не по пути». Фидель послал в Камагуэй Камило Сьенфуэгоса арестовать Матоса. Рауль и Че Гевара выступали за смертную казнь Матоса, но другие команданте – Мануэль Рей, Фаустино Перес – выразили сомнение в необходимости такого шага. (После этого их сняли со своих постов и заменили на людей, верных Фиделю.) Теперь судьба Ма–тоса была в руках Фиделя. И тот принял решение даровать ему жизнь, чтобы не превращать его в жертву или героя. 11 декабря начался пятидневный суд, на котором присутствовал команданте эн хэфэ. Матоса отправили отбывать наказание в ту самую тюрьму на острове Пинос, где находился в заключении сам Фидель.

После обстрела Гаваны и предательства Матоса 26 октября в Гаване состоялся грандиозный митинг, принявший ярко выраженный антиамериканский характер, на котором выступили практически все кубинские руководители. Фидель Кастро поставил на голосование народа вопрос о введении на Кубе революционных трибуналов и призвал его поддержать усилия правительства по оснащению армии современным оружием, особенно самолетами. Фидель впервые заявил о намерении своего правительства купить оружие в тех странах, которые согласятся продать его Кубе. «Я понял тогда, – вспоминал присутствовавший на митинге Александр Алексеев, – что Фидель имел в виду страны социалистического содружества» [333].

Октябрь 1959 года оказался самым тяжелым для Фиделя месяцем после победы революции. Прежде всего с точки зрения психологических испытаний, выпавших на его долю.

В конце октября 1959 года произошла трагедия, причина которой до конца не выяснена. С экранов радаров пропал самолет народного любимца и героя Кубы команданте Ка–мило Сьенфуэгоса. Фидель Кастро, который обладал редким даром – распознать ценные качества в простых людях, в свое время помог Камило Сьенфуэгосу раскрыть талант боевого командира. Камило был настолько предан Фиделю, что даже не мог играть против него в бейсбол.

После ареста Убера Матоса Сьенфуэгос принял на себя командование революционными войсками в провинции Камагуэй. По делам службы он должен был полететь с инспекцией в Санта–Клару, а затем прибыть с докладом к Фиделю в Гавану. 29 октября он лично сел за штурвал маленького двухмоторного самолета «Сесна–310», с запасом топлива на три часа. По одной из версий, самолет угодил в тропическую бурю, сбился с курса и упал в море. Поиски пропавшего самолета, которые возглавлял сам Фидель Кастро, длились целую неделю на воде, суше и в горах, но не принесли результата.

Кубинская революция потеряла одного из своих самых ярких руководителей. Двухмоторный самолет не найден до сих пор, что породило различные домыслы и догадки как на Кубе, так и за ее пределами. Говорили, что Камило похитили и тайно вывезли с Кубы. Потом кто–то запустил слух, что Камило подобрали рыбаки и он вот–вот вернется в Гавану, и жители в радостном порыве выскочили на улицы. Фидель сказал, что все эти домыслы являются «ложью чистой воды», горько заметив, что «даже это огромное для всех нас несчастье, это горе они (враги. – *М. М.)* попытались с самого начала, с первых же часов поставить на службу кампании клеветы, неприкрытого заговора против нас»[334].

На Кубе Сьенфуэгос стал легендой, а в день его смерти, отдавая дань его памяти, кубинцы бросают в море поминальные венки.

В конце 1959 года произошел второй по значимости исход разуверившихся в правительстве Кастро и революции граждан Кубы. Среди них были землевладельцы, которые на первом этапе выразили желание сотрудничать с новыми властями. Но вскоре они поняли, что не приживутся в новой стране, и эмигрировали в США.

Подробный расклад сил кубинской оппозиции, проживавшей в США, содержался в сообщении советской рези–дентуры в Москву: «Большинство людей, живущих в гостинице „Senate“, которой владеет бывший начальник полиции при Батисте Ирейнальдо Гарсиа, были связаны со старым режимом. Они выступают против Революционного совета, возглавляемого Хосе Миро Кардона (экс–премьер, бежавший в США. – *М. М.),* поскольку совет критикует Батисту и его последователей. Газета «Patria», финансируемая Батис–той, имеет широкое хождение там <… > Они разделены и объединены в различные организации по различным признакам, и доходят до террора в борьбе друг против друга <…> некоторые из них («Montecrist Organisations „Second front“ – неразборчиво. – *М. М.)* подвергались налетам. Эти

организации считают, что это дело рук сторонников Кастро. 60 кубинцев, приехавших на двух последних судах в США, сейчас находятся в заключении как агенты кубинского правительства.

1. На закрытом заседании членов бригады «2506» их (членов формирования, высадившегося на Плайя–Хирон. – *М. М.)* убедили распустить бригаду. Им предложено вступить в американскую армию с тем, чтобы таким путем начать реализацию военного плана по подготовке интервенции на Кубу. Это совещание было созвано Кардоной, который развенчал бывшего руководителя вооруженной интервенции в апреле 1961 года Мануэля Артима.

2. Существует организация «Демократическая ориентация». Это секретная организация, личный состав которой находится на негласном положении. Эта организация обрабатывает своих членов в антикоммунистическом духе путем распространения среди них печатных изданий. Связь между членами этой организации осуществляется по паролю.

3. «Координационный совет по Кубе Госдепартамента США». Этот совет находится в здании почтового ведомства США. Руководителем его является Стерлинг Коттрелл. Он говорит бегло по–испански и считается экспертом по ведению партизанской войны. Ранее он служил в Южном Вьетнаме <…> Всех кубинцев в возрасте от 18 до 30 лет призывают в американскую армию. Им говорят, что все противники коммунизма обязаны бороться против кубинского правительства. Кубинцам говорят, что им припомнят, если они откажутся служить в американской армии, получить военную подготовку и не захотят воевать против коммунизма, против Кастро.

4. Свыше двухсот эмигрантских организаций с Кубы отстаивают лишь свои корыстные интересы. Почти каждый день возникает новая организация <…> Общее мнение заключается в том, что США выжидают, пока не ухудшится экономическое положение на Кубе <… > пока не будет «общего» соглашения 20 государств–членов ОАГ или большинства из них, чтобы начать вторжение. Большинство из советников по вопросам кубинского кризиса не хотят установления второй блокады. Они считают блокаду неэффективной. Они выступают за вооруженное вторжение комбинированными силами (США и остальные страны Западного полушария)»[335].

7 декабря 1959 года под председательством Фиделя Кастро открылось Третье национальное совещание ИНРА. Прошло полгода с момента начала аграрной реформы, и Фидель с гордостью доложил собравшимся, что скотоводческие латифундии на Кубе уже ликвидированы и через четыре месяца на острове «вообще не останется помещичьих земель», что в 1960

году под контроль ИНРА перейдет еще большее количество земли и надо быть готовым к этому. На этом совещании Фидель Кастро довольно резко высказался по поводу административных структур на Кубе: «Существующее государство – это барахло, которое не годится ни для чего, прежде всего потому, что в государственном аппарате засели всякого рода посредственности, люди, которые далеки от революции, и, наоборот, ИНРА – это организация, созданная революцией <…> Оборона республики должна координироваться с ИНРА, индустриализация страны должна координироваться с ИНРА, ИНРА превращается в своего рода становой хребет революции, и сотрудники ИНРА должны иметь высокую революционную сознательность»[336]. Тогда же он сделал еще одно важное заявление, которое напрочь разрушает измышления некоторых «пропагандистов» о том, что Фидель Кастро «жаждал» мщения и крови: «Вспомните, что восставшие на Гаити рабы свернули головы своим бывшим хозяевам. И вы знаете, что если мы скажем крестьянам, чтобы они свернули головы латифундистам, то все будет кончено в 24 часа. Мы делаем революцию, не гильотинируя привилегированные классы. Вспомните французскую революцию, свернувшую головы маркизам, графам, всей знати. Социальные революции после победы сразу же расправлялись с привилегированными сословиями. Однако мы совершили революцию, оставляющую привилегированным деньги и часть их земель, они до сих пор имеют свои газеты, свои радиостанции».

Рождество Фидель решил встретить в местечке Лагуна–дель–Тесоро. Здесь он наконец–то немного расслабился, подышал свежим воздухом. Один из местных рабочих, Алипио, глядя на команданте эн хэфэ, подметил: «Фиделю нравится в лесу, как оленю». К двенадцати часам в доме простого угольщика был накрыт стол из грубых досок: жареный поросенок – национальные блюда с юккой, салатом, редиской, рисом, фруктовое вино и халва, купленные в народном магазине. Один старик из местных сказал теплые слова в адрес новой власти: «Когда вы сражались в горах, я, откровенно говоря, не думал, что эта революция будет такой честной. Сколько раз приходилось разочаровываться до этого!»

В тот вечер Фидель больше слушал, чем говорил. «Прямой контакт с людьми из народа, с угольщиками, которые относятся к нему, как к члену семьи, и разделяют его чувства, принес радость Фиделю, – вспоминал участник этой встречи Антонио Нуньес Хименес. – И у нас было приподнятое настроение. Я думаю, что Фидель, придя в самую гущу народа, чтобы отметить Рождество, встретившись с этими мужчинами, женщинами и детьми, проявил

свою глубокую любовь к беднякам, которая роднит его с Хосе Марти»[337].

Тем временем в американо–кубинских отношениях продолжали сгущаться грозовые тучи. В январе 1960 года кубинское правительство направило в Белый дом две ноты с предложением о переговорах при условии, что конгресс и администрация США не будут предпринимать действий, способных нанести экономический ущерб Кубе. В ответ правительство США потребовало от кубинцев немедленного возмещения за национализированную американскую собственность в сумме, которую установят сами Штаты. Посол США на Кубе Ф. Бонсал зачастил в Вашингтон. 26 января в заявлении для печати Д. Эйзенхауэр выразил озабоченность в связи с ухудшением отношений между Кубой и США и «последними заявлениями Кастро, в которых содержатся несправедливые нападки на правительство США и некоторых руководителей страны». «Правительство США признает за правительством Кубы право на проведение социальных и экономических реформ, но при этом указывает, что эти реформы должны проводиться при должном соблюдении норм международного права»[338], – говорилось в заявлении.

Параллельно американцы с каждым днем расширяли масштабы подрывной деятельности: организовывались полеты «неизвестных» самолетов над островом, подвергались бомбардировке и обстрелу промышленные центры, главным образом сахарные заводы, перешедшие в руки правительства, а также населенные пункты Кубы и кварталы Гаваны, где находились резиденции членов революционного правительства. 21 января 1960 года двухмоторный самолет типа «Каталина» вторгся в воздушное пространство Кубы и сбросил зажигательные бомбы. В результате сгорел 1 миллион арроб сахарного тростника (арроб – связка, сноп весом в 11,5 килограмма. – *М. М.)*. 6 февраля в провинции Камагу–эй в результате бомбежки сгорело 1,2 миллиона арроб тростника. С самолета были сброшены бомбы американского производства. 18 февраля 1960 года над сахарным заводом «Эспанья» в провинции Матансас взорвался американский самолет. Оба летчика погибли, но на месте взрыва удалось найти документы, выданные на имя американского гражданина Роберта Келли Фроста. Карты, также найденные на месте катастрофы, свидетельствовали о том, что полет был предпринят с аэродрома Тамиами, расположенного недалеко от Майами.

Фидель Кастро в тот же день выступил по кубинскому телевидению и сообщил, что в результате этих варварских атак

сгорело 19 миллионов арроб сахарного тростника. 21 февраля 1960 года бомбардировке подвергся район Гаваны, где находилась резиденция самого Фиделя Кастро. По счастливой случайности никто не пострадал. 12 мая в 50 милях западнее Гаваны был сбит американский самолет. Позже было установлено, что он должен был тайно вывезти с территории Кубы пять военных преступников.

В общем, американцы давали понять революционному правительству, что решение об интервенции – вопрос ближайшего времени.

4 марта 1960 года случилось событие, ставшее, по сути, точкой отсчета до разрыва американо–кубинских отношений. Правительство Кубы обратилось к нескольким европейским странам с просьбой о поставках оружия для оснащения своей армии. Бельгия и Франция, несмотря на серьезное давление, оказываемое на них американцами, продолжали выполнять контракты, заключенные еще с режимом Батисты, и снабжать кубинцев оружием. 4 марта французское судно «Ле Кубр» с бельгийским оружием на борту пришвартовалось в Гаванском порту. Во время разгрузки на судне раздался сильнейший взрыв. Как позже установило следствие, сначала взорвалась мощная бомба, пронесенная на борт. Она сработала как детонатор, и один за другим стали взрываться контейнеры с оружием. Судно пришвартовалось как раз у причала, рядом с которым находилось много домов и контор. В результате погиб 101 человек – бельгийцы, французы и кубинцы.

Похороны жертв трагедии вылились в мощную акцию протеста против диверсий и террора, который развязали противники революции. 6 марта на траурном митинге из уст Фиделя Кастро впервые прозвучал самый знаменитый лозунг кубинской революции, которым отныне всякий раз будут заканчиваться его выступления: «Patria o Muerte!» – «Родина или смерть!» Фидель заявил, что это преступление не могло быть подготовлено на Кубе, оно задумано за границей, что американские посольства в Англии и Бельгии, а также в других странах предпринимали все меры, чтобы эти страны не продавали Кубе оружие и боеприпасы[339], желая тем самым помешать кубинскому правительству укрепить обороноспособность Острова свободы.

Ответ американцев на обвинения Фиделя последовал незамедлительно. Сначала госсекретарь США Кристиан Гер–тер на встрече с временным поверенным в делах Кубы в США Паттерсоном заявил, что США не несут никакой ответственности за взрыв на Кубе[340]. А 15 марта Фиделю была вручена нота

протеста по поводу его заявления о причастности к делу Соединенных Штатов. Следом американский Госдеп отказал в выдаче лицензий американским фирмам на продажу Кубе вертолетов «ввиду политической напряженности».

В беседе с Александром Алексеевым Фидель сказал, что в ближайшее время американцы могут провести целую серию акций против революционного правительства и лично него: террористический акт, вторжение, введение экономических санкций и разрыв дипломатических отношений. Могут устроить провокации против кубинских граждан или американских кораблей. Фидель напомнил, как в 1898 году американцы, ища формальный повод для объявления войны испанцам, взорвали собственный корабль «Мейн», на борту которого находилось 250 моряков[341].

Именно после этого взрыва Фидель Кастро, образно говоря, повернулся в сторону Москвы.

И тут решающую роль сыграло его знакомство с Александром Алексеевым (Шитовым), офицером КГБ СССР, работавшим под прикрытием корреспондента ИТАР—ТАСС. Алексеев, который прибыл в Гавану 1 октября 1959 года, стал своего рода главным посредником между правительством Кастро и советскими властями в процессе восстановления разорванных при Батисте советско–кубинских отношений. После Николая Леонова, познакомившегося с братьями Кастро еще в Мексике в 1955 году, Александру Алексееву предстояло не просто наладить контакт, но и развивать отношения с кубинскими руководителями. Для многих из них он стал настоящим другом.

Именно Алексеев, с присущей классным разведчикам прозорливостью и находчивостью, разглядел феномен Кастро. Используя свой собственный канал связи в Гаване, он сумел убедить свое руководство на Лубянке, а затем и Кремль в том, что с Фиделем Кастро не просто можно, а нужно подружиться, и как можно скорее.

Но обо всем по порядку. В Москве в 1959 году ничего толком не знали ни о Фиделе Кастро, ни об истинных целях кубинской революции. Информация, поступавшая по каналам межпартийной информации от членов НСП, была тенденциозной и отражала мнение обиженных при распределении постов в новом правительстве кубинских коммунистов. «…Смутное представление у нас было перед моим отъездом на Кубу как о самом характере кубинской революции, так и о ее руководителях. Информация о Кубе к нам поступала тогда только от буржуазных, в основном американских агентств, и не позволяла дать правильную оценку происходящим событиям»[342], – вспоминал

Александр Алексеев.

Советского разведчика одолевали сомнения. «Все же я не знал, чему верить, а чему нет. Ведь я, как и все, кто хоть немного знает историю Латинской Америки, привык к происходящим там частым государственным переворотам, именуемым революциями, в результате которых не случалось по сути дела никаких социальных перемен радикального характера. Новые правительства, приходившие на смену свергнутым, несмотря на свои широковещательные обещания, проводили ту же политику защиты интересов местной олигархии и продолжали свой путь в упряжке американского империализма.

Правда, тенденциозный, враждебный Кубе характер информации, лживость которой была очевидна, давал повод думать, что на Кубе совершена такая революция, которая не походила ни на один из многочисленных латиноамериканских переворотов. Для того чтобы правильно понять характер кубинской революции, требовались встречи с кубинским руководством и прежде всего с Фиделем»[343].

Однако сначала Алексеев познакомился не с Фиделем, а с Эрнесто Че Геварой, который тогда руководил отделом индустриализации в ИНРА. Эта встреча состоялась 12 октября 1959 года в два часа ночи. Такое время не удивило советского представителя: он уже знал об «особом графике» работы кубинских руководителей.

«Беседа с Че была для меня большим откровением. Он рассуждал как марксист–ленинец. По всем вопросам наши мнения совпадали, – вспоминал Александр Алексеев. – Че был первым из кубинских руководителей, который сказал тогда, что для завоевания полной свободы и независимости страны от американского империализма у Кубы есть только один путь – путь строительства социалистического общества и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В обстановке антикоммунистического психоза, нагнетаемого реакционной прессой, Че не считал возможным афишировать свои взгляды, но в работе он твердо придерживался своих принципов»[344].

Алексеев приготовил Че небольшой подарок – пачку аргентинских сигарет, правда, с названием американского штата «Техас». «Ну, ты и удружил!» – И Че высказал всё, что думает о Соединенных Штатах и американском империализме. «Мне стало ясно, кто такой Че, – пишет Александр Алексеев. – Я тут же сказал, что рад своей неуклюжей попытке сделать приятное, раз она дала ему возможность искренне высказаться»[345].

Кстати, когда врачи велели Че, страдавшему тяжелейшими

приступами астмы, свести курение до одной сигары в день, он выполнил их указание так, что они больше не докучали ему подобными советами. На следующий день врачи застали Че в его кабинете, сидящим в кресле и курящим полуметровую сигару, сделанную на заказ рабочими одной из табачных фабрик. Так он показывал эскулапам, что прислушался к их советам и действительно курит одну сигару в день. Позже, в середине 1980–х годов, этот «фокус» точь–в–точь повторит Фидель.

В ночь с 16 на 17 октября в гаванскую гостиницу «Севилья», где остановился гость из СССР, приехали два «барбу–дос» с автоматами и сказали, что «Фидель ждет». Перепуганные служащие гостиницы подумали, что «советского арестовали».

Алексеева привезли в многоэтажное здание ИНРА, где его уже ждали Фидель и директор института Антонио Нунь–ес Хименес. «Мы внимательно смотрим друг на друга. Они, конечно, в полевой военной форме оливкового цвета с расстегнутым воротом, в высоких солдатских ботинках, а я почти в парадном наряде. Мне стало не по себе, – писал Александр Алексеев. – Фидель заметил мое смущение и, чтобы успокоить меня, шутливо сказал, что через сорок два года, а тогда приближалось 42–летие Октябрьской революции, они, кубинцы, также начнут соблюдать протокол. С тех пор я редко появлялся в костюме, предпочитая кубинскую рубаху–гуяверу, за что и получил прозвище „посол в гуявере“»[346].

Александр Алексеев, так же как и к Че, пришел к Фиделю с сувенирами. На этот раз, чтобы не опростоволоситься, он захватил с собой бутылку известной на весь мир «Столичной», несколько банок черной икры, которая потом всегда включалась в подарочный набор для Фиделя Кастро, а также альбом с видами Москвы. Но прежде чем продегустировать дары из России, Александр Алексеев предложил Фиделю попробовать изделие советской «табачки» – любимые папиросы Сталина «Герцеговину флор». Но здесь, уже второй раз, как и при встрече с Че, случился прокол. Фидель Кастро, весьма критически относившийся к Сталину, поперхнулся его любимыми папиросами, сделав только одну затяжку. «Слишком много картона и слишком мало табака, – сказал Фидель. – Зачем портить удовольствие от курения, напихав в сигареты столько бумаги?» Алексеев не растерялся, а отбился шуткой, что это сделано специально для «барбудос», чтобы не подпалить свои роскошные бороды. Шутка понравилась Фиделю, и он угостил московского гостя тридцатисантиметровой сигарой, которой хватило на полтора часа беседы. С первых минут их беседа приняла дружественный характер. Алексеев рассказывал, каких успехов добился Советский Союз после

революции, а потом, в короткий срок, восстановился после опустошительной войны. Фидель в свою очередь рассказал о принципах политики его революционного правительства, о сути реформ на Кубе.

Когда речь зашла о восстановлении дипломатических отношений, разорванных при Батисте, Фидель сказал, что у кубинского правительства нет никаких возражений против этого, но признался, что «значительная часть народа, которому местная реакционная и американская пропаганда навязали антисоветские предубеждения, еще не готова к этому». «Потребуется время, чтобы искоренить эти предрассудки, а пока отношения, в частности торговые, могут налаживаться без их формального восстановления»[347]. Налаживающиеся отношения тут же «скрепили», откупорив бутылку водки.

«„Какая вкусная водка! Какая вкусная икра! Нуньес, мне кажется, стоит установить с СССР торговые отношения“ <…> Это была первая бутылка советской водки, попавшая на Кубу после победы революции. Подняв рюмку, Фидель произнес тост: „Установление дипломатических отношений – сейчас не самое важное. Самое главное, что кубинцы и советские люди – друзья“»[348].

На этой встрече случился еще один примечательный эпизод. Узнав, что Фидель родился 13 августа, Алексеев заметил, что их дни рождения совпадают, так как он сам родился 1 августа 1913 года, когда еще был старый календарный стиль. Фидель сказал, что в таком случае Алексеев родился не 13, а 14 августа. «Наш человек в Гаване» быстро сориентировался и тут же заявил, что Фидель не учитывает восьмичасовую разницу во времени между Гаваной и Москвой. Фидель громко рассмеялся.

Чуть позже настоящим ценителем русской водки станет брат Фиделя – Рауль. Один из советских специалистов, который в начале 1960–х годов совершил поездку по Кубе вместе с Фиделем, писал в отчете в Москву: «Рауль однажды на дне рождения администратора одного из никелевых заводов поинтересовался, есть ли у советских друзей московская водка, а когда узнал, что есть только кубинский ром, сказал, что московская водка лучше и он пьет только ее»[349].

Фидель Кастро предложил Александру Алексееву привезти на Кубу советскую торгово–промышленную выставку, которую Нуньес Хименес видел в Нью–Йорке. Фидель был убежден, что эта выставка, которая в то время проходила в Мексике, помогла бы кубинскому народу избавиться от заблуждений в отношении СССР. Он также был заинтересован в приезде на Кубу первого заместителя председателя Совета министров СССР Анастаса

Микояна, который в те дни находился в Мексике. На следующий день Александр Алексеев вылетел в Мехико, где встретился с Микояном. К его удивлению, Анастас Микоян без колебаний принял эту идею и в тот же день согласовал с Москвой вопрос о том, чтобы отправить выставку из Мексики на Кубу.

Алексеев вернулся в Гавану, но, добившись встречи с Кастро, был разочарован: тот попросил перенести выставку на начало следующего года, мотивировав это полученной информацией о том, что контрреволюционеры намереваются активизировать свою деятельность в конце года и могут сорвать выставку. Александр Алексеев снова вылетел в Мехико для встречи с Микояном, правда, не один, а с представителем МИДа Кубы Э. Родригесом Льомпартом. «Сначала я встретился с Микояном один. Рассказал ему всё, как было, думая, что сейчас он посчитает меня и кубинских руководителей несерьезными мальчишками. Но он слушал мой рассказ с большим вниманием, и я не заметил в нем какого–либо раздражения. Микоян сказал: „Они правильно делают, зачем раздражать врага. Ведь я могу приехать в Гавану позже на открытие выставки“»[350]. В качестве предварительной даты был намечен февраль 1960 года.

Свою пользу от встречи с Микояном в Мехико извлекли и кубинцы. Э. Родригес Льомпарт попросил советского вице–премьера направить на Кубу представителя Министерства внешней торговли СССР для переговоров о закупке небольшого, хотя бы символического количества сахара, так как американцы уже начали чинить препятствия в торговле с Кубой.

В начале 1960 года представитель Министерства внешней торговли СССР А. Мальков, прибывший в Гавану, провел успешные переговоры с Че Геварой и Карлосом Рафаэлем Родригесом, итогом которых стал контракт о закупке Советским Союзом 100 тысяч тонн кубинского сахара. Это была первая советская коммерческая сделка с правительством Фиделя Кастро. Теперь особые надежды возлагались на открытие советской выставки делегацией во главе с Анастасом Микояном.

Просьба Фиделя об оказании помощи со стороны Москвы дошла лично до Никиты Хрущева. Как считают многие исследователи этого непростого периода мировой истории, увенчавшегося Карибским кризисом, решающая роль в установлении дружественных отношений между Москвой и Гаваной принадлежала Никите Сергеевичу Хрущеву.

«Когда Фидель Кастро добился победы и вступил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что в движении, возглавляемом Кастро, участвуют

отдельные коммунисты–одиночки, но компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК компартии Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанить в горы вместе с Кастро, – писал Никита Хрущев в своих „Воспоминаниях“. – Когда повстанцы заняли Гавану, мы пользовались материалами только газет и радио <… > Кроме того, Куба официально наше государство не признавала, и долгое время у нас с нею никаких дипломатических связей не существовало».

Впрочем, вскоре Хрущев, мечтавший «засунуть ежа в штаны американцам», понял, что Вашингтону можно легко утереть нос: США очень болезненно отреагируют на появление союзника Москвы у своих берегов. В своем послании Фиделю Кастро от 12 марта советский лидер выразил симпатию революционному правительству. Решение о том, чтобы направить такое послание, безусловно, принималось коллегиально. Оно было утверждено в тот же день на заседании Президиума ЦК КПСС. Справедливости ради надо заметить, что и коммерческая сделка, и это письмо были не первым «контактом» Гаваны и Москвы. Фундамент для будущего сотрудничества закладывался еще осенью 1959 года. 30 сентября 1959 года Президиум ЦК КПСС проголосовал за то, чтобы одобрить решение Польши поставить на Кубу некоторые виды стрелкового оружия, которое изготавливалось на польских заводах по советским лицензиям. А чуть позже Политбюро ЦК КПСС приняло решение о предоставлении торговой и финансовой помощи Кубе.

Впоследствии Хрущев, очарованный «непосредственностью и романтизмом» кубинской революции, так проникся симпатией к Фиделю, что любой выпад в отношении него на международных форумах считал личным оскорблением. Никита Сергеевич и члены политбюро даже любовно называли его Федей. Однако кубинцам не очень нравилось, что советские руководители относятся к ним снисходительно, по–отечески, как бы свысока. Однажды во время приезда в Москву Карлоса Рафаэля Родригеса Хрущев спросил его, почему Фидель на него обижается, ведь он «относится к нему как к родному сыну». Родригес поставил Хрущева на место: «Фидель Кастро – не ваш сын. Он является руководителем кубинского государства. Поэтому относиться к нему, как к своему сыну, было бы неправильно. К нему необходимо относиться, как того заслуживает лидер суверенного государства. Во взаимоотношениях взрослых с детьми старшие, как правило, не интересуются мнением младших, принимая то или иное решение. Они считают естественным их беспрекословное выполнение младшими, в этом – суть ошибки»[351].

Итак, 4 февраля 1960 года в Гаване приземлился советский самолет. Это был бомбардировщик, переделанный под обычный гражданский лайнер. На его борту находилась советская делегация во главе с первым заместителем председателя Совета министров СССР Анастасом Ивановичем Микояном, прибывшая на открытие выставки. На ней были представлены макеты крупных советских заводов, станки, машины, копия первого советского спутника, промышленные и продовольственные товары, литература, изданная в СССР на испанском языке.

Как и предполагал Фидель Кастро, выставка сняла «пелену с глаз кубинцев», введенных в годы «охоты на ведьм» в заблуждение относительно достижений СССР. За три недели ее посетили 800 тысяч человек, почти каждый восьмой житель Кубы.

Контрреволюционные элементы пытались сорвать выставку. Они осквернили венок, возложенный Анастасом Микояном к памятнику Хосе Марти, начали стрельбу во время ее открытия. Но эти криминальные акции только усилили интерес кубинцев к выставке, параллельно с которой были проведены переговоры между Фиделем Кастро и Анастасом Микояном.

По воспоминанию Н. С. Леонова, работавшего переводчиком у Микояна и единственного из делегации знавшего до поездки братьев Кастро, Фидель буквально очаровал Микояна. Тот назвал Фиделя «настоящим революционером». Во время этого визита Микояну показали Кубу. Когда советская делегация в сопровождении Фиделя прибыла в провинцию Ориенте, тот предложил отправиться в горы Сьерра–Маэстра, где проходил славный путь Повстанческой армии.

Заночевали в недостроенном здании туристического комплекса, в котором не было не то что штор, но и окон, и кроватей. «Все ночевали, в том числе Фидель, на полу, завернувшись в шинели. Пили крепкий кофе, который приносили в ведре. Ели в столовой барачного типа то же, что и рабочие: маланга, картошка, горсть риса. Для Фиделя это было привычно, потому что он только что спустился с гор. Микоян все переносил стоически, – вспоминал Николай Леонов. – Всюду, где мы останавливались, мы сами себя обеспечивали пищей. Никакого государственного протокола не было. Когда мы на вертолете прилетели на какой–то островок в небольшую резиденцию Фиделя, он предложил Микояну: „Еды у нас больше нет, так что поехали ловить рыбу“. Микоян даже сначала подумал, что Фидель шутит. И Микоян, и Фидель, и я ловили рыбу спиннингами. Ее там было много, мы наловили штук 20—25. Эту рыбу мы зажарили и ели с солдатскими галетами, запивая минеральной водой. Такова была обстановка, в которой проходил

визит. Абсолютно никакого комфорта. Хотя решались капитальные вопросы»[352]. Именно там на клочках бумаги Микоян и Кастро набросали текст будущего советско–кубинского соглашения о сотрудничестве.

Во время перелета Фиделя Кастро и Микояна с острова Пинос в Сантьяго–де–Куба на вертолете Ми–8, который демонстрировался на выставке, у советского руководителя возникла идея подарить его Фиделю. Парк кубинских вертолетов составляли старенькие машины, давно выработавшие свой летный ресурс. Идея о подарке вертолета была быстро согласована с Москвой, и Анастас Микоян торжественно передал вертолет Фиделю Кастро, который искренне обрадовался этому.

В Гаване было заключено экономическое соглашение между Москвой и Кубой о товарообороте и платежах. В соответствии с соглашением правительство Советского Союза должно было закупить в 1960 году в Республике Куба 425 тысяч тонн сахара в дополнение к уже закупленным 575 тысячам тонн. В документе говорилось: «В последующие четыре года СССР ежегодно будет закупать в Республике Куба по 1 миллиону тонн сахара. Сахар, который СССР закупает в Республике Куба, предназначается для внутреннего потребления, причем СССР в период действия настоящего соглашения не будет экспортировать сахар в страны, являющиеся традиционными импортерами кубинского сахара. Закупаемый в 1961—1964 гг. Союзом ССР в Республике Куба сахар будет оплачиваться в размере 20 процентов от общего ежегодно закупаемого количества валютой, свободно конвертируемой в доллары США, а в остальной части – поставками товаров. 425 тысяч тонн сахара, закупаемых и отгружаемых в 1960 году, будут оплачены полностью товарами <… >

Республика Куба будет закупать в СССР машины и оборудование, нефть и нефтепродукты, пшеницу, бумагу, цветные металлы, химические товары, удобрения и другие товары»[353].

В конце переговоров Анастас Микоян заверил Фиделя Кастро, что Москва выделит Гаване торговый кредит в 100 миллионов долларов, будет снабжать Кубу нефтью. Первый советский кредит был предназначен для строительства сталелитейного завода, идею которого «пробивал» Че в рамках программы индустриализации страны. 23 февраля 1961 года Эрнесто Че Гевара был назначен министром промышленности Кубы, в ведение которого были переданы национализированные отрасли промышленности и десятки новых предприятий. Они перешли в новое министерство из–под контроля департамента индустриализации ИНРА.

Для кубинцев особую выгоду представляло то, что цены на нефть, которая поступала из Советского Союза, были на 33 процента ниже мировых. Че Гевара, ставший директором Национального банка, говорил Александру Алексееву, что Куба сэкономила на этой сделке 20 миллионов долларов. Весной 1960 года в Гавану пришел первый советский танкер с нефтью, который торжественно встречали тысячи жителей кубинской столицы. А из тропиков к далеким советским берегам, в полярные широты, отправился первый паром с сахаром.

Спустя много лет в одной из своих статей Фидель признался, что, несмотря на внешнюю легкость таких «сахарных сделок», ему приходилось серьезно спорить с русскими: «Помню, как я торговался с советской стороной о каждом центе цены на сахар; я обнаружил на практике то, что знал только в теории: неравный обмен. Они гарантировали цену выше той, что господствовала на мировом рынке. Соглашения планировались по пятилетиям; если в начале пятилетия ты посылал определенное количество тонн сахара в уплату за товары, в его конце стоимость их продуктов по международным ценам была на 20 процентов выше. Ведя переговоры, они всегда проявляли щедрость: однажды цена на мировом рынке вследствие конъюнктуры достигла 19 центов, мы крепко держались за эту цену, и они ее приняли. Это послужило затем основой для применения социалистического принципа в отношении того, что при строительстве социализма экономически более развитые должны поддерживать менее развитых»[354].

Олег Терехов, который в начале 1990–х годов был директором Ленинградского порта, не без юмора вспоминал о первом долгожданном «сахарном» рейсе из Кубы: «В 1960 году, когда я работал диспетчером Мурманского порта, сюда пришло первое советское судно, груженное кубинским сахаром. Во время пути по холодным морям сахар заледенел, превратился почти что в камень, хоть отбойным молотком орудуй. Докеры мне говорили, что не могут разгрузить судно. Пришлось воздействовать личным примером. Я спустился в трюм и начал ворочать мешки с сахаром, они действительно были очень тяжелыми, казалось, что они набиты камнями. Но все–таки мы судно разгрузили. Вот так, на собственном горбу, я впервые познакомился с кубинским сахаром»[355].

Фидель Кастро не мог не понимать, что Москва действует себе в убыток, идет на явные послабления кубинцам, лишь бы, как говорится, материально поддержать революцию. Так, например, советские потребности в сахаре, причем гораздо лучшего качества, вполне удовлетворяла Украина. Можно добавить, что лишь пятая часть кубинских поставок сахара

оплачивалась в валюте, остальное должно было идти в обмен на бартер. Позже его подавляющую часть составило советское оружие.

Покупка Советским Союзом у Кубы сахара была не экономической сделкой, а политическим актом, показывающим, что у Кубы появился могущественный «надежный друг», который, образно говоря, может прикрыть ее своим щитом. На самом деле последствия этого соглашения были уникальны еще и потому, что впервые в истории Латинской Америки страна, чья экономика ранее была полностью завязана на могущественного северного соседа, переориентировала ее на государство, которое располагалось в другом полушарии.

После визита советской делегации в речах американских деятелей и в североамериканской прессе начали все громче звучать опасения, что Куба попадет под влияние коммунистической Москвы. Но коммунистические идеи в то время были не просто не популярны, а отвергаемы населением на Кубе. Авторитет, влияние кубинских коммунистов – Народно–социалистической партии, – несмотря на симпатии к ним Че и Рауля Кастро, были крайне слабы. В ее рядах не было и 20 тысяч членов, коммунистическую газету «Нотисиас де Ой» на Кубе почти никто не читал. Фидель Кастро, объявляя о дружбе с Москвой, рисковал потерять значительную часть своих сторонников, а главное, дать лишний повод для активизации на острове контрреволюционной деятельности. Он сам прекрасно понимал, что «красная угроза» только и нужна была американцам, чтобы высадиться на остров.

Будучи реалистом и прагматиком, Фидель Кастро не мог не понимать, что в четко очерченных к началу 1960–х годов границах мировой двухполярной системы нельзя, поссорившись с одним колоссом (читай – Вашингтон), конфликтовать с другой силой (то бишь Москвой). Тем более в условиях все нарастающей угрозы интервенции было бы безумием отрекаться от помощи державы, исповедующей учение Маркса, так почитаемого Фиделем. Тут приходилось действовать по принципу – враг моего врага – мой друг.

Теперь, по прошествии лет, понятно, что без помощи Советского Союза Куба продержалась бы максимум один–два года. Не только из–за того, что отстоять саму победу неизмеримо труднее, чем победить в первый раз. Слишком много внешних и внутренних факторов стало играть не на пользу революционного правительства, к тому же резко и сознательно пошедшего на конфронтацию со своими противниками. Над кубинской экономикой нависла смертельная угроза не только потому, что Куба перестала быть «сахарницей» Соединенных Штатов. Она лишилась нефти и всех энергоносителей. А ей их в той ситуации, объективно говоря, мог дать только Советский Союз. Именно тогда, весной 1960 года, после взрыва на «Ле Кубр», понимая, что США попытаются обезоружить Кубу, Фидель впервые открыто попросил Москву о военной помощи. «Кубинский народ примет с благодарностью любой дружественный жест СССР в отношении Кубы», – сказал Фидель Кастро Александру Алексееву, о чем тот немедленно уведомил Москву. «Могу засвидетельствовать, – писал годы спустя Алексеев, – что до диверсии на „Ле Кубр“ в наших беседах с кубинскими руководителями не поднимался вопрос о военной помощи»[356].

В послании от 12 марта 1960 года, направленном в Гавану после возвращения Микояна в Москву и его доклада на политбюро, говорилось, что Советский Союз поможет Кубе. Правда, в Москве полагали, что США «вряд ли решатся предпринять открытую интервенцию против Кубы». СССР решил снабжать Кубу вооружением, поставляя его с территории «братской» Чехословакии, а если понадобится, то напрямую из Советского Союза.

Между тем в США уже шли приготовления к интервенции. 14—15 марта 1960 года были проведены самые крупные и масштабные учения в Карибском море за всю историю. В них было задействовано 18 тысяч американских военнослужащих. Авиадесантные части и подразделения морской пехоты отрабатывали тактику высадки на вражеской территории. А однажды Пентагон распорядился отправить в соседнюю с Кубой Доминиканскую Республику пять тысяч своих солдат, но не для учений, а в краткосрочный отпуск. Дескать, расслабляйтесь, ребята, напрягись, Фидель!

15 марта 1960 года в Вашингтоне собрался особый комитет при президенте Д. Эйзенхауэре, который был ответствен за выработку тайных операций. Он рассматривал план интервенции на Кубу с целью свержения режима Кастро. ЦРУ рапортовало о том, что объединенную политическую оппозицию Кастро можно создать за два месяца, а полувоенные формирования – за шесть—

восемь месяцев[357] . Ключевым моментом стало отданное 17 марта 1960 года президентом США Эйзенхауэром секретное распоряжение предоставить кубинским контрреволюционерам возможность создавать воинские подразделения и вооружаться за счет особых фондов правительства США. К этому непростому решению Эйзенхауэра подтолкнули его ближайшие советники, среди которых выделялся адмирал Арли Берк, командующий ВМС США, воинственно настроенный по отношению к Кастро и критиковавший чиновников Госдепартамента США за излишнюю мягкость по отношению к Кубе. Как показала в дальнейшем история, этим силовым решением Белый дом выдал индульгенцию наемникам для последующего вторжения на Кубу и фактически отрезал пути к компромиссу между Гаваной и Вашингтоном. 21 марта в кубинской провинции Матансас около местечка Кабо–Сал был захвачен американский самолет. Он прибыл туда, чтобы забрать бывшего подполковника полиции Батисты Дамасо Монтесиноса. Оба американских пилота, а также сам кубинец были захвачены. Неоднократно корабли ВМФ США проникали в территориальные воды Кубы. Подводная лодка «Барракуда», близко подошедшая к кубинским берегам, была даже обстреляна. А эсминец ВМФ США «Салливан» подошел к берегам Кубы с потушенными огнями, как это бывает во время войны. Но, несмотря на эти и множество других провокационных шагов, американцам не удалось спровоцировать кубинцев.

Противникам Кастро не удалось развернуть на Кубе повстанческую борьбу против революционного правительства, на которую они делали большие ставки. Оставалась надежда только на вторжение извне. 4 апреля 1960 года в авторитетном американском журнале «Ньюсуик» была опубликована статья некоего Гарольда Левина, который поднял тему создания единого антикастровского фронта. Он рассказал читателям, что в этом «Едином фронте» объединяются все силы кубинской эмиграции во главе с генералом Хосе Педраса, а финансистами организации являются Гарсия Дель Прадо и Франсиско Гуальберто Кахигас, которые были одними из крупнейших скотоводов и землевладельцев на Кубе и ощутимо пострадали от аграрной реформы Кастро. «Генерал Пе–драса уже успел совершить поездки по многим латиноамериканским странам, где нашли приют лица, бежавшие с Кубы. В частности, в начале апреля 1960 года он посетил Никарагуа и Гватемалу, где получил от представителей изгнанной с Кубы американской „Юнайтед фрут компани“ 8 миллионов долларов. Более того, эта компания предоставила в распоряжение „Единого фронта“ свой подвижной состав на железных дорогах для перевозки личного состава и

вооружения», – говорилось в справке КГБ СССР.

27 июля 1960 года в аргентинской газете «Кондукта» была опубликована статья председателя университетского центра Национального университета Никарагуа профессора Хо–акина Солиса Пиура, который утверждал, что в Никарагуа ежедневно прибывают наемники, завербованные в других странах. «Автор утверждал, что под командованием бежавшего с Кубы Антонио Сото формировались отряды военной авиации, которые планировали совершать полеты на остров Пинос и западную часть Кубы, – сообщалось в той же справке КГБ. – В самом тесном контакте с заговорщиками находился полковник американской разведывательной службы Дюбуа, который находился в Никарагуа на нелегальном положении. Автор статьи подчеркивал, что в заговоре принимают участие „Юнайтед фрут“, Госдепартамент, а также правительства Гватемалы и Доминиканской Республики. Для инспекции хода подготовки к вторжению ожидался приезд командующего американскими ВВС в Карибском море генерала Странатана».

4 июня 1960 года администрация США выступила с обвинением (аж из девяти пунктов) правительства Кастро в «искажении правды», «нарушении законов», невыплате денег за экспортированные на Кубу американские товары, хотя оно находит доллары на покупку оружия, и т. д.[358]

Фидель ответил не менее резко. В телеэфире он сообщил кубинцам об отказе иностранных нефтяных компаний на Кубе перерабатывать нефть, которая в соответствии с соглашением, достигнутым во время приезда А. И. Микояна, уже начала поступать на Кубу. В конце мая – начале июня 1960 года филиалы трех крупнейших иностранных компаний на Кубе – «Эссо», «Шелл», «Тексас» – стали саботировать переработку нефти, чтобы оставить остров без топлива. Фидель предупредил эти иностранные компании, что «если они не изменят своего решения, то пусть потом не говорят, что революционное правительство конфисковало их»[359].

6 июля президент США Эйзенхауэр подписал одобренный сенатом закон, который позволял сократить квоту импорта кубинского сахара. Глава Белого дома объявил, что США сокращают закупку кубинского сахара на 700 тысяч тонн.

Фидель Кастро, выступая на следующий день на заключительном заседании I Национального конгресса федерации рабочих металлургической промышленности Кубы, заявил: «Они могут лишить нас квоты на сахар, но они не могут лишить нас свободы».

В тот же день он встретился с Александром Алексеевым. (8

мая 1960 года в газете «Правда» было опубликовано совместное Советско–кубинское коммюнике о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Республикой Куба на уровне посольств. До августа 1960 года А. Алексеев являлся единственным каналом для обмена информацией между кубинскими и советскими руководителями.) «Фидель попросил меня срочно информировать Москву о крайне тяжелом положении, создавшемся в результате действий США, и попросил срочно произвести хотя бы символическую закупку кубинского сахара, – вспоминал Алексеев. – Он хотел получить его до задуманного кубинскими властями всенародного митинга протеста против действий североамериканцев, чтобы иметь возможность объявить об этом массам, которые соберутся на площади перед президентским дворцом»[360]. К счастью, ответ советского правительства пришел вовремя. В телеграмме на имя Фиделя Кастро говорилось, что СССР готов закупить весь сахар, от поставок которого отказались США.

Фидель Кастро, который в этот день был болен и не смог присутствовать на митинге, поручил президенту Кубы Ос–вальдо Дортикосу зачитать текст этой телеграммы народу, собравшемуся у президентского дворца. На содержание телеграммы кубинцы ответили ликованием. На этом митинге Дортикос сделал еще одно важное заявление: «Наша земля не сдается в аренду, за нее не может быть уплачено долларами. Поэтому мы возвратим последний чек на сумму 2000 долларов, врученный нам правительством США в качестве годовой уплаты за аренды морской базы Гуантанамо»[361].

«В тот день на Кубе был навсегда похоронен антисоветизм, а антиимпериалистические чувства кубинского народа приобрели еще более глубокий и непримиримый характер»[362], – сделал для себя вывод Александр Алексеев. В телеграмме Никиты Хрущева Фиделю Кастро от 25 июля 1960 года по случаю революционного праздника Кубы – Дня 26 июля – было заявлено: «Если против Кубы будет предпринята вооруженная интервенция, то Кубе будет оказана необходимая помощь».

В ответ на действия Белого дома правительство Кастро поставило производство нефтеперегонных заводов, принадлежавших США и Англии, под государственный контроль. Совет министров Кубы принял «Закон № 851 о защите национальной экономики», который предоставил премьер–министру Фиделю Кастро и президенту страны Дортикосу Торрадо полномочия по национализации предприятий и собственности, принадлежащей американским гражданам и другим лицам, если это требовалось для защиты национальных

интересов Кубы. На основании этого закона 7 августа 1960 года был принят «Декрет № 1 о национализации путем принудительной экспроприации предприятий и собственности американских компаний на Кубе». Общая стоимость 26 национализированных американских предприятий оценивалась по тем временам в 637 миллионов долларов. Национализация распространялась на предприятия электрической, телефонной, нефтяной и аграрной сфер. Их владельцы, согласно распоряжению кубинских властей, должны были получить компенсацию специальными облигациями (бонами) со сроком погашения в 50 лет и с начислением 2 процентов годовых. Оплата этих облигаций должна была осуществляться из ^{1} /4 части средств, полученных Кубой от продажи США сахара сверх 3 миллионов тонн в год по цене не ниже 5 долларов 40 центов за центнер.

Государственный департамент США направил Фиделю ноту протеста против Закона о национализации, назвав ее «жесткой экономической агрессией правительства Кубы против США». А такой американский вердикт, как много раз показывала мировая история, и в первую очередь история Латинской Америки, уже является черной меткой Белого дома неугодному режиму.

В общей сложности у граждан США было экспроприировано почти 500 тысяч гектаров лучших кубинских земель. Американцы настаивали на том, чтобы кубинцы выплатили гражданам США компенсацию не облигациями, а наличными. Полностью, по рыночной цене конфискованных земель. Безусловно, они сознательно шли на обострение конфликта, заранее зная, что Фидель Кастро с этим не согласится. В казне нового революционного правительства попросту не было на это средств.

Следующий удар был нанесен по филиалам крупнейших американских банков на Кубе: «Ферст Нейшенл Сити бэнк оф Нью–Йорк», «Ферст Нейшенл бэнк оф Бостон» и «Чейз Манхэттен бэнк». Капиталовложения этих банков к моменту национализации составили к концу сентября 1960 года 47 194 240 песо, в то время как 36 кубинских банков имели вложений на 122 255 491 песо. В специальном акте указывалось, что «является нетерпимым, когда часть банков страны находится в руках американских монополий, которые проводят политику агрессии против Кубы»[363].

Войдя во вкус, революционеры не «остановились на американцах». В октябре 1960 года был принят целый ряд законов и резолюций по всеобщей национализации. В собственность государства перешли все сахарные заводы, железные дороги, фабрики и промышленные предприятия, а также все крупные торговые предприятия и все банки. Разъясняя кубинцам суть

закона № 891, согласно которому были национализированы все кубинские банки, Эрнесто Че Гевара, глава Национального банка Кубы, заявил, что «закон является одним из важнейших актов революционного правительства, дающим эффективную гарантию, что проведение в жизнь аграрной реформы и осуществление индустриализации страны не будут подвергнуты саботажу и различным затруднениям внутри страны»[364].

В сентябре 1960 года советский резидент сообщал в Москву о встрече представителей Советского Союза с Че Геварой: «Гевара высказывался как убежденный наш сторонник. Он считает, что Куба может остаться независимой только в том случае, если она пойдет по социалистическому пути, и только при условии моральной и материальной помощи стран социалистического лагеря. По высказываниям Гевары, это мнение полностью разделяют главные руководители кубинской революции (Ф. Кастро, Р. Кастро, А. Нуньес Хименес, О. Дортикос, министр финансов Астараин идр.). Исходя из этого положения, правительство под всякими предлогами пытается сконцентрировать в своих руках все основные отрасли промышленности с тем, чтобы сделать государственный сектор преобладающим <…> Он полагает, что в интересах социалистических стран и всех стран, борющихся за свою национальную независимость, необходимо сохранение и упрочение завоеваний кубинской революции <… > Гевара рассказал, что он хочет полностью посвятить себя проблемам индустриализации Кубы и при первой возможности уйти с поста директора Национального банка»[365].

Любопытно, что закон о национализации не затронул интересы двух канадских банков («Ройал бэнк оф Канада» и «Бэнк оф Нова Скотия» с общим капиталом в 100 миллионов долларов), которым было позволено функционировать на прежних правах. В 1959 году канадский экспорт на Кубу составил 15,3 миллиона долларов, в основном это были газетная бумага, соленая рыба, семенной картофель. На Кубе действовали филиалы пяти крупнейших канадских страховых компаний с общей страховой суммой в 400 миллионов долларов. Это лишний раз демонстрировало, что новые кубинские власти готовы к сотрудничеству с теми западными странами, которые не идут на конфронтацию с ними. Кстати, западные страны рассматривали Канаду как некий канал торговли с Кубой, чтобы тем самым хоть как–то ослабить ее зависимость от коммунистического мира.

В итоге между Республикой Куба и Канадой установились нормальные отношения на десятилетия. Более того, новое кубинское правительство держало свои капиталы в канадских

банках. В этой связи показателен один эпизод. В августе 1960 года в канадский Монреаль под видом туристов приехала большая группа противников Кастро, занимавших ответственные посты при прежнем режиме. К ним примкнули и уголовники, бежавшие с Кубы. Они решили провести так называемую «Конференцию кубинского антикоммунистического освободительного движения». «Руководил парадом» бывший командующий армией Батисты – Каррера. Пытаясь привлечь канадцев на свою сторону, они совершили грубейшую ошибку, выразив пожелание, чтобы «Монреаль стал центром антикастровского движения». Через несколько дней «новоявленных повстанцев» попросили уехать из страны, а Каррере власти Канады и вовсе запретили въезд на ее территорию.

В августе 1960 года в Гаване состоялся 7–й съезд Народно–социалистической партии Кубы. В своем выступлении генеральный секретарь НСП Блас Рока заявил, что «в результате победы кубинской революции и ее дальнейшего развития разрушены все теории так называемого исторического фатализма, в силу которых латиноамериканские страны, имея слабую экономику и находясь вблизи от США, должны якобы жить в вечном подчинении у США и искать облегчения для себя в рамках этой задачи. То, что сделала кубинская революция, могут сделать и другие страны Латинской Америки»[366].

Здесь необходимо сделать небольшое уточнение. В годы диктатуры Батисты американская и местная пропаганда упорно проводили мысль о том, что Куба обязана своей независимостью Соединенным Штатам, что только США являются ее единственным другом, единственным покупателем сахара и единственным поставщиком необходимых товаров. Одновременно они представляли СССР как страну «варваров», «дикарей, способных на бесчеловечные поступки». Однако заметно отличающиеся позиции США и СССР по отношению к кубинской революции постепенно открывали глаза кубинскому народу. К тому же на Кубе шла работа по созданию революционного музея, в котором были представлены все образцы американского оружия: от пистолетов до напалмовых бомб, которыми Соединенные Штаты снабжали Батисту для борьбы с революционерами до весны 1958 года.

С первых месяцев революции началась активная кампания против всего иностранного. Кубинцы словно пытались в одночасье избавиться от многовекового колониального наследия. В этой связи приведем один красноречивый пример. 1960 год Куба встречала без привычного символа – Санта–Клауса, потому

что раньше на всех плакатах и в рекламных роликах он изображался только с кока–колой в руках.

В сообщении советской резидентуры приводились любопытные факты: «Отношение к американцам на Кубе можно назвать сдержанно враждебным. Кубинцы проявляют к ним холодную учтивость, которая прикрывает явное недружелюбие. Никаких манифестаций против отдельных граждан кубинцы не допускают, но и никаких выражений симпатий американцы никогда не услышат. Всех американцев презрительно называют кличкой „мистер“.

К советским людям отношение противоположное. Где бы ни появился советский человек, его немедленно окружает толпа, засыпают вопросами, пожимают руки, приглашают домой. И обязательно начинают критиковать политику Соединенных Штатов, противопоставляя ее позиции Советского Союза <…> Для поворота в умах кубинцев характерен такой факт: один из работников кубинской контрразведки, который начал свою службу еще во времена Батисты, говорил, что год назад он бы не задумываясь мог бы убить коммуниста, а теперь он готов перегрызть горло любому человеку, который скажет хоть одно плохое слово о русском или кубинском коммунисте»[367].

Вместе с тем это еще не означало, что кубинцы готовы «шагать в светлое коммунистическое будущее». Сам Фидель Кастро повторял, что он не коммунист, а влияние коммунистов в его правительстве ничтожно. Не случайно, что на том же августовском съезде НСП Блас Рока заявил: «Кубинская революция – не коммунистическая, она не проводит в жизнь ни коммунистические мероприятия, ни коммунистические законы, она преследует антиимпериалистические, антилати–фундистские цели, цели национального освобождения, аграрных преобразований, индустриализации, цели, которые диктуются существующей на Кубе обстановкой».

В конце августа 1960 года Фидель Кастро, выступая на I внеочередном конгрессе Национальной федерации рабочих обувной и кожевенной промышленности, доложил, что за 18 месяцев со дня победы революции занятость рабочих в экономике страны увеличилась на 35 процентов, что в ближайшие недели около двух тысяч получивших соответствующее образование молодых людей пополнят ряды революционных бригад труда на строительстве школ в горных районах. С особой гордостью Фидель сообщил о том, что правительство планирует издать около двух миллионов букварей, привлечь больше преподавателей для работы в деревне. Цены на буквари и книги о героях национально–освободительных движений на Кубе и в

Латинской Америке было решено установить в размере 30 сентаво, чтобы их мог приобрести каждый кубинец. Наконец, Фидель обрадовал соотечественников тем, что в новом году правительство планирует открыть в стране 60 тысяч народных библиотек.

Осенью 1960 года, когда аграрная реформа уже набрала темп, именно кампания по борьбе с неграмотностью выдвинулась на первый план в череде революционных преобразований. Около 35 тысяч кубинских учителей готовили «бригадистов» на специальных курсах, обучая их методике работы с неграмотными крестьянами. Зная, что бывшие батраки еще слабо ориентируются в аграрной реформе, в учебники специально добавили главы о преимуществах кооперативов, о правах крестьян, о природных богатствах Кубы.

Не только крестьяне, но и бойцы Повстанческой армии не стеснялись учиться и наверстывать упущенное. Любопытно свидетельство Рене Нуньеса Мартинеса, командира одного из таких отрядов: «Мои родители хотели, чтобы я учился, но не имели возможности купить даже ботинки, чтобы я мог пойти в школу. Проходили годы, а я не умел ни читать, ни писать. Не прочел ни одной газеты, не умел даже подписываться. Из–за голода и нищеты мой отец покончил с собой, оставив мать с шестью детьми <…> Мать, чтобы мы выжили, раздала нас по родственникам и в дома некоторых помещиков, только чтобы кормили. Она доставала мешки из–под муки и шила нам из них одежду. На работу ходили разутыми. Так прошло мое детство. По–прежнему я оставался неграмотным <…> После победы революции товарищи, думая, что у меня достаточная подготовка, назначили меня командовать небольшим воинским подразделением.

Однажды я получил сложное поручение от Камило Сьен–фуэгоса, который тоже не знал, что я неграмотный. И тогда я сказал, что командовать должен другой товарищ, потому что у него больший стаж подполья. На самом деле не было сил признаться. Неграмотность меня унижала. Когда началась кампания по ликвидации неграмотности, я попросил товарищей учить меня грамоте, так чтобы в моем подразделении об этом не знали <…>» [368].

Когда Фидель на сессии Генассамблеи ООН в Нью–Йорке в сентябре 1960 года заявил, что в его стране за год будет полностью покончено с неграмотностью, в зале раздался истерический хохот. Ведь было известно, что в ряде латиноамериканских государств количество неграмотных граждан превышало 50 процентов населения, а отдельные

племена индейцев даже не знали, в какой стране и в каком веке они живут[369]. Все кампании по ликвидации неграмотности стоили больших денег и неизменно приводили к плачевному результату.

Но Фидель Кастро сдержал данное обещание. За год на Кубе было полностью покончено с неграмотностью!

С открытием в августе 1960 года посольства СССР на Кубе началось активное развитие советско–кубинских отношений по всем направлениям. Советский Союз наконец–то начал поставлять необходимые Кубе товары, которые отказались продавать США. Уже к концу этого года на Остров свободы прибыли сотни советских специалистов, которые начали передавать свой опыт кубинцам.

В соответствии с соглашением между правительствами СССР и Республики Куба, подписанным в Москве 16 ноября 1960 года, Советский Союз обязался принять: «а) <…> начиная с 1961/62 учебного года до 300 студентов в высшие учебные заведения для обучения различным инженерным специальностям; б) <…> начиная с 1961 года до 100 студентов для подготовки научных работников; в) <…> начиная с 1961 года до 400 квалифицированных рабочих и техников для производственно–технического обучения на соответствующих предприятиях СССР <…>»[370] С помощью Советского Союза на Кубе были созданы учебные заведения для подготовки среднего технического персонала и квалифицированных рабочих.

В конце августа 1960 года Вашингтону удалось созвать экстренное заседание глав министерств иностранных дел Организации американских государств и наконец–то осуществить давнее намерение – принять резолюцию, осуждающую революционное правительство Кубы. Кубинская делегация, возглавляемая министром иностранных дел Р. Роа, покинула заседание, сообщив журналистам, что все заявления и протесты, сделанные Кубой на этом совещании, не были восприняты ее участниками. После этого заседания было введено первое эмбарго на торговлю с Кубой. Фидель Кастро на этот недружественный акт латиноамериканских стран, сделанный под давлением США, ответил незамедлительно. 2 сентября 1960 года на митинге в Гаване собралось около миллиона кубинцев. Фидель сразу же объявил, что митингу присваивается статус Национальной генеральной ассамблеи, и предложил присутствующим в ответ на американскую резолюцию принять так называемую Гаванскую декларацию, которая провозглашала права кубинцев.

«Мы провозглашаем перед всей Америкой право компенсации за землю, право рабочих на результаты своего труда, право детей

на образование, право на медицинское обслуживание, право на труд, право на равенство рас, право на равные права мужчин и женщин, право интеллигенции на свободу творчества, право провинций на национализацию монополий, право на суверенитет, право на превращение военных баз в школы, право вооружать народ для защиты своих прав и судьбы, право угнетенных наций бороться за независимость», – отчеканил Фидель под восторженный рев толпы.

Гаванская декларация имела важное политическое значение. Фидель Кастро давал понять Белому дому, что готов к противостоянию с ним. Поэтому естественно, что его присутствие в Нью–Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которую в сентябре 1960 года собрались премьер–министры стран – членов организации, было негативно воспринято американскими официальными лицами. Накануне поездки Госдепартамент США заявил, что Фидель Кастро, приезжающий на сессию Генассамблеи, будет подвергнут тем же ограничениям, что и Н. С. Хрущев. Фидель ответил не менее оригинально: кубинское правительство приняло решение ограничить деятельность посла США на Кубе Ф. Бонсала престижным гаванским районом Ведадо, где располагалась резиденция посольства, и ни метром больше.

Злоключения кубинской делегации в США начались уже в нью–йоркском аэропорту, когда самолет Фиделя, по прибытии, был отогнан в самый дальний от здания аэропорта ангар, а грузчики, под давлением администрации, отказались разгружать багаж кубинцев. Фидель Кастро ничуть не смутился происходящим, а улыбнувшись, сказал: «Ну что же? Мы просто не возьмем с собой никаких чемоданов, а поедем с походными вещмешками. Мы даже этого удовольствия империалистам не доставим!» [371]

С территории аэропорта Фиделя на машине американцы вывезли через запасной выход, пытаясь не допустить его общения с людьми, которые, как и в апреле 1959 года, специально приехали поприветствовать кубинского лидера. Фидель успел махнуть им из окна машины. Тогда вслед за кортежем автомобилей, сопровождавших кубинскую делегацию, тотчас устремилось более сотни машин и почти три десятка автобусов, гудевших клаксонами вплоть до его приезда в фешенебельную нью–йоркскую гостиницу «Шелбурн». Очередная провокация случилась на следующий день, когда владелец гостиницы под предлогом того, что поклонники Фиделя и сама делегация создают «особые беспокойства» персоналу и постояльцам, решил в несколько раз увеличить плату за проживание в «Шелбурне» для кубинских делегатов. Американцы прекрасно знали, что кубинцы

ни за что не согласятся «платить по таким счетам», да и просто не в состоянии сделать этого. Они намеревались вывести эмоционального Фиделя Кастро из себя, надеясь, что тот устроит политический демарш и демонстративно покинет Америку. Не тут–то было. Фидель отреагировал мгновенно и, выражаясь шахматным языком, поставил шах принимающей стороне, едва не введя в ступор тогдашнего госсекретаря ООН Дага Хаммаршельда, с которым он познакомился во время поездки по США в апреле 1959 года. Фидель «командировал» одного из членов делегации в магазин спортивного снаряжения купить обыкновенные туристические палатки, чтобы разбить их… в садике у здания ООН и жить в них еще десять дней, пока не закончится Генассамблея. В тот момент, когда делегация кубинцев направлялась на улицу разбивать палатки, раздался звонок от владельца одной из гостиниц, расположенной в печально известном районе Нью–Йорка Гарлеме. Этот человек предложил кубинцам бесплатно остановиться в его гостинице. Фидель с удовольствием принял его предложение, заявив пораженному Хаммаршельду: «Именно такая гостиница нам и годится»[372].

Кубинская делегация переселилась в «ужасный Гарлем», куда не «ступала нога белого человека». Отныне скромная гостиница «Тереза», окна которой круглосуточно дребезжали от проезжавших мимо поездов, стала одним из центров политической жизни Нью–Йорка. Отсюда Фидель Кастро каждое утро под восторженные приветствия толпы отправлялся на заседание ассамблеи.

Здесь у него состоялось несколько судьбоносных встреч с лидерами других государств, в том числе и личное знакомство с Никитой Хрущевым, возглавлявшим советскую делегацию. Куба, вошедшая в ООН в группу неприсоединившихся стран, поддерживала все резолюции, внесенные в Объединенные Нации Советским Союзом.

Никита Хрущев, проникшийся особой симпатией к Кубе, как уже говорилось, воспринимал нападки на Кастро как нападки на себя. Когда во время своего выступления британский министр иностранных дел несколько раз крепко «прошелся» по Фиделю, даже назвав его «вором и бродягой», Никита Хрущев был так возмущен, что потом подошел к англичанину и, сжав кулаки, выпалил: «Вы ведете себя как хулиган в Гарлеме!» Советская делегация за несдержанность своего лидера была оштрафована на 5 тысяч долларов.

Речь Фиделя Кастро, произнесенная им на 14–й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1960 года, вошла в

историю. Кастро установил мировой рекорд, внесенный в Книгу рекордов Гиннесса. Его выступление длилось 4 часа 29 минут. Это самая продолжительная речь, которая когда–либо произносилась в стенах ООН. Фидель Кастро объяснил истинный, гуманный смысл кубинской революции, суть реформ, которые затеяло его правительство, а также предостерег американцев от нападок в адрес становящейся на ноги страны, вскрыв истинные причины осложнения американо–кубинских отношений.

После закрытия ассамблеи полицейские власти Нью–Йорка без объяснения причин наложили эмбарго на вылет самолета «Британия» кубинской авиакомпании «Кубана де Авиасьон», на котором Фидель должен был возвращаться домой. И сделали это, несмотря на то, что на этот лайнер распространялся дипломатический иммунитет. Тогда кубинцы любезно приняли предложение Никиты Хрущева и возвратились в Гавану на советском самолете Ил–18.

Между тем на Кубе Фиделя Кастро ждали серьезные проблемы. Во второй половине 1960 года начали расширяться ряды внутренней контрреволюции. Их стали пополнять бойцы Повстанческой армии, которые разочаровались в правительстве Кастро. В те годы численность вооруженных противников Фиделя на самом острове составляла около 50 тысяч человек. По данным, которые публиковались в Соединенных Штатах, количество кубинских контрреволюционеров, проживавших за границей, во Флориде, составляло около 60 тысяч человек.

В сообщении советской резидентуры говорилось: «Органы государственной безопасности Кубы располагают точными сведениями, что ЦРУ через особых агентов связано с Осваль–до Рамиресом, действующим в Эскамбрае в качестве главы „Армии освобождения“, связанной с „Движением 30 ноября“ и с бандами „Движения за обновление революции“, действующими на севере и востоке провинции Лас–Вильяс <… > Империалисты понимают, что нанести удар революции можно, лишь сочетая агрессию извне с внутренней контрреволюцией. Поэтому они заботятся о своих пособниках внутри страны, снабжают их оружием, которое зарывается в землю до определенного момента, советуют вооруженным бандам не провоцировать вооруженных столкновений с частями революционной армии и скрываться небольшими группами в разных местах. Они учат участников банд притворяться днем обыкновенными тружениками, а действовать только ночью»[373].

Осенью 1960 года Кастро получил информацию о том, что в горах Эскамбрая сформирован отряд из полтысячи бойцов, ожидающих нападения США на Кубу. В этот район тотчас были

переброшены части Революционных вооруженных сил, которые при поддержке отрядов народной милиции окружили этот район, прочесали его и взяли в плен большинство контрреволюционеров.

20 октября в городе Санта–Клара состоялся процесс над членами ликвидированных контрреволюционных банд. Большинство из них принадлежало к так называемому Второму фронту Эскамбрая. К ним примкнули солдаты и полицейские, служившие Батисте.

На суде обвиняемые заявляли, что они согласны с социальными реформами Кастро, но не одобряют его сближения с коммунистами. Некоторые из них признались, что рассчитывали с приходом к власти американцев получить высокие государственные посты. Революционный трибунал приговорил к расстрелу трех главарей группировки – представителя эмигрантских контрреволюционных организаций – Пиниль Прието, капитана Второго фронта Эскамбрая Синисио Валья и председателя студенческой организации провинции Лас–Вильяс Рамиреса, который был специально командирован в горы «Антикоммунистическим движением католического единства».

Католическая церковь со второй половины 1960 года заняла откровенно враждебную к революционному правительству позицию. Выступавший с проповедью в кафедральном соборе епископ Гаваны и ректор католического университета Вильянуэва Эдуардо Боса Масвидаль призвал верующих молиться против коммунизма. Собравшиеся принялись скандировать: «Куба – да! Россия – нет». 7 августа во всех церквах Кубы было зачитано антикастровское послание, составленное всеми епископами и архиепископом Кубы. В конце 1960 года руководство католической церкви на острове стало систематически практиковать чтение различных пасторских посланий антиреволюционного и антиправительственного содержания. В храмах стали проводиться религиозные службы в честь контрреволюционеров. В связи с этим Фидель дал указание членам народной милиции, особенно женщинам, посещать по воскресеньям церкви и на месте давать отпор происка реакционных священников. От церкви откололась группа революционно настроенных священнослужителей во главе с падре Лепсе.

Кастро удалось поставить во главе католической миссии на Кубе своего человека вместо прежнего наместника Ватикана. С целью дискредитации прежнего реакционного архиепископа правительство распространило по всей стране его фотографии. На снимках он стоял в обнимку с предателем Диасом Лансом, бежавшим в Майами и принимавшим участие в бомбардировке

Гаваны. Кроме того, сам Фидель выступил по телевидению с комментарием по поводу этой фотографии. «Иисус говорил о фарисеях, что они „подобны гробам окрашенным, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны мертвыми костями и нечистотами…“ Похоже, что та давняя история повторяется некими книжниками и фарисеями, „гробами окрашенными“, которые хотят спровоцировать конфликт между религиозными и революционными чувствами, хотя такой конфликт может найти отклик лишь в головах у кучки реакционеров и эгоистов… Посмотрите на эту фотографию. – Фидель продемонстрировал упомянутый снимок. – Какая гадость и бесстыдство! Эти сеньоры отправляются туда (в Майами), чтобы встретиться с другим сеньором, который несколько недель назад совершил „рейд“, унесший четыре десятка человеческих жизней. Я был в больницах и видел раненых стариков и детей, и вот по прошествии нескольких недель являются эти два сеньора, о поведении которых лучше не говорить… Хотя одним из достижений Революционного правительства являются прекрасные отношения с церковным руководством. Нет такой проблемы или затруднения, на которое мы не откликнулись бы немедленно» [374].

К осени 1960 года с Кубы было выслано около сотни провокаторов из католической среды.

В октябре—ноябре 1960 года Госдепартамент США подготовил план вторжения на Кубу, согласно которому на остров предполагалось высадить 15 тысяч человек при поддержке с воздуха 90—100 самолетов. Однако Госдепартамент все еще воздерживался от формального разрыва отношений с Кубой, исходя из важности пребывания на Кубе американского дипломатического персонала численностью в 300 человек. К тому же в поддержку кубинской революции активно выступил Советский Союз, развернув широкую кампанию в печати и по радио, которая находила широкий общественный резонанс.

14 октября 1960 года Совет министров Республики Куба принял Закон о жилищной реформе. Его основной целью стала ликвидация спекуляции жильем.

До этой реформы около 200 тысяч семей на Кубе проживали в хижинах и шалашах из бамбука и пальмовых веток с земляным полом, без окон, электричества и воды. Более 2,5 миллиона человек на Кубе являлись не собственниками, а арендаторами и субарендаторами домов и квартир, а всего около четырех миллионов человек проживали на условиях аренды и субаренды помещений. В то же время были такие, кто владел аж 12 тысячами домов и сдавал их по высоким ценам, «съедавшим»

большую часть бюджета семей, арендовавших их.

Закон о жилищной реформе предусматривал, что в течение от 5 до 20 лет люди превращаются в собственников этих домов или арендуемых квартир. Бывшим собственникам и мелким домовладельцам устанавливается компенсация, так называемая пенсия для владельцев недвижимого имущества, заложенного в ипотечных банках, которая не превышала 600 песо в месяц. Безусловно, при этом существенно пострадали крупные землевладельцы, ранее получавшие миллионные прибыли.

По решению правительства Фиделя Кастро квартплата не должна была превышать 10 процентов от дохода семьи. Правительство обязывалось построить на эти средства примерно через 15 лет новое жилье и передать его в бесплатное пользование жителям Кубы. Для того чтобы поддержать мелких торговцев и мелкую буржуазию, которой на Кубе было еще достаточно и которая по–прежнему симпатизировала революции, правительство передало им в собственность помещения, которые те ранее арендовали. В течение двух недель были составлены списки домовладельцев и арендаторов, и уже с 1 ноября 1960 года все расчеты по аренде помещений начали осуществляться на основании Закона о жилищной реформе.

Подводя итоги этого переломного для Кубы периода национализации, необходимо выделить главное. Американцы, начав проводить агрессивную политику против Кубы по всем фронтам, сами вынудили кубинское революционное правительство принять за относительно короткий промежуток времени ряд законов и провести мероприятия по национализации собственности, принадлежавшей американскому капиталу.

В результате к концу 1960 года на Кубе не осталось никакой американской собственности, за исключением базы Гуантанамо. Кубинское правительство сосредоточило в своих руках основной капитал страны. Преобладающим в экономике стал государственный сектор. Это позволило Фиделю Кастро взять курс на быструю индустриализацию, приступить к строительству нефтеперерабатывающих, машиностроительных, химических заводов, начать замену старого, большей частью американского, оборудования на новое.

Благодаря этому за девять месяцев 1960 года в сравнении с таким же периодом 1959 года промышленное производство в стране увеличилось на 35 процентов. Если в первом полугодии 1959 года на зарплату по стране ушло 428 миллионов песо, то за аналогичный период 1960 года – 561 миллион песо.

Правительство Фиделя Кастро в короткие сроки практически полностью искоренило неграмотность. Не менее оптимистичными

были первые результаты аграрной реформы. За год с начала ее осуществления на Кубе было создано 880 (без учета «сахарных») сельских кооперативов, 550 из них были земледельческими. ИНРА непосредственно руководил деятельностью 500 скотоводческих предприятий, по типу совхозов, где сельскохозяйственные рабочие получали фиксированную зарплату. Всего к концу 1960 года на Кубе было создано около двух тысяч коллективных и государственных хозяйств различного типа. По данным на конец октября 1960 года, в 604 кооперативах было занято 118 660 человек[375].

В своей внутренней и внешней политике правительство Кастро продолжало, вопреки давлению США, проводить независимый курс. Поддержка СССР заставила Белый дом изменить свою политику в отношении Кубы. В конце 1960 года СССР начал поставлять Кубе артиллерийское, минометное и стрелковое оружие, бронетанковую технику.

Ход событий в конце 1960 года все больше убеждал Фиделя в том, что США намерены разорвать дипломатические отношения. 29 сентября посольство США в Гаване посоветовало американским гражданам покинуть Кубу. На тот момент на острове находилось 4 500 американцев.

22 октября вице–президент США Никсон, выступая по телевидению, заявил, что правительство Соединенных Штатов предлагает повторить на Кубе «гватемальскую операцию», которая привела к свержению президента Арбенса. В ответ на это 31 октября министр иностранных дел Кубы Роа в своем выступлении в ООН предупредил, что «империалистическая интервенция на Кубу в настоящее время будет не финалом кубинской революции, а прологом третьей мировой войны»[376].

В декабре 1960 года президент Эйзенхауэр разрешил производить выплаты до 1 миллиона долларов кубинским оппозиционерам Кастро в США на основании «поправки Кир–стена—Дугласа» о предоставлении экономической помощи антикоммунистическим организациям. В ответ на это правительство Кастро вынесло на рассмотрение Совета Безопасности ООН вопрос о готовящейся Соединенными Штатами агрессии в отношении Кубы. 2 января 1961 года на митинге Фидель объявил о решении сократить персонал американского посольства в Гаване, чтобы он по численности сравнялся с персоналом посольства Кубы в США. Получив 3 января 1961 года ноту кубинского правительства об этом, США использовали ее в качестве повода для разрыва в тот же день консульских и дипломатических отношений с Кубой. Защиту интересов США на Кубе взяла на себя Швейцария, а защиту интересов Кубы в США –

Чехословакия. Надежды Соединенных Штатов на то, что их примеру последуют другие, в особенности страны Латинской Америки, не оправдались. Таким образом, были расставлены практически все точки над «i» в кубино–американских отношениях.

Накануне выборов нового президента США в начале 1961 года еще сохранялись некоторые иллюзии насчет того, что новый глава Белого дома будет проводить в отношении островного государства более гибкую политику. Однако уже первые шаги новой администрации, предпринятые в январе—феврале 1961 года в отношении Кубы (открытые угрозы в адрес Кастро, решение об ассигновании 4 миллионов долларов кубинским контрреволюционерам и т. п.), убедили Фиделя, что США не просто будут продолжать враждебную политику в отношении Кубы, но ужесточат ее. Действительно, первые заявления нового президента Джона Кеннеди свидетельствовали, что его администрация будет добиваться изоляции Кубы от стран Латинской Америки при полном сохранении экономической, социальной и политической зависимости этого континента от США.

Только в июне—июле 1961 года органы государственной безопасности Кубы раскрыли более 16 планов покушений на премьер–министра Фиделя Кастро, а также много планов покушений на остальных лидеров революции и на других лиц, в том числе на посла СССР на Кубе Кудрявцева и Юрия Гагарина[377].

Словно чувствуя некую «заряженность на Кубу» своего президента, американские спецслужбы начали подстрекать Кеннеди, предоставляя ему ту информацию, которую он хотел слышать в подтверждение своих кубинских установок.

Как стало известно из недавно рассекреченных материалов, ЦРУ сознательно вводило в заблуждение президента Кеннеди и его ближайшее окружение и стремилось склонить его к принятию скорейшего решения о вторжении на Кубу[378]. Лэнгли нарочито искажал донесения своей агентуры на Кубе, в выгодном для себя свете преподносил высказывания представителей интеллигенции, рабочих сахарных плантаций, владельцев баров и ресторанов, число которых, к слову, на острове резко шло на убыль. Их высказывания, на самом деле, походили на «глас вопиющего в пустыне», а не являлись выражением мнения подавляющего большинства кубинцев. Но эти, часто вырванные из контекста, «крики души» должны были создать картину тотального недовольства политикой революционного правительства и лично Фиделем Кастро. Кроме того, новая Куба преподносилась как

форпост советского влияния в Латинской Америке. А это, по логике вещей, противоречило одному из основных постулатов североамериканской внешней политики – доктрине Монро, декларировавшей принцип невмешательства стран американского и европейского континентов во внутренние дела друг друга.

А Фидель словно дразнил своих противников. 8 ноября 1960 года, после приема в советском посольстве по случаю годовщины Октябрьской революции, в четыре часа утра (!), он пришел, что называется, «попить чайку» в редакцию кубинской коммунистической газеты «Ой» и признался опешившим от столь раннего гостя журналистам, что еще с университета зачитывается «марксистской литературой» и, к огромному удивлению и репортеров, и наборщиков, и даже своих соратников, назвал себя марксистом и коммунистом. А в конце своего монолога заявил, что у Кубы нет иного пути, чем строительство социализма: «Москва – это в конечном итоге наш мозг и главный руководитель, и к ее голосу надо прислушаться» [379].

Телеграмма о том, что Фидель Кастро наконец–то «определился», «со свистом» улетела в Москву. Бальзамом на душу членов советского политбюро стало заявление Фиделя о том, что отныне посты в кубинском революционном правительстве должны занимать коммунисты. Фидель Кастро доказал, что не бросает слов на ветер, и действительно стал привлекать коммунистов для работы в своем правительстве, навлекая еще больший гнев представителей правых партий. Признание Кастро было вдвойне парадоксальным, потому что он еще не обозначил политический курс своей страны. О том, что Куба должна ступить на социалистический путь развития, Фидель объявит только спустя полгода – он словно выжидал, как отреагируют на его сенсационное «личное признание» на самой Кубе, в Северной Америке и Советском Союзе.

Это заявление Кастро, никогда до того «не открывавшего свою душу», конечно же прозвучало как гром среди ясного неба. Ведь еще месяц назад Че Гевара в интервью американскому журналу «Лук» говорил, что Фидель никакой не коммунист, а «Движение 26 июля» является организацией скорее революционно–националистической. Именно после встречи команданте с редакцией газеты «Ой» американцам стало «всё ясно с Фиделем Кастро». Фидель позже объяснял это «превращение» таким образом: «Наши враги очень широко использовали тезис о том, что революция оказалась, мол, преданной, потому что мы были связаны с коммунистами. Но все дело в том, что осуществление программы Монкады – аграрная реформа, городская реформа, социальное законодательство –

само по себе обостряло классовую борьбу <…> Классовая борьба существовала и раньше, но не воспринималась с такой ясностью. Это была инстинктивная борьба людей, ненавидевших систему, но не понимавших ее теоретического существа. Революция еще более усиливает классовую борьбу. А когда усиливается классовая борьба, то крестьяне, рабочие, все бедные группируются на одной стороне, а богатые – на другой. Произошло разграничение лагерей. Борьба к тому же приобрела не только национальный, но и интернациональный характер. И что интересно? Антикоммунизм в ходе этой борьбы развалился как карточный домик. Люди пошли навстречу марксизму и социализму. У некоторых из них еще оставались предрассудки против старых коммунистов, еще в какой–то форме проявлялся антикоммунизм, но это уже не затрагивало проблему социализма в основе. Постепенно и это было преодолено, и антикоммунизм исчез»[380].

Информация, которой обменивались советская и кубинская разведки, свидетельствовала о том, что американцы форсируют подготовку к вооруженной интервенции на Кубу. 11 марта 1961 года в Белом доме состоялось совещание, на котором Джон Кеннеди предложил осуществить вторжение на остров силами наемников при поддержке американцев. Сделать это он рекомендовал под покровом темноты, с тем чтобы максимально скрыть участие в этой операции ВМФ США. Следуя указаниям Белого дома, ЦРУ приступило к разработке плана операции. Одновременно Госдепартаменту США, с целью оказания психологического давления на Фиделя Кастро, поручалось издать так называемую «Белую книгу», которая свидетельствовала бы о «беззакониях», творящихся на Кубе, и была призвана дипломатическими средствами оправдать военную интервенцию. Известный уругвайский эксперт в области международного права Т. Мартильо, ознакомившись с содержанием этой книги, позже писал: «По пренебрежению к фактам и велениям разума она не имеет себе равных среди официальных внешнеполитических документов США»[381]. А журналист Герберт Мэтьюз – тот самый первый иностранный корреспондент, взявший интервью у Фиделя в горах Сьерра–Маэстра, – так отзывался об этом документе: «Как политический и полемический документ он был эффективен, а если на него смотреть с точки зрения достоверности фактуры и исторической точности в оценке обстановки на Кубе, то о нем лучше всего забыть»[382].

Американским спецслужбам удалось объединить в рядах созданного в США «Кубинского революционного совета» две разнородные кубинские контрреволюционные организации,

боровшиеся друг с другом за влияние в эмигрантской среде, – «Демократический революционный фронт» и «Народное революционное движение». По замыслу руководители совета должны были возглавить структуры переходного периода после свержения правительства Кастро.

А ЦРУ приступило к разработке окончательного плана высадки наемников на Кубу. Его первый вариант, предполагавший высадку в дневное время около тысячи наемников недалеко от города Тринидад, Кеннеди отверг. Ему не понравилось, что не было уделено должного внимания соблюдению секретности, а детали операции не до конца были согласованы с военными. Разработка второго варианта плана была поручена заместителю директора ЦРУ Ричарду Биссе–лу. Про него говорили, что всё, к чему прикасается этот человек, превращается в золото – настолько эффективными и успешными были стратегические операции, разработанные под его руководством прежде. Согласно новому плану, десант наемников должен был высадиться в безлюдном местечке Плайя–Хирон в бухте Кочинос (Заливе Свиней) на южном берегу Кубы. План не требовал особой поддержки американской авиации и был рассчитан на то, что наемники сумеют укрепиться в этом районе до прихода революционных сил. Кеннеди утвердил этот план, получивший название «Сапата», оставив право отменить его за 48 часов до предполагаемого вторжения[383]. Как выяснилось позже, план Биссела оказался непродуманным, если не сказать бездарным. По иронии судьбы, свое название этот план получил по названию болота Сапата, которое находилось в районе Плайя–Хирон. Во время вторжения в этом болоте утонуло более сотни наемников.

4 апреля, в день, когда вышла «Белая книга» Госдепартамента о Кубе, состоялось заседание Совета национальной безопасности под председательством Джона Кеннеди, на котором и была окончательно определена дата высадки кубинских наемников в Заливе Свиней. На нем присутствовали министр обороны Роберт Макнамара, госсекретарь США Дин Раск, министр финансов Дуглас Диллон, директор ЦРУ Аллен Даллес, заместитель государственного секретаря по вопросам Латинской Америки Томас Манн, помощник министра обороны Пол Нитце, председатель Комитета начальников штабов Лаймен Лемнитцер, председатель сенатского Комитета по международным делам Уильям Фулбрайт, а также три советника президента Кеннеди: Адольф Берли, Ричард Гудвин и Артур Шлезингер.

С докладом выступил заместитель директора ЦРУ по планированию Ричард Биссел. Он сообщил, что «положение на

Кубе созрело для вторжения». По его словам, группировке, которая сумеет быстро высадиться на острове, будет легко удержать территорию. Благодаря захваченному вслед за высадкой военному аэродрому, расположенному в нескольких километрах от Залива Свиней, военные самолеты смогут контролировать воздушное пространство над районом вторжения. Биссел обещал участникам совещания, что кубинские самолеты будут уничтожены в первые после нападения часы, а в случае срыва этого плана в дело немедленно вступит план «Б», согласно которому контрреволюционеры смогут отступить в горы Эскамбрай и там начать войну против правительства Кастро. Директор ЦРУ Аллен Даллес старался убедить участников совещания, что с Кубой будет легче покончить, чем с режимом Хакобо Арбенса в Гватемале, и попросил согласия руководства страны на проведение операции. Несмотря на предупреждение сенатора Фулбрай–та о поспешности и нецелесообразности проведения вторжения, Кеннеди дал ЦРУ карт–бланш[384].

Вдвойне циничным выглядело заявление Джона Кеннеди 12 апреля 1961 года на пресс–конференции после встречи с представителями североамериканской ассоциации газетных издателей о том, что США ни при каких обстоятельствах не нападут на Кубу: «Вооруженные силы не вторгнутся на Кубу ни при каких условиях. Нынешнее правительство сделает всё, что в его силах, <…> чтобы ни один американец не был замешан в каких–либо действиях на Кубе»[385].

К тому времени на самой Кубе при помощи Советского Союза была создана система противовоздушной обороны, а страны социалистического лагеря поставили более сотни танков и самоходных артиллерийских установок, которым было суждено сыграть решающую роль в отражении интервенции, а также около двухсот тысяч единиц стрелкового оружия. Кроме того, на вооружении у кубинских революционных сил имелось около трех десятков самолетов. Поэтому согласно американскому плану вторжения, бомбардировка кубинских военных аэродромов должна была предшествовать высадке десанта.

14 апреля 1961 года на шести кораблях из Гватемалы наемники транзитом через никарагуанский порт Пуэрто–Кабе–сас отправились в район Залива Свиней. В Никарагуа их лично провожал диктатор Сомоса. Сопроводив свою напутственную речь непристойными высказываниями в адрес революционных властей, он попросил рейнджеров привезти ему в подарок кусочек знаменитой бороды Фиделя[386].

На рассвете 15 апреля американские самолеты Б–26 с нанесенными на них кубинскими опознавательными знаками,

базировавшиеся в Центральной Америке, во Флориде и в Пуэрто–Рико, подвергли бомбардировке аэродромы Сантьяго–де–Куба, Сан–Антонио–де–лос–Баньос и Гаваны. В результате было уничтожено на земле несколько кубинских самолетов и убиты десятки мирных жителей.

Как по команде, в американских СМИ распространилась информация о том, что на Кубе восстали летчики, «недовольные» режимом Кастро. В Майами было срежиссировано интервью с одним из таких «восставших», который на самом деле был одним из готовившихся в Гватемале наемников. Посол США в ООН Эдлай Стивенсон, которого Джон Кеннеди называл «мой официальный лгун», потрясал в стенах Объединенных Наций снимками самолетов с кубинскими опознавательными знаками, уверяя иностранных дипломатов, что «кубинский народ восстал против режима на Кубе».

Куба перешла на военное положение. 250 тысяч кубинцев вступили в народное ополчение. Фидель Кастро лично руководил мобилизацией и формированием батальонов. «…В момент вторжения у нас были подготовлены и вооружены сотни тысяч человек, тысячи и тысячи артиллеристов. У них не было большого опыта, но был боевой дух, и они умели с ним обращаться»[387] , – вспоминал Кастро.

На следующий день Фидель выступил на похоронах жертв бомбардировки. Он обратился напрямую к Кеннеди, назвав его «лжецом» и потребовав обнародовать имена летчиков, якобы бежавших с Кубы. Этот митинг вошел в историю еще и тем, что Кастро впервые провозгласил кубинскую революцию социалистической: «Товарищи рабочие и крестьяне! Наша революция это социалистическая, демократическая революция обездоленных, совершенная обездоленными для обездоленных. За нее мы готовы отдать жизнь!» [388]

Куба подверглась бомбардировкам через несколько дней после исторического полета Юрия Гагарина, чья популярность на Острове свободы вскоре не будет знать границ. И Фидель не преминул упомянуть на митинге о великом достижении советской космонавтики: «В тот миг, когда еще не замолкло эхо восхищения, вызванное во всем мире достижением Советского Союза, точностью, высокой техникой, которые характеризуют только что совершенный научный подвиг во имя человечества, когда еще не затихла волна восхищения во всем мире, одновременно с подвигом Советского Союза правительство янки совершило свой „подвиг“ – оно бомбардировало страну, которая не имеет авиации, не имеет кораблей, не располагает вооруженными силами, способными предотвратить это

нападение»[389].

Бытует мнение, что Фидель, придя к власти, лишь выжидал момента, чтобы объявить о намерении строить на Кубе социализм. На одном из митингов он спросил крестьян: «Вы за социализм?» В ответ люди, наслушавшиеся «страшилок» о социализме, дружно ответили: «Нет!» Тогда Фидель задал еще несколько вопросов: «Вы за аграрную реформу?», «Вы за то, чтобы монополии янки больше не сгоняли вас с земли?», «Вы за ликвидацию неграмотности?», «Вы за то, чтобы ваши дети могли учиться в университете?», «Вы за то, чтобы в ваших местах работали врачи, чтобы вы лечились бесплатно?». Каждый раз крестьяне в едином порыве кричали: «Да!» Тогда Фидель Кастро выдержал небольшую паузу и произнес: «Вот это все и есть социализм!» [390]

19 апреля 1961 года правительство СССР выступило с заявлением в связи с вооруженным вторжением американских бомбардировщиков в воздушное пространство Кубы: «<… > кубинский народ никому не угрожал и не угрожает <… > Он требует, чтобы его оставили в покое, не мешали ему строить свою жизнь в соответствии со своими национальными идеалами. Разве небольшая Куба, с ее шестимиллионным населением, может кому–либо угрожать, а тем более такому большому государству, как США? Разумеется, нет. И тем не менее с первых дней победы национальной революции на Кубе США стали центром, куда стекались выброшенные с Кубы контрреволюционные элементы, где они формировались в банды и вооружались для борьбы против народного правительства Фиделя Кастро <…> Почему США организовали это преступное нападение на Кубинскую Республику? Да потому, что после свержения тирании Батисты кубинский народ покончил с грабежом и эксплуатацией своей родины иностранными компаниями. Эти монополии ничего не хотят уступать народу Кубы, народам Латинской Америки. Они боятся, что Куба, строящая свою независимую жизнь, станет примером для других стран Латинской Америки»[391].

В пять часов утра 17 апреля отряды наемников на американских кораблях, прикрываемые американскими военно–морскими соединениями и самолетами, приступили к реализации плана «Сапата». Батальон кубинской милиции заметил приближающихся на лодках интервентов. «Армия освобождения» в количестве полутора тысяч человек высадилась в местечке Плайя–Хирон. В результате шквального огня, открытого с лодок, погибло несколько десятков кубинских милиционеров, а оставшиеся в живых были вынуждены отступить.

0 высадке десанта стало немедленно известно в Гаване,

однако Фидель не поспешил бросить в Залив Свиней все свои силы. Дело в том, что в штаб главнокомандующего к тому времени стекалось много информации о провокационных вылазках. Так, у побережья в провинции Пинар–дель–Рио сосредоточилось несколько американских кораблей. Их маневры свидетельствовали об агрессивных намерениях: с кораблей спускались на воду шлюпки, в них погружались морские пехотинцы. И Фидель, и Че действительно сначала полагали, что атака в Заливе Свиней – отвлекающий маневр, а настоящее сражение начнется в провинции Пинар–дель–Рио. Туда и выехал Че Гевара. Однако вскоре стало ясно, что действия американцев носят провокационный характер. Американцы оставались в нейтральных водах, ни на метр не приближаясь к кубинскому берегу. К тому моменту в штаб Фиделя поступила разведывательная информация о том, что «правительство», сформированное из членов «Кубинского революционного совета», находится на одном из аэродромов Майами в ожидании вылета на Кубу. Необходимо было понять, где интервенты намерены нанести главный удар – в Заливе Свиней или в Пинар–дель–Рио, чтобы правильно выбрать направление контрудара.

Ситуация прояснилась, когда вражеские самолеты сбросили парашютистов в Плайя–Хирон и Плайя–Ларга. Фидель на танке Т–34 немедленно выдвинулся для организации отражения атаки в Заливе Свиней.

Между тем сами наемники, посчитавшие было, что стремительное отступление кубинского батальона милиции является предвестником скорой победы, столкнулись с серьезными проблемами, напоминавшими те, которые испытал отряд Фиделя, высадившийся с «Гранмы» в мангровых зарослях. Но если высадка повстанцев произошла по воле случая, то контрреволюционеры действовали в соответствии с планом, казавшимся идеальным на бумаге. В итоге рейнджеры вынуждены были вести наступление на узком участке суши, не имея возможности рассредоточиться. Вдобавок три десантных судна напоролись на коралловые рифы.

Наемники были снабжены 30 типами оружия, которое приобреталось в разных местах маленькими партиями. Бойцам дали в поход небольшое количество патронов, в надежде, что их поддержат кубинские контрреволюционные силы, которым американские самолеты загодя сбросили большое количество боеприпасов. Однако из–за организационной неразберихи они не были оповещены не то что о дате и о месте высадки десанта, но даже о самом его факте!

Фидель отдал приказ нанести удар по кораблям противника,

приближавшимся к острову, а также навязать воздушный бой американским бомбардировщикам Б–26, которые бомбили дорогу, ведущую к Плайя–Хирон. Большая заслуга в разгроме армии наемников принадлежит именно пилотам кубинских ВВС, которые не допустили авиацию противника к взлетно–посадочной полосе, находившейся в нескольких километрах от берега.

Уже к вечеру 17 апреля наемников окружили, и вместо наступления они были вынуждены перейти к обороне. Решающий момент наступил, когда огнем кубинской авиации был подбит главный десантный корабль «Хьюстон», а прибывшим на место сражения танкам Т–34 при поддержке «САУ–100» удалось сбить шесть американских бомбардировщиков Б–26. Эти же танки умудрились подбить два корабля конвоя, спешившие к наемникам на подмогу. Наемники в панике прыгали с кораблей и плыли к берегу, где тонули в болоте. А на немногих клочках суши их уже поджидали подразделения кубинских революционных сил.

Фидель время от времени «прикладывался» к самоходной артиллерийской установке «САУ–100», ведя огонь по особо приглянувшемуся ему судну противника, которое в конце концов было потоплено. (Теперь эта установка стоит на постаменте перед бывшим президентским дворцом Батисты в самом центре Гаваны, недалеко от «Гранмы».)

Самолеты противника скрылись в направлении Флориды. А вскоре защитники Кубы добились превосходства в огневой мощи на суше благодаря танкам и артиллерийским орудиям, прибывшим на Кубу в качестве «братской помощи» Москвы Гаване.

Только утром 19 апреля в ЦРУ поняли, что операция провалилась, и отдали приказ об эвакуации. Но из полутора тысяч наемников американцам удалось спасти всего лишь… 14 человек. Около 1 200 наемников сдались или были захвачены в плен, а остальные погибли. В качестве трофеев кубинцам достались тысячи единиц стрелкового оружия, не оставлявших сомнений в причастности к проведению интервенции американцев. Потери с кубинской стороны составили 87 человек, большинство из них погибло при героической защите Плайя–Хирон в первые часы после нападения.

Фидель принимал участие в допросе пленных. Среди них было четыре католических священника. 800 наемников являлись выходцами из богатых кубинских семей, потерявших собственность и капиталы после революции на Кубе, 135 – бывшими военными армии Батисты, 75 – простые охотники за удачей и деклассированные элементы[392].

В марте 2001 года были рассекречены документы кубинской

разведки о высадке на остров десанта наемников в Заливе Свиней сорокалетней давности. В них зафиксирован очень важный эпизод: был момент, когда Кастро оказался на волоске от смерти. Находившиеся в засаде двое наемников по непонятной причине не стали стрелять в Фиделя, хотя были всего в 10 метрах от него.

Эрнесто Че Гевара во время операции в Заливе Свиней находился в провинции Пинар–дель–Рио. Там с Че произошел несчастный случай: он случайно выронил пистолет из рук, и тот, упав, выстрелил и ранил команданте. Узнав об этом, недоброжелатели на Кубе и за ее пределами стали распространять небылицы и выдвигать свои «версии» этого несчастного случая: Че якобы «стрелялся» и хотел покончить жизнь самоубийством из–за «разногласий с Фиделем Кастро»[393].

Кубинский народ сохранил жизнь пленным. Фидель постарался по максимуму использовать столь чувствительное для американцев поражение. Для начала предложил им обменять пленных на политических заключенных, томившихся в тюрьмах Никарагуа, Доминиканской Республики и Пуэрто–Рико. США категорически отвергли это предложение. Тогда Кастро потребовал у американцев материальной компенсации за нанесенный Кубе ущерб.

Сначала американцы категорически отказывались признать сам факт причастности к высадке наемников, но под давлением неопровержимых доказательств президент Кеннеди публично взял всю ответственность за интервенцию на себя. А госсекретарь США Артур Шлезингер позже в своих воспоминаниях так написал о провале этой операции: «Правда состоит в том, что Кастро оказался значительно более выдающимся человеком и руководителем гораздо лучше организованного государства, чем можно было предположить»[394].

Эта «промашка» дорого обошлась американцам. Впервые Соединенные Штаты были вынуждены компенсировать ущерб латиноамериканскому государству. Залив Свиней «обошелся» им в 500 тракторов, большое количество медикаментов, товаров хозяйственного назначения на сумму 63 миллиона долларов.

Вскоре на Кубе был учрежден один из самых почетных орденов республики – орден «Плайя–Хирон». Символично, что первым, кого им наградил Фидель, стал Юрий Алексеевич Гагарин. Кастро так обосновывал свое решение: «Мы хорошо помним, что именно в те дни, когда Советский Союз покрыл себя славой, отправив первого человека в космос, и тем еще более повысил свой авторитет, в те же дни правительство Соединенных Штатов Америки осуществило против нашего народа свою преступную интервенцию. Мы имели тогда возможность

противопоставить эти два факта: один – осуществленный на благо науки и прогресса человечества и мира во всем мире, другой – представляющий собой коварную и бесстыдную агрессию наемников, которую организовали против нашей страны империалисты, пытавшиеся возродить на Кубе свои привилегии, систему хозяйничанья монополий»[395].

Американцам после провала операции в Заливе Свиней следовало бы взять паузу, усмирить свою гордыню и начать строить нормальные отношения с Кубой, которая уже на деле доказала, что не намерена возвращаться под «американское крыло» и в состоянии сама защитить себя. Тем более что Фидель Кастро предлагал тому же Кеннеди в январе 1961 года сесть за стол переговоров. Но уязвленные унизительным поражением американские спецслужбы принялись строить новые козни в отношении революционной Кубы.

В резолюции Конгресса США за номером 298 от 11 мая 1961 года говорилось: «Конгресс США считает, что принципы доктрины Монро следует подтвердить путем немедленного установления Соединенными Штатами воздушной и морской блокады Кубы в целях предотвращения дальнейшего вмешательства или контроля со стороны иностранной державы, которые могут нанести ущерб странам Западного полушария.

Принятие предложенной резолюции отчетливо продемонстрирует всему миру, что мы не намерены мириться с угрозами со стороны Кастро и что нами предпринимаются решительные меры по предотвращению распространения коммунистической системы в Западном полушарии»[396].

Уже летом 1961 года ЦРУ стало создавать на территории Соединенных Штатов новые вербовочные центры для подготовки очередного вторжения. Особое предпочтение отдавалось бывшим офицерам батистовской армии. Главное внимание уделялось политике международной изоляции Кубы. В январе 1962 года американцам удалось добиться того, что в нарушение уставов Организации Объединенных Наций и Организации американских государств Кубу исключили из так называемой межамериканской системы и она оказалась изолирована от остальных братских стран Латинской Америки. Все страны ОАГ, кроме Мексики, по требованию США разорвали с ней дипломатические и экономические отношения.

В качестве главного аргумента американцы выдвигали несовместимость социалистического строя Кубы с региональной системой. Фидель Кастро дал свой комментарий происшедшему: «Правительство США готовит агрессию с помощью межамериканских органов, имея целью легализовать в будущем

интервенцию войск янки, ведет обучение специальных отрядов для подавления освободительных движений в Америке и принимает такие военные меры, какие считает наиболее подходящими для колониальной войны, подобной той, какую оно ведет в других районах мира, как, например, в Южном Вьетнаме»[397].

Еще в 1960 году американская администрация объявила о решении наложить запрет на торговлю США с Кубой. Однако американцы на этом не остановились. В 1961 году президент Кеннеди ввел настоящее эмбарго и полностью прекратил торговлю с Кубой, запретив импортировать табак, овощи и морепродукты, которые не подпадали под действие предыдущего эмбарго. Хотя тем самым он оставил без работы тысячи американских рабочих и лишил американцев возможности потреблять кубинские товары, которые по своим специфическим характеристикам не могли быть заменены на другие.

По разведывательным каналам Фидель получил информацию о новом плане вторжения под кодовым названием «Мангуста», разработанном ЦРУ и одобренном президентом Кеннеди. Этот план предполагал заброску диверсионных групп на остров, осуществление террористических актов и саботажа на промышленных и военных объектах, более эффективное использование базы в Гуантанамо для диверсионной работы, поджоги плантаций сахарного тростника, обстрел кубинскими террористическими организациями, находившимися в США, торговых судов, перевозивших грузы для Кубы[398].

21 февраля 1962 года советская резидентура сообщала в Москву: «<…> Наряду с усилением пропаганды против правительства Ф. Кастро США в настоящее время изыскивают пути для того, чтобы представить свое вооруженное нападение на Кубу как столкновение всех или большинства стран Латинской Америки с правительством Ф. Кастро и „международным коммунизмом“, что могло бы послужить юридическим оправданием в ООН агрессии США против Кубы»[399].

Становилось понятно, что в этой ситуации Кубу может защитить только Москва. Начинался новый этап в отношениях «тройки» СССР—США—Куба, названной одним из экспертов «трансатлантическим бермудским треугольником». Кульминацией этого противостояния, едва не приведшего мир к термоядерной войне, стал Карибский кризис осенью 1962 года.

Глава десятая
В ШАГЕ ОТ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. КАРИБСКИЙ КРИЗИС

События на Кубе в октябре 1962 года справедливо называют крупнейшим обострением отношений между СССР и США за весь послевоенный период. И этот кризис вышел далеко за рамки двусторонних отношений. Мир стоял перед настоящей опасностью ядерной войны между двумя сверхдержавами. И реального уничтожения человечества. «История не знает других периодов, аналогичным тринадцати дням октября 1962 года, когда Соединенные Штаты и Советский Союз остановились у кромки ядерной пропасти. Никогда прежде не существовала столь высокая степень вероятности того, что такое большое количество жизней неожиданно оборвется. Если бы война разразилась, она означала бы гибель 100 миллионов американцев, а также миллионов европейцев. По сравнению с этим естественные катастрофы и массовые уничтожения людей более ранних периодов истории выглядели бы незначительными», – писал американский профессор Г. Аллисон.

В официальных кругах США, среди политиков и в СМИ одно время получил распространение тезис, согласно которому причиной Карибского кризиса явилось якобы размещение Советским Союзом «наступательного оружия» на Кубе, а ответные меры администрации Кеннеди, поставившие мир на грань термоядерной войны, были «вынужденными». Подобная трактовка причин кризисной ситуации, в частности, дается в мемуарах А. Шлезингера и Т. Соренсена, бывших помощников президента Джона Кеннеди, а также в воспоминаниях Роберта Кеннеди «Тринадцать дней». Но эти утверждения далеки от истины. Их опровергает объективный анализ событий, предшествовавших кризису.

Безусловно, поставка ракет на Кубу из СССР в 1962 году была инициативой Москвы, а конкретно Никиты Хрущева. После провала операции в Заливе Свиней в 1961 году стало ясно, что американцы не оставят Кубу в покое. Об этом говорило все увеличивающееся количество диверсионных актов в отношении Острова свободы. Москва чуть ли не ежедневно получала сводки об американских военных приготовлениях. Одновременно Вашингтон выражал сильное беспокойство в связи с оказываемой Гаване военной помощью со стороны Кремля. 18 февраля 1962

года советское правительство было вынуждено выступить со специальным заявлением по этому поводу. «Советское правительство не может пройти мимо того, что государственные деятели США, утверждая, что Куба является чуть ли не проводником какого–то „внеконтинентального“ вмешательства, явно кивают на Советский Союз. Они даже договариваются до того, будто Куба превратилась в военную базу Советского Союза, – отмечалось в документе. – Но тогда пусть скажут, где, в какой части острова имеется советская военная база и какая: ракетная, авиационная или морская? Пусть найдут на Кубе хоть один взвод советских солдат. Пусть, наконец, покажут заявку Советского Союза на создание военной базы на Кубе. Никто этого не в состоянии сделать, так как на Кубе не было и нет советских баз. А вот местонахождение американской военной базы там можно указать точно (речь идет о базе Гуантанамо. – *М.* М)» [400] .

Удивительно, но «беспочвенные» на тот момент обвинения американской стороны о наличии советских баз на Кубе в итоге и подтолкнули Никиту Хрущева рассмотреть вопрос о возможности поставок ракет на Остров свободы.

Александр Алексеев, который в 1962 году перешел из разведки на должность посла СССР на Кубе, присутствовал в марте того же года на совещании в Политбюро ЦК КПСС. Речь шла об обеспечении обороноспособности Кубы. «…Хрущев спросил, как, по–моему, прореагирует Фидель на предложение установить на Кубе наши ракеты, – вспоминал Александр Алексеев. – С трудом преодолев замешательство, я все же высказал сомнение в том, что Фидель с таким предложением согласится, поскольку кубинские руководители строят свою стратегию на боеготовности всего народа и на солидарности мирового общественного мнения, народов Латинской Америки с кубинской революцией. Тогда, в свою очередь, Хрущев в своем выступлении сказал, что если Фидель сочтет наше предложение неприемлемым, то мы окажем Кубе помощь любыми другими средствами, которые, впрочем, вряд ли остановят агрессора <… > Он сказал далее о своей абсолютной уверенности в том, что в отместку за поражение на Плайя–Хирон американцы предпримут вторжение на Кубу уже не с помощью наемников, а собственными вооруженными силами: на этот счет у нас есть достоверные данные. Мы, продолжал он, должны найти столь эффективное средство устрашения, которое удержало бы американцев от этого рискованного шага, ибо наших выступлений в ООН в защиту Кубы уже явно недостаточно <… > Поскольку американцы уже окружили Советский Союз кольцом своих военных баз и ракетных установок различного назначения, мы должны заплатить им их

же монетой, дать им попробовать собственное лекарство, чтобы на себе почувствовали, каково живется под прицелом ядерного оружия. Говоря об этом, Хрущев подчеркнул необходимость проведения этой операции в условиях строгой секретности, чтобы американцы не обнаружили ракет до того, как они будут приведены в полную боевую готовность»[401].

Фидель Кастро не отверг эту идею. Хотя он прекрасно понимал, что размещение ракет повлечет изменение стратегического ядерного баланса в мире между социалистическим лагерем и Соединенными Штатами. Американцы уже разместили боеголовки в Турции, и ответное решение Хрущева разместить ракеты на Кубе было своего рода «ракетным уравниванием шансов».

Впрочем, спустя годы Фидель Кастро говорил, что кубинцы «не были заинтересованы в размещении стратегических ракет. На самом деле мы были больше заинтересованы в сохранении имиджа своей страны, чтобы она не казалась базой наших советских друзей <…> На самом деле для нас было бы предпочтительнее не иметь их, несмотря на опасность, которой мы подвергались, хотя сегодня мы знаем, что вторжение было неизбежно. В тот момент у нас уже было значительное количество оружия и подготовленных людей, мы стали бы еще одним Вьетнамом, заплатили бы дорогой ценой»[402].

Фидель уточнил, что принятое тогда решение определялось чувством солидарности, так как «до вторжения на Плайя–Хирон они (СССР. – *М. М.)* поставляли нам много оружия». «Советские товарищи были очень озабочены, очень озабочены, потому что располагали информацией о возможном вторжении. Они сообщили нам об источниках, о самых важных они мне лично не сообщили, может быть, они получили не полную информацию, но, во всяком случае, ту, о которой они сделали вывод из контактов с Кеннеди и другими высокопоставленными лицами. В момент вторжения на Плайя–Хирон они не только поставляли нам оружие, но и сделали очень решительные заявления и упомянули даже ракеты. Они были возмущены (американскими приготовлениями к интервенции. – *М.М),* потому что в тот момент кубинская революция поднималась как своего рода чудо, они даже не ожидали этого. Наша революция не была импортирована, не была инспирирована извне, она была подлинная и только наша <… > Единственное, что мы действительно импортировали – это идеи, или книги, которые помогли нам получить революционную политическую культуру <… > Как известно, у Советского Союза были друзья, определенные помощники во многих американских учреждениях,

которые участвовали в многолюдных совещаниях, где вырабатывается масса документов; они у них были. Я уже сказал, что в то время мы не были знакомы с этими документами»[403].

В конце апреля 1961 года в условиях строгой секретности начала свою работу комиссия, назначенная президентом Кеннеди для расследования причин провала операции в Заливе Свиней. В нее входили генерал Максвелл Тэйлор – руководитель комиссии, Роберт Кеннеди – министр юстиции США, директор ЦРУ Аллен Даллес, а также адмирал Арли Берк. Члены комиссии пришли к выводу, что операция была плохо спланирована, рекомендовали президенту впредь подготовку операций типа «интервенция» возлагать не на ЦРУ, а на министерство обороны США.

Авторы книги «Невидимое правительство» Д. Уайз и Т. Росс отмечали в своей работе: «Комиссия Тэйлора пришла к выводу, что впредь ЦРУ должно ограничиться проведением операций, в которых используется только переносное стрелковое оружие. Другими словами, ЦРУ не следует больше осуществлять операции с использованием самолетов, танков или десантных судов. Операции такого масштаба должны проводиться Пентагоном»[404].

На самом деле рекомендация о «привлечении» к подобным операциям министерства обороны США означала, что в будущем Белый дом может задействовать весь арсенал средств – от организации тайных заговоров до открытого применения американских вооруженных сил. О чем, собственно, и говорил Хрущев на мартовском совещании в Кремле.

В течение второй половины 1961 года была произведена полная замена руководства ЦРУ. В октябре 1961 года в качестве противовеса ЦРУ было создано разведывательное управление министерства обороны. А 31 декабря 1961 года администрация США подписала формальное соглашение с «Кубинским революционным советом», по которому Белый дом обещал организовать новое вторжение на Кубу и поддерживать его своими вооруженными силами, а «Кубинский революционный совет» обязывался координировать свои действия с планами Вашингтона и поставить в распоряжение Пентагона необходимое количество добровольцев. Известный американский журналист Флетчер Нибел в декабре 1962 года писал в журнале «Лук», что правительство США в октябре 1961 года дало секретное указание Комитету начальников штабов подготовить новый план вторжения на Кубу. «На 16 октября 1962 года, – констатировал журналист, – план Пентагона предусматривал, что для захвата острова было необходимо 100 тысяч солдат, большое количество самолетов – бомбардировщиков и истребителей, несколько сотен

различного типа военных кораблей»[405].

9 марта 1962 года секретариат министра обороны США представил на рассмотрение Комитета начальников штабов пакет мер, преследующих целью создание условий для оправдания военного вторжения на Кубу. Он носил название «Предлоги для оправдания военного вторжения Соединенных Штатов на Кубу». В 1999 году Фидель Кастро, ссылаясь на рассекреченные документы, озвучил содержание стенограммы этого заседания: «Можно было бы запланировать ряд хорошо скоординированных инцидентов в Гуантанамо [на военно–морской базе], чтобы создать правдоподобное впечатление, будто это является делом рук враждебных кубинских сил. Соединенные Штаты ответили бы наступательными операциями, направленными на то, чтобы гарантировать обеспечение водой и электроэнергией, уничтожив угрожающие базе артиллерийские точки.

Были бы начаты крупномасштабные военные операции Соединенных Штатов. Можно взорвать американское судно в бухте Гуантанамо и обвинить Кубу. Можно взорвать судно без экипажа в любой точке кубинских вод. Можно сделать это таким образом, чтобы инцидент произошел вблизи Гаваны или Сантьяго в результате эффектной атаки кубинцев с воздуха или моря, или с обоих направлений. Присутствие кубинских самолетов или судов, которые приблизятся, чтобы просто узнать о намерениях экипажа судна, послужит достаточно убедительным доказательством того, что судно подверглось нападению. Вслед за этим Соединенные Штаты могут предпринять воздушную или морскую спасательную операцию под прикрытием американских истребителей в целях «эвакуации» остальных членов несуществующего экипажа. Списки погибших в американской печати могли бы вызвать благоприятную волну национального негодования.

Мы могли бы разработать террористическую кампанию кубинских коммунистов в районе Майами, в других городах Флориды и в Вашингтоне. Кампания террора могла бы быть направлена против кубинских эмигрантов, которые ищут убежища в Соединенных Штатах. Можно было бы потопить судно с кубинцами (реальное или смоделированное) на пути во Флориду. Можно было организовать покушения на кубинских эмигрантов в Соединенных Штатах, даже ранить некоторых из них и предать это широкой огласке. Взрывы нескольких пластиковых бомб в тщательно продуманных местах, задержание нескольких кубинских агентов и публикация подготовленных документов, подтверждающих участие Кубы, также могли бы способствовать укреплению идеи о безответственном правительстве. Можно было бы смоделировать экспедицию «с

кубинской территории и поддержанную режимом Кастро» против какой–либо соседней с Кубой карибской страны. Преследование гражданских самолетов, нападения на суда и уничтожение беспилотных военных самолетов США самолетами типа МиГ могли бы стать полезными дополнительными акциями. Соответствующим образом покрашенный F–86 мог бы убедить пассажиров гражданского самолета в том, что они видели кубинский МиГ, особенно если этот факт подтвердит пилот самолета.

Попытки угона гражданских самолетов или судов могут быть представлены как акции, которые продолжает поддерживать кубинское правительство. Можно подготовить инцидент, убедительно доказывающий, что кубинский самолет сбил арендованный гражданский самолет, следовавший из Соединенных Штатов на Ямайку, в Гватемалу, Панаму или Венесуэлу. Пассажирами самолета могла бы быть группа университетских студентов или другая группа лиц с общими интересами, оправдывающими аренду самолета. Можно подготовить инцидент, представляющий, что самолеты кубинского коммунистического режима МиГ сбили самолет воздушных сил Соединенных Штатов над международными водами в результате неспровоцированного нападения»[406].

О том, что американцы серьезно интересуются Кубой, свидетельствовали телеграммы, поступавшие по партнерским каналам от кубинцев. В одной из них говорилось, что начальник отдела ЦРУ в беседе с источником «интересовался причинами эмиграции из Кубы, спрашивал его мнение о руководителях контрреволюции и как к ним относятся на Кубе, а также какой контрреволюционной организации больше всего боятся. Он также интересовался причинами выезда с Кубы Прио Сокарраса, возможностью совершить покушение на Фиделя Кастро, тем, как проводятся ли в настоящее время секретные расстрелы, знает ли он имена агентов кубинской разведки, действующих в США и Мексике, имеются ли ракеты или другое секретное оружие на Кубе. Также спрашивал об организации и методах работы кубинской службы безопасности, каким образом Фидель Кастро узнал о вторжении на Плайя–Хирон, возможно ли в настоящее время восстание народа против Фиделя»[407].

1 сентября 1962 года разведывательное управление Кубы доложило Фиделю Кастро, что, по полученным из достоверных источников конфиденциальным данным, новая агрессия против Кубы намечена на сентябрь—ноябрь 1962 года[408].

В 1962 году в «сети» кубинских спецслужб стал попадаться крупный улов – профессиональные наемники, неоднократно

использовавшиеся для проведения диверсионных актов на острове. Руководитель одной из таких террористических групп, Мигель Анхель Ороско, на суде в Гаване выступил с «покаянием»: «Мне 26 лет. Был офицером армии Батисты. Нелегально выехал с Кубы в мае 1959 года. В январе 1960 года был завербован офицером ЦРУ. Прошел подготовку в различных лагерях ЦРУ на территории США. Затем в составе многих групп забрасывался на остров. Наша задача состояла в проникновении на Кубу, сборе для американцев сведений о военных и промышленных объектах, проведении диверсий на коммуникациях и промышленных объектах, в создании тайных складов оружии. Всего до ареста побывал на Кубе 24 раза. Один из планов ЦРУ, к реализации которого я был привлечен, предусматривал инсценировку военного нападения Кубы на Никарагуа. Эта агрессия могла быть использована в качестве предлога для вторжения США на Кубу. В соответствии с другим планом на остров должна была быть послана экспедиция наемников в целях захвата Кайо Романо, где намечалось образовать правительство Кубы в изгнании, которое тут же признало бы Соединенные Штаты»[409].

За три недели до начала Карибского кризиса в американском еженедельнике «Юнайтед ньюс энд уорлд рипорт» была опубликована статья, в которой, в частности, говорилось: «Воздушная и морская блокада Кубы находится в повестке дня. Конгресс санкционировал блокаду в специальной резолюции, принятой сенатом 20 сентября <…> В эти недели проблема блокады была изучена в Госдепартаменте. Эксперты изучают юридические вопросы, вытекающие из этой проблемы. Вооруженные силы США готовы вступить в действие, как только будет одобрена организация блокады»[410].

Подготовка интервенции проводилась в двух основных направлениях. С одной стороны, Пентагон приступил к формированию вооруженных бригад, в которые включались кубинские эмигранты, проходившие военное обучение на территории США и некоторых центральноамериканских стран. С другой стороны, американская разведка, используя свои возможности и привлекая силы внешней и внутренней контрреволюции, резко активизировала подрывную деятельность в отношении Кубы. Увеличилось число экономических диверсий (поджоги плантаций сахарного тростника), актов саботажа и терактов против руководителей революционного правительства с целью дезорганизовать кубинскую экономику, обострить внутренние, прежде всего экономические, проблемы в стране и тем самым вызвать недовольство кубинского населения.

Сам Карибский кризис можно условно поделить на три этапа.

«Подготовительный» – с апреля 1961–го по 22 октября 1962 года – разработка самой операции Соединенными Штатами, ключевым моментом которой должно было стать вооруженное вторжение на Кубу и свержение правительства Фиделя Кастро. Именно в связи с этим советское правительство летом 1962 года по договоренности с кубинскими руководителями и приняло решение поставить на Кубу ракеты среднего радиуса действия, бомбардировщики Ил–28 и некоторые другие виды вооружения. Фидель Кастро знал, что у Москвы вызывает крайнее беспокойство наличие у американцев ракет в Турции и Италии. Это были ракеты средней дальности, которые достигают цели значительно быстрее стратегических ракет и бомбардировщиков. Американцы разместили в Турции новые межконтинентальные ракеты «Минитмен» в дополнение к имевшимся там ракетам «Юпитер». Этим ракетам средней дальности требовалось всего около десяти минут, чтобы поразить цели на территории СССР. А советские ракеты могли долететь до территории США за 25 минут.

Никита Хрущев воспользовался сложившейся ситуацией вокруг Кубы и предложил разместить ракеты прямо под носом американцев и тем самым хотя бы частично ликвидировать существенное к тому времени отставание Советского Союза от США в гонке вооружений.

Конкретное решение о размещении советских ракет на Кубе было принято Политбюро ЦК КПСС 24 мая 1962 года. А уже 29 мая, за пять месяцев до начала кризиса, на Кубу прибыли первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Шараф Рашидов и командующий советскими Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) маршал Сергей Бирюзов, а также генерал–полковник С. П. Иванов, возглавлявший в то время Главное оперативное управление Генштаба советских вооруженных сил. В этот же день они встретились с Фиделем и Раулем Кастро и изложили предложения Москвы.

Вот какие впечатления сложились от этой встречи у Фиделя: «Они задавали нам вопросы. Мне задали следующий вопрос: „Как вы думаете, что позволило бы избежать вторжения?“ Я ответил – я был абсолютно уверен в этом: „Заявление Советского Союза о том, что нападение на Кубу будет рассматриваться как нападение на Советский Союз“. Они говорят: „Да–да, но как сделать, чтобы это выглядело реально?“ Тогда возникла идея о размещении ракет»[411].

Фидель Кастро взял сутки на принятие этого непростого решения. Для обсуждения вопроса о размещении советских ракет на острове он собрал почти всех своих соратников. Как стало известно годы спустя, в этом совещании участвовали Рауль

Кастро, Блас Рока, Че Гевара, Освальдо Дорти–кос и Карлос Рафаэль Родригес.

«Я доказал товарищам, что было бы противоречиво с нашей стороны ждать максимальной поддержки СССР и стран социалистического лагеря в случае атаки нашей страны Соединенными Штатами и отказываться от политического риска, когда они в нас нуждались. И с этической точки зрения эта проблема была единогласно решена собранием руководства, – вспоминал Фидель. – Мы встретились с советскими представителями, которые нас ждали, и вот что мы им сказали дословно: „Если СССР защитит Кубу от удара США и укрепит свои позиции и позиции социалистического лагеря, мы соглашаемся с установкой ядерных боеголовок со средним радиусом действия“.

<…> Нельзя было терять ни секунды. Напряжение было колоссальное. Без этих фактов, предшествующих кризису, невозможно объективно оценить сам кризис, который разразился в октябре 1962 года. Советские специалисты выдвинули предложение о разработке необходимых документов, – продолжал Фидель Кастро. – Я их детально проанализировал и пришел к выводу, что документы были составлены идеально с политической точки зрения, но их нельзя было опубликовывать, так как тема была щекотливая.

Мы полностью переработали соглашение, написали от руки и отправили с Раулем в Москву. Там они обсудили этот документ с министром обороны Малиновским и Хрущевым. Соглашение было принято даже без исправления запятой.

Советы начали приготовления. Стоит признать, что Вооруженные силы и Советское государство приложило все силы, чтобы установить всё за такое короткое время. Мы вместе с советскими товарищами искали места, где можно было расположить ядерные боеголовки со всеми средствами защиты. Все было настолько секретно и закамуфлировано, что просто представить сложно. Наши Вооруженные силы и органы безопасности, поддерживаемые партией и массами, действовали так, как никогда раньше»[412].

Еще 10 июня 1962 года, до июльского приезда Рауля Кастро в Москву, на совещании в Политбюро ЦК КПСС министр обороны СССР маршал Родион Малиновский представил проект операции по переброске ракет на Кубу. Он предполагал размещение на острове двух видов баллистических ракет – Р–12 с радиусом действия около 2 тысяч километров и Р–14 с дальностью в 4 тысячи километров. Оба типа ракет были снабжены ядерными боеголовками мощностью в одну мегатонну.

Текст соглашения о поставке ракет был передан Фиделю

Кастро 13 августа Александром Алексеевым. Фидель немедленно подписал его и направил с ним в Москву Че Гевару и председателя Объединенных революционных организаций Эмилио Арагонеса, якобы для обсуждения «актуальных экономических вопросов». Никита Хрущев принял кубинскую делегацию 30 августа 1962 года на своей даче в Крыму. Но, приняв соглашение из рук Че, он даже не удосужился подписать его. И, таким образом, это историческое соглашение осталось оформленным без подписи одной из сторон.

Дело в том, что советские приготовления к отправке на остров людей и техники уже начались и приняли необратимый характер.

Эта уникальная и не имеющая аналогов в мире операция по скрытной переброске людей и техники на Кубу получила кодовое название «Анадырь». По мнению Николая Леонова, Карибский кризис – это самый крупный провал за всю историю американской разведки: «ЦРУ откровенно проморгало переброску такого большого количества людей и оружия с одного полушария на другое, причем в непосредственной близости от берегов Соединенных Штатов. Переместить скрытно сорокатысячную армию, огромное количество боевой техники – авиацию, бронетанковые силы и конечно же сами ракеты – такая операция, на мой взгляд, является образцом штабной деятельности. Равно как классическим примером дезинформации противника и маскировки. Операция „Анадырь“ была разработана и проведена так, что комар носа не подточит. Уже во время ее проведения приходилось принимать экстренные и оригинальные решения. Например, ракеты, уже при транспортировке на самом острове, попросту не вписывались в рамки узких кубинских сельских дорог. И их приходилось расширять».

Технику и личный состав доставили в шесть разных портов Советского Союза, на Балтике, Черном и Баренцевом морях, выделив для переброски 85 кораблей, которые в общей сложности совершили 183 рейса. Советские моряки были убеждены, что они отправляются в северные широты. В целях конспирации на суда грузили маскировочные халаты, лыжи, чтобы создать иллюзию «похода на Север» и тем самым исключить любую возможность утечки информации. У капитанов судов имелись соответствующие пакеты, которые нужно было вскрыть в присутствии замполита только после прохождения Гибралтарского пролива. Что говорить о простых моряках, если даже капитаны судов не знали, куда они плывут и что везут в трюмах. Их изумлению не было предела, когда, вскрыв пакет после Гибралтара, они читали: «Держать курс на Кубу и избегать

конфликта с кораблями НАТО». Для маскировки военные, которых, естественно, всю поездку нельзя было держать в трюмах, выходили на палубу в штатской одежде.

Общий замысел Москвы состоял в развертывании на Кубе Группы советских войск в составе воинских соединений и частей Ракетных войск, ВВС, ПВО и ВМФ. В итоге на Кубу прибыло более 43 тысяч человек. Основу Группы советских войск составила ракетная дивизия в составе трех полков, оснащенных ракетами средней дальности Р–12, и двух полков, на вооружении которых находились ракеты Р–14 – всего 40 ракетных установок с дальностью действия ракет от 2,5 до 4,5 тысячи километров. Хрущев писал позднее в своих «Воспоминаниях», что «этой силы было достаточно, чтобы разрушить Нью–Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня». Вместе с тем перед этой дивизией не ставилась задача нанесения упреждающего ядерного удара по Соединенным Штатам, она должна была служить сдерживающим фактором.

Между тем, согласно плану «Мангуст», к началу 1962 года в США уже были подготовлены так называемые «силы вторжения» на Кубу первого эшелона. Они насчитывали 86 тысяч человек личного состава, до 180 кораблей, 430 истребителей–бомбардировщиков и палубных штурмовиков, до 600 танков, более 2 тысяч орудий и минометов. Второй эшелон вооруженных сил США насчитывал до 250 тысяч человек и 460 военно–транспортных самолетов[413]. А в сентябре 1962 года по личной просьбе Джона Кеннеди комиссия по военным делам сената США проголосовала за призыв в американскую армию 150 тысяч резервистов, что еще более накалило международную обстановку. В североамериканской прессе была организована «утечка» информации о том, что на октябрь 1962 года с согласия Джона Кеннеди запланированы крупные маневры под кодовым названием «Филбри–гелс–62» с целью оказания психологического давления на правительство Фиделя Кастро. Основная цель этих учений состояла в освобождении условной республики «Векос» от условного «диктатора» по фамилии «Ортсак», что в обратном прочтении означало «Кастро»[414].

Только спустя десятилетия стали известны некоторые, до той поры секретные, детали операции «Анадырь», которые говорят об исключительном героизме советских моряков. Людей на Кубу перевозили в грузовых отсеках, температура в который при входе в тропики доходила до 60 с лишним градусов. Кормили их два раза в сутки в темное время. Пища портилась. Но, несмотря на тяжелейшие условия похода, моряки перенесли длительный

морской переход в 18—24 суток. Узнав об этом, президент США Кеннеди заявил: «Если бы у меня были такие солдаты, весь мир был бы под моей пятой!»[415]

Первые корабли пришли на Кубу в начале августа 1962 года. Один из участников этой беспримерной операции позже вспоминал: «Бедняги шли из Черного моря в трюме грузового судна, перевозившего до этого сахар с Кубы. Условия, конечно, были антисанитарные: наспех сколоченные многоэтажные нары в трюме, никаких туалетов, под ногами и на зубах – остатки сахарного песка. Из трюма выпускали подышать воздухом по очереди и на очень короткое время. При этом по бортам выставляли наблюдающих: одни следили за морем, другие – за небом. Люки трюмов оставляли открытыми. В случае появления какого–нибудь постороннего объекта „пассажиры“ должны были быстро вернуться в трюм.

Тщательно замаскированная техника находилась на верхней палубе. Камбуз был рассчитан на приготовление пищи для нескольких десятков человек, составляющих команду судна. Так как людей было значительно больше, то кормили, мягко говоря, неважно. Ни о какой гигиене, конечно, не могло быть и речи. В общем, провалялись в трюме две недели практически без дневного света, без минимальных удобств и нормальной пищи.

Американцы все высчитывали, сколько человек могли перевезти на Кубу советские пассажирские суда. И получалась у них какая–то до смешного маленькая цифра. Они не понимали, что на этих теплоходах можно было разместить значительно больше людей, чем положено для обычного рейса. А то, что людей можно перевозить в трюмах сухогрузов, им и в голову не могло прийти»[416].

В начале августа американские спецслужбы уже получили от западногерманских коллег информацию о том, что Советы почти в десять раз увеличивают число своих судов в Балтике и Атлантике. А кубинцы, которые проживали в США, узнавали от своих родственников, находившихся на Кубе, о завозе на остров «странных советских грузов». Впрочем, американцы до начала октября просто «пропускали эту информацию мимо ушей».

Скрывать очевидное для Москвы и Гаваны означало бы подогреть еще больший интерес американцев к отправке грузов на Кубу и, главное, к их содержимому. Поэтому 3 сентября 1962 года в совместном советско–кубинском коммюнике о пребывании в Советском Союзе делегации Кубы в составе Че Гевары и Э. Арагонеса отмечалось, что «советское правительство пошло навстречу просьбе кубинского правительства об оказании Кубе помощи вооружением». В коммюнике было сказано, что это

вооружение и военная техника предназначены исключительно для целей обороны.

Факт поставки СССР ракет на Кубу был делом абсолютно легальным и разрешенным международным правом. Несмотря на это, американская пресса опубликовала ряд критических статей о «приготовлениях на Кубе». 4 сентября президент США Джон Кеннеди сделал заявление о том, что Соединенные Штаты не потерпят размещения на Кубе стратегических ракет типа «земля—земля» и других видов наступательного оружия. В ответ Никита Хрущев направил личное послание Кеннеди, в котором сообщал, что такие ракеты ни при каких обстоятельствах не будут отправлены на Кубу. Значительно позже это подтвердил на личной встрече с Кеннеди 18 октября тогдашний министр иностранных дел СССР Андрей Громыко.

В октябре 2002 года, выступая на конференции в Гаване по случаю сорокалетия Карибского кризиса, Фидель Кастро подчеркивал, что к кризису привели действия Никиты Хрущева, который ввел в заблуждение президента США Джона Кеннеди, заявив ему, что на Кубе нет ядерного оружия. «Это была очень крупная ошибка со стороны Хрущева, против которой мы решительно выступали», – говорил впоследствии Фидель. Он не хотел, чтобы Кубу считали «советской базой в Карибском бассейне», в то же время он с уважением относится к бывшему советскому лидеру и ценит оказанную им помощь в годы революции на Кубе: «Никита был самоуверенным, но смелым человеком. Я мог критиковать его и его ошибки».

По информации советской разведки, в разработке планов США против Кубы принимало участие ограниченное число высокопоставленных лиц. Известно, что даже главы правительств стран – участниц НАТО были информированы всего за несколько часов до объявления военно–морской блокады Кубы в октябре 1962 года.

В начале сентября 1962 года представитель США в Совете НАТО Финтеллер заявлял на заседании совета, что военная помощь СССР Кубе пока что состоит из оборонительных средств. О том, что Куба не представляет серьезной угрозы для США, заявлял 25 сентября во время визита во Францию помощник президента по вопросам безопасности М. Банди. В связи с этим основной линией американской политики в отношении Кубы было усиление ее экономической и политической изоляции и расширение подрывной деятельности внутри страны. Эти меры, по мнению США, могли бы создать экономическую разруху на Кубе и породить среди населения широкое недовольство правительством Кастро.

Но, судя по имевшимся материалам, принимая решение о провокациях в районе Карибского моря, американцы рассчитывали на то, что СССР не пойдет на развязывание атомной войны из–за Кубы. Эту мысль настойчиво проводили в беседах с делегациями капиталистических стран в ООН представители миссии США. Как стало известно уже спустя несколько месяцев после разрешения кризиса, необходимые наводки американцам мог дать американский агент, полковник ГРУ Олег Пеньковский, разоблаченный в октябре 1962 года. Он работал в Государственном комитете по науке и технике и имел доступ к секретной научно–технической информации. Информация, предоставленная Пеньковским американцам за полтора года деятельности, имела для них огромную ценность. Это были сведения о количествах и характеристиках советских межконтинентальных ракет, чертежи пусковых установок и многое другое.

25 сентября 1962 года Фидель Кастро заявил, что Советский Союз намерен создать на Кубе базу для своего рыболовного флота. Поначалу ЦРУ действительно полагало, что на Кубе идет строительство крупного рыбацкого поселка. Правда, потом в Лэнгли стали подозревать, что под его видом на самом деле Советский Союз создает крупную судоверфь и базу для советских подводных лодок. Наблюдение американской разведки за Кубой было усилено, значительно увеличилось число разведывательных полетов самолетов У–2, которые беспрерывно фотографировали территорию острова. Вскоре американцам стало очевидно, что Советский Союз сооружает на Кубе стартовые площадки для зенитных управляемых ракет (ЗУР). Они были созданы в СССР несколько лет назад в глубоко засекреченном конструкторском бюро Грушина. С их помощью в 1960 году был сбит американский самолет–разведчик У–2, пилотируемый летчиком Пауэрсом.

2 октября 1962 года Джон Кеннеди отдает приказ Пентагону привести американские вооруженные силы в состояние боевой готовности. В эти же дни Кеннеди направил европейским союзникам письмо с требованием прекратить любые торговые контакты с Кубой. В ответ Великобритания, а затем и ближайший территориальный союзник США – Канада заявили, что не станут принимать участия в блокаде Кубы.

Кубинским и советским руководителям стало ясно, что необходимо ускорить строительство объектов на острове.

Тут на руку Гаване и Москве, обеспокоенным скорейшим завершением наземных работ, сыграла плохая погода. Из–за сильной облачности в начале октября полеты У–2, приостановленные к тому времени на шесть недель, начались

только 9 октября. Увиденное 10 октября поразило американцев. Данные фоторазведки показали наличие хороших автомобильных дорог там, где еще недавно была пустынная местность, а также огромных тягачей, не вмещавшихся в узкие проселочные дороги на Кубе.

Тогда Джон Кеннеди дал распоряжение активизировать фоторазведку. В этот момент на Кубу обрушился новый тайфун. И новые снимки с самолета–шпиона, барражировавшего на крайне низкой высоте в 130 метров, были сделаны только в ночь на 14 октября 1962 года в районе Сан–Крис–тобаля в провинции Пинар–дель–Рио. На их обработку ушли сутки. У–2 обнаружил и сфотографировал стартовые позиции советских ракетных войск. Сотни снимков свидетельствовали, что на Кубе уже установлены не просто зенитные ракеты, а ракеты «земля—земля».

16 октября советник президента Макджордж Банди доложил Кеннеди о результатах облета кубинской территории. Увиденное Джоном Кеннеди в корне противоречило обещаниям Хрущева поставлять на Кубу только оборонительное оружие. Обнаруженные самолетом–шпионом ракеты были способны стереть с лица земли несколько крупных американских городов.

Фидель говорил по этому поводу: «Не было ничего нелегального в нашем соглашении с Советами, ведь у североамериканцев были похожие ракеты „Юпитер“ в Турции и Италии, а никто не собирался нападать на эти страны. Единственное, что Хрущев сделал неправильно, было деление ракет на оборонительные и наступательные. В политической битве нельзя идти на уступки.

Не следовало врать, чтобы дезинформировать противника. Североамериканцам не понравилась установка на Кубе ракет класса «земля—воздух». Они сами запрещали полеты чужих самолетов над своей территорией и над территориями Турции и Италии, где стояли их ракетные установки.

Было очень много политических и военных ошибок.

В октябре 1962 года мы не могли сильно возражать против вывода ракет с нашей территории, поскольку тогда мы вступили бы в конфликт с двумя сверхдержавами, что было весьма сложно для Кубы»[417] .

16 октября Кеннеди собрал в своем кабинете так называемую рабочую группу по кубинскому вопросу, в которую вошли высокопоставленные сотрудники Госдепартамента, ЦРУ и министерства обороны. Это было историческое совещание. Рабочая группа трансформировалась в особую структуру – «Экском» *(Executive Committee of the National Security Council),* исполнительный комитет Совета национальной безопасности,

который и сегодня играет существенную роль в формировании политики Белого дома. Члены группы не сомневались в грозящей Америке опасности и необходимости жестких ответных мер. Они расходились лишь в оценках того, какими должны быть ответные действия. Именно с этого момента пошло пресловутое разделение на «голубей» и «ястребов» в американской администрации. Так в США и в мире называют сторонников умеренного и жесткого силового подхода к решению ключевых международных проблем. Среди «ястребов» особо выделялись генералы Максвелл Тейлор, начальник объединенного штаба вооруженных сил США, и Кёртис Лемей, командующий американскими военно–воздушными силами, который в 1948 году лично отвечал за разработку плана «Троян», по которому на 70 городов в СССР должно было быть сброшено 133 атомные бомбы.

Под невероятным давлением находился и сам президент Кеннеди. На одном из заседаний «Экскома» министр финансов Дуглас Диллон передал президенту записку: «Понимаете ли Вы, насколько велика вероятность того, что, если Вы позволите Кубе закончить размещение и приведение в боевую готовность ракетных баз, в следующем составе палаты представителей конгресса большинство, скорее всего, будет принадлежать республиканцам»[418].

«Ястребы» настаивали на массированных бомбовых ударах по Кубе, последующей интервенции на остров и уничтожении Фиделя Кастро и его соратников.

К «голубям», выступавшим не за нанесение немедленного удара по Кубе, а за ее блокаду, относились госсекретарь Дин Раск, его заместитель Джон Болл, посол по особым поручениям Ллуэлин Томпсон. И, как это ни странно, глава Пентагона Роберт Макнамара, бывший крупный топ–менеджер одной из автомобильных корпораций, который не был кадровым военным и надеялся на мирное разрешение кризиса. В спецсообщении КГБ СССР от 21 октября 1962 года в ЦК КПСС и Министерство обороны сообщалось следующее: «В последнее время в республиканской и демократической партиях США наметились группировки, выступающие за подавление Кубы с применением военных средств. По сообщениям корреспондента „Нью–Йорк таймс“ Гамильтона, сторонников военного подавления в Кубе в республиканской партии возглавляет Нельсон Рокфеллер, которого беспокоит судьба его капиталовложений в Латинской Америке, особенно в Венесуэле. В демократической партии сторонников военных мер против Кубы представляют руководители Пентагона.

Как сообщает Гамильтон, военная группировка намерена

форсировать решительные действия против Кубы после проведения выборов в Конгресс США в ноябре с. г.»[419].

Генерал Николай Леонов вспоминал о том, как Роберт Макнамара, участвовавший в конференции, посвященной 40–летию Карибского кризиса, сообщил ему на обеде в Москве в 2002 году, что большинство в политической элите США в октябре 1962 года настаивало на ударе по Кубе. Он даже уточнил, что 70 процентов лиц из тогдашней администрации США придерживались подобной точки зрения. К счастью для мировой истории, возобладала точка зрения меньшинства, которой придерживались сам Макна–мара и президент Кеннеди. «Надо отдать должное мужеству и смелости Джона Кеннеди, который нашел нелегкую возможность пойти на компромисс наперекор подавляющему большинству из своего окружения и проявил удивительную политическую мудрость», – говорил мне Николай Леонов.

Когда 18 октября «Экском» снова собрался на свое очередное заседание, во время которого были продемонстрированы новые фотоснимки, госсекретарь США Дин Раск произнес историческую фразу: «Кажется, эти базы скоро расползутся по всему миру, как корь». Раск, кстати, вел себя довольно странно в дни кризиса. «Воодушевлял» сотрудников Госдепа – приходя на работу, говорил: «Все вы еще живы?» Через раз появлялся на заседаниях «Экскома», где принимал позицию то «ястребов», то «голубей».

Тем временем в самом совете все больше убеждались в том, что Советский Союз успел поставить на Кубу свое самое современное оружие, а введение военно–морской блокады не помешает Москве привести в боевую готовность ракеты, имеющиеся на острове. Причем отнюдь не только оборонительного характера. «Еще вчера вечером я подумал, что объектов гораздо больше, чем нам известно. А потому вполне возможно, что и целей окажется больше, чем мы в состоянии наметить, рассчитывая любой из ударов. Информация, полученная сегодня утром, по–моему, подтверждает это заключение, – заявил на заседании председатель совета главкомов штабов генерал Максвелл Тейлор. – Иными словами, в качестве реальной военной операции можно рассматривать только полномасштабное вторжение»[420].

Вплоть до 22 октября в Москве не знали об обнаружении американцами ракет на Кубе. Вечером 20 октября Кеннеди понял, что необходимо ввести блокаду в отношении Кубы. После того как большинство членов совета все же проголосовали за военно–морскую блокаду, 22 октября из Белого дома в Кремль ушла телеграмма за подписью Джона Кеннеди, в которой он

предупреждал советское правительство о том, что «…если на Кубе произойдут определенные события, то Соединенные Штаты предпримут всё, что надлежит предпринять для защиты своей собственной безопасности и безопасности своих союзников»[421]. В тот же день по телевидению Кеннеди отдал приказ военно–морскому флоту США перехватывать все суда, следующие на Кубу, подвергать их досмотру и не пропускать суда с оружием, а также вести непрерывное и тщательное наблюдение за Кубой и объявил о создании карантинной зоны в 500 морских миль вокруг ее берегов. Одновременно на американскую базу Гуантанамо прибывали все новые части войск.

Кубу окружили 183 американских военных корабля, с 40 тысячами морских пехотинцев на борту. В их числе было восемь авианосцев. Во Флориде были сконцентрированы 579 военных самолетов, готовых к атаке на Кубу. Незадолго до телевизионного выступления Кеннеди 22 октября 1962 года госсекретарь США Дин Раск провел в Госдепартаменте совещание с послами латиноамериканских стран, на котором проинформировал их о предстоявших акциях США в отношении Кубы. США предложили обсудить резолюцию, которая должна была быть одобрена на заседании Совета ОАГ 23 октября. Послы Бразилии, Мексики и Боливии заявили, что они не согласны с тем, чтобы Куба подверглась военной блокаде без предварительной проверки через ООН обвинений, выдвинутых против нее. Однако на этом совещании все же удалось принять американский вариант резолюции, который призывал латиноамериканские страны «использовать военную силу против Кубы».

Обращение Кеннеди к нации значительно накалило и без того нервозную обстановку. Через 15 минут после заявления Кеннеди Фидель Кастро объявил боевую тревогу и всеобщую мобилизацию. «Любую блокаду – выдержим, агрессию – отразим», – уверенно заявил Фидель на митинге в Гаване.

«Мы собирались объединить все силы для войны и мобилизовать всех, до последнего человека. У нас было почти 300 тысяч вооруженных солдат, готовых в бою. 23 октября я выступил по телевидению, чтобы осудить политику США, рассказать о нашей готовности пойти на риск, мобилизовать все наши силы»[422], – вспоминал Фидель.

В те роковые дни Рауль Кастро был назначен командующим провинцией Ориенте и получил приказ поддерживать ту инфраструктуру, которая осталась от революционной войны в горах Сьерра–Маэстра. Че Гевара был назначен командующим западной армией, дислоцировавшейся в провинции Пинар–дель–Рио. Сам Фидель осуществлял руководство в центре острова.

Советские военные, которые вместе с кубинцами были задействованы в береговой обороне острова, были одеты в кубинскую форму. Но в самые напряженные дни, с 22 по 27 октября, достали из своих чемоданчиков тельняшки и бескозырки и приготовились отдать жизнь за эту страну.

Президиум ЦК КПСС принял решение привести в состояние повышенной боевой готовности Вооруженные силы СССР и стран Варшавского договора. В Москве понимали, что необходимо подготовить предельно жесткий и агрессивный ответ на действия Белого дома. Таким ответным жестом стало заявление советского правительства от 23 октября 1962 года. Тон заявления не оставлял сомнений в том, что в его составлении принимал участие Никита Хрущев: «Нагло попирая международные нормы поведения государств и принципы Устава Организации Объединенных Наций, США присвоили себе право, и объявили об этом, нападать на суда других государств в открытом море, то есть заниматься пиратством.

Империалистические круги США пытаются диктовать Кубе, какую политику она должна проводить, какие порядки следует устанавливать у себя дома, какое оружие она должна иметь для своей обороны. Но кто дал право Соединенным Штатам брать на себя роль вершителя судеб других стран и народов? Почему кубинцы должны решать внутренние дела своего государства не по своему усмотрению, а так, как хотелось бы США? Куба принадлежит кубинскому народу, и только он может быть хозяином своей судьбы». Москва была возмущена попытками США ввести в «международную практику законы джунглей, порождать бесконечные конфликты и войны». «В этот тревожный час советское правительство считает своим долгом обратиться с серьезным предостережением к правительству США, предупредить его, что, осуществляя меры, объявленные президентом Кеннеди, оно берет на себя тяжелую ответственность за судьбы мира, ведет безрассудную игру с огнем.

Руководители США должны, наконец, понять, что теперь времена совсем другие. Только безумцы могут сейчас делать ставку на политику «с позиции силы» и считать, что эта политика принесет им какой–то успех, позволит навязать другим государствам свои порядки. Если США раньше могли считать себя самой мощной в военном отношении державой, то теперь для этого нет никаких оснований. В мире есть другая сила, не менее мощная, которая выступает за то, чтобы народы устраивали свою жизнь так, как они этого хотят»[423].

Москва предупреждала Вашингтон, что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный

ответный удар». В заявлении советского правительства также говорилось о недопущении агрессивных выпадов США в отношении Кубы: «Правительство США обвиняет Кубу в том, что она будто бы создает угрозу для безопасности Соединенных Штатов. Но кто поверит, что Куба может создавать угрозу для США? Если говорить о размерах и ресурсах двух стран, об их вооружениях, то ни одному здравомыслящему государственному деятелю и в голову не придет, что Куба может представить угрозу для Соединенных Штатов Америки или для какой–либо другой страны. По меньшей мере лицемерно говорить, будто маленькая Куба может покушаться на безопасность Соединенных Штатов Америки.

США требуют, чтобы с территории Кубы была удалена военная техника, необходимая ей для самообороны, с чем не может, конечно, согласиться ни одно государство, дорожащее своей независимостью. Кубинцы хотят обезопасить свой дом, свою независимость против угрозы, которая исходит от Соединенных Штатов Америки. Правительство Кубы апеллирует к разуму и совести, призывает США отказаться от поползновений на независимость Кубы, установить нормальные отношения с кубинским государством. Разве не убедительно звучит то, что кубинское правительство официально заявило о своем стремлении урегулировать путем переговоров с правительством США все спорные вопросы»[424].

Одновременно с заявлением, которое было в большей степени рассчитано на Вашингтон, Хрущев направил письмо Фиделю Кастро, в котором сообщал ему, что Москва ни в коем случае не намерена отступать от своих принципов. К сожалению, позже кубинцы убедились в том, что агрессивная риторика Хрущева иногда не подкрепляется практическими действиями.

«Самое невероятное было то, что Хрущев, расставляя по всей стране ракеты, не обеспечил необходимой безопасности нашей стране, поэтому и летали самолеты–разведчики, – вспоминал Фидель Кастро. – Когда разразился кризис, у Хрущева не было ясной идеи, что надо делать»[425].

Через сутки Джон Кеннеди дал не менее запоминающийся ответ на гневное письмо Хрущева, в котором пытался оправдать действия Белого дома, возлагая вину за нагнетание обстановки на Кремль: «Я убеждал тех лиц в Соединенных Штатах, которые в то время настаивали на принятии действий в этом вопросе, проявлять сдержанность. А затем мне стало известно, вне всякого сомнения, то, что Вы отрицали, а именно, что все эти публичные заверения были ложными и что Ваши военные определенно приступили к созданию ряда ракетных баз на Кубе. (В приписке

МИД СССР было сказано – „подчеркнутые места предполагают собой предполагаемый текст, если потребуются какие–либо исправления, они будут посланы немедленно при получении“. – *М. М.)* Я прошу Вас ясно осознать, г–н председатель, что в этом деле не я первым бросил вызов и в свете упомянутых событий эти действия на Кубе потребовали того ответа, о котором я объявил»[426].

Тем временем советской разведке стало известно, что «США в качестве второй серии действий против Кубы готовят воздушные налеты на места расположения советских ракетных установок и бомбардировщиков на Кубе с целью их уничтожения»[427].

Морская блокада – карантин Кубы – началась 24 октября в два часа ночи. 180 кораблей ВМС США окружили Кубу. Им было приказано не открывать огонь по советским судам без личного приказа президента. В Москву из США ушло агентурное донесение: «Вечером 23 октября представитель Пентагона А. Сильвестр сообщил иностранному дипломату, что в операции по блокаде Кубы участвует 80 процентов кораблей второго флота США, в том числе авианосцы, крейсера, эсминцы и подводные лодки, объединенные в специальную группу под условным названием „Ударное подразделение 136“. Пентагон отдал приказ командованию пропускать советские суда на Кубу с техническими специалистами, при отсутствии запрещенных грузов. Пентагоном сформирована группа американских и иностранных корреспондентов для отправки ее 26 и 27 октября на борт корабля спецгруппы с целью присутствия при операции захвата какого–либо судна социалистических стран или СССР»[428].

За несколько часов до начала блокады на Кубу успел «проскочить» корабль «Александровск», на борту которого находились 24 боеголовки для боевых ракет средней дальности, а также 44 – для крылатых ракет. Кроме того, к берегам Кубы приближались четыре дизельные подводные лодки, сопровождавшие корабли.

К моменту объявления военной блокады советские ракетные полки были приведены в наивысшую степень боевой готовности. А советские военные совместно с кубинцами принимали участие в операциях по уничтожению отдельных диверсионных групп, которые постоянно забрасывались на территорию Кубы.

Американцы сконцентрировали в районе Карибского моря крупные соединения военно–морского флота, ВВС, морской пехоты, нацеленные для массированного удара по острову. Когда в воздух были подняты около половины американских стратегических бомбардировщиков, а ядерные лодки с ракетами «Полярис» заняли исходные позиции, окончательно стало ясно,

что Карибский кризис перерос рамки двусторонних американо–кубинских отношений и превратился в международный конфликт. Таким образом, мир реально оказался поставлен на грань термоядерной войны. После выступления Кеннеди в самих Соединенных Штатах усилился военный психоз, который подогревался официальными выступлениями государственных деятелей. Война была так близко, что в Белом доме, Пентагоне и ЦРУ уже обсуждали список лиц, допущенных в правительственное бомбоубежище. Губернатор штата Нью–Йорк Рокфеллер прервал свою избирательную кампанию и возвратился в Нью–Йорк. Он распорядился привести в готовность атомные бомбоубежища в школах и проверить, способна ли полиция штата заменить национальную гвардию в случае использования последней в интервенции. 24 октября в США состоялась премьера фильма с провокационным и вызывающим названием «Мы похороним вас» об «агрессивных намерениях Москвы». Иностранцы тем временем спешно покидали Гавану.

В эти дни был совершен прорыв 69–й бригады советских подводных лодок, в состав которой входили лодки Б–4, Б–36, Б–59 и Б–130. Прорыв осуществлялся в условиях многократного превосходства противника. Против четырех подводных лодок бригады было задействовано 85 процентов американских противолодочных сил Атлантики. При этом следует учесть тяжелые условия жизнедеятельности личного состава подлодок, не приспособленных к плаванию в тропических широтах (температура в электротехнических отсеках достигала +65 º С, вахтенные нередко падали в обморок. Пресной воды выдавали 250 миллилитров в сутки на человека, из–за чего буквально все подводники заболели потницей в особо тяжелой гнойной форме) [429].

Одна лодка успела уйти к берегам Кубы, а три другие были обнаружены и окружены американской эскадрой. Американцы начали забрасывать советские лодки шумовыми гранатами, которые производили невероятный психологический эффект, деморализуя экипажи. Тогда командиры лодок приняли решение всплыть на поверхность. Нести вахту и так было невероятно трудно. «Когда лодки всплывали, у наших командиров нервы были напряжены до предела, – рассказывал мне Николай Леонов. – У них было предписание в случае неминуемой угрозы захвата или смертельной угрозе лодке и экипажу применить ядерное оружие. Представьте, если бы дрогнули нервы, то и от самих кораблей и от противостоящей им эскадры не осталось бы ровным счетом ничего». К счастью, американцы не проявили каких–то агрессивных намерений, самообладание взяло вверх, и

корабли, как говорится, разошлись в море.

Тогда же произошел еще один уникальный «прорыв». Советский корабль «Винница» вез на Кубу обычный гражданский груз – картофель, керосин. На корабле отказала радиостанция, и капитан не знал, что американцы ввели карантин. «Представьте их реакцию, когда мимо них на всех парах мчится, по их мнению, „обнаглевший“ русский корабль, – рассказывал Леонов. – Они опешили. Давали команду „Виннице“ остановиться и подчиниться условиям Вашингтона. Но капитан нашего судна, как человек военный, посчитал действия американцев провокацией и, наоборот, прибавил ходу, даже под угрозой тарана. На Кубе корабль и моряков встречали как героев, разве что не салютовали им. Ни моряки, ни капитан не могли сначала понять, почему они удостоились такой чести. Кубинцы отдавали должное людям с „Винницы“, которые прорвали блокаду».

А один из участников тех событий поведал следующее: «Начались ежедневные облеты наших позиций американскими истребителями. Они проходили над нами так низко, что на виражах мы отчетливо видели летчиков в красных комбинезонах. Очень странно и непоследовательно вело себя наше командование. Сообщают по рации, что через несколько минут над нами появятся американцы и мы должны их сбить. Объявляется боевая готовность, но буквально в последние секунды перед их пролетом поступает команда ни в коем случае не открывать огонь. И так неоднократно. Возможно, это была психологическая игра с американцами, которые, скорее всего, прослушивали нашу связь. Может быть, наше командование пыталось запугать американцев, но они не испугались, а нам эта нервотрепка, мягко говоря, не доставляла удовольствия. К тому же было совершенно очевидно, что американцы не имели намерения нас атаковать, а совершали облеты с разведывательной целью»[430] .

В эти дни продолжалась интенсивная переписка между руководителями трех стран. После того как Джон Кеннеди в ответном письме призвал СССР «соблюдать условия блокады», Никита Хрущев обвинил президента США в том, что тот ставит «ультимативные условия», и назвал блокаду «актом агрессии, толкающим человечество к пучине мировой ракетно–ядерной войны». Он заявил, что «капитаны советских кораблей не станут соблюдать предписания американских ВМС», а также что, «если США не прекратят своих пиратских действий, правительство СССР примет любые меры для обеспечения безопасности судов».

Учитывая всю серьезность положения вокруг Кубы, советское правительство дало указание своему представителю в

Организации Объединенных Наций Валериану Зорину поставить вопрос о немедленном созыве Совета Безопасности для рассмотрения вопроса «О нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны Соединенных Штатов Америки».

В ходе слушаний в Совете Безопасности ООН, куда обратились с запросами СССР, Куба и США, атмосфера накалилась до предела. Посол США в ООН Эдлай Стивенсон, произнеся свою знаменитую фразу: «Не ждите, пока вам переведут», призвал советского представителя признать факт присутствия ракет на Кубе. В ответ Валериан Зорин назвал «фальшивкой» фотографии советских ракет на Кубе. «Советы отвергали очевидное, отрицали подлинность этих фотографий. Начались дебаты. Все было импровизацией, дипломаты не готовили речи. Это было ошибкой отрицать помощь Кубе, которая была суверенной страной со своим правом защищаться. Это произошло 25 октября 1962 года», – говорил Фидель[431]. Как выяснилось позже, Кеннеди дал Стивенсону большие полномочия, в частности, требовать от Генсека ООН У Тана гарантий того, что СССР и Куба обяжутся предпринять шаги с целью ликвидировать на территории Кубы не только все площадки для запуска ракет, но и находившееся там ракетное оружие. Если же соответствующие заверения от Москвы на этот счет не будут получены, США вправе посчитать «бессмысленными» дальнейшие переговоры с СССР и Кубой [432].

Вечером 25 октября 1962 года в Вашингтоне состоялось очередное заседание Совета национальной безопасности. Директор ЦРУ Маккоун и представитель Пентагона заявили, что, «поставив вопрос в ООН, США ничего не добились и еще больше подорвали свой престиж». Они настойчиво требовали, чтобы президент Кеннеди в течение 48 часов исправил положение и принял меры для уничтожения ракетных площадок на Кубе военными средствами[433].

Фидель Кастро тем временем недоумевал, почему Советский Союз продолжает отрицать наличие ракет на Кубе, ведь это уже стало известно всему миру. По логике вещей выходило, что вспыхнувший конфликт является противостоянием Гаваны и Вашингтона, что давало дополнительные преимущества американцам. В условиях «молчания Москвы» они продолжали усиливать психологическое давление на Кубу.

«Надо подчеркнуть, что революционная Куба не дрогнула перед этими испытаниями, – вспоминал посол СССР на Кубе Александр Алексеев. – Вся страна превратилась в четко управляемый и организованный военный лагерь. Мужество кубинцев передавалось и нам, советским людям, в том числе

воинскому контингенту. Не было никакой паники, никто не пытался покинуть Кубу»[434].

Во многом из–за этого американцы не стали переходить роковую черту. «Для Фиделя самый легендарный лозунг кубинской революции „Родина или смерть“ не является пустыми словами, – говорил мне Николай Леонов. – Это глубокая личная убежденность как его самого, так и его соратников и многих кубинцев. И это убеждение было главным лейтмотивом поведения как кубинских руководителей, так и простых жителей Кубы. Сражаться в любом случае. И, если надо, погибнуть за свою родину. Сам Фидель потом неоднократно говорил: „Мы были готовы пожертвовать собой“».

Спустя десятилетия кубинский лидер рассказывал: «Мы располагали определенной информацией, довольно важной, но в основном у нас были интуиция, чутье и правило: агрессия не должна застать нас врасплох, лучше провести мобилизацию 20 раз, даже если ничего не произойдет, чем не провести мобилизацию и стать жертвой нападения. Мобилизованные войска, мобилизованная страна в 20—25 раз сильнее страны, застигнутой врасплох. Так случилось с Советским Союзом в июне 1941 года, так случилось со Сталиным, когда он поступил как страус, – спрятал голову в песок, в то время как немцы сосредоточили вблизи границы три миллиона солдат, десятки тысяч машин, тысячи и тысячи танков, тысячи и тысячи самолетов и напали на него в воскресенье, когда многие офицеры и солдаты были в увольнении, и уничтожили на земле почти всю авиацию. Невероятная история, мы хорошо ее знаем, потому что много читали о той войне и она способствовала обогащению нашего опыта во многих областях»[435].

26 октября Джон Кеннеди дал указание госсекретарю Раску создать временное правительство из числа кубинских эмигрантов. А 27 октября Карибский кризис достиг кульминации. На совещании в Белом доме Джон Кеннеди зачитал сообщение о том, что над Кубой сбит американский самолет У–2, а его пилот погиб. Все присутствовавшие на совещании потребовали разбомбить все ракетные установки на Кубе.

Самолет был сбит по личному указанию Фиделя. «Мы решили стрелять по североамериканским самолетам, которые почти касались земли, – рассказывал он. – При низком полете летчик не мог нас засечь, и мы атаковали внезапно. Мы слушали советских военных, которые говорили, что нельзя допускать совсем низких полетов. Мы сначала предупредили, что будем стрелять. Потом открыли огонь из противовоздушной артиллерии. 27 октября одна батарея противовоздушных ракет в восточной провинции,

руководимая советскими специалистами, сбила самолет–разведчик У–2. Это могло привести к началу войны. В любой момент мог произойти новый инцидент, что означало бы начало войны. И я могу сказать, что люди были спокойны и готовы <…> Мы не собирались отступать»[436].

В этот самый кризисный момент в одном из вашингтонских ресторанов состоялась внешне ничем не примечательная встреча резидента советской разведки в Вашингтоне Александра Феклисова (Фомина) с известным американским тележурналистом Джоном Скали, который имел выход на клан Кеннеди и дружил с братом президента Робертом. Скали прямо сказал, что вооруженная операция против Кубы должна начаться с серии массированных бомбовых ударов в ближайшие 48 часов. «Почему бы Фиделю Кастро не выступить с заявлением о готовности демонтировать и вывезти ракетные установки, если президент США даст гарантию о ненападении на Кубу? – размышлял Скали. – Если бы Кастро сделал подобное заявление, оно нашло бы благоприятный отклик в правительственных и военных кругах США». Журналист отказался назвать фамилии американских руководителей, которых он имел в виду[437]. Тогда Феклисов, которого никто не уполномочивал делать какие–либо заявления, неожиданно сказал: «Тогда мы захватим Западный Берлин. Вряд ли нашим дивизиям потребуется больше 24 часов, чтобы с помощью войск ГДР сломить сопротивление американского, английского и французского гарнизонов»[438]. Скали опешил от такого откровения Феклисова, о принадлежности которого к советским спецслужбам ему ранее сообщило ФБР. По воспоминаниям Героя России А. С. Феклисова, скончавшегося в октябре 2007 года, через три часа Скали принес ему компромиссные предложения урегулирования Карибского кризиса, уточнив, что они исходят от Белого дома. Скали заявил, что «представители СССР и США могут обсудить в Нью–Йорке этот вопрос вместе с Генсеком ООН У Таном, а также между собой»[439].

Так или иначе, но благодаря совместным усилиям дипломатов, разведчиков, политиков и журналистов Никита Хрущев и Джон Кеннеди, преодолев внутренние противоречия и внешние обстоятельства, нашли в себе мужество пойти на компромисс.

К счастью, Джон Кеннеди не пошел на поводу у военных. Он лично провел переговоры с Никитой Хрущевым по прямой телефонной связи. 27 октября в официальном послании советского правительства были выдвинуты условия, послужившие основой для урегулирования кризиса. В ответ на согласие СССР

вывести ракеты с Кубы Джон Кеннеди дал заверения, что США откажутся от вторжения на Кубу и отменят карантин. Один из «ястребов» генерал Лемей лютовал, он стукнул кулаком по столу и крикнул: «Господин президент! Вы не можете этого делать. Это величайшее поражение в истории Америки». Кеннеди, выдержав паузу и выждав, когда угомонится беснующийся генерал, сказал: «Все свободны, господа!» А Лемей, выйдя из кабинета, продолжал твердить: «Мы проиграли!»

28 октября Хрущев направил письмо Кеннеди, в котором сообщалось о демонтаже ракет и выводе войск. Соединенные Штаты согласились на демонтаж своих установок в Турции, а также официально отказались от каких–либо попыток сменить вооруженным путем режим Кастро. Для американской политической элиты послание Хрущева Кеннеди о ликвидации советских ракетных баз на Кубе под наблюдением ООН было признано «неожиданным». «В Госдепартаменте и Белом доме считают, что Н. С. Хрущев сделал весьма своевременное предложение о ликвидации советских ракетных баз на Кубе взамен на сохранение коммунистического режима Кастро, – докладывал советский резидент. – Таким образом, Н. С. Хрущев сумел предотвратить возникновение термоядерной войны и этим завоевал в сердцах американцев и других народов симпатию и уважение. Кеннеди от соглашения с Н. С. Хрущевым по Кубе получил существенные политические выгоды, в частности, симпатию внутри страны, которая обеспечит демократической партии победу на предстоящих выборах в конгресс и победу Кеннеди на президентских выборах в 1964 году»[440].

28 октября, еще не зная о достигнутом между США и СССР соглашении, Фидель Кастро выступил со специальным заявлением. В нем говорилось, что революционная Куба никому не угрожает, а кубинское правительство готово сделать все необходимое для установления добрососедских отношений с Соединенными Штатами Америки на основе принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. «Но правительство Кубы никому не позволит вмешиваться во внутренние дела своей страны. Избранный кубинским народом путь развития своего государства, путь социализма – это дело самого кубинского народа и только его», – подчеркнул Фидель.

Хрущев с оптимизмом смотрел на дальнейшее развитие ситуации. На заседании пленума ЦК КПСС 23 ноября 1962 года он успокаивал критиков американо–советского соглашения: «Будет ли вторжение на Кубу? Я не пророк и не могу делать ни предсказаний, ни заверений. Нельзя поручиться за империалистический лагерь, он с нами не советуется. Одно

только знаю, что Кеннеди во время его пребывания в Белом доме нелегко будет отказаться от взятых им обязательств о ненападении на Кубу. Эти обязательства будут связывать Кеннеди, будут связывать правительство США. Остается еще два года до президентских выборов. Все говорит за то, что Кеннеди будет избран на второй срок. Это значит, что еще шесть лет президент США будет связан публичными обязательствами о невторжении на Кубу»[441].

Увы, прогнозы советских разведчиков и самого Хрущева оказались неточными. Джон Кеннеди заплатил за то, что не дал начаться войне, своей жизнью. Он был убит через год в Далласе – и это преступление остается одной из самых главных загадок XX века.

Свое мнение по этому поводу есть и у Фиделя: «На самом деле, все очень странно. Я не уверен, что можно из винтовки с оптическим прицелом выстрелить, перезарядить и повторить выстрел в течение нескольких секунд. Когда вы стреляете из винтовки с оптическим прицелом, оружие сдвигается на какие–то миллиметры и вы теряете цель. Вы находитесь на расстоянии 500 или 600 метров, и с движением от выстрела у вас смещается прицел, и вам приходится снова искать цель. Если вы находитесь в окне и стреляете, вам немедленно надо перезарядить винтовку, снова найти цель и выстрелить, а найти цель на таком расстоянии за считаные секунды очень сложно. Сделать три таких выстрела для человека, который не специализируется на этом, очень сложно, почти нереально <…> Для меня непонятны две вещи в этом убийстве: первое – это тип выстрела и его повторение через короткое время. Второе – Освальд был заключен в тюрьму, и какой–то Джек Руби, впечатленный трагедией, перед камерами и полицией убил Освальда. Я не уверен, происходило ли что–то подобное когда–либо в другом месте»[442].

«Список пострадавших в результате Карибского кризиса можно начать с Кеннеди. По моему глубокому убеждению, Джон Кеннеди был убит за свою линию и поведение в ходе Карибского кризиса, – говорил мне Николай Леонов. – Мне верится с трудом, что его убийство было делом рук несчастного, психически неуравновешенного Ли Харви Освальда, которого я, к слову, знал лично. Я уверен, что Кеннеди отомстили те самые „ястребы“ при поддержке кубинской мафии, потерявшей огромные капиталы в результате революции, за то, что он не решился свергнуть революционный режим на Кубе и, что называется, „недожал“ Кастро. Второй „пострадавшей“ стороной был Никита Сергеевич Хрущев. Его сместили со своего поста через два года, в октябре 1964 года, и я убежден, что во многом он также пострадал из–за

Карибского кризиса. Точнее из–за того, что едва не втянул СССР в атомную войну и опаснейшую международную авантюру. Кукурузу он и раньше сеял, как и проводил иногда непопулярные реформы, вызывавшие неоднозначные отклики в обществе. Но так близко Советский Союз поставленным на грань мировой войны впервые после 1945 года не оказывался. Не случайно одним из первых шагов Леонида Брежнева стало провозглашение политики „мирного сосуществования“. Хрущеву не простили того, что он хотел „закопать“ Соединенные Штаты и „пустить ежа“ американцам».

Действительно, Никита Хрущев во многом из–за своей смелой и жесткой позиции в ходе Карибского кризиса, не устраивавшей «менее эмоциональных» членов политбюро, через два года был смещен со своего поста. На пленуме в ноябре 1964 года член Президиума ЦК КПСС Д. С. Полянский с издевкой не преминул отметить: «Товарищ Хрущев был рад, что ему удалось то, что не смог Сталин, – проникнуть в Латинскую Америку. Во–первых, проникновение в Латиноамериканский регион не было целью нашей политики, а во–вторых, это означало, что наша страна должна была взять на себя обязательства осуществлять военные поставки за океан на расстояние 15 тысяч километров»[443]. И неожиданно для Хрущева заключил: «…эта история нанесла ущерб международному престижу нашего государства, нашей партии, вооруженным силам и в то же время помогла поднять авторитет США»[444].

Этап «обострения кризисной ситуации» продолжался до 20 ноября 1962 года, когда в результате обмена посланиями между главами правительств СССР и США было достигнуто соглашение об урегулировании конфликта. В тот день США сняли военно–морскую блокаду Кубы.

Наступил третий этап – период послекризисного развития, который продолжался с 21 ноября 1962 года по 7 января 1963 года. Советский представитель на переговорах по урегулированию Карибского кризиса и американский представитель в ООН обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН У Тану, в котором отметили, что достигнутая степень урегулирования кризиса делает ненужным дальнейшее обсуждение данной проблемы в Совете Безопасности ООН. В течение этого третьего периода кризиса продолжались переговоры о выполнении взаимных обязательств США и СССР. После Карибского кризиса в администрации США возобладала умеренная точка зрения, отвергающая, во всяком случае при тогдашней ситуации, вторжение американских войск на Кубу. После убийства Кеннеди государственные руководители США,

будучи связанными войной во Вьетнаме, одно время не предпринимали попыток организовать новую интервенцию на Кубу.

Фидель Кастро выдвинул свои условия урегулирования кризиса, известные как «пять пунктов». Они предполагали прекращение экономической блокады, налетов пиратских самолетов, актов терроризма и агрессии против Кубы, поддержки бандитско–диверсионных групп, наконец, возвращение Кубе территории, на которой с 1902 года находилась американская военная база Гуантанамо. Китай первым официально признал законность и справедливость кубинских требований. Поддержал позицию Кубы и Советский Союз. Соединенные Штаты отвергли «пять пунктов» Кастро, однако президент Джон Кеннеди поручил Эдлаю Стивенсону подтвердить в Совете Безопасности ООН обязательство не нападать на Кубу.

В эти дни американцы несколько раз пытались добиться инспекции территории Кубы под предлогом проверки наличия на ней ракетных установок. Однако Фидель Кастро всякий раз отвечал категорическим отказом, напоминая о незыблемости суверенитета независимого государства. Фидель, в отличие от Хрущева, не был склонен к компромиссам и не пошел на уступки американцам, предупредив, что по любому самолету, который вторгнется в воздушное пространство Кубы, будет открываться огонь на поражение так же, как и в дни самого кризиса.

Посткризисный период характеризовался началом охлаждения отношений кубинского руководства к СССР, а кубинских граждан к советским представителям. Карибский кризис надолго отложился в массовом сознании, «проникнув» даже в анекдоты. Показателен один из них. Приехал после октябрьских событий Никита Хрущев с визитом в США, заглянул в кабинет Кеннеди. А у того на столе пульт. Нажмешь на одну кнопку – включается телевизор, нажмешь на вторую – закрываются шторы, на третью – секретарша приносит виски. Загрустил Никита Сергеевич… Настало время для ответного визита. Пришел Джон Кеннеди в кабинет Хрущева и удивился скромной обстановке. На столе даже нет пульта. Только горит одна красная кнопка. Кеннеди тотчас нажал на нее, говоря: «А вот у нас в Америке…» «Да ладно, – махнул рукой Хрущев. – Нет больше вашей Америки… »

Карлос Франки, редактор кубинской газеты «Революсь–он», впоследствии уехавший в США, первым сообщил Фиделю о решении Москвы убрать ракеты с Кубы. В гневной тираде Фиделя в адрес Хрущева, которую Франки услышал в ответ по телефону, самым мягким было слово «сукин сын». Не менее хлестко

отреагировал на поступок Москвы Че Гевара: «Волосы встают дыбом от примера того, как людей предназначили к сожжению в атомном огне ради того, чтобы их пепел можно было использовать в качестве основы для нового общества. И когда, даже не удосужившись спросить у этих людей совета, составляют договор о том, чтобы забрать у них ракеты, они не вздыхают с облегчением и не выражают благодарности за перемирие. Вместо этого они возвышают свой голос, чтобы заявить о готовности к борьбе и о своей решимости бороться, если придется, в одиночку»[445].

Фидель, привыкший «играть по–честному», был разъярен тем обстоятельством, что Никита Хрущев сделал всё за его спиной и лично не уведомил его о решении убрать ракеты с Кубы и пойти на уступки американцам: «Мы узнали от общественности, что Советы вынесли предложение убрать ракеты с Кубы. И никто ничего с нами не обсуждал! Мы не были против какого–либо соглашения, потому что понимали, что необходимо избежать ядерного конфликта. Но Хрущев должен был сказать: „Надо обсудить проблему и с кубинцами“. По этому вопросу они должны были посоветоваться с нами.

Про Кубу забыли полностью. Не убрали военную блокаду, самолеты–разведчики так и продолжали низко летать. Нам все это очень не нравилось. И мы стреляли по самолетам, которые летали слишком низко. Именно тогда наши отношения с Советским Союзом ухудшились. И в течение многих лет этот конфликт влиял на наши взаимоотношения»[446].

Спустя 40 лет после кризиса в беседе с Игнасио Рамоне–том Фидель буквально по дням раскрыл содержание его конфиденциальной переписки с Никитой Хрущевым в период с 26 по 31 октября. Эта личная переписка между двумя руководителями стран, вовлеченных в один из самых серьезных политических катаклизмов XX века, важна для понимания как сути самого Карибского кризиса, так и личности Фиделя Кастро.

Кастро – Хрущеву 26 октября 1962 года:

«Уважаемый товарищ Хрущев, анализируя сложившуюся ситуацию, нам кажется, что кризис неизбежно разразится в течение 24 или 72 часов.

Есть два приемлемых варианта: первый, самый оптимальный, это воздушная атака на определенные вражеские объекты; второй вариант, менее приемлемый, это наземная атака. Но для этого нам понадобится большое количество сил, и к тому же это наиболее агрессивная форма нападения, что может нам помешать в дальнейшем.

Моральное состояние кубинцев на высоте, и они героически

смогут противостоять агрессору.

В такой ситуации надо кратко охарактеризовать мое отношение.

Если все–таки случится второй вариант и империалисты завоюют Кубу, опасность такой агрессивной политики настолько велика, что после этого события Советский Союз не должен допустить обстоятельств, в которых станет возможной первая ядерная атака империалистов.

Я говорю Вам это, потому что думаю, что агрессивность империалистов на самом деле очень опасна и, если они не побоятся первыми напасть на Кубу, поступившись Законом, это будет самый ответственный момент.

До последнего момента мы надеемся, что мир будет спасен. Но в то же время мы можем посмотреть в глаза сложившейся ситуации.

Я еще раз выражаю бесконечную признательность нашего народа советскому, который так щедро помогал нам.

По–братски, Фидель Кастро».

Хрущев – Кастро 28 октября:

«Уважаемый товарищ Фидель Кастро, наше письмо президенту Кеннеди помогло решить конфликт, защитить Кубу и избежать войны. Но сейчас в Америке управляют военные из Пентагона. Сейчас, когда мы достигли соглашения, Пентагон ищет подтекст, чтобы отменить соглашение. Они придрались к самолетам–разведчикам, которые летают над Вашей территорией. Вчера Вы сбили один из них, чего Вы раньше не делали, и этот шаг они восприняли как благоприятный для неподписания соглашения.

Н. Хрущев».

Кастро – Хрущеву 28 октября:

«Уважаемый товарищ Хрущев, позиция нашего правительства в связи с этим соглашением спокойная.

Я бы хотел объяснить Вам кое–что, связанное с противовоздушными средствами защиты, которые мы осуществляем. Вы сказали: «Вчера Вы сбили вражеский самолет, чего Вы раньше не делали».

Раньше не было такой опасности полетов над нашей территорией вражеских самолетов.

Сейчас был не тот случай. Мы опасались неожиданной атаки на военные установки. Мы решили сбить самолеты, потому что они летели прямо на наши базы вооружения и одним ударом могли их разрушить. Поэтому 24 октября мы мобилизовали 50 противовоздушных установок, чтобы помочь позициям советских сил. Если мы хотели избежать риска внезапной атаки, нам

необходимо было дать приказ стрелять.

Раньше полеты были хоть как–то скрыты. Вчера правительство США попыталось добиться привилегии летать над нашей территорией в любое время дня и ночи. Это нас не могло устроить. Однако мы согласны избегать инцидентов, которые могут принести вред переговорам, и мы дали указание нашим установкам не стрелять, но только пока длятся переговоры.

Также я хотел бы сообщить Вам, что мы категорически против инспекции нашей территории.

Мы прекрасно понимаем, как необходимы усилия, которые Вы предпринимаете для сохранения мира, и мы полностью согласны, что надо бороться за эту цель.

По–дружески, Фидель Кастро Рус».

Хрущев – Кастро 30 октября:

«Уважаемый товарищ Фидель Кастро, мы получили Ваше письмо, написанное 28 октября, и протокол Ваших переговоров с нашим послом. Мы понимаем, что для Вас сложно смириться с тем, что над Вашей территорией летают вражеские самолеты, но мы составили компромиссное соглашение с США, по которому они отказываются от плана атаки Кубы с земли и сворачивают морскую блокаду. Это позволяет убрать конфликт из зоны стран Карибского бассейна.

Как мы уже сказали нашему послу, среди некоторых кубинцев существует мнение, что надо было заключить другое соглашение, но никак не соглашение о вывозе боеголовок с Кубы. Кроме того, существуют мнения, что мы и Вы не осуществили переговоры по этому вопросу. У нас сформировалось мнение, что наши боеголовки на Кубе превратились в привлекательную силу для империалистов: они боятся, что эти боеголовки могут быть запущены в их сторону, поэтому они хотят их уничтожить бомбардировкой с воздуха или нападением на Кубу. И надо держать их вдали от сражения.

В Вашем письме, которое я получил 27 октября, Вы нам предлагаете атаковать первыми территорию врага. До недавнего времени мы были готовы принять это предложение. Это бы не был один удар, это было бы начало мировой ядерной войны.

Уважаемый товарищ Фидель Кастро, я считаю Ваше предложение некорректным, хотя и понимаю Ваши мотивы.

Мы пережили самый серьезный момент, когда могла разразиться ядерная война. Понятно, что США пострадали бы, но также пострадали бы и Советский Союз, и социалистические страны. То, что касается Кубы, очень сложно сказать, чем это могло для нее закончиться. Первый же огонь войны обрушился бы на Кубу. Нет никакого сомнения, что

кубинский народ сражался бы героически, но то, что он также героически победил бы, это очень сомнительно. Мы договорились с Северной Америкой, что выводим с Кубы ракеты и больше не можем их располагать в какой–либо латиноамериканской стране. Этого мы достигли без ядерного удара. Мы считаем, что враг потерпел поражение. Он уже готовился атаковать Кубу, но мы заставили его отказаться от этого решения. Мы считаем это большой победой. Империалисты до недавнего времени не собирались прекращать борьбу против коммунизма. Но у нас есть свои планы и свои средства. Этот процесс борьбы будет продолжаться, пока в мире существуют две политико–социальные системы, и мы знаем, что будет наша коммунистическая система, пока еще не принятая во всем мире. Н. Хрущев».

Кастро – Хрущеву 31 октября:

«Уважаемый товарищ Хрущев, я получил письмо, написанное 30 октября. Вы считаете, что мы совещались перед тем, как принять решение о вывозе боеголовок с Кубы. В новостях, которые прибыли на Кубу, говорится о моем согласии, которое я якобы дал 27 октября. Не знаю, какие Вы от меня новости получали 27 октября, кроме моего письма, которое пришло к Вам именно 27–го.

Единственное, что мы собирались делать, товарищ Хрущев, – это готовиться к борьбе. На Кубе было только одно волнение – волнение битвы. Когда, по нашему мнению, атака врага стала неминуемой, мы были готовы ее встретить, и советские силы, которые были на Кубе, были готовы нам помогать. Опасность не могла нас остановить, потому что мы слишком долго были на этой земле и привыкли к ней. Я видел слезы в глазах многих людей, кубинцев и советских, которые готовы были умереть за независимость, удивленных неожиданным решением вывода войск.

Вы, может быть, не понимаете даже уровня патриотизма кубинского народа, с которым он готов был защищать Родину.

Может быть, мои слова, написанные в том письме, были Вами неправильно поняты из–за перевода, может быть, из–за того, что Вы их невнимательно читали, может, из–за того, что я хотел слишком много сказать в этих коротких строках. Однако Вы не сомневались в принятии этого решения. Не думаете ли Вы, товарищ Хрущев, что Вы слишком эгоистично отнеслись к нам, к нашему щедрому и храброму народу, только из–за риска, с которым Вы можете столкнуться? Мы знаем, что Вы не специально игнорировали Кубу в течение переговоров. Однако мы просим, чтобы Вы не вывозили ракеты. Что нам делать, если нападение все–таки состоится? Нам кажется, что империалисты

могут блокировать все решения и заставить принять их условия, которые неприемлемы для СССР и Кубы.

И что делать, если какие–нибудь сумасшедшие начнут войну? Вы сами говорили, что любая обычная война очень быстро превратится в ядерную. Я не понимаю, как мы могли с Вами не посоветоваться по поводу принятого Вами решения.

В этой ситуации ничто не может мне доказать, что я ошибаюсь. Даже если бы Вы были полностью правы в принятом Вами решении.

Империалисты снова начали говорить о нападении на нашу страну. Однако кубинский народ, без сомнения, непреклонен в своем решении дать отпор врагу.

Мы будем бороться против сложившихся обстоятельств, но я считаю, что ничто не может разрушить дружественные узы между нашей страной и СССР.

По–дружески, Фидель Кастро».

«Хрущев послал свои „примирительные письма“ Кеннеди, вовсе не уведомив Фиделя, – рассказывал мне Николай Леонов. – Кастро, безусловно, был разгневан. Я хорошо помню лозунг, который тогда пестрел на Кубе: „Никита, Никита, локеседа, но се кито“. Он означает: „Никита, Никита, если ты что–то подарил, не забирай это обратно“. Переговоры между кубинцами и нашими представителями по окончании Карибского кризиса проходили крайне тяжело. Приведу один случай. Его рассказал один мой товарищ, который был переводчиком на этих переговорах. Уровень недоверия, непонимания в позициях сторон был таким, что однажды Че Гевара вынул из кобуры свой пистолет и предложил нашему переводчику застрелиться. Хотя тот ни в чем не был виноват. Фидель Кастро, по моему мнению, вышел единственным с честью из этой операции. И стал выигравшей стороной. Впервые в мировой истории американцы отказались устраивать интервенцию в Латинской Америке, когда они были готовы к этому. До этого они всегда руководствовались доктриной Монро от 1823 года – Америка для американцев. А тут они были вынуждены отступить. И то, что Куба после ракетного кризиса существует уже 45 лет, говорит о том, что выиграл именно Фидель. Его позиция в те дни была абсолютно безукоризненной».

Поэт Евгений Евтушенко, побывавший на Кубе вскоре после Карибского кризиса, вспоминал: «Переговоры (Хрущева и Кеннеди. – *М. М.)* шли через голову кубинцев, и это их оскорбило. Фидель вообще исчез на несколько дней, по слухам, скитаясь где–то с полной выкладкой по тропам Сьерра–Маэстра с горсткой наиболее преданных соратников. По улицам Гаваны расхаживали

колонны вооруженных автоматами Калашникова кубинцев, требуя объявить войну американскому империализму и распевая: «Somos socialistas, palante! palante! Y al que no le guste, que tome purgante!» («Мы социалисты! Мы встали с колен. А те, кому не нравимся, пусть пьют пурген!») – и над бывшим «Хилтоном», переназванным «Гаваной либре», на бреющем пролетали американские самолеты, отчего на мои белоснежные брюки написал шестилетний сынишка корреспондента «Правды» – будущий премьер–министр перестройки и отец нового русского капитализма (Егор Гайдар. – *М. М.)* <…>

Вернувшийся с гор Фидель, оскорбленный пренебрежением руководителей СССР к его мнению, произнес длинную антикоммунистическую речь с крыши своего джипа перед университетской лестницей. Заметив в толпе меня, спрыгнул на лестницу, потащил меня в гостиницу, где в номере мексиканского журналиста Виктора Рико Галана (впоследствии арестованного в Мексике за организацию подпольной школы) обрушил свое возмущение поведением советского правительства на мою неповинную голову, то и дело инстинктивно хватаясь за пистолет.

Я как мог старался объяснить Фиделю эту бестактность не злым умыслом, а дикой спешкой, ибо мир висел на волоске и могло бы оказаться так, что не уцелели бы ни Куба, ни СССР, ни Соединенные Штаты, ни весь мир <…> Когда мы на следующий день ходили выбирать натуру для совместного советско–кубинского фильма, бродя по гаванскому почти пустому многоярусному рынку с Калатозовым и Урусев–ским, женщины из очередей кричали нам: «Русос, гоу хом!», и Калатозов (легендарный советский режиссер, снявший фильм «Летят журавли». – *М. М.),* никак не ожидавший этого, горько плакал, как ребенок. Срочно присланный советский пропагандистский фильм о счастливой жизни в СССР, где на экране перед голодными кубинцами проплывали запеченные целиком гуси и поросята, стерляди и осетры, горы овощей и фруктов, блюда с черной и красной икрой, вызывал только вполне понятное раздражение. Одна негритянка издевательски заорала в кинозале: «Krushev, dame un peda–cito de queso!» («Хрущев, дай мне кусочек сыру!»)».

В период обострения кризиса Никита Хрущев командировал в Гавану первого заместителя председателя Совета министров СССР Анастаса Микояна, который, говоря совре

менным политическим языком, был «главным лоббистом кубинской революции в Кремле». Он прилетел в Гавану с целью успокоить Фиделя. Советские представители в Гаване, прекрасно зная психологические особенности Фиделя и то, как болезненно

тот отреагировал на советско–американское соглашение, предупреждали Микояна, что главная проблема на переговорах будет заключаться в «характере Фиделя Кастро». Так и произошло. Было видно, как сдерживается Фидель во время переговоров, чтобы не перейти на эмоции. Во время одной из первых бесед Фидель категорически отказывался принимать у себя на Кубе инспекции, заявив, что кубинцы «имеют право сами защищать свое достоинство». Микоян написал в Москву, что в переговорах «не следует упускать из виду сложных личных качеств характера Кастро – его обостренного самолюбия». Вместе с тем для Анастаса Микояна была очевидна причина столь резкого поведения Фиделя: «…Кастро сильно переживает, когда он читает сообщения реакционных агентств, где его называют марионеткой СССР». В другой телеграмме в Москву А. И. Микоян отмечал, как тяжело ему приходится в переговорах с «горячими кубинскими парнями, у которых чувства зачастую пересиливают разум». «Люди они хорошие, но с тяжелым характером, экспансивные, эмоциональные, нервные, взвинченные, очень вспыльчивые, болезненно воспринимающие все до мелочей».

Евгений Евтушенко вспоминал: «На переговорах Фидель лишь односложно отвечал на прямые вопросы, продолжая себя вести мрачно, замкнуто. Молчал, и все тут. Тогда Микоян показал ему недавно отреставрированную копию эй–зенштейновского „Ивана Грозного“ – вторую часть. Кажется, произвело впечатление. Особенно танец опричников. Но Фидель продолжал молчать. Потом так же молча, не попрощавшись, уехал. „Вот так уже третий день в молчанку играем, – невесело сказал Микоян. – Поедем в резиденцию, поговорим…“» [447]

Никита Хрущев был человеком не менее эмоциональным, чем Фидель Кастро. «…Позицию кубинских друзей нельзя считать разумной, – отвечал Хрущев Микояну из Москвы, – … мы считали и считаем, что сделали для Кубы большое дело, когда вырвали заявление президента (Кеннеди) о невторжении на Кубу»[448]. Хранящиеся в российских архивах стенограммы заседаний в Кремле свидетельствуют, что Хрущев разгневался, узнав, что Фидель отверг предложенный Москвой план урегулирования кризиса. Он был даже готов 16 ноября полностью порвать отношения с Кубой, а 3 декабря в пылу эмоций заявил, что СССР никогда не подпишет соглашения о военном сотрудничестве «со столь безответственным человеком», как Фидель Кастро[449].

В дни, когда велись переговоры, Анастас Иванович Микоян получил известие о смерти в Москве своей жены Ашхен. И он принял мужественное решение – остаться в Гаване, чтобы продолжить переговоры, которые никак не складывались. Кастро,

знающий цену чести и чувствительный к чужой боли, оценил поступок Микояна, и тогда сердце «железного Фиделя» немного оттаяло.

К концу 1962 года успокоился и Хрущев. В январе 1963–го он послал пространное письмо Фиделю Кастро, в котором еще раз обосновал свое решение убрать ракеты с Кубы «исключительно соображениями международной безопасности». Никита Сергеевич смог перебороть личную обиду, пригласил Фиделя Кастро в СССР, о чем кубинский лидер давно мечтал.

Кстати, во время своего визита в СССР в 1963 году Фидель Кастро дал такую оценку событиям на Кубе в октябре 1962 года: «Во всем величии будет сиять страна, которая во имя защиты маленького народа, на много миль отдаленного от нее, положила на весы термоядерной войны благополучие, выкованное за 45 лет созидательного труда и ценой огромных жертв! Советская страна, потерявшая во время Великой Отечественной войны против фашизма больше жизней, чем насчитывает все население Кубы, не поколебалась взять на себя риск тяжелой войны в защиту маленькой страны. История не знает подобных примеров солидарности. Это и есть интернационализм»[450].

Между тем США вовсе не смирились с мыслью о том, что им придется «мирно сосуществовать» с Фиделем Кастро. Касаясь положения в Карибском бассейне, высокопоставленный сотрудник МИДа Кубы Санта–Крус в беседе в советском посольстве 7 января 1963 года сказал, что «в настоящее время положение такое, каким оно было за 24 часа до кризиса». Кеннеди, столкнувшийся с непониманием его позиции во время кризиса со стороны злорадствовавших республиканцев и недовольных генералов, в конце декабря 1962 года попытался успокоить раздраженных оппонентов. На встрече с членами Комитета начальников штабов он заявил: «Хотя сегодня ситуация на Кубе кажется нам достаточно спокойной, мы должны учитывать, что когда–нибудь нам, возможно, придется пойти на Кубу»[451] . Возмущение американских военных вызывало то обстоятельство, что, по их оценкам, на Кубе продолжало оставаться до 40 советских ракет. Хрущев заверил Кеннеди, что уберет наступательные ракеты с острова, и сдержал свое обещание. Но ракеты другого назначения там все же оставались.

О том, насколько тревожной продолжала оставаться ситуация, свидетельствует содержание аналитической записки о политике США в отношении Кубы, подготовленной КГБ СССР для Центрального комитета ЦК КПСС в марте 1963 года: «Правительство США по–прежнему считает одной из своих главных целей в Латинской Америке ликвидацию существующего

на Кубе строя. Однако в настоящее время правительство Кеннеди вынуждено учитывать как сложившуюся международную обстановку, так и положение на самой Кубе и, в частности, присутствие там советских воинских контингентов. Как заявил в узком кругу помощник президента по вопросам национальной безопасности Банди, свержение Кастро является важнейшей задачей США, но эта задача должна быть решена таким образом, чтобы не вызвать термоядерной войны»[452].

В спецсообщении подчеркивалось, что в антикубинских планах Белого дома особое внимание уделяется резкому усилению подрывной деятельности на острове, в первую очередь экономическим диверсиям и саботажу, с целью вызвать дезорганизацию кубинской экономики, массовое недовольство населения правительством Кастро и подготовить условия для контрреволюционного мятежа внутри страны. «По данным кубинских друзей, 97 процентов общего количества диверсионных актов за январь—февраль 1963 года приходится на диверсии чисто экономического характера. Только за период с 25 декабря 1962 года по 25 января 1963 года зарегистрировано 444 случая поджога сахарного тростника, а за первую половину февраля – 572 таких случая. У кубинских друзей имеются также данные о возможной засылке на Кубу в ближайшее время специальных диверсионных групп с целью организации покушения на Ф. Кастро. По данным, заслуживающим доверия, Ачесон и помощник президента считают, что единственным серьезным поводом, ради которого стоило бы рисковать организацией вторжения на Кубу, является широкое контрреволюционное выступление в стране или же убийство Ф. Кастро и возникновение в связи с этим массовых волнений среди ее населения»[453].

КГБ СССР представил свой прогноз дальнейших действий американской администрации в отношении Кубы: «Решение об организации нового вторжения на Кубу силами кубинской эмиграции и некоторых латиноамериканских стран и определение его срока будут, следовательно, зависеть от того, удастся ли США, и как скоро, добиться возможно большей политической изоляции правительства Кастро, обострения внутриполитического положения в стране и создания условий для крупного контрреволюционного мятежа на самой Кубе»[454].

Информация, поступавшая Кеннеди от разведчиков и военных, как и накануне Карибского кризиса, продолжала носить «однобокий и направленный» характер, что не могло ускользнуть от внимания президента. 7 февраля 1963 года он заявил, что каждый месяц получает сотни сообщений о ситуации в районе

Карибского моря, не соответствующих действительности. «Мы не можем основывать решение вопросов войны и мира, исходя из слухов или сообщений, которые не затрагивают существо проблемы»[455], – сказал президент. В отличие от своего окружения и лидеров ряда латиноамериканских стран, призывавших его покончить с «плацдармом коммунизма в Латинской Америке», он был убежден, что «освобождение Кубы от коммунизма должно быть по возможности предоставлено самим кубинцам»[456].

Визит Фиделя Кастро откладывался несколько недель, но не из–за каких–либо разногласий между Москвой и Гаваной. Во–первых, на Кубе значительно увеличилось количество диверсионных актов. Во–вторых, Карибский кризис сильно подорвал здоровье команданте эн хэфэ. Его организм вот уже несколько лет работал на износ. А теперь Фидель находился на грани полного физического и психологического истощения, страдал бессонницей. Но как должен был чувствовать себя человек, последний раз спавший восемь часов еще в годы партизанской борьбы в Сьерра–Маэстра? Любой врач немедленно отправил бы его в госпиталь, глядя на его воспаленные от недосыпания глаза и крайне уставший вид. Но Фидель в те годы заботился о своем здоровье в самую последнюю очередь.

Только 26 апреля 1963 года в обстановке строжайшей секретности Кастро вылетел в Советский Союз. Его самолет приземлился не в столице, а на севере СССР, в Мурманске. Оттуда Фиделя первым делом повезли на базу подводных лодок в Североморск. Он стал первым и последним в истории главой иностранного государства, который удостоился чести увидеть стартовую площадку советских межконтинентальных баллистических ракет и шахту, где они «покоятся». Именно тогда он убедился, что СССР может защитить его родную страну даже из–за океана. Кубинский лидер посетил также атомную подводную лодку, стоявшую на рейде, беседовал с советскими военными, задавал вопросы, касающиеся характеристик ракет. Он был поражен возможностями советской боевой техники.

Маршрут передвижения Фиделя Кастро по территории Советского Союза и сроки пребывания в том или ином городе были строго засекречены. За обеспечение безопасности немногочисленной кубинской делегации отвечали головой лично первые секретари областных и республиканских комитетов компартии. За 38 дней визита Фидель проехал полстраны.

В каждом городе он интересовался работой органов государственной власти, конкретного завода или магазина. В Ташкенте Фидель Кастро изъявил желание посетить универмаг.

Ему выдали 5 рублей, чтобы он купил себе какую–нибудь «безделушку». Фидель выбрал себе ремень для брюк. Его подвели к кассе, за которой уже сидел не кто иной, как… министр торговли Узбекистана. Мало того что тучный чиновник не помещался в кресле кассира, он даже не знал, как пробить чек. Семь потов сошло у главного торгового начальника, пока он обслуживал Фиделя, который буквально засыпал «простого кассира» вопросами о распорядке дня и особенностях торговли обычного советского универмага. Неизвестно, заметил ли Фидель Кастро, что вспотевший «кассир–министр» так и не дал ему чек за покупку…

Особняком в ходе визита стояли встречи Кастро с Хрущевым в резиденциях и на дачах советского лидера. Никита Сергеевич, проинформированный советскими дипломатами и разведчиками о том, что переговоры с Фиделем обязательно выйдут за рамки обычного протокола, тщательно подготовился к его приему. Когда речь заходила об эффективной борьбе с диверсионными и контрреволюционными группами, советовал Кастро акцентировать внимание не на агрессивных действиях США, а на работе органов кубинской госбезопасности как внутри страны, так и за ее пределами.

Хрущев понимал, что самым сложным вопросом на переговорах станет будущее кубино–советских отношений. Он знал, что Фидель будет просить оружие, в частности танки, для формирования двух танковых бригад на Кубе, наконец, попытается заручиться гарантиями того, что Советский Союз окажет помощь в случае нападения США на Кубу. В результате Фидель Кастро получил не 120 танков, как просил, а всего лишь 80. И не модернизированных, а устаревших. Но для него было важнее то, что коммюнике по итогам визита, подписанное 23 мая 1963 года в Москве, содержало положение о гарантиях военной помощи Кубе в случае американской агрессии.

Кроме того, Хрущеву удалось убедить Кастро, что присутствие на Кубе Группы советских войск и специалистов будет для США таким же «сдерживающим» фактором, как наступательные ракеты, которые Москва вывезла с острова, не уведомив об этом Фиделя. Таким образом, удалось сгладить противоречия, которые возникли между Хрущевым и Кастро осенью 1962 года. Позже, уже после отъезда Фиделя Кастро из СССР, на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев, как всегда эмоционально и «простонародно», почти полностью воспроизвел свой диалог с Фиделем: «Я говорю ему <… > чтобы вы выжили, мы и поставили ракеты. Я говорю, конечно, было бы лучше не выводить ракеты, это и дураку ясно. Это было и наше желание. Но

не все выходит по желанию. Не вышло. Но главная–то цель оправдалась. Мы хотели, чтобы вы были, чтобы социалистическая Куба развивалась. Вы развиваетесь. Это была задача. Американцы, наоборот, хотели вас стереть с лица Земли. Кто же потерпел поражение? Тот, кто не достиг своей цели. А мы своей цели достигли. Значит, мы выиграли, мы победили <… >

Он мне несколько раз говорил: «Вот поверьте мне, мы думали, вы ставите ракеты в интересах всего социалистического лагеря, не в интересах Кубы».

Я говорю, на кой черт нам ставить наши ракеты в 90 километрах от США и в 11 тысячах километрах от СССР, лезть туда со своими ракетами, когда мы лучше со своей территории можем доставать своего противника, так зачем же нам

вашу территорию брать? Если вы так думали, я сожалею, что мы недостаточно вразумительно разъяснили вам необходимость (такого шага) <…> Он говорит: да, я вижу сам, мы неправильно понимали <…>»[457].

Известно, что социалистическая Куба никогда не присоединялась к пактам социалистического лагеря, таким как, например, Варшавский договор. Более того, Фидель Кастро стоял у истоков Движения неприсоединения, объединявшего в своих рядах страны, которые, в условиях двухполярно–го мира, отказывались вступать в какие–либо блоки и союзы. Это принято объяснять независимой позицией самого Фиделя Кастро, не желавшего прослыть «чьей–либо марионеткой» и постоянно подчеркивавшего, что кубинская революция не «инспирирована кем–то извне». Однако рассекреченные документы о встречах Никиты Хрущева и Фиделя Кастро весной 1963 года свидетельствуют о том, что Фидель уже был готов присоединиться к Варшавскому договору, но Хрущев убедил его, что сильная военная зависимость Кубы от СССР и стран социалистического лагеря скорее принесет вред, чем пользу революционному правительству. «Многие иностранные буржуазные политики и журналисты, – говорил Никита Хрущев Фиделю Кастро на встрече в Завидове 3 мая 1963 года, – спекулируют на том, что советские войска находятся на Кубе, чтобы поддерживать режим Кастро, и что вывод этих войск будет равносилен падению режима Кастро. Надо показать, что это не так!» [458]

Пообщавшись с Фиделем лично, Хрущев понял, что тот не будет плясать под чью–либо дудку и не потерпит «строгого, отцовского отношения к себе». К чести Никиты Сергеевича он внял доводам своих помощников и в беседах с Фиделем не допускал поучительного тона, а говорил с ним на равных,

приводя в качестве доводов «железные аргументы», предоставленные ему опытным советским дипломатом Андреем Громыко.

К тому времени речи Фиделя Кастро публиковались в Советском Союзе многотысячными тиражами. В марте 1960 года, используя один из методов поощрения лидеров дружественных стран, ЦК КПСС внес Фиделя в так называемый «гонорарный список». Это были авторские отчисления за речи или статьи зарубежных друзей, печатавшиеся в советских изданиях. Фидель был растроган. Когда Александр Алексеев принес Фиделю первый гонорар в 385 долларов за его речи, опубликованные в СССР, Кастро, улыбаясь, сказал: «Момент выбран как нельзя лучше. Выгоднее писать для вашей печати, чем быть премьер–министром. Я только что занял у Че Гевары 10 песо на сигары». В 1981 году, кстати, гонорар Фиделя составил уже 8 тысяч долларов – внушительную сумму по тем временам[459].

Москва всячески подчеркивала, что выделяет Фиделя Кастро из других политических деятелей. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1963 года Фиделю Кастро было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Тогда же ему было присвоено звание почетного профессора Московского государственного университета.

Хрущев понимал, что в глазах советского народа Фидель Кастро выглядит «былинным героем современности», свергнувшим тиранический режим. Тягаться с ним в популярности у народа на тот момент было бесполезно. Поэтому Хрущев выбрал единственно верный способ общения с Фиделем – не поучал его, не настаивал на своей, «единственно верной», точке зрения, а с позиций старшего товарища и опыта прожитых лет подсказывал ему, как лучше поступить в том или ином случае.

Бородатый, а не гладко выбритый, в оливковом френче, а не в сером костюме и галстуке, выступающий страстно, а не по бумажке, – в короткий срок Фидель влюбил в себя практически весь Советский Союз. Это был неведомый новому поколению советских людей настоящий революционер, презирающий бюрократию и чопорность, убежденный боец за справедливость, как отважные командиры времен Гражданской войны. Это был словно сошедший со страниц романа Николая Островского кубинский Павка Корчагин.

1 мая Фидель стоял на трибуне мавзолея на Красной площади, с интересом наблюдая военный парад. На Красной площади он выступит три недели спустя, 23 мая, с двухчасовой

речью и буквально заворожит аудиторию. Он так отличался от советских лидеров своей открытостью, демократичностью и, самое главное, неистовой уверенностью в правоте своего дела, обостренным чувством независимости!

Николай Леонов, бывший тогда личным переводчиком Фиделя, рассказал мне много трогательных историй, связанных с этим визитом. «В Кремле ему была выделена комната. Помню, однажды вечером, около 11 часов вечера, он говорит мне: „Пошли просто погуляем по Москве“. Я в шоке. Отвечаю: Фидель, мы же без охраны. Он уперся: хочу погулять по Москве. Я успеваю предупредить дежурного офицера охраны. Тот в не меньшем шоке, а Фидель уже готов к прогулке. Выходим втроем через Боровицкие ворота. Двенадцатый час ночи. Проходим первую троллейбусную остановку. Народ в изумлении, не верит, что перед ними тот самый живой легендарный Фидель. Спустя минуту на улице раздаются радостные возгласы, нас окружает все больше людей. На подходе к Манежной площади их уже десятки, сотни, толпа напирает, все возбуждены и радостны. Всех советских людей интересует только одно: как под боком у США, без всякой помощи извне, смогла победить социалистическая революция? Долго ли продержится? Продержимся, и будем жить, уверяет Фидель. У гостиницы „Москва“ людей уже тысячи, они все бегут и бегут. Офицер охраны в ужасе. Кажется, что от счастья публика готова разорвать Фиделя на части. Офицер через окно влезает в гостиницу, успевает по телефону вызвать подкрепление. Фиделя вот–вот „разорвут на сувениры“, нам с трудом удается прорваться в гостиницу и на время укрыться от возбужденной и счастливой толпы».

«Говорят, что он железный и непрошибаемый. А я сразу вспоминаю один красноречивый эпизод, – продолжал Николай Леонов. – Дело было на станции Зима, наш поезд направлялся на Братскую ГЭС. Узнав, что по одноколейке проезжает поезд с Фиделем, дорогу ему перегородили лесорубы. Поезд окружила целая толпа сибирских мужиков, которые отказывались уйти, пока не увидят живого Фиделя Кастро. Фидель услышал шум и вышел в тамбур в одной гимнастерке на мороз. Толпа встретила его ревом. Хотим слышать тебя, Фидель, крикнул кто–то из толпы. Кастро обратился ко мне: „Пока я переоденусь, мы потеряем время, я буду выступать так“. Никаких условий для митинга, ни трибуны, ничего. Фидель начал говорить прямо с подножки вагона. Мороз леденящий. Вдруг по рукам к нему в толпе буквально „плывет“ телогрейка. Кто–то крикнул: „Здесь же Сибирь, наденьте скорее!“ Растроганный Фидель надевает ее. „У меня же ничего нет взамен“, – говорит он, роясь в карманах.

Вдруг находит три сигары в кармане брюк и передает их в толпу. Мужики берут сигары, закуривают их и, делая каждый по одной затяжке, передают их друг другу. Как трубку мира. Я вижу, как в глазах железного Фиделя появляются слезы. «Никто бы на Западе так бы себя не повел. Все, кому бы достались сигары, спрятали бы их в карман.

Зажали бы. Теперь я понимаю, почему непобедим русский народ», – сказал команданте. Лишь спустя несколько часов наш поезд тронулся с места».

Фидель был поражен доброжелательностью и открытостью советских людей. На Байкале он гостил у геологов, несколько часов беседовал с ними на самые разные темы, угощался хариусом, научился пить водку из бутылки, за неимением стаканов. Вдруг к домику геологов подошел молодой человек, который вел с собой небольшого медвежонка. Он сказал, что идет через тайгу из самого Иркутска, чтобы увидеть «живого команданте». Познакомились, поговорили по душам, и парень спросил Фиделя, примет ли он в подарок от чистого сердца медвежонка. Немного поколебавшись, Фидель согласился. Он уже знал, что такое широкая русская душа. Тут же решили назвать зверя в честь великого русского озера, и Байкал отправился путешествовать с Фиделем Кастро дальше в специальной клетке.

(Байкал улетел со своим новым хозяином на Кубу. Жизнь сибирского медведя на тропической чужбине была сущим адом. Несмотря на то, что для Байкала были созданы все условия для проживания в одной из резиденций Фиделя, он чувствовал себя плохо, у бедного животного нарушился биоритм. В условиях постоянной высокой температуры медведь никак не мог залечь в спячку. Он стал беспокойным, агрессивным и умер через несколько лет.)

«В Сибири Фидель попросил остановить поезд и дать ему возможность посмотреть тайгу, пройтись по ней, – рассказывал мне Леонов. – Все были в недоумении, а он настоял на своем. Пришлось пойти с ним. А сибирская тайга – это не подмосковный лесочек, это настоящий бурелом, поваленные деревья, непроходимые кустарники, пни и кочки. Мы спотыкались, чертыхались, а Фидель прямо и упорно шел вперед, казалось, не замечая никаких преград, как былинный богатырь».

Конечно, Фидель испытывал определенный дискомфорт от официоза, стараясь отойти от узких протокольных рамок визита. В Ленинграде во время одной из встреч к Фиделю подбежала маленькая девочка подарить цветы. Кастро незаметно для других узнал номер ее детского садика, а чуть позже сказал изумленным организаторам визита, дескать, хочу посетить такой–то детский

сад. Партработники отнекивались, предлагая отложить поездку на завтра, думая, что Кастро забудет. Показалось, что уговорили. А на следующий день Фидель Кастро опять принялся за свое – мол, поехали в детский сад. Поездку откладывали под всякими предлогами. Наконец, Фиделя привезли в садик, где его встретила та самая девочка, дарившая ему цветы. На фасаде здания была вывеска с номером детсада. Фидель попросил девочку показать ему детский садик, рассказать, где что находится. А девочка ответила могучему бородачу: «Дяденька, я тут еще ничего не запомнила, я здесь всего второй день». Фидель все понял, но промолчал. Оказалось, что девочка была из захудалого детдома, а организаторы сняли табличку с его номером и приколотили на фасад образцового детского сада.

«Ох и досталось советским партийцам от Кастро на заключительном банкете в Ленинграде! – рассказывал мне Николай Леонов. – Фидель попросил собрать узкий круг людей и сказал свое веское слово: „Я хочу выступить с критикой с позиций друга. Зачем вы устраиваете показуху, встречая меня, вашего искреннего друга и гостя? Вы много вещей делаете в приказном порядке. Вы прокладываете метро, а приостановили столь важные работы из–за меня, лишь бы проехал кортеж наших машин. Я не гордый. Мог бы поехать в объезд. Зачем надо устраивать бутафорию, тем более я понимаю, что Ленинград – это город–мученик, только–только восстанавливающийся после ран, нанесенных войной. Неужели он не имеет право показать свои недостатки? Вы принимаете меня, как арабского шейха. Так друзей не принимают“.

Этот эпизод явился пощечиной для ленинградского обкома партии. Слух об этой «импровизации» Фиделя сразу дошел до Хрущева. А Кастро тем временем отправился на Украину. Никита Сергеевич позвонил тогдашнему первому секретарю украинской компартии Подгорному и сказал: «Не надо никакого официоза, пусть куда скажет, туда и едет». Приезжаем к Подгорному. На его столе огромная карта Украины. «Ткни, куда хочешь», – улыбается Подгорный. Фидель «ткнул» в пригород Киева. Отъезжаем на несколько километров от столицы. Там обычное село. Фидель просит остановить машину у свинофермы. Партийцы в костюмах и ботинках в изумлении. Фидель в своих знаменитых армейских сапогах перемахивает через заборчик и идет к свинарке. Я за ним. Знакомимся. Свинарка Мария, вдова, потеряла мужа на войне. Фидель спрашивает ее о работе, благо с сельским хозяйством знаком не понаслышке. Потом он говорит: «А пошли, Мария, посмотрим твой дом, угостишь чем–нибудь?» – «Да нет у меня особо ничего», – отвечает женщина. В результате пошли. В хате,

как в обычном крестьянском домишке, – все простенько и скромно. Мария достает хлебушек, моченые яблоки, яйца, сало, картошку.

Борщ теплый в печи. Фидель улыбается. Мария, смущаясь больших начальников, не решается достать самогон. Но ее уговаривают, хотя обслуга уже сбегала и принесла коньяк с рюмками. Нехитрая трапеза заканчивается задушевной беседой Фиделя и Марии за жизнь. Фидель сияет: «Мне не надо никаких сухих докладов по экономике. Я счастлив увидеть, что простые люди живут в достатке»».

В СССР Фидель вернется довольно скоро, через полгода, чтобы ощутить всю прелесть русской чудесницы–зимы. Его покатают на тройке с бубенцами, повезут на охоту в Завидово, где он поразит больше целей, чем заядлые профессионалы. Его отведут на хоккейный матч, и он будет искренне восхищаться мастерством советских хоккеистов.

В 2005 году в Гаване на конференции «Диалог цивилизаций» российская журналистка спросила Фиделя Кастро, хочет ли он снова приехать в Россию. Оказалось, что после всего пережитого им, после разочарования в политике Москвы, бросившей Кубу после распада СССР один на один со всем миром, Фидель не озлобился. Он помнит доброту и по–прежнему восхищен русскими людьми. Его слова у некоторых присутствовавших в зале вызвали слезы: «Если ты меня спросишь о моих чувствах, моей воле, то да, летом или зимой, со снегом или без снега, кто бы там ни правил. И тем более сейчас, когда отношения между Кубой и Россией улучшаются; тем более сейчас, когда только что завершилось заседание Комиссии по сотрудничеству между Кубой и Россией с очень хорошими результатами, в момент расцвета отношений между обоими народами, и когда эти отношения основаны на огромной любви, любви, воспетой поэтом, любви, которую я хотел выразить, когда вспоминал, как однажды на озере Байкал на снегу суровые сильные сибирские рыбаки жарили рыбу, а у нас тогда еще были определенные трудности в отношениях, определенное недовольство неправильным, по нашему мнению – это дело прошлое, – решением Карибского кризиса, и, беседуя с этими людьми, я смог узнать русского человека, и могу сказать, что это самый миролюбивый народ, потому что он лучше других знает, что такое война.

Ни один из народов не выстрадал столько, сколько русский народ, и ни одна страна не была так разрушена во время Второй мировой войны. Этот народ действительно знает, что такое война и трагедия войны, поэтому он более, чем кто–либо, любит мир. Я могу также сказать, что это самый бескорыстный народ. Он

способен отдать все и вновь вступить в бой. Сибиряк, с которым я говорил, знал, что я гражданин маленького островка, находящегося у черта на куличках. А как он разговаривал со мной, как выражал свои чувства!.. Потому что этот народ, который, узнав войну и ненавидя войну как никто другой, настолько великодушен, что готов умереть за другого!

<…> Я знал русских – настоящих патриотов и революционеров, бойцов, которые воевали в Сталинграде, Ленинграде, Керчи, Смоленске, в других местах, которые не сдавались, сопротивлялись, боролись <…> Я побывал на нескольких кладбищах, посетил кладбище в Ленинграде, я знаю историю, знаю о тысяче дней блокады, прочел толстую книгу, в которой описаны все лишения, пережитые ленинградцами, они подобны тем, что испытывал русский народ повсюду. Так что у моих чувств прочная основа, я знаю, каковы русские, и восхищаюсь ими»[460].

Глава одиннадцатая
ОШИБКИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ФИДЕЛЬ НА ПУТИ К ЕДИНОНАЧАЛИЮ

Летом 1963 года Фидель Кастро вернулся на Кубу, преисполненный грандиозных планов. Он хорошо знал, как делать революцию, но еще только учился управлять страной. Ее надо было как можно скорее вытаскивать из нищеты, но социально–экономическая ситуация по–прежнему не улучшалась. И даже Фидель Кастро со всей его мощью и внутренней силой не мог объять необъятное.

В начале 1960–х годов, когда революционному правительству приходилось не только бороться с контрреволюцией, но и полностью перестраивать экономику Кубы, Фидель Кастро особенно остро почувствовал недостаток в стране специалистов: оказавшись востребованными на чужбине, многие из них предпочли покинуть родину. Вдобавок, новую экономику приходилось развивать в атмосфере не прекращавшихся экономических диверсий и постоянной угрозы новой интервенции.

Эрнесто Че Гевара в 1961 году в документе «Задачи индустриализации» писал, что непременным условием обретения Кубой подлинной независимости является максимальное развитие промышленного производства. Но Че Гевара, ставший к тому времени вторым человеком в революционном правительстве, поочередно занимая пост начальника отдела индустриализации ИНРА, главы Национального банка, а затем и министра промышленности, при всей его теоретической «подкованности» и невероятной работоспособности, был врачом, а не профессиональным экономистом.

Показательны две истории. Первая, связанная с тем, как Че стал главным банкиром на Кубе, с разной степенью живописности отражается в разных источниках. Но суть ее неизменна. Однажды на заседании правительства Фидель, в поисках кандидата на пост главы Центробанка, задал присутствующим вопрос: «Есть ли среди нас настоящие экономисты?» Все потупили взор. Задумавшемуся Че послышалось, что Фидель спросил, есть ли в зале настоящие коммунисты. «Да, есть», – поднял руку Че Гевара. «Значит, будешь главой Центробанка!» – мгновенно решил Фидель Кастро. Рассказывают, что, когда делегация кубинских

товарищей приехала на родину Че, в Аргентину, к его родителям, чтобы рассказать об успехах сына, Гевара–старший, услышав, что сын назначен на эту должность, застыл в недоумении, обронив: «Ну, все, п… ц вашему банку!» А потом сказал: «Мой сын распоряжается деньгами Кубы? Фидель сошел с ума. Когда семья Гевара берется за бизнес, дело всякий раз заканчивается крахом»[461].

И действительно, Че Гевара много сделал для того, чтобы ввести в ступор не только западных экономистов, но и некоторых кубинцев, особенно старой закалки. Ему было безразлично, что о нем говорят, когда на новых кубинских банкнотах появилась размашистая роспись «Че». Когда, под угрозой тюремного заключения, он запретил столичным работникам коммунальных служб ловить и отстреливать бродячих собак, сам подобрал бездомного «шарика» и стал ходить с ним на совещания. Собака, по прозвищу Муралья («Стенка»), была не такой уж дурной: знала все ходы в здании банка, могла легко доехать на лифте до девятого этажа, где располагался кабинет «шефа–хозяина», и открывала в него дверь лапой – действительно «проникала» через все стены! А старые банковские чиновники, работавшие в этой системе еще с 1930–х годов, недоумевали, видя в приемной председателя Национального банка Кубы длинноволосых вооруженных людей, профессиональные знания которых, мягко говоря, не были такими же выдающимися, как преданность делу революции.

Че Гевара ни на кого не оглядывался, когда позже решил отменить деньги, – это вписывалось в его понимание сущности нового человека, свободного от жадности, зависти, которому чуждо все материальное и меркантильное. Че Ге–вара совершенно серьезно думал, что кубинцы, одухотворенные чувством долга, будут жить интересами трудовых коллективов и жертвовать личным во имя общественного блага. Сам он участвовал в рубке тростника, в разгрузке пароходов, в очистке заводских территорий, в строительстве жилых зданий. В августе 1964 года он даже получил грамоту «Ударник коммунистического труда». Примеру Че следовали его ближайшие помощники, работники других министерств и ведомств.

Че действительно свято верил в то, что неоплачиваемый добровольный труд на благо общества будет способствовать воспитанию революционной сознательности и формированию нового человека. И, кажется, сумел на каком–то этапе убедить в этом Фиделя.

Но Фидель, как показала история, оказался человеком более прагматичным. Да и сама кубинская реальность разбила в пух и

прах мечты Че Гевары. Человек непьющий, равнодушный к песням, танцам, развлечениям, он не учел национально–психологических особенностей кубинцев: присущей им беззаботности, нежелания усердствовать, не получая за это поощрения.

Фидель Кастро более объективно оценивал трудовые перспективы своих сограждан, о чем свидетельствует отрывок из его речи перед рабочими, напечатанный в газете «Ой» 2 июля 1963 года: «Однажды, беседуя со студентами университета, я спросил их, знают ли они, сколько заявлений поступило от абитуриентов на зачисление их на отделение международных отношений Гаванского университета. Три тысячи заявлений! А сколько на агрономический факультет? Не набралось и сотни. Если все захотят быть дипломатами, то кто же будет производить молоко, мясо, яйца и другие продукты питания для населения? Конечно, я считаю, что у некоторых есть призвание дипломата, но уверен, что многие думают только о поездках по белу свету, о приемах и тому подобных вещах. Ведь это же абсурд, когда в революционной стране есть три тысячи человек, желающих стать дипломатами, и меньше сотни хотят стать специалистами сельского хозяйства. Это настоящий позор!» [462]

Кадровые проблемы Кубы были ощутимы и в высших эшелонах власти. Беда тогдашнего революционного правительства состояла даже не в том, что в нем ощущался недостаток настоящих профессионалов, а в том, что всё в нем было, образно говоря, замкнуто на Фиделе и Че. А потом, после отъезда последнего с Кубы, – исключительно на Фиделе Кастро. Но даже Фидель, с его исключительными личными качествами, иногда не знал, что надо делать. Помимо глобальных, стратегических проблем, ему нужно было ежедневно решать злободневные вопросы: как отразить новые нападения, контролировать «надои и урожаи», выстраивать отношения Кубы с другими странами. Слово «нужно», может быть, даже не совсем точное в этом контексте. Фидель хотел решать все вопросы сразу. Но обстоятельства менялись так стремительно, что он, из–за простой нехватки времени, не всегда успевал принять верное решение. Беспокойства не вызывали, пожалуй, только силовые структуры, которыми руководил его брат и где ключевые посты занимали его соратники по Сьерра–Маэстра.

Был еще один существенный момент, который со временем приведет лидера кубинской революции к мысли о необходимости сосредоточить все рычаги управления Кубой в своих руках. По замыслу Фиделя Кастро, три основные политические силы, три революционные организации: НСП – «просоветские коммунисты»,

«Движение 26 июля» и «РД–13 марта» должны были сплотиться в рядах Объединенных революционных организаций (ОРО), временной политической коалиции переходного периода. Уже в 1962 году только в провинции Ориенте, например, было создано около тысячи первичных партийных организаций ОРО[463].

Однако по мере укрепления ОРО стали возникать определенные трудности, во многом вызванные личностными факторами. Фидель Кастро назначил на должность координатора ОРО Анибала Эскаланте, исполнительного секретаря бывшей Народно–социалистической партии, поручив ему заняться сугубо техническими, административными вопросами, в основном организационным оформлением партийной структуры. Фидель то ли проверял его, то ли действительно сначала не учел амбиций Эскаланте, мечтавшего не просто о лидерстве в новой организации, а о второй социалистической революции на Кубе, когда к власти должны прийти «настоящие коммунисты» из числа «пробольшевист–ски» настроенных членов НСП.

Спустя некоторое время Эскаланте начал выходить за рамки сугубо организационно–технических обязанностей в ОРО. Во–первых, он стал искать совета у представителей Страны Советов. Это началось до того, как Александр Алексеев стал послом СССР на Кубе, и контакты советских представителей с кубинцами определялись тогдашним послом С. Кудрявцевым, которого Фидель Кастро и кубинские руководители откровенно невзлюбили из–за его «отеческого», подчас высокомерного отношения к молодым революционерам. «В действительности в борьбе против Фиделя участвуют вовсе не те, кто сбежал в США или держит язык за зубами, потому что Америка им активно не помогает. Организуют провокации те соратники Фиделя, которые сражались с ним в горах Сьерра–Маэстра, которые в страхе перед размахом революции переходят в лагерь противника»[464], – говорил Эскаланте советским представителям. Во–вторых, Эскаланте и стоящие за ним влиятельные члены НСП, незаметно занявшие ключевые посты в руководстве ОРО, стали «оттирать от Фиделя» его боевых соратников. У них был свой резон – доказать Фиделю Кастро, что именно «старые коммунисты» из НСП являются его настоящей опорой. Фидель терпеливо выжидал, ничего не предпринимая, несколько месяцев. И тут Эскаланте допустил несколько роковых ошибок. Стал принимать членов НСП в ОРО автоматически, а для членов «РД–13 марта» и «Движения 26 июля» устраивать собеседования. Окружил себя друзьями и родственниками. Затем, из–за личных разногласий, не включил в состав руководства ОРО генерального секретаря НСП Бласа Рока, который был другом Рауля Кастро и которого уважал

Фидель.

Как мог Фидель Кастро отреагировать на то, что люди, проверенные при штурме Монкады, в боях в Сьерра–Маэс–тра, должны что–то доказывать тем, кто не держал в руках винтовки? В провинциях и муниципиях дело обстояло еще хуже. Должности местных секретарей ОРО занимали выходцы из НСП, пытавшиеся управлять этими организациями по советской модели, «раздувая» штаты сотрудников. Кастро, который считал бюрократизм вторым после империализма врагом, пришел в ярость, когда старые товарищи доложили ему об инициативах Эскаланте.

Фидель не мог не знать о том, что отдельные представители советского посольства ищут контакты с членами старой компартии. Делать ставку на «классических» кубинских коммунистов времен Батисты в новых условиях, когда Фидель Кастро уже практически держал все рычаги управления страной в своих руках, было самой большой ошибкой идеологического отдела ЦК, подведомственного апологету большевизма Михаилу Суслову. И хотя советская разведка предупреждала Москву о недопустимости действий на Кубе в обход Кастро, некоторые посольские продолжали встречаться со старыми кубинскими коммунистами, не подозревая, что содержание этих бесед записывается, а потом докладывается Фиделю.

Разумеется, Кастро не мог допустить интриг и разброда внутри ОРО. Но рубить с плеча не стал, а мастерски растянул экзекуцию. Чашу терпения Фиделя переполнил эпизод, свидетелем которого он стал сам. На вечере памяти студенческого лидера Хосе Эччеверия, погибшего в 1957 году, Эскаланте зачитал его завещание и при этом, по настоянию своих товарищей из НСП, исключил отрывок о религиозности погибшего. Тут Фидель поднялся на трибуну, взял документ из рук Эскаланте и полностью зачитал его. Потом добавил, что подобная «цензура» является «сектантской, глупой и недальновидной». И напоследок заклеймил поступок Эскаланте, фактически подписав тому приговор: «Это был жалкий, трусливый, искаженный признак или ход тех, кто не верит в марксизм, не верит в революцию, не верит в ее идеалы»[465].

Теперь настала пора для решительных действий. Для начала Фидель расширил состав руководящего бюро ОРО за счет своих проверенных соратников из «Движения 26 июля». Затем выступил с жесткой критикой в адрес прежнего руководства ОРО и лично Эскаланте так эмоционально, что впоследствии даже сожалел, что «наговорил много лишнего»[466]. В заключение Фидель полностью избавил верхушку этого движения от ряда «старых коммунистов» – выходцев из Народно–социалистической партии. В новом списке

руководства ОРО не оказалось ни одного члена НСП, за исключением ее генерального секретаря Бласа Рока, введенного туда лично Фиделем. Остальные руководители были проверенными членами «Движения 26 июля». Они и проголосовали за снятие Эскаланте со своего поста. Все руководство партии было подобрано лично Фиделем Кастро.

К тому времени никто на Кубе уже не вспоминал о выборах и каких–то альтернативах Фиделю Кастро и его революционному правительству. Еще в мае 1959 года Фидель заявил, что у трудового народа Кубы нет времени на выборы и они ему не нужны, чем буквально вывел из себя Белый дом и североамериканских журналистов, для которых, как известно, тема свободных выборов является «священной коровой».

Один из ветеранов советской дипломатии рассказывал автору этой книги байку о том, как весной 1962 года советскому послу позвонил Фидель и сказал: «Забирайте того, кто сидит в машине возле вашего посольства». А в машине сидел не кто иной, как Анибал Эскаланте. Был ли этот «звонок от Фиделя» на самом деле или эта история, как настоящая байка, обросла подробностями, но буквально сразу после снятия с поста Эскаланте улетел в Москву, где прожил до середины 1960–х, когда с разрешения Фиделя Кастро вернулся на Кубу. Но наступил на те же грабли, пытаясь второй раз сплотить вокруг себя «недовольных Фиделем». Однако об этом позже.

Фидель, воспользовавшись ситуацией, добился замены советского посла Кудрявцева, которому не благоволил, на человека, «которому он мог доверять лично». Так произошел исключительный случай в истории советской дипломатии – на должность посла на Кубе был назначен резидент советской разведки Александр Алексеев.

В конце марта 1962 года Фидель Кастро неожиданно распустил ОРО. Кубинцам он сказал, что в организации «слишком большое влияние» приобрели члены бывшей НСП, в ущерб представителям других революционных организаций. В своем телевизионном выступлении 26 марта 1962 года Фидель Кастро буквально обрушился на «сектантов» и лично Анибала Эскаланте, обвинив его в создании «партии политических назначенцев, у которых на все нужно было спрашивать разрешение». ОРО было преобразовано в Единую партию социалистической революции (ЕПСР), а в конце 1965 года – в коммунистическую партию Кубы. Фидель Кастро стал главой ЕПСР, уже в октябре того года насчитывавшей 45 тысяч членов и пять тысяч кандидатов.

Огромные авторитет и влияние Фиделя Кастро никогда не перерастали в культ личности. Хорошо изучив период правления

Сталина, Фидель не разрешил тиражировать свои фотографии и изображения. Один из первых законов нового революционного правительства категорически запрещал воздвигать памятники, присваивать имена живущих людей улицам, городам, предприятиям. И партийная пресса, в отличие от советских изданий, не печатала нудные отчеты с заседаний, пленумов, совещаний, не восхваляла лидера страны. Фидель сразу ставил на место тех чиновников, кто пытался представить его к награде и «золотым звездам».

Его популярность и так превосходила все мыслимые пределы. Он ведь жил в гуще народа, который был готов носить его на руках. После аграрной и жилищной реформ правительство Кастро провело денежную реформу, заменив денежные знаки, напечатанные при Батисте в США и Англии, банкнотами, напечатанными в Чехословакии. Одновременно были блокированы все хранившиеся в банковских учреждениях денежные суммы, превышавшие 10 тысяч песо. В 1962 году на Кубе была введена карточная система распределения продуктов, которая, увы, существует до сих пор.

Каждая семья обзавелась продуктовыми книжками. Все население страны делилось по возрасту на пять категорий – на три детских (до 2 лет, от 2 до 7 лет, от 7 до 14 лет), на взрослых, от 14 до 65 лет, и на лиц старше 65 лет. Соответственно по количеству и видам получаемых продуктов между этими категориями существовали определенные расхождения. В 1962—1963 годах продолжалась национализация в аграрной и банковской сферах и мелком и среднем производствах. Все валютные и внешнеторговые операции, деятельность промышленных и торговых предприятий перешли под контроль государства.

Был взят курс на быстрое превращение Кубы в развитое аграрно–индустриальное государство. Главные усилия были направлены на преодоление зависимости кубинской экономики от производства сахара и от внешнего рынка. Стране пришлось затрачивать большую часть средств на оборону от внешнего врага. Фидель Кастро, с подачи советских специалистов, провозгласил, что кубинская экономика должна принять плановый характер.

Как оказалось впоследствии, и введение планирования, и ускоренный переход к индустриализации были ошибочными решениями. Но, главное, абсолютно не отвечали специфике Кубы. К тому же «программой развития» страны были не хорошо проработанные документы, а выступления Фиделя перед многотысячными толпами или в телеэфире. Еще со времен

Гаванской декларации 1959 года такие собрания приобрели статус «Национальной генеральной ассамблеи».

Все было предельно просто. Фидель Кастро предлагал и призывал. Куба одобряла и исполняла. Кроме того, Фидель каждую неделю совершал марш–броски по стране, преимущественно в сельскую местность, и те инструкции и поручения, которые давались им на месте, и воспринимались местными жителями как «генеральная линия правительства». Французский агроном Рене Дюмон, который несколько раз сопровождал Фиделя Кастро в таких поездках по стране в начале 1960–х годов, не без иронии подмечал, что словно путешествует с «барином»: «У меня иногда возникало впечатление, что я объезжаю Кубу вместе с ее владельцем, показывающим его поля и пастбища, его коров, если не его людей»[467].

Таким образом, любое планирование в условиях, когда основные решения по ключевым вопросам развития экономики Кубы принимались согласно не кратко–и долгосрочным планам, а в соответствии с указаниями, директивами политического руководства страны, а конкретно Фиделя Кастро, оказывалось попросту бесполезным. В результате во второй половине 1960–х годов правительство Кубы сделало неслыханный для социалистических государств шаг. Оно отказалось от централизованного планирования, сосредоточившись только на выполнении отраслевых планов. Более того, перестал существовать государственный бюджет, который был заменен ассигнованием денежных средств на зарплату и кредитные операции. В этом отношении показательны слова Че Гевары, убежденного, что сознательность и героизм людей должны «свернуть горы»: «Мы не обосновываем наши аргументы ни статистическими фактами, ни историческим опытом. Мы имеем дело с природой субъективного характера, как будто разговаривая с ней, мы можем убедить ее»[468].

В конце 1960–х годов Фидель Кастро признает ошибочность этих экономических экспериментов и вернется к традиционным методам планирования. Но время–то будет упущено.

Но беды с планированием были еще цветочками. В начале 1960–х гораздо более серьезные проблемы таила в себе переориентация кубинской экономики на преимущественное развитие промышленности. Желание Че и Фиделя Кастро снять Кубу с «сахарной иглы» было понятным. Индустриализация стала новой «модной темой» в кубинском правительстве. В конце 1959 года Че представил целую программу развития промышленного производства на Кубе: «Всем ясно, что аграрная реформа только основа, но не более, что она ни в коем случае не самоцель и что

следующая цель – индустриализация страны <…> Мы наметили (ее) первоначальные планы, направленные на создание на этом этапе главным образом промышленных предприятий, которые сэкономят нам валюту и будут производить ряд товаров, столь необходимых для нашего внутреннего потребления <…> Пока что наши главные усилия направлены на создание промышленности, которая бы заменяла импорт, и мы пришли к выводу, что наше внимание надо сосредоточить на шести или семи его направлениях. Одно из них – это топливо во всех его видах, но главная задача – поиск нефти <… > Другое фундаментальное направление – это использование всех отходов сахарного тростника, и еще одно направление – это химия, где у нас также имеются большие возможности»[469].

Все это, по примеру Советского Союза, предполагалось сделать в короткие сроки, полагаясь на отвагу, энтузиазм и чувство ответственности кубинских людей. Как оказалось, желание Че рубить с плеча и отдать безусловный приоритет промышленности было ошибочным.

Че Гевара руководил промышленностью на Кубе в течение четырех лет. За это время в стране была полностью ликвидирована частная собственность на средства производства, исчезла безработица, которая была страшным бичом дореволюционной Кубы. Тысячи кубинцев с охотой включились в социалистическое соревнование, стали передовиками производства. Но Че Гевара не добился главной своей цели – появления нового человека, победы морали над деньгами.

Эксперимент по превращению аграрной страны в индустриальную провалился по целому ряду причин: неготовность существенной части кубинцев трудиться исключительно из энтузиазма; ошибочные представления о качестве кубинской нефти, оказавшейся тягучей и перенасыщенной сероводородами, не способной конкурировать ни с арабской, ни с венесуэльской нефтью; зависимость страны от импорта, вынуждавшая ее не развиваться, а просто выживать; огромные расходы на оснащение армии оружием; постоянно накапливающиеся долги как перед развитыми, так и социалистическими странами; стихийные бедствия, по злому року судьбы обрушившиеся на Кубу в начале 1960–х.

На Кубе не были построены ни новые цеха, ни заводы, и техника, поступавшая из стран социалистического лагеря, ржавела и портилась под открытым небом. Вдобавок в некоторых случаях купленные за рубежом станки и оборудование оказывались устаревшими.

Новое правительство наступало на те же грабли, что и

большевики после Октябрьской революции, развившие постулат о том, что «кухарка может управлять государством». Руководителями предприятий назначались не профессионалы, а люди, преданные делу революции и лично ее лидерам.

К чести Че Гевары, он в 1963 году признался в одном из интервью, данном иностранному журналисту: «Броситься сломя голову в индустриализацию было грубой ошибкой. Мы хотели одним махом избавиться от всего нашего импорта, выпуская готовые изделия. Мы не видели тех огромных сложностей, которые были связаны с ввозом полуфабрикатов»[470].

Ладно бы дело ограничилось только провалом индустриализации! Революционное правительство допустило серьезные перегибы в сельскохозяйственной политике. Большие площади, занятые ранее сахарным тростником, были распаханы под другие культуры.

Это было не первое «сахарное потрясение» в кубинской истории. В 1920—1921 годах во время так называемой «пляски миллионов», когда американцам удалось обрушить банковскую систему Кубы, цены на сахар поднимались до 22 центов за фунт, а потом резко падали до 2 центов. Сахарный бум привел к быстрому обогащению, но затем к такому же стремительному разорению сотен банков и фирм. Мировой экономический кризис 1929—1933 годов привел к сокращению посевов сахарного тростника на острове более чем в три раза. «На всю историю нашей страны, – пояснял Фидель Кастро, – наложило свой отпечаток то обстоятельство, что цены на сахар являются конъюнктурными, что они подвержены резким скачкам. Агония и максимальная неустойчивость нашей экономики отражали неустойчивость цен, повышавшихся во время войн и понижавшихся, когда эти войны кончались, цен, повышавшихся и понижавшихся в результате спекуляций. Таким образом, вся экономика страны много раз зависела от биржевой игры»[471].

Возможно, кубинские руководители в начале 1960–х годов поняли, что можно неплохо существовать и за счет Москвы. «Добрый» Советский Союз в мае 1962 года списал накопившиеся к тому времени долги Кубы перед СССР, что впоследствии станет обычной практикой, обязался поставлять в течение двух лет безвозмездно, за счет Советского Союза, вооружение и боеприпасы для кубинской армии, а также оказать помощь в ирригации.

В начале 1960–х годов наиболее слабым местом кубинской экономики была энергетика. Старые электростанции, в частности, в Гаване и Сантьяго–де–Куба, построенные еще в начале XX века, не обеспечивали в достаточной степени электроэнергией

промышленные предприятия, часто выходили из строя. В короткие сроки с помощью Советского Союза были пущены две крупные электростанции в Мариэле и Ренте, почти вдвое увеличившие производство электроэнергии на Кубе, построен в Гаване рыбный порт, параллельно создавался рыболовецкий флот. СССР на правах аренды предоставлял суда. Надо отметить, что Фидель всегда высоко ценил помощь советских специалистов. На митинге в мае 1965 года по случаю проводов 250 советских комсомольцев, добровольно работавших на уборке тростника на Кубе, Фидель Кастро сказал: «Отмечая наши успехи, радостно празднуя наши экономические победы, мы никогда не должны забывать, что в условиях нашей маленькой страны, подвергающейся империалистической блокаде, мы не смогли бы одержать таких побед без этой помощи, без этого технического сотрудничества, без этой поддержки советской техникой, не говоря уже, конечно, о многих других аспектах, в которых наша страна получила важнейшую помощь братского советского народа. Советский Союз покупает наш сахар, снабжает нас нефтью, когда наши враги угрожают парализовать нашу экономику, лишая поставок, предоставляет нам локомотивы и средства транспорта, тысячи машин для доставки тростника <… >, не говоря уже о других аспектах советской помощи, таких как оружие для наших Революционных вооруженных сил. Мы потому чувствуем себя уверенно, чувствуем себя в безопасности, чувствуем себя способными оказать сопротивление империалистам и сражаться против них, что имеем много современного военного снаряжения, которое получили своевременно и бесплатно от Советского Союза»[472].

В споре, который в свое время возник по этому вопросу между Фиделем Кастро и Эрнесто Че Геварой, оказался прав тот, кто главнее – «хэфэ максимо», – верховный вождь, который выступал против ускоренной индустриализации. В итоге было принято решение направить усилия на достижение более скромных, «осязаемых целей», таких как строительство предприятий по обработке местной продукции, по производству товаров народного потребления и домашнего обихода.

В 1975 году на I съезде коммунистической партии Кубы Фидель Кастро, анализируя ошибки первых лет после революции, сказал: «Революциям обычно свойственны периоды утопий, когда их участники, посвятившие свою жизнь благородной задаче – осуществлению на практике своих мечтаний и идеалов, – полагают, что исторические цели гораздо ближе и что воля, желание и намерения людей всесильны и стоят превыше требований объективной действительности. Наши руководящие

кадры, как правило, не имеют должных экономических знаний, недостаточно занимаются вопросами себестоимости и повышения эффективности производства. Невозможно определить, какую цену в сверхурочных часах и чрезмерных материальных затратах нам пришлось и приходится платить за отсутствие экономических знаний. В управлении нашей экономикой мы, безусловно, страдали от идеалистических ошибок, а иногда не отдавали себе отчета в существовании объективных экономических законов, которым мы должны следовать»[473].

Итак, спустя четыре года после революции на Кубе снова поменялась экономическая модель развития страны. С 1959 по 1963 год правительство Фиделя Кастро проводило курс на многоотраслевое развитие национального хозяйства Кубы. С 1963 года в качестве базовой отрасли экономики Фидель Кастро рассматривал сельское хозяйство, провозгласив в качестве приоритетного производство сахарного тростника.

Национальной целью кубинцев, провозглашенной Фиделем в 1965 году на несколько лет вперед, стала задача сбора в 1970 году 10 миллионов тонн сахара. Но ущерб этой отрасли уже был нанесен серьезный. Если в 1961 году производство сахара составило на Кубе 6,5 миллиона тонн, то в 1963 году было произведено всего 3,8 миллиона тонн. На Кубе буквально восприняли призыв руководства страны «покончить с монокультурностью» – вырубали посевы тростника, а других сельскохозяйственных культур на этих площадях не высаживалось. Непоправимый урон кубинской сахарной промышленности нанесли еще два фактора: диверсии и поджоги плантаций, на восстановление которых требовалось время.

Фидель Кастро не ограничивался вдохновенными призывами к кубинцам. Он лично взял в аренду 13 гектаров земли и проводил на этом участке серию опытов, пытаясь вырастить рекордные урожаи тростника. На Кубе, из–за особенностей климата и почвы, урожайность этой культуры была крайне низкой: каждый гектар давал в среднем всего 5,4 тонны, почти в пять раз меньше, чем на Гавайских островах! Фидель Кастро специально пригласил на свой «огород» уже упоминавшегося американского журналиста Ли Локвуда, который уедет от него пораженный тем, что кубинский лидер управляется со своим хозяйством, как агроном, десятки лет занимавшийся любимым делом. Фидель показал журналисту, как он готовит почву под посевы, как сам придумывает смеси удобрений, высчитывает оптимальное расстояние между саженцами и даже угол наклона, под которым они должны находиться к солнцу! [474]

Эту уникальную черту Фиделя Кастро – разговаривать на

профессиональном языке со специалистами «узкого профиля», будь это самолетостроители или ученые–атомщики, подмечали многие, кому приходилось общаться с верховным главнокомандующим. Один мой знакомый несколько лет назад присутствовал на переговорах, которые вел уже постаревший Фидель Кастро с представителями российского авиапрома, один, без помощников и конспектов, прибегая только к услугам переводчика. Весь многочасовой разговор Фидель свободно оперировал такими терминами, которыми пользуются только настоящие профессионалы летного дела. А однажды, беседуя с иностранными биологами, он поразил их такими специфическими познаниями, которыми даже они, профессионалы в своей отрасли, не владели.

Американские конгрессмены, посетившие в начале 2000–х годов Остров свободы, вышли от Фиделя Кастро потрясенные и опешившие. Команданте эн хэфэ, вместо того чтобы поговорить с ними на геополитические темы, без бумажки прочел им трехчасовую лекцию о надоях молока на Кубе и правильном уходе за коровами, вспомнив клички всех буренок–рекордсменок на острове с 1960–х годов! Одни решили, что Фидель просто дурачит их. Другие подумали, что он хотел поразить гостей своей исключительной эрудицией.

Ранее уже говорилось об особом пристрастии Кастро к животноводству. Оказывается, у Фиделя была своя, «любимая буренка» – корова по прозвищу «Убре Бланка» («Белое вымя»), от которой в сутки надаивали 100 и более литров молока! «Уход за ней был особый, – написал в своих воспоминаниях бывший посол СССР на Кубе Виталий Воротников. – Корова содержалась в отдельном помещении, состав кормов и режим кормления рассчитывались самым тщательным образом. Выпас на культурном пастбище проводился в нежаркий период – вечером и ночью и был строго дозирован по времени. На ферме была круглосуточная охрана. Ф. Кастро очень гордился своей любимицей – у него в кабинете на полке стоял ее муляж, в уменьшенном, конечно, масштабе»[475].

Понимая, что ставка на одну культуру губительна как для сельского хозяйства, так и для экономики Кубы в целом, особое внимание правительство уделяло развитию скотоводства и производству цитрусовых. Но это требовало не только ассигнований для села. У государства попросту не было земель, где, образно говоря, можно было развернуться. По Закону об аграрной реформе 1959 года большинство угодий перешло в руки не только крестьян, но и частных владельцев, образовавших обеспеченную, в сравнении с городскими жителями или

рабочими, прослойку кубинцев. Некоторые из них не освоили и половины переданных им в пользование сельхозугодий. К тому времени десять тысяч человек распоряжались 1,7 миллиона гектарами земли. И Фидель Кастро принял радикальное решение, нажив себе новых недоброжелателей. 4 октября 1963 года правительство Кастро обнародовало закон о второй аграрной реформе, согласно которому все участки, превышающие 67 гектаров, переходили в собственность государства.

Фидель Кастро, понимая обеспокоенность простых крестьян, выступил со специальным заявлением, в котором гарантировал им неприкосновенность земли, оставшейся в их владении. После этой реформы 61 процент сельхозугодий, или 5,5 миллиона гектаров земли, стал собственностью государства, а 39 процентов, или 3,5 миллиона гектаров, – принадлежали частным землевладельцам[476]. Чуть позже все они, около 200 тысяч человек, были объединены в Ассоциацию мелких земельных собственников и обязаны были сами обрабатывать принадлежащие им площади, не используя наемный труд. Это решение Фиделя, как оказалось, имело свое логическое обоснование. Он понимал, что частные землевладельцы в тех условиях просто не «потянут» производство сахарного тростника в масштабах, необходимых для экспорта сахара. На их участках более приемлемым и реальным было бы выращивание «второстепенных» сельскохозяйственных культур, таких как овощи, кукуруза, кофе.

Сначала выразив свое недовольство этим нововведением, крестьяне все же приняли условия правительства. Особенно когда оно объявило о гарантированной закупке их продукции по гибким ценам. В итоге за сравнительно короткий срок кре стьяне внесли свой существенный вклад в развитие сельского хозяйства на Кубе. Уже через год эти крестьянские хозяйства давали 70 процентов всего урожая кукурузы, 60 процентов – корнеплодов, 70 процентов – других овощей, 60 процентов – фруктов, 85—94 процента – табака, кофе, какао[477].

Национализация части сельскохозяйственных угодий была первой частью плана «революционного наступления» новой власти. Вскоре были ликвидированы, разумеется, не физически, а как класс, мелкие частные торговцы и ремесленники, а товарно–денежные отношения были заменены прямым продуктообменом. В стране были национализированы все мелкие частные предприятия (парикмахерские, фотоателье, обувные и столярные мастерские). Их бывшим владельцам была установлена зарплата от 60 до 100 песо в месяц, хотя ранее они зарабатывали до 240 песо и работали 48 часов в неделю вместо введенных с этого

момента 60 часов. Кроме того, они должны были в соответствии с новыми распоряжениями участвовать в собраниях, митингах, мероприятиях. Послабления были сделаны лишь для тех мелких собственников, кто лояльно относился к революции и участвовал в ней. Им предлагалось выкупить патент на право пользования своим имуществом при условии, что они не будут использовать наемный труд и станут обходиться своими силами.

Особое внимание уделялось трудовой дисциплине. С 1 января 1965 года в кубинских организациях и на предприятиях, где работало более 25 человек, начали функционировать так называемые «рабочие комиссии» из пяти человек. Они избирались из числа трудящихся на предприятии сроком на три года и были обязаны следить за дисциплиной, разбирать случаи ее нарушения и принимать меры в виде наказаний. Список этих мер был широк, начиная от общественного предупреждения и перевода на другую работу и заканчивая вычетами из заработной платы и увольнением.

Фидель Кастро взялся за решение острых экономических проблем с той же страстью, с какой совершал революцию. Было поднято много целинных земель, ранее заросших кустарником марабу. Они засеивались сахарным тростником с расчетом, чтобы выполнить указание Фиделя – собрать 10 миллионов тонн сахара в 1970 году.

Кубинское руководство пришло к выводу, что «субботники» и «воскресники» – однодневные выезды батальонов добровольцев по воскресным и рабочим дням на уборку тростника – малоэффективны. Поэтому в 1963 году было принято решение создать постоянные батальоны добровольцев, которые будут выезжать в провинции на весь период уборки тростника, то есть на три–четыре месяца. На эту работу было мобилизовано около 50 тысяч человек. Но, как это часто случается с революционными инициативами, не были учтены многие субъективные факторы, в первую очередь то, что не всякий кубинец готов добровольно, вдали от семьи и практически без отдыха и развлечений, и, главное, без материальной выгоды, трудиться на земле.

«Революционное наступление» в сельском хозяйстве отрывало огромное количество людей, в том числе военнослужащих от основной работы и боевой подготовки, в результате чего семьи этих военных на длительный период времени оставались без кормильцев и материальной помощи. Впрочем, у этого непопулярного решения была обратная сторона. Привлечение кубинцев к рубке тростника в «добровольно–принудительном порядке» позволило стране в 1965 году выйти на дореволюционные объемы производства сахара – почти 6

миллионов тонн.

Первостепенное внимание к «сахарной теме» не мешало Кастро заниматься другими важными делами. В горных районах впервые в истории Кубы прокладывались асфальтированные дороги, при помощи советских и болгарских специалистов строились водохранилища, позволившие решить одну из самых злободневных проблем сельского хозяйства – полив культур в районах, страдающих от засухи. За десять лет революции запасы воды в искусственных водохранилищах выросли с 29 миллионов кубометров до 4,4 миллиарда кубометров. То есть больше чем в 150 раз!

Фидель Кастро был озабочен кадровой политикой в органах управления на местах. Он видел, что кубинские административные структуры перенимают худшие советские образцы. «Кому ни позвонишь, – возмущался Фидель, – даже человеку без особых чинов и званий, все равно трубку берет секретарша и отвечает: „Алло, секундочку, я его сейчас позову“». В его родном Биране в сельскохозяйственной конторе, созданной на базе отцовской латифундии, работали 12 служащих. А ведь дон Анхель управлял таким же хозяйством до революции при помощи одного–двух клерков[478] . Не таким представлялось Фиделю новое общество с высоты пика Туркино в Сьерра–Маэстра! Поняв, что без радикальных хирургических мер тут не обойтись, Фидель пригрозил, что чиновники, которые будут замечены в «раздувании административных штатов», отправятся доить коров зебу (дойка этой типичной для Кубы породы коров считается одним из самых тяжелых видов труда на острове. – *М. М).*

Многое испытала кубинская революция в первые годы. Диверсии, поджоги, бомбардировки, интервенция. И тут, словно для того чтобы добить молодую республику, за дело взялась сама природа.

В 1963 году, когда сельское хозяйство и экономика страны только–только начали подниматься с колен, на Кубу обрушился ураган «Флора». Последствия урагана были настолько разрушительными, что кубинская экономика оказалась отброшенной на год–два назад в своем развитии. Ураган уничтожил один миллион коров из шестимиллионного поголовья! Погибло и пропало без вести более тысячи кубинцев. Был уничтожен весь урожай кофе. Куба превратилась в «одно сплошное грязное озеро».

И в этой ситуации Фидель Кастро вновь проявил качества настоящего национального лидера. Сначала он неоднократно выступал по телевидению, предупреждая кубинцев о грядущем

урагане, объяснял им, как нужно вести себя, а когда ураган промчался по Кубе, вылетел на вертолете в наиболее пострадавшие районы провинции Ориенте. Здесь Фиделю, по свидетельству генерала Фернандеса Гондина, рассказавшего эту историю Николаю Леонову, самому пришлось дважды оказаться в роли одновременно спасающегося и спасателя. Первый раз, когда в водоворот попали две машины–амфибии, пересекавшие бурный водный поток. Фидель, находившийся в одной из них, единственный из команды не стушевался, грозным окриком заставил людей немедленно выпрыгнуть из переворачивавшейся машины. Его приказ быстро вывел людей из ступора. Они оказались на небольшом островке в компании с тремя коровами, которые стали бросаться на них, пытаясь сбросить в воду. Те, кто ехал в машине сопровождения, также успели выпрыгнуть из нее, но не смогли добраться до суши, зацепились за телефонные столбы и плавающие автомобильные шины. Наконец, в небе показался вертолет, прибывший на выручку к главнокомандующему. Но Фидель отказался подняться на его борт, пока не будут спасены его товарищи.

Из–за урагана тысячи кубинцев лишились крова над головой и горевали от безысходности, думая, что остались один на один со своей бедой, но Фидель Кастро распорядился погасить все их долги по кредитам, а также помочь в восстановлении жилищ. Всего лишь за полгода были полностью восстановлены крестьянские дома, вспаханы и пересеяны сельскохозяйственные земли. А Фиделя Кастро с тех пор кубинцы считают, по словам Николая Леонова, кем–то вроде небожителя.

Сегодня кубинский опыт по преодолению последствий стихийных бедствий признан во всем мире. Куба действительно накопила огромный опыт по эвакуации и спасению людей. Синхронные действия властей и граждан Кубы, по мнению иностранцев, напоминают образцово отлаженный механизм поведения элитных воинских частей в случае военной мобилизации. Кубинцы уже привыкли к тому, что в дни природных катаклизмов на экране телевизоров появляется Фидель и очень спокойно начинает объяснять, что нужно делать. И вся нация, затаив дыхание, успокаивается при виде уверенного в своих силах команданте эн хэфэ.

Уже к середине 1960–х годов у Фиделя Кастро был практически беспрекословный авторитет на Кубе. Укрепляла свои позиции в стране Единая партия социалистической революции. Когда 30 сентября 1965 года в очередной раз собрался партактив, Фидель нарушил течение заседания, сначала предложив создать Центральный комитет партии, а затем переименовать ее.

Так, 3 октября 1965 года по советскому образцу на базе Единой партии социалистической революции была основана компартия Кубы. Ее высшим органом стал Центральный комитет в составе 112 членов, призванный исполнять директивные функции, а также политбюро, секретариат и пять постоянных комиссий. В каждой из шести провинций Кубы была организована партийная секция со своим секретариатом и исполнительным комитетом. Как и в СССР, были созданы районные, муниципальные и первичные ячейки. «Креатурами» компартии Кубы стали «Союз коммунистической молодежи», «Союз коммунистической пионерии», «Союз студентов средних учебных заведений», а также Комитеты защиты революции, которые к тому времени объединяли около двух миллионов человек. Было также принято решение об учреждении официального печатного органа ЦК компартии Кубы – газеты «Гранма» на базе слияния двух изданий: «Ой» и «Революсьон».

Большое недоумение как на Западе, так и в социалистических странах вызвало заявление Фиделя о том, что кубинцы будут строить коммунизм не по классическим канонам марксизма–ленинизма после окончания строительства социализма, а параллельно с ним. Решающим шагом для этого, по замыслу Фиделя Кастро, должна была стать полная отмена денег на Кубе.

Несмотря на всю нелюбовь Фиделя Кастро к бюрократизму, появившаяся партийная структура переняла черты советского оригинала. По сравнению с аппаратом Единой соцпартии, количество функционеров в ЦК компартии Кубы увеличилось в четыре раза, с 25 до 100 человек. А политбюро ЦК стало напоминать настоящий Генштаб: шестеро из восьми его членов, включая главнокомандующего, носили оливковые френчи. В него входили братья Кастро, их соратники – глава МВД Серхио дель Валье, Хуан Альмейда, Гильермо Гарсиа, Рамиро Вальдес, – а также президент Ос–вальдо Дортикос и секретарь ЦК, муж Айде Сантамария, Армандо Харт.

В условиях постоянной угрозы интервенции Фидель Кастро практиковал политику рассредоточения руководящих кадров и дублирования систем управления. Так, например, четверо из восьми членов политбюро почти непрерывно находились в провинциях, а руководство партийных организаций в самих провинциях большую часть времени проводило на командных пунктах, оборудованных за пределами крупных городов.

Даже американцы признавали, что положение Фиделя Кастро как единоличного руководителя Кубы остается очень прочным. Была исключена возможность организованного выступления против Фиделя в руководящих кругах страны и, особенно, с

учетом латиноамериканской специфики, среди военных. Вооруженные силы полностью находились под его контролем. Через сеть комитетов защиты революции (КЗР), а их к концу 1960–х годов было около 66 тысяч, кубинские власти в центре и на местах получали сведения обо всех проявлениях контрреволюционной деятельности. Поняв бессмысленность идеологической обработки населения, большинство которого безоговорочно поддерживало Фиделя, разведки других стран направляли свои усилия прежде всего на добывание военно–стратегической информации о боеготовности кубинской армии.

Контрреволюционные силы были уже далеко не те, что в первые два года после победы революции. Была практически полностью разгромлена внутренняя контрреволюция. Противники Кастро или уехали с Кубы, или сидели в тюрьмах. В 1963 году на острове Пинос, как в свое время сам Фидель, томились шесть тысяч кубинских политических заключенных[479].

К середине 1960–х годов численность всех контрреволюционных групп на Кубе составляла не более тысячи человек. Эти группы, как правило, не имели связи между собой. Их можно было назвать «мелкими пакостниками», поскольку их деятельность сводилась к антикастровской пропаганде, вредительству (поджогам, мелким диверсиям), порче общественного имущества (оборудования на рабочих местах, телефонов на улицах и т. д.), воровству. Крупными «делишками» для них считались нанесение на стены надписей контрреволюционного содержания, а также организация нелегальных побегов с Кубы. Банды, которые направлялись на остров из–за границы, сменили тактику. Их стало труднее ловить. Совершив диверсию, подпалив сахарную плантацию, они сразу покидали Кубу. Основные силы внешней контрреволюции тем временем накапливались в Майами. В США подрастало поколение дерзких и обозленных на Фиделя молодых кубинских эмигрантов, которые были вывезены с родины своими обеспеченными родителями после революции.

В 1960–е годы, после «медового месяца» – открытой поддержки Советским Союзом Кубы в ее противостоянии с США, – советско–кубинские отношения дали трещину и теперь напоминали брак по расчету. Следует признать, что отношения СССР и Кубы с самого начала строились на «идиллической основе» по причине того, что обе стороны питали в отношении друг друга иллюзии. Теперь наступало время поставить эти отношения на реальную основу, четко определив по пунктам, «как и против кого дружить дальше».

Не стоит винить в охлаждении двусторонних отношений

только кубинскую сторону. Просто в силу своей эмоциональности и прямоты кубинцы не скрывали правду, а предпочитали говорить ее в лицо. Тем более тем, кого они считали друзьями. Фидель Кастро всегда чутко реагировал на обиду, но никогда не делал резких заявлений, если его не обижали первым. До Кастро конечно же доходила информация о высокомерных высказываниях в адрес Кубы со стороны некоторых кремлевских деятелей, ставивших вопрос: может ли независимая Куба, которая отказалась входить в социалистический лагерь и присоединяться к соответствующим блокам, вообще считаться социалистической страной? Че Гевара, а затем Кастро, встречаясь на Кубе с советскими делегациями, потрясали перед носом гостей толстенными пачками бумаг, где было зафиксировано, какие именно обвинения в адрес кубинских лидеров и кубинской политики выдвигали советские ответственные лица. «Это что – дружба?» – вопрошали Че и Фидель. Советские гости краснели и опускали глаза… [480]

Тем не менее отношения двух стран продолжали развиваться на деловой основе при постоянных попытках, по правде говоря, прежде всего Советского Союза, вновь придать им дружеский характер. К тому же русские в силу национально–психологических особенностей более терпеливы и отходчивы, чем гордые и обижающиеся по каждому поводу кубинцы.

Подписание Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в августе 1963 года вызвало новое беспокойство в Гаване. Кубинцы полагали, что при этих условиях их страна окажется без надежной защиты в виде ответного советского атомного удара по США. Его угроза, как считали кубинские лидеры, только и сдерживала Белый дом от агрессии в отношении Кубы. Несмотря на то, что после Карибского кризиса американцы дали обещание не нападать на Кубу, Фидель Кастро был убежден, что в любой момент они могут нарушить его. Тем более что ушел из жизни Джон Кеннеди, человек, который давал это обещание. Убежденность Фиделя в этом подкреплялась тем обстоятельством, что США не стеснялись развязывать локальные войны по всему свету, несмотря на данные ими обещания мировому сообществу.

После того как Хрущев осенью 1964 года в результате заговора членов политбюро был снят со своего поста, кубинское руководство поняло, что следует ждать не просто новых внешнеполитических действий, а изменения внешней политики Москвы, в том числе и по отношению к Кубе. Никиту Хрущева на Острове свободы уважали. Его грубое, подчас отнюдь не дипломатическое поведение на международных форумах, его

«простонародный» стиль общения абсолютно не смущали ни Кастро, ни других кубинских руководителей. В Гаване помнили о том, что Хрущев на любой выпад в адрес Кубы и Фиделя реагировал как на личное оскорбление, что он, наконец, дал гарантии защитить Кубу от агрессивных действий со стороны США.

Кубинцы, конечно, со временем узнали, что на памятном пленуме ЦК, когда Хрущева снимали со своей должности за «волюнтаризм», в перечне обвинений упоминалось его агрессивное поведение до и во время Карибского кризиса. Дескать, не пристало главе такой могущественной державы вести себя как во время уличных разборок. Фиделю Кастро стало ясно, что Москва больше не хочет ссориться с северной империей да и вообще хочет «мирного сосуществования». Именно этот намек Москвы Вашингтону – «ребята, давайте жить дружно» – заставлял Кастро постоянно искать ответы на вопросы: что будет, если США опять нападут на Кубу? Сумеет ли СССР реально защитить далекий Остров свободы или предпочтет сражаться с американцами в дипломатических баталиях за «круглым столом переговоров»?

Политика мирного сосуществования в глазах кубинцев больше походила на «страх перед империализмом». Фидель Кастро полагал, что Москва идет на компромисс с Вашингтоном, потеряв веру в свои силы. На первомайском митинге в 1966 году он заявил, что «при отражении американской агрессии кубинцам придется полагаться исключительно на собственные силы».

А Москва обижалась на то, что кубинское правительство сознательно преувеличивает значение мелких американских провокаций в отношении Кубы и совершает необдуманные шаги, одним из которых стало, например, приведение Кубы в состояние боевой готовности весной 1966 года без какого–либо предварительного предупреждения об этом СССР и других социалистических стран.

Кубинские руководители также высказывали недовольство тем, что Советский Союз развивает торговые отношения с Чили, Бразилией, Колумбией и другими латиноамериканскими странами. Особенное недовольство Кастро вызывало то, что СССР продолжает делать ставку на «старые компартии» ряда латиноамериканских стран, которые Фидель не принимал в расчет из–за того, что они полностью исключали вооруженную борьбу как способ завоевания власти.

Руководство Кубы также не могло понять, как на самом деле Советский Союз относится к национально–освободительному движению в Латинской Америке, почему СССР занимает позицию

«стороннего наблюдателя» во всех конфликтах, в которых участвовали американцы в южной части Западного полушария. Именно это «молчание Москвы», по мнению кубинцев, делало нападки США на слабые национально–освободительные движения еще более чувствительными. Фиделя Кастро раздражало и то, что, несмотря на большую помощь, оказываемую СССР братской Кубе, в материальном и количественном отношении она была меньше той, что оказывала Москва таким отнюдь не социалистическим странам, как Ирак, Индонезия или Индия.

Фидель не стеснялся открыто упрекать Москву в том, что она подчинила революционные интересы «политике мирного сосуществования», и в том, что в Латинской Америке СССР поддерживал партии, которые враждебно относились к Фиделю Кастро и политике «экспорта революции». А Москва ждала, пока он немного поостынет. Любые «внешние раздражители», самый яркий пример – агрессивная политика США, он мастерски обращал в свою пользу, просто и доходчиво объясняя сотням тысяч кубинцев на митингах, кто является источником всех бед на Кубе и кто виноват в тяжелом социально–экономическом положении страны.

На возникших противоречиях между Кубой и СССР пытались играть китайцы. После инцидента на Даманском полуострове отношения между СССР и Китаем были враждебными. Москва пристально и даже ревностно наблюдала за попытками китайцев оказать влияние на кубинское руководство и склонить Гавану к сотрудничеству с Пекином в противовес СССР. Надо сказать, что масла в огонь подливал в ходе встреч с советскими представителями Анибал Эскаланте, который заявлял, что «среди кубинской революционной элиты резко возросло влияние Китая»[481].

В Москве одно время даже полагали, что в кубинском руководстве существуют две группировки – «просоветская», к которой относили Рауля Кастро, и «прокитайская», в ряды которой почему–то записали Че Гевару. Но разговоры о том, что Че Гевара находится под китайским влиянием, были необоснованными.

Кубинцы конечно же отдавали себе отчет в том, что реальной силой, поддерживающей их, является СССР, однако их самолюбию льстило, что две великие социалистические державы – Советский Союз и Китай соперничали в стремлении заручиться дружбой Кубы. Кубинцы были нейтральны в этом споре. Но поездка Фиделя в Москву весной 1963 года сильно ударила по сторонникам китайского влияния.

Как показал ход событий, Москва тревожилась зря. Фидель

Кастро не мог не видеть, как Китай после Карибского кризиса пытается поссорить СССР и Кубу. Понимал, что китайские руководители хотят создать в странах Латинской Америки группировки, которые в первую очередь будут продвигать идеи Мао Цзэдуна, вместо того чтобы по–настоящему поддерживать революционное движение. Фидель Кастро тогда не был настроен на сближение с Пекином и пресекал любые попытки китайцев вести антисоветскую пропаганду на Кубе.

18 августа 1964 года государственный секретарь США Дин Раск выступил с жестким заявлением. Суть его сводилась к тому, что нет никаких оснований ожидать улучшения отношений между США и революционной Кубой, угрожающей Западному полушарию, и что эта угроза исчезнет только со свержением режима Кастро. Это означало, что после некоторого затишья Белый дом намерен вновь ужесточить свою политику по отношению к Гаване.

Однако США не собирались нападать на Кубу. Они просто не хотели появления второй Кубы на латиноамериканском континенте, вот почему так резко реагировали на кубинскую политику «экспорта революции» и заявления о «множестве новых вьетнамов». Но Куба не могла отказаться от поддержки партизанского движения в Латинской Америке, так как тезис «экспорта революции» являлся одним из основных постулатов кубинской политики. Фидель как–то обронил красивую фразу: «Кордильеры и Анды превратятся в Сьерра–Маэстра Америки». А Че Гевара развил ее: «Надо создать два, три, много вьетнамов». Правда, Фидель впоследствии пояснил, что не стоит буквально понимать его слова об «экспорте революции»: «Мы хотели революции по доктрине, но в то же время уважали интернациональное право. Я уверен, что революция не может быть экспортирована, потому что никто не может экспортировать необходимые условия для революции. Мы всегда так думали и следовали этому принципу»[482].

Кастро, в отличие от Че, для которого вся Латинская Америка была родным домом, не мог не понимать, что Кубе не следует провоцировать соседей по региону, направляя в страны Латинской Америки революционные отряды.

К тому времени Куба успела поссориться практически со всеми странами региона, сохранив дипломатические отношения только с Мексикой. Заявление, сделанное Кастро в декабре 1961 года, когда он провозгласил свое правительство марксистско–ленинским, стоило Кубе исключения из всех межамериканских организаций: Организации американских государств (ОАГ), Договора о межамериканской взаимопомощи, известного также

под названием «Договор Рио–де–Жанейро», Союза американских республик. И эти отношения еще больше ухудшились, когда подтвердилась информация о том, что с помощью кубинцев проводятся операции, преследующие своей целью свержение правительств некоторых латиноамериканских стран.

Как уже говорилось, отношения с «братскими» латиноамериканскими компартиями были для Фиделя, и особенно для Че Гевары, проблемными еще с первых лет революции. Недовольство латиноамериканцев вызывало то обстоятельство, что кубинцы взяли на себя «миссию освобождения» Латинской Америки от «колонизаторов». Кроме того, организаторы и вдохновители кубинской революции не доверяли старым коммунистам.

Однажды, в начале 1960–х, аргентинские коммунисты обратились к своему соотечественнику Че Геваре в его бытность директором Национального банка Кубы и попросили у него денег на издание в Аргентине собрания сочинений Ленина. Че Гевара ответил им, что «с такой просьбой логичнее обратиться в Москву». Но аргентинцы уже получили отказ Москвы. Тогда Че предложил: «А вы возьмите сумму, которую вы, по вашему мнению, стоите, и сумму, которую вы стоите на самом деле, – и на разницу издайте собрание сочинений!»[483]

Тем не менее и Фидель, и Че Гевара видели, что предпосылки для революции возникли во многих латиноамериканских странах. А в некоторых из них это произошло даже раньше, чем на Кубе. К этому времени партизанская война охватила Колумбию, Венесуэлу, Перу, Гватемалу. Вот почему Эрнесто Че Гевара так хотел поскорее «оседлать своего Росинанта» и ринуться в бой.

О том, что США в 1960–е годы теряли влияние в Латинской Америке, свидетельствовали рост националистических и антиамериканских настроений на континенте, а также военные перевороты в Панаме, Перу, Аргентине, Бразилии, Парагвае и Боливии.

Многие латиноамериканские революционеры приезжали на Кубу, чтобы изучить опыт ее революции. «Мы старались помочь людям в Никарагуа, в Сальвадоре, в Гватемале объединиться, – признавался Фидель Кастро. – Все они были разделены. Наша задача была объединить их, и нам это удалось. Но помочь объединиться и дать часть оружия – это не значит экспортировать революцию»[484].

После ряда заявлений Че Гевары, сделанных им в 1964 году, кубино–советские разногласия обострились. В Кремле его даже окрестили «троцкистом», «близким по взглядам китайцам». Еще осенью 1962 года Че Гевара договорился до того, что заявил о

том, что «Карибский кризис ослабил позиции СССР как лидера мирового революционного движения»[485].

4 ноября 1964 года Че Гевара приехал в Советский Союз на празднование очередной годовщины Октябрьской революции. Фидель надеялся, что во время этой поездки Че Гевара наконец–то помирится с советскими руководителями. Но Че Гевара даже не думал извиняться. Он продолжал рубить «правду–матку», не скрывая своего критического подхода к советской действительности, своего недовольства бюрократией, в которой погрязли советские органы управления. Во время посещения одной из советских фабрик он шокировал окружающих, заявив, что «это капиталистическое предприятие, похожее на те, что были на Кубе до национализации», что Советский Союз находится в экономическом тупике. «Я не хочу доказать, что в Советском Союзе существует капитализм, – пояснял Че Гевара. – Я хочу сказать лишь, что мы являемся свидетелями некоторых феноменов, происхождение которых связано с кризисом теории, а теоретический кризис возник потому, что было забыто о существовании Маркса».

Но чашу терпения советских руководителей переполнили слова Че Гевары, произнесенные им во время африканского турне, когда, выступая в Алжире с пламенной речью, он предложил, чтобы Москва и страны соцлагеря отдавали оружие развивающимся странам бесплатно, а не продавали его по ценам мирового рынка. С вызовом глядя на членов советской делегации, он заявил, что социалистические страны пытаются строить отношения со странами третьего мира на тех же коммерческих основах, что и с капиталистическими. Он обвинил СССР в том, что Москва «продает свою помощь народным революциям». Кроме того, упрекнул социалистические страны в том, что они не участвуют в борьбе за национальное освобождение Конго и Вьетнама. Вполне понятно, что руководство СССР раздражало стремление Че осуществить на практике теорию «создания многих вьетнамов», которая противоречила только что выдвинутому Москвой принципу «мирного сосуществования» и наметившейся «разрядке» в международных отношениях.

Кастро понимал, что подобные заявления недопустимы, ведь Советский Союз оказывает Кубе очень большую помощь. Это было подобно плевку в благодатный колодец.

14 марта 1965 года Фидель Кастро лично приехал в гаванский аэропорт, чтобы встретить Че Гевару после его многомесячного мирового турне. Встретил подчеркнуто холодно. Не было ни пресс–конференции, ни выступления по телевидению, положенных в таких случаях.

Как впоследствии вспоминал бывший соратник Кастро Карлос Франки, Фидель сразу же обвинил Че Гевару в том, что его резкие заявления наносят вред отношениям между Кубой и Советским Союзом. Очевидно, Че был готов к такому повороту. Он ответил, что высказывает лишь свое собственное мнение, которое не отражает официальной точки зрения кубинского правительства. Аргентинский адвокат Рикардо Рохо рассказывал, ссылаясь на их общего с Че знакомого, что общение Че Гевары с Фиделем и Раулем Кастро в первые дни после его возвращения продолжалось около 40 часов[486]. По утверждению бывшего охранника Фиделя Кастро, некоего Агудина, бежавшего в США, еще в аэропорту стороны срывались на крик: Рауль Кастро называл Че Гевару «троцкистом», а тот обозвал его «болваном», хлопнул дверью и уехал[487].

Похоже, к тому моменту Че уже принял решение покинуть Кубу. И не «разбор полетов» был главной темой многочасовых разговоров двух самых близких соратников. Фидель Кастро раньше других понял, что Че хочет уйти.

Напомним, что во время их первой встречи в Мексике летом 1955 года Че сказал Фиделю, что вернется в Аргентину, когда победит кубинская революция, чтобы продолжить борьбу у себя на родине.

В конце 1962 года Че начал заниматься своим латиноамериканским революционным проектом, помогал начальнику разведки Мануэлю Пинейро поддерживать контакты с латиноамериканскими революционными группами. Но Че не хотел признавать, что к тому времени латиноамериканские страны можно было разделить в зависимости от их экономического развития на группы. Например, в Уругвае, Чили, Мексике, Аргентине теория революций в силу ряда объективных причин и исторических обстоятельств не могла быть применима в принципе. В то же время в других странах Центральной Америки вооруженная борьба являлась единственным способом взять власть, и не случайно именно в этих странах происходило наибольшее количество военных переворотов.

Но Че уже был готов «седлать своего Росинанта» в дорогу.

«Имел ли право он, прошедший длинный путь от аргентинских пампасов до Сьерра–Маэстра в поисках революции, оставаться теперь на Острове свободы? – писал Лав–рецкий (И. Григулевич). – Эта дилемма решалась им легко. Он мог выбрать только передний край, только наиболее опасный, наиболее грозный, еще не проторенный, неизведанный путь, путь латиноамериканской революции. А сделав выбор, он стал тяготиться своим званием министра, ему уже не терпелось вновь

оседлать своего революционного Росинанта и пуститься в путь; ему не терпелось вновь почувствовать на своих плечах тяжелый рюкзак, набитый патронами, лекарствами и книгами, и режущую плечо лямку автомата. Он закрывал глаза и видел себя лежащим у костра, изъеденным москитами, тяжело дышащим от приступа астмы, но счастливым, ибо с ним рядом были те, которых он так по–мужски – сурово и стыдливо – любил: отверженные Латинской Америки – ее крестьяне, ее индейцы, ее негры»[488].

Че отправлялся в свою последнюю битву. Уезжая с Кубы, он сжигал за собой все мосты. Он оставил Фиделю Кастро свое «Прощальное письмо», попросив огласить его в случае смерти или после того, как при его участии победит революция в одной из латиноамериканских стран.

Но Фидель поступит иначе…

Глава двенадцатая
ГИБЕЛЬ КОМАНДАНТЕ ЧЕ ГЕВАРЫ

Покидая Кубу в 1965 году, Че уезжал навстречу своей смерти. Он знал об этом. У него напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения. «Я не рожден для того, чтобы руководить министерствами или умереть пожилым человеком», – говорил он своему другу Альберто Гранадосу, с которым исколесил пол Южной Америки.

К сожалению, «за кадром истории» осталось содержание многочасовых бесед Фиделя и Че Гевары. Но было понятно, что, как ни уговаривал главнокомандующий своего брата по духу, Че Гевара принял твердое решение «податься в партизаны». Лишь в 2004 году Фидель Кастро поведал, что Че решил ехать в Боливию. По мнению Фиделя, он был еще «сыроват» для партизанской войны – находился не в лучшей физической форме. Да и само намерение аргентинца затеять свое «революционное предприятие» в какой–либо латиноамериканской стране вызывало у Фиделя большое беспокойство: там еще не сложились условия для этого, не было формирований, способных противостоять режиму. Че мог создать в Боливии только маленький отряд, а этого было недостаточно для ведения успешной борьбы.

Но Че буквально рвался в бой. Фидель понимал, что остановить аргентинца невозможно. Тот мог в любой момент просто сорваться с места и укатить в неизвестном направлении. И тогда Фидель поручил Че руководство отрядом, который должен был отправиться на помощь революционерам в Конго, будущий Заир. «Че нервничал. Но его очень занимала война в Африке, и я ему предложил поехать туда, пока в Боливии сформируются силы для совершения революции в Аргентине. Задание в Африке было сложным, и наша помощь была необходима. В Конго был самый сложный период гражданской войны»[489], – рассказывал Фидель Кастро.

В 1960–е годы Африка бурлила. Этот несчастный континент, единственной страной на котором, никогда не завоевывавшейся колонизаторами, была Эфиопия, погряз в войнах и локальных конфликтах. Некоторым партизанским отрядам удалось свергнуть колониальный режим в своих странах, но большинство из них, не имея поддержки извне, терпели поражения.

Че теперь редко появлялся в министерстве промышленности. Собираясь в африканскую командировку, словно предчувствуя

трагический конец, Че Гевара избавлялся от всего «вещественного», что связывало его с прошлым. Раздал друзьям почти все свои книги и личные вещи, написал много писем.

Отряд был сформирован из темнокожих кубинцев. Они до поры до времени не знали, кто будет их командиром. Их подготовка проходила в условиях строгой секретности. Провожая бойцов в гаванском аэропорту, Фидель сказал: «Когда вы попадете в Конго, то встретите там человека, которому вы будете подчиняться так, словно вами командую лично я». Потом главнокомандующий отвел в сторону двух заместителей Че – Дрека и Мартинеса – и приказал им заботиться о своем командире, но так, чтобы он этого особенно не замечал[490].

Че Гевара улетел в Африку под вымышленным именем Рамон, с фальшивым паспортом и с чемоданчиком, набитым книгами. Некоторое время спустя к нему в Конго, коротавшему время в гостиницах за игрой в шахматы, присоединились около 200 кубинских солдат, которые прибыли из Гаваны на судне, нагруженном оружием. 24 апреля 1965 года Че с группой бойцов прибыл в местечко Кибамба, недалеко от Физи, в провинции Южное Киву, в зоне, контролируемой Лораном Дезире Кабилой.

Между тем на Кубе начались волнения по поводу того, где находится министр промышленности. Но Фидель Кастро хранил молчание.

20 апреля 1965 года на один из субботников по рубке тростника в провинции Камагуэй, в котором принимал участие Фидель Кастро, прибыла группа иностранных журналистов. Их интересовало только одно – где в настоящий момент находится команданте Гевара. Но своим ответом Фидель только еще больше заинтриговал корреспондентов: «Единственное, что могу вам сказать о майоре Геваре, это то, что он всегда будет находиться там, где больше всего полезно революции, и что отношения между мной и им – великолепные. Они такие же, как в первое время нашего знакомства, можно сказать, что они даже лучше»[491].

Слухи о «таинственном исчезновении» Че Гевары дошли до его тяжелобольной матери, которая лежала в одном из госпиталей Буэнос–Айреса. Селия Серна немедленно связалась с помощником Че по министерству. Ей сказали, что сын жив–здоров, но очень занят и при первой возможности свяжется с ней. Мать Че умерла в больнице 10 мая 1965 года, так и не дождавшись известий от сына.

С каждым днем плодились самые нелепые небылицы о том, где на самом деле может находиться Гевара. Его «записали в самоубийцы», отправили в Китай на досрочный отдых, объяснив

это смертельной болезнью. А американский журнал «Ньюсуик» и вовсе преподнес мировую сенсацию, сообщив читателям, что «Че продал за 10 миллионов долларов особо важные кубинские секреты и отбыл в неизвестном направлении». За какие–то три месяца 1965 года мировая пресса «хоронила» Че Гевару шесть раз, а одна из газет и вовсе договорилась до того, что его тело… тайно захоронено в фундаменте одного из зданий в Лас–Вегасе.

Фидель Кастро по–прежнему избегал контактов с прессой, а однажды, раздраженный очередным вопросом об аргентинце, резко заявил, что кубинское правительство вовсе не обязано отчитываться о его местонахождении. Получая сводки с «африканских фронтов», он знал, что Че удалось создать элитный отряд из местных бойцов, который успешно сражается против карателей, возглавляемых американским наемником Хором, по прозвищу «Сумасшедший Майк».

Фидель прекрасно понимал, насколько тяжело приходилось в Африке Че Геваре. Не только из–за местной африканской специфики (конголезцы, например, не шли в бой без благословения местного колдуна и нередко в страхе разбегались, столкнувшись лицом к лицу с противником), но и из–за присущего аргентинцу качества говорить людям в лицо всё, что он думает. Не важно – был это друг или враг.

Помимо этого личного качества Че, было много других факторов, препятствовавших успешному продвижению отряда. «Было очень много препятствий, когда Че приехал в Африку в апреле 1965 года. Там было полно белых наемников, южноафриканцев, родезийцев, бельгийцев и даже кубинских контрреволюционеров, которые работали на ЦРУ. Африканские силы были недостаточно подготовлены. Че пытался привить им культуру войны, потому что только тогда воины непобедимы. <…> Че попросил прислать помощников из Гаваны, чтобы они оценили ситуацию. Если понадобилось бы послать еще войска, мы бы сделали это. Но в то время не было перспективы, не было возможностей для развития революции, и мы попросили Че вывести войска. Он почти шесть месяцев находился в Конго, потом поехал в Танзанию…» [492] – рассказывал Фидель.

Между тем западная пресса продолжала распускать слухи о том, что случилось с Че Геварой. Сообщалось, что между Че и Фиделем произошла крупная ссора и главнокомандующий убил аргентинца. Причем, по одной из версий, Фидель якобы убил своего друга из–за его «просоветской», а по другой, из–за «прокитайской ориентации». Одна из газет, со ссылкой на секретного агента в Гаване, утверждала, что Че находится в местной психбольнице из–за того, что ему стал видеться Камило

Сьенфуэгос, который якобы призывал его к экспорту революции[493].

Только 3 октября 1965 года Фидель Кастро нарушил молчание. Он огласил письмо Че. С тех пор ведутся споры, зачем Фидель это сделал, ведь Че просил обнародовать письмо в случае его смерти или победы революции в одной из стран. Некоторые аналитики полагают, что после обнародования содержания письма Че Гевара, как человек чести, вернуться на Кубу уже просто не мог. Фидель же домыслы на эту тему считает «подлой клеветой»[494].

Кадры кинохроники передают гнетущую тишину, когда на трибуну поднялся Фидель Кастро и заговорил: «В нашем Центральном комитете отсутствует человек, который в максимальной степени имеет все заслуги и обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы входить в этот орган. Этого человека, однако, нет среди членов нашего Центрального комитета. Вокруг этого факта враги сумели раскинуть целую паутину клеветы. Наши враги пытаются сбить людей с толку, посеять беспокойство и сомнения. Что же касается нас, то мы выжидали, ибо было необходимо вы–ждать < … >

Всяческие предсказатели, переводчики, «специалисты по Кубе» и электронные машины работают без сна и отдыха, чтобы разгадать эту загадку. Чего только не говорят: Эрнес–то Гевара стал жертвой «чистки», Эрнесто Гевара болен, у Эрнесто Гевары расхождения с руководством и т. д. и т. п.

Народ, разумеется, верит и доверяет нам. Но наши враги пускают в ход подобные вещи, главным образом за границей, чтобы обливать нас ушатами клеветы: вот он, страшный, зловещий коммунистический режим, люди исчезают бесследно, исчезают необъяснимо. Что касается нас, то мы в свое время заявили народу, когда он стал замечать отсутствие этого человека, что в нужный момент мы скажем ему всё, а пока что у нас есть причины выжидать < … >

Чтобы пояснить это, мы зачитаем здесь письмо – вот здесь собственноручно написанное письмо, а здесь – перепечатанное на машинке – письмо товарища Эрнесто Гева–ры, которое говорит само за себя. Я раздумывал, следует ли рассказывать здесь об истории нашей дружбы, нашего товарищества, о том, как эта дружба завязалась и при каких обстоятельствах и как она развивалась. Но это не нужно. Я ограничусь тем, что прочту письмо.

Здесь не поставлена дата, потому что это письмо должно быть прочитано в тот момент, когда мы сочтем это наиболее своевременным. Но, если придерживаться строгой

действительности, это письмо было передано 1 апреля этого года, то есть ровно шесть месяцев и два дня назад»[495].

Кастро зачитал перед тысячами собравшихся адресованное ему лично письмо Че:

«Фидель!

В этот час я вспоминаю о многом, о том, как я познакомился с тобой в доме Марии Антонии, как ты мне предложил поехать с тобой, о нашей напряженной подготовке.

Однажды нас спрашивали, кому нужно сообщить в случае нашей смерти, и тогда нас поразила действительно реальная возможность такого исхода. Потом мы узнали, что это на самом деле так, что в революции, если она настоящая революция, или побеждают, или погибают. Многие остались там, на этом пути к победе.

Сейчас все это имеет менее драматическую окраску, потому что мы более зрелы, но все же это повторяется. Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим. Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания майора, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов.

Обозревая свою прошлую жизнь, я считаю, что я работал достаточно честно и преданно, стараясь укрепить победу революции. Моя единственная серьезная ошибка – это то, что я не верил в тебя еще больше с самого первого момента в Сьерра–Маэстра, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни, и, будучи рядом с тобой, я ощущал гордость от того, что я принадлежал нашему народу в самые яркие и трудные дни Карибского кризиса.

Редко когда твой талант государственного деятеля проявлялся так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что я последовал за тобой без колебаний, что я мыслил так же, как ты, так же видел и так же оценивал опасности и принципы. Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставания.

Знай, что при этом я испытываю одновременно радость и горе, я оставляю здесь самые светлые свои надежды созидателя и самых дорогих мне людей <…> Я оставляю здесь народ, который принял меня, как сына, и это причиняет боль моей душе. Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня

вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что я выполняю самый священный свой долг – бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и сторицей излечивает всякую боль.

Я еще раз говорю, что снимаю с Кубы всякую ответственность, за исключением ответственности, связанной с ее примером. И если мой последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе и в особенности о тебе. Я благодарю тебя за твои уроки и твой пример, и я постараюсь остаться верным им до конца. Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы я ни находился, я буду чувствовать свою ответственность как кубинский революционер и буду действовать как таковой. Я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование.

Я мог бы сказать еще многое тебе и нашему народу, но я чувствую, что это не нужно; словами не выразить всего того, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Пусть всегда будет победа! Родина или смерть!
Тебя обнимает со всем революционным пылом Че».

Закончив читать письмо Че Гевары, Фидель, дождавшись, когда стихнут оглушительные аплодисменты, произнес: «Для тех, кто говорит о революционерах, для тех, кто считает революционеров людьми холодными, нечувствительными, людьми без сердца, – пусть для них это письмо послужит примером тех чувств, того благородства и чистоты, которые могут скрываться в душе революционера …

Это было не единственное письмо. Вместе с ним для этого же момента, когда это письмо будет оглашено, нам были оставлены другие прощальные письма для товарищей и, кроме того, как говорится здесь, «моим детям» и «моим родителям»: это письма, написанные специально для его детей и его родителей. Эти письма мы передадим товарищам и родственникам, чтобы они принесли их в дар революции, потому что мы считаем, что эти документы достойны того, чтобы сохранить их для истории.

Мы полагаем, что этим объяснено всё – всё то, что мы должны были объяснить. Об остальном же пусть заботятся наши враги. У нас здесь достаточно задач, достаточно вопросов, которые нужно решить как в нашей стране, так и в отношении всего мира; достаточно обязанностей, которые мы должны

выполнить и которые мы выполним»[496].

Пройдет время, и мир узнает содержание не менее трогательных писем Че Гевары его близким. Своим родителям, «дорогим старикам», он написал, что вновь чувствует «своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи», пускается в путь. Он называл себя «искателем приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту», писал, что очень любил своих родителей, «только не умел выразить свою любовь», просил их вспоминать его, «скромного кондотьера XX века». Своим пятерым детям он писал, что «действовал согласно своим взглядам и жил согласно своим убеждениям», просил их научиться глубоко чувствовать любую несправедливость, кого бы она ни касалась.

1 ноября 1965 года Че получил от кубинских товарищей в Танзании депешу, в которой сообщалось, что власти этой страны после консультаций с представителями ряда стран Африки решили отказать в помощи конголезским повстанцам и кубинский отряд должен покинуть Конго. А через несколько дней пришло письмо от Фиделя. Главнокомандующий предлагал Че самому принять решение, продолжать ли борьбу в Африке. В отличие от Че, который воспринял решение танзанийцев крайне болезненно, Фидель был более спокоен: он понимал, что предпосылок для развертывания революционного движения в Африке нет.

Че покидал Танзанию тайно, скрывая свое лицо в течение шести часов полета. Рядом с его адъютантом сидел офицер занзибарской армии, поклонник Че Гевары, который весь полет с восхищением говорил о команданте, не зная, что тот сидит в метре от него.

Конголезская эпопея закончилась если не провалом самой экспедиции, то крахом иллюзий и разочарованием Че. В марте 1966 года он из Африки поехал в Чехословакию, в Прагу, где находился нелегально. Он копил силы для новой экспедиции – в Боливию, самую нищую страну латиноамериканского континента, единственную, не имевшую выхода к морю. Че Гевара, искренне веривший, что «вся Латинская Америка беременна революцией», расценивал эту экспедицию как прелюдию к большой партизанской войне, которая должна охватить весь континент.

Но, как выяснилось после гибели Че, в Боливии его уже «ждали». План уничтожения его отряда под кодовым названием «Операция Синтия» утвердили лично президент США Джонсон и директор ЦРУ Хелмс.

Фидель Кастро был категорически против того, чтобы Че Гевара ехал в Боливию, и стал уговаривать его вернуться на Кубу.

«Он всегда относился ко мне с любовью и уважением и почитал мои указания. Очень редко мне приходилось запрещать ему что–то делать <…> Я написал достаточно серьезное письмо. Я его убеждал, чтобы он вернулся, это было самое правильное, что он мог тогда сделать. Я не приказывал ему, я просто его уговаривал вернуться, чтобы подготовиться к революции в Боливии. Никто его не узнал в течение всей поездки (Че изменил внешность. – *М. М.)*. Он вернулся в июле 1966 года <…> Когда он приехал, я сказал товарищам, которые его знали, что хочу их познакомить с одним интересным человеком. Мы завтракали вместе, и никто его не узнал. Он потом отправился в одно место недалеко от Гаваны, где тренировался с пятнадцатью товарищами, которые потом должны были его сопровождать в Боливию. Он отобрал самых лучших людей. Тогда это были его последние встречи с женой и детьми. Там я его часто навещал»[497], – рассказывал Фидель Кастро.

Но почему Че Гевара выбрал именно Боливию? Гораздо лучше для его целей подошла бы Центральная Америка, где кубинцы могли оказать отряду поддержку.

Уже после гибели Че Гевары начальник разведки Кубы Мануэль Пинейро говорил советским коллегам: «Боливию намечалось использовать в качестве первоначального очага партизанского движения с последующим развитием военных операций в Бразилии, Парагвае, Аргентине. Главный удар партизаны Гевары должны были нанести в Аргентине. Боливия же была избрана как удобное место для накапливания сил и как исходный пункт для развертывания этих операций»[498].

В Боливию вместе с Че отправились 17 кубинцев, всем им не было еще и 35 лет. Несмотря на то, что костяк отряда составляли боливийцы, Че удалось создать весьма сильный партизанский отряд. Он был убежден, что группы в 30—50 человек достаточно, чтобы начать вооруженную борьбу в любой стране Латинской Америки. Главное – найти местность, где больше всего попираются принципы справедливости и ущемляются права крестьян. Он всерьез полагал, что горстка повстанцев быстро измотает правительственные войска, а затем при народной поддержке возьмет власть в свои руки.

23 октября 1966 года Эрнесто Гевара покинул Кубу.

О провальной боливийской эпопее достаточно подробно написано в книгах, посвященных Че. Напомним вкратце некоторые детали.

Наученные горьким опытом североамериканские агенты при активном содействии армии президента Боливии Рене Баррьентоса встретили отряд Че во всеоружии. Они раскинули в

этой стране мощную сеть информаторов и практически полностью контролировали все перемещения отряда. Велели всем владельцам аптек сообщать о всех покупках лекарств от астмы.

Внутри боливийских оппозиционных сил были свои проблемы: лидеры боливийской компартии Марио Монхе и Моисеса Гивара постоянно конфликтовали. Че так и не удалось примирить их. Кроме того, Монхе, направивший много бойцов в отряд Че Гевары, требовал для себя больше властных полномочий, но не имел достаточного военного опыта.

В декабре 1966 года Марио Монхе, его помощник Хорхе Колье и лидер боливийского рабочего движения Хуан Лечина прибыли на Кубу. Фидель объяснил им, как можно помочь Че. И они обещали Кастро выполнить его просьбу. Но по возвращении в Боливию между Монхе и Че состоялся нелицеприятный разговор. «Ты выбрал для партизанской войны зону, где никто не встанет на твою сторону. Ты совсем не знаешь здешних крестьян. Они не пойдут за чужестранцами», – сказал Марио Монхе. «Ты уверен, что нас всех перестреляют?» – спросил Че. «Убежден в этом, – ответил Монхе. – Та армия, которую ты считаешь никчемной, разобьет вас»[499].

Из попыток объединить и организовать местных крестьян и коммунистов ничего не вышло. Крестьяне доносили спецслужбам о передвижении отряда Че. Один из них, в конце концов, и указал его местонахождение. Ему было 39 лет.

В начале октября 1967 года 17 партизан были окружены спецназовцами в ущелье Эль–Юро. Че был ранен в ногу и попал в плен.

Фидель так вспоминал о боливийской эпопее Че Гевары: «Когда началась партизанская война, Че столкнулся с теми же трудностями, что и мы в горах. Остановишься отдохнуть – можешь попасть в засаду врага. <… >

Че не был человеком, который просто так мог сдаться, но пуля врага повредила его винтовку, и они, подойдя слишком близко к нему, ранили его. Раненого и без винтовки, его схватили и доставили в ближайшую деревню, Ла–Игье–ра. На следующий день, 9 октября 1967 года, в полдень, его казнили. Че никогда ничего не боялся <…> Знаете, еще до того, как попасть в плен, он принес себя в жертву. У него просто не было выбора. Он был человеком, который борется до последней пули, и он всегда смотрел спокойно в глаза смерти.

<…> Хотя я понимал те условия, в которых ему пришлось сражаться, ту опасность, с которой ему пришлось столкнуться, его смерть мне казалась чем–то нереальным, я не мог очень долго привыкнуть к мысли, что его нет. Есть люди, которые для кого–то

не могут умереть; они ощущают их присутствие настолько сильно, что просто не могут заставить себя поверить в то, что этот человек умер. Из–за этого морального присутствия мы помним о наших ушедших товарищах. Мы, не только я, но и весь кубинский народ с трудом и болью восприняли весть о его смерти»[500].

Мексиканский исследователь Хосе Кастанеда так писал о последних минутах жизни Че: «Все имеющиеся материалы единодушно и однозначно подтверждают: власти Боливии решили ликвидировать Че Гевару – и чем скорее, тем лучше. Еще до полудня (8 октября) приказ об этом ушел из столицы в Ла–Игьеру, и полковник Сентено назначил солдат, которые должны были его исполнить. Сначала были сделаны фотографии, потом исполнители бросили жребий, павший на лейтенанта Марио Терана – именно ему предстояло прикончить всклокоченного, хромого, глубоко подавленного, но отнюдь не покорившегося человека.

После нескольких «фальстартов», нескольких больших глотков виски и призывов Че не тянуть лейтенант всадил полдесятка пуль в тело команданте: одна из них, попавшая в сердце, оказалась смертельной. Последние его слова, если верить полковнику Арнальдо Сауседе Параде, начальнику разведки Восьмой дивизии, которому было поручено представить официальный отчет о том, как ушел из жизни Эр–несто Че Гевара, были: «Знаю, что вы собираетесь расстрелять меня; странно, что не убили на месте. Передайте Фиделю – моя неудача не означает, что революция кончена, она победит где–нибудь в другом месте. Алейде (жене) скажите, чтоб поскорее забыла меня, вышла замуж, была бы счастлива и чтоб дала детям образование. Солдаты пусть целятся как следует». Его тело было привязано к «лыже» вертолета и доставлено в Вильягранде, а там обмыто и выставлено в прачечной госпиталя Пречистой Девы Мальтийской»[501].

Гевара был похоронен в форме без знаков отличия вместе с тремя другими повстанцами из его группы рядом со взлетной полосой аэропорта Вильягранде.

Президент Боливии Баррьентос опасался, что кубинцы «выкрадут тело» и сделают его предметом поклонения. Поэтому были запущены разные слухи: один о том, что он был убит в бою, другой – что его тело уничтожено.

Однако, скрыв тело, правительству Боливии пришлось задуматься о том, как заставить поверить весь мир в то, что убитый был действительно Че Геварой. Баррьентос хотел отдать приказ отрезать голову Гевары и отослать ее на Кубу. Но против этого категорически высказались североамериканцы. Перед

поспешным погребением у Эрнесто Че Гева–ры были отрезаны кисти рук и помещены в сосуд с формалином для хранения вместе с другими личными предметами и дневником.

Над кистями рук и над дневником работали три аргентинских эксперта, выполнявших секретную миссию. Двое, Пелликари и Дельгадо, сравнивали отпечатки пальцев. Кожа на руках Че Гевары практически не сохранилась, и пальцы, по признанию экспертов, «были похожи на ссохшийся виноград». Экспертам пришлось воспользоваться очень сложным методом, который заключался в том, чтобы прикладывать палец к фотопленке и фотографировать. Таким образом они смогли получить надежный результат. «Это были руки Че», – заявили эксперты, к тому времени получившие аналогичное подтверждение от почерковеда, исследовавшего дневниковые записи команданте[502].

15 октября Фидель Кастро выступил по телевидению и радио. Он подтвердил факт гибели Че Гевары и объявил тридцатидневный траур на Кубе, а 9 октября провозгласил Днем героического партизана.

Летом 1968 года Фидель сделал сенсационное заявление: кисти рук, посмертная маска Че и его «Боливийский дневник» похищены «неким доброжелателем». В том же году дневник оказался на Кубе. Руководство страны, убедившись в подлинности дневника, решило издать его большим тиражом для бесплатного распространения среди кубинцев, а затем безвозмездно передать зарубежным издательствам копию дневника для его публикации в других странах. Выступая по гаванскому телевидению, Фидель Кастро продемонстрировал кубинцам фотокопии дневника Че, а также других документов, захваченных боливийскими властями при его пленении.

Впоследствии Фидель назвал имя «загадочного доброжелателя», переправившего дневник Че в Гавану. Им оказался боливийский министр внутренних дел Антонио Аргедес. Он был странной личностью – агентом ЦРУ, симпатизировавшим кубинской революции и считавшим своей целью «не позволить империализму Соединенных Штатов подделать или извратить дневник Че Гевары». После смерти Че Гевары Аргедес бежал из Боливии в Чили, затем «удивительным образом» переместился в Лондон, где его допросили агенты британских и американских спецслужб. Из Англии он отправился в США, а затем был доставлен в Боливию, где предстал перед судом[503].

К тому времени дневник Че с предисловием Фиделя Кастро уже был опубликован на Кубе. Хотя у Фиделя не было сомнений в его подлинности, вся информация, содержавшаяся в дневнике,

его фотокопии, полученные от Аргедеса, были подвергнуты тщательной экспертизе. А расшифровка записей Че, порой неразборчивых, которые он делал под пулями и впопыхах, была поручена жене Че – Алейде Марч и трем кубинцам, единственным выжившим участникам боливийской экспедиции – Дариэлю Аларкону, Леонардо Тамайо и Гарри Вильегасу.

Раздача в кубинских магазинах дневника Че Гевары вызвала настоящий ажиотаж, особенно когда поначалу он выдавался как бесплатное приложение к одному из кубинских журналов. В стране началась необычайная по масштабу кампания прославления Че как героя, который стал примером не только для революционеров Латинской Америки, но и Азии, Африки и даже Европы. Кубинское руководство спешило с публикацией дневника Че Гевары. В целом его записи были выдержаны в пессимистическом духе, и Фидель Кастро полагал, что если бы дневник был напечатан на Западе раньше, чем на Кубе, то он послужил бы поводом для появления пропагандистских статей о крахе партизанского движения в Латинской Америке. Поэтому он решил формировать общественное мнение.

«Поскольку в этом дневнике содержится много упоминаний о кубинской революции и ее взаимоотношениях с партизанским движением, – говорил Фидель, – кое–кто попробует истолковать нашу публикацию как провокацию, которая может предоставить дополнительные аргументы врагам революции, империалистам янки и их союзникам, латиноамериканским олигархам, утвердить их в намерениях блокады, изоляции и актах агрессии против Кубы»[504].

Руки Че Гевары, которые были ампутированы через три дня после его гибели, то есть 11 октября 1967 года, попали на Кубу в январе 1970 года. Фидель Кастро предложил выставить стеклянную урну с заспиртованными руками Че и его посмертную маску в музее на площади Революции. Но ни тогда, ни в последующие годы этот мемориал так и не был открыт. Автор книги «Руки Че» Густаво Санчес говорит, что Фидель Кастро отказался от этой идеи после того, как большинство членов кубинского политбюро заявили, что «выставлять ампутированные руки на всеобщее обозрение неэтично». По утверждению этого автора, сейчас руки Че находятся в Центре медицинских исследований Гаваны[505].

Место захоронения Че Гевары долгое время оставалось тайной и было темой разного рода спекуляций. Только в ноябре 1995 года его указал отставной боливийский генерал Марио Варгас Салинас, который в 1967 году принимал участие в уничтожении отряда Че. И лишь в июне 1997 года аргентинским

и кубинским ученым удалось найти и опознать останки легендарного команданте. Останки его были перевезены на Кубу и 17 октября 1997 года с почестями захоронены в мавзолее города Санта–Клара, где к тому времени была установлена шестиметровая статуя Че.

«Что он оставил? – размышлял Фидель Кастро. – Я думаю, что самое главное – это его моральные заслуги. Че символизировал наиболее высокие проявления человеческих чувств, поразительный пример. Мне кажется, что у него какой–то мистический ореол. Я его очень уважал и ценил»[506].

Кто только за эти годы не пытался высказаться о дружбе Фиделя и Че, и какие только версии не выдвигались по поводу того, что было бы, «если бы Че был жив».

Бывший сподвижник Фиделя Кастро и Че Гевары Даниэль Аларкон Рамирес, который под псевдонимом «Бенигно» участвовал в боливийской экспедиции, считает, что, если бы Че Гевара остался жив, он, безусловно, разошелся бы с Фиделем или же Фидель нашел бы способ от него отделаться. Об этом он заявил в 1997 году на презентации в Мадриде своей книги «Воспоминания кубинского бойца. Жизнь и смерть революции»[507].

Говорили даже, что Фидель Кастро якобы имел возможность спасти своего соратника, проведя десантную операцию для эвакуации Че, когда стало ясно, что отряд его разгромлен. Но не решился на это[508].

Рассуждения на эту тему являются всего лишь спекуляцией. Было бы безумием попытаться тайно, преодолев воздушное пространство четырех стран, перебросить с Острова свободы в боливийские джунгли, «нашпигованные» местными и американскими рейнджерами, группу кубинских спецназовцев для спасения Че. Тем более, не зная, в каком конкретно районе он со своими бойцами находится.

Автор книги о Фиделе Кастро Тед Шульц пишет: «Че Ге–вара был очень умный человек, гораздо умнее Фиделя Кастро. Фидель больше кукловод, шахматист, военный командир. В чисто интеллектуальном плане, по–моему, Че был на голову выше. Я думаю, только двоих Фидель не мог бы принести в жертву: любовь всей своей жизни, Селию Санчес, и Че Гевару до разрыва с ним»[509].

Но все эти рассуждения о том, что Че Гевара мог бы конкурировать с Кастро за власть на Кубе, беспочвенны. Во–первых, аргентинцу, хотя и герою кубинской революции, никогда бы не удалось стать «первым человеком на Кубе». Во–вторых, Че действительно тяготился руководящей работой, не собирался

оседать на Кубе, считая своим домом всю Латинскую Америку, а помощь униженным и обездоленным своим моральным долгом. Че Гевара, образно говоря, никогда бы не остался «доживать свой век» седым дедушкой на Острове свободы, почивая на лаврах революционной славы. И, наконец, самое главное. Критики Кастро забывают о том глубоком уважении и степени доверия, которые испытывали Че и Фидель друг к другу. Как справедливо заметил профессор В. Н. Миронов: «Фидель и Че, как два лидера революции, являли собой, по сути, нечто целое. Преданность Че Фиделю была абсолютной. Их дружбу можно выразить лишь словами Ленина, сказанными о дружбе Маркса и Энгельса: отношения между Фиделем и Че „превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе“. Каждый чувствовал другого как самого себя»[510].

Анастас Микоян рассказывал Иосифу Григулевичу (Л. Лаврецкий) об отношениях Че Гевары и Фиделя Кастро: «Мы много раз бывали вместе, иногда только втроем, не считая переводчика. Поэтому у меня была возможность оценить их какую–то особую дружбу, проникнутую абсолютным доверием и взаимопониманием. Характерами эти два кубинских революционера различаются заметно. Но темпераментный, горячий, увлекающийся Фидель и, казалось бы, хладнокровный, спокойный Че прекрасно ладили друг с другом, ценили друг друга, в том числе, быть может, как раз и те качества, которые отличали их друг от друга»[511].

Фидель постоянно помнит о Че. Даже в те минуты, когда борется за жизнь после тяжелейшей операции. 9 октября 2007 года на открытии церемонии в Санта–Кларе, посвященной памяти Че Гевары, Рауль Кастро зачитал послание от Фиделя: «Я приостанавливаю свою каждодневную битву, чтобы преклонить голову, с уважением и благодарностью, перед выдающимся бойцом, который пал 40 лет назад».

«Я благодарю его за то, что он попытался и не смог сделать в своей родной стране, потому что он был словно цветок, преждевременно сорванный со стебля, – вспоминал Фидель Кастро. – <… > Он оставил нам свою уникальную манеру записывать – элегантно, лаконично и правдиво – каждую деталь того, что мелькало в его мозгу. Он был избранником, но он не знал этого. Он сражается с нами и за нас»[512].

Образ Эрнесто Че Гевары сегодня на Кубе считается настоящей иконой. Его портретов на улицах кубинских городов, пожалуй, не меньше, чем портретов «апостола» кубинской революции Хосе Марти. Время превратило имя Че в миф и подшутило над ним – знаменитое фото Че в черной беретке со

звездой, изображение человека, который всю жизнь боролся против засилья материального и власти денег, давно стало одним из самых «ходовых» сувенирных товаров в мире.

Глава тринадцатая
НА ГРАНИ РАЗРЫВА С МОСКВОЙ. «БЛИЖНИЙ КРУГ» ФИДЕЛЯ

К концу 1960–х годов Фидель Кастро в своей внешнеполитической деятельности старался сохранять независимость как от СССР, так и от Китая. В Москве знали о том, что Фиделю импонирует убеждение Пекина в том, что вооруженная борьба является единственно правильной стратегией революционеров. В 1966 году Фидель Кастро заявил на очередном съезде ЦК КПСС, что Куба будет оказывать поддержку латиноамериканским коммунистам, готовящим революцию в своих странах.

В январе 1966 года на Кубе состоялась «„Конференция трех континентов“ (Азии, Африки, Латинской Америки), участники которой высказались в поддержку революционной партизанской войны в Латинской Америке. Делегаты стран этого континента создали на этой конференции Организацию латиноамериканской солидарности (ОЛАС), которая провела свою первую конференцию в Гаване в августе 1967 года. Фидель Кастро созвал ее в надежде возродить свои революционные идеи. ОЛАС одобрила стратегию партизанской войны в регионе. Кастро надеялся получить помощь и поддержку от левых радикалов из западных стран, борющихся в рядах различных организаций и освободительных фронтов. В этой конференции принимали участие даже представители американских „Черных пантер“. Однако Фидель не мог не понимать, что Москве не понравится идея разжигания партизанских очагов, а лишаться советской льготной помощи, которая все больше делала кубинскую экономику зависимой от СССР, не хотел. В итоге на конференции он уступил воле Москвы и неожиданно для многих признал возможность прихода к власти ненасильственным путем. Тогда же он резко осудил маоизм.

Это означало, что Фидель Кастро старается найти новый политический курс, который должен был позволить ему частично восстановить престиж хотя бы среди своих сторонников в Южной Америке и боевых соратников.

В действительности мало кто в Латинской Америке хотел воевать и «увязать в революциях». На призыв Кастро не откликнулись партии и организации, тесно связанные с Москвой, а самое главное – обладающие авторитетом и финансовыми

возможностями. На него отозвались лишь партизанские группы, отколовшиеся от традиционных партий и ведущие самостоятельную борьбу в Латинской Америке под лозунгами свободы и независимости. Кастро, сделавший ставку на подобные организации в Венесуэле, Колумбии, Боливии, на студентов и радикалов в Южной Америке, вскоре убедился, что они не «делают погоды в своих странах». Действуют скорее в силу обстоятельств и из протеста, нежели по «осознанному убеждению». Да и выступают против всех правительств, порой не разбирая, какое из них авторитарное, а какое избрано демократическим путем.

Масла в огонь подлила встреча представителей компартий разных стран, состоявшаяся в Праге летом 1967 года, во время которой аргентинцы резко критиковали политику Кубы и Фиделя Кастро, что дало последнему повод для разговоров о «международном заговоре» против его страны. Фидель, как и Че, испытывал неприязнь к аргентинской компартии за ее консервативные взгляды. Отношения кубинской компартии с братскими партиями, за которыми к тому времени прочно стояла Москва, становились все напряженнее. В декабре 1967 года Фидель отказался послать делегацию кубинских коммунистов на консультативную встречу представителей коммунистических и рабочих партий в Будапеште, мотивируя свое решение тем, что по итогам этой встречи все равно будут приняты заранее подготовленные тенденциозные решения.

Более продуманной была политика Кастро в отношении не партий, а государств Восточного полушария. Фидель стремился сохранить хорошие отношения со всеми западноевропейскими странами, особенно с Великобританией, Испанией, Италией, Францией – то есть теми, от которых Куба получала сырье, необходимое ей для развития экономики. За это сырье правительство Фиделя Кастро, кстати, всегда скрупулезно и в сроки платило твердой валютой. Некоторые кубинские руководители считали необходимым развивать торговлю со странами Западной Европы, чтобы тем самым уменьшить свою зависимость от социалистических стран. Связи с капиталистическими странами были выгодны Кубе еще и потому, что произведенная в них техника превосходила по своему качеству «социалистические аналоги».

В Азии Куба старалась укрепить свои отношения с Северной Кореей. Фидель Кастро полагал, что ось Гавана– Пхеньян позволила бы и Кубе, и Северной Корее проводить свою самостоятельную политику. К этому были все предпосылки. У КНДР и Кубы почти полностью совпадали взгляды на развитие

революционного движения, в особенности их сблизила непримиримая позиция в отношении «агрессивной политики» Соединенных Штатов. Впрочем, одно весьма существенное разногласие у двух стран все же имелось. Северные корейцы никогда не критиковали СССР, в отличие от кубинского руководства.

Расширяла свое влияние Куба и в Африке. Помимо обычных торгово–экономических связей, Гавана, как уже говорилось, послала в Конго (Браззавиль) своих военных инструкторов оказывать техническую помощь вооруженным силам этой страны. Большие надежды Фидель Кастро возлагал на неприсоединившиеся страны, с которыми у Кубы были заключены торговые договоры и соглашения о сотрудничестве в различных областях деятельности.

Москва оперативно ответила на «излишнюю самостоятельность» и активность Кастро на внешнеполитическом направлении – приостановила ввоз сырья и товаров на Кубу.

Но Фидель, похоже, был готов к такой реакции Кремля.

Во второй половине 1967 года советские специалисты, работавшие на Кубе, почувствовали охлаждение со стороны кубинцев. В июле 1967 года ощутил это на себе и прибывший туда с визитом председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. В СССР, напротив, пытались скрыть от народа разногласия с Кубой, зная о том, что часть советских людей была недовольна большими объемами помощи, которую Москва оказывала Гаване. Во время своей поездки Алексей Косыгин предупредил Фиделя Кастро о том, что Советский Союз не в состоянии увеличить размеры помощи Кубе.

Диалог Кастро и Косыгина о перспективах революционного движения в Латинской Америке походил на «разговор глухих», так как Гавана и Москва придерживались диаметрально противоположных точек зрения в этих вопросах. Для Алексея Косыгина приоритетом было развитие народного хозяйства в мирных условиях, в «обюрократившемся», по мнению кубинцев, государстве. Фиделю Кастро была по душе «революция в действии», которая должна была победоносно пронестись по всему латиноамериканскому континенту, а потом по североамериканскому. К тому же кубинцев не устраивали политические договоренности и подписанные соглашения Москвы и Вашингтона.

Кубинцы выражали недовольство позицией Советского Союза в конфликте между арабскими странами и Израилем, считая, что СССР не оказал арабам должной помощи, чем способствовал израильской агрессии. Фидель Кастро в беседе со студентами

Гаванского университета подверг критике членов Совета Безопасности ООН, предложивших прекратить военные действия без осуждения Израиля. Вместе с тем многие кубинские военные считали, что причина поражения арабов заключается в плохой подготовке их армии.

В конце 1967 года отношения между Москвой и Гаваной обострились как никогда. Фидель объяснял это серией «внешнеполитических ошибок» СССР, начало которым положили Карибский кризис и конфликты во Вьетнаме и на Ближнем Востоке.

В декабре 1967 года Куба ощутила дефицит бензина. У бензоколонок с утра выстраивались огромные очереди. Был введен лимит расходования горючего. «На прикол» были вынуждены стать не только частные автомобили, но и общественный транспорт – единственное средство передвижения для большинства кубинцев. Люди недобрым словом поминали СССР: дескать, он специально задерживает поставки нефти, чтобы оказать влияние на Кубу.

На самом деле трудности возникли не только из–за недопоставок нефти, но и в связи с тем, что вышли из строя две установки на нефтеперегонном заводе, и с большим расходом горючего на полях и стройках страны.

А в начале 1968 года Кастро буквально шокировал Кремль. 2 февраля он обвинил Советский Союз в сдерживании темпов индустриализации Кубы. Как следствие, на Кубе стали распространяться листовки с призывами порвать отношения с СССР и впервые за всю историю революции на стенах домов, учреждений и учебных заведений, казарм, в общественных туалетах появились грубые надписи, направленные лично против Фиделя. Граждане выражали недовольство многочисленными провалами кубинских планов на континенте, большими расходами на «экспорт революции», в то время как экономика Кубы находилась в тяжелом положении.

Фидель Кастро столкнулся с такой волной внешней и внутренней критики, что прекратил общение с иностранными журналистами, чтобы не накалять обстановку и не выступать в роли оправдывающегося. Но это вовсе не означало, что он утрачивает контроль. Опираясь на широко разветвленную сеть комитетов в защиту революции, народную милицию и преданных людей в своем окружении и в армии, он мог подавить любые попытки отстранить его от власти.

В конце 1967–го – начале 1968 года на Кубе был дан ход так называемому «делу микрофракции» в кубинской компартии. Ее разгром привел к окончательному оформлению режима

единоличного правления Фиделя Кастро.

Любопытно, что в сборниках речей Фиделя Кастро, издававшихся в Советском Союзе, отсутствуют его выступления этого периода. Они не печатались по причине того, что слишком уж рассержен был в это время кубинский лидер на Москву. И упреки в адрес Советского Союза звучали практически в каждой из его речей.

В них было один и тот же «главный фигурант» – Анибал Эскаланте, вокруг которого стали опять сплачиваться «старые коммунисты», недовольные единоначалием Фиделя Кастро. Эскаланте тогда не занимал никаких постов ни в компартии, ни во властных структурах. Он, скорее по инерции, пытался объединить вокруг себя партийцев, недовольных Фиделем. Встречи советских представителей с «микрофракционерами» проходили чуть ли не тайно, на так называемой конфиденциальной основе, что, по мнению кубинского руководства, было неприемлемо для отношений между братскими странами.

Фиделю Кастро стали приносить расшифровки записей бесед «некоторых советских с некоторыми партийцами». В одной из них, как будто невзначай, упоминалось о том, что, дескать, Фиделя неплохо сменить, а на его место посадить Рауля… Фидель, естественно, разгневался и вызвал в ЦК КП Кубы большую группу «микрофракционеров». Он заявил им, что «они заблуждаются, многого не знают и потому не в состоянии правильно и сколь–нибудь аргументированно судить о политической линии кубинского правительства и советско–кубинских отношениях»[513].

Но на некоторых товарищей его критика не подействовала, они продолжили вести «крамольные» разговоры. Тогда Кастро прибег к арестам.

Для расследования фракционной деятельности была создана партийная комиссия в составе 30 человек, в состав которой вошли как «старые», так и «молодые» коммунисты. В течение четырех месяцев члены комиссии изучали материалы, беседовали с членами фракции и с их семьями. Причем за работой комиссии следил лично Фидель Кастро.

Материалы предварительного следствия показали, что эта фракционная группа представляет «серьезную опасность не только для кубинской революции, но и для отношений между Кубой и Советским Союзом и другими социалистическими странами, так как фракционеры направляли тенденциозную информацию в эти страны». Большинство арестованных высказывали недовольство политикой правительства и обвиняли

Фиделя Кастро в умышленном ухудшении кубино–советских отношений. «Старый» партиец Блас Рока сказал, что «большинство членов „микрофракции“ сами виноваты в происшедшем, поскольку они занимались деятельностью, которая подлежит наказанию в любом государстве или в любой партии. Конечно, добавил он, вопрос о том, какому наказанию они должны быть подвергнуты, может решаться по–разному»[514].

В донесении советской резидентуры в Москву сообщалось: «В доме Анибала Эскаланте обсуждались и „решались“ проблемы внутренней и внешней политики Кубы, раздавалась ничем не сдерживаемая критика „культа личности“ Фиделя Кастро. Об этом вскоре стало известно кубинскому руководству, в том числе и самому Фиделю, так как среди людей, приходивших в дом Эскаланте, были те, кто информировал обо всем этом органы госбезопасности. Поэтому можно считать, вся деятельность „микрофракции“ находилась под полным контролем кубинской контрразведки»[515].

Около 200 арестованных деятелей НСП, включая Окта–вио Фернандо Роя, Кинделана, Эскалона и Кинтела, содержали в крепости Кабанья и здании бывшего католического университета. Анибал Эскаланте находился под домашним арестом.

30 января 1968 года в крепости Кабанья начал заседать революционный трибунал. Членов «микрофракции» обвинили в государственной измене. Почти всех их приговорили к разным срокам тюремного заключения за антипартийную деятельность, хотя некоторые особенно горячие головы из окружения Кастро, получив прекрасный повод доказать ему свою верность, требовали для них смертной казни. В феврале 1968 года на Кубе начался второй этап разоблачения «микрофракции». Выявлялись лица, которые имели какие–либо связи с членами «микрофракции» или высказывали мнения, сходные с их точкой зрения.

По указанию Рауля Кастро была создана специальная комиссия, которая занималась рассмотрением дел вышеупомянутых лиц. В аппарате ЦК КП Кубы, министерствах и других госучреждениях началась «чистка». Целью этой кампании было удаление из партийного и государственного аппарата людей, разделявших взгляды «микрофракционеров».

Правда, в начале 1969 года некоторым членам «микрофракции» был уменьшен срок тюремного заключения и смягчен режим. Анибал Эскаланте был изолирован в одном из сельскохозяйственных кооперативов – проходил курс «трудотерапии». Два раза в месяц его отпускали на свидание с престарелой больной матерью. Но теперь несостоявшийся лидер

«второй кубинской социалистической революции» впал в другую крайность. С таким же энтузиазмом, с каким он критиковал Фиделя, Эскаланте стал писать ему многостраничные покаянные письма. К началу 1970 года многие из микрофракционеров были освобождены досрочно.

Хороший урок преподал Фидель Кастро своему брату, который, волею некоторых «микрофракционеров», совершенно необоснованно оказался в центре самого крупного после революции политического скандала. Фидель временно отстранил Рауля Кастро от руководства революционными вооруженными силами, «командировав его на учебу». Но это не всё. Он обязал Рауля, известного своими симпатиями к СССР и советской модели социализма, выступить на январском 1968 года пленуме ЦК с докладом о «микрофракции». Доклад Рауля Кастро с перерывами длился 12 часов!

На этом пленуме Центральный комитет компартии Кубы открыто занял критическую позицию по отношению к Советскому Союзу. Фидель Кастро выдвинул лозунг «стать независимыми и опираться на собственные силы». А Рауль Кастро, совершенно неожиданно для Москвы, обвинил ряд работников посольств социалистических стран в связях с членами «микрофракции» и, следовательно, в ведении против Кубы подрывной работы.

Разоблачительное выступление в адрес СССР на январском пленуме было, по всей видимости, той ценой, которую

Рауль заплатил, чтобы вернуть доверие брата и приближенность к нему.

На этом пленуме Фидель Кастро убил сразу нескольких зайцев. Показал, что никто из тех, кто посмеет «перечить генеральной линии», не уйдет от ответа, будь он трижды заслуженный человек. Дал понять советскому руководству, что, несмотря на внушительную помощь со стороны Советского Союза, Куба никогда не согласится быть «послушным исполнителем» воли Москвы и не отдаст ни пяди своего суверенитета во имя чьих–то интересов. Январский пленум был нужен Фиделю Кастро еще и для того, чтобы отвлечь внимание кубинцев от провала попыток организации партизанского движения в странах Латинской Америки и создания там «множества вьетнамов». Наконец, он в очередной раз показал своим оппонентам, что его лучше не злить.

Именно с этого момента Фидель Кастро, разобравшийся с последними политическими противниками, не в руководстве Кубы – их там уже не было, а в партийных рядах, стал решать все вопросы единолично, предельно «персонифицировав» кубинскую власть. Он простил Рауля Кастро и полностью подчинил

вооруженные силы Кубы своему брату. Соратник Фиделя Кастро еще по Монкаде, бывший влиятельный заместитель министра РВС Хуан Альмейда был назначен министром строительства. Был заменен глава МВД – им стал Серхио дель Валье.

Серхио дель Валье во время учебы в Гаванском университете выступал против диктатуры Батисты, принадлежал к «Движению 26 июля». Одновременно был близок к НСП. Был соратником Фиделя Кастро по борьбе в горах Сьерра–Маэстра. После победы революции был назначен начальником штаба повстанческой армии, а затем начальником Генерального штаба революционных вооруженных сил Кубы. Этот скромный, простой, общительный человек относился дружественно к Советскому Союзу и являлся близким другом Рауля Кастро.

После январского 1968 года пленума ЦК КП Кубы внутри кубинского руководства была достигнута высокая степень политической однородности – все влиятельные кубинские деятели стали проводниками личной политики Фиделя Кастро и беспрекословно выполняли все его указания.

Но, как известно, режим, при котором на вершине власти оказывается «непогрешимый национальный лидер», рождает атмосферу угодничества, плебейского чинопочитания, желания во всем копировать правителя. Слепая вера в непогрешимость Фиделя доходила до абсурда. Мало кто хотел принимать решения и брать на себя ответственность, опасаясь, что может навлечь на себя его гнев.

Но кто же тогда мог хоть как–то влиять на Фиделя Кастро, мог что–то советовать ему? Кто, помимо брата и членов политбюро, входил к концу 1960–х годов в «ближний круг» команданте эн хэфэ? Ведь, как известно, короля играет свита.

В окружении Кастро, как и при любом правителе в мировой истории, к тому времени появились лица, которые боролись за сферы влияния в партийном и государственном аппарате. В условиях абсолютной политической однородности кубинской верхушки в конце 1960–х годов эти лица разделялись сугубо по личным привязанностям, скорее даже, по степени «доступа к Кастро». Среди них не было политических противников. Просто они имели возможность близко общаться с ним. Образно говоря, что–то сказать ему в приватной обстановке. Влиянием в широком понимании такое общение вряд ли могло быть. Скорее это было частичное или временное воздействие, к которому Кастро в лучшем случае прислушивался. Решать все вопросы он предпочитал сам.

Для Фиделя Кастро в его кадровой политике, в его отношениях с людьми главными были не родственные связи, не

положение в партийной или государственной иерархии. Главным была преданность людей делу революции и лично ему. Человек, который хоть раз обидел главнокомандующего или, упаси бог, даже не предал, а подвел его, сразу же вылетал с треском из «революционной обоймы». С годами Фидель сужал круг лиц, которые могли знать о самом сокровенном в жизни главнокомандующего – его здоровье и личной жизни. Со временем эти темы стали запретными на Кубе, а летом 2006 года, в послеоперационный период, информация о состоянии здоровья Фиделя и вовсе была переведена в разряд государственной тайны, за разглашение которой человек мог оказаться в тюрьме.

Когда с политической сцены исчезли практически все оппоненты Фиделя, определился «ближний круг» Кастро. Безусловно, особняком в нем стоял младший брат Рауль, который в силу занимаемой должности главы РВС Кубы оставался вторым, после ухода Че Гевары, человеком на Кубе.

Среди тех, кто имел непосредственный доступ к Фиделю, выделялись три человека. Это в первую очередь, как принято говорить, «главная женщина в жизни Фиделя Кастро», Селия Санчес Мандулей. Она занимала пост секретаря канцелярии президента республики и Совета министров Кубы и ведала всем в жизни главнокомандующего: от рабочего графика до подбора содержимого «чемоданчика» для его поездок за границу. Эта была связь, которую на Кубе, похоже, так и не поняли до сих пор. Известно, что Фидель мог довериться только ей. В доме Селии Санчес в престижном гаванском районе Ведадо он отдыхал от всех своих проблем. Ни до, ни после Селии Санчес в окружении Фиделя Кастро не было человека, который бы так «чувствовал» главнокомандующего.

В ближайшее окружение Фиделя Кастро входили также его личный врач и адъютант Рене Вайехо и министр образования Хосе Льянуса. Санчес и Вайехо были единственными людьми, которые знали, где именно находится в данный момент Фидель и каковы его планы. Рене Вайехо считали на острове «тенью Фиделя». В то время на Кубе говорили, что именно эти люди контролировали доступ к Кастро посетителей и документов. К ним были близки тогдашний министр иностранных дел Кубы Рауль Роа, в свое время исключенный из НСП, и непродолжительное время – известный кубинский публицист Карлос Франки, впоследствии эмигрировавший в США, и чье имя сегодня Фидель Кастро произносит с нескрываемым раздражением. А также соратники Кастро по Сьерра–Маэстра: члены политбюро ЦК КП Кубы Хуан Альмейда и Гильермо Гарсиа, а также до 1968 года глава МВД, участник экспедиции на

«Гранме» Рамиро Вальдес и министр внешней торговли Фернандес. Это были люди, фанатично преданные Кастро, стоявшие на националистических позициях. Именно Льянуса и Вальдес требовали применить к членам «микрофракции» высшую меру наказания.

С детских лет каждый кубинец, воспитывающийся на Острове свободы, проникается мыслью о «доброй фее, защитнице самых униженных и оскорбленных». Речь идет об образе Селии Санчес, который сложился на Кубе и стал легендой после ее смерти от рака 11 января 1980 года. Селию называли «самым прекрасным цветком кубинской революции». Она носила строгую одежду и часто появлялась на публике во френче «а–ля Мао Цзэдун». Ореол «революционной святости Селии Санчес» – один из самых стойких мифов кастровского режима.

Она родилась в городке Медиа–Луна в провинции Ори–енте 9 мая 1920 года в семье врача Мануэля Санчеса, где было восемь детей: шесть девочек и два мальчика. Гуманистические и политические искания Селии Санчес со временем пересекли границы ее маленького городка. Биографы Селии Санчес сходятся в том, что любившая риск и природу Селия была неудовлетворена той ролью, которое кубинское общество отводило женщине. Она чувствовала, что родилась для политики и решительных действий. Селия Санчес вступила в «Движение 26 июля», едва оно заявило о себе на равнине. И уже потом, после встречи с Фиделем Кастро в 1957 году и до 1980 года, она, по выражению одного журналиста, «не отходила от его тени ни на шаг». Селия Санчес во время войны входила в группу «Валькирии» (отряд женщин–партизан), где сражалась вместе с будущей женой Рауля Кастро Вильмой Эспин и Айде Сантамария. В революционном движении было много женщин. Но только Селия Санчес, боевая подруга и фактически неофициальная жена Кастро, имела, пожалуй, наиболее сильные рычаги влияния на ко–манданте эн хэфэ.

У нее был широко разветвленный личный аппарат, собиравший сведения о положении в стране, выявлявший политических противников режима. В биографической книге о Кастро Тед Шульц писал: «Селия была единственным человеком, который мог как–то влиять на Фиделя. Только она могла сказать ему: „Не делай этого!“ Говорят, что она была единственной женщиной, к мнению которой Кастро серьезно прислушивался»[516].

Для всей Кубы было загадкой, как такая хрупкая женщина получила столь существенное влияние на главнокомандующего. «Никто не мог противоречить, возражать „жеребцу“ (среди кубинцев в эти годы Кастро уже прочно утвердился под этим

прозвищем. – *М. М.),* за исключением Селии Сан–чес. Иногда она выговаривала ему что–то в такой форме, что он как мальчишка подчинялся ей», – признается человек, познакомившийся с Селией в 1959 году и под псевдонимом Хуан Вивес напечатавший статью об окружении Кастро (речь, видимо, идет об одном из бывших кубинских деятелей, уехавшем в эмиграцию и проживающем сейчас в Париже. По его словам, Селия Санчес была такой острой на язык, что только она могла возразить Фиделю и отбить охоту возражать ему у других)[517].

Селия Санчес носила золотую цепочку на правой лодыжке – знак того, что она является сантеро, последовательницей сантерии. Тем немногим, кто был посвящен в тайны Кастро, было известно, что Селия Санчес устраивает сеансы спиритизма, чтобы узнать будущее. Ходили слухи о ее «консультациях с духами». Напомним, что со времен рабства кубинцы с особым трепетом относились к разным обрядам и потусторонним силам.

Известно, что во время войны «барбудос» носили амулеты из морских ракушек и семян чудодейственных растений. Сам Фидель Кастро рассказывал бразильскому священнику, Фрею Бетто, что в Биране, где он в детстве жил, бедняки верили и в Бога, и в святых сантерии. «Многие верили также в духов, в привидения. Помню, маленьким я слышал сказки о духах, о привидениях, о призраках; все рассказывали сказки. Но, кроме того, верили в приметы. Я вспоминаю, что если петух пел три раза и никто ему не отвечал, то это могло быть признаком приближающегося несчастья. Если сова пролетала и кто–то слышал ее крик, то это тоже было к несчастью. Если солонка падала и разбивалась, это плохая примета, надо было поднять щепотку соли и бросить ее через левое плечо назад. Мир, в котором я родился, был примитивным, полным верований и предубеждений. Это было во многих семьях и в моем доме»[518].

Среди революционеров было немало последователей сан–терии – например, Хуан Альмейда, но он, в отличие от Се–лии Санчес, этого не афишировал. Удивительно, что она абсолютно не боялась этого, в то время как для других верить во что–то другое, кроме коммунизма, было сродни преступлению.

Личный доктор Фиделя Рене Вайехо, ежедневно осматривавший команданте эн хэфэ, был одной из тайн революции. Блестящий хирург и пульмонолог, он так же, как герои войны, носил звание команданте и так же, как и Селия, был приверженцем сантерии и, по утверждению Хуана Вивеса, который познакомился с ним в 1959 году, был палеро, то есть человеком не просто верующим в сантерию, но и практикующим ее.

В этом и состоит основное отличие между сантеро и па–леро: если первые, проще говоря, – «спиритисты», люди, общающиеся с духами, то вторые – друиды, знахари, практики. Причем не было никакого парадокса в том, что Сан–чес и Вайехо не были афрокубинцами. К тому времени сан–терию на острове практиковали не только негры, но и креолы, потомки испанцев. Один мой знакомый российский журналист попал в 1990–е годы в Гаване на прием к настоящей сантеро. Это была белая женщина, которая, покурив «чудодейственную траву», «выложила» ему все сведения о нем и его семье до третьего колена. Единственное, что нельзя предсказывать сантеро и сообщать об этом посетителю, – это трагедии, которые подстерегают его и членов его семьи. Тем сантеро, которые, как принято считать, сегодня оберегают Фиделя Кастро своей магией, запрещено упоминать его имя. О Фиделе, чтобы не сглазить, они не говорят даже в третьем лице, а предпочитают «говорить о нем» языком жестов, проводя по подбородку и как бы говоря тем самым о «барбудо» – «человеке с бородой». Сантерию считают «белой» афрорелигией. В сравнении со зловещим в представлении некоторых культом вуду, который практикуется на Гаити, сантерия имеет более мирный характер. Некоторые исследователи говорят, что вуду Гаити и Ямайки и сантерия – это одно и то же.

Ну а какое отношение имеет Фидель Кастро к санте–рии? – вправе наконец–то спросить читатель. Сам коман–данте эн хэфэ никогда не признавался в своей принадлежности к сантерии. Но, что важно, никогда не отвергал ее, даже когда научный атеизм был закреплен в уставе компартии. Можно добавить, что «отношение к сантерии», как и «личная жизнь», являются «закрытыми темами» при обсуждении личности Фиделя.

Малоизвестны две истории, которые на Кубе многие не выдадут и под пытками. Вальтерио Карбонет, который был другом детства Фиделя Кастро, как–то проговорился писателю Луису Агуэро, что бабушка Фиделя Кастро, близкая к сантерии, «заговорила» его при помощи чудодейственных обрядов, еще когда он находился в чреве матери. Его якобы сделали «святым Аягуном»[519] . В целом сантерия представляет собой сложный синтез христианских представлений о Боге и верований африканского пантеона Ориша. Во главе Ориша стоит бог грома и молнии Шанго, основными богами считаются бог–творец Олорун, или Олодумаре, ассоциируемый с христианским Богом Отцом, бог войны и железа Огун и др. На Кубе говорят, что Фиделю Кастро покровительствует лично один из самых сильных богов Ориша – Огун (Аягун).

Еще говорят, что, заговаривая Фиделя, приверженцы

сантерии хотели, чтобы он посвятил себя «Великой войне».

Все суждения на этот счет автор этой книги оставляет при себе, убедившись на своем примере в том, насколько серьезна эта тема, и оставив право сделать свои выводы самому читателю.

Но кто станет отрицать, что Фидель Кастро стал настоящим мужчиной–воином, выигравшим самую большую битву в истории своей страны – битву за ее свободу, и что судьба хранит его на протяжении всей его жизни?

Вторая история упоминается в нескольких источниках. Известно, что в возрасте шести лет Фидель Кастро очень тяжело заболел и было неясно, выживет ли он – настолько суровым был недуг, поразивший его. Официальные врачи провинции Ориенте, к которым обращались родные Фиделя, лишь разводили руками, бессильные помочь чем–либо этой семье. И тогда маленького Фиделя отвели к знахаркам, последовательницам культа сантерии, и они буквально воскресили мальчика. Говорят, что знахарки, обратившись к своим богам, узнали, что Фиделя ждет великая судьба.

В 1970–е годы Фидель побывал в Нигерии, на родине народности йоруба, где родилась религия сантеро. Некоторые источники утверждают, что он был посвящен в культ «Пало Монте». По возвращении Кастро из Нигерии вышла книга, в которой было фото Фиделя, одетого в белое (знак сантерии), с нигерийским лидером. Но эта книга потом таинственным образом исчезла, и далеко не каждый кубинец может вспомнить, существовала ли она вообще[520].

Кстати, в беседе с Фреем Бетто Фидель Кастро признался, что у него есть свое «магическое число» – это 26 – два раза по чертовой дюжине – 13. Он родился в 1926 году. Ему было 26 лет, когда он начал свою борьбу против Батисты. Кастро родился 13 – половина от двадцати шести – августа в два часа ночи. Ночь, по его словам, повлияла на его бунтарский характер и на его революционную деятельность. Сам Батиста пришел к власти в 1952 году. 52 – удвоенное от 26. 26 июля начался штурм Монкады. В названии рево люционного «Движения 26 июля» также присутствует эта цифра. Наконец, курить Фидель Кастро бросил 26 августа 1985 года! «Если подумать, то, пожалуй, число 26 имеет для меня тайный смысл»[521], – сказал Фидель.

Но вернемся к окружению Фиделя Кастро конца 1960–х годов. Вивес сообщает, что когда он в первый раз попал в святую святых дома Вайехо – комнату «Пало Монте», которая была названа так в честь одного из божеств сантерии, – то увидел там цветы, стаканы с водой и множество зажженных свечей.

Вайехо жил с двумя сестрами в так называемом Новом

Ведадо – престижном районе Гаваны, рядом с зоологическим парком. Личный врач Кастро был очень вежливым, приветливым, культурным человеком. Друзья привозили ему книги из Европы. Вайехо отлично, практически без акцента, говорил по–французски. Лица, знавшие его, отмечали высокую образованность, тонкий ум, глубокие познания в мировом искусстве. Вайехо не только выполнял обязанности врача команданте эн хэфэ, но и его сложные политические поручения. Было известно, что незадолго до убийства Джона Кеннеди он поддерживал контакты с неофициальными американскими эмиссарами – послом Атвудом и журналисткой Лизой Говард. Противостояние между двумя странами, апофеозом которого стал Карибский кризис, уже тогда начало порядком надоедать влиятельным людям в США. Говорили, что Вайехо с санкции Фиделя познакомился с рядом американских деловых людей, которые хотели возобновить свой бизнес на Кубе. Среди них были и представители династии Рокфеллеров. Рене Вайехо был знаком с Нельсоном Рокфеллером и, говорят, даже передавал ему с Кубы ром и сигары.

Но самым удивительным было то, что два самых близких к Кастро человека, оказывается, знали друг друга с детства. Рене Вайехо родился, как и Селия Санчес, в 1920 году и в том же городе. Муж его тети Никанор Мандулей Очоа являлся дядей Селии. Вайехо часто приходил в дом Санчес на воскресные обеды и хорошо знал Селию. Вместе с ней он посещал местный спиритический кружок, где получил статус палеро.

Выучившись на хирурга, он перед войной отправился в Европу, а во время Второй мировой был медиком в американской армии. Вернувшись на Кубу, он основал клинику милосердия «Ла Каридад» в их родном с Селией городе. Селия Санчес предложила Фиделю привлекать медиков в революцию и пользоваться местом, где могли проходить курс реабилитации раненные в боях в Сьерра–Маэстра. В своей клинике Вайехо организовал революционную ячейку из врачей, которые помогали повстанцам. Но когда батистов–ская охранка узнала, кому на самом деле помогает Рене Вайехо, он бежал в горы Сьерра–Маэстра, где присоединился к отряду Фиделя. Его стараниями в горах был развернут госпиталь, где лечили раненых. Он стал личным врачом Фиделя, одним из его наиболее доверенных лиц, и на Кубе его стали называть «тенью Кастро». В первый год революции Фидель Кастро назначил Вайехо на ответственную должность – уполномоченного ИНРА в своей родной провинции Ориенте.

Безусловно, среди соратников Фиделя были те, кому не нравилось его сближение с Вайехо. Старый коммунист Освальдо

Санчес попытался сделать так, чтобы Вайехо убрали от команданте эн хэфэ, так как, по его мнению, хирургия и работа на благо революции не были совместимы с сан–терией. К нему присоединился Мануэль Пинейро. Но когда Селия Санчес узнала об этом, то разразилась такой тирадой в адрес этих людей, что отбила у других всякую охоту выдвигать подобные обвинения в адрес Вайехо[522].

С Рене Вайехо связана одна мистическая история, которая, по утверждению Вивеса, произошла вскоре после революции. В руки личного врача Кастро попал талисман Фуль–хенсио Батисты – последователя сантерии. Это «Сьете райос» – «Семь лучей». Божок Батисты представлял собой туловище из металла, голову с рожками из кожи, с глазами–камушками и ртом из ракушек. Гадание по ракушкам – одна из основ сантерии.

Внутри божок был полый, потому что, согласно санте–рийским представлениям, «умиротворять» божество надо, наполнив его внутренности пожертвованиями – палочками, костями мертвых, кровью животных.

Первым владельцем божка был африканский колдун, вождь одного из племен йоруба, той самой народности, чьи верования легли в основу сантерии. Божок попал к испанским колонизаторам, вывозившим рабов из Африки в Южную Америку, а после войны за освобождение Кубы в конце XIX века к известному колдуну из города Тринидад. Потом он таинственным образом очутился у Эрмелиндо, брата Батисты, который являлся практикующим сантеро. Некая Мария, которая была крестной Батисты в сантерии, сказала, что божок будет защищать его и приносить удачу.

В 1950 году божок был уже в плохом состоянии, и Фуль–хенсио Батиста отправил своего брата в Бельгийское Конго, чтобы его талисман отреставрировали. В Африке местные колдуны привели божка в порядок, поменяли металлическую основу, но не тронули ракушки, браслеты и колье.

Тут настало время напомнить один примечательный эпизод. В 1957 году члены «Революционного директората» во главе с Хосе Эччеверия ворвались в президентский дворец и лишь чудом не схватили Батисту – он ушел через черный ход на верхние этажи. После этого пошли разговоры, что диктатор уцелел благодаря божку, который якобы «предупредил его». Действительно, тогда Батиста «разминулся со смертью» на несколько минут. В ночь на 1 января 1959 года Батиста бежал с Кубы, но не успел взять с собой талисман, висевший на входной двери его виллы в местечке Кугини. Повстанцы, среди которых были сантеристы, забрали драгоценный талисман диктатора с собой. Позже

Батиста, уже находясь в эмиграции, пытался через посредников вернуть себе свой талисман, предлагал за него сотни тысяч долларов – гигантскую сумму по тем временам. Но неизменно получал отказ. Божок был передан Рене Вайехо, знавшему его истинную цену и искавшему его. Говорят, что он выкупил его за большие деньги.

Незадолго до своей смерти в 1969 году Вайехо рассказал эту историю Хуану Вивесу и попросил его отвезти божка гаванским ремесленникам, чтобы те отреставрировали его. Через несколько дней после этого врачи определили у Вай–ехо опухоль головного мозга. Стадия заболевания была настолько критической, что врачи даже не отправили его в больницу, а привезли необходимую аппаратуру к нему домой. Спустя несколько дней Вайехо умер. Вивес утверждает, что, когда в 1979 году он рассказал эту историю Селии Санчес, она якобы была крайне удивлена и ответила ему, что Вайехо зря расстался с божком. Вивес сказал, что хочет отдать божка Селии Санчес перед тем, как уехать во Францию. Но она ответила, что «святые сантерии сказали, что ей осталось мало». А в 1980 году, уже находясь в Париже, Ви–вес узнал о смерти Селии Санчес от рака крови[523].

Но вернемся в конец 1960–х и продолжим рассказ о ближайшем окружении Кастро. Молодой и амбициозный министр образования, бывший мэр Гаваны Хосе Льянуса находился в хороших отношениях с Селией Санчес и Рене Вайехо. Кастро он нравился энергичностью и большой работоспособностью. На Кубе известна фраза Фиделя: «Дайте мне десять Льянус, и я переверну страну». У министра образования был довольно широкий участок работы: он владел ситуацией в среде учащейся молодежи всех возрастов – будущего Кубы, – а также контактировал с представителями интеллигенции и преподавателями, то есть с тем срезом общества, где часто рождаются прогрессивные и «вольные» мысли.

Особое положение занимал Мануэль Пинейро, ставший после победы революции начальником кубинской разведки, несмотря на то, что его родные братья жили в США и он был женат на американке. Хотя почти все его родственники проживали в США, Пинейро оказывал колоссальное влияние на формирование внешней политики Кубы. Имея в 1960 году в подчинении всего 30 человек, за несколько лет Пи–нейро превратил кубинскую разведку в самое эффективное силовое подразделение страны, обладающее разветвленной агентурой. Его люди были во многих кубинских учреждениях, а разведывательный аппарат поддерживал связи с различными революционными движениями за рубежом. Пинейро пользовался безграничным доверием

Фиделя Кастро и руководил всеми операциями по развертыванию партизанского движения в Латинской Америке. И знал, когда и в какой момент надо сказать Фиделю Кастро то, что он хочет услышать.

Особенностью кадровой политики кубинского руководства было то, что на Кубе, в отличие от СССР, не придавали значения анкетным данным или моральному облику коммуниста. У кубинцев не вызывало беспокойства то, что глава разведки страны женат на иностранке. В то время как в СССР считалось недопустимым, чтобы человек, имеющий родственников за границей, работал в органах КГБ. Если в СССР партиец, уличенный в интимных связях на стороне, рисковал именем и карьерой, то на Кубе такую аморалку попросту не принимали в расчет. Там традиционно спокойно относятся к тому, что мужчина, кроме официальной жены, имеет подруг и детей на стороне.

Отличительными чертами «ближнего круга Кастро» были именно личное доверие Фиделя, вовлеченность в деликатные стороны его жизни, а также единение на основе «не особой любви к Советскому Союзу». Отношения Селии Санчес с кубинской компартией, провозгласившей в 1970–е годы научный атеизм, вообще были загадкой. Она никогда не говорила, что является членом коммунистической партии, предпочитая называть ее «нашей» или «кубинской» партией. Вайехо вообще никогда не рассуждал на политические темы. Льянуса во время выступлений перед кубинскими учащимися часто критиковал советскую политику. Пинейро были больше близки идеи национально–освободительной борьбы в Латинской Америке.

В партийном осуждении «группы товарищей» во главе с Анибалом Эскаланте отразилось стремление Гаваны проводить независимую политику. После того как Куба обвинила

СССР во вмешательстве в ее внутренние дела путем поддержки и солидарности с раскольнической группой, в Вашингтоне потирали руки, думая, что Куба и СССР рассорятся окончательно и тогда Остров свободы можно будет брать голыми руками. О многом говорит содержание перехваченного советской разведкой циркуляра Госдепартамента США «О положении на Кубе», направленного в начале 1968 года в американские посольства в странах Латинской Америки. Согласно этому циркуляру, США были «не намерены осуществлять против Кубы военные меры». «Мероприятия против Кубы будут проводиться лишь в рамках решений, принятых на 12–й консультативной сессии министров иностранных дел стран—членов ОАГ. Однако, наряду с этим, имеется в виду в политике по отношению к Кубе

использовать разногласия между СССР и КНР, добиваясь углубления этих разногласий. Такая политика в конечном счете должна привести к ослаблению кубинского режима, так как Куба в перспективе лишится материальной и моральной помощи социалистических стран, если она еще более интенсивно будет отстаивать китайскую линию»[524].

Но Фидель вовсе не собирался сближаться с Пекином, «… если бы китайцы потребовали от кубинцев признать, что Пекин является центром подлинного коммунистического движения, а Мао его пророком, – сообщала советская рези–дентура, – <…> то Фидель Кастро не только откажется пойти на это, но и сам предложит, чтобы китайцы признали Гавану центром революции»[525].

В Москве и Гаване понимали, что до разрыва отношений дело не дойдет. Обе стороны нуждались друг в друге. По сути дела проблема сводилась к набору противоречий, которые традиционно существуют между «великой державой» и только ставшей на путь независимости экономически слаборазвитой страной, избавившейся от пут колониализма и опасающейся попасть под влияние другого «колосса». Причем Куба критиковала страну, которая оказывает ей не простую, а жизненно важную помощь, заранее зная, что Советский Союз все равно в ней не откажет. А СССР оказался в положении отца, у которого есть трудный сын, постоянно ставящий его в неудобное положение, и ему ничего не остается, кроме как терпеть и смириться с происходящим, поскольку это его кровь, его сын. Как бы то ни было, в конце 1960–х годов советско–кубинские отношения прошли основательную проверку на прочность. Причем продолжалось это почти полтора года.

Вспышка «антимосковских настроений» на пленуме кубинской компартии в январе 1968 года была вызвана не только «делом микрофракции», но и целым рядом других обстоятельств. После XXII съезда ЦК КПСС охлаждение советской стороны по отношению к Кубе стало отражаться в первую очередь на экономическом сотрудничестве. Это совпало с провалом планов Фиделя Кастро форсировать «экспорт революции» в Латинской Америке, гибелью Че Гевары, резким снижением жизненного уровня. Те немногие валютные средства, которые были у кубинского правительства, уходили на поддержку авантюрных партизанских войн в Латинской Америке, а не на покупку медикаментов для населения. Наконец, некстати оказалось то самое «дело микрофракции», контакты членов которой с советскими представителями создавали впечатление, что поддержка оппозиции Фиделю Кастро исходит чуть ли не из

Кремля. Политический кризис в отношениях Москвы и Гаваны обострили эмоциональные высказывания и поведение самого Фиделя – человека вспыльчивого, обидчивого и крайне ранимого.

Некоторые советские партийные деятели, высокомерно относившиеся к Фиделю, не учитывали специфических черт его характера. А об этом еще в 1960 году Кремль предупреждала советская разведка. В одном из ее сообщений подчеркивалось: «<…> мы в своих общениях с Кастро должны учитывать черты его характера. Его легко можно обидеть нажимом, неискренностью или обманом, которые он надолго запоминает. Кастро не любит дипломатии, протокола и чопорности и считает эти проявления худшим видом буржуазного наследия или перерождения.

Он очень чувствителен ко всем знакам внимания к нему или его проявлению и в этом смысле является очень сентиментальным человеком»[526].

После январского пленума 1968 года в кубинских партийных рядах началась вестись активная работа по подрыву доверия к СССР. Некоторые кубинские руководители считали, что Советский Союз использует экономическую помощь Кубе для оказания на нее политического давления. И, пытаясь добиться расположения Фиделя, «нашептывали» ему информацию, выставляющую Москву в невыгодном свете, – дескать, СССР отказался поставлять кубинцам отдельные виды товаров и оборудования, советские представители на Кубе не хотят рассматривать по существу конкретные текущие заявки кубинской стороны, например, на оружие. Кубинцы обижались на то, что Советский Союз, зная о затруднительном экономическом положении Кубы, «тянул» с поставками нефти, продовольствия и медикаментов. Обида на Советский Союза была такой, что во время празднования 50–летия СССР в 1967 году поздравления ЦК КПСС прислали все братские компартии, кроме кубинской. А Фидель не поехал в Москву на праздничные мероприятия. В Гаване в те дни вспоминали о письме Никиты Хрущева Фиделю в 1964 году. В этом письме Хрущев пытался указать Фиделю Кастро, какой, по видению Москвы, должна быть внутренняя и внешняя политика Гаваны.

31 мая 1968 года президент Академии наук Кубы Антонио Нуньес Хименес, выступая перед выпускниками метеорологического факультета, подчеркнул, что «Кубу следует отнести к странам развивающегося третьего мира. По отношении к другим странам „третьего мира“ она должна сыграть такую же революционную роль, какую сыграла большевистская Россия в первые годы своего существования. В этом состоит призвание и

особая роль кубинской революции»[527].

Именно в этот период в кубинском руководстве родилась идея установить деловые связи с богатыми людьми из капиталистических стран, одним из которых стал американец Сайрус Итон. Он пошел по стопам известного американского бизнесмена Арманда Хаммера, сотрудничавшего с Советским Союзом.

В справке КГБ СССР отмечалось стремление руководства Кубы «всеми путями добиться укрепления международного престижа государства». «Как стало известно, правительство Кубы закупило у итальянской фирмы „Фиат“ две тысячи самых дорогих в этом классе автомобилей, заключив на 20 лет договор с этой фирмой. Было также закуплено у английской фирмы большое количество самых современных автобусов, как выяснилось, непригодных для эксплуатации в тропических условиях <…> Эти действия по–разному оцениваются различными слоями населения»[528].

Надо отдать должное Фиделю Кастро – даже в период наибольшего обострения отношений между Москвой и Гаваной он не позволил некоторым лицам из своего окружения и кубинскому народу развернуть антисоветскую кампанию. Фидель понимал, что выйти из трудного экономического положения можно, либо пойдя на сближение с США, либо восстановив добрые отношения с СССР. Но американский путь был скомпрометирован постоянными провокациями со стороны тамошних спецслужб и контрреволюционеров, нашедших приют в США, а партнеры Гаваны в самих Соединенных Штатах не имели серьезного влияния в американской элите.

Гаванская резидентура информировала Москву о том, что «американцы пытались начать переговоры с кубинским руководством, которое, однако, решительно отвергло их домогательства. С американским империализмом, заявил источник, можно разговаривать лишь с позиций силы. Исходя из этого Куба будет продолжать линию на развитие партизанского движения в Латинской Америке в тех местах, где это практически возможно»[529].

Аналитическая записка КГБ о состоянии и перспективах американо–кубинских отношений, направленная в ЦК КПСС и МИД СССР, дает ясное представление о том, насколько серьезно Москва оценивала сложившуюся ситуацию. «В 1967 году в политике Соединенных Штатов наметилась тенденция к пересмотру прежнего жесткого курса в отношении Кубинской Республики. Как свидетельствуют имеющиеся данные, на изменение позиции американского правительства в отношении

Кубы оказали влияние, в частности, уменьшение угрозы „коммунистической опасности“ в результате провала распространения „кубинского опыта“ на другие латиноамериканские государства, фактическое прекращение кубинцами после гибели Гевары деятельности по развертыванию вооруженной борьбы в странах Латинской Америки, а также официальное провозглашение и осуществление на практике кубинским руководством независимого собственного пути развития <…>

Как отмечают эксперты Госдепартамента США, анализ политики кубинского руководства после Карибского кризиса в 1962 году показал, что все эти годы отношения между Кубой и СССР как по партийной, так и по государственной линии неуклонно ухудшались.

Решения пленума ЦК КП Кубы от 26 января 1968 года и процесс над «старыми» коммунистами, сторонниками Советского Союза, рассматривается в правящих кругах США как новое доказательство углубления имеющихся противоречий между Кубой и СССР.

Оценивая эти события на Кубе, помощник вице–президента США Райли в частной беседе в феврале с. г. заявил, что удаление из КП Кубы «просоветской группировки» подкрепило мнение американских экспертов о том, что Куба, несмотря на экономическую зависимость от Советского Союза, не является его сателлитом и способна на серьезные самостоятельные политические действия. По мнению вице–президента Хэмфри, сенатора Маккарти и других, в настоящее время необходимо создать такие условия, при которых Куба «могла бы вновь присоединиться к американской семье наций».

Этому, отмечают эксперты, может способствовать как восстановление некоторыми государствами Латинской Америки (Венесуэла, Боливия, Эквадор) дипломатических отношений с Советским Союзом, которое, учитывая реакцию Ф. Кастро в этом вопросе, вызовет дальнейшее ухудшение кубино–советских отношений, так и нормализация странами—членами Организации американских государств (ОАГ) политических и экономических связей с Кубой.

Такие действия, как считают в Госдепартаменте, окажут положительное влияние и на консолидацию антикастров–ских сил на Кубе. По словам представителя США в ОАГ Ли–новитца, американское правительство располагает данными о том, что сейчас на Кубе укрепляется положение тех, кто выступает за отход Кубы от социалистического лагеря и ее возвращение к капиталистической системе развития.

В Госдепартаменте утверждают, что нынешний курс кубинского руководства на все больший отход от Советского Союза, а также складывающаяся внутриполитическая и экономическая обстановка на Кубе создают благоприятные условия не только для развития широкой торговли с Кубой, но и для восстановления с ней дипломатических отношений.

Вместе с тем США пока не хотят выступать инициатором нормализации отношений с Кубой и ищут для этого посредника.

<…> вместе с тем он (Линовитц. – *М. М.)* исходит из того, что Ф. Кастро, несмотря на серьезные разногласия с Советским Союзом, пока не готов пойти на нормализацию связей с США, но согласится на восстановление дипломатических отношений с латиноамериканскими государствами. В переговорах с Кубой, по словам Линовитца, следует предложить кубинцам значительные кредиты в долларах, которые будут незамедлительно компенсированы Соединенными Штатами»[530].

Советским лидерам было над чем призадуматься: американцы, намереваясь сыграть на обострившихся противоречиях Гаваны с Москвой, могут заманить Кубу необходимыми ей как воздух кредитами, а потом, как уже бывало неоднократно, накинуть на нее «экономическую удавку». Вызывала опасения информация об увеличившемся количестве визитов на Остров свободы американских журналистов, общественных деятелей, представителей науки и культуры, со многими из которых Фидель Кастро встречался лично.

В 1967—1968 годах американцы значительно снизили количество недружественных актов в отношении Кубы и даже стали оказывать сдерживающее влияние на кубинских контрреволюционеров. В Белом доме наверняка надеялись, что вот–вот откроется «заветная дверца» на Остров свободы и загнанный в угол Фидель Кастро встретит их с распростертыми объятиями. Москву не могло не тревожить то обстоятельство, что к концу 1967 года в кубинской прессе почти прекратилась антиамериканская кампания, а сам Кастро и другие кубинские лидеры перестали выступать с резкими заявлениями в адрес США.

К чести Кастро, после январского пленума он немного поостыл и смог трезво оценить сложившееся в стране положение. Понял, что нельзя винить только Советский Союз в продовольственном и бензиновом кризисе, что в провале политики «множества вьетнамов» виноваты сами кубинцы, не учитывавшие, что Латинская Америка уже не является однородным континентом, как раньше. Поэтому запоздало, но кубинским руководством было принято решение временно

отказаться от практики направления в другие латиноамериканские страны граждан Кубы для участия в боевых действиях.

Вдобавок, в советско–кубинских взаимоотношениях того времени возобладало разумное и практичное начало. Обе страны продолжили поддерживать отношения на уровне, позволяющем обеспечивать постоянный приток советской помощи. Разумеется, при условии, что Куба будет проводить свою независимую политическую линию. Подобное равновесие могло быть нарушено только в экстраординарных случаях или в результате воздействия мощных внешних экономических и политических факторов. А это к началу 1970–х годов не представлялось реальным. (Но стало реальным при Горбачеве в конце 1980–х годов.)

Подобный сдвиг в отношениях Фиделя Кастро с Москвой объяснялся и влиянием Рауля Кастро, и тех людей в кубинском руководстве, которые были благожелательно настроены к СССР, и, наконец, тех советских специалистов в Гаване, к мнению которых Фидель Кастро прислушивался.

В конце 1960–х годов в кубинском руководстве все больший вес стала набирать группа лиц, которые имели позитивное отношение к СССР и выступали за устойчивое развитие и улучшение отношений с социалистическим лагерем. Глава РВС Рауль Кастро, глава МВД Серхио дель Валье, секретарь ЦК Армандо Харт, член политбюро Карлос Рафаэль Родри–гес, Айде Сантамария – все они были ветеранами «Движения 26 июля», входившими еще в годы герильи в узкий круг руководителей этой революционной организации.

Кубинцы в 1968 году были озабочены не только отношениями с Москвой. Они постоянно зондировали политическую обстановку в Соединенных Штатах, внимательно присматриваясь к кандидатурам тех политиков, которые могут занять кресло главы Белого дома. Во время правления Линдона Джонсона у них не было особых опасений, что США нападут на Кубу. И в Гаване, и в Москве знали, что президент Джонсон не склонен применять силу против Кубы, считая, что ему «достаточно Вьетнама».

В конце 1968 года была предусмотрена очередная смена хозяина Овального кабинета. Один из источников, приближенных к кубинскому руководству, сообщал: «Мы, кубинцы, с тревогой думаем о том, что может случиться, если к власти придет Никсон, известный своей ненавистью к Кубе. Из двух зол, Никсона и Хэмфри, – кубинцы предпочли бы Хэмфри, но, по кубинским прогнозам, у Хэмфри меньше шансов на избрание, чем у Никсона»[531].

Хэмфри, в случае победы на выборах, был намерен

пересмотреть политику США по отношению к Кубе. Первым шагом в довольно длинном процессе нормализации американо–кубинских связей могло стать возобновление торговли, причем на неофициальном уровне. Предполагалось, что за поставки двумя–тремя фирмами продовольствия и одежды Куба расплатится сахаром.

Никсон, установивший контакт с кубинскими эмигрантами и связанный с американскими политическими кругами, весьма враждебно относящимися к Кубе, в случае его избрания на пост главы Белого дома, мог значительно ужесточить политику Вашингтона в отношении Гаваны. Перед съездом Республиканской партии в Майами он заигрывал с кубинскими эмигрантами, призывал к усилению блокады острова.

Чувство тревоги усилилось, когда кубинские разведчики получили информацию о заявлениях Никсона на встрече с руководителями американских вооруженных сил и разведки. Никсон заявил, что, «по его мнению, вопрос с Кубой можно решить в течение 90 дней и таким образом покончить с распространением кастризма в Западном полушарии. Он обосновал необходимость энергичных действий тем, что дальше терпеть революционную Кубу под боком у США – неразумно и невыгодно, тем более что существующие сейчас на Кубе трудности дают основание считать, что население не будет оказывать значительного сопротивления»[532].

Кубинские контрреволюционеры восприяли духом, да так, что в газете «Диарио лас Америкас», издаваемой кубинцами в эмиграции, даже появилась статья «Кубинцы! Никсон – наш человек».

Избрание в конце 1968 года Никсона президентом США было воспринято кубинским руководством как событие, предвещавшее активизацию агрессивной политики США в отношении Кубы. В декабре того же года кубинцы провели крупные учения восточной армии РВС со стрельбами, бомбометанием и передислокацией войск, направленные в первую очередь на то, чтобы показать американцам свою боевую готовность отразить агрессию.

В феврале 1969 года Никсон встретился с двумя руководителями кубинских эмигрантских организаций и заверил их, что его правительство даст им возможность создавать вооруженные отряды, а также возьмет на себя все расходы. Между тем американская деловая элита понимала, что блокада Кубы, которая к началу 1970–х существовала уже более десяти лет, не приносит желаемых результатов для Белого дома и отрицательно сказывается на бизнесе.

22—25 февраля, по инициативе руководителя «Кубинского

представительства в изгнании» (РЕСЕ) Эрнесто Фрейре и финансирующих РЕСЕ ромового магната Пепина Боша и банкира Бернардо Бенеса, было проведено совещание, в котором участвовали 42 лидера кубинской эмиграции (приглашалось 70), по выработке «идеологии новой, свободной Кубы, основ общественной информации и международных отношений, действий по освобождению Кубы и координации сил эмиграции»[533].

В первой половине 1968 года громко заявила о себе Ассоциация ветеранов интервенции в Заливе Свиней, или «Бригада 2506». С марта по июль в эмигрантской прессе регулярно публиковались материалы о деятельности этой ассоциации. Для пополнения своей казны бригада выпустила «специальные боны Освободительной армии» достоинством в 1,2 и 4 доллара, которые должны были рассылаться по адресам кубинских эмигрантов. 14 июня 1968 года на стадионе в Майами «Бригада 2506» провела массовый митинг. На нем присутствовало от 10 до 15 тысяч кубинских эмигрантов. Лидеры бригады призвали к оружию и раздали бланки для записи в ряды создаваемой «армии». Идею бригады поддерживало более 50 эмигрантских организаций. 14 августа 1968 года в газетах «Нью–Йорк таймс» и «Майами геральд» появилось сообщение о том, что полиция штата Нью–Джерси совместно с федеральной полицией захватила склад оружия и военного снаряжения (полтонны динамита, автоматы, слезоточивый газ и прочее на ферме в Фрелинг–хайсен Тауншип, 9) в 60 милях к западу от Нью–Йорка. Арестован владелец фермы Майкл де Каролис, 32 лет, который сообщил полиции, что тренировал снайперов, которые должны были проникнуть на Кубу и убить Фиделя Кастро. По предположению полиции, склад имел отношение к «Бригаде 2506»[534] .

Впрочем, вскоре стало понятно, что слова Никсона о том, что «он решит проблему Кастро», были всего лишь предвыборным обещанием. КГБ информировал Кремль о том, что «основой политики США в отношении Кубы остается политика, принятая после кубинского кризиса и исходящая из того, что прямые военные действия против Кубы создали бы серьезную опасность для всеобщего мира. В долгосрочном плане, как отметили источники, США считают возможным „освободить Кубу от Кастро“ <…> Уже сейчас у американского правительства имеются данные об укреплении антикастровских сил на острове, которые могли бы стать костяком партизанского движения. По имеющимся данным, Никсон понимает опасность прямого вовлечения США в военные действия против Кубы»[535].

Фидель Кастро не собирался идти на какие–либо уступки американцам и категорически отказывался вступать в переговоры о нормализации кубино–американских отношений. Тем более что о Никсоне у Кастро сложилось весьма неблагоприятное впечатление еще со времени их первой встречи в США в апреле 1959 года.

Говоря о кубино–американском противостоянии в конце 1960–х годов, нельзя не отметить одну существенную деталь. В первые годы после революции основной силой, подталкивающей Белый дом к агрессии против Кубы, было могущественное бизнес–лобби, потерявшее там свои капиталы. Но к концу 1960–х годов ситуация поменялась коренным образом. Американские промышленники и банкиры, собственность которых в свое время была национализирована на Кубе, к этому времени уже восстановили свои потери от национализации. Произошло это за счет средств американского государственного бюджета, так как владельцам национализированного на Кубе имущества было разрешено в течение нескольких лет платить меньшую сумму налогов. Таким образом, большинство крупных американских бизнесменов и компаний получили достойную денежную компенсацию за свои убытки.

Теперь на первый план в подталкивании Белого дома на силовые действия в отношении Кубы стали выходить набиравшие вес в политической жизни Америки радикальные кубинские эмигранты, которые жили мечтой о свержении режима Фиделя Кастро. Не менее значим был фактор Центрального разведывательного управления США, которое, всякий раз терпя неудачу в попытках физически устранить Фиделя, получало очередную порцию упреков в беспомощности от Белого дома. Все это говорило о том, что в самих США не была выработана четкая позиция по отношению к Кубе.

Фидель много лет спустя вспоминал, что американцы постоянно выдвигали какие–то условия революционному правительству: «Претензии североамериканцев к Кубе были различны, они постоянно менялись, и каждый раз от нас требовали чего–то нового. Вначале нам надо было отказаться от социализма; позже порвать все отношения, как экономические, так и остальные, с СССР. Они каждый раз посылали новое требование после того, как нас изолировали; после Октябрьского кризиса они искали новых проблем. Почти всегда были требования в отношении Латинской Америки, где тогда шли войны за независимость: Куба должна была прекратить любую поддержку революционерам <…> Мы – островная страна, и чем больше Соединенные Штаты хотят нас изолировать, тем больше

мы связываемся с остальным миром»[536].

Ссора сразу с двумя могущественными державами для маленькой страны была самоубийственной. Кастро отмечал, что 1968 год стал самым тяжелым в истории революции.

Конечно, это было обусловлено и внутренними трудностями, и серьезными трениями с Москвой. Скорее всего, благодаря советским дипломатам и разведчикам, работавшим на Острове свободы, властная советская элита не отвечала «строптивому Фиделю как следует». Они сумели увести его и Кубу из–под «идеологического огня», исходящего со стороны соответствующих структур ЦК КПСС.

Да и не Куба была головной болью Советского Союза в тот момент. Гораздо большие проблемы вызывала ситуация в Чехословакии, где леворадикальные настроения усилились до такой степени, что, по просьбе местных властей, пять стран социалистического лагеря во главе с СССР ввели в Прагу свои войска.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Чехословацкий кризис в августе 1968 года дал Фиделю возможность с честью выйти из тупика, куда он сам себя загнал. Он не мог не понимать, что дружба с СССР в конце 1960–х годов была ему необходима как никогда за десять лет революции. И Фидель Кастро обратил кризис в отношениях Москвы и Праги в свою пользу.

Весть о вступлении войск стран—членов Варшавского договора в Чехословакию была воспринята на Кубе как гром среди ясного неба. Кастро не сочувствовал чешским «ревизионистам», как, например, французская и итальянская компартии. Он выступал против правых тенденций, которые, по его мнению, угрожали социалистическому строю в этой стране. Но в Гаване никто не ожидал, что страны соцлагеря предпримут такие решительные меры.

Кубинцы ждали официальной реакции своих властей на ввод войск в Чехословакию, но Фидель мудро занял выжидательную позицию. Хотя признаки того, что он не осудит действия пяти стран Варшавского договора, появились, когда Комитетам защиты революции было поручено провести собрания на низовом уровне, с тем чтобы выяснить, что думает народ о событиях в Чехословакии. И лишь после того, как значительная часть кубинских граждан выступила с поддержкой действий СССР и пяти стран социалистического лагеря, последовала официальная реакция Гаваны.

В итоге кубинское правительство после некоторого колебания поддержало ввод войск в Чехословакию, расценив это как свидетельство «победы твердой линии в Советском руководстве».

Действия СССР, возможно, дали кубинскому руководству уверенность в том, что Советский Союз так же решительно выступит в поддержку социалистических завоеваний на Кубе, если им будет угрожать опасность.

21 августа 1968 года состоялось экстренное заседание политбюро ЦК КП Кубы, а 23 августа Фидель Кастро наконец–то выступил с речью по центральному телевидению и радио.

Это выступление можно было считать поворотом кубинской политики в сторону сближения с Советским Союзом. Фидель Кастро, вопреки прогнозам западных аналитиков, дал понять, что поддерживает СССР в трудный для него момент, когда Москва подвергается суровой критике мирового сообщества за ввод войск в ЧССР. Среди западных корреспондентов в Гаване было «распространено мнение, что Куба устами Фиделя Кастро приветствовала возвращение мира к временам холодной войны». Фидель Кастро подтвердил, что поддерживает действия Москвы, когда воспрепятствовал проведению демонстрации у советского посольства чехословацкими гражданами, большинство из которых составляли моряки. Кубинское руководство все–таки решило «принять как необходимость» факт ввода войск в Чехословакию и не осуждать социалистические страны, которые приняли такое решение. Однако Фидель не преминул подчеркнуть, что, с юридической точки зрения, принятые пятью социалистическими странами меры не могут быть оправданы, что в данном случае суверенитет ЧССР был явно нарушен.

У Фиделя были основания для такого заявления. Он опасался, как бы действия Москвы в отношении Праги не создали прецедента, когда и американцы по просьбе кубинской эмиграции введут свои войска на территорию Кубы, как это произошло при подобном раскладе во время интервенции США в Доминиканскую Республику в 1965 году.

В то же время Фидель Кастро понимал, что американцы, предпринимая попытки смягчить отношения с Кубой, имеют целью не стабилизировать ситуацию, а ликвидировать кубинскую революцию изнутри. В донесении одного из европейских посольств в Вашингтоне в МИД своей страны по вопросу кубино–американских отношений, перехваченном советскими спецслужбами, говорилось, что «после речи Кастро 23 августа 1968 года не осталось никаких сомнений насчет бесплодности какого бы то ни было диалога (между США и Кубой. – *М. М.)* и невозможности создать с его помощью обстановку меньшей напряженности в отношениях между двумя странами»[537].

Фидель Кастро ждал ответа Москвы на его речь от 23 августа. Он считал, что теперь настал ее черед сделать шаг навстречу с

целью нормализации отношений между двумя странами. И в Москве, в конце концов, оценили заявление Фиделя и его готовность забыть старые обиды.

Выступая в конце 1968 года на неофициальной встрече перед студентами Гаванского университета, Фидель Кастро говорил: «У нас с советскими товарищами существовали и существуют разногласия по некоторым вопросам мирового революционного процесса и отдельным международным проблемам. Однако наши расхождения можно сравнить со спорами между двумя братьями в одной семье, и они ни в коем случае не носят враждебного характера. Хочу предупредить всех присутствующих, и особенно тех, кто воспринял нашу критику в адрес советских товарищей как сигнал к антисоветизму, чтобы они не заблуждались и не строили иллюзий на сей счет»[538].

После того как Фидель Кастро недвусмысленно дал понять, что готов развивать дружеские отношения с Советским Союзом, кубинцы как по «команде» открылись и снова охотно стали общаться с советскими людьми.

Это лишний раз доказывало, что вся кубинская политика сводилась к фигуре Фиделя Кастро. Кубинский народ до сих пор меняет умонастроения в зависимости от установок и поведения своего лидера.

Нельзя не упомянуть и о том, что расчет на «небывалый» сельскохозяйственный урожай в конце 1960–х годов, причем не только сахара, но и кофе, в том объеме, который планировался, провалился, и Куба все больше и больше увязала в долгах. Поэтому Фиделю Кастро не оставалось ничего, как наладить отношения с Москвой и получить большие займы от Советского Союза.

После того как Фидель Кастро съездил в СССР, где его опять приняли как самого дорогого гостя, после его выступления о результатах поездки и впечатлениях кубинцы буквально воспылали любовью к Советскому Союзу. 51–я годовщина Октябрьской революции на Кубе отмечалась как никогда широко. Выступая в январе 1969 года перед народом, Фидель сообщил, что военная помощь СССР Кубе была бесплатной, что для многих жителей страны стало откровением. Зная о недовольстве кубинских военных тем, что СССР не в полном объеме поставляет технику и особенно оборудование и запчасти к ней, Фидель Кастро постарался снизить градус этого недовольства, пояснив, что у Советского Союза есть ряд других обязательств, в частности, по перевооружению армий арабских стран. Дело в том, что еще в феврале 1968 года СССР прекратил поставки на Кубу запасных частей для военной техники, что «консервировало на месте»

большое число танков и самолетов. В этой связи командование кубинских РВС было вынуждено отменить батальонные учения.

Некоторые западные политики и средства массовой информации искали некую подоплеку решения Кастро помириться с Москвой. Ну не мог, по их мнению, дорожащий своей независимостью Фидель так быстро забыть о своих претензиях к Москве. Пошли разговоры о том, что он просто растерялся, не в силах справиться с экономическими и политическими проблемами.

В этой версии была доля истины. С 1 июля 1968 года кубинское правительство ввело карточную систему на хлеб. Ежедневная норма выдачи составляла 200 граммов. Были уменьшены нормы выдачи таких продуктов, как мясо, рыба, масло и даже кофе. С лета 1968 года заметно возросло число беженцев. Береговая охрана США ежедневно подбирала в море 15—20 кубинских граждан, нелегально покинувших свою страну на самодельных плавучих средствах. Около 10 процентов всех перебежчиков составляли военнослужащие РВС Кубы. Всего с начала революции, по данным на 1 января 1968 года, из Кубы в США выехали легально 580 тысяч человек[539].

На «внутреннем направлении» Фидель Кастро все усилия направлял на поддержание населения в состоянии полной мобилизационной готовности в связи с постоянной угрозой со стороны США. Он призвал покончить с экономической отсталостью страны путем создания новых отраслей промышленности и сельского хозяйства.

В августе 1968 года в отсталую провинцию Камагуэй на смену пяти дивизиям РВС Кубы в составе 50 тысяч человек прибыла молодежная колонна в таком же количестве. Это было сделано по призыву Фиделя Кастро выиграть борьбу за сельское хозяйство. Но организован отряд был по военному образцу.

Приближался 1970 год – заветная дата, когда Куба должна была собрать доселе невиданный урожай сахара – 10 миллионов тонн. Вся Куба жила этой датой, этим рубежом, этой цифрой. Член еще старой «классической» кубинской компартии Карлос Рафаэль Родригес, который к тому времени стал отвечать в ЦК компартии Кубы за внешние связи, заявлял, что 10 миллионов тонн сахара обеспечат Кубе «второе освобождение». А сам Фидель Кастро на одном из митингов объявил: «Десять миллионов тонн сахара представляют собой гораздо больше, чем тонны сахара, гораздо больше, чем экономическую победу, это испытание, моральное обязательство перед страной. И именно потому, что это есть моральное обязательство, мы не можем потерять ни грамма из этих десяти миллионов тонн <…>Если десять

миллионов тонн будут меньше на один фунт, мы заявляем всему миру, что это станет поражением, а не победой»[540].

Ажиотаж вокруг «магической цифры» достиг такого масштаба, что Фидель Кастро даже отменил торжества и выходные дни в период празднования католического Рождества в конце декабря 1969 года, что было неслыханным событием для Кубы!

К чести Фиделя Кастро, он сумел заставить все кубинское население проникнуться главной задачей ближайших лет. Почему именно такое количество сахара хотел получить Фидель Кастро, ведь в самый рекордный год при прежней власти в 1952 году было собрано около 7,3 миллиона тонн? Расчеты, проведенные экспертами Генерального штаба сельскохозяйственных работ, возникшего на базе ликвидированного к тому времени ИНРА, показывали, что на Кубе было много резервных площадей для посевов. А сахарные заводы были задействованы всего лишь четыре месяца в году. Долг Кубы Советскому Союзу и другим странам увеличивался в геометрической прогрессии. На Кубе ежегодные темпы роста продукции не превышали 2,5 процента. К тому же к 1969 году, по некоторым оценкам, по поставкам сахара Куба имела долг перед СССР и странами соцлагеря в 7,5 миллиона тонн. Только социалистическим странам Куба была должна более 2 миллиардов долларов. Серьезный дефицит в госбюджете покрывался растущей эмиссией денег.

На этом фоне росли потребности Гаваны в импорте и, следовательно, в валюте. Таким образом, все это, исходя из объективной оценки экономических реалий Кубы, можно было покрыть и обеспечить в самом оптимистичном случае лишь за счет увеличения урожая сахарного тростника. Кубинцы предложили Советскому Союзу подписать долгосрочное торговое соглашение. Гавана обязалась наращивать свой экспорт в СССР до 5 миллионов тонн сахара в год, ровно половину от обещанных 10 миллионов тонн урожая в 1970 году. А Москва, в свою очередь, идя на существенные уступки, обязывалась покупать сахар по цене не 4 сентаво за фунт, а по 6,11 сентаво.

В торговле между Кубой и СССР сложилась практика взаимных расчетов, когда разница в объемах взаимных поставок товаров и предоставления услуг, которая постоянно была в пользу СССР, покрывалась путем предоставления Кубе кредитов. Естественно, кредиты увеличивались как снежный ком. Иностранцы, которые работали на Кубе, не понимали, как Москва, вкладывая огромные средства в экономику острова, не боится потерять это в один миг. Ведь западные страны не давали кубинцам капитал под «обеспечение обещаний». К примеру, за те

же кредиты, полученные Кубой от Англии и Франции, Гавана должна была рассчитаться кофе на протяжении нескольких лет. (Англия предоставила в 1968 году Кубе коммерческий кредит в 60 миллионов долларов на пять лет, гарантируемый английским правительством, а Франция на 50 миллионов, также с гарантией своего правительства.)

Конечно, новое торговое соглашение между Москвой и Гаваной противоречило здравому экономическому смыслу. По идее увеличение поставок по законам экономики ведет к снижению оптовой цены, но уж никак не к ее росту. Но щедрой Москве не жаль было денег на поддержку братских стран. Другое дело, что теперь на риск шел лично Фидель Кастро, который, запустив громкий лозунг, бросил все силы на сбор «заоблачного урожая»: партийные кадры, десятки тысяч военных, студентов, городских рабочих, самую лучшую технику.

Фидель Кастро рисковал самым дорогим, что у него было, – абсолютным доверием своего народа. Он не имел права проиграть. В противном случае он из небожителя превратился бы в простого смертного. Фидель личным примером показывал, как надо стремиться к покорению казавшейся недосягаемой планки. Причем участие Фиделя в сборке тростника не было показушным, он не красовался перед камерами, демонстрируя «отвагу на субботнике», а выбирал самую тяжелую работу. Фидель Кастро каждое утро(!) по четыре (!) часа рубил тростник и к весне 1970 года нарубил более 200 тонн.

«Помню август 1969 года, – рассказывал Фидель о своем участии в „сахарной жатве“. – Я выбрал место недалеко от столицы. Каждое утро я выезжал туда очень рано. Несожженный тростник был зеленым, раннего сорта, высокой урожайности, с высоким промышленным выходом. Я рубил в течение четырех часов подряд, не останавливаясь ни на минуту. Кто–то другой затачивал мачете. Ни разу я не нарубил меньше 3—4 тонн в день. Затем я мылся, спокойно обедал и отдыхал где–нибудь поблизости. Я заработал несколько бонов в знаменитую сафру (сахарная жатва. – *М. М.)* 70–го года. Мне тогда только что исполнилось 44 года. Остальное время, вплоть до сна, я посвящал своим революционным делам. Я перестал рубить тростник, когда поранил левую ногу. Острый мачете проткнул сапог. Страна поставила задачу произвести 10 миллионов тонн сахара и примерно 4 миллиона тонн мелассы в качестве субпродукта. Эта цель так и не была достигнута, хотя мы приблизились к ней»[541].

Куба действительно вышла на сафру 1970 года, как на последний бой. Только 10—15 процентов были профессиональными рубщиками, остальные 85—90 процентов –

рядовыми гражданами, которые не за деньги, а за идею вышли на сахарные поля, поверив своему «верховному вождю».

Однако по мере того, как неумолимо приближалась столь долгожданная дата – 1970 год, становилось ясно, что поставить рекорд, вероятно, не удастся. Старым заводам не хватало мощности, а часть закупленного за границей нового оборудования не прибыла вовремя. Средства, которые выделялись Кубинским государством на реконструкцию сахарозаводов, оказались освоенными наполовину. В результате, несмотря на героические усилия кубинцев, план по переработке сахара был сорван.

К сожалению, усилия кубинцев часто пропадали даром из–за плохой организации труда, из–за нечеткой постановки задач и целей и из–за их многообразия. Так, например, призыв Фиделя Кастро направить в Камагуэй 50 тысяч добровольцев в некоторых районах выполнялся только в принудительном порядке. Постоянное отвлечение квалифицированной рабочей силы на сельскохозяйственные работы стало вызывать протест населения, чего не наблюдалось раньше. Студенты стали возмущаться тем, что их часто отрывают от учебы. Бесконечные призывы и лозунги кубинских руководителей порождали сомнения в целесообразности поставленных «задач десятилетия». Среди военных пошли разговоры о том, что хотя старый строй и был плох, но зато были еда и одежда, а не лозунги и общественная работа.

Порой кубинские руководители, пытаясь отличиться, издавали абсурдные распоряжения. Глава МВД, например, приказал сотрудникам своего ведомства приходить на службу в военной форме, но при этом запретил им в форме стоять в очередях в магазинах. Представьте себе положение женщин, сотрудниц министерства, которые лишались возможности в обеденный перерыв или после работы посещать магазины, где без очередей вообще ничего нельзя было купить.

Фидель Кастро сильно переживал, находился на грани нервного срыва, ведь он рисковал самым дорогим – репутацией человека слова, который всегда сдерживал свои обещания.

Но не все зависело от него. Кубинцы опять оказались бессильны перед природной стихией, которая, как назло, проявила свой нрав в самый неподходящий момент. Из–за сильных дождей в провинции Камагуэй пропало большое количество посевов, а в провинции Ориенте, напротив, была засуха.

Существовал и пресловутый человеческий фактор. Не все были готовы, как Фидель, работать на одном энтузиазме. В 1968

году Кастро уволил министра сахарной промышленности Кубы Орландо Боррего, который высказал сомнение в том, что в 1970 году Куба выполнит поставленную Фиделем задачу и соберет 10 миллионов тонн сахара. Как оказалось впоследствии, разжалованный министр был прав, а тогда верх одержали работники, которые безропотно поддержали Кастро, веря, что команданте эн хэфэ никогда не ошибается.

Фидель Кастро не избежал главного соблазна, который подстерегает «абсолютных правителей», – появления касты угодников, которые готовы сдувать со своего начальника пылинки и говорить ему, что «все идет по плану». Они не перечили главнокомандующему, надеясь, что на переговорах в Женеве на конференции государств—экспортеров и импортеров сахара кубинцы добьются квоты в размере 2,5 миллиона тонн сахара для продажи на свободно конвертируемую валюту. И тогда сказочный урожай принесет небывалые доселе валютные поступления в бюджет республики.

В этом же 1968 году Фидель Кастро снял своего брата Рамона с поста администратора автобазы, обеспечивающей перевозку сахарного тростника в провинции Ориенте, и назначил его администратором одной из сахарных централей недалеко от города Ольгин. По слухам, Рамон «провинился» тем, что считал неверным делать упор на моральный стимул: людей надо было заинтересовать материально.

Фидель Кастро оказался не всесильным. На Кубе так и не удалось создать тип «нового человека», о чем мечтал Че Гевара. Человека, готового работать за «спасибо» с утра до ночи. Беззаботные по своей натуре кубинцы предпочитали веселье тяжелой изнурительной работе. Они уже начали привыкать к тому, что многие важные проблемы за них решает государство.

Производство сахарного тростника пострадало и от ряда других факторов. Значительная часть квалифицированных сельскохозяйственных работников из деревни переселилась в город, многие крестьяне в поисках лучшей доли (особенно после второй аграрной реформы) пошли служить в армию или милицию, где больше платили, а инженеры – сотрудники национализированных компаний уехали в США. В начале 1960–х годов большие территории, на которых обычно возде–лывался сахарный тростник, засеяли другими культурами.

В 1969 году не удалось достичь предварительного рубежа: произвести 8,5 миллиона тонн сахара, который бы позволил штурмовать вершину – 10 миллионов тонн в 1970 году. В 1969 году произвели чуть больше 7 миллионов тонн. Руководство страны объясняло это недостатком необходимых посевных

площадей и нехваткой квалифицированных рабочих для уборки урожая сахарного тростника.

Тем временем американцы скупили все акции ряда фирм Испании, Италии, Англии, Бельгии, которые торговали с Кубой. В результате Гавана была вынуждена разорвать контракты с этими компаниями, поступления валюты на Кубу значительно уменьшились.

Экономическая ситуация на Кубе очень напоминала ту, что сложилась в СССР во времена «военного коммунизма». Товарно–денежные отношения были практически прекращены. В свободной продаже не было почти ничего, даже книг и газет. Было объявлено недействительным существование закона стоимости, отрицались и другие объективные экономические законы и такие категории, как товар, деньги, прибыль. Куба перешла на распределительную систему. Товары распределялись только среди тех, кто работал, что, правда, способствовало ликвидации паразитических прослоек населения. В кубинской столице, например, исчезли попрошайки и нищие. Люди старались устроиться на любую работу. Конечно, не обошлось без перегибов. Например, с осени 1971 года людям стали продавать по одной пачке сигарет в неделю. А ведь табак был национальной гордостью Кубы. Дефицитом стали рис, яйца, хлеб, фасоль, кофе, мясо, даже столовые бананы.

Для обеспечения столицы продуктами питания под руководством Фиделя Кастро был разработан план создания вокруг нее сельскохозяйственной зоны, так называемого «Гаванского кордона». Эта зона включала в себя систему мелиорации и ирригации, лесозащитные полосы.

Одновременно на Кубе продолжилась национализация мелких частных предприятий – магазинов, обувных мастерских, парикмахерских и пр. И настоящую волну народного негодования вызвало решение Фиделя временно закрыть рестораны и кафе–бары, где можно было купить спиртные напитки, и установить норму продажи населению пива – по шесть бутылок в месяц на человека. В то же время на промышленных предприятиях были открыты столовые, где каждый рабочий мог пообедать за небольшую цену или даже бесплатно. Бесплатными обедами администрация предприятий пыталась привлечь людей на работу. Но у многих из них не было даже возможности до нее добраться.

Между тем Фидель Кастро всерьез рассматривал вопрос об отмене денег, хотел на практике реализовать свой тезис о «возможности одновременного построения в отдельно взятой стране социализма и коммунизма». Ожидалось, что он объявит об этом 2 января 1969 года в десятую годовщину кубинской

революции. Предвестником этого были национализация мелкого частного сектора, запрещение получения денег и посылок из–за границы, отмена платы за различные виды услуг (телефон, бесплатные лекарства, одежда, обувь и питание для учащихся). Иными словами, Фидель Кастро пытался исключить из кубинской жизни товарно–денежные отношения. С 1 июля 1969 года были отменены взносы членов компартии, и она полностью перешла на содержание государства.

В записке посольства одной из европейских стран в МИД своей страны, перехваченной советской разведкой в 1968 году, говорилось: «Попытавшись заполнить идеологический „вакуум“ и пробелы революционных программ марксистско–ленинской теорией, Кастро и его сторонники так и не смогли создать в стране эффективный и действенный политико–административный аппарат. Они все еще делают не всегда удачные попытки и проводят эксперименты в поисках нужных форм разрешения сложных проблем, характеризующих социально–экономическую реальность Кубы.

Эта реальность заключается в отсутствии руководства, способного должным образом организовать управление государством, в котором, как говорят, господствует хаос (интеллигентная, технически грамотная и экономически самостоятельная часть населения покинула остров), в нехватке специалистов, способных наладить равномерный процесс экономического развития как в области сельского хозяйства (особенно важной для страны), так и в области промышленности, в закоренелой привычке кубинцев работать мало и плохо. Пока ни к чему не привели обращения кастровских руководителей к массам с призывом трудиться, чтобы вывести остров из затруднительного положения и создать условия для ликвидации карточной системы. Не помогли улучшить положение ни принудительные работы, ни использование армии и милиции на сельскохозяйственных работах.

Такое положение вещей вызвало в свое время резкое недовольство в рядах старых коммунистов (Эскаланте, Родри–гес и др.), которые обвиняли Кастро в том, что он никогда не проводил ортодоксальную политику абсолютной преданности Москве и окружил себя невежественными и плохо разбирающимися в марксистской теории советниками. Но кубинский лидер прореагировал на критику немедленно, критиковавшие его лица были сняты со своих постов, а некоторым даже пришлось покинуть страну < … >

Устранив, таким образом, своих наиболее влиятельных и опасных противников и создав единую партию, Кастро, передав

новой политической организации всю власть, приступил к борьбе с «бюрократизмом» и сделал ставку на молодое поколение, чтобы вернуть своему движению утраченный со временем и в силу обстоятельств революционный подъем.

<…> Несмотря на известное недовольство некоторых слоев населения, нельзя категорически утверждать, что режиму Кастро грозит опасность. В самом деле, активные антиреволюционные политические силы очень незначительны, все реже встречаются группки мятежников, действующие на острове, нерегулярны проникновения подрывных элементов из–за границы, и силы защиты революции легко их контролируют.

В заключение можно сказать, что, хотя Кастро еще не удалось создать прочной политико–административной базы, на которую мог бы надежно опереться его режим (действительно в стране не существует парламента и так и нет системы судопроизводства, опирающейся на закон), несомненно, что до тех пор, пока Кастро жив и пользуется поддержкой армии (единственный постоянный институт, играющий, между прочим, важную роль в управлении страной, в частности, в провинции), на острове невозможны никакие существенные перемены»[542].

В сознании кубинцев происходил своеобразный психологический перелом. Они стали выходить из–под гипнотического влияния Кастро. Количество побегов в первом полугодии 1969 года составило 43 процента от всех совершенных в стране контрреволюционных преступлений[543]. Правда, к тому времени благодаря кубинской контрразведке их количество намного сократилось. Кстати, за первое полугодие 1968 года кубинская контрразведка выявила шесть заговоров против Фиделя Кастро, Рауля Кастро и президента Освальдо Дортикоса[544].

Значительно активизировали свою работу американские радиостанции «Голос Америки» и «Америка». С целью воздействия специально на кубинскую молодежь в США была создана радиостанция «Новая волна».

Однако, несмотря на трудности и ошибки, правительству Кастро удалось решить много проблем. Было введено всеобщее бесплатное образование, развивалась медицина, жилищное строительство. Социальные реформы оправдали ожидания беднейших слоев. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 4,1 миллиона голов в 1958 году до 7 миллионов в 1969 году, производство цитрусовых – с 68 до 170 тысяч тонн, тракторный парк – с 2 до 40 тысяч машин, добыча никеля – с 18 до 37 тысяч тонн.

Куба стала активным членом Движения неприсоединения,

предоставляла помощь странам Азии, Африки, Латинской Америки для ведения освободительной борьбы.

Военная подготовка была обязательной для мужчин в возрасте от 16 до 27 лет. Срок службы в армии составлял три года. Выезд из страны мужчинам в возрасте от 16 до 27 лет был запрещен. Кубинские вооруженные силы рассматривались западными экспертами как самая современная и самая боеспособная армия в Южной Америке.

Фидель Кастро не скрывал своей боли от того, что программа индустриализации провалилась, что Куба не вырвалась из «пут монокультурной зависимости». Большие «донорские» поступления от Советского Союза, в конце концов превратившиеся в «гигантские долги», в этих условиях делали невыгодным развитие других отраслей промышленности и сельского хозяйства. По самым скромным подсчетам, долг Кубы Советскому Союзу на 1965 год, то есть «накопленный» с 1960 по 1964 год, составлял около 377 миллионов долларов. Западные СМИ сообщали, что Москва ежедневно тратит на помощь Гаване миллион долларов! По некоторым оценкам, в 1970—1980–е годы Куба обходилась Советскому Союзу уже в 2 миллиарда долларов в год.

Выступая 2 января 1969 года на митинге по случаю 10–й годовщины революции, Фидель Кастро признал: «За эти десять лет мы не стали революционерами с университетским дипломом, мы только окончили начальную школу и начинаем учиться в средней».

Глава четырнадцатая
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ КАМПАНИИ КАСТРО

Кубинцы привыкли к тому, что своего рода программными на год вперед становятся те речи, которые Фидель Кастро произносит в годовщину штурма Монка–ды – 26 июля. В самую почитаемую памятную дату на Кубе.

26 июля 1970 года Фидель, как обычно, поднялся на трибуну, выдержал паузу, пока не стихли овации сотен тысяч кубинцев, и начал выступление. Он не был похож на себя. Впервые выглядел растерянным. От былого пафоса и уверенности, кажется, не осталось и следа. Это была не обычная речь Кастро, призывавшая кубинцев к очередным подвигам. Это было откровенное признание своих ошибок. «Мы оказались не в состоянии вести так называемое одновременное сражение. Мы собираемся начать с указания ответственности всех нас и моей особенно за все эти проблемы. <… > Легче выиграть двадцать войн, чем битву за развитие. <…> Мы сражаемся не против людей, <…> мы сражаемся против прошлого, с продолжающимся присутствием этого прошлого в настоящем <…>. Это величайший вызов, когда–либо брошенный нам в жизни, и величайший вызов, с каким когда–либо сталкивалась революция».

Никогда еще Фидель Кастро не был столь беспощаден к себе, кубинскому руководству. И снова, как в 1959 году, когда в порыве эмоций заявил об уходе с поста премьера при президенте Уррутиа, он попросил у народа доверия, заявив, что готов уйти со своего поста. Ему, разумеется, «доверили».

Выступление Кастро широко комментировалось во всем мире. Американский тележурналист Уоллес заявил: «Выступление Фиделя Кастро произвело на правящие круги США сильное впечатление, так как они не ожидали, что ку

бинская экономика находится в таком плачевном состоянии и что сам Фидель Кастро осмелится сделать такой критический анализ революционного процесса на Кубе»[545]. Американцы ожидали, что провал экономической программы 1970 года приведет к политическому банкротству Фиделя Кастро и кубинской компартии. Но этого не произошло в очередной раз. Фидель Кастро нашел в себе мужество не только признать «идеалистические» ошибки, но и начать серьезную, вдумчивую

работу по их исправлению. Отныне главной задачей ближайших лет стало «превращение неудач в победу».

Куба испытывала серьезные финансовые трудности в основном из–за того, что импорт сырья для кубинской промышленности обходился дороже, чем экспорт готовой продукции. Кубинские руководители стали понимать, что экономика страны оказалась в бедственном положении не столько из–за империалистической блокады или недостаточной помощи социалистических стран, сколько из–за самих кубинцев. Организация производства и трудовая дисциплина находились на самом низком уровне. Фидель Кастро в одном из выступлений с нескрываемым раздражением зачитывал статистические данные о том, что в августе и сентябре 1970 года в ходе выборочной проверки в любой, установленный для этого день работу прогуливал каждый пятый кубинец. А в провинции Ориенте в августе 1970 года прогуливали аж 52 процента работников. «В данном случае – это проблемы не отдельных личностей, а <…> проблемы, затрагивающие весь народ, – говорил Фидель. – Вместе с нравственными стимулами мы также должны использовать и материальные, не злоупотребляя никакими из них, так как первые могут привести нас к идеализму, а последние к личному эгоизму. Мы должны действовать таким образом, чтобы экономические стимулы не стали исключительным побуждением человека, а нравственные – не позволяли некоторым жить за счет остальных»[546]. Кастро также придавал особое значение тому, чтобы рабочие активнее участвовали в обсуждении вопросов организации производства и трудовой дисциплины.

В 1970 году руководство Кубы вынесло на народное обсуждение проект «Закона о борьбе с тунеядцами», который был нацелен на укрепление трудовой дисциплины и предусматривал жесткие меры дисциплинарного воздействия. Три миллиона человек, почти половина населения Кубы, приняли участие в обсуждении законопроекта в низовых комитетах защиты революции. После принятия закона в марте 1971 года удалось дополнительно вовлечь в производство более 100 тысяч человек. В результате введенных трудовых норм, режима экономии, повышения дисциплины заметно увеличилась производительность труда: в 1971 году она была на 20 процентов выше, чем в 1970–м, а в 1972 году на 9 процентов выше, чем в 1971–м[547].

После 1970 года стало ясно многое – что на голом энтузиазме масс в кубинских условиях далеко не уедешь, а острый недостаток рабочей силы нужно компенсировать широкой механизацией труда, то есть ввозом из–за границы современной

техники. Да и в целом требовалось найти новые формы управления народным хозяйством. Ввести, наконец, хоть какие–нибудь поощрения для людей, трудившихся до этого в добровольно–принудительном порядке. Поэтому едва ли не основной задачей новой экономической политики на Кубе в первой половине 1970–х годов стало, наряду с повышением эффективности производства, приведение в соответствие заработной платы кубинцев их трудовому вкладу.

Фидель понимал, что для сплочения и единения нации, поддержания боевого духа в армии акцент должен быть перенесен на идеологическую работу, активизацию фактора «внешнего недоброжелателя», в роли которого в 1967—1968 годах успела побывать и Москва. К счастью, непродолжительное время.

Кастро стал уделять значительно больше внимания подрастающему поколению, зная о том, что американцы в своей идеологической работе делают ставку на молодых кубинцев. Так, задержанный на Кубе агент – вербовщик ЦРУ заявил во время следствия: «Госдепартамент США отказался от мысли о вторжении, но ведет работу в области диверсии, главным образом в экономическом плане, благодаря чему подготавливаются субъективные условия для объединенной акции внутри страны с занятием ключевых государственных постов людьми, пользующимися престижем среди народа. Идет создание и развитие групп, стоящих на третьей позиции и способных занять ключевые посты в кубинском руководстве, когда придет время». Другой агент на допросе заявил, что он должен был «создать группу молодежи, стоящую на реформаторских позициях и добивающуюся трансформации нынешнего курса кубинской революции. Эта молодежь должна сблизиться с Фиделем и другими руководителями, действовать в рамках революции и вести изнутри линию на ее трансформацию. Эти элементы должны постепенно смягчить отношения Кубы с Соединенными Штатами. По прошествии ряда лет это должно привести к нормализации отношений между обоими государствами ... [548].

Фидель создал так называемые «колонны столетия». Десятки тысяч молодых людей добровольно переселялись в другие провинции, где в специально построенных лагерях они работали, преимущественно в сельском хозяйстве, и одновременно учились. «Колонны столетия» являлись формой отвлечения молодежи от пагубных влияний.

Фидель Кастро стал внимательнее относиться к людям. Но он по–прежнему не научился концентрироваться на принципиальных вопросах, хотел везде успеть и контролировать всё – распределять грузовик или удобрения, инспектировать строительство

водохранилищ, оросительных систем, шоссейных дорог и промышленных предприятий. Фидель привык, что окончательное слово всегда должно оставаться за ним, поэтому в беседах с ним для того, чтобы убедить его, необходимо было быть хорошим тактиком. Может быть, Фиделя стали меньше боготворить, но боялись его все так же. Французский агроном Рене Дюмон, которого Кастро несколько раз брал с собой в поездки по стране, сделал любопытное наблюдение: «Когда он (Фидель) бросает свой берет и приходит в ярость, все дрожат и боятся возмездия»[549].

А кубинцы привыкли к тому, что всё, что касается внутренних проблем страны, определяется не только волей, но и словом Фиделя Кастро в прямом смысле. Иногда доходило до курьезов, местные власти понимали эти слова буквально, не пытаясь вникнуть в их смысл. В провинции Гавана (между местечками Гуиро и Сан–Николас) в 1971 году строился городок нового типа, где должны были жить три тысячи семей крестьян–единоличников. Но в радиусе 20 километров от него не было питьевой воды. Хотя в самом этом районе были более удобные места с источниками питьевой воды. Однако местные власти посчитали, что раз Фидель именно на этом месте говорил о необходимости строительства нового городка, лучшего места искать не стоит.

В начале 1970–х годов Кастро был вынужден отказаться от политики экспорта революции и бросить все свои силы на решение экономических проблем в стране. В своих оценках он стал более реалистичен. Один из «старых коммунистов» в беседе с советским представителем говорил: «В последнее время в стране происходят значительные изменения, которые свидетельствуют о „политическом возмужании“ кубинских руководителей, и прежде всего Фиделя Кастро. Создается впечатление, что Фидель Кастро неустанно и плодотворно учится днем и ночью. Сегодня – он марксист, с которым уже нелегко спорить и которого трудно сбить в теории»[550].

В 1971 году кубинцы собрали еще меньше сахарного тростника из–за засухи и обжига сахарных полей для подготовки урожая в будущем году. Освоение общих ассигнований на развитие сахарной промышленности происходило крайне медленно. Почти две трети действующих сахарных заводов – около ста предприятий требовали капитальной реконструкции.

В буквальном смысле вся Куба была вынуждена заняться сельским хозяйством. Руководство страны использовало все доступные ему методы и средства: постоянно проводилась мобилизация населения, дефицитные промышленные и продовольственные товары продавались только тем людям,

которые дополнительно работали на сборе сельскохозяйственной продукции; сельхозугодья распределялись между учреждениями, сотрудники которых занимались их обработкой.

Заслуживает внимания еще одна чисто кубинская новинка. Из–за нехватки компетентных руководящих кадров на кубинский армейский Генштаб были возложены многие экономические задачи. В частности, военные разрабатывали план экономического развития некоторых провинций Кубы.

Кубинское руководство принимало все меры для того, чтобы ускорить механизацию сельскохозяйственного производства. Однако на плантациях сахарного тростника это оказалось сделать сложнее, чем в других областях сельского хозяйства, например на рисовых полях. Дело в том, что тростник нужно точно срезать у самой поверхности земли, не повредив корневую систему, но и не оставлять на стебле вегетативные почки, так как они, развиваясь, ведут к гибели сорта. Одновременно срубленный тростник надо очистить от листьев, которые не дают сахара.

Идея создания комбайна для сбора тростника возникла во время первого визита Фиделя в СССР в 1963 году. Выполнение этой задачи было поручено специалистам Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения. Но не все шло гладко. В начале 1970–х годов механизировать удалось лишь погрузку и разгрузку тростника, а не все циклы сахарного производства. В 1977 году с советской помощью в городе Ольгин на Кубе был построен крупный завод имени 60–летия Октябрьской революции, производивший 600 комбайнов в год. Это позволило более чем на 50 процентов механизировать уборку тростника, что, в свою очередь, высвободило сотни тысяч «мачетерос» – рубщиков тростника для работы в других отраслях народного хозяйства. Таких темпов механизации до этого не знала ни одна страна в мире, выращивавшая сахарный тростник.

Бросив все силы на реализацию лозунга: «Десять миллионов тонн сахара – к 1970 году!», правительство Кубы отдало лучшие пастбища под посевы сахарного тростника. И теперь животноводству, а следовательно, населению страны, «приходилось» расплачиваться за чрезмерное увлечение руководства страны сахарной проблемой.

В 1971 году ЦРУ осуществило серьезную подрывную акцию в отношении Кубы, о которой стало известно только шесть лет спустя, в 1977 году, благодаря расследованию, проведенному журналистами газеты «Ньюсдей». Американские агенты ввезли на остров вирус африканской свиной чумы, который уничтожил 500 тысяч свиней – почти половину всего поголовья[551].

Кубинцы испытывали острую потребность не только в мясе и

молоке, но и в корнеплодах и овощах. Однако основное внимание уделялось не «поднятию» этих отраслей сельского хозяйства, а наращиванию объемов традиционных для Кубы тростника, кофе, цитрусовых, табака. Не важно, что голодало население. Ведь не овощи и корнеплоды, а эти культуры могли принести ей валюту. Фидель Кастро считал, что со всем остальным можно повременить. Вот и складывалась такая картина. В то время как все рабочие были брошены на сбор сахара и кофе, на плантациях, например, манго падали и гнили переспевшие плоды – их некому было собрать. Целыми неделями не разгружались корабли в портах, так как портовые рабочие находились на сельхозрабо–тах. По этой же причине был парализован и национализированный в 1960–х годах бытовой сектор. Не в полную силу работали многие государственные учреждения.

Стихийные методы руководства, нереальность провозглашенных на всю страну экономических планов приводили к постоянной ротации кадров, потере сил и средств.

Но не всё было так безнадежно. Ситуация в народном хозяйстве с помощью СССР постепенно выправлялась. Куба перешла к более реалистичной экономической политике. В 1958 году товарооборот Кубы с развитыми капиталистическими странами составлял 98 процентов, а с социалистическими – всего 2 процента. Всего через три года, в 1961 году, 72 процента товарооборота приходилось на социалистические страны, а 28 процентов на капиталистические. Товарооборот Кубы с СССР в 1960 году, когда были установлены торговые отношения, достигал 161 миллиона рублей. А в 1973 году он уже превысил миллиард рублей (около 1,4 миллиарда долларов по тем временам. – М. *М)*. В июле 1972 года Куба вступила в Совет экономической взаимопомощи. Однако на развитии экономических отношений Кубы в рамках СЭВ сильно сказывалось то обстоятельство, что она находилась далеко от Европы. К тому же техника и технологии, направляемые по линии СЭВ на Кубу, значительно отличались от старых, североамериканских образцов, которыми на четыре пятых были укомплектованы кубинские предприятия.

Дружественный СЭВ был по другую сторону океана, а Латинская Америка под боком. Фиделю, естественно, было крайне неприятно, что его страна к началу 1970–х годов, в основном благодаря усилиям Вашингтона с его доктриной панамериканизма, оказалась в положении своего рода изгоя на родном континенте. Поэтому Кастро начал искать выход из своеобразной блокады его страны в регионе и пытаться устанавливать нормальные отношения с латиноамериканскими

государствами.

В 1970 году в Перу случилось сильнейшее землетрясение, погибло более 50 тысяч человек. Куба одной из первых откликнулась на постигшую страну беду. Сто тысяч кубинцев пожертвовали свою кровь для перуанцев. По распоряжению Фиделя в Перу были направлены несколько сотен кубинских врачей, построено несколько больниц. Когда Уругвай постигла эпидемия менингита, именно Куба, единственная страна, располагавшая нужной вакциной, решила послать уругвайцам сотни тысяч доз этого препарата. Но правительство Уругвая, тесно связанное с Соединенными Штатами, отказалось принять вакцину только потому, что у нее было кубинское «происхождение».

Во многом знаковым стал визит Фиделя Кастро в 1971 году в Чили к своему другу, социалисту Сальвадору Альенде, который возглавил страну в результате победы блока революционно–демократических партий на президентских выборах. С Альенде Фидель познакомился в январе 1959 года, когда тот, будучи еще членом чилийского сената, посетил революционную Кубу.

Трехнедельная (с 10 ноября по 4 декабря 1971 года) поездка Фиделя Кастро была одной из самых трудных для него заграничных командировок. Дело не в том, что он вдоль и поперек исколесил эту, протянувшуюся на 4 тысячи километров, южноамериканскую страну, побывав и на Огненной Земле, и в пустыне Атакама. Николай Леонов, который был хорошо знаком с деталями этой поездки Фиделя, говорил, что тот впервые не мог сказать в глаза всем всю правду о своем отношении к силам, участвовавшим в революционном процессе в Чили, дабы его опять не обвинили в экспорте революции, хотя Кастро чуть ли не каждый день выступал на митингах, встречался с рабочими и крестьянами, которые приветствовали его, как советские люди в 1963 году. «Его положение гостя, статус которого не позволял ему вмешиваться во внутренние дела хозяев дома, куда он приглашен, было невыносимо тягостным, – вспоминал Н. С. Леонов. – Он бы хотел быть активным участником этого процесса, а не наблюдателем. Если внимательно ознакомиться с текстами его речей и содержанием интервью, которые давал Фидель во время пребывания в Чили, то явственно видно, какие танталовы муки приходилось ему переживать, чтобы сдерживать себя. Уже на одном из первых митингов на чилийской территории, состоявшемся 12 ноября в Антофа–гасте, Фидель сказал: „Когда мы выступаем здесь, мы должны говорить с необычайной осторожностью. Это наш самый элементарный долг, чтобы никому не дать повода утверждать, будто мы выступаем в роли

учителей и вмешиваемся во внутренние дела Чили. Поэтому мы говорим в шутку: „Единственный, кто здесь не пользуется свободой слова, – это я““ [552].

Десятки газет, телеканалы и радиостанции, принадлежащие правым силам, тесно связанным с американцами, на протяжении всей поездки Кастро в Чили выливали на него потоки клеветы. Из американского Майами была даже вызвана сестра Фиделя Хуанита, которая должна была поведать чилийцам «правду о брате».

Фидель, конечно, не собирался держать рот на замке. Он много рассказывал чилийцам о кубинской революции, о реформах, проводимых в его стране, предоставляя местному населению возможность самому делать выводы. Он раскрыл секрет живучести кубинской революции: «Почему же, несмотря на благоприятное соотношение сил и на географическую близость нашей страны к Соединенным Штатам, они не сумели подавить кубинскую революцию? Этим мы обязаны сочетанию двух факторов: смелости кубинских революционеров и, можно было сказать также, – смелости Советского Союза». Иногда прибегал к иносказаниям. Одно из них, относящееся к американцам, стало известно на весь мир: «Будьте осторожны с лисой! Лиса хочет заменить агрессию и жестокость хитростью!» Он имел в виду, что Белый дом, отчаявшись свергнуть его силовым путем, перешел к тактике подрывной деятельности и идеологических диверсий в отношении Кубы.

Почти во всех чилийских выступлениях Фиделя звучит призыв – «не терять бдительности!». Выступая 2 декабря 1971 года на митинге на Национальном стадионе в Сантьяго, Кастро сказал: «Вы переживаете момент, когда фашисты, а мы их так и будем прямо называть, пытаются отвоевать у вас улицу, пытаются перетянуть на свою сторону средние слои населения. Если хотите знать мое мнение, то успех или неудача этого беспримерного процесса будет зависеть от идеологической борьбы и борьбы масс, будет зависеть от умения, искусства и научной подготовки революционеров». Здесь важно одно уточнение. Фидель Кастро не верил в живучесть «бархатной» социалистической революции. Он был убежден, что к полной победе революции ведет только вооруженная борьба, в ходе которой на сторону повстанческих сил, постепенно и осознанно, переходит большая часть населения страны. А выборы лишь раскалывают общество на два лагеря.

Время подтвердило правоту кубинского лидера. Чилийские социалисты не сумели удержать власть. Закончилось это трагедией. В результате переворота в Чили в 1973 году к власти пришли правые, а Сальвадор Альенде погиб во время штурма

президентского дворца. Хотя до сих пор кое–кто убежден в том, что он застрелился из пистолета, который ему подарил Фидель. Во время трагических событий в столице Чили Сантьяго героически проявили себя сотрудники кубинского посольства, которые с лозунгом «Родина или смерть!» дважды отбивали атаки нападавших на их дипломатическое представительство. Родственники Альенде, члены народного правительства Чили воспользовались приглашением Фиделя Кастро и нашли политическое убежище на Острове свободы. Две недели спустя после военного переворота Фидель в одном из своих выступлений заявил: «Чилий

ский пример показывает нам, что невозможно свершить революцию только с помощью одних людей: необходимо также оружие! Но и одного оружия недостаточно, чтобы свершить революцию: необходимы также люди!» [553]

Визит Фиделя Кастро в Чили вошел в историю еще и тем, что кубинский лидер как никогда был близок к смерти. Еще до поездки кубинская служба безопасности получила сведения о том, что на Кастро готовится покушение. Фидель позже признавался Николаю Леонову, что он сильно нервничал, находясь под прицелом десятков телекамер на заключительном митинге в Сантьяго.

Спустя годы выяснилось, что Фиделя действительно намеревались убить агенты, изображавшие тележурналистов. Это, наверное, был самый поразительный провал из десятков бесплодных попыток ликвидировать Фиделя. Хотите верьте, хотите нет, но выводы делайте сами. Один из двух «убийц–журналистов», которые должны были «убрать» Фиделя во время пресс–конференции, за несколько часов до нее почувствовал сильную боль в боку. Она была такой нестерпимой, что бедолагу отвезли в больницу, где немедленно прооперировали. У этого человека «вдруг» воспалился аппендицит. Второй «журналист» испугался взять всю ответственность за деяние на себя. Дальше – интереснее. Для устранения Фиделя решили использовать грузовик со взрывчаткой. Машина с двумя (невероятное по тем временам количество!) тоннами тротила встала в сотне метров от места, где должен был проехать кортеж с Кастро. Взрыв был неминуем. Но случилось невероятное – часы в бомбе остановились! Потрясенный Габриель Гарсиа Маркес считал, что тут не обошлось без карибской магии.

Повышенное внимание Кастро к внешнеполитическим проблемам отнюдь не исключало полного контроля Фиделя за внутриполитической ситуацией в стране. Еще в начале 1970–х годов на Кубе была модернизирована система административного

управления: реорганизован Совет министров, упорядочено правовое и номенклатурное положение министерств и ведомств, создан Исполком Совета министров, в который вошли премьер–министр Фидель Кастро, первый заместитель Рауль Кастро и семь заместителей. С 1 декабря 1973 года в Революционных вооруженных силах Кубы были введены новые воинские звания – главнокомандующий, генерал армии, генерал–полковник, генерал–лейтенант, генерал–майор, полковник и т. д. Фидель Кастро на тот момент имел звание главнокомандующего, Рауль Кастро – генерал–лейтенанта.

Фидель потребовал четкого разграничения функций партийного и государственного аппарата, который стал напоминать советские образцы: чинопочитание тягуче и въедливо вползало в структуры управления на Кубе.

В эти годы сформировался аппарат ЦК компартии Кубы, он сосредоточился на внутрипартийных, а не на административных функциях, которые перешли от так называемых региональных исполнительных групп к выборным органам власти провинций и муниципий. Однако, как справедливо отмечает в своей книге о Кастро С. Белфор, «на Кубе не существовало экономической базы для формирования автономных элит». Хотя сам Фидель уже не стремился руководить всем и вся. Именно в эти годы начинает формироваться образ Фиделя как гуру, который контролирует ситуацию и остается над схваткой. При этом он прислушивается к коллегиальному мнению и дает своим соратникам все больше полномочий по управлению ключевыми сферами жизни, будь то обороноспособность или экономика.

В компартию Кубы вступало все больше кубинцев. Но она всё не проводила своего первого съезда. А между тем постоянные выступления Кастро перед сотнями тысяч кубинцев по поводу и без уже не могли, как раньше, играть роль всенародного вече. Надо было наконец–то подпустить народ к высокой трибуне. Наконец рассказать ему куда и как Куба пойдет дальше.

В 1972 году в ходе восьмичасового заседания политбюро ЦК компартии Кубы было принято решение провести в ближайшее время первый съезд, на котором принять устав и платформу. Конкретные сроки созыва съезда названы не были. В результате его подготовка заняла целых три года: Фидель сам настаивал на том, чтобы этому судьбоносному событию предшествовала кропотливая и тщательная работа. Более того, он считал правильным, что кубинские революционеры не созвали съезд раньше. Только после 17 лет революционного опыта, после достижения революционным процессом подлинной зрелости его можно было провести на должном политическом и

организационном уровне[554].

На первом съезде компартии также планировалось вынести на всенародный референдум проект социалистической конституции Кубы, который был опубликован 10 апреля 1975 года. 16 тысяч кубинцев предложили свои дополнения и поправки к проекту.

Первый съезд компартии Кубы открылся 17 декабря 1975 года. В его работе приняли участие 3 136 делегатов, в том числе 481 женщина, 30 процентов делегатов представляли политические и общественные организации, 35 процентов – трудящихся Кубы, 19 процентов являлись военнослужащими, 16 процентов руководителями предприятий и организаций. На съезде было принято 24 документа, в том числе устав и платформа кубинской компартии, о введении Системы управления и планирования экономики (СУПЭ). Провозглашая приоритетом в экономической сфере централизованное планирование, руководство Кубы фактически признавало ошибочность курса, выбранного в начале 1960–х годов.

При этом централизованное планирование должно было дополняться системой хозрасчета предприятий. К середине 1980–х годов на всех кубинских предприятиях были введены фонды материального поощрения.

На первом съезде компартии были приняты документы, которые заложили основу социальной политики Кубы на долгие годы: два главных достижения революции – гарантированные бесплатные здравоохранение и образование, а также право на жилье, отдых, пенсионное обеспечение в старости для всех граждан.

Делегаты съезда избрали новый ЦК компартии в составе 112 человек и расширили политбюро с 8 до 13 человек.

Доклад Фиделя Кастро стал главным событием съезда. Он продолжался более 11 часов! Фидель представил обзор развития кубинской революции от колониального периода до последнего времени, подвел итоги деятельности партии и правительства за 17 лет после победы революции, изложил задачи на предстоящую пятилетку, дал оценку положения в мире и огласил внешнеполитические задачи Кубы. Доклад Кастро комментаторы оценили как хорошо подготовленный, насыщенный, аргументированный и подкрепленный большим фактическим материалом.

Фидель, как всегда, говорил ярко и образно. Долго повествовал он и о роли СССР в развитии революционного процесса на Кубе. От былых обид и упреков не осталось и следа. «Мы безгранично доверяем родине Ленина, потому что на

протяжении более чем полувека после победы революции она демонстрирует верность принципам и проводит последовательную международную политику», – подчеркнул Фидель Кастро. Он признал, что в прошлом кубинское руководство неверно оценивало итоги Карибского кризиса, и сказал, что тогда, в 1962 году, Советский Союз выполнил свой интернациональный долг и фактически оградил Кубу от американской агрессии. Вообще отличительной чертой доклада Фиделя Кастро была критика ошибок, допущенных им лично и кубинским руководством в 1960–е годы (смешение функций партии и государства, игнорирование товарно–денежных отношений, хозрасчета, материальных стимулов и пр.). Основная причина ошибок, по мнению Фиделя, заключалась в «неумении кубинской революции использовать богатый опыт социалистического строительства, в переоценке своих возможностей». Делегаты съезда устроили Фиделю, честно признавшему свои ошибки и показавшему свою политическую зрелость, бурную овацию. А Фабио Гробарт, директор Института истории революционного и коммунистического движения при ЦК, представляя кандидатуру Фиделя Кастро на пост первого секретаря ЦК кубинской компартии, заявил, что кубинский лидер «даже излишне взял на себя ответственность за ошибки, в которых виноваты мы сами».

В последний день работы съезда, 22 декабря 1975 года, Фиделя Кастро избрали первым секретарем ЦК компартии Кубы, а Рауля Кастро – вторым секретарем. Фидель, представляя кандидатуру своего брата, сказал: «Относительно товарища Рауля могу сказать только одно: для меня большая честь, что такой выдающийся деятель революции – мой брат. Свой авторитет Рауль Кастро завоевал в борьбе, в которую он включился в числе первых. Наши семейные отношения послужили лишь тому, чтобы вовлечь его в революционный процесс, привлечь к участию в штурме Монкады. И помнится, что когда патруль ворвался в здание суда в Сантьяго–де–Куба и арестовал их группу, если бы Рауль не сделал того, что он сделал в тот момент, то его бы уже давно не было в живых: он вырвал пистолет у начальника патруля и сам сумел взять в плен патруль, который арестовал его товарищей. Если бы он этого не сделал, через несколько часов они были бы убиты в Монкаде. Это было начало»[555].

Во время работы съезда Фидель Кастро посетил советское посольство. Он интересовался тем, как организована работа политбюро и секретариата советского ЦК, – хотел перенять опыт. Среди кубинцев после съезда бытовало мнение, что «Фидель был по–ленински самокритичен, что должно стать залогом успеха

всей деятельности кубинской компартии».

16 февраля 1976 года состоялся референдум, на котором подавляющим числом голосов (97,7 процента от числа принявших участие в голосовании) была принята первая конституция Кубы. Она закрепила социалистический характер кубинской революции и утвердила руководящую роль компартии в жизни общества и государства. По конституции народ осуществляет свою власть через выборные ассамблеи, которые образуют исполнительные органы власти. Был создан выборный Верховный народный суд. Пост президента республики упразднялся. Согласно новому Основному закону, коммунистическая партия Кубы, единственная официальная политическая партия страны, стала «направляющей силой общества и государства». Высшим законодательным органом Кубы стала Национальная ассамблея народной власти, которая избирает из числа своих депутатов Государственный совет. Глава Госсовета является главой правительства Республики Куба. На этот пост 3 декабря 1976 года был единогласно избран Фидель Кастро.

Закон о новом политико–административном делении, принятый в 1976 году, установил, что Куба делится на 14 провинций, разделенных на 168 муниципий.

В конце 1976 года в результате всеобщих выборов были созданы центральные и местные органы народной власти. Но вместе с тем для решения многих вопросов, подчас малозначительных, требовалась санкция или резолюция Фиделя Кастро. Либо как первого секретаря ЦК компартии Кубы, либо как председателя Госсовета или главы кабинета министров, либо как главнокомандующего РВС.

К середине 1970–х годов на Кубе в целом стабилизировалась экономическая ситуация. Темпы развития промышленности составляли около 10 процентов в год.

Охотно пошли на сотрудничество с Гаваной и другие, в том числе развитые страны. Куба в середине 1970–х годов фактически прорвала блокаду США, установила политические и деловые контакты почти со ста странами, в том числе с двенадцатью латиноамериканскими.

С 1973 года по июнь 1976 года Куба подписала соглашения с капиталистическими странами о предоставлении кредитов на общую сумму в 2,2 миллиарда долларов со сроком погашения семь—десять лет под 7—8 процентов годовых. Правда, за эти три года аккумулированная задолженность Кубы капиталистическим странам по среднесрочным и долгосрочным кредитам превысила 1,2 миллиарда долларов[556].

Что касается отношений со странами третьего мира, то Куба

считала своим моральным долгом помочь им избавиться от колониальной зависимости. Так, с конца 1960–х годов она стала оказывать помощь Народному движению за освобождение Анголы (МПЛА) в борьбе против португальских колонизаторов: посылала туда военных специалистов в организации и ведении партизанской войны, готовила на своей территории членов МПЛА для диверсионной работы.

С 1966 года МПЛА действовала совместно с организацией УНИТА. После того как португальцы ушли из Анголы в 1974 году, между МПЛА и УНИТА началась борьба за власть. Она привела к вооруженным столкновениям, положившим начало гражданской войне. Если МПЛА сделала ставку на Советский Союз, то УНИТА – на ЮАР и Соединенные Штаты.

В августе 1975 года, под предлогом охраны плотин гидроэнергетического комплекса Раукана—Калакуа, на территорию Анголы вторглись южноафриканские войска. Колонны южноафриканцев на бронетранспортерах пересекли южную границу Анголы и начали оккупировать эту страну. План южноафриканцев состоял в соединении их частей с войсками УНИТА, идущими с севера, и последующим захватом столицы страны Луанды до провозглашения независимости Анголы. Оно уже было запланировано на 11 ноября 1975 года.

Правящая партия МПЛА обратилась за помощью к Фиделю Кастро. В то время в Анголе было только 480 кубинских инструкторов, которые тренировали боевые группы в Кабинде с целью преобразовать партизанские отряды МПЛА в регулярные воинские части. Перед ними стояла задача за полгода создать в Анголе четыре учебных центра и 16 пехотных батальонов, а также 25 минометных и зенитных батарей. Руководил ими начальник 10–го управления Генштаба Кубы команданте Рауль Диас Аркуэнес. Кубинское руководство, не колеблясь, решило увеличить свой воинский контингент в Анголе до 20 тысяч военнослужащих. Более 60 процентов были призваны из запаса. Решение Фиделя Кастро помочь африканцам вызвало настоящий взрыв энтузиазма среди кубинцев. 15 марта, выступая в Конакри, Фидель заявил: «Мы, кубинцы, помогли нашим ангольским братьям в первую очередь потому, что исходили из революционных принципов, потому, что мы интернационалисты. Во–вторых, мы это сделали потому, что наш народ является одновременно латиноамериканским и латиноафриканским. Миллионы африканцев были привезены на Кубу колонизаторами в качестве рабов. Часть крови кубинцев – это африканская кровь»[557].

Эта операция получила кодовое название «Карлотта», по

имени негритянки, которая в 1843 году в провинции Матан–сас на Кубе возглавила стихийное выступление рабов и погибла.

Фидель Кастро полагал, что Ангола будет играть такую же роль в Африке, как Куба в Латинской Америке. 70 процентов состава воюющих ангольских подразделений составляли кубинцы, которые, по замыслу Фиделя, должны были остаться в Анголе для обеспечения ее безопасности и восстановления народного хозяйства. К началу 1976 года кубинский воинский контингент в Анголе составлял 36 тысяч человек.

Правда, на первом этапе были трудности. Вот что сообщала советская резидентура в Москву: «Боевые действия в Анголе выявили определенные недостатки в подготовке кубинских солдат и офицеров, организации войсковой разведки и военном руководстве операциями. По оценке кубинцев, эти недостатки связаны не только с особенностями театра военных действий (труднопроходимая лесистая местность, отсутствие единой линии фронта и т. п.), но и со слабой выучкой направляемых в Анголу кубинских военнослужащих, особенно резервистов, которые составляют значительную часть находящихся там войск. В настоящее время, как заявил Р. Кастро, принимаются меры к устранению указанных недостатков. Укреплено, в частности, командование кубинских войск в Анголе. На должности командиров взводов и рот назначены хорошо подготовленные офицеры–выпускники командного училища, приняты меры по специальной подготовке военнослужащих, призываемых из резерва, перед их отправкой в Анголу в специальные лагеря.

Принимаемые со стороны руководства РВС Кубы меры должны повысить боеспособность кубинских войск, находящихся в Анголе, и обеспечить успешное проведение ими боевых операций»[558].

В этой войне был очень важный момент, о котором сегодня мало кто знает. В конце 2004 года Фидель напомнил о нем: «В 1975 году большинство португальских африканских колоний – Гвинея–Бисау, Кабо–Верде, Сан–Томе и Мозамбик – после разрушения местного колониального правительства получили полную независимость, признанную новым правительством в Лиссабоне. Но в случае с Анголой, самой просторной и богатой португальской колонией в Африке, дела обстояли по–другому. Правительство Соединенных Штатов применило скрытый план – мы знаем о нем сейчас, а тогда Вашингтон был „непричастен“ – чтобы уничтожить законные права народа Анголы и установить марионеточное правительство. <…> США привезли в Южную Африку, с ее фашистским и расистским режимом, несколько ракет с ядерными боеголовками, как те, которые были сброшены

на Хиросиму и Нагасаки. Об этом часто забывается, но Ангола была освобождена кубинскими и ангольскими войсками, которые боролись против армии, располагавшей восемью ядерными ракетами и поддерживавшейся Соединенными Штатами. Эта армия намеревалась нанести по нам ракетный удар, уже всё было к этому подготовлено.

<…> Однажды я спросил Нельсона Манделу: «Скажите, пожалуйста, президент, вы знаете, где находятся ракеты, которые были направлены в Южную Африку?» – «Нет, не знаю». – «Что с ними сделали южноафриканские военные?» – «Они мне не сказали ни слова». Это было время, когда никто ничего не знал, и мир не задавался этими вопросами, и никто не спрашивал, откуда у Израиля ядерное оружие, никто! В мире циркулировали новости, которые были выгодны США и их союзникам»[559].

Со временем кубинцам удалось обратить ситуацию в свою пользу во многом благодаря использованию советских самолетов МиГ–21 и МиГ–17. Эти истребители почти полностью ограничивали боевые возможности противника.

Нередко кубинцы вынуждены были одни воевать с противником. Члены МПЛА, испугавшись, бросали оружие и убегали в джунгли с поля боя. Уровень жизни ангольцев был одним из самых низких в мире, более 90 процентов населения страны не умело ни читать, ни писать. Многообразные суеверия приводили к казусам во время боя. Так, например, ангольцы были уверены, что пуля не может убить белого человека, испытывали чудовищный страх при виде самолетов, отказывались воевать в окопах, считая их могилами для мертвых, обжигали лицо горящим углем, чтобы таким образом «защититься от смерти».

Габриель Гарсиа Маркес в 1976 году побывал в Анголе и написал очерк «Куба в Анголе: Операция „Карлотта“», опубликованный в мексиканском еженедельнике «Просесо».

Маркес отметил, что это была жестокая война, на которой нужно было остерегаться как наемников, так и змей, как пушек, так и каннибалов.

В марте 1976 года Фидель Кастро принял решение увеличить кубинский контингент в Анголе до 40 тысяч человек. Таким образом, кубинские войска стали одним из самых важных факторов внутриполитической обстановки в этой стране. Отряды УНИТА в то время составляли шесть тысяч человек.

Советский Союз тем временем помогал правящему в Анголе режиму военной техникой и специалистами. В конце 2005 года Фидель Кастро рассказал, почему кубинцы ушли из Анголы: «Советское правительство было против нашего участия в Африке, и нам велели вывести войска, потому что они опасались реакции

янки. Нам пришлось послушать СССР, хотя мы и были против. Советы, хотя и не принимали участия, когда мы посылали войска, после вывода наших частей поставляли туда достаточное количество вооружения. У Анголы не было какой–либо перспективы без политической и военной поддержки СССР. Советский Союз был единственной страной, которая могла спонсировать необходимым вооружением другую страну для защиты от таких сил, как южноафриканцы и Мобуту. Мы инструктировали и обучали бойцов. Мы говорили СССР: „Наша задача заключается не в том, чтобы устраивать внутреннюю войну, а в том, чтобы защититься от внешнего врага“. Советы придерживались другой точки зрения и щедро снабжали ангольцев вооружением. Они были сторонниками полномасштабной войны, в которой могло погибнуть большое количество людей; а мы поддерживали другую теорию, которая сегодня называется „асимметричная“, или нерегулярная, война.

Тем не менее между кубинскими и советскими военными всегда преобладало чувство уважения и солидарности. Это правда, мы всегда неплохо ладили»[560].

«Ангольская одиссея» кубинцев высветила феномен Фиделя. Он был в курсе всех событий, происходивших в этой стране, умудрялся контролировать ситуацию, словно сам присутствовал в африканских джунглях. Лично напутствовал солдат в дорогу, провожал корабли с бойцами и техникой, лично подбирал командиров батальонов и доставлял их к трапу самолета. Он наверняка хотел ощутить «дыхание Сьерра–Маэстра» в далекой стране, почувствовать вкус партизанской борьбы, которая была ему значительно милее «кабинетных войн».

Фидель Кастро стал своего рода «стратегом на расстоянии», и только это расстояние мешало ему самому отдавать приказы на месте боевых действий. Не было ни одного места на карте Анголы, висевшей в его кабинете, которого бы он не знал. Он по 14 часов находился в гаванском штабе, как будто в какой–то сотне метров от передовой.

Николай Леонов рассказывал, что по вопросам тактики Фидель часто ругался с советниками, прикомандированными Москвой к ангольским частям на Кубе. У них было разное понимание сути войны – штабное, как у некоторых советских товарищей, и выстраданное, как у Фиделя, который знал расположение и передвижение каждого танка и войскового подразделения. Фидель постоянно держал связь со штабом верховного командования МПЛА и кубинским контингентом.

В ходе ангольской экспедиции кубинцы освободили от наемников большой район на юге Анголы, недалеко от местечка

Кассинга – лагеря беженцев из Намибии. Но эта битва стоила кубинцам больше всего потерь за всю кампанию. Под шквальным огнем они спасали детей. Многие из этих детей были отправлены на Кубу, где закончили школы, и потом некоторые из них продолжили учебу в университетах. Один российский священник, находившийся в Беслане во время захвата школы террористами в 2004 году, на конференции «Диалог цивилизаций», состоявшейся в Гаване в 2005 году, спросил Фиделя, каково его мнение о том, что террористы часто спекулируют тем, что они «выполняют спасательные миссии». И Фидель Кастро вспомнил об африканских интернациональных кампаниях: «У нас существует этика, существуют принципы. Вы можете пожертвовать своей жизнью, когда хотите, но вы не можете пожертвовать жизнью невинного. Так я думаю и так всегда говорил, наша страна выполняла интернациональные миссии – не одну, а довольно много: когда южноафриканские расисты напали на Анголу; или когда на нее двинулись с севера силы Мобу–ту, спросите у кого угодно в мире, был ли хоть один военнопленный расстрелян там, где находились наши войска, там, где гибли наши товарищи; потому что это была доктрина, и ее соблюдали не только здесь; потому что наша армия никогда не расстреляла ни одного военнопленного. Мы гордимся этим <…> пусть кто–нибудь попробует доказать, что в ходе нашей войны с апартеидом и другими союзниками империализма в Африке мы расстреляли хотя бы одного военнопленного. Часто солдаты апартеида предпочитали попасть в плен к нам, потому что жизнь им была обеспечена»[561].

27 марта 1976 года последний южноафриканский солдат покинул территорию Анголы. После этой победы в 1976 году кубинцы вывели значительную часть своих войск из Анголы. «Кубинское руководство и лично Ф. Кастро считают, что военные успехи, достигнутые МПЛА при поддержке СССР, Кубы и других социалистических стран, необходимо закрепить оказанием народу Анголы действенной экономической помощи, особенно продовольствием, – говорилось в телеграмме, отправленной в Москву из Гаваны. – В этой связи Ф. Кастро намерен в скором времени обратиться ко всем странам социалистического содружества, и прежде всего к странам СЭВ, с предложением совместно обсудить этот вопрос и изыскать возможности для направления в ближайшее время в Анголу необходимого продовольствия, медикаментов и других предметов первой необходимости»[562].

В апреле 1976 года в Анголу прибыл Рауль Кастро, чтобы объяснить президенту этой страны Агостиньо Нето

необходимость вывода кубинских войск. Кубинцы не хотели оставлять ангольцев одних перед угрозой нового вторжения. Тем не менее начали готовить свои войска к выводу. Президент Нето принял аргументы Гаваны. Но часть кубинского воинского контингента оставалась в Анголе вплоть до 1990 года.

Кубинские войска помогли МПЛА одержать победу над противостоящими ей группировками и в целом упрочить контроль в Анголе. Но, откровенно говоря, совместные усилия вооруженных сил МПЛА и кубинцев не привели к окончательному разгрому оппозиционных формирований. Последние сохранили контроль над значительной частью территории страны, удаленной от столицы Анголы – Луанды.

В марте 1977 года Фидель Кастро наконец–то смог посетить Анголу и лично поздравить с победой ангольских и кубинских бойцов. К этому моменту на Кубу уже вернулись 12 тысяч кубинских воинов–интернационалистов.

В 1990–х годах на Кубе вышла книга Луиса Баеса «Без грифа: секреты генералов». В ней представлены свидетельства 42 генералов кубинских РВС, которые принимали участие в боевых действиях в Анголе. Вот лишь некоторые из воспоминаний участников тех событий, которые сегодня занимают ключевые посты в кубинском руководстве. «Анголе в первое время было исключительно тяжело. Мы не были подготовлены к этому виду войны, и нам наносили тяжелые удары, – рассказывает герой Республики Куба, дивизионный генерал Абелардо Коломе Ибарра, руководитель кубинской миссии в Анголе. – Товарищи из спецназа министерства внутренних дел столкнулись с одним племенем, у членов которого зубы были заточены, словно у акул. Если они тебя убивали, то съедали твое сердце и внутренности, чтобы, согласно их религии, твоя сила перешла к ним. Все это очень влияло на настрой товарищей, а с другой стороны, мы должны были сдерживать южноафриканцев, которые закрепились на реке Кунен».

Улиссес Росалес дель Торо, начальник Генштаба РВС, член политбюро и Госсовета Кубы сообщил: «Наши силы достигали 50 тысяч человек, свыше 1 500 танков и 150 самолетов и вертолетов – и все это за 14 тысяч километров от Кубы. В общей сложности через Анголу (включая 1980–е годы. – *М. М.)* прошло больше 300 тысяч наших солдат, а это означает, что, по крайней мере до 2015 года, у нас будут в действующей армии и резерве люди с боевым опытом»[563].

Генеральный прокурор Кубы в середине 1990–х Хуан Эс–калон Регера также имел отношение к ангольским событиям: «Когда я был начальником командного пункта по Анголе в

Гаване, каждый день в течение двух лет между двумя и тремя часами дня мне сообщали, что у нас гость. Я знал, что это пришел главнокомандующий Фидель Кастро, который задерживался у нас до раннего утра. Всей операцией в Анголе до мельчайших деталей руководил Фидель. На основе получаемой шифрованной информации он изучал карты, анализировал ситуацию и отдавал соответствующие приказы. Он поразительно владел ситуацией. Иногда говорил: „Это ошибка, здесь не хватает танков“ – или предупреждал: „Осторожно на юге! Южноафриканцы переместятся сюда…“ Месяцами Советы не имели представления, что мы делали в Анголе. Когда мы приехали на XXV съезд КПСС, при мне были шифры и карты <… > Однажды мы пригласили к себе в резиденцию маршала Андрея Гречко, министра обороны СССР. Фидель рассказывал ему о топографии региона, что там растет, какие засушливые земли, давал характеристики рек. В какой–то момент Гречко не выдержал и воскликнул: „Как же плохо работает советская разведка! Я и не знал, что ты был в Анголе“. Фидель объяснил ему, что никогда не был в Анголе. Тогда Гречко спросил: „А почему же ты знаешь о том, что земли там песчаные, что мало растительности, и о реках ты знаешь все?“ – „В этом заключается работа по поддержанию взаимодействия“, – ответил ему главноко–мандующий <…>»[564].

Бывший кубинский солдат, воевавший в 1976 году в Анголе, который пожелал остаться неназванным, вспоминал: «Каждый день в шесть утра генерал Синтра Фриас (командующий миссией Кубы в Анголе. – *М. М.)* связывался с Фиделем, который диктовал задачу на день. Он командовал всей войной из Гаваны. Генералы из штаба в Анголе докладывали ему обстановку, а Фидель принимал решение, причем диктуя его в мельчайших подробностях. Один раз он спросил о цвете камуфляжа у нас и у противника и приказал нам поменять форму. Синтра Фриас сказал: «Какое тебе дело до цвета нашей формы?» А Фидель озверел и заорал: «Говноеды! Если не поменяете, у вас ничего не выйдет!» Он в подробностях знал всё: и территорию, на которой перемещались войска, и всё. Он знал, что растительность скоро пожелтеет и наша темно–зеленая форма больше не будет нас маскировать. И он оказался прав»[565].

Фидель Кастро полагал, что интернационализм является самой прогрессивной формой проявления солидарности и братства между людьми: «Победа нашей революции 1 января 1959 года не означала конец сражениям. Из–за каждой коварной выходки империалистов нам приходилось снова надевать рюкзаки и ботинки. Многим патриотам еще долго приходилось отстаивать интересы своей страны с оружием в руках»[566].

Уже через год после Карибского кризиса, осенью 1963 года, когда Алжир подвергся агрессии в регионе Тиндуф со стороны Марокко при поддержке США, «кубинские войска – батальон танков, полученных из СССР для нашей собственной защиты, несколько артиллерийских установок и несколько сотен бойцов – пересекли океан и, не спрашивая ни у кого разрешения, поспешили на помощь братскому народу Алжира, чтобы защищать их территорию и ресурсы»[567], – рассказывал Фидель Кастро.

Кстати, эта «переадресация» советской помощи была не разовой акцией, а установкой Фиделя: «Цепь событий в истории длинна и непрерывна. Мы, получившие (советскую) техническую помощь, расплатимся за нее, помогая другим народам. Мы также когда–нибудь в меру наших возможностей и наших сил выплатим долг благодарности людям, выплатим его, помогая другим. Таким образом, те, кто помог нам сегодня, помогли и другим народам. Все это можно сравнить с тем, как человек сеет плодоносящие семена, помогая тем самым сегодня нам, завтра другим, а эти другие в свою очередь будут помогать еще кому–то до тех пор, пока, наконец, все народы Земли не освободятся от эксплуатации человека человеком <…>» [568].

С 1965 по 1974 год кубинцы воевали и в Гвинее–Бисау, которая в это время вела борьбу за независимость от Португалии и попросила кубинцев прислать инструкторов и оказать материальную поддержку. В июле 1975 года острова Кабо–Верде и архипелаг Сан–Томе и Принсипи тоже добились независимости от Португалии. В том же году и Мозамбик стал свободным после долгой и кровопролитной войны под руководством друга Фиделя Кастро Саморы Машела. За 30 лет, с 1959 по 1989 год, кубинские военные выполняли интернациональный долг в 13 странах мира.

Конечно, многочисленные интернациональные кампании сказались на экономике страны – ухудшилось снабжение кубинского населения продовольствием и товарами первой необходимости, резко сократились ассигнования на социальные программы. В народе снова пошли разговоры о том, что самим есть нечего, а «тут тебе африканские страны со своими проблемами». Но в целом большинство кубинцев считали, что они должны оказывать братскую помощь странам, пытавшимся избавиться от колониализма.

Фидель Кастро после ангольской кампании завязал дружбу с Эфиопией и Мозамбиком. В июне 1977 года, когда сомалийские войска вторглись в пустыню Огаден в Эфиопии, Москва попросила Кубу направить в этот район 15 тысяч кубинских военных, оснащенных самым современным на тот момент

советским оружием, которые с помощью эфиопских подразделений выбили к февралю 1978 года сомалийские войска из Эфиопии.

Активность кубинцев в Африке опять породила напряженность в отношениях между Кубой и США. Белый дом старался не допустить участия Кастро в намеченном на июнь 1976 года в Панаме совещании правительств латиноамериканских стран, опасаясь, что оно примет антиамериканский характер, запугивая эти страны новой угрозой «экспорта революции».

В марте 1976 года президент США Джеральд Форд с группой сенаторов провел совещание по вопросам внешней политики. Сенатор Стоун заявил журналистам, что президент информировал их о «разработке и обсуждении чрезвычайных планов» в отношении Кубы. Форд, по словам сенатора, сказал, что предупреждения в адрес Кубы не «являются блефом». Конечно, речь не шла о военном вторжении. Это означало бы конфронтацию с Советским Союзом. А большая часть американцев в то время не желала обострения отношений с Москвой. Другое дело, что заявление главы Белого дома спровоцировало антикубинскую кампанию в американских СМИ. Американцы, нагнетая обстановку, хотели заставить Кубу убрать свои войска из Анголы.

Начались очередные провокации против кубинцев в Карибском море. 7 апреля 1976 года в нейтральных водах было совершено вооруженное нападение на два кубинских рыболовецких судна. Одно из них было затоплено, другое отбуксировано в Майами. 1976 год вообще ознаменовался целой серией террористических акций в отношении кубинских граждан и учреждений, в частности похищением двух кубинских дипломатов в Аргентине, которые не найдены до сих пор, взрывами бомб в офисе кубинской авиакомпании в Панаме, в посольстве Кубы в Португалии и кубинском представительстве при ООН. Все это вынудило Фиделя Кастро сделать жесткое заявление: «Мы не будем подписывать с Соединенными Штатами в дальнейшем никакого соглашения до тех пор, пока не прекратится террористическая кампания, развязанная против Кубы, не будут даны эффективные гарантии о недопущении подобных действий против нашего народа и не будет положен конец враждебным действиям и агрессии Соединенных Штатов против Кубы. Не может быть никакого сотрудничества между агрессором и страной, подвергшейся агрессии»[569].

Хотя на самом деле в кубино–американских отношениях к середине 1970–х годов не все было так уж безнадежно. Еще в

начале 1973 года 12 американских конгрессменов опубликовали специальный доклад, в котором настаивали на их нормализации. Сайрус Итон, в очередной раз побывавший на Кубе, сказал, что восстановление отношений между Вашингтоном и Гаваной открыло бы путь к экономическому сотрудничеству, к чему уже была готова американская деловая элита: «Пока же многие корпорации США торгуют с Кубой через свои латиноамериканские и европейские филиалы, а не напрямую. Пора же наконец стать реалистами»[570]. А в 1974—1975 годах и вовсе произошло неожиданное. Между Кубой и США начались секретные переговоры, в ходе которых американские представители сенаторы У. Роджерс и Л. Иглбергер выдвинули в качестве главных условий нормализации отношений между двумя странами требование прекращения советско–кубинских военных связей и выплаты компенсации за национализированную собственность американских компаний. Эти секретные переговоры были прерваны после того, как американцам стало известно о высадке кубинских войск в Анголе.

Сенатор Эдвард Кеннеди, выступая в конгрессе в марте 1975 года, заявил: «Уже пять лет я призываю положить конец политике изоляции и эмбарго в отношении Республики Куба и сейчас считаю целесообразным внести законопроект, чтобы высвободить нашу нынешнюю политику в отношении Кубы из паутины правовой казуистики<…> Сейчас создается впечатление, что мы, наконец, признаем: политика изоляции Кубы не отвечает интересам Соединенных Штатов. Эта политика представляет собой очевидный анахронизм»[571].

Тем не менее в июне 1975 года комиссия по иностранным делам палаты представителей Конгресса США отклонила проект резолюции по отмене эмбарго в отношении Кубы. 15 января 1976 года государственный секретарь США Генри Киссинджер констатировал: «Ясно, что начавшаяся в прошлом году эволюция на пути к нормализации отношений с Кубой, с которой мы были готовы сотрудничать, прервана»[572].

Фидель же твердо стоял на своей позиции. В 1977 году он заявил группе американских журналистов: «Полагаю, что полная отмена эмбарго была бы оправдана не только с точки зрения экономической, но и моральной и политической <… > Было бы аморально вести торговлю с крупными государствами и сохранять эмбарго против малых стран. Я считаю, что от такого шага Соединенные Штаты выиграли бы в политическом плане, снискали бы себе уважение на международной арене. Это облегчило бы обсуждение всех проблем, которые могут существовать между двумя странами. Думается, что отмена

эмбарго создала бы оптимальные условия для обсуждения любого рода проблем, любых существующих трудностей между США и Кубой»[573].

Администрация Форда предложила Гаване согласиться на ряд политических уступок (отказ от поддержки революционных движений и т. п.) в обмен на нормализацию отношений с США. Именно при Форде были внесены три поправки в пресловутый закон об эмбарго Кубы, принятый еще при Кеннеди. Был снят запрет на торговлю с Кубой филиалов американских компаний. Для стран, торгующих с Кубой, была отменена экономическая санкция – прекращение финансовой помощи со стороны США. Кроме того, судам, совершающим торговые рейсы на Кубу, было разрешено дозаправляться в американских портах. При Форде же США вместе с большинством членов ОАГ проголосовали за отмену санкций этой организации против Кубы. На деле, по правде говоря, ситуация не изменилась кардинальным образом в лучшую сторону.

Оттепель в кубино–американских отношениях наступила при Картере, во второй половине 1970–х годов, когда американская администрация сделала Кубе еще три существенных послабления. Американским гражданам было разрешено посещать Кубу, прекратились полеты американских самолетов–шпионов над кубинской территорией. Белый дом подписал долгожданное соглашение по рыболовству и определению границ морских экономических зон, смягчил режим в отношении кубинских представителей в США, сняв ограничения на их передвижения по стране.

В начале 1977 года Джимми Картер через своих личных представителей направил Фиделю Кастро официальное письмо, в котором от имени американского правительства предложил восстановить дипломатические отношения между двумя странами. В ответном письме Фидель Кастро сообщил, что Куба готова нормализовать отношения с США только при условии, если американцы официально объявят о полной отмене ее экономической и политической блокады и осудят политику предыдущих американских правительств в отношении Острова свободы[574].

Поездки на Кубу влиятельных американских бизнесменов возобновились, и в 1977 году Гавану даже посетил президент всемирно известной компании «Кока–кола», который предложил кубинцам наладить производство этого напитка в обмен на право продажи кубинского рома на западных рынках на взаимовыгодных условиях. В начале сентября 1977 года в посольстве Чехословакии в Вашингтоне и в посольстве

Швейцарии в Гаване были открыты так называемые «миссии интересов» Кубы и США.

Но потом все вернулось на круги своя. Позиция администрации Картера по отношению к Кубе не изменилась. Менялись лишь условия, которые новая команда Белого дома ставила Гаване. Главными требованиями теперь стали вывод всех кубинских войск из Анголы и невмешательство в африканские дела.

У Фиделя это не могло вызвать ничего кроме гнева. Выступая на заседании Народной ассамблеи в Гаване в декабре 1977 года, он заявил: «Какое моральное право имеют США говорить о наших войсках в Африке, когда их собственные войска находятся на нашей национальной территории, на морской базе Гуантанамо? Было бы смешно нам просить США для возобновления и улучшения отношений между Кубой и Соединенными Штатами отвести их войска с Филиппин, или из Турции, или из Греции, или с Окинавы, или из Южной Кореи»[575].

Белый дом озаботился соблюдением прав человека на Кубе, требовал, чтобы она прекратила поддерживать борцов за независимость Пуэрто–Рико, который был американским протекторатом, выплатила компенсацию в 1,8 миллиарда долларов за национализированную после кубинской революции собственность американских компаний. По правде говоря, эти «долги и компенсации» уже давно были выставлены на торги, так как никто из серьезных бизнесменов не верил в то, что они когда–нибудь могут быть выплачены правительством Фиделя Кастро. Финансовые претензии к Кубе на тот момент предъявляли в основном биржевые дельцы, спекулянты, которые приобрели у американских граждан и фирм право на получение компенсации в среднем по 2 цента за доллар.

В то время США не располагали более действенными рычагами давления на Кубу. Проанализировав ситуацию, кубинское руководство пришло к выводу, что американские войска могут завладеть островом лишь при условии, что им удастся уничтожить более 50 процентов населения. При этом для вторжения понадобится не менее двух армий, поддерживаемых авиацией и морским флотом. Но в этом случае между Кубой и США развязалась бы настоящая война, в которой, как отмечали источники, «кубинцы надеются на помощь Советского Союза и других стран социалистического лагеря»[576].

Но Фидель Кастро понимал, что «крайне религиозный» Джимми Картер не пойдет на это. Этот американский президент вообще отличался от своих предшественников. Вот почему Фидель, с особой теплотой встретив Картера на Кубе в 2004 году,

сказал: «Тот, кто в разгар холодной войны, в пучине царивших предрассудков, дезинформации и взаимного недоверия, предпринял попытку улучшить отношения между обеими странами, заслуживает уважения. <…> Мы испытываем искренние дружеские чувства к народу Соединенных Штатов, особенно ко всем порядочным американцам, которых много и которых мы узнаем все больше»[577].

Во второй половине 1970–х годов американские спецслужбы несколько поменяли тактику в отношении Кубы, сделав ставку на антикубинскую истерию с помощью пресловутой «красной угрозы». Главная роль в этом отводилась контрреволюционным эмигрантским организациям и религиозным сектам на самой Кубе. 6 октября 1976 года члены антикубинской организации в Венесуэле взорвали самолет кубинской авиакомпании с 73 пассажирами на борту.

В начале января 1977 года кубинским спецслужбам стало известно о готовящихся покушениях на руководителей страны.

15 января 1977 года была начата операция под кодовым названием «Мафия», в ходе которой было арестовано более 880 человек, изъято около 250 тысяч песо, много драгоценностей, несколько десятков незаконно приобретенных автомашин и оружие[578].

В начале 1980–х годов кубинцы столкнулись с неизвестным ранее явлением. Сначала пострадали плантации сахарного тростника. Десятки тысяч гектаров посевов были поражены эрозией и покрыты самой настоящей ржавчиной. А в июле 1981 года на Кубе началась эпидемия вирусной лихорадки «денге», в результате которой заболело около 300 тысяч жителей острова, а 80 из них умерли. Вирус лихорадки передавался через москитов.

На Кубе и этот случай, и факты заражения плантаций тростника, а позже и кофе, расценивали как биологическую диверсию со стороны северных соседей. Дело в том, что только американские специалисты по биологической войне имели у себя на вооружении подобный вирус. Но эту версию так и не удалось подкрепить убедительными доказательствами. А в 1984 году глава известной кубинской террористической организации «Омега–7» Эдуардо Аросена заявил во время судебного процесса над ним, что лично организовал переброску контейнеров с зараженными москитами на Кубу при помощи кубинских эмигрантов, проживавших в США[579].

Куба одной из первых столкнулась с актами международного терроризма, на борьбу с которым сегодня нацелено мировое сообщество.

Глава пятнадцатая
НАЕДИНЕ С «СЕВЕРНОЙ ИМПЕРИЕЙ»

В начале января 1980 года Фидель Кастро понес огромную личную утрату: на шестидесятом году жизни от рака умерла его верная подруга Селия Санчес.

Этот год вообще оказался для Кастро богат на потрясения. Речь в первую очередь идет о так называемой Мариэльской переправе – массовой эмиграции кубинцев из кубинского порта Мариэль в американский Майами, которая происходила с 15 апреля по 31 октября 1980 года по соглашению между властями Кубы и США.

Американцы стали убеждать и провоцировать пропагандистскими средствами население Кубы покинуть остров. В результате у консульств ряда зарубежных государств в Гаване скопились очереди, преимущественно из молодых людей. Из–за давки у посольства Перу был убит солдат, стоявший в карауле. Возбужденная толпа прорвалась на территорию этого дипломатического представительства. Перуанский посол отказался сотрудничать с кубинским МВД и объявил лиц, находившихся на территории посольства, политическими беженцами. Фидель не стал прибегать к методам давления, а распорядился снять охрану посольства, предложив дипломатам самим обеспечивать свою защиту. Когда стало известно, что посольство Перу, по сути, открыло настежь свои ворота, за считаные часы на его территорию перекочевало около восьми тысяч человек, многие из которых годами ждали американской визы. Посольство стало похоже на большой цыганский табор, его работа была парализована. Перуанцы были в шоке: большинство из «политических узников» составляли наркоманы, проститутки и криминальные элементы, которые принялись грабить диппредстави–тельство и бузить. Тогда перуанский посол был вынужден взять свои слова обратно и стал умолять Фиделя навести порядок и восстановить охрану. Кастро выполнил просьбу дипломата, дав соответствующее указание МВД. Более того, распорядился выдать всем желающим покинуть Кубу так называемую эмиграционную карточку. При этом он заявил, что не будет чинить препятствий для выезда.

В это время уже полным ходом шли переговоры с американцами о создании канала для отправки кубинцев в США. Для этого был выбран порт Мариэль, куда начали прибывать суда из США для вывоза кубинцев.

Первые дни Мариэльской переправы шокировали Фиделя. Он даже не предполагал, как много кубинцев хотят покинуть родину. И тогда Фидель сделал ход, который ему до сих пор припоминают американцы. Он выпустил из тюрем на свободу, что называется, «прямиком в США», тысячи уголовников и рецидивистов, которые так же, как и обычные граждане, отправились на судах в Соединенные Штаты. Им хватило несколько месяцев, чтобы объединиться в организованные преступные группировки, но для начала устроить беспорядки во временных фильтрационных пунктах, где они содержались до выяснения личности. Так американцы получили на свою голову «подарок от Фиделя» – кубинскую мафию.

Впоследствии выяснилось, что как минимум пятая часть, 25 из примерно 125 тысяч кубинцев, переехавших в те дни в США, был преступниками или деклассированными элементами, пациентами психиатрических больниц, которых западная пресса называла «узниками совести», больными СПИДом, наркоманами. Картер и Белый дом подверглись жесткой критике американских граждан, а Фидель поблагодарил США за «хорошо проделанную санитарную работу».

Мариэльская переправа, происходившая в разгар президентской кампании в США 1980 года, стоила демократам кресла главы Белого дома.

Американские неоконсерваторы, критиковавшие Картера «за его безвольную политику в регионе», разработали свою доктрину, которая исходила из того, что «Америка абсолютно могущественна, но ей угрожает абсолютная опасность».

В итоге в 1979 году появилась так называемая «Программа Санта–Фе». Особое внимание авторы новой жесткой американской доктрины уделили Кубе, которая, по их мнению, «несмотря на свои малые размеры и ничтожные ресурсы, превратилась в главного врага Америки в Западном полушарии». Они наметили целый список «карательных мер», в частности, предлагали Белому дому аннулировать прежние договоренности с Кубой, достигнутые при Форде и Картере, начать политическое и идеологическое наступление, стимулировать внутреннюю подрывную деятельность, а в перспективе развернуть «освободительную войну против Кастро».

Как и при Кеннеди во времена Карибского кризиса, в американский политический лексикон вернулись такие термины, как «карантин» и «военно–морская блокада».

Рекомендации, содержащиеся в «Программе Санта–Фе», были немедленно приняты администрацией Соединенных Штатов после вступления в должность президента Рейгана в январе 1981

года. Тогда же было решено особое внимание уделить кубинской эмиграции – главному потенциальному противнику режима Кастро. Американский исследователь Гаэтан Фонси рассказал в журнале «Эсквайр», что идею об организации кубинских эмигрантов «в эффективную пружину, чтобы поддерживать агрессивный внешнеполитический курс президента Соединенных Штатов», выдвинул бывший офицер ЦРУ Ричард Аллен, в то время советник президента Рейгана по вопросам национальной безопасности. «Я сказал Рейгану и его команде, что самое лучшее, что они могут сделать, – это создать организацию, которая выступала бы единым фронтом или производила бы впечатление, что выступает единым фронтом. Я очень доволен, что они последовали моему совету», – заявлял впоследствии Ричард Аллен[580].

Первый шаг по созданию этого «единого фронта» был сделан в 1980 году Роджером Фонтейном, в то время членом «Комитета Санта–Фе», одним из идеологов в будущей администрации Рейгана, а позднее – ответственным за латиноамериканскую политику в Совете национальной безопасности. Фонтейн публично заявил о «возможности создания кубинского лобби в американском конгрессе в целях оправдания более агрессивного антикубинского политического курса».

К тому времени кубинские эмигранты в Соединенных Штатах почти два десятилетия ассоциировались с терроризмом, грязными операциями ЦРУ и насилием. «Поэтому требовалось создать организацию нового типа, которая обеспечила бы, с одной стороны, полное подчинение этому политическому курсу, а с другой – обновленный имидж, приемлемый для американского общества, – объяснял Фидель Кастро. – Создание Национального кубино–американского фонда было прежде всего попыткой изменить имидж кубинской эмиграции. Наиболее показательным признаком циничности этого проекта является то, что большинство руководителей фонда, в настоящий момент миллионеров, были отобраны из активистов Центрального разведывательного управления. Теперь они должны были посвятить все свое время и энергию новой политической работе: визиты в Вашингтон, интенсивная лоббистская деятельность среди конгрессменов и представителей администрации, пожертвования на предвыборные кампании и другие политические мероприятия – все это при максимально возможном освещении в средствах массовой информации»[581].

Этот фонд был создан в июле 1981 года и зарегистрирован как некоммерческая, филантропическая и просветительская организация. Именно в этом фонде будут разработаны, а

впоследствии пролоббированы в 1990–е годы в американском конгрессе так называемые законы Торричелли и Хелм–са–Бертона, направленные на ужесточение экономической блокады Кубы.

Создать и возглавить организацию было поручено Масу Каносе, давнему агенту ЦРУ, который участвовал в провальной операции в Заливе Свиней, попал в плен, был освобожден и вернулся в США, где за короткий срок стал миллионером. Он руководил подготовкой и лично участвовал в проведении многочисленных террористических актов на территории Кубы, в результате которых погибли люди. Свой капитал Каноса, кстати, сколотил на контрабанде оружия и торговле наркотиками.

В 1993 году на Западе вышла книга Андреса Оппенгеймера «Последние дни Фиделя Кастро». Автор, написавший ее в самые трудные для острова времена, предрекал скорый закат режима Кастро. Российских читателей больше заинтересует описание в книге того, как Каноса через посредников оплачивал «грязные» заказные статьи журналистов российских СМИ, направленные против Фиделя – как правило, в обмен на поездки в США или устройство детей в американские университеты.

Но вернемся к фонду. Согласно данным, которые приводил Фидель Кастро со ссылкой на уже упоминавшегося американского исследователя Фонтейна, в период правления Рейгана и Буша–старшего фонд получил более 200 миллионов долларов из правительственных средств.

«Многие аналитики сходятся во мнении о том, что план ЦРУ и Совета национальной безопасности удался полностью. Фонд органически вписался в политическую систему Соединенных Штатов. Он добился влияния в обеих партиях, которое распространялось не только на политические избирательные круги, но и на государственных чиновников разного уровня. Национальный кубино–американский фонд с самого начала был призван полностью влиться в систему лоббизма, характерного для американского общества, благодаря комитетам политического действия, так называемым КПД, которые позволяют финансировать предвыборные кампании и служат для „обеспечения своих интересов“ среди американских конгрессменов и сенаторов, а также в рамках президентских кампаний»[582], – заявил Фидель в 1999 году.

На избирательные кампании фонд предоставлял американским политикам действительно крупные средства. С 1982 по 1999 год десятки американских конгрессменов и сенаторов от обеих партий получали финансовую помощь Национального кубино–американского фонда. Согласно отчетам

Федеральной избирательной комиссии, на отдельных этапах «пожертвования» со стороны фонда получали сразу до 60 законодателей за один год!

«Национальный кубино–американский фонд разработал и другой своеобразный метод лоббизма – нажим, – говорил Фидель Кастро. – В Вашингтоне известно несколько случаев, когда конгрессмены отказывались принять деньги или поддержать политические предложения фонда, а в ответ на это фонд предоставлял крупные финансовые средства их соперникам, оказывал разного рода давление в их избирательных округах или штатах, прибегал к шантажу и угрозам в более утонченных формах».

О том, как политики по–своему «отработали» деньги фонда, свидетельствует такой факт: с 1981 по 1998 год в американский конгресс было представлено свыше 150 антикубинских законопроектов или поправок к законам, больше, чем по вопросам отношений США с другими странами мира! [583]

24 февраля 1982 года Рональд Рейган выступил с программным заявлением в штаб–квартире Организации американских государств в Вашингтоне: «Район Карибского бассейна представляет собой жизненно важную стратегическую и коммерческую артерию Соединенных Штатов. Почти половина американской торговли, две трети импортируемой нами нефти и более половины импортируемых нами стратегических полезных ископаемых доставляются через Панамский канал или Мексиканский залив <…> Если мы не предпримем незамедлительных и решительных действий, из руин сегодняшних конфликтов возникнут новые Кубы»[584].

Ответ кубинцев был сформулирован в статье, опубликованной в начале марта 1982 года в газете «Гранма»: «Только в 1979—1980 годах североамериканские транснациональные компании извлекли и перевели на свои счета в Соединенных Штатах по 2,24 доллара на каждый инвестируемый доллар. В 1980 году эти компании получили в странах региона огромную прибыль в 23 процента от вложенного капитала. Таковы красноречивые свидетельства „вклада“ американского капитала в экономику центральноамериканских республик»[585].

При Рональде Рейгане вновь были запрещены поездки американцев на Кубу. Договор о рыболовстве, заключенный при Картере в 1997 году, не был продлен. Однако, несмотря на жесткие заявления, Рейган не стал отменять поправки к закону об эмбарго, которые были приняты при Форде.

В 2007 году Фидель Кастро в одной из своих статей

рассказал, как кубинцы спасли жизнь Рональду Рейгану. Несмотря на идеологические противоречия и личную антипатию к тогдашнему американскому президенту, Фидель Кастро проявил благородство. Зная о том, что американцы не прекращают операцию под названием «Смерть Фиделю Кастро», он тем не менее распорядился поделиться с североамериканскими спецслужбами конфиденциальной информацией о том, что жизни Рейгана угрожает опасность.

Летом 1984 года по агентурным каналам кубинские спецслужбы узнали о готовящемся покушении на Рейгана, которое должна была совершить группа ультраправых в Северной Каролине. Этот штат Рейган собирался посетить в рамках новой президентской кампании. «Информация была полной: приводились имена замешанных в этот план; день, час и место, где должно было произойти убийство президента; вид вооружения, которое было у террористов, и где они хранили оружие; кроме всего этого, место, где собирались элементы, планировавшие акцию, и краткий рассказ о том, о чем говорилось на этой встрече».

Буквально через несколько дней ФБР арестовало группу людей в Северной Каролине, которым был предъявлен ряд обвинений, но ни одно из них, в целях неразглашения операции, не было связано с покушением на президента Рейгана. Он поехал в этот штат чуть позже в рамках кампании по его переизбранию на президентский пост. Представители американских спецслужб передали Фиделю Кастро благодарность от правительства Соединенных Штатов за предоставленную информацию. Рейган оценил поступок кубинцев. Он «подписал с Кубой первое миграционное соглашение, но не мог избавиться от своего окружения, потому что другие, еще более правые, чем он, ликвидировали бы его, как это сделали с Кеннеди после того, как стало известно о страшном риске термоядерной войны», – уверен Фидель.

Американские власти, получив «подарок от Фиделя» в результате Мариэльской переправы, не справлялись с валом преступности. В ответ на то, что Куба согласилась принять обратно несколько тысяч преступников, выпущенных из тюрем, Соединенные Штаты обязались ежегодно предоставлять кубинцам 20 тысяч легальных виз, в первую очередь выдавая их близким родственникам американских граждан и кубинцев, постоянно проживающим в США.

В первый – 1985–й – год действия миграционного соглашения кубинцам было выдано только 1 227 американских виз. В 1986 и 1987 годах с Кубы не выехал никто. Выполнение соглашения было

приостановлено вследствие того, что в 1986 году американцами была создана радиостанция кубинских эмигрантов, которой намеренно оскорбительно дали имя «апостола» кубинской революции Хосе Марти. Соглашение вновь вступило в силу в последний год президентства Рейгана.

В 1988 году кубинцы получили только 3472 визы, то есть в 5,8 раза меньше договоренного. Ни одна из трех последующих американских администраций, сменивших друг друга с 1984 по 1994 год, не выполнила соглашения. Администрация Клинтона вообще никогда не выдавала более тысячи виз. В итоге с момента подписания соглашения до конца срока президентства Клинтона в 2000 году число лиц, не получивших визы, превысило 240 тысяч.

В конце 1970–х – первой половине 1980–х годов Фидель в условиях политического спокойствия и относительно стабильной экономической ситуации в стране смог сосредоточиться на том, о чем он давно мечтал, – выдвинуться в число мировых лидеров. Благо, этому способствовали два обстоятельства – на Острове свободы прошел фестиваль молодежи и студентов, а Куба стала председателем Движения неприсоединения (ДН).

Фестиваль должен был состояться летом 1978 года, но уже в 1975 году по распоряжению Фиделя Кастро был создан его организационный комитет. Вся Куба включилась в подготовку этого праздника. Люди работали сверхурочно, направляли заработанные средства в фонд фестиваля, на которые затем было построено множество молодежных объектов.

Фестиваль проходил с 28 июля по 5 августа 1978 года. На Кубу съехалось около 20 тысяч гостей из 145 стран мира. Кульминацией молодежного праздника стало, как всегда, выступление Фиделя перед миллионной аудиторией на митинге в Гаване в день закрытия фестиваля 5 августа.

В 1979 году Фидель Кастро стал председателем Движения неприсоединения. Это позволило дистанцироваться от обоих центров силы: США и СССР. Он хотел попробовать помочь утвердиться движению как некоей «третьей силе», мнение которой два упомянутых колосса, по крайней мере, будут если не учитывать, то воспринимать.

В сентябре 1979 года в Гаване состоялась шестая конференция Движения неприсоединения. Еще на этапе ее подготовки Кастро столкнулся с нешуточным сопротивлением со стороны американцев, понимавших, что за предстоящие годы своего председательства он попытается провести в ДН ряд инициатив, повышающих авторитет и влияние Гаваны и невыгодных Вашингтону. Американцы задействовали целый

арсенал средств: политическое давление на некоторые развивающиеся страны, дипломатические каналы, пропагандистские методы для обеспечения выгодных США формулировок итоговой «Гаванской декларации».

Кастро накануне и в ходе самого форума провел колоссальную работу: лично разрабатывал и корректировал итоговые документы конференции, провел десятки встреч с лидерами государств, чтобы в первую очередь не допустить раскола в движении и выработать единую стратегию организации на годы вперед в противовес усилиям американцев. Позиция Фиделя Кастро была четко сформулирована в его речи на открытии конференции. «Американские империалисты, их старые и новые союзники не хотели проведения этой конференции на Кубе. Чем можно попрекнуть Кубу? Тем, что она – социалистическая страна? Да, мы социалистическая страна, но мы никому ни внутри, ни за пределами движения не стремимся навязать нашу идеологию и нашу систему <… > Да, мы революционеры–радикалы, но мы не претендуем на то, чтобы навязать кому–нибудь, и меньше всего Движению неприсоединения, наш радикализм»[586].

В этой программной речи Фидель Кастро перечислил приоритеты организации. Аналитики в один голос отмечали, что он сознательно уходит от присущего ему напористого стиля и выступает в непривычном для себя примирительном тоне: «Мы будем сотрудничать со всеми странами–участницами, без исключений, для достижения наших целей и для выполнения принятых соглашений. Мы будем терпеливыми, благоразумными, уступчивыми, спокойными. Куба будет соблюдать эти нормы повсюду на протяжении нескольких лет, и они станут главнее движения». Помимо традиционных для Движения неприсоединения вопросов: мирного сосуществования, экономического развития, суверенитета, Фидель впервые четко обозначил тему внешнего долга беднейших стран своим могущественным кредиторам. Этот долг к началу 1980–х годов был таков, что многие беднейшие государства были даже не в состоянии выплатить проценты с него. Еще в конце 1970–х годов Кастро сформулировал идею, к осознанию которой мировое сообщество пришло не так давно, – необходимости делать инвестиции в экономику слаборазвитых стран.

«Я не прошу, чтобы вы жертвовали своими законными интересами, – обращался Фидель Кастро на конференции к представителям индустриально развитых стран, – я не прошу, чтобы вы прекратили бороться за максимум того, чего вы можете добиться для развития и благосостояния своих собственных

народов; я не прошу, чтобы вы прекратили бороться за обеспечение своего будущего. Я призываю вас к единению с нами; я призываю вас сомкнуться с нами в единых рядах и бороться вместе за подлинно новый международный экономический порядок, который принесет благо всем»[587].

Спустя несколько недель после Гаванской конференции он поднял эту тему на 34–й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью–Йорке. От имени Движения он выступил с предложением создать фонд в 300 миллиардов долларов для облегчения положения развивающихся стран. Благодаря этому Фидель поднял свой авторитет в политической элите многих стран Латинской Америки, который основательно пошатнулся в середине 1960–х годов, в период проведения политики «экспорта революции». И к середине 1980–х годов Куба восстановила дипломатические отношения практически со всеми латиноамериканскими государствами, при этом наладив выгодные для себя экономические связи с ключевыми региональными «игроками»: Бразилией, Аргентиной, Венесуэлой и Мексикой. А сам Фидель Кастро превратился в главного поборника социальной справедливости, стал кумиром для населения региона.

Но не только интересы Латинской Америки отстаивал Фидель, будучи четыре года председателем Движения неприсоединения. В феврале 1982 года он обнародовал декларацию, в которой предупреждал о военных приготовлениях Израиля, выражая солидарность с Палестиной. Неоднократно обращался к Генсеку ООН, требуя прекратить израильскую агрессию. Столь же последовательно выступал за разрешение ирано–иракского конфликта и в защиту Анголы, подвергавшейся агрессии со стороны ЮАР.

В 1983 году на церемонии передачи полномочий председателя ДН от Кубы Индии премьер–министр этой страны Индира Ганди от имени неприсоединившихся стран выразила Фиделю Кастро глубокую благодарность «за ту решимость, эффективность, достоинство, с которыми он нес председательское бремя в последние три года».

Говоря о международной политике Фиделя, конечно, нельзя обойти весьма щекотливую в тот момент тему его непростых отношений с Москвой.

В августе 1979 года за пару недель до открытия Гаванской конференции Движения неприсоединения американцы, как уже говорилось, развернули мощную пропагандистскую кампанию с целью дискредитировать кубинское руководство и сорвать этот представительный форум. В американских СМИ появились

сообщения о наращивании советского военного присутствия на острове. В соответствии с отработанным в Северной Америке сценарием следующее слово сказали конгрессмены. Сенатор Стоун потребовал провести по этому поводу специальное расследование. Кроме того, американцы организовали крупномасштабные военно–морские учения в непосредственной близости от берегов Кубы.

На самом деле история не стоила и выеденного яйца. Речь шла о советской военной бригаде численностью в три тысячи человек, которая находилась на Кубе со времен Карибского кризиса, то есть уже почти два десятилетия. И о существовании которой Белый дом был давным–давно осведомлен подробно. Но рядовым американцам этот факт был преподнесен как «безусловная сенсация».

По воспоминаниям Виталия Воротникова, который в то время был послом СССР на Кубе, США искали любой повод, чтобы сорвать Гаванскую конференцию. Сразу же после публикации этой «сенсационной информации» в американской прессе в советское посольство приехал Рауль Кастро, который имел продолжительную беседу с советским послом. В конце беседы он сказал: «Наша позиция такова, что ни в коей мере мы не должны камуфлировать реальное положение вещей и тем самым делать уступки американцам, которые могут легко интерпретировать попытки отрицать наличие бригады – советского учебного центра на Кубе как отказ Кубы и СССР от права создания подобного центра и направления туда воинского персонала. Ведь им давно известно об этой бригаде и меня поражает, что она „недавно обнаружена“. Не следует отказываться от привычного названия»[588]. Рауль Кастро попросил срочно проинформировать об этой позиции кубинцев Москву. Виталий Воротников незамедлительно сообщил об этом в высокие советские инстанции.

Но дело в том, что Москва не хотела ссориться с США. Тем более с демократической администрацией Картера в преддверии новых выборов на пост главы Белого дома, учитывая антисоветскую риторику кандидата в президенты от республиканцев Рональда Рейгана.

Из Москвы пришел ответ, который поразил сначала посла, а затем пришедших в недоумение кубинцев. Дескать, Советский Союз признает наличие на Кубе советских военных в составе некоего «Учебного центра № 12». Никакой же военной бригады на Острове свободы не должно было быть и в помине. Не объяснялось и то, почему этому «учебному центру» присвоена цифра «12».

Таким образом, советское руководство не только не поддержало просьбу кубинцев, которая не была невыполнимой, но пошло на политическую уступку США, что называется, «даже не ввязавшись в бой». Виталий Воротников решил пока не информировать об этом кубинцев.

Как только завершилась Гаванская конференция, в резиденцию Воротникова снова приехал Рауль Кастро, который возмут и лся тем, что Москва до сих пор не поддержала просьбу Гаваны. Он сообщил об искреннем недоумении этим обстоятельством команданте эн хэфэ, занятость которого пока не позволяла тому самому прояснить ситуацию. Лишь 12 сентября Виталий Воротников получил текст личного послания Фиделю Кастро от Леонида Брежнева. Советский лидер в присущем ему «мягком стиле» заверял кубинского коллегу в том, что советские военные и впредь будут присутствовать на Кубе. Но добавлял, что советская сторона не хотела бы осложнять нормализовавшиеся отношения с США перед грядущими президентскими выборами.

Сам Фидель, с которым встречался Воротников, действительно не вникал в детали и не высказывался по этому вопросу, поручив его обсуждение Раулю. Виталий Воротников, который поддерживал позицию Кубы, так вспоминает о том нелегком периоде в советско–кубинских отношениях, который сами кубинцы назвали мини–кризисом: «Я считал, что для руководства Кубы наличие в стране „символической советской военной части“ нечто большее, чем деталь нашего сотрудничества, это вопрос и морально–психологического характера, влияющий, с одной стороны, на настроение кубинцев, воспринимавших это как поддержку истинного друга и защитника – Советского Союза. С другой стороны, этот символический военный контингент определенным образом воздействовал и на США, ограничивая их постоянное стремление давить на Кубу вплоть до возможного десантирования войск. Поэтому руководство Кубы, как мне представлялось, интуитивно чувствуя, что изменение наименования части дело не формальное, стремилось сохранить статус–кво, тем самым противостоять наглому нажиму американцев и успокоить свой народ – „Советы с нами“»[589].

Итак, Москва проигнорировала «маленькую просьбу» маленького острова. Американцы потирали руки. Советская военная бригада с ноября 1979 года стала именоваться «учебным центром».

Фиделя Кастро поджидал еще один неприятный сюрприз от Москвы в декабре 1979 года, когда советские войска, не информируя своих союзников и Кубу, которая была

председателем Движения неприсоединения, вошли в Афганистан. Это мусульманское государство было активным членом ДН и, более того, одним из основателей движения.

Фиделю пришлось столкнуться с лавиной критики и давления со стороны государств—членов движения, которые осуждали агрессию великой державы в отношении «маленького неприсоединившегося государства». А ведь он только только на Гаванской конференции рассказывал ее делегатам, как СССР помог выжить Кубе, воспевал Октябрьскую революцию, заявив, что «у всех мировых национально–патриотических движений есть за что благодарить СССР».

Виталий Воротников вспоминает, что Фидель Кастро буквально примчался в советское посольство, едва получив информацию о советском вторжении в Афганистан. «Его реакция на эту акцию была нервной, эмоциональной. Фидель был огорчен и возмущен не столько фактом ввода войск, как тем, что ситуация ухудшается, выразил недоумение и формой, как произошла смена власти в ДРА, к чему не было подготовлено общественное мнение. Беспокоили его и санкции, другие ответные действия США и Запада, которые, безусловно, будут приняты по отношению к СССР и другим странам соцсодружества»[590].

Кастро был разочарован тем, что революция, внесенная в Кабул на советских штыках, не была как следует подготовлена, не учитывала особенностей этой мусульманской страны, раздираемой противоречиями. В результате Советский Союз увяз в Афганистане на долгие годы и потерял там 15 тысяч солдат и офицеров.

Шли недели, а Фидель никак не обозначал своей позиции по афганской проблеме. Момент истины наступил во время голосования на конференции Движения неприсоединения по резолюции ООН, осуждающей советское вторжение. Куба оказалась в числе девяти стран, которые не поддержали резолюцию. За нее выступили 55 стран. Таким образом, Фидель Кастро не пожертвовал дружбой с Москвой.

Конечно, он не мог не понимать, что после этого доверие к нему в большинстве стран третьего мира пошатнется. (Уже позже, в 1985 году, Фидель Кастро заявил, что Афганистан был в конце 1970–х годов одним из тех мест в мире, где революция была необходима. В противном случае афганский режим мог «передать революцию в руки прозападных фундаменталистов» и привести страну к хаосу. Что, собственно, и подтвердила новейшая история, когда теперь, уже после американского вторжения в Афганистан, власть, переданная прозападным лидерам, никак не может привести к миру эту страну, превратившуюся в центр

наркоторговли.)

Но сюрпризы на этом не закончились. В конце февраля 1980 года Рауль Кастро во главе военной делегации прибыл в Москву. Его неожиданно пригласили на заседание Политбюро ЦК КПСС, где он услышал в довольно резкой форме крайне неприятную новость: отныне Куба не может рассчитывать на то, что Советский Союз поддержит Остров свободы силовыми средствами в случае вторжения американцев. Москва конечно же заверила, что не бросит своих кубинских друзей в беде, но ссориться и воевать с Соединенными Штатами из–за Гаваны не намерена.

Реакция Фиделя Кастро была молниеносной – он усилил военную подготовку граждан страны и создал народное ополчение – Войска территориальной милиции (ВТМ).

В рекордно короткие сроки было подготовлено 70 тысяч офицеров, а к 1985 году общее количество граждан, готовых выступить на защиту Кубы, составляло два с половиной миллиона человек, почти треть от всего населения.

В апреле 1980 года на Кубу с официальным визитом прибыл член ЦК КПСС П. Н. Демичев. Встречался он с Фиделем Кастро в резиденции советского посла. «Обстановка в доме была крайне напряженной. Все сидели тихо. Фидель беспрерывно курил, – вспоминал Виталий Воротников. – Никогда до этого и после я не видел кубинского лидера таким возбужденным в общении с советскими представителями. Собственно, по существу он не говорил ничего нового, но по форме поведение Фиделя было необычным. Чувствовалось, он высказывает накопившееся, наболевшее. Фактически упрекал советское руководство в том, что оно не всегда правильно и своевременно реагирует на происходящие на Кубе и вокруг нее события. Он был взвинчен, говорил жестко, его аргументация была четкой, лаконичной, безапелляционной»[591].

Тем временем сама Куба по–прежнему участвовала в интернациональных кампаниях, расценивая это как свой моральный долг по отношению к слабым странам, которые нуждаются в помощи. Кубинцы в начале 1980–х годов предложили поддержку Сальвадору. Вьетнамцы, после победы в 1975 году над Соединенными Штатами, послали кубинцам много оружия, захваченного у американцев. И часть этого оружия кубинцы незамедлительно отправили нуждающимся в нем партизанам Сальвадора.

В конце 1987 года Соединенные Штаты и Южная Африка предприняли самую мощную атаку на Анголу в районе Квито–Кванавале. Куба совместно с СССР вынуждена была принять меры для защиты Анголы. Фидель приостановил вывод кубинских

войск из этой страны и распорядился направить туда дополнительные силы. «Это было титаническое усилие, мы сталкивались с серьезной опасностью военной агрессии, которая также могла обратиться против нас здесь, на Кубе, потому что мы слишком близко находимся от Соединенных Штатов, – признавался Фидель Кастро. – Тогда мы с Советами решили объединить силы и необходимые средства, чтобы нанести ответный удар по южноафриканским силам <…> Наша родина повторила великий подвиг 1975 года. Многочисленные военные подразделения и техника быстро пересекли Атлантику и высадились на южном берегу Анголы. В это время, примерно в 800 километрах к югу, полный взвод советских танков уже направлялся к Квито–Кванавале, старому аэропорту НАТО, куда отступила ангольская армия под ударами южноафриканцев. Мы перевезли на вертолетах танкистов, артиллеристов и специалистов по военной технике, чтобы привести в действие те средства, которыми обладали ангольцы. С помощью наших войск и блестящих командиров ангольские войска смогли устроить смертельную западню сильным и многочисленным южноафриканским войскам, направлявшимся в сторону аэропорта, где они и потерпели сокрушительное поражение»[592].

На этот раз в Анголу прибыли 55 тысяч кубинских солдат, которые действовали совместно с 30 тысячами ангольских и примерно тремя тысячами намибийских партизан при поддержке 600 танков, артиллерии, средств противовоздушной обороны и самолетов МиГ–23. После победы в Анголе войска двинулись к границе с Намибией, предварительно разбив на этом направлении южноафриканские силы.

«Мы следовали двум основным принципам, – разъяснял стратегию интернациональных войск Фидель. – Первый: надо быть достаточно сильным или рискуешь потерпеть поражение. Одно поражение там могло поставить под угрозу революцию. Нас не могли сломить на Кубе. Нам могли нанести поражение только там, в Анголе.

Второе: мы намеревались вести войну без масштабных и тяжелых столкновений, как в Сьерра–Маэстра. <…> Наша философия: побеждать с минимальными потерями»[593].

Уверенная победа интернациональных сил в Квито–Кванавале и наступление кубинских войск с юго–востока Анголы поставили финальную точку в иностранном военном вмешательстве в дела этой страны. Противникам пришлось сесть за стол переговоров, которые закончились мирным соглашением, подписанным Южной Африкой, Анголой и Кубой на сессии ООН в декабре 1988 года, и выводом кубинских войск. Последний

кубинский солдат покинул Анголу в мае 1991 года. С кубинской помощью удалось снова провозгласить независимость Анголы, а также Намибии в марте 1990 года. Был подписан договор об освобождении Зимбабве и уничтожении режима апартеида в Южной Африке.

В конце 1970–х – начале 1980–х годов экономическая ситуация на Кубе постепенно стабилизировалась. В 1978 году, после десятилетнего перерыва, был вновь введен государственный бюджет. Его основными статьями дохода стали чистый доход государственных предприятий, налог на продажу несырьевых товаров, таких как сигары и ром, а также налог на прибыль предприятий, в том числе частных. Был принят «Закон о государственном бюджете», а с 1979 года бюджет составлялся на всех уровнях, начиная с муниципий.

К началу 1980–х годов государство контролировало практически все основные отрасли кубинской экономики. Лишь 25 процентов сельского хозяйства, 7 процентов транспорта, 1 процент средств связи и менее 1 процента рыболовного флота принадлежали частному сектору. На 15 марта 1983 года на Кубе насчитывалось 1 460 сельскохозяйственных производственных кооперативов, в которых трудились 30 тысяч человек[594]. Объем реального совокупного общественного продукта за десятилетие с 1975 по 1985 год ежегодно возрастал в среднем на 5,7 процента.

Однако уже к середине 1980–х годов среднегодовые темпы роста кубинской экономики оказались ниже запланированных. Во многом на это повлияло то, что упали мировые цены на сахар. Но и сказались ошибки.

Создание в 1976 году Национальной комиссии по внедрению системы управления и планирования экономики (СУПЭ) не решило основных проблем. Многие экономические показатели, которые закладывались кубинским Госпланом – Хусепланом – брались, что называется, «с потолка» и не были подкреплены серьезными теоретическими и научными обоснованиями. Тогдашний шеф Хусеплана Умберто Перес предпочитал в невыполнении планов обвинять Москву, которая к середине 1980–х годов начала уменьшать экономическую помощь Кубе. Однако Фидель, занимавшийся тогда в большей степени внешнеполитическими проблемами, понял, что передоверился Умберто Пересу, и вовремя оценил половинчатость реформы, предложенной Хусепланом.

На третьем съезде кубинской компартии внутриэкономические проблемы страны стали центральной частью доклада Фиделя Кастро. Он говорил о резком спаде производства, о снижении основных экономических показателей.

Фидель был очень обеспокоен тем, как быстро в кубинском обществе укореняются коррупция и эгоистичность. Материальное стимулирование, введенное в 1970–е годы, «расслабило» часть кубинцев. Были отмечены факты массового увеличения количества сверхурочных работ, которые оплачивались по особой тарифной сетке. Отдельные предприятия нарочно завышали цены на свою продукцию или злоупотребляли фондами поощрения. С 1974 по 1984 год административный аппарат на Кубе разросся до 250 тысяч человек, увеличившись почти в три раза! Некоторые военные и чиновники не гнушались подарками, использовали служебные машины в личных целях, продвигали своих родственников по службе.

Кастро четко улавливал смену настроений в партийной и правительственной верхушке, появление новых тенденций в обществе. На острове в конце 1980–х годов, как в восточноевропейских странах, стали образовываться прозападно настроенные «правозащитные группы». Некоторые кубинские чиновники поддались либеральным веяниям с Востока, восторгались «новым мышлением» Горбачева, а в беседах друг с другом не стеснялись ехидно критиковать стареющего Фиделя. По мнению Кастро, коррупция и стяжательство начинались с утраты четких политических ориентиров.

В 1989 году на Кубе разразился скандал: несколько высокопоставленных военных из министерства внутренних дел и министерства обороны – Арнальдо Очоа, Тони и Па–трисио де ла Гуардия были обвинены в торговле наркотиками. Начался громкий судебный процесс, получивший название «Дело номер один». На его заседаниях присутствовал Фидель Кастро.

Он неоднократно заявлял, что Куба никогда не будет служить прибежищем для торговцев наркотиками, что она готова вместе с другими странами бороться с наркобизнесом. В конце 1980–х годов Куба подписала соглашение в этой сфере с 23 государствами. В 1970—1999 годы на Кубе было арестовано 693 иностранных торговца наркотиками.

Теперь причастность к наркоторговле революционных генералов поставила под угрозу и авторитет Фиделя и безопасность страны.

Западная пресса пыталась представить подсудимых как узников совести и политических заключенных. Но Фидель Кастро пресек подобные домыслы, заявив, что преступление, которое совершил генерал Очоа со своими сподвижниками, – уголовное, его «нельзя считать политическим, ибо Очоа никогда не выступал против революции».

Кубинский Госсовет обсуждал апелляцию, поданную

подсудимыми, перед телевизионными камерами на глазах всей страны и мира. Решение было принято единогласно – четверых из 14 человек, проходивших по «Делу номер один», приговорили к смертной казни, остальных к длительным срокам тюремного заключения.

Позже Рауль Кастро признался, что плакал, когда казнили его друга генерала Очоа. Но Фидель был неумолим.

Как и предполагал Фидель, «Дело номер один» дало повод для новых нападок на Кубу. Целых десять лет американские конгрессмены, отрабатывавшие деньги «Национального кубино–американского фонда», обвиняли кубинские власти в «преступной деятельности», пытаясь представить Кубу «главным государством наркобизнеса».

«Дело номер один» имело далекоидущие последствия и для внутренней жизни острова. Это был удар по тем, кто захотел обогащаться, а не жить в пристойной бедности. В кубинской экономике начал снова исповедоваться принцип уравниловки, а моральные стимулы опять, как в 1960–е годы, возобладали над материальными факторами. Возобновилось использование добровольного массового труда во имя интересов государства.

Показательно, что главные социальные достижения – бесплатное медицинское обслуживание и образование Фидель Кастро всегда ставил гораздо выше сферы потребления. Для него, который вел аскетический образ жизни и привык мыслить глобальными категориями, понятия «товары и услуги» были чем–то мелочным. Он не хотел слышать, что кубинцы устали от постоянного дефицита, что в стране процветает черный рынок. Он по–прежнему был убежден, что кубинцы, с их революционным сознанием, вполне могут жить в пристойной бедности, уверенные в завтрашнем дне.

Тем не менее от всех этих рассуждений не могла пополниться казна государства, а рынок – насытиться товарами. Нужно было принимать решительные меры. Фидель отнюдь не отрицал необходимости материального стимулирования кубинцев. Главное было не допустить перекосов, грамотно сбалансировать соотношение между материальными и моральными факторами в производстве.

В 1980 году был дан «зеленый свет» свободным крестьянским рынкам, но оказалось, сельские жители совершенно не представляли себе, как нужно продавать свою продукцию. Через несколько недель после открытия таких рынков на них уже заправляли оборотистые посредники, которые, скупая сельскохозяйственную продукцию у крестьян еще на подъезде к городу, продавали ее втридорога.

В 1982 году Кастро подписал так называемый «Декрет № 50», который казался настоящим прорывом для стран социалистического лагеря и вызвал недоумение в Москве. Речь шла о создании совместных предприятий с иностранными компаниями. Причем Кубинское государство всегда должно обладать контрольным пакетом таких СП, а доля иностранного капитала в них не могла превышать 49 процентов.

В начале 1980–х годов на Кубе продолжал использоваться метод хозрасчета. «Необходимо, чтобы между всеми предприятиями, в том числе государственными, существовали хозрасчетные отношения и чтобы в рамках этих отношений и вообще различных отношений <… > функционировали такие категории, как деньги, цена, финансы, бюджет, налоги, кредит, процентная ставка и другие товарные категории, в качестве необходимых инструментов, с тем чтобы можно было измерять используемые нами производственные ресурсы и определить до последней детали, до последнего сентаво, сколько мы тратим на каждое изделие, которое производим; чтобы можно было определить наиболее целесообразные для нас капиталовложения, чтобы знать, какие предприятия, какие заводы и фабрики, какие коллективы работают лучше и какие хуже, и чтобы можно было принять необходимые меры»[595].

Грамотные экономические меры позволили добиться роста продукции машиностроения, значительно увеличить производство электроэнергии, а также провести механизацию в сельском хозяйстве.

Кроме того, были сделаны важные шаги для оптимизации управления экономикой. На смену Хусеплану пришла так называемая «Центральная группа», возглавил которую брат погибшего в 1959 году Камило Сьенфуэгоса – Османи Сьенфуэгос. Главной задачей нового ведомства было способствовать быстрому и более простому принятию решений в экономической сфере. Теперь составление госплана не было уделом группы теоретиков, в его составлении принимали участие представители всех министерств. А следовательно, они несли персональную ответственность за его выполнение.

В декабре 1986 года состоялась специальная сессия третьего съезда КП Кубы, на которой была принята первая программа кубинских коммунистов. Фидель Кастро провозгласил курс «на исправление ошибок и негативных тенденций» не только в экономике, но и в кадровой политике. На ответственные посты в кубинском руководстве стали выдвигаться более молодые кадры, как правило, в возрасте 35—45 лет. Людей выбирали не за их «боевые заслуги», а в зависимости от профессиональной

подготовки и деловых качеств.

К 1989 году революционная Куба достигла самых высоких показателей за свою тридцатилетнюю историю. По количеству врачей на душу населения она вышла на первое место в мире. Средняя продолжительность жизни достигла 74 лет, значительно снизилась детская смертность.

Кубинцы в первой половине 1980–х годов, несмотря на заявления Кремля, сделанные во время визита Рауля Кастро в Москву о том, что СССР не ввяжется в военный конфликт с США из–за Кубы, были готовы, как и в 1960–е и в 1970–е годы, отразить агрессию американцев. Куба уже привыкла жить в условиях крайне жестокой экономической блокады и психологического давления со стороны американцев, а Фидель мастерски использовал фактор внешней угрозы для еще большего сплочения народа.

Но поистине неожиданным для населения маленького острова оказался удар, нанесенный могущественными друзьями, – страны социалистического лагеря словно по команде прервали экономические контакты с Кубой.

Фидель Кастро еще в 1980 году понял, что выступления движения «Солидарность» в Польше – это лишь часть айсберга, видимая на поверхности вершина глубинных процессов, которые реально угрожают социалистическому строю. Тогда он распорядился создать специальную группу, которая должна была анализировать обстановку в странах Восточной Европы, отслеживать реакцию американцев и западного мира на события в соцлагере.

Уже в первой половине 1980–х годов Фидель понял, что Советский Союз, ввязавшийся в гонку вооружений с Соединенными Штатами, поджидает экономический коллапс.

Кастро живо воспринял приход к власти в СССР энергичного Михаила Горбачева, но считал, что эйфория от первых успехов перестройки преждевременна. Его беспокоило, что Горбачев постоянно твердил о разрядке, новом политическом мышлении и необходимости решать проблемы стран третьего мира в связке с Западом. Это означало, что советский лидер, сближаясь с Вашингтоном еще больше, чем его предшественники, отходит от открытой поддержки развивающихся стран.

А Фидель к тому времени хорошо изучил тактику обитателей Белого дома: «Если дать им ноготок мизинца, они захотят фалангу этого пальца, если дать им фалангу, они попросят палец, если дать им палец, они попросят кисть руки, если дать им кисть, они попросят всю руку, если дать им руку, они оторвут голову. Что это за манера защищать социализм, начав с того, чтобы

остаться однoруким и хромым?!» [596]Он попытался предостеречь Горбачева во время их встречи на Кубе в 1989 году, но советский генсек не прислушался к доводам Фиделя.

Кастро понял, что скоро Кубе придется рассчитывать только на собственные силы. Он начал заранее готовить население страны к тому, что его ждут нелегкие времена. 26 июля 1989 года Фидель заявил в своем выступлении, что «в день, когда исчезнет Советский Союз, кубинская революция будет жить дальше». И, несмотря на потрясения, которые сулили новые времена, призвал сограждан сохранять спокойствие и не впадать в отчаяние. «Наш народ на протяжении многих лет готовил себя к определенным опасностям. В течение десяти лет мы укрепляем нашу оборону, применяем концепцию всенародной войны, готовимся уже десять лет. Как это удачно! Мы выработали планы на все случаи, начиная с полной военной блокады всей страны, когда сюда нельзя будет привезти ни единой пули. Мы знали это еще до возникновения новых проблем»[597], – заверил своих соотечественников Фидель Кастро.

«Если нас однажды разбудят новостью о том, что Советский Союз распался, – говорил Фидель на одном из многотысячных митингов, – даже в этих условиях Куба и кубинская революция продолжат борьбу и будут способны защищаться».

Так и произошло. После краха дружественных ей режимов в СССР, Восточной и Центральной Европе положение Кубы резко ухудшилось. С 1989 по 1993 год производство валового внутреннего продукта сократилось на 34 процента, дефицит бюджета достиг 33 процентов, а на руках населения скопилась денежная масса, которая значительно превышала товарную[598].

До 1990 года на СССР и другие страны СЭВ приходилось 85 процентов кубинского товарооборота. Как уже говорилось, по мнению западных финансовых аналитиков, Советский Союз оказывал Кубе помощь в 6 миллиардов долларов в год, 30—35 процентов ее ВВП. Куба импортировала из СССР более 700 наименований товаров, в том числе нефть и нефтепродукты, машины, оборудование, запчасти, химические товары, продовольствие[599].

Многие в мире заговорили о том, что дни Фиделя Кастро и Кубы сочтены, а демократическая администрация Клинтона даже не держала в уме вариант силового вмешательства, полагая, что волна возмущения голодного народа «сметет» Фиделя с его поста и революционный режим падет сам собой. К тому же 11 сентября 1991 года Михаил Горбачев объявил о выводе семи тысяч советских военнослужащих с Кубы.

Как справедливо заметил один из видных российских

ученых–латиноамериканистов профессор Карэн Хачатуров: «Осколки советской империи ранили Кубу, как ни одну другую страну. Но удивляться надо не увечьям, а тому, что Куба все же выжила. Во многом только благодаря Фиделю. Любого другого лидера оскорбленная и обманутая нация просто отринула бы»[600].

Россия и бывшие социалистические страны Европы, в которых поменялись и правительства и строй, резко сузили торгово–экономические связи с Островом свободы. В 1992 году они составляли всего лишь 7 процентов от прежнего уровня. Товарооборот России с Кубой в 1993 году составил 920 миллионов долларов, в то время как еще за два года до того – 3,3 миллиарда долларов. Объем технического содействия со стороны России уменьшился в 12 раз. В 1992 году в Россию был поставлен всего один миллион тонн сахара, в четыре–пять раз меньше, чем в былые времена[601].

Производство сахара резко снизилось из–за нехватки удобрений и запчастей к технике, которая поставлялась из Советского Союза или разрабатывалась при помощи советских специалистов, до немыслимого ранее уровня – менее 4 миллионов тонн в год. На Кубу прекратились поставки не только энергоресурсов, но и продуктов питания, сырья, техники и запасных частей к ней. Вследствие этого на острове вновь обострилась проблема продовольствия. В начале 1990–х годов объем потребляемых рядовым кубинцем калорий составил всего 900 единиц в день (при норме 2 500 в сутки). На Кубе снова появились болезни, связанные с недоеданием. Остановилось 60 процентов промышленных предприятий. Половину поголовья коров пришлось пустить на убой из–за прекращения поставок комбикормов из стран социалистического лагеря. К 1992 году на 60 процентов сократились валютные поступления от кубинского экспорта. Импорт уменьшился на 70 процентов. Выступая на кубинской Национальной ассамблее, Фидель назвал разрыв экономических связей с Москвой «предательским, разорительным ударом».

«В 1989 году я был очевидцем визита на Кубу Михаила Горбачева, – вспоминал Карэн Хачатуров. – Принимали его по–царски, но в глазах Фиделя была печаль, как по скорому покойнику. Он даже пытался образумить „старшего брата“ и в конце 1989 года на одном из митингов заявил: „Во время визита товарища Горбачева на Кубу <…> мы открыто высказывали нашу точку зрения относительно того, что следует уважать право любой социалистической страны строить капитализм, если она того желает, равным образом мы потребовали строгого уважения

права любой капиталистической страны строить социализм“» [602].

Во время визита Михаила Горбачева на Остров свободы в апреле 1989 года Кастро заявил, что Куба всегда готова к нормализации отношений с США, «однако со стороны Вашингтона мы пока не видим соответствующего желания. К сожалению, и в последнее время тон заявлений по этим вопросам был там жестким, не отвечающим духу тех тенденций, которые сейчас дают о себе знать в мировой обстановке в целом». Горбачев же сообщил Кастро, что СССР отныне ставит на первое место в своих отношениях с США решение проблем разоружения[603].

Кстати, этот визит советского лидера на Кубу в свое время был отложен из–за землетрясения в Армении (в Спитаке) в конце 1988 года. Кубинцы тогда одними из первых в мире откликнулись на горе советских людей. Первым на донорский пункт в Гаване прибыл Фидель Кастро. «По всему острову у донорских пунктов выстроились очереди людей, готовых отдать Армении то, что могли <…> Этот порыв принял такие масштабы, что пришлось давать разъяснения из Гаваны о порядке и организации сдачи крови. Вскоре первый самолет с плазмой крови для жителей Армении поднялся в воздух <…>»[604].

К слову, мало кто знает, да и сам Фидель не афиширует того, что на Кубе вот уже более 20 лет существует центр, где проходят долгий и мучительный курс лечения пострадавшие в результате радиоактивных мутаций после чернобыльской катастрофы украинские дети с серьезными физическими отклонениями, лишенные конечностей, от которых отвернулись родная медицина и сильные мира сего. И явно по наводке американцев самостийные власти на Украине гордо решили сократить количество детей, которые направлялись для реабилитации на Кубу…

Но вернемся в конец 1980–х годов. Фидель Кастро, безусловно, предусматривал вариант изменения геополитической ситуации в мире после победы «бархатных революций» в странах Восточной Европы. Но то, что последствия разрыва экономических отношений со странами социалистического лагеря будут такими разрушительными для кубинской экономики, он, безусловно, предвидеть не мог.

Соединенные Штаты, узнав о том, что Куба лишилась всякой поддержки извне, усилили давление на нее. Они стремились ограничить интеграцию Кубы в мировую экономику в новых условиях. Президент Буш–старший накануне своего ухода из Белого дома в 1992 году подписал «Закон о демократии на Кубе»,

в котором ужесточались положения закона об эмбарго и была расширена сфера его действия.

Более того, в дополнение к уже действующей экономической блокаде, американским конгрессом был принят в 1992 году так называемый «закон Торричелли». Он расширил эмбарго на филиалы американских компаний за границей, торгующих с Кубой. В 1995 году сенатор Д. Хелмс и член палаты представителей Конгресса США Д. Бертон внесли на рассмотрение конгресса законопроект «О свободе Кубы и демократической солидарности», который также известен как «Закон о свободе» или «Закон Хелмса—Бертона от 12 марта 1996 года». Он предполагал введение санкций против иностранных компаний, вступающих в торгово–экономические отношения с Кубой. Так, глава третья этого закона грозила судебным преследованием со стороны правительства США тем, кто «занимается коммерческой деятельностью, используя собственность, конфискованную Кубой у граждан Соединенных Штатов после 1959 года».

Кроме того, согласно этому закону, любой президент США не имеет право отменять эмбарго против Кубы до тех пор, пока у власти находятся Фидель, Рауль Кастро или человек, ими назначенный.

Клинтон, несмотря на колоссальное давление кубино–американского лобби, не подписал этот закон. Тогда американские спецслужбы «представили» президенту соответствующий повод. Из числа кубинских эмигрантов были завербованы несколько человек, которых научили управлять легкими самолетами и направили в воздушное пространство Кубы для разбрасывания антикастровских листовок над Островом свободы. Несколько раз кубинские силы ПВО предупреждали нарушителей о недопустимости подобных провокаций. Но самолеты, на которых были американские опознавательные знаки, продолжали барражировать над территорией Кубы и в конце концов были сбиты кубинскими ВВС. Погибли четыре пилота.

Как по команде началась антикубинская истерия в американских СМИ и в конгрессе. И президент Клинтон был вынужден подписать «Закон Хелмса—Бертона». Международный уголовный суд, куда обратились с иском к Кубе американцы, признал правоту действий кубинских властей.

Принятие этого закона конгрессом в марте 1996 года вынудило США порвать с рядом важных торговых партнеров, которые выступили на стороне Кубы. С осуждением этих двух законов выступила ООН. Но США и по сей день упорно

отказываются отменить эмбарго. Кроме того, они запрещают на срок до полугода заходить в свои порты судам, доставляющим грузы на Кубу или с Кубы.

Эти антикубинские законы рассорили США с их традиционными союзниками в двух полушариях. Против вмешательства Вашингтона во внутренние дела Кубы высказались практически все латиноамериканские страны. Между тем российские власти в первой половине 1990–х клеймили Кубу за нарушение прав человека и, в отличие от большинства стран мира, фактически поддерживали американскую блокаду острова.

Теперь Куба могла рассчитывать лишь на небольшую помощь со стороны некоторых организаций, входящих в ООН.

В конце лета 1990 года Фидель Кастро объявил о начале так называемого «особого периода в мирное время». Этот «особый период» подразумевал введение жесткой экономии ресурсов, в первую очередь топливно–энергетических, а также чрезвычайных мер в сфере экономики, урезание общественных расходов. Было принято решение сократить управленческий аппарат, число министерств и центральных государственных органов было уменьшено с 50 до 32.

Тогда Фидель впервые провозгласил лозунг «Социализм или смерть».

Он не раз подчеркивал, что, если «особый период» потерпит неудачу, кубинцы останутся в полной изоляции от всего мира. Было ясно, что Куба может выжить, только если мобилизует все свои внутренние силы. Но для этого придется пожертвовать некоторыми социальными завоеваниями революции. И Фидель Кастро заговорил об особом характере кубинского социализма и его отличии от «классического социализма», о котором идет речь в трудах Маркса и Ленина. На четвертом съезде компартии Кубы в октябре 1991 года он заявил, что Остров свободы пойдет «своим „тропическим“ путем»: «Здесь, на этом карибском острове, в тропиках, все видится по–другому».

Куба поддержала своего любимца. Одна из самых влиятельных американских газет «Нью–Йорк таймс» вынуждена была в сентябре 1991 года признать: «Для многих кубинцев, даже тех, кому не хватает продовольствия, Кастро по–прежнему остается «компаньеро (товарищем. – *М. М.)* Фиделем», тем же самым беззаветно преданным своему делу бойцом, который сверг диктатора Батисту и нашел в себе мужество не подчиниться США. Он по–прежнему является тем самым Фиделем, который, провозгласив Кубу «свободной территорией в Латинской Америке», получил поддержку латиноамериканских либералов. Каждое появление Кастро на публике сопровождается овацией.

<…> Фидель по–прежнему популярен среди своего народа. Во время недавних Панамериканских игр каждое появление Кастро на стадионе горячо приветствовали тысячи людей, что резко контрастирует с отношением к лидерам в других странах, где их освистывают каждый раз, когда они появляются на стадионах»[605].

На Кубе была введена система нормирования практически на все виды товаров для населения. Ежедневная норма отпуска хлеба была сокращена до 80 граммов. Государство было вынуждено отменить ряд льгот, например, бесплатные обеды по месту работы, бесплатную рабочую одежду. Кроме того, пришлось значительно повысить тарифы на коммунальные услуги и на проезд в общественном транспорте. Но здравоохранение, образование и культура по–прежнему оставались приоритетами государственной политики.

С 1993 года кубинское правительство начало реформы, способные оживить экономику страны. Причем ему удалось удержаться от соблазна провести «шоковую терапию», которой в те годы «увлеклись» не только бывшие социалистические, но и большинство латиноамериканских государств, переживших в те годы экономические потрясения.

В 1994 году цены были повышены только на предметы роскоши, табачные изделия и спиртные напитки. При отмене бесплатных услуг делалось все, чтобы свести к минимуму ущерб для малоимущей части населения. Была введена новая система таможенных тарифов. Дефицит госбюджета сократился до 2—3 процентов от валового национального продукта[606].

Кубинские реформы начала 1990–х годов были направлены на привлечение иностранных инвестиций и создание совместных предприятий, на расширение экспорта и сокращение импорта. На пятом съезде компартии Кубы в октябре 1997 года Фидель Кастро заявил, что привлечение иностранных капиталов «способствовало использованию позитивного производственного и административного опыта», но признал, что «сотрудничество с западным капиталом» ранит чувства кубинцев. Правительство отказалось от «пятилеток», единого социально–экономического плана. Он был заменен на план, «гарантирующий программируемое развитие страны».

Во многом благодаря тому, что власти Кубы и лично Фидель в самых трудных ситуациях вели диалог с народом, кубинцы без катастрофических потрясений перенесли испытания, выпавшие на их долю в 1990–е годы.

В одночасье лишенная «покровительства и защиты» Москвы, Куба была вынуждена тратить еще больше, чем раньше, средств

на оборону, чтобы поддерживать в постоянной боевой готовности свои воинские подразделения. Если в других развивающихся странах в среднем на тысячу граждан приходилось десять военнослужащих, то на Кубе было 30 военных на тысячу человек. Всего в регулярной кубинской армии насчитывалось 135 тысяч человек – большой показатель для маленького острова.

Четвертый съезд компартии, состоявшийся в октябре 1991 года, подтвердил приверженность Кубы социалистическому строю и принял ряд решений, которые казались немыслимыми еще несколько лет назад: о том, что в партию могут вступать верующие, о сокращении партийного аппарата и освобождении партии от правительственных и административных функций, о возможности введения новых форм собственности на производстве, о привлечении иностранного капитала в экономику страны. Из устава кубинской компартии исчезло положение, запрещающее коммунистам исповедовать религию и принадлежать к религиозным организациям.

В 1992 году из конституции Кубы были изъяты положения о диктатуре пролетариата, о классовом характере государства. А главное, положение о марксизме–ленинизме как официальной идеологии было дополнено признанием того, что в ее основе также лежат идеи Хосе Марти. Исчезли все упоминания о научно–материалистическом понимании мира. В конституцию были внесены также важные «экономические поправки», в частности, о праве на частную и смешанную собственность, об отмене монополии государства на внешнеэкономическую деятельность (заниматься ею было разрешено 242 предприятиям: 213 одновременно экспортом и импортом, а 29 – только экспортными операциями).

Фидель Кастро, с большим трудом преодолев определенные стереотипы, понял, что на Кубе надо вводить элементы рыночной экономики, обращение свободно конвертируемой валюты, создание мелких частных предприятий, коммерческих банковских структур, либерализацию внешнеэкономической деятельности, расширение хозяйственной деятельности государственных предприятий. Он даже пошел на то, чтобы разрешить создание на Кубе предприятий с участием только иностранного капитала. Предприятия этого типа могли быть созданы либо посредством его регистрации в реестре Торговой палаты Кубы, либо в виде кубинского филиала иностранного предприятия. Однако для них было установлено столько ограничений, что иностранные инвестиции на Кубе не достигли тех размеров, которые были необходимы для экономического рывка.

15 сентября 1993 года, по решению политбюро ЦК компартии

Кубы, началась очередная аграрная реформа. На основе 735 государственных хозяйств по выращиванию сахарного тростника и 835 сельскохозяйственных предприятий были созданы так называемые «Базовые единицы кооперативного производства» (БЕКП). Фидель Кастро объяснил это тем, что «крупные государственные сельскохозяйственные предприятия оказались неэффективными»[607].

Частным лицам была разрешена продажа продуктов сельского хозяйства и изделий кустарных промыслов, для производства экспортной продукции были переданы пустующие земли. Крестьяне, кооперативы, государственные хозяйства, выполнившие свои плановые обязательства, получили в 1994 году возможность реализовывать оставшуюся продукцию на рынках. Так сложилась ассоциация мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей. В том же году на Кубе была введена комплексная налоговая система.

В начале 1990–х годов одной из приоритетных отраслей экономики Кубы стал туризм. Сейчас Кубу посещают более двух миллионов туристов в год. Однако доля гостей из России пока незначительна – около 1,5 процента. Успехи Кубы в туристическом бизнесе и в области биотехнологий не дают покоя США. В конце 1990–х годов американские СМИ «запустили» дезинформацию о том, что Куба якобы тайно участвует в опытах по созданию бактериологического оружия, и стали пугать своих читателей тем, что с ее территории в США может проникнуть вирус сибирской язвы, который способен погубить десятки миллионов человек в США. Выступая 10 мая 2002 года по кубинскому телевидению, Фидель Кастро попросил американскую администрацию предоставить хотя бы «минимальные доказательства» подобных обвинений. «На Кубе существует закон, запрещающий создание химического или бактериологического оружия, – заявил он. – Если бы кто–либо из кубинских ученых сотрудничал с какой–нибудь страной в создании биологического оружия или попытался бы сделать это по собственной инициативе, он был бы немедленно отдан под суд за измену родине»[608].

Кубинские биотехнологические лаборатории давно уже посещают иностранные политики, ученые и предприниматели. Только в 2000 году одна из них приняла 1 520 человек, в числе которых было 484 американца.

Экономический кризис на Кубе в начале 1990–х годов, естественно, не обошелся без народных волнений. В августе 1994 года сотни кубинцев, желающих уехать с острова, но не получавших американских виз, вышли на улицы Гаваны и

принялись громить машины, конторы, грабить магазины. Досталось и российской дипломатической миссии. Фидель без оружия, с двумя охранниками, приехал на место, где бесновалась многотысячная толпа. Вид Фиделя произвел гнетущее впечатление на зачинщиков беспорядков. Но Кастро просто молча посмотрел в глаза некоторым из них, и в толпе раздались крики: «Фидель! Фидель!» Весть о прибытии команданте эн хэфэ разлетелась по округе, и спустя несколько минут к нему на подмогу уже мчались десятки рабочих. Увидев их и спокойного Фиделя, толпа бросилась врассыпную. Оставшиеся помитинговать бузотеры были побиты рабочими.

После этого случая Фидель Кастро не опустил «железный занавес» перед кубинцами, желающими эмигрировать из страны. Наоборот, заявил: «Кто хочет уехать с Кубы – уезжайте!» – и снова, как в 1980 году, попросил американцев забрать с Кубы всех желающих покинуть ее. «Мариэльская переправа–2» длилась два дня. После чего американцы отказались принимать кубинцев и резко сократили для них иммиграционную квоту. Но американские СМИ в очередной раз объявили миру, что Кастро не выпускает из страны недовольных его политикой граждан.

Между тем эмигранты покидали Кубу кто как мог: в лодках, на шинах, на плотах, в общем на всем, что плывет по воде. Некоторые из них просто воровали небольшие суда, стоявшие в гаванской бухте. Часть беженцев не доплыла до берегов Флориды, став жертвой акул. Но те, кто доплыл, попадали не в американские объятия, а в… фильтрационные пункты.

Кубинские пограничники получили указание не перехватывать плоты, а также украденные или захваченные суда, отходившие от берегов Кубы, ни при каких обстоятельствах не применять против них оружия.

Фидель Кастро, видя, к чему привела деятельность так называемых «младореформаторов» в некоторых социалистических странах, зорко следил за малейшими попытками «уклониться» от генерального курса партии. Когда главный партийный идеолог Карлос Альдана осторожно заговорил о политическом плюрализме, о независимости кубинских СМИ, Фидель тут же пресек эти идеи в зародыше. В 1992 году Альдана был смещен со своего поста, а причины его снятия обосновывались его вовлеченностью в финансовый скандал.

Себастьян Белфор авторитаризм Фиделя Кастро объяснял так: «…правительства США, в частности администрация Рейгана, мобилизовывали свои самые мощные ресурсы, чтобы поставить Кубу на колени. Следовательно, политическая централизация и репрессии на Кубе являлись ответом на острое ощущение

национальной незащищенности, а не предписаниями состарившегося лидера, цепляющегося за власть. По мнению Кастро, происходила борьба не на жизнь, а на смерть для защиты новой Кубы и построения экономики, дисциплинированной и аскетичной, а не политического и культурного плюрализма. Это убеждение влияло на его ответы на все события»[609].

Несмотря на боль, которую лично Фиделю и большинству кубинцев принес распад Советского Союза, а главное, одностороннее прекращение помощи из России, Гавана не озлобилась и через несколько лет вновь протянула руку дружбы Москве. Да и сама Россия к середине 1990–х годов ощутила негативные последствия охлаждения отношений с одной из самых дружественных стран. Их нормализации в значительной мере способствовал визит на Кубу в 1996 году министра иностранных дел России Евгения Примакова, во время которого были подписаны декларации о развитии экономических связей между двумя странами и об осуждении политики США в отношении Кубы.

Уже в том же 1996 году Россия вышла на первое место в товарообороте Кубы: около 20 процентов, в то время как годом ранее было 11 процентов, а в 1994 году – 15 процентов. Почти половину поставляемых из России на Кубу товаров составили нефть и нефтепродукты, остальное – грузовые и легковые автомобили, запчасти для гражданской и военной авиации, для машиностроения, оборудование для никелевого завода, нефтепровода Варадеро—Матансас, сахарной промышленности, а также для строительства линий электропередач и теплоэлектростанций. Основным товаром, импортируемым Россией с Кубы, по–прежнему оставался сахар[610].

Из испытаний, уготованных Кубе после распада соцлагеря на фоне продолжающейся жесточайшей экономической блокады, Фидель и кубинцы вышли достойно и с поднятой головой.

Куба уникальна и разнородна, и в Фиделе одновременно сочетаются мартинист, наследник латиноамериканских борцов за свободу, социалист, ярый критик американской администрации и убежденный интернационалист. С 1990–х годов Куба стала все больше тянуться к Латинской Америке, к языковой, культурной, этнопсихологической и исторической общности. По словам Фиделя Кастро, своеобразие Кубы заключается в том, что она «одновременно – развивающаяся, социалистическая, неприсоединившаяся и латиноамериканская страна»[611].

Как чувствовал себя сам Фидель Кастро на вершине власти в 1980– 1990–е годы? Он все больше укреплялся в роли «хэфэ максимо» – «верховного вождя». Но режим Кастро был не

авторитарным, а авторитетным, держащимся на безграничном и неоспоримом авторитете Фиделя у кубинцев.

Фидель стал мудрее. На упреки проамериканских «правозащитников» в том, что он концентрирует «абсолютную власть», отвечал, что не «цепляется за посты». И это правда. «Я не назначаю министров, послов, – говорил он Фрею Бетто, – я не назначаю никого, пусть хоть самого скромного служащего этой страны; прежде всего я не принимаю односторонних, единоличных решений, не правлю, издавая декреты; у нас есть коллективное руководство <… > все основные проблемы мы обсуждаем на заседаниях этого коллективного руководства, всегда, с самого начала, с тех пор, как образовалось наше движение»[612].

«Время идет, – говорил Фидель в одном из интервью в 1993 году, – и даже марафонцы устают. У меня была долгая гонка, с изумительными экспериментами, но очень долгая, и существуют другие товарищи, которые могут сделать это не хуже меня <…> Я надеюсь, что мои товарищи не потребуют, чтобы я участвовал в выборах, и что к тому периоду трудные условия „особого периода“ могут исчезнуть»[613].

Однако к концу 1990–х годов и особенно с приходом к власти в США команды Джорджа Буша–младшего стало ясно, что битва идей только начинается. И для Кубы «вновь продолжается бой», который немыслим без ее бессменного команданте эн хэфэ.

Глава шестнадцатая
ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ФИДЕЛЯ

Никто из тех, кто хорошо знает Фиделя, никогда не захочет разговаривать с вами на эту тему. Личная жизнь команданте эн хэфэ – это не просто табу. Это почти то же самое, что стратегические секреты Кубы. Начав исследования на эту тему, вы рискуете перестать быть лучшим другом кубинцев. По крайней мере тех, кто работает в государственных структурах.

Автор этой книги честно сказал кубинцам, что пишет книгу о Фиделе и, естественно, не может не коснуться его личной жизни. Но, даже зная о моей симпатии к кубинскому лидеру – читатель наверняка это почувствовал, – ни один из них не решился говорить со мной на эту тему. Пришлось собирать информацию по крупицам, отсекая разного рода сплетни о «пятидесяти женах и сотнях любовниц ко–манданте эн хэфэ». (К сожалению, один из российских журналистов, живущий в США, на основе таких «баек» и, по слухам, получив от противников Фиделя Кастро щедрый гонорар, написал всякие небылицы о его личной жизни. И я со стыдом признаюсь, что в нашей гильдии есть непорядочные люди.)

Николаю Леонову Фидель сказал: «Пиши всё, что касается моей политической деятельности. Здесь у меня нет никаких секретов. А личную жизнь, мои душевные привязанности оставь мне – это мое единственное достояние». Думаю, что это и есть проявление настоящего мужского характера.

Фидель – мужчина видный, статный, могучий. Кубинец до мозга костей, темпераментный, знающий истинную силу любви. Не зря же его вот уже полстолетия называют «эль кабальо» – «жеребец». Одни подразумевает под этим неистощимую физическую силу. Вторые – незаурядную выносливость. Третьи – приписывают ему истории, о которых он сам и слышать не слыхивал. Но то, что он является идеалом для кубинских женщин, – факт неоспоримый. Не зря среди иностранцев, приезжающих на Кубу, ходит шутка – хочешь легко познакомиться с женщиной, иди на митинг Фиделя.

Природный магнетизм, пассионарность, харизма Фиделя Кастро не могли не отразиться на его личной жизни. Его официальной женой считается Мирта Диас–Баларт, от которой у Фиделя есть единственный законнорожденный ребенок Фиделито

(Фидель Кастро Диас–Баларт). Он физик по образованию. Учился в МГУ имени Ломоносова под именем Хосе Рауля Фернандеса. Проходил практику в советском институте имени Курчатова. Был женат дважды: первый раз на русской, второй – на кубинке. Очень тепло относится к нашей стране: «Куба – страна благодарных людей, и независимо от перемен, происшедших в мире, у нас неизменно сохраняются проявления любви к народу России».

С 1980 по 1992 год Фиделито возглавлял кубинское агентство по атомной энергетике. Его позиции пошатнулись после смещения с руководящего поста в кубинской разведке его тестя Луиса Барейры. Сейчас Фиделито научный советник нескольких министерств, преподает в кубинских вузах, переводит книги, много ездит по миру. Как утверждает испанская газета «Эль Паис», он живет с испанкой в своем доме в Гаване. У него двое взрослых сыновей, о которых известно еще меньше, чем о детях главнокомандующего.

По мнению одного из российских специалистов по Кубе, «Фидель не афиширует своих родственников не только потому, что не желает, чтобы они светились на публике и стали героями светских хроник. Из–за колоссального числа покушений на него он старается не допустить, чтобы его семья, дети, близкие использовались для манипуляции им. Возможно, он полагает, что не может защитить их так же, как себя». Жители Острова свободы знают в лицо только старшего сына Фиделито и братьев Фиделя – младшего Рауля и старшего Рамона. Полные имена его других родственников, их адреса, фотографии никогда и не появлялись в кубинской прессе.

Итак, что же известно сегодня о личной жизни Фиделя? Его первая жена Мирта Диас–Баларт сдержала обещание и за более чем полвека ни словом не обмолвилась о браке с Фиделем. Говорили, что она несколько раз приезжала на остров повидать Фиделито, встречалась и с Кастро. Некоторые полагают, что после развода с Диас–Баларт Фидель официально больше не вступал в брак, что наделяет ее особым статусом. Это, безусловно, делает ей честь в сравнении с другими родственниками Фиделя, нашедшими приют в Майами. Там проживает его сестра Хуанита, которой уже за семьдесят. Она разошлась со своими братьями Фиделем и Раулем сразу после победы революции на почве резкого неприятия коммунистической идеологии. Во Флориде она возглавляет одну из благотворительных аптек и считается истовой католичкой. Фиделю неприятно упоминание имени его сестры, которая неоднократно нелестно о нем отзывалась.

Во Франции несколько лет назад вышла книга Сержа Рафи «Неверный Кастро», который утверждает, что Фидель отнюдь не

был образцовым мужем, что в Майами проживает его дочка Франсиска Пупо по прозвищу «Пахита», которая работает воспитательницей в яслях. Она родилась в 1953 году от связи Кастро с молодой девушкой из города Санта–Клара[614].

В конце 2005 года в Мексике вышла книга Исабель Кустодио «Любовь мне все простит». Она – дочь испанских эмигрантов, бежавших в Мексику после прихода к власти генерала Франко. Познакомилась с Фиделем в Мехико, когда он отбывал короткое тюремное заключение после облав на базы революционеров в период подготовки экспедиции на «Гранме». Девушка уговорила знакомого журналиста взять ее с собой в тюрьму, чтобы увидеть кубинских революционеров. Она утверждает, что после выхода из заточения Фидель сам нашел ее, рассказал о своих планах избавить Кубу от диктатуры Батисты и предложил ей выйти за него замуж. Исабель Кустодио влюбилась в него с первого взгляда, но в последний момент отменила свадьбу: «Внутри меня словно что–то оборвалось. Я чувствовала, что это очень тяжелая ноша. И боялась, что его убьют во время поездки на Кубу. Этого чудом не произошло. Тогда погибли многие, но Фидель остался жив». Исабель Кустодио была замужем пять раз. Но уверяет, что никто не был ей так дорог, как Фидель Кастро.

А немка Марита Лоренц утверждает, что до сих пор влюблена в Фиделя Кастро. 33–летний Фидель познакомился с ней в феврале 1959 года, сразу после победы революции. 19–летняя Марита прибыла в Гавану со своим отцом, капитаном дальнего плавания Генрихом Лоренцем на теплоходе «Берлин». «Я была на капитанском мостике, когда показалась шлюпка, направлявшаяся к нам. В ней было примерно 27 мужчин, все с одинаковыми бородами. Один из них был выше других, и в руках у него была винтовка. Я подумала: „О, черт, что такое? Нас, кажется, собираются взять на абордаж“. Как оказалось, самым рослым из бородачей был Фидель Кастро».

Фидель подарил ей свои часы, взял у нее номер нью–йоркского телефона. А вечером того же дня предложил Ма–рите Лоренц стать его переводчицей в своем личном секретариате. Этому резко воспротивился отец девушки, с которым она и вернулась в США. Лоренц и Кастро созванивались каждый день. А через пару недель она бросила университет и вернулась на самолете Кастро в Гавану, где стала у него работать. Черноволосой красавице присвоили звание лейтенанта. По словам Мариты, они с Фиделем провели вместе восемь с половиной месяцев в 1959 году. Марита забеременела. Однажды она, не выдержав нервного напряжения, сопровождавшего тогдашнюю жизнь «барбудос», приняла сильнейший

галлюциноген. Когда Марита пришла в себя в больнице, ей сообщили, что ее недоношенный младенец умер. По другим данным, Мариту Лоренц заставили сделать аборт.

В США по этому поводу разразился скандал. В одном из американских журналов появилась статья матери Мариты «Как Фидель Кастро изнасиловал мою несовершеннолетнюю дочь». Мать девушки подала иск против Фиделя Кастро на сумму 11 миллионов долларов. Копии гневного письма матери Лоренц Фиделю Кастро были посланы папе римскому и президенту США Дуайту Эйзенхауэру. В этот момент на Мариту, находившуюся в крайне тяжелом психическом состоянии, вышли американские спецслужбы и предложили ей отомстить Кастро. Агенты и мать внушали ей, что в ее депрессивном состоянии и во всех ее бедах виноват он. Мариту Лоренц снабдили двумя ампулами с токсинами ботулизма и предложили отравить ими Фиделя.

Спустя годы Марита Лоренц призналась, что использовала этот вариант как уловку для возвращения на Остров свободы лишь бы снова увидеть Фиделя. В январе 1960 года она возвращается на Кубу. В ее сумочке в коробочке с кремом были ампулы с ядом. Марита пришла в гостиницу «Гавана Либре», где тогда находилась резиденция Фиделя. В его номере она зашла в туалетную комнату и выбросила ампулы в раковину. Любовь оказалась сильнее яда. В этот момент зашел Фидель и спросил Мариту: «Ты приехала убить меня?» Она кивнула. Фиделя протянул ей свой револьвер 45–го калибра. Марита взяла револьвер, сняла с предохранителя и сказала, что револьвер заржавел. Фидель неожиданно спросил, не работает ли Марита на ЦРУ. Она ответила: «Не совсем. Я работаю на саму себя». – «Никто не может меня убить, Марита, никто», – произнес Фидель. Потом сказал, что не спал несколько суток, спокойно лег на кровать и быстро заснул. Утром Марита оставила на постели 6 тысяч долларов – «командировочные» от ЦРУ – и улетела в США.

Если верить рассказу его незаконнорожденной дочери Алины Фернандес, осевшей в Майами, Фидель в 1959 году часто навещал в Гаване ее мать Нати Ревуэльта. Ту самую аристократку Нати, которая, продав свои фамильные драгоценности, дала деньги Кастро для подготовки штурма Мон–кады, а потом писала ему романтические письма в тюрьму на остров Пинос. Ту самую Нати, которая так помогала Фиделю в его партизанской эпопее, прятала его у себя дома и фактически спасла ему жизнь.

Алина Мария Хосе Фернандес появилась на свет, когда Фидель находился в Мексике. После революции муж Нати, кардиолог Орландо Фернандес, которому было запрещено содержать врачебную клинику, бежал с Кубы со старшей сестрой

Алины – Натали. К тому времени Нати Ревуэльта перестала носить изящные наряды и дорогие украшения, но, по выражению дочери, «став пролетаркой», настаивала на том, чтобы члены ее семьи удовлетворялись теми продуктами, что распределяются по карточкам.

«Я смотрела мульфильмы по телевизору, когда рисованных персонажей сменили бородатые люди, которые кричали „Вива Куба либре“, – вспоминает Алина Фернандес январские дни 1959 года. – С тех пор на кубинском телевидении показывали только бородатых мужчин. А как–то раз они появились и у нас дома. Мать вытащила меня из кровати, принесла в гостиную и поставила перед облаком дыма от сигар. Он (Фидель) присел на корточки передо мной, как папа Орландо, и сказал: „Она выглядит как маленький кудрявый ягненок. Иди сюда, ягненок“, – и вручил мне коробку с куклой в виде его самого – в форме, с маленькими звездочками и военными сапогами»[615].

Только в десять лет Алина узнала от матери, что ее отец – Фидель Кастро. Тем временем сама Нати Ревуэльта впадала в депрессию и утешалась письмами Фиделя середины 1950–х годов, пытаясь доказать близким, что ее увлечение революцией было не просто увлечением. Алина переняла бунтарский дух своего отца. В 16 лет она забеременела от офицера контрразведки и решила выйти за него замуж. Фидель сказал дочери, что ее муж отсидел в тюрьме за раздачу казенных телевизоров своим друзьям и если она выйдет за него замуж, то может забыть, что Кастро – ее отец. Но вскоре Фидель Кастро оттаял, и спустя полгода свадьба все же состоялась. Увидев на ней главнокомандующего, жених Алины напился до бессознательного состояния.

Спустя год Алина рассталась с мужем и вышла замуж за офицера, которого отправили на два года воевать в Анголу. Пока тот воевал, Алина закрутила роман с танцором гаванского балета, чем окончательно вывела из себя Фиделя Кастро. От ее четвертого мужа, мексиканского дипломата, Фидель Кастро потребовал написать автобиографию и подробно объяснить, что тот намерен делать на Кубе. Муж, не выдержав напряжения, заявил Алине, что его жизнь после знакомства с ней превратилась в сущий кошмар[616].

«Веселые похождения» Алины Фернандес на Кубе продолжались до 1993 года, когда она решила бежать с Острова свободы. Свой побег она представила как целый спектакль.

Надев парик, она в аэропорту Гаваны разыграла из себя испанскую туристку с кастильским акцентом и, со словами «Это – не мой банкет», покинула Кубу. Позже Фидель говорил, что если бы кубинские спецслужбы не захотели ее отпустить, Алина не

смогла бы уехать из Гаваны.

На чужбине она опубликовала книгу воспоминаний о своем отце, где «прошлась» и по родителям Фиделя. Впоследствии сестра Кастро Хуанита выиграла судебный процесс у Алины, доказав, что ее родители были оклеветаны в книге. Эти отрывки были исключены из более поздних изданий опуса Алины Фернандес. Она перебралась в США, где в настоящее время ведет на кубинском радио в Майами передачу «Просто Алина», не упуская случая язвительно уколоть Фиделя Кастро. Правда, она признает, что у ее отца великолепное чувство юмора и этим он располагает к себе людей. В одном из интервью она заявила: «У Кастро природный магнетизм. На митинги люди приходят его противниками, а потом кричат в экстазе: „Социализм или смерть!“, не понимая, почему они это делают!»

Неофициальной «первой леди» Кубы на протяжении десятилетий считалась жена Рауля Кастро – Вильма Эспин, наполовину француженка, бессменный председатель Федерации кубинских женщин. Она является автором Семейного кодекса Кубы, который гарантирует равноправие мужчин и женщин, а также обязывает мужчин заботиться о доме и участвовать в воспитании детей. У Рауля Кастро и Вильмы Эспин четверо детей: три дочери и сын. Наиболее известна дочь Мариэла, врач–сексопатолог, которая является защитницей прав сексуальных меньшинств.

После смерти в начале 1980 года Селии Санчес Фидель не остался одиноким.

Несколько лет назад в испаноязычной прессе появились первые сведения о нынешней, как ее называют, «тайной жене Фиделя Кастро», высокой светловолосой женщине с зелеными глазами, шестидесяти с небольшим лет. Зовут ее Далия Сото дель Валье. Предположительно, она является женой Кастро с 1980 года, но, как ни странно, ранее о ней ничего не было известно. Информацию об этой таинственной женщине западные журналисты собирали по крупицам. Оказалось, что у нее от Кастро пятеро детей. Из всех женщин Кастро она занимает самое привилегированное положение. В некоторых источниках утверждается, что Фидель тайно женился на ней. Однако подтверждения данной информации нет.

Ласаро Асенсио, журналист, бывший командир революционных войск, вспоминал: «В октябре 1959 года около залива Касильда на Тринидаде утонул самолет. Команданте Пенья предложил нам использовать как ныряльщицу свою племянницу по жене, девушку по имени Далия Сото дель Валье. Она была очень юная, прекрасная, тонкая, с очень белой кожей.

Мы взяли ее на лодку, она ныряла, но самолет не нашла. Когда на Тринидад приехал Фидель, его представили Далии, он влюбился в нее и забрал с собой. Больше ее никто никогда не видел». Нэнси Перес Креспо, журналистка, бывшая соседка семьи Далии на Тринидаде, до отъезда с Кубы была близка с ее братом Фернандо. Она рассказала такой случай: «Во время поездки в Гавану мать сказала Фернандо: „У твоей сестры любовник, он очень большой человек в революции, и у них есть дети. Далия хочет, чтобы ты посмотрел на ее мальчиков“. На улице, где она жила, была „мертвая зона“, куда никто не мог пройти. У Фернандо возникли подозрения. Наконец он попал в дом, и Далия сказала ему, что отец детей – Фидель. Он был потрясен. У Далии пятеро сыновей: Алехандро, Алексис, Ан–хель, Антонио и Александер»[617].

По другим, считающимся более точными, сведениям, упоминающимся в западной прессе, Фидель познакомился с Далией Сото в 1961 году во время кампании по ликвидации неграмотности, как раз в те дни, когда Куба была потрясена убийством юного «бригадиста» Мануэля Аскунсе Доме–нека. Фидель был ослеплен красотой молодой учительницы, уроженки города Тринидад. Но предложил ей руку и сердце только после смерти Селии Санчес в 1980 году. Далия Сото, или Лала, как ее называют знакомые и близкие, всегда находилась на значительном отдалении от кубинского лидера. Она впервые появилась на одном мероприятии с ним только в 1999 году. Это был бейсбольный матч между сборными Венесуэлы и Кубы, на котором присутствовали президенты двух стран – Уго Чавес и Фидель Кастро. Западная пресса утверждает, что долгое время Далия работала в научном океанографическом институте в Кохимаре. (Именно там жил герой повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море».) Считается, что Далия Сото увлекается подводным плаванием и разведением роз[618].

Детям Фиделя Кастро и Далии Сото на начало 2008 года было приблизительно от 33 до 45 лет. Разница между старшим, Антонио, и младшим, Анхелито, – 12 лет. Известно, что все они, предположительно под фамилией жены Фиделя, закончили престижную гимназию имени Ленина в Гаване, где учатся дети кубинской политической элиты. Отец их особо не баловал. Однако каждый из них, по вполне объективным на то причинам, получил охрану.

Детей Фиделя Кастро приучали к тому, что их жизнь будет далека от публичности, что им необходимо скрывать свое происхождение и ни в коем случае не признаваться в том, кто их отец, даже самым близким друзьям. Для них в период обучения в школе была разработана легенда, что они являются детьми

среднего партийного функционера.

В конце 2002 года испаноязычные телевизионные каналы в США показали домашнее видео под названием «Секретная жизнь Кастро». Дашель Торальба, бывшая невеста сына Кастро – Антонио, тайно вывезла любительскую видеозапись в США и продала ее одному телеканалу за 100 тысяч долларов. По одной версии, таким образом Дашель пытается отомстить Далии Сото, которая якобы заставила Антонио расстаться с невестой из–за того, что она является племянницей Диоклеса Торальбы, бывшего министра транспорта Кубы, отбывающего срок за получение взяток. Сейчас Дашель Торальба живет в одной из латиноамериканских стран, опасаясь мести семьи Кастро. По другой – она впала в немилость Фиделя, так как вместе с испанским консулом в Гаване занималась торговлей выездными визами: она, по утверждению итальянской газеты «Репубблика», продавала их по 2 тысячи долларов.

На этой видеопленке продолжительностью в несколько минут кубинский лидер запечатлен в кругу семьи, на вилле Пунто Сьерро (Нулевая отметка), расположенной на окраине Гаваны. Он проверяет, как накрыт обеденный стол в просторной столовой. В саду виллы резвятся внуки Фиделя Кастро.

Сбежавшая с Острова свободы Идальмиз Менендес, бывшая жена другого сына Кастро Алексиса, в интервью майамским телевизионным каналам так же, как и Дашель Торальба, нелестно высказалась о Далии Сото, называя ее ревнивой и мстительной женщиной, которая якобы удерживает внуков в Пунто Сьерро и после разводов не разрешает матерям, бывшим женам сыновей Кастро, видеться со своими детьми. По утверждению итальянской газеты «Репубблика», Алексис и Александер работают программистами, Алехандро – президент государственной компании по торговле программным обеспечением, Антонио и Анхель – врачи. Антонио перенял от отца страсть к бейсболу и одно время даже был врачом бейсбольной сборной Кубы[619].

По другим данным, Анхель работает в сфере автоматизированной механики, а Александер – кинооператором кубинского телевидения.

Прекрасно понимая, что рано или поздно все тайное становится явным, Фидель однажды решил «раскрыть карты». В 1990–е годы он открыл часть архивов и допустил к информации о своей частной жизни авторитетного обозревателя – бразильскую журналистку Клаудию Фуриати. Она даже получила возможность четыре раза встретиться с самим Кастро.

Результатом ее девятилетней (!) работы в архивах стал двухтомник «Фидель Кастро. Биография с разрешения героя»,

который стал бестселлером во многих странах Латинской Америки. Именно в этой книге было впервые упомянуто имя нынешней спутницы жизни Фиделя и матери его пяти сыновей, Далии Сото, и максимально подробно рассказано о 638 покушениях на кубинского лидера.

Кандидатура Фуриати была выбрана после того, как Фидель Кастро положительно отозвался о ее предыдущей книге «ЗР– оружие, которое убило Кеннеди». Но самое потрясающее в этой истории то, что журналистка призналась, что ей в свое время было также поручено убрать Фиделя! Правда, не посвятила читателей в детали операции. По ее словам, Фидель Кастро долго сопротивлялся ее желанию написать его биографию.

Ее книга вышла в свет в конце 2001 года. А три года спустя Фидель Кастро встретился с Хосе Игнасио Рамонетом, отрывки из произведения которого впервые в переводе на русский язык цитируются в нашей книге. Правда, Фидель посвятил его в основном в подробности своей революционной, а не личной жизни.

Чуть больше, чем о личной жизни, известно о пристрастиях и увлечениях Фиделя, о его распорядке дня, по крайней мере до болезни.

В беседе с бразильским священником братом Бетто в 1985 году Фидель вкратце рассказал, как начинается его рабочий день: «Каждый день с утра я первым делом читаю толстый том международных телеграмм и, просматривая содержание, отбираю всё, что заключает важную политическую информацию, экономическую информацию, научную и медицинскую информацию <… > Мне легче высказывать суждения о вопросах, связанных с революционным движением, коммунистическим движением, международным экономическим положением или политическими темами вообще, потому что это сферы моей деятельности, это моя сфера, скажем так, в которой я чувствую, что у меня есть больше прав высказывать суждения или я могу высказывать их с большей свободой» [620].

А вот какая характеристика дается Фиделю Кастро в воспоминаниях бывшего посла России на Кубе А. Капто: «Высокоэрудированный человек. Большой знаток политической и художественной литературы. Любит мемуарные сочинения. Новинками интересуется прежде всего в военном деле, медицине (особенно биотехнологии), сельском хозяйстве и строительстве. Обладает блестящими ораторскими качествами, хотя чрезмерно эмоционален и психологически легко раним, человек волевой и стойкий. Допущенные ошибки и промахи признает не сразу. Общителен, поддерживает тесные контакты со многими бывшими

коллегами по Гаванскому университету. Часто проверяет свои мысли на молодежи. Любит проводить беседы в неофициальной обстановке. Инициатор организации опросов общественного мнения в стране. В одежде и быту скромен. Отличный кулинар и гурман. О физической выносливости свидетельствует то, что без нормального сна может работать несколько суток. И так бывает довольно часто. Пьет мало, преимущественно виски. Любил кубинские сигареты, но с июля 1985 года перестал курить, в чем американские „оппоненты“, которым не удалось его уничтожить физически, усмотрели сигнал заболевания раком. Спортсмен, как говорится, широкого профиля: подводная охота, шахматы, бейсбол, волейбол» [621].

Пожалуй, общение с людьми является главной страстью Фиделя Кастро. Когда он приглашал кого–нибудь до своей болезни в Дворец революции, то разговор с этим человеком, как правило, длился от трех до шести часов. Причем Фиделю было неважно, был ли это простой инженер или американский конгрессмен. И все собеседники отмечали магнетическое обаяние Фиделя. Показательно, что Фрей Бетто закончил свою, разошедшуюся многотысячными тиражами, книгу записей бесед с Фиделем Кастро словами: «Меня переполняет чувство братского восхищения Фиделем и молчаливая молитва – хвала Отцу» [622].

В своей книге «Гавана—Москва. Памятные годы» бывший посол СССР на Кубе Виталий Воротников посвятил целую главу характеристике Фиделя Кастро как политика и человека: «Обаяние его личности неотразимо <…> Фидель Касто – не маска, не идол. Вроде бы человек такой, как все. Нет, не такой, как все! И дело не в росте, осанке, манере говорить, отнюдь нет. От него исходит какая–то внутренняя энергия, заражающая окружающих. Наблюдая за ним, часто ловишь себя на мысли, какой он все же разный: серьезный, озабоченный, участливый, сопереживающий, радостный, агрессивно–напористый, наивно–непосредственный. Но есть в нем один крепкий стержень, основа – он всегда остается самим собой: естествен, чужд позы, внешнего эффекта. Никогда не пытается понравиться или подстроиться под собеседника. Обычно он мало улыбчив, редко смеется. Но улыбка и смех сразу стирают с лица серьезность – они какие–то наивно–смущенные, искренние, приветливые. Фидель Кастро бывает и эмоционально–взвинченным, резким, безапелляционным. Реже это проявляется в беседах, чаще – в публичных выступлениях, когда он поднимает острые, волнующие нацию вопросы, когда разоблачает несправедливые, провокационные действия против страны» [623].

Давняя страсть Кастро – спорт, точнее его игровые виды и

бокс. Сейчас, когда Фидель по объективным причинам не может заниматься спортом, самую большую радость приносят ему успехи кубинских спортсменов на международной арене и, особенно, победы национальной сборной над американцами в бейсбольных соревнованиях.

Во время своей болезни Фидель Кастро особенно остро отреагировал на побег двух титулованных кубинских боксеров из расположения сборной и их желание продолжить карьеру в Германии: «Спортсмен, бросивший свою делегацию, – это словно солдат, бросивший своих товарищей на поле боя. На Кубе есть много хороших спортсменов, но она ни у кого их не украла. Кроме того, народ получает удовольствие от их чудесных выступлений. Это уже стало частью его культуры, его благосостояния и его духовного богатства» [624].

Кубинские спортсмены, артисты, художники окружены такой заботой, словно они – дети Фиделя. Многие из ценителей изящного, побывав на современной социалистической Кубе, отмечали: Фидель хорошо знает современную авангардистскую и абстрактную живопись, новые тенденции в музыке и литературе.

В молодые годы кубинский лидер особо не заботился о своем здоровье, совершенно не щадил себя, по нескольку суток, как во время Карибского кризиса или операции в Заливе Свиней, обходился без сна и нередко доводил себя до нервного и физического истощения. Его боевые соратники вспоминали о том, что Фидель мог уснуть где и как угодно – прислонившись к дереву или под проливным дождем, абсолютно не чувствуя и не замечая того, что промок до нитки. Уже упоминавшийся Хавьер Эстелано, бывший начальник личной охраны Фиделя Кастро в горах Сьерра–Ма–эстра, вспоминал: «Фидель Кастро – человек просто фантастического везения. Он любит играть со смертью <…> Не проходило и месяца, чтобы, переодевшись, он не проникал в города, где тайная полиция диктатора Батисты устраивала облавы в поисках партизан, и спокойно ходил по улицам, где были расклеены плакаты с его изображением. Помнится, Фидель любил к сумме объявленной за его голову награды пририсовывать еще два нуля. Мы нервничали страшно, а для него было любимым занятием обмануть охрану и отправиться на поиски приключений»[625].

До операции Фидель очень гордился своим здоровьем, правда, сетовал на годы: «Конечно, я уже далеко не в том состоянии, чтобы три года партизанить в джунглях, есть сырое мясо и спать на земле. А вот три месяца – почему бы и нет?»

Здоровье Фиделя Кастро уже давно является такой же строго охраняемой государственной тайной, как и его личная жизнь. И

ЦРУ всякий раз, когда с ним случались неприятности на публике, пыталось убедить мир в том, что он неизлечимо болен.

Так было в 2001 году, когда он потерял сознание. Так было и в 2004 году, когда после речи он, споткнувшись, упал и сломал правую руку и коленную чашечку. Хотя сам Фидель Кастро во время трехчасовой операции отказался от общего наркоза, заявив, что полностью контролирует ситуацию в стране, в некоторых СМИ стали распространяться слухи о том, что у Фиделя болезнь Паркинсона или рак мозга. Но своим поведением он полностью опроверг эти домыслы.

О силе воли Фиделя говорит тот факт, что он со временем избавился от всех вредных привычек. В частности, от курения. Специально для Фиделя Кастро в начале 1970–х годов была создана знаменитая сигара «Кохиба», ставшая символом Кубы. На ее изготовление уходит три года. За это время табачный лист проходит не две, как обычно, а три стадии обработки и приобретает особенно мягкий вкус. Теперь Фидель называет табак ядом и жалеет, что не берег свое здоровье в молодые годы, выкуривая одну сигару за другой.

В присутствии кубинского лидера другим лицам категорически запрещается курить. В последние годы Фидель часто призывает кубинцев сократить употребление табака и крепких спиртных напитков, особенно рома.

«Фидель Кастро хотя и не вступил в клуб долгожителей, но он строго выполняет правила здорового образа жизни. А это – отказ от вредных привычек, правильное питание, физические упражнения, культурный отдых и здоровая окружающая среда, – говорил личный врач Кастро Эухенио Сельман. – Принимая все это во внимание, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что Фидель Кастро еще проживет многие годы».

Несколько лет назад кубинские врачи начали претворять в жизнь амбициозную программу, названную «Клуб 120–летних». Эухенио Сельман считает, что если человек сам убежден в том, что проживет до 120 лет, то это вполне реально. На Кубе есть все условия для того, чтобы человек достойно жил в старости. Во–первых, образцовые социальные и медицинские системы, с их внимательным подходом к абсолютно каждому человеку. Во–вторых, исключительные природные условия: чистый воздух, солнце круглый год, море. В–третьих, овощи и фрукты, изобилующие витаминами. 40 научных организаций Кубы работают над раскрытием тайны старения и в перспективе намерены перегнать Японию по числу долгожителей и показателю среднего возраста жизни, который в Стране восходящего солнца превышает 80 лет. Кубинский «Клуб 120–

летних» провозгласил шесть принципов долгой жизни, которые пропагандируются на специальных симпозиумах и семинарах: правильное питание, физические упражнения, культура, чистая окружающая среда, профилактическое лечение и сила воли.

«Некоторые делают все, чтобы я умер. А теперь, когда я в возрасте, особо нетерпеливые рассчитывают, что природа скоро возьмет свое, – говорил Фидель Кастро в 2005 году. – Но сегодня я ценю свою жизнь более чем когда–либо.

Мне остается мало времени, но я и не хочу многого – мне хватит двух–трех лет»[626].

Нельзя предугадать, сколько лет отмерила судьба Фиделю. Но в том, что он будет сражаться за жизнь до последнего вздоха, сомневаться не приходится.

Глава семнадцатая
ТАЙНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ФИДЕЛЯ

О силе воли главнокомандующего можно рассуждать бесконечно долго. Но ничто не способно так показать характер этого человека, как его отношение к покушениям. Как ни цинично это звучит, но Фидель является мировым рекордсменом по выживанию.

На Кубе вовсе не случайно родилась поговорка: дом Фиделя Кастро – это вся Гавана и вся Куба. До болезни Фиделя никто, кроме личной охраны, никогда не знал, где будет находиться в ближайшие часы кубинский лидер и каков маршрут его передвижения.

Однажды знаменитый американский режиссер Оливер Стоун, снимавший о Фиделе фильм, спросил у команданте эн хэфэ: «Правда ли, что на вас готовилось 638 покушений?» Фидель Кастро не повел и бровью, а чуть ли не зевая, выдержав мхатовскую паузу, уточнил как бы мимоходом, будто бы речь идет о его кулинарных пристрастиях: «734. Да, 734 попытки сговора, сговора с целью уничтожения».

Скептики могут ухмыльнуться, усомнившись в правдивости сказанного. Слишком уж «гигантскую» цифру назвал кубинский лидер. Но не только доподлинно известно, но и документально зафиксировано, что за годы его правления на Кастро было совершено или планировалось более 600 покушений. В прессе до недавнего времени постоянно фигурировало 638 покушений или их попыток.

Какой силой воли и, главное, устойчивой нервной системой нужно обладать, понимая, что тебя могут убить каждую секунду? Любой врач скажет, что жить в состоянии такого перманентного стресса несколько десятилетий попросту нереально. Тем не менее Фидель держится, и жизнь его похожа на нескончаемый шпионский сериал. К несчастью, не выдуманный.

Злоумышленники придумывали самые невероятные способы уничтожения Кастро. Пик их устремлений пришелся на начало 1960–х годов, когда американскому руководству стало ясно, что с правительством Фиделя Кастро ему не суждено найти общий язык. Даже американский сенат был вынужден в 1970–х годах в восьми случаях признать ответственность ЦРУ за подобные акты.

Хроника покушений разнообразна и впечатляюща: «стандартные» ядовитые таблетки, отравленные сигары, «блондинки–киллеры» и даже «экзотические» взрывающиеся

моллюски. Разработчикам этих планов, среди которых были как секретные агенты ЦРУ, так и радикальные кубинские диссиденты, не откажешь в оригинальности, изощренности и изобретательности. И даже некоей зрелищности. По приблизительным подсчетам, противники Кастро на протяжении его жизни угрожали ему примерно раз в месяц!

Но все эти покушения, как правило, в самый последний момент, по непонятным причинам, либо отменялись, либо предотвращались кубинскими спецслужбами. О попытках физического устранения Фиделя рассказывается в книге «638 способов убить Кастро», которую написал бывший шеф кубинских спецслужб Фабио Эскаланте.

В чем же заключалось коварство противника? Для примера приведем операцию американских спецслужб под кодовым названием «Мангуст». Часть плана «Мангуст» получила название «Ортсак», по обратному прочтению фамилии Кастро. По некоторым сведениям, ее финансировал известный американский миллиардер Говард Хьюз[627].

«Мангуст» включал в себя 12 конкретных операций[628].

Операция «Смэшер» подразумевала блокировку кубинских военных и гражданских линий связи путем замены некоторых кабелей на другие, из специального материала, который при определенных температурах разрушал кабель и тем самым разрывал линии связи.

Целью операции «Фри райд» было провоцирование недовольства в кубинском обществе путем разбрасывания с военных самолетов авиабилетов на рейсы гражданских самолетов из Кубы в Мексику, Венесуэлу, где находились крупные антикастровские группировки.

Большие надежды возлагались на операцию «Терн эба–ут». Ее суть состояла в том, чтобы убедить кубинскую разведку и самого Кастро, что в кубинском правительстве существует заговор с целью свергнуть его.

Задача операции «Дефектор» состояла в том, чтобы подстрекать к дезертирству кубинских военных.

В ходе операции «Брейк ап» предполагалось тайно наносить специальные материалы, провоцирующие ржавчину и коррозию, на корабли и самолеты, предоставляемые СССР, и тем самым вызвать недоверие кубинцев к советской технике.

Операция «Прикрытие» заключалась в том, чтобы путем дезинформации убедить кубинское правительство, что военно–морские силы США, участвующие в проекте «Меркурий» (космическая программа), имеют основной целью шпионить за кубинскими линиями связи и коммуникациями – и тем самым

отвлечь спецслужбы Кубы от других направлений.

Во время операции «Дэрти трик» ЦРУ планировало обвинить правительство Кастро в диверсии против одного из американских космических объектов в рамках проекта «Меркурий» путем имплантации различных деталей кубинского производства в ракету, которая должна была потерпеть крушение. При этом ЦРУ не намеревалось информировать об операции руководство НАСА.

Операция «Фулл–ап» заключалась в том, чтобы заразить топливо, поставляемое из СССР на Кубу, специальным биологическим веществом, которое при соединении с топливом начинает увеличиваться в объеме и способно занимать всю предназначенную для этого емкость.

Цель операции «Фантом» была в том, чтобы убедить кубинское правительство, что на Кубе действует много агентов ЦРУ, о которых властям страны ничего не известно.

В ходе операции «Бинго» планировалось имитировать нападение на американскую базу Гуантанамо, что в дальнейшем позволило бы американцам оправдать использование военной силы и наращивание военного присутствия на острове для дальнейшего свержения Фиделя Кастро.

Операция «Гуд таймс» предполагала воздействие на кубинцев путем распространения порнографических материалов, на которых запечатлен Кастро в окружении иностранок, вместе с ним употребляющих импортные продукты питания, недоступные населению Кубы.

Операция «Хэйт из он» состояла в том, чтобы предлагать советским военным и гражданским пилотам, находящимся в Гаване, политическое убежище в США.

Для поддержки всех этих планов ЦРУ должно было задействовать особый информационный канал – радиопередачи, транслируемые с подводной лодки, курсирующей вдоль острова, и с военной радиостанции, находящейся на базе Гуантанамо, а также распространять фильмы и печатные материалы, направленные против Кастро.

Известно, что операция «Мангуст» была прекращена еще до начала Карибского кризиса. 13 мая 1963 года президент Кеннеди запретил ЦРУ оказывать «Кубинскому революционному совету» финансовую помощь. Некоторые эксперты полагают, что это стало одной из причин убийства Кеннеди в Далласе в ноябре того же года.

Параллельно с подготовкой вышеописанных операций Пентагон выдвинул идею создания нового, вымышленного лидера, который был бы более харизматичен, чем Фидель Кастро. Предполагалось использовать имя человека, связанного с

повстанческим движением или известного в кубинской истории, распространять устную информацию о нем по американским дипломатическим и разведывательным каналам, а также среди кубинских беженцев, приписывать ему громкие подвиги, представлять его в ореоле победителя. Если бы вдруг рейтинг этого виртуального лидера значительно возрос, то его роль взял бы на себя один из реальных деятелей антикастровской оппозиции, находившийся в изгнании в США[629].

В конце 1960–х американцы попытались возобновить психологическую войну против Кастро, разработав так называемый «План Торриенте». Он заключался в координации усилий кубинской эмиграции, направленных на проведение диверсий против Кубы, с тем чтобы отвлечь население от сбора урожая, расколоть революционное правительство. Но и этот план не сработал.

Гораздо большего внимания заслуживают уже более поздние громкие психологические акции, которые американцам все–таки удались.

В апреле 1982 года сотни кубинцев на набережной Гаваны могли наблюдать поразительную картину. Над водой на несколько десятков секунд появилась улыбающаяся и протягивающая к ним руки Дева Мария.

Правительство Кубы сделало все возможное, чтобы скрыть этот факт, однако перебежчики с Кубы быстро распространили эту новость в Майами.

Несколько лет спустя стало известно, что «явление облика Богоматери» было делом рук ЦРУ для воздействия на умы впечатлительных и восприимчивых к подобным чудесам кубинцев. С борта американской подводной лодки, находившейся вблизи острова, передавалась голограмма с изображением одного из самых известных в религиозном мире ликов Девы Марии. Поводом для столь странной операции ЦРУ было то, что в кубинской истории существовало поверье о ее появлении на Кубе перед самыми судьбоносными для страны моментами истории. Так, например, существуют свидетельства появления Девы Марии в конце войны за независимость в XIX веке, незадолго до свержения диктатора Мачадо в 1933 году и перед приходом Фиделя Кастро к власти в конце 1958 года.

Через несколько лет ЦРУ спланировало подобную операцию, которой не суждено было претвориться в жизнь. В «день икс» недалеко от берегов Гаваны должна была всплыть американская подводная лодка. С ее борта должны были рассеиваться звезды и появиться голограмма Иисуса Христа. Предполагалось внушить кубинскому народу, что Фидель Кастро – Антихрист. Для

усиления эффекта должны были быть подобраны и соответствующим образом «грамотно истолкованы» цитаты из Апокалипсиса Иоанна. По расчетам аналитиков ЦРУ, «чудо» могло оказать сильное воздействие на впечатлительное и религиозное население Кубы и вызвать недовольство действующим режимом вплоть до его свержения. Само же восстание против Фиделя Кастро должно было начаться по сигнальному залпу с американской подводной лодки.

А еще был разработан план с романтическим названием «Баунти», подразумевавший распространение на острове листовок с предложением вознаграждения в 100 тысяч долларов за убийство высокопоставленного чиновника кубинского правительства и лишь… 2 цента – за ликвидацию Фиделя Кастро. Смысл операции состоял в «унижении кубинского лидера».

Читатель вправе задаться вопросом: Что же предпринимал сам Фидель Кастро против всего этого? Прежде всего в плане психологического противостояния американцам. Ведь к тому времени американцы всерьез начали рассматривать возможность ядерной угрозы со стороны Кубы после завершения строительства атомной станции в Хурагуа, заложенной в 1982 году. Согласно некоторым исследованиям, в случае аварии, схожей с катастрофой в Чернобыле, радиоактивное облако может «пролиться» на США и заразить штаты Луизиана и Техас.

В некоторых западных источниках фигурируют сведения о существовании в кубинских спецслужбах группы экстрасенсов. В свое время кубинцам стало известно о том, что ЦРУ успешно проводило так называемую программу «дистанционного слежения». Она заключалась в том, что экстрасенсы и специалисты в области парапсихологии на расстоянии собирают информацию о секретных объектах на территории других стран. Тогда в кубинских спецслужбах была создана специальная группа «М» для использования способностей экстрасенсов и сантеро в своих целях.

Подобные рассказы о том, что спецслужбы многих стран мира используют паранормальные способности экстрасенсов в своих целях, не новость. Но если оставить в стороне рассуждения о заговоренности и магии, об экстрасенсах и парапсихологах, то придется признать очевидное – охрана Фиделя Кастро работает безупречно. Профессионализм и искусство кубинской службы безопасности заключаются в том, что за всю историю она ни разу не огласила детали того, как ей конкретно удалось предотвратить покушения на Фиделя. Но всякий раз грамотно преподносила результат своей работы, разоблачая механизм и конечную цель очередного коварного плана.

Кубинские спецслужбы, образно говоря, поставили несколько кругов защиты вокруг Кастро. Они избегают малейшей случайности. Внимательно отслеживают ситуацию в различных странах мира. Так что вариант «оранжевых революций» на Острове свободы не пройдет.

26 июня 2007 года ЦРУ рассекретило сотни документов, касающихся его тайных операций за границей. Многие из этих планов ЦРУ долгое время отрицало, потому что они противоречат не только американскому законодательству, но и уставу этой секретной организации. Значительная часть этих документов содержит информацию о ликвидации Фиделя Кастро. Для его устранения американские спецслужбы привлекали и членов мафии, и кубинских правительственных чиновников, и многих других людей. Фиделя пытались застрелить, взорвать, отравить.

Известен один курьезный случай. Агент положил таблетку с ядом в стакан с молочным коктейлем, который должен был попробовать Фидель. Фидель, придя к себе в номер в гостиницу, поставил стакан в холодильник «ЗИЛ». Преступник не знал возможностей советского агрегата: стакан с коктейлем попросту замерз в морозилке холодильника!

Как личную разборку предполагалось представить инцидент с одноклассником Фиделя по религиозной школе, который ненавидел революционеров. Но в последний момент он вдруг отказался от планов застрелить Кастро.

В апреле 1961 года на одной из узких улочек Гаваны пятеро террористов буквально изрешетили из автоматов автомобиль, в котором ехал Фидель Кастро. Все террористы были убиты охраной Кастро. И ни одна пуля не задела кубинского лидера. С тех пор Фидель перемещался в одном из трех абсолютно одинаковых бронированных «мерседесов».

25 сентября 1961 года газета «Эль Комерсио» рассказала об аресте группы агентов ЦРУ во главе с Луисом Тороэллом. Они планировали убить Фиделя во время его посещения спортивного комплекса в Гаване. Однажды бдительность проявили и сами кубинские граждане. Они скрутили снайпера, который уже собирался выстрелить в Фиделя Кастро во время его выступления в Гаванском университете.

В рамках операции «Мангуст» американские эксперты изучали возможность распыления наркотика ЛСД в прямом эфире радиостанции, где с обращением к нации должен был выступить Фидель Кастро. Они рассчитывали на то, что речь Фиделя после вдыхания им галлюциногена станет бессвязной и запутанной, он начнет нести околесицу и дискредитирует себя в глазах кубинцев. Тогда он бы скончался через несколько часов.

Американским спецслужбам не давала покоя даже знаменитая борода Фиделя. Их агент подложил в его армейские ботинки стельки, обработанные таллием, способным вызвать выпадение волос. Эта акция была осуществлена с помощью боливийской разведки. Но служба безопасности Кастро вовремя проверила стельки.

Для ликвидации Фиделя ЦРУ попыталось также использовать его пристрастия, а именно его любовь к сигарам и увлечение подводным плаванием. Ему подложили коробку сигар, пропитанных сильнодействующим ядом – токсином ботулизма. Однако Кастро почему–то не притронулся к этим сигарам. После того как стало известно о ядовитых сигарах, кубинские спецслужбы стали тщательно проверять все табачные изделия, доставлявшиеся ему, равно как и еду, напитки и даже подарки.

В 1975 году ЦРУ несколько раз пыталось завербовать работников фабрики, где делались сигары для членов правительства Кубы и главнокомандующего. Однако рабочие фабрики сразу же сообщили об этом в соответствующие органы.

Информация о покушениях и те из них, что все–таки состоялись, не могли не наложить отпечаток на образ жизни Фиделя Кастро. Если в первые месяцы после победы революции он мог свободно прогуляться по улицам Гаваны и зайти в понравившееся ему кафе, то теперь спецслужбы должны были не просто организовать поездки, но и иметь несколько маршрутов его передвижения, с тем чтобы запутать противника.

Однажды американские спецслужбы решили подстеречь Фиделя на подводной охоте. Маленькая лодка должна была в том районе выпустить большое количество моллюсков, раскрашенных в необычные цвета, чтобы привлечь внимание Фиделя. В крупной раковине планировалось спрятать взрывчатку. Однако в последний момент от этого плана пришлось отказаться. Разразился сильнейший шторм. Не вышел на охоту Фидель, не вышла в море подводная лодка.

В 1963 году на Кубу приехал известный адвокат из Нью–Йорка Джеймс Донован, чтобы провести переговоры с Кастро об освобождении из тюрем нескольких американцев. ЦРУ подсунуло адвокату в качестве подарка для Фиделя легкий гидрокостюм для подводной охоты, пропитанный веществом, вызывающим кожную болезнь. К костюму прилагался дыхательный аппарат, который был начинен вирусом туберкулеза. Однако ничего не подозревающий адвокат посчитал, что такой подарок слишком прост для такого человека, как Фидель Кастро. Он пошел в магазин и выбрал для него более дорогой гидрокостюм, который и преподнес ему в подарок.

Не только аналитики корпели над тем, каким же образом ликвидировать Фиделя, но и электронно–вычислительные машины. В компьютер была заложена информация о его образе жизни, увлечениях и пристрастиях. Помимо отравленных сигар, компьютер порекомендовал устранить Кастро, подарив ему зараженного бешенством котенка или уколов шприцем с цианистым калием, который бы нес радиоуправляемый робот–мышонок …

Когда в 1971 году Кастро возвращался из Чили, где чудом дважды спасся от смерти, его самолет должен был совершить промежуточную посадку в Лиме, столице Перу. Вблизи аэропорта, в лесополосе самолет Фиделя поджидала группа вооруженных наемников. До приземления самолета оставалось меньше часа, когда Фидель попросил летчика приземлиться на другом аэродроме. Прождав самолет несколько часов, наемники были вынуждены покинуть зону аэропорта.

В начале 1980–х годов американцы несколько лет вынуждены были играть в оперативные игры с кубинскими спецслужбами. Поочередно проваливались попытки отравить Фиделя Кастро, подсыпав ему яд в бутылку с ромом, салат или пропитав стрихнином банановый пирог. Как оказалось, все это время в роли неудачника–исполнителя выступал сотрудник кубинской контрразведки.

В 1986 году ЦРУ забросило на Кубу трех снайперов, которые должны были застрелить Кастро во время его очередного выступления на публике. Но с тех пор о них ничего не известно.

В 1999 году Куба в международном суде предъявила иск Соединенным Штатам Америки на сумму в 181 миллиард долларов за 637 покушений на Фиделя Кастро. США обвиняются в государственном терроризме, так как, по мнению кубинской стороны, не препятствовали и не осуждали попытки убить кубинского лидера.

Во второй половине 1990–х годов на первое место в борьбе против Кастро вышел уже упоминавшийся «Национальный кубино–американский фонд», созданный в свое время при содействии американских спецслужб. Он финансировал террористическую организацию Луиса Посады Каррилеса, которая осуществила взрывы в нескольких отелях и ресторанах с целью подорвать одну из процветающих на современной Кубе отраслей и один из главных источников валюты.

С 17 октября 1992 года по 30 апреля 1997 года диверсионные группы совершили 13 терактов, большей частью против туристических заведений.

Последняя попытка убить команданте эн хэфэ была

предпринята в 2000 году во время его визита в Панаму. Под трибуну, с которой Фидель Кастро должен был произнести речь, было заложено 90 килограммов взрывчатки. Если бы она сработала, жертвами теракта стали бы не только кубинские руководители, но и сотни студентов Панамского университета, которые собирались послушать выступление Фиделя. Сразу после этого были арестованы Луис Посада Каррилес, Гаспар Хименес Эскобедо, Гильермо Ново Сам–поль и Педро Рамон Родригес. В доме у одного из них были найдены несколько килограммов взрывчатки и карты для минирования университета.

Луис Посада Каррилес в начале 1960–х годов возглавил подпольное военное крыло эмигрантов, готовившее покушения на Кастро и диверсии в кубинских правительственных учреждениях. 6 октября 1976 года он взорвал кубинский самолет в Барбадосе, но таинственным образом сбежал из венесуэльской тюрьмы 18 августа 1985 года, где отбывал за это наказание, а затем очутился в Сальвадоре, где готовил группы для атак на сандинистов в Никарагуа.

Правительство Панамы 18 апреля 2001 года официально отказало Кубе в экстрадиции четырех подозреваемых в подготовке покушения на Фиделя Кастро. Преступников осудили, но вскоре помиловали. Правда, Посада Каррилес был передан американцам и этапирован в техасскую тюрьму Эль–Пасо по давнему обвинению в нарушении иммиграционных законов Соединенных Штатов. Революционное правительство Кубы тогда выступило с заявлением, что за этим решением стоит «майамская мафия, которая оказывает давление на американские власти, а те, в свою очередь, – на правительство Панамы».

8 мая 2007 года американская судья Кэтлин Кардона вынесла решение об освобождении Луиса Посады Каррилеса из тюрьмы. Теперь он будет спокойно доживать свои дни на пенсии во Флориде.

28 марта 2001 года на суде в американском городе Майами Родольфо Фромета, обвиненный в террористической деятельности против США, признал, что готовил покушение на жизнь Фиделя Кастро. По его словам, он возглавлял подпольную контрреволюционную группировку «Коммандос Ф–4». Любопытно, что американские власти обвинили его в причастности… к шпионской деятельности в пользу Гаваны. Фромета был арестован в 1994 году, когда пытался купить противовоздушную ракету. Покушение планировалось совершить на одной из военных баз близ Гаваны, куда Фидель Кастро должен был прибыть на официальное мероприятие. В ходе следствия Фромета заявил, что его организация имеет на Кубе

«подпольную ячейку», но отказался назвать ее численность.

В 1998 году американская контрразведка арестовала пятерых сотрудников кубинских спецслужб, входивших в так называемую «Сеть Пчела». Они были обвинены в попытке проникнуть на американские военные объекты. 18 декабря 2001 года федеральный суд в Майами приговорил троих членов группы к двум (!) пожизненным заключениям, а еще двоих – к 19 и 15 годам тюрьмы. На суде они заявили, что пытались внедриться в среду кубинской эмиграции для предотвращения терактов против своей родины и не нанесли никакого ущерба внутренней безопасности США. И хотя адвокаты полностью доказали их невиновность и на самом суде даже обвинители признали, что они не обладали никакими секретами, пятерых кубинцев объявили шпионами.

17 месяцев в ожидании процесса их содержали в кандалах и цепях в так называемых «тюремных дырах» – каменных мешках, где не бывает солнца! Гонсалес Шуэрерт, Рамон Лабаниньо Салазар, Фернандо Гонсалес Льорт, Анто–нио Герреро Родригес и Херардо Эрнандес Нордело подвергались в течение длительного времени унижениям и издевательствам.

Национальная ассамблея Кубы приняла решение о присвоении осужденным во Флориде звания Героев Республики Куба и награждении орденами их жен и матерей. 2002 год на Острове свободы официально был провозглашен «Годом героев–узников империи».

Сегодня жизни самого Фиделя угрожают не покушения, а серьезная болезнь и возраст. В больнице он защищен как никогда надежно. Но больше всего он переживает не за себя, а за своего друга и духовного и идейного наследника, лидера Венесуэлы Уго Чавеса. Фидель считает, что покушения на него самого сейчас означали бы для США «бессмысленную трату времени» с учетом прочности нынешнего кубинского режима. А вот Венесуэла «переживает решающий этап».

В конце 2007 года в цикле «Размышления главнокомандующего» Фидель выступил со специальной заметкой на эту тему:

«Я очень серьезно говорил с Чавесом во время его последнего визита 21 ноября об угрозе покушения, которой он постоянно подвергается, разъезжая в открытых автомобилях. Я говорил это, исходя из собственного опыта как бойца, умеющего использовать телескопический прицел и автоматическую винтовку, и вместе с тем, после победы, как объекта планов покушений, созданных по прямому приказу или по внушению почти всех администраций Соединенных Штатов начиная с 1959 года, – отметил Фидель

Кастро. – Безответственное правительство империи ни на минуту не задумывается о том, что убийство президента или гражданская война в Венесуэле с ее огромными запасами нефти означали бы взрыв глобализированной мировой экономики. Такие обстоятельства не имеют прецедентов в истории человечества»[630].

В конце июня 2007 года, когда Фидель проходил курс послеоперационной реабилитации, он написал статью, в которой обнародовал сенсационные сведения: президент США Джордж Буш еще до того, как стал главой Белого дома в 2001 году, распорядился физически ликвидировать кубинского лидера. Только Картер, по своим «религиозным убеждениям», никогда не отдавал приказа о покушении на его жизнь, добавил Фидель: «У меня также нет свидетельств того, что Билл Клинтон отдавал приказ о моем физическом устранении».

По поводу неуязвимости и долголетия Фиделя на Кубе ходит анекдот: Фиделю подарили галапагосскую черепаху.

«Красивая! А живет сколько?» – спросил он. «400 лет», – ответили ему. «Вот так всегда с домашними животными – только к ним привыкнешь, они умирают у тебя на руках!»

Шутки шутками, но не в магии и заговоренности, а в непоколебимой уверенности в правоте своего дела, как представляется, и состоит главный секрет «защиты Фиделя Кастро». «Все можно купить за деньги, кроме души народа, который никогда не встал на колени»[631], – написал Кастро в одной из статей. Секрет живучести Кастро не только в суперпрофессиональной работе спецслужб Кубы, их усилия могли пропасть даром, если бы Фидель не имел такой поддержки в народе. Популярность Кастро на Кубе сегодня такая же, как и 50 лет назад во время революции. И горькая правда для американцев состоит в том, что на защиту Кубы сегодня действительно поднимется и стар и млад, все – от военных до простых домохозяек, которые со школьной скамьи знают, как обращаться с оружием.

Глава восемнадцатая
СОВРЕМЕННАЯ КУБА. НОВЫЕ ДРУЗЬЯ ФИДЕЛЯ

Июль 2006 года. До празднования 80–летнего юбилея Фиделя Кастро оставалось чуть более трех недель.

Бодрый и полный сил, он полетел в Аргентину на саммит организации латиноамериканского экономического блока «МЕРКОСУР». Накануне саммита Фидель встретился с лидером Венесуэлы Уго Чавесом, предложил ему поехать на родину Че Гевары, в городок Альта–Грасиа. Там, в доме Че, экскурсовод показал гостям детские фотографии боевого соратника Фиделя. Как вспоминали очевидцы, команданте эн хэфэ сильно расчувствовался: «Че плачет? Не могу поверить!»[632]

Годы идут. На смену одним революционерам приходят другие. Экспрессивный и полный сил Чавес подхватил из рук стареющего Кастро знамя борьбы с империализмом. Для него Фидель и «брат по оружию», и «идейный отец», и наставник, и лучший друг. У них полное взаимопонимание по всем ключевым проблемам Латинской Америки и мирового устройства. Оба верят в свое «особое» предназначение. Оба считают, что северной империи нельзя противостоять в одиночку. И формируют организации и объединения на своем континенте, альтернативные североамериканским.

Венесуэлец – талантливый оратор, один из немногих, кто в этом отношении может сравниться с Фиделем. В 2007 году Чавес в своей передаче «Алло, президент» побил рекорд непрерывного в семь с половиной часов выступления Фиделя Кастро перед аудиторией. Венесуэльский президент говорил 7 часов 43 минуты!

Ни Фидель, ни Чавес не строят «коммунистических государств», что им приписывает западная пропаганда. В первую очередь они наследники героев Латинской Америки Хосе Марти и Симона Боливара, носители идеи борьбы за независимость. В честь Симона Боливара Чавес даже переименовал Венесуэлу в Боливарское государство Венесуэла. Слово «социализм» в главной кубинской газете «Гранма» сегодня встречается редко. Но в то же время Кастро признается: «Я был и остаюсь марксистом–ленинцем, – и это не странно, потому что я не догматик, я могу критиковать Маркса и Ленина. Но мне нечего критиковать у Маркса» [633].

Уго Чавес не приверженец теории о классовой борьбе.

8 экономической сфере он делает ставку не на социализм, а на социально ориентированную, но рыночную, по своей сути, экономику.

И Фидель Кастро, и Уго Чавес всегда в центре внимания всей планеты – а ведь они лидеры далеко не первых государств. Именно у Уго Чавеса Фидель отмечал свое 75–летие в 2001 году.

14 декабря 2004 года Фидель Кастро и Уго Чавес подписали в Гаване соглашение о сотрудничестве, которое отменило налогообложение на импорт между двумя странами. В соответствии с соглашением Венесуэла продает Кубе нефть по минимальной цене – 27 долларов за баррель, а та, продавая ее, получает необходимую ей валюту. Куба направляет в Венесуэлу врачей и медицинский персонал для работы в бедных городских кварталах, получая взамен, помимо нефти, продовольствие, строительные материалы. Благодаря помощи кубинских специалистов в Венесуэле полностью ликвидирована неграмотность.

Сегодня Венесуэла стала основным торговым партнером Кубы, на которую приходится примерно пятая часть товарооборота Острова свободы. Экономическая помощь Венесуэлы, оказываемая Кубе, оценивается в среднем в 2 миллиарда долларов в год. Кроме того, еще одна страна – Китай сегодня щедро платит за кубинский никель. Китайцы также предоставляют Кубе относительно дешевые кредиты. Теперь основной доход в кубинский бюджет дают не сахар, а никель и туризм.

Куба, несмотря на тяжелейший кризис начала 1990–х, постепенно интегрировалась в систему международной торговли, а дав «зеленый свет» иностранным инвестициям, стала членом группы стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АСР). Огромную нишу, которую на Кубе имел СССР, быстро заняли другие. Более 170 стран сегодня являются ее торговыми партнерами. Самые крупные из них – это Венесуэла, Испания, Китай, Канада.

Приход к власти левых во многих странах Латинской Америки (Бразилии, Боливии, Уругвае, Никарагуа, Эквадоре) пробудил у стареющего Фиделя Кастро давние мечты о создании радикальной оппозиции Вашингтону. Краеугольный камень этого проекта – Боливарианская альтернатива для Америки является противовесом объявленным Вашингтоном планам создания в Западном полушарии зоны свободной торговли и свободного рынка (НАФТА).

В январе 2004 года, закрывая в Гаване торжества по случаю

45–летия победы кубинской революции, Фидель подверг жесткой критике продвигаемый Соединенными Штатами проект НАФТА, заявив, что он является «последней атакой на экономическое развитие, единство и независимость латиноамериканских народов»: «Если эта попытка аннексии будет успешной, экономический порядок станет невыносимым как для народов Латинской Америки, так и для народа самих США, который будет видеть угрозу в избытке дешевой латиноамериканской рабочей силы».

Уго Чавес, Фидель Кастро и боливийский президент Эво Моралес задумали создать систему латиноамериканской интеграции, свободной от влияния США. Они заключили трехстороннее соглашение, которое предусматривает постепенную отмену торговых пошлин. Венесуэла обязалась поставлять Боливии нефть по сниженным ценам, а Куба – врачей–офтальмологов, которые будут бесплатно лечить бедных боливийцев.

Слова о солидарности латиноамериканских народов Чавес и Кастро подкрепляют мощными социальными проектами по всей Латинской Америке. 24 июня 2005 года в Каракасе прошла презентация нового телевизионного латиноамериканского канала «Телесур» – совместного проекта Венесуэлы, Кубы, Уругвая, Аргентины и Бразилии. В сентябре 2005 года Уго Чавес и Фидель Кастро сообщили, что собираются заложить основы новой антиамериканской революционной дипломатии. Они пообещали провести в ближайшие десять лет шесть миллионов операций на глазах. В рамках плана «Чудо», разработанного Кубой, клиники двух стран в состоянии ежегодно проводить операции по восстановлению зрения, в том числе по удалению катаракты, 600 тысячам пациентов из Латинской Америки. «Мы предлагаем этот путь Латинской Америке во имя сближения наших народов, чтобы гарантировать зрение и жизнь латиноамериканцам и жителям Кариб», – заявил Фидель Кастро. По его словам, еще более масштабных результатов позволит добиться создание в Венесуэле центра по подготовке медиков, аналогичного Латиноамериканской медицинской школе (ELAM) в Гаване[634].

Латиноамериканская медицинская школа, основанная в 1999 году в Гаване, рассчитывает к 2009 году подготовить вместе с аналогичным учебным заведением в Венесуэле 100 тысяч иностранных медиков. Студенты, зачисленные в нее, будут получать бесплатное жилье, питание и образование в течение шести лет.

Впервые мир услышал имя Уго Чавеса 3 февраля 1992 года, когда отважный подполковник–десантник в красном берете

пытался при помощи своих боевых товарищей свергнуть тогдашнее венесуэльское правительство. На следующий день Чавеса арестовали, и он провел в тюрьме два года – вышел оттуда благодаря амнистии, объявленной новым венесуэльским президентом Рафаэлем Кальдерой.

В 1994 году мятежный подполковник прилетел на Кубу к своему кумиру Кастро. Пройдет четыре года, и Уго Чавес законным путем займет кресло главы Венесуэлы, набрав в первом туре голосования 56,29 процента голосов.

11 апреля 2002 года в результате государственного переворота, который возглавил глава Федерации торгово–промышленных палат Венесуэлы Педро Кармона Эстанга, Уго Чавес был отстранен от власти. Группа высокопоставленных военных обратилась к Чавесу с требованием уйти в отставку, обвинив его в «уничтожении безоружных гражданских лиц». Это произошло после того, как не менее 10 человек погибли и 80 получили ранения в ходе разгона демонстрации противников Чавеса в Каракасе, когда неизвестные лица открыли огонь по толпе. По информации из окружения президента Уго Чавеса, это была тщательно спланированная провокация, предпринятая его противниками. За несколько дней до путча с противниками Чавеса за пределами Венесуэлы встретился американский посол в этой стране Чарлз Шапиро, а в штабе заговорщиков с первых минут находились два офицера ВС США – подполковник Джеймс Роджер и полковник Рональд Маккаммон.

Представители путчистов, прибывшие в президентский дворец Мирафлорес, заявили, что они намерены бомбардировать это здание, возле которого находились тысячи сторонников Чавеса, если тот откажется уйти со своего поста. Тогда Чавес позвонил Кастро. «Я очень ясно представлял себе разницу между ситуацией Альенде 11 сентября 1973 года и ситуацией Чавеса 12 апреля 2002 года, – рассказывал Фидель. – У Альенде не было ни одного солдата. Чавес располагал большим количеством солдат и офицеров армии, особенно молодых. „Не уходи с поста! Не отказывайся от президентства!“ – повторял я.

<…> У Чавеса было три варианта: окопаться во дворце Мирафлорес и сопротивляться до смерти, покинуть дворец и попытаться встретиться с народом, чтобы поднять волну национального сопротивления, с минимальными возможностями добиться успеха в тех условиях или выехать из страны, не отрекаясь, не уходя с поста, чтобы возобновить борьбу <… > Мы предложили третий вариант.

Суть моих заключительных слов в том телефонном разговоре была следующей: «Спаси ценных людей, которые находятся

вместе с тобой в этой сейчас ненужной битве». Идея заключалась в том, что такого популярного и харизматического руководителя, как Чавес, свергнутого в этих обстоятельствах в такой предательской форме, если его не убьют, народ – в данном случае при поддержке лучших представителей вооруженных сил – потребует вернуть, и это будет неизбежно. Поэтому я принял на себя ответственность предложить ему то, что предложил»[635].

Уго Чавес, желая избежать кровопролития, позволил себя арестовать. Он был под конвоем доставлен на одну из военных баз Каракаса, где в итоге провел два дня. Но информация об этом тщательно скрывалась от жителей страны. Военные перевозили его с места на место, пытаясь убедить его подписать заявление об отставке, но Чавес не соглашался на это. 12 апреля один из сочувствующих Чавесу офицеров дал на несколько минут арестованному президенту свой мобильный телефон. Чавес позвонил жене и одной из дочерей, сообщил им, что не подавал и не подаст в отставку. Но ни одно из международных агентств не передало этой информации.

И тогда вмешался Фидель: «Я превратился в некоего журналиста–репортера, который получал и передавал сообщения и публичные заявления, используя просто сотовый телефон. Я был свидетелем грандиозного контрпутча народа и Боливарианских вооруженных сил Венесуэлы»[636].

Он лично связался с одним из лидеров путчистов генералом Васкесом Веласко и сказал ему, что из–за этих событий в Венесуэле может пролиться море крови и что единственный человек, который может успокоить людей, – это Уго Чавес. Однако мятежный генерал отказался отпустить президента. И тогда Фидель решил пообщаться с западными журналистами, зная о том, что они мгновенно растиражируют его слова на весь мир. В итоге корреспондентка американской телекомпании Си–эн–эн из Каракаса, столицы Венесуэлы, передала благодаря содействию Фиделя в прямой эфир рассказ дочери Чавеса Марии Габриэлы о событиях и о том, где на самом деле находится президент Венесуэлы. Путчисты, которые уже намеревались вывести Чавеса с военной базы на самолете одного из местных олигархов, дрогнули и освободили президента.

14 апреля он вернулся на президентский пост при поддержке лояльных частей армии и десятков тысяч сторонников и сообщил, что не подавал в отставку, а переворот был организован администрацией Буша.

Дальнейшее известно. Уго Чавес провел радикальные реформы в своей стране, национализировал ключевые отрасли промышленности, принадлежавшие североамериканцам, чем

вызвал гнев Белого дома.

Именно Латинская Америка и противодействие политике Белого дома стали приоритетами не просто внешней, а всей политики Фиделя Кастро во второй половине 1990–х и в 2000–е годы.

Прошло совсем немного времени после возвращения на свой пост Уго Чавеса, как на пост президента Боливии, самой бедной страны континента, уже в первом туре был избран представитель коренной народности – индеец Эво Моралес, которого Кастро также называет своим другом, «исключительной личностью и выдающимся человеком». «Он (Моралес) воплощает собой гибель прежней политической системы в регионе и решимость народных масс завоевать подлинную независимость. Его избрание означает, что политическая карта Латинской Америки меняется. Новые ветры дуют на этом полушарии»[637], – констатировал Фидель.

Кризис доверия к Соединенным Штатам, ставшие популярными левые политические течения, приход к власти в ряде стран континента политиков, поддержанных народом, наконец, репутация самого Фиделя – все это позволило Кастро выдвинуться в Латинской Америке на роль беспрекословного морального авторитета. А также лидера в борьбе с глобализацией и североамериканским влиянием. «Когда в мае 2003 года стали известны результаты выборов в Аргентине и было объявлено о победе Нестора Киршнера и поражении Карлоса Менема, я испытал большое удовлетворение. Почему? Этому есть важная причина: самое худшее в неолиберальной глобализации в латиноамериканской стране, превратившейся в яркий символ неолиберализма, потерпело поражение»[638], – говорил Фидель Кастро.

В проблемах своего региона Фидель разбирается не хуже, чем во внутренней жизни Кубы. Он давно понял, что время экспорта революций и боевых действий в латиноамериканской сельве ушло. Теперь настало время «экспорта идей», всего того хорошего, что наработала Куба в плане своих социальных достижений.

Фиделя нередко называют и националистом, и антиглобалистом, и антиимпериалистом. Но его национализм заключается в желании сделать Кубу страной, с которой бы считались мировые колоссы. Антиглобалист Фидель не против глобализации как явления: «…папа Иоанн Павел II, пользовавшийся всемирным уважением, посетив в 1998 году нашу страну, говорил о „глобализации солидарности“. Кто–нибудь мог бы возражать против такой глобализации в самом точном значении этого слова, которое охватывало бы не только

отношения между теми, кто живет в одной стране, но и людей всей планеты, и чтобы завтра в мире настоящей свободы, равенства и справедливости солидарность проявляли также те, кто сегодня транжирит, разрушает и тратит попусту природные ресурсы и обрекает на смерть жителей этой планеты?»[639]

Он – антиимпериалист, но выступает не против граждан США. Он против непреложной гегемонии этой страны в мире, против того, чтобы другие страны выполняли американские установки под угрозой наказания, как строптивая Куба, Иран, Ирак и др. Не случайно у Фиделя Кастро такое отторжение вызывает политика администрации Джорджа Буша–младшего, при которой неоконсерваторы–республиканцы получили возможность захватить, например, Ирак.

Дональд Рамсфелд, Джон Болтон, директор ЦРУ Джеймс Вулси и, особенно, идеолог и главный вдохновитель войны в Ираке, первый заместитель главы Пентагона Пол Вулфо–виц, впоследствии глава Всемирного банка, – это современные «неоконы», новые «ястребы», которые определяли внешнюю политику США с 2000 по 2008 год. Этих людей, которых Джордж Буш–старший не допускал в коридоры власти и которых называли в Белом доме бешеными, Буш–младший сделал своими ближайшими советниками.

В феврале 2003 года, за несколько недель до начала войны, он был в Малайзии в Куала–Лумпуре на саммите Движения неприсоединения и там долго беседовал с членами иракской делегации и с тогдашним вице–президентом Ирака Таха Ясином Рамаданом. «Я им сказал: „Если у вас действительно есть химическое оружие, уничтожьте его, чтобы облегчить работу инспекторов ООН“, – вспоминал Фидель Кастро. – Это было для них единственной возможностью избежать нападения. И думаю, они это сделали, если оно действительно когда–нибудь у них было. Нападение было уже решено, даже если бы у них не было этого оружия»[640].

Фидель убежден, что еще с 1991 года, после вторжения в Кувейт, Саддам «замкнулся на логике, которая вела к серьезному кризису». «Мы проголосовали за резолюцию ООН, осуждавшую это вторжение. Я послал ему (в 1991 году) два письма с персональными посланцами, рекомендуя начать переговоры и вовремя уйти из Кувейта, – рассказывал Кастро. – В первом письме, датированном 2 августа 1990 года, я ему писал: «Обращаюсь к Вам, испытывая большую боль из–за полученного сегодня известия о вступлении войск Вашей страны в государство Кувейт. Независимо от причин, побудивших принять столь драматичное решение, не могу не выразить Вам нашу

озабоченность в связи с серьезными последствиями, которые это может иметь для Ирака и для Кувейта, в первую очередь, и для всех стран третьего мира. Несмотря на узы дружбы, связывающие Кубу с Ираком, она не может не возражать против военного решения конфликта, возникшего между Ираком и Кувейтом. Незамедлительная реакция международной общественности, узнавшей об этом из сообщений транснациональных информационных агентств, создает очень опасную и уязвимую для Ирака ситуацию.

Я считаю очень вероятным, что Соединенные Штаты и другие союзники воспользуются случаем, чтобы военным путем вмешаться в конфликт и нанести Ираку сильный удар. Кроме того, Вашингтон будет стремиться укрепить взятую им на себя роль международного жандарма в районе Персидского залива. В такой ситуации решающим является фактор времени, и я призываю Вас, используя добрые услуги Лиги арабских стран или Движения неприсоединившихся стран, к кому мы обращаемся с этой целью, выразить свою готовность вывести иракские войска из Кувейта и немедленно найти путем переговоров политическое решение этих разногласий. Такие шаги содействовали бы укреплению международной позиции стран третьего мира перед лицом выступающих в роли жандарма Соединенных Штатов и одновременно укрепят позицию Ирака в глазах международной общественности. <…> Ясная позиция Ирака и его решительные и немедленные шаги в направлении политического урегулирования помогли бы нам предотвратить и сорвать агрессивные и интервенционистские планы Соединенных Штатов. Куба готова сотрудничать в любых действиях, которые способствовали бы достижению такого урегулирования»»[641].

Однако Саддам не прислушался к доводам кубинского лидера, с которым был знаком с 1973 года. Тем не менее тот не переставал призывать иракского президента изменить его позицию: «Не следует допускать, чтобы всё, что построил народ Ирака в течение многих лет, а также его большие будущие возможности были разрушены новейшими видами оружия империализма. Если бы для этого существовали оправданные и неоспоримые причины, я был бы последним, кто просил бы Вас избежать этих жертв. Уступить требованию огромного большинства государств—членов Организации Объединенных Наций, просящих вывести войска из Кувейта, никоим образом не должно считаться ни бесчестием, ни унижением для Ирака»[642].

Вторжение американцев в Ирак стало неизбежным. «Мы с большим вниманием следили за этой войной с марта по май 2003 года. Почему Ирак не сопротивлялся? Загадка. Почему не взорвал

мосты, чтобы задержать продвижение американских сил? Почему не взорвал склады боеприпасов, аэропорты, до того как те попали в руки интервентов? Все это большая загадка. Несомненно, были военачальники, предавшие самого Саддама», – убежден Фидель. Он считает, что «народное сопротивление будет усиливаться, пока не прекратится оккупация Ирака». «Это будет адом и продолжит быть адом. Поэтому первой задачей должна быть немедленная передача реального контроля Организации Объединенных Наций, начало процесса восстановления суверенитета Ирака и установление законного правительства в результате решения иракского народа. Но подлинного, законного решения, а не выборов, проведенных в условиях неоколониалистской военной оккупации. Также следует немедленно прекратить скандальный дележ богатств Ирака»[643].

Фидель Кастро не случайно уделяет такое внимание ситуации в Ираке. Он уверен, что «формулы атак на Кубу и на Ирак аналогичны. Сначала администрация выдвигает ряд ультиматумов, затем переходит к активным действиям»[644].

Куба к 2007 году потеряла уже более 89 миллиардов долларов в результате торгово–экономического эмбарго со стороны США. В американской администрации, которая сделала некоторые исключения для экспорта на Кубу пищевых продуктов и медикаментов, а также телеоборудования, полагают, что эмбарго является «успешной мерой по борьбе с коммунистическим режимом, нарушающим права человека», и совершенно серьезно утверждают, что санкции не направлены против простых кубинцев.

В последние годы более 180 стран—членов ООН постоянно призывают Вашингтон снять эмбарго. В самих США некоторые высокопоставленные чиновники тоже понимают, что эмбарго является пережитком прошлого. Однако ситуация не меняется.

Несмотря на то, что главный враг Америки нынче – международный терроризм, призрак коммунизма никуда не испарился. Этот фантом необходим американской администрации, чтобы обыватель, запуганный им еще в колледже, не расслаблялся, для того, наконец, чтобы оправдать выделение денег на новые акции против Фиделя. И неважно, что распался Советский Союз, а Кастро уже далеко не тот коммунист, что братался с врагом Америки Никитой Хрущевым.

Сам Фидель не кровожаден, и его нельзя обвинить в тотальных репрессиях против инакомыслящих и травле диссидентов. В январе 2008 года кубинская Комиссия по правам человека и национальному примирению объявила, что количество заключенных, содержащихся в кубинских тюрьмах по

политическим мотивам, сократилось в 2007 году с 283 до 234 человек. Они получают полноценное питание и медобслуживание, имеют возможность почти каждую неделю общаться с родными, могут писать статьи и передавать их за пределы тюрьмы. Наконец, их семьи вполне свободно получают деньги, и причем немалые, от «благотворительных» организаций из США.

Кроме того, кубинские власти приняли решение присоединиться к двум международным конвенциям ООН – о гражданских и политических правах, а также об экономических и социальных правах. Их планируется подписать к марту 2009 года.

Фиделя нередко сравнивают с Давидом, одолевшим всесильного Голиафа. Кастро выиграл у североамериканцев все локальные битвы. Сверг марионеточный режим Батисты, расправился с наемниками в Заливе Свиней, с честью вышел из Карибского кризиса, унизил Белый дом Мариэль–ской переправой, выжил после сотен попыток покушения на него, не дал Кубе разрушиться в условиях жестокой блокады и на фоне распада СССР.

Американцам не хватает решимости поменять свою политику в отношении постреволюционной Кубы. Это уже вопрос государственной психологии.

Президентские выборы в новейшей истории США неизменно показывают, что голоса электората в «антикастров–ском» штате Флорида являются решающими в битве республиканцев и демократов за кресло главы Белого дома. Любой компромисс с Кастро или его режимом автоматически грозит соискателю президентского кресла в Белом доме потерей голосов более миллиона кубинских эмигрантов.

Этим, в частности, объясняется резкая антикастровская риторика Джорджа Буша–младшего во время его избирательных кампаний на пост президента США.

В 2000 году при подсчете голосов во Флориде оказалось, что 81 процент жителей штата проголосовали за Буша, тем самым обеспечив ему крошечный перевес над Альбертом Гором. То же самое случилось и в 2004 году, когда, получив меньше, чем Джон Керри, голосов в целом в стране, но опять победив во Флориде и получив решающие 27 голосов, Джордж Буш был избран президентом Соединенных Штатов на второй срок. И каждый раз Буш «по–своему благодарил» кубинских избирателей – ужесточая санкции против Кубы и щедро финансируя кубинских эмигрантов в их борьбе с кастровским режимом.

Личное противостояние Кастро и представителей американской политической элиты давно переросло в антагонизм систем, образов и, если хотите, философий жизни. США и Куба не

сходятся в рукопашной схватке, не проливают кровь, не воюют друг с другом. На совести Белого дома десятки интервенций и переворотов в Латинской Америке, которые всегда сходили ему с рук. И только на маленькой Кубе он потерпел сокрушительное поражение.

Однако следует признать, что отношения между США и Кубой зашли в тупик не только по вине Белого дома. Фидель, образно говоря, «повелся на конфликт» с американцами и в 2000–е годы сделал антиамериканизм фактически основой своей политики. Едва ли не в каждом своем выступлении, в каждой статье он поминал недобрым словом северную империю и особенно своего оппонента Джорджа Буша.

Но еще 5 января 1999 года президент Клинтон предложил смягчить политику эмбарго. Впрочем, он имел в виду не межправительственные отношения, а расширение связей с неправительственными организациями и рядовыми гражданами Кубы. В октябре 2000 года сенат США принял поправку к закону, которая сняла запрет на торговлю продовольствием и медикаментами с Кубой. Клинтон подписал указ «об ограниченном снятии санкций с Кубы» и разрешил ввозить на остров товары первой необходимости.

В своей книге «Моя жизнь» Билл Клинтон посвятил несколько страниц Фиделю Кастро и рассказал о своей встрече с Габриелем Гарсиа Маркесом в Белом доме в первой половине 1990–х годов, когда кубинцы в массовом порядке эмигрировали в США: «Гарсиа Маркес не поддержал эмбарго против Кубы, введенное Соединенными Штатами, и пытался убедить меня его отменить. Я ответил, что не стану отменять эмбарго, добавив при этом, что являюсь сторонником Акта в поддержку демократии на Кубе, который давал президенту право улучшать отношения с Кубой, если на острове будут укрепляться свобода и демократия. Я также попросил Гарсиа Маркеса сообщить Кастро, что, если поток беженцев не прекратится, наши ответные меры станут еще более жесткими, чем те, которые Соединенные Штаты предприняли в 1980 году под руководством президента Картера. „Кастро уже стоил мне одних выборов, – сказал я. – Больше этого не повторится“. <…> Вскоре Соединенные Штаты и Куба достигли соглашения, по которому Кастро обязался остановить исход беженцев, а мы пообещали каждый год принимать дополнительно еще двадцать тысяч кубинцев в рамках нормального процесса допуска в страну иммигрантов. Кастро соблюдал это соглашение до конца моего президентского срока. Позже Гарсиа Маркес шутил, что он – единственный человек, который дружит одновременно и с Фиделем Кастро, и с Биллом Клинтоном»[645].

В сентябре 2000 года в ООН состоялся так называемый «саммит тысячелетия», который должен был продемонстрировать добрую волю лидеров даже враждующих друг с другом государств. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан пригласил их на торжественный обед. «По его окончании я, как обычно, стоял у своего стола и обменивался рукопожатиями с теми лидерами, которые, прощаясь, подходили ко мне, – вспоминал Билл Клинтон. – Я думал, что последним будет представитель Намибии – человек огромного роста, возвышавшийся надо мной. Но, когда он отошел, я увидел еще одного руководителя, которого до того момента заслоняла широкая спина намибийца, – это был Фидель Кастро. Он протянул мне руку, и я ее пожал, став первым американским президентом, обменявшимся с ним рукопожатием более чем за сорок лет. Фидель сказал, что не хотел меня беспокоить, но подошел, чтобы выразить мне свое уважение, перед тем как я покину президентский пост. Я ответил: „Надеюсь, настанет день, когда наши страны прими–рятся“»[646].

Вернувшись на Кубу с «саммита тысячелетия», Фидель Кастро заявил в интервью катарскому телеканалу «Аль–Джа–зира»: «Мы готовы к примирению с США, но это зависит не только от нас. Куба хочет жить в мире со всем миром, вне зависимости от политических и религиозных убеждений». Впрочем, Фидель уточнил, что речь идет о «цивилизованном соседстве» с США и что сам он исключает «любое взаимодействие с капиталистическим режимом».

Что же касается проблемы кубинских беженцев, хочу привести здесь историю, которой на протяжении многих месяцев мировые СМИ уделяли особое внимание. Речь идет о так называемом «деле Элиана Гонсалеса».

25 ноября 1999 года недалеко от берегов Флориды потерпело крушение судно с нелегальными кубинскими эмигрантами. Из 14 человек в живых остались двое – мужчина и шестилетний ребенок Элиан Гонсалес Бротонс. Мальчик был тайно вывезен с Кубы матерью и ее гражданским мужем без согласия отца, который постоянно поддерживал отношения с сыном, выполняя все отцовские обязательства. Отец Элиана обратился в МИД Кубы с просьбой оказать содействие в возвращении сына. К его просьбе присоединились бабушки и дедушки как по отцовской, так и по материнской линии.

27 ноября 1999 года министерство иностранных дел Республики Куба предъявило США две ноты. Ко второй ноте прилагалось письмо отца ребенка. Однако от правительства Соединенных Штатов не последовало никакой реакции. Хотя с юридической точки зрения право отца Элиана было неоспоримо и

находилось под защитой как кубинских, так и международных законов.

В результате в двух странах развернулись массовые кампании. Кубинские эмигранты в США требовали оставить мальчика «в свободной стране» у своих непрямых родственников. Тысячи демонстрантов в Гаване негодовали по поводу удержания Элиана на чужбине. Тогда Фидель Кастро сам занялся этим делом. Говорили, что случай с Элианом напомнил ему о личной трагедии, когда он был разлучен со своим сыном Фиделито, который в таком же возрасте был в 1950–е годы увезен матерью в США после развода родителей. Кастро стал буквально сражаться за мальчика.

Один миллион 826 тысяч долларов – в такую сумму обошелся американским налогоплательщикам процесс по «делу Элиана Гонсалеса». Только Верховный суд США в июне 2000 года постановил отправить мальчика на Кубу.

До аэропорта Дьюлз, штат Вирджиния, Элиана довез полицейский эскорт, за которым следовали многочисленные автомобили, вертолеты, набитые представителями СМИ. Элиан улетел на родину на чартерном самолете с отцом Хуаном Мигелем Гонсалесом, мачехой, сводным и двоюродным братьями, школьным учителем. Во втором самолете на Кубу возвращались одноклассники, учителя и друзья мальчика, которые специально прилетали в США, чтобы поддержать его во время судебных слушаний. В аэропорту Гаваны Элиана встречали многочисленные родственники и 800 школьников, которые размахивали кубинскими флажками и пели песни. Ликование кубинцев и самого Фиделя после возвращения Элиана Гонса–леса на родину сравнивали с празднованием победы над наемниками в Плайя–Хирон в 1961 году.

Несмотря на негодование кубинских эмигрантов президент США Билл Клинтон выразил удовлетворение исходом дела. Он сказал, что много раз проигрывал в уме эту ситуацию и хотел, чтобы «события были менее драматическими и травматическими». Возможно, это признание Билла Клинтона стоило демократам голосов выборщиков во Флориде, где они в тот год во время президентской кампании потерпели сокрушительное поражение.

Эмигранты, выйдя на улицы Майами, размахивали кубинскими флагами и выкрикивали оскорбительные слова в адрес Билла Клинтона и министра юстиции Джанет Рино, выступивших за возвращение мальчика на Кубу, поджигали мусор и автомобильные шины, нападали на полицейских с палками и дубинками. А на Кубе продолжалось ликование. Фидель Кастро

заявил, что день возвращения мальчика – это первый за 40 лет день перемирия с США, «возвращение Элиана отцу – это победа и успех, достигнутые совместно с правительством и общественным мнением США».

Но у Фиделя не было никаких иллюзий относительно администрации Клинтона. Пожалуй, ни одно из международных событий, напрямую не затрагивающих интересы Кубы, не вызвало такой гневной реакции Кастро, как бомбардировка Белграда в марте 1999 года. Во всех выступлениях того периода Кастро так или иначе затрагивал тему бывшей Югославии. По горячности и риторике они напоминают речи Фиделя перед миллионами кубинцев времен революции.

«Когда я говорю о сербском народе, я говорю о миллионах мужчин и женщин, детей и стариков, но в особенности детей, беременных женщин, ни в чем не повинных гражданских лиц, если не считать преступлением их способность к самопожертвованию, их отвагу перед лицом смерти и способность петь патриотические или веселые песни, в то время как своими телами они защищали мосты, уже ставшие жизненно важными, которые соединяли две части столицы, – говорил Фидель Кастро на встрече с членами Национального союза студентов Бразилии в июле 1999 года. – <… > Когда Запад, и в первую очередь Европа, расчленил Югославию, начались войны и взаимные побоища между народами, составлявшими Югославию, которая на протяжении почти полувека жила в мире <…> я сказал некоторым европейским руководителям: никакая этническая чистка, никакое преступление не оправдывает геноцида, направленного против целого народа, миллионов безвинных людей, и потому мы требовали политического решения проблемы. <…> И если когда–нибудь град бомб обрушится на наш маленький остров, я уверен, что поведение нашего народа будет таким же героическим, каким было поведение сербов»[647].

Именно после событий в бывшей Югославии антиамериканская риторика стала преобладающей в выступлениях Фиделя, а в вопросах внешней политики акцент почти полностью переключился на Северную Америку. Основания для беспокойства у Кастро появились после того, как он понял, что в Белом доме скоро будет править бал команда неоконсерваторов–республиканцев, идейные истоки которой восходят к небезызвестной доктрине Монро. Фиделя возмутило заигрывание Буша–младшего с кубинцами из Майами.

Неангажированные американские аналитики прогнозировали, что позиция Буша по кубинскому вопросу окажется значительно более жесткой, чем позиция Клинтона. Так

и произошло. С этого момента началось личное противостояние Фиделя и Джорджа Буша. Фидель принялся иронизировать над новым главой Белого дома с присущим ему сарказмом: он выразил надежду на то, что Буш–младший все же «не так глуп, как кажется», заявил, что «руководство великой империей, соседями которой мы являемся, принял на себя какой–то весьма странный тип, от которого многого ожидать не приходится», и так далее в таком же духе.

Буш, в свою очередь, обвинял Фиделя во всех смертных грехах и на полном серьезе пытался убедить мировое сообщество в том, что Куба является одним из центров международного терроризма.

Однако в западном мире у Фиделя были не только противники, но и друзья. Многие из них – поистине великие люди – Эрнест Хемингуэй, Грэм Грин, Гарсиа Маркес. О Хемингуэе вообще речь особая. Он впервые приехал на Кубу в 1928 году для участия в соревнованиях по ловле рыбы–меча, полюбил этот остров и стал считать его своей второй родиной. На вилле под названием «Финка Вихиа», расположенной к югу от Гаваны, Хемингуэй жил с 1939 по 1960 год, пока проблемы со здоровьем не вынудили его вернуться в США. После самоубийства писателя в 1961 году его вдова передала виллу Фиделю Кастро, и в 1962 году в ней открылся музей. Хемингуэй, что называется, с натуры написал на Кубе одно из самых пронзительных своих произведений «Старик и море», за которое получил Нобелевскую премию. Уезжая с Кубы, Хемингуэй не взял из дома почти ничего. На «Финке Вихиа» с тех пор хранятся его охотничьи трофеи, коллекция мокасин и библиотека в девять тысяч томов.

До революции Хемингуэй не поддерживал никаких контактов с властями Кубы, избегал приемов и протокольных мероприятий, считая их бессмысленной тратой времени. А вот Фиделя Кастро очень уважал, говорил, что на острове впервые пришло к власти честное, некоррумпированное правительство, понимающее нужды народа. В 1960 году Хемингуэй пригласил Фиделя Кастро на турнир рыболовов, названный именем писателя. И надо же, Фидель, который до этого не жаловал рыбалку, победил на соревновании профессиональных рыбаков, выловив самую крупную рыбу!

Однажды Фидель рассказал, что прочитал «По ком звонит колокол» первый раз, когда был студентом. Потом перечитывал этот роман еще три раза. Эта книга заинтересовала его, потому что в ней, помимо всего прочего, описывалось еще и то, что происходило в тылу войск.

«Мы чувствовали, как должна была проходить нерегулярная

война с точки зрения политической и военной. Но „По ком звонит колокол“ помог нам набраться опыта, – вспоминал он. – Потому что все книги Хемингуэя описывают события с большим реализмом. Все реалистично и очень убедительно. Тяжело забыть то, что он написал, потому что он описывает это так, словно пережил сам, у писателя была способность передать читателю все события жестокой гражданской войны в Испании. Позже мы на себе испытали все „прелести“ партизанской войны, когда сами воевали в Сьерра–Маэстра. Книга стала близкой нам по духу»[648].

В октябре 2003 года в любимом баре Эрнеста Хемингуэя «Эль Флоридита» в Старой Гаване был поставлен бронзовый памятник писателю. Памятник был помещен в том месте, где любил сидеть Хемингуэй. Скульптор Хосе Вилья Собе–рон изобразил писателя облокотившимся на дальний край барной стойки. Правая рука фигуры упирается в бок, левая нога покоится на перекладине чуть выше пола. Рядом со скульптурой на стене несколько больших фотографий, запечатлевших Хэма рядом с Фиделем и Че Геварой.

Доброжелательный бармен из «Эль Флоридиты» рассказал автору этой книги несколько занимательных историй из жизни Хэма на Кубе. В этом баре писатель познакомился с владельцем заведения Константином Рибалайва, создателем коктейля «Дайкири». В компонент этого бодрящего и освежающего алкогольного напитка входят лимонный сок, сахар, раскрошенный лед, ликер и ром трехлетней выдержки.

Папа Хэм после плавания в бассейне приходил во «Фло–ридиту» и выпивал восемь—десять коктейлей, делая какие–то пометки. Здесь он написал одну из глав «Старика и моря».

Считается, что друзья у человека появляются только в молодости. Но у Кастро с возрастом, наоборот, появляются новые друзья–соратники. Уго Чавес, Эво Моралес, Диего Марадона…

«Для меня он – бог», – сказал знаменитый футболист о Фиделе Кастро. Они познакомились на Кубе, где Диего лечился от наркотической зависимости. Фидель приехал навестить его в медицинский центр Ла Прадера. Впоследствии Диего Марадона проходил еще один курс реабилитации на Кубе и настолько проникся духом кубинской революции, что сделал на своем теле татуировки с изображением Че Ге–вары и Фиделя Кастро. «Меня часто обвиняли в том, что я коммунист. Нет. Я – фиделист», – заявил журналистам Диего Марадона.

В свой сорок первый день рождения Марадона получил в подарок от Фиделя фуражку защитного цвета с автографом, несколько бутылок вина и рома. Он был растроган подарком и послал Фиделю футболку со своим автографом. По признанию Марадоны, «самым прекрасным подарком» для него стала

двухчасовая встреча с Фиделем, которая состоялась накануне его дня рождения.

Дружба Кастро и Марадоны продолжается уже более восьми лет. В октябре 2005 года Диего прибыл на Кубу в качестве… журналиста одного из аргентинских телеканалов и, пользуясь дружбой с Фиделем, взял у него интервью для своей программы «Ночь с десятым номером» – под этим номером Марадона играл на протяжении всей своей футбольной карьеры. Кубинская революция, политика, футбол, Че Гевара, Джордж Буш – беседа Марадоны и Кастро продолжалась пять часов. И хотя в эфире аргентинского «Канала 13» было показано лишь 12 минут записи, об этом интервью говорили во всем мире.

Не меньший резонанс в мире имели документальные фильмы, которые снял о Фиделе Кастро знаменитый американский режиссер Оливер Стоун.

Они познакомились в 1987 году в Сальвадоре, где режиссер снимал ленту с одноименным названием. В феврале 2002 года они встретились вновь. Провели в «беседах за жизнь» три дня, проговорив почти 30 часов.

Прощаясь с режиссером, Фидель оказал ему честь, которой удостаиваются лишь главы государств, – он лично проводил его к трапу самолета в гаванском аэропорту имени Хосе Марти.

Результатом их бесед стал двухчасовой фильм «Коман–данте» и его продолжение – часовой фильм «В поисках Фиделя».

В 2003 году картина была отмечена на Международном фестивале независимого кино в Сандэнсе и вошла в программу «Панорама» Берлинского кинофестиваля. Оливер Стоун так отозвался о кубинском лидере: «Фидель Кастро – человек сильный и абсолютно здравый, живущий по модели Хемингуэя. Он стремится быть сильным и романтичным. Ему не нужен психиатр. В нем меня удивило многое. Его элегантность. Его уверенность в собственной правоте. Его прямота. Кастро очень похож на Дон Кихота. Он идеалист, верит в справедливость, в служение обществу. Спустя сорок лет он по–прежнему верит в свои принципы».

В мае 2003 года американская компания кабельного телевидения, в сетке вещания которой уже был запланирован показ фильма «Команданте», отказалась от своих планов, мотивировав это тем, что на Кубе, дескать, нарушаются права человека и проводятся репрессии против инакомыслящих. На самом деле, кто–то побоялся, что Фидель, обладающий феноменальным даром убеждения, сможет очаровать простых американцев. Как это было в апреле 1959 года во время его визита в Соединенные Штаты. А Оливер Стоун за фильм о Фиделе

был оштрафован на 6 300 долларов за то, что нарушил экономическое эмбарго против Кубы.

Стремясь унизить Остров свободы, Белый дом иногда принимает такие нелепые меры, что приводит в недоумение американских граждан. Например, за курение кубинских сигар грозит штраф до 250 тысяч долларов или даже тюремное заключение сроком до десяти лет.

Многие аналитики считают, что, ужесточая санкции против Кубы, США добились не того результата, на который рассчитывали. Бывшие американские, а затем и бывшие советские «экономические ниши» на острове заняли, несмотря на препоны Евросоюза, европейские компании. Их инвестиции в экономику Кубы составляют около половины всех иностранных капиталовложений. Американская блокада привела к тому, что у Фиделя Кастро стало больше власти. Жесткие меры не добавляют симпатий американским властям и прибавляют популярности в мире Кубе и ее лидеру. Например, экс–мэр Лондона Кен Ливингстон, посетивший Остров свободы в 2006 году, назвал кубинскую революцию одним из самых великих событий XX века. Он отметил, что Куба создала лучшую систему образования и здравоохранения в третьем мире, невзирая на блокаду со стороны США.

1 мая 2003 года более 160 иностранных писателей, артистов и других знаменитостей приняли декларацию в поддержку Кубы – «К совести мирового сообщества». В ней говорилось: «Одна–единственная держава наносит огромный урон нормам взаимопонимания, диалога и посредничества среди государств. В настоящий момент началась мощная кампания по дестабилизации латиноамериканской страны. Притеснение Кубы может послужить и поводом для агрессии».

Однако кубинскому правительству и Фиделю Кастро в последние годы пришлось выслушать и много нелицеприятного в свой адрес. Главным образом это связано с отношением к оппозиционерам и диссидентам на Кубе. Группа диссидентов во главе с Освальдо Пайя представила в Национальную ассамблею Кубы петицию с требованием провести референдум по поводу предоставления гражданских свобод, в том числе свободы слова, амнистии политическим заключенным, поддержки частного предпринимательства и принятия нового закона о всеобщих выборах. «Сегодня на Кубе больше трехсот политзаключенных, – заявил Пайя западным журналистам. – Трудно сказать наверняка, в чем их преступления, но вполне может быть, что это критика в адрес Фиделя Кастро. Более двадцати представителей нашего Движения христианского освобождения сидят в тюрьме, много

других активистов – также».

Кубинское же правительство утверждает, что деятельность Пайи и заключенных, о которых он говорит, оплачивают США, а ни одна страна не потерпела бы подрывную деятельность агентов иностранного государства, особенно если она ослаблена американским эмбарго.

Кубинский лидер не отверг проект диссидентов, правда, выразив недовольство тем, что они назвали его «проектом Варела» – именем национального героя, борца за независимость страны. Но и тут Фидель в который раз обратил обстоятельства в свою пользу. Он разрешил провести референдум, но перехитрил «западников», сформулировав вопрос в бюллетене так: «Считаете ли вы, что политический, экономический и социальный режим, который сейчас на Кубе, должен оставаться неизменным?» Больше 90 процентов кубинцев проголосовали на референдуме за то, чтобы Куба оставалась социалистической.

В апреле 2003 года кубинские власти действительно жестоко расправились с диссидентами. Было арестовано и осуждено более 80 журналистов, экономистов и библиотекарей. Некоторых из них приговорили к 30 годам тюрьмы, а все вместе они в общей сложности получили 1 454 года. Судебные процессы проходили в сжатые сроки, выступавшие в качестве свидетелей коллеги рассказывали о «деятельности обвиняемых против целостности и суверенитета государства».

В результате Фидель Кастро подвергся небывалой со времен революции критике из–за рубежа за жестокие репрессии по отношению к диссидентам.

Многие аналитики пребывали в недоумении: что подвигло его так расправиться с оппозиционерами? Ведь долгое время он ничего не предпринимал в отношении них, зная, что те не представляют для него реальной опасности. Дело в том, что эти лица получали большие денежные средства из США, и Фидель был разъярен тем обстоятельством, что критики его режима живут припеваючи на американские доллары, в то время как народ ежедневно борется с жизненными трудностями.

В мае 2003 года, несмотря на только что прошедшие судебные процессы, более 150 кубинских диссидентов получили возможность свободно собраться в окрестностях Гаваны, чтобы осудить «тоталитарный режим Фиделя Кастро», причем в присутствии иностранных журналистов. На этом «первом съезде против диктатуры» звучали крики «Долой Кастро!», а охрана и полиция даже не думали вмешиваться в происходящее. В собрании диссидентов заочно принял участие и Джордж Буш, он прислал свое послание на аудиокассете. Он говорил, что ждет

того дня, «когда на Кубе наступит свобода». «Мы работаем над тем, чтобы этот день наступил». Этих слов было вполне достаточно, чтобы разозлить Фиделя.

«Козлом отпущения» был избран глава Отдела интересов США на Кубе, американский дипломат Джеймс Кейсон. Самой вероятной причиной репрессий представляется то, что Кейсон, в отличие от своих предшественников, открыто поддерживал оппозиционеров Кастро, предоставлял свою резиденцию для их семинаров и встреч. Разумеется, содержание этих бесед становилось известно Фиделю.

В результате кубинские власти ограничили передвижение Кейсона на Кубе, обосновав это тем, что такие же жесткие меры приняты в отношении кубинских дипломатов в США. А вскоре кубинские власти ограничили перемещение всех американских граждан, находящихся на острове. Джеймса

Кейсона обвинили в подрывной деятельности, во вмешательстве во внутренние дела Кубы.

После арестов и суда над диссидентами Кейсон не угомонился, более того, он заявил, что готов встречаться со всеми кубинцами, которые «желают свободы и справедливости». Фиделя же лучше было не дразнить. Выступая на заседании кубинской Национальной ассамблеи в июле 2003 года, Кастро заявил, что Куба вполне может обойтись без присутствия в Гаване дипломатического представительства США.

Стремление Кейсона изучить «политический потенциал» кубинской оппозиции с целью ее постепенной интеграции в политическую жизнь Кубы, а также финансирование оппозиции из Вашингтона приводили Фиделя в ярость. «Лица, возглавляющие Отдел интересов, взяли на себя руководство группами наемников, кого различными способами и под различными предлогами обеспечивают крупными суммами в свободно конвертируемой валюте, которые в такой стране, как Куба, где такие жизненно важные услуги, как здравоохранение и образование, полностью бесплатны, а другие, такие как жилье, развлекательные мероприятия, лекарства и значительная часть продуктов питания, приобретаются за кубинские песо по практически символическим ценам, обеспечивают уровень жизни намного выше, чем уровень жизни граждан, получающих заработную плату и пенсии в национальной валюте», – возмущался Фидель Кастро, выступая на торжествах, посвященных 52–й годовщине штурма Монкады 26 июля 2005 года.

А 15 ноября 2006 года Главное контрольно–финансовое управление США (ГАО) – орган Конгресса Соединенных Штатов –

опубликовало доклад на 63 страницах под названием «Помощь демократии на Кубе нуждается в лучшем управлении и надзоре». Он был составлен по запросу двух конгрессменов – республиканца от Аризоны Джеффа Флейка и демократа от Массачусетса Уильяма Делаханта, членов комитета по международным делам палаты представителей, настаивавших на смягчении блокады Кубы и изменении антикубинской политики администрации Буша.

Они хотели знать, на что были потрачены 73,5 миллиона долларов в период с 1996 по 2005 год, выделенные на подрыв позиции Кастро на Кубе. Как водится в таких случаях, произошла утечка информации, и из СМИ американцы с удивлением узнали, что более половины этих средств так и не попала на Кубу, а «осела» в Майами.

Доклад ГАО содержал неопровержимые доказательства того, что так называемые диссиденты – всего лишь группа лиц, недовольных Кастро, и финансируемая американским правительством. Конгрессменов больше всего заинтересовали не сами цифры, а то, что администрация Буша безгранично доверяла антикастровским силам. И в то же время отказывала американцам в их праве поехать на Кубу.

Но диссиденты дорого обошлись и Кубе. После апрельских арестов 2003 года и суда над ними Евросоюз заморозил политические и культурные контакты с Островом свободы и ввел свои санкции. В ответ Фидель заявил, что «Куба не нуждается в Европейском союзе, чтобы жить и развиваться», что ЕС – это «группировка старых колониальных сил, исторически ответственная за работорговлю, грабежи и уничтожение целых народов», что кубинское правительство отказывается от любой гуманитарной помощи со стороны Евросоюза и примет помощь только от региональных или местных неправительственных организаций, которые не обусловливают ее никакими политическими требованиями.

За словами последовали действия. В сентябре 2003 года в Гаване был закрыт испанский культурный центр, где собиралась кубинская оппозиционная интеллигенция. Кастро запретил кубинскому МИДу принимать у себя глав дипломатических миссий стран Евросоюза.

В январе 2005 года под влиянием Испании, где к власти пришли социалисты, Евросоюз приостановил действие санкций в отношении Кубы на пять месяцев. А поводом для этого послужило освобождение из кубинских тюрем еще пятерых диссидентов. Среди них был самый известный «узник совести», поэт, лауреат премии ЮНЕСКО Рауль Риверо. Это породило надежды на

дальнейшее изменение ситуации к лучшему.

Министр иностранных дел Кубы Фелипе Перес Роке назвал это решение ЕС «дипломатической победой своей страны» и объявил о нормализации отношений с Евросоюзом в связи с «мерами по исправлению ошибок».

Но Фидель сравнил пятимесячный испытательный срок, который дал Кубе Евросоюз, «с отсрочкой смертного приговора». «Они (страны Евросоюза) делают небольшой шажок вперед, пытаясь исправить большую ошибку и попутно отслужить заупокойную мессу», – сказал Кастро 1 февраля 2005 года на Международном педагогическом конгрессе в Гаване. А еще заявил: «Куба не нуждается в Европе. Куба не нуждается в Соединенных Штатах. Весьма приятно сказать, что мы не нуждаемся в этих людях».

Тем не менее в январе 2005 года Куба восстановила официальные контакты со всеми странами Евросоюза. Однако, поскольку действие санкций было приостановлено, но не отменено, уровень отношений между ЕС и Кубой остается очень низким.

В июне 2007 года Совет ЕС неожиданно заявил о готовности в полном объеме восстановить диалог с Кубой. Евросоюз пригласил в Брюссель кубинскую делегацию для проведения переговоров. Но кубинский МИД ответил, что для возобновления полноценного диалога с Кубой ЕС должен «окончательно отменить» все санкции против нее.

В последние годы Фидель стал толерантнее относиться к церкви. В религиозном мире большой интерес в свое время вызвала концепция стратегического союза между коммунистами и христианами, которая была выработана Фиделем Кастро в процессе глубокого осмысления им роли социализма и религии в мировой истории. Еще в январе 1985 года Фидель на встрече с группой католических епископов из США, прибывших на Кубу, заявил, что «если бы церковь создала государство в строгом соответствии с учением Христа, то оно получилось бы наподобие социалистического»[649].

В 1990–е годы Кубинская католическая церковь получила возможность снова выступать с обращениями к пастве. На Кубе церковь отделена от государства, но конституция гарантирует населению свободу вероисповедания. Большинство верующих на острове составляют католики – 47 процентов, есть также протестанты и православные. На Кубе действует 53 женских и 22 мужских католических ордена, 20 из которых появились после 1997 года. Сейчас на острове больше религиозных орденов, чем их было до революции 1959 года.

В 1997 году Куба восстановила отношения с римско–католической церковью. Тогда Фидель впервые встретился с папой римским Иоанном Павлом II, посетив Ватикан во время своего визита в Италию. А в начале 1998 года Иоанн Павел II по приглашению Кастро приехал на Кубу. Он посетил четыре провинции страны и отслужил четыре мессы. Папа римский осудил североамериканскую экономическую блокаду Кубы, в первую очередь за то, что она ущемляет права беднейших слоев кубинского населения.

Когда понтифик умер, кубинские власти объявили трехдневный траур, а сам Фидель Кастро впервые после 1959 года участвовал в католической мессе в кафедральном соборе Гаваны. Кроме того, он приехал в посольство Ватикана в Гаване и оставил в книге соболезнований запись: «Покойся в мире, неустанный борец за дружбу народов, враг войны и друг бедных».

В марте 2003 года Фидель Кастро принял участие в открытии женского католического монастыря в Гаване. Он был награжден Крестом командора женского монашеского ордена Святой Бригиды, который был основан в Швеции в XIV веке. Кастро удостоился этой награды «в знак особого признания его заслуг в деле продвижения высоких идеалов диалога и мира».

Есть на Кубе и православная община. Она насчитывает около двух тысяч человек, подавляющее большинство из которых – выходцы из республик бывшего СССР, постоянно проживающие на острове, а также иностранные дипломаты и специалисты. В 2002 году на Кубе на средства государства началось строительство православного храма Святого Николая. 26 января 2004 года его освятил патриарх Константинопольский Варфоломей, прибывший на остров по приглашению Кастро. В знак благодарности он вручил Фиделю орден Святого Андрея – высшую награду Константинопольской церкви.

С благословения Кастро началось строительство русской православной церкви.

Неудивительно, что церковь отвечает Фиделю Кастро взаимностью. Когда стало известно о тяжелой операции, которую перенес команданте эн хэфэ, во всех католических храмах Кубы были отслужены мессы за его здоровье.

А 20 января 2008 года случилось и вовсе знаковое событие. Впервые в кубинский парламент – Национальную ассамблею – был избран жрец сантерии – «бабалао» Антонио Кастейнда, президент «Культурной ассоциации йорубов Кубы». Выступая перед журналистами, он заявил, что боги йо–руба защищают больного Фиделя Кастро от колдовства и желают, чтобы он продолжал руководить Островом свободы: «Фидель – именно тот

человек, который должен оставаться на своем посту, он защищен от всяческих козней и сил зла. Даже если вдруг ураганы разрушительным вихрем пронесутся над Кубой, здоровью Кастро не будет нанесен ущерб, ибо так повелели Ориша – божества сантерии»[650].

Несмотря на то, что Фидель во внешней политике в последнее десятилетие переключил акцент на Латинскую Америку, он не забывал о таком давнем и проверенном партнере, как Россия. Болезненно переживал потерю нашей страной тех позиций, которые имел в мире Советский Союз.

«Только из России Запад, в основном Европа, откачал 300 миллиардов долларов, – говорил он в 1999 году. – Естественно, они не ходили туда забирать эти деньги с пистолетом, да и не было необходимости, потому что там появились люди с таким талантом для бизнеса, что стали даже миллиардерами буквально за несколько лет. В силу продиктованных Западом реформ Россия страшно пострадала, ее экономика сократилась наполовину, ее обороноспособность значительно ослабилась. В настоящее время, предоставляя ей кредит в 20 миллиардов долларов, Запад делает это по частям, выставляет многочисленные условия, которые Россия не может выполнить, некоторые из них – унизительные. А что значат 20 миллиардов долларов, которые так были нужны после августовского кризиса, разделенные на год, если это только пятнадцатая часть валюты, уплывшей на Запад? – рассуждал Фидель в одном из своих выступлений. – Все, у кого были сбережения – пенсионеры и другие, потеряли их, все деньги целого государства пропали вследствие девальвации … страна (Россия) очень обеднела и попала в сильную зависимость от зарубежных кредитов. Тем не менее я не думаю, что эта зависимость неизбежна. Тот, кто живет в таких условиях, как Куба: без топлива, без стали, без древесины, без ничего, а мы обходимся без единого цента от международных организаций, знает, что с такими громадными ресурсами, как у этой страны, кредиты просто не нужны»[651].

В начале 1990–х годов Россия «забыла о Кубе». Однако уже с 1994 года Москва стала выполнять протокол о товарообмене сахара на нефть, вести переговоры о завершении сооружения первого блока АЭС в Хурагуа, позже даже предоставила Кубе кредит.

После визита в Гавану в 1999 году главы МИДа России Игоря Иванова были созданы предпосылки для первого официального визита на Кубу российского президента. В свое время Борис Ельцин, не жаловавший коммунистов, не захотел встречаться с Фиделем. Хотя Кастро, в 1988 году приезжавший в Москву на 19–

ю партийную конференцию ЦК КПСС, был одним из немногих иностранцев, кто подошел к Ельцину, находившемуся в опале, и пожал ему руку.

В декабре 2000 года Фидель Кастро встречал в аэропорту Гаваны российского президента Владимира Путина. В интервью перед отлетом на Кубу Путин подчеркнул, что Россия не намерена обсуждать с Кубой вопросы идеологии, что она теперь заинтересована в торговле, а не в оказании помощи. После вывода российских войск с Кубы в 1993 году на Острове свободы осталось около полутора тысяч русских и… около 600 незавершенных объектов, строившихся при участии России.

На пресс–конференции российский президент заявил, что Россия и Куба не собираются заключать какие–либо союзы против кого бы то ни было. Во время визита был подписан договор о предоставлении Кубе кредита в размере 50 миллионов долларов в рамках продления до 2001 года соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве на 1993—1996 годы. Именно с помощью российских денег Куба планировала решить множество экономических проблем. Правда, в документе уточнялось, что кредит будет выделяться лишь после полного погашения кубинской стороной просроченной задолженности по платежам за 1999– 2000 годы, составляющей 19,4 миллиона долларов. По условиям договора, кредит должен был быть направлен на строительство на Кубе линий электропередач, закупки оборудования для сахарной промышленности, реконструкцию и модернизацию железнодорожного транспорта и на создание единой системы управления воздушным транспортом республики.

Казалось, в отношениях Гаваны и Москвы снова царит полное взаимопонимание. Но вдруг 17 октября 2001 года Владимир Путин заявил, что Россия закрывает радиолокационный центр в Лурдесе, с помощью которого кубинцы могли вести наблюдение практически за всей территорией США.

Это решение вызвало негативную реакцию не только у кубинцев, но и у подавляющей части российских военных. Ведь в декабре 2000 года, выступая перед специалистами, обслуживающими центр в Лурдесе, Владимир Путин сказал, что результаты их работы «не идут в корзину, они нужны и используются не только военными, но и политическим руководством, особенно сейчас, когда Россия встает на ноги».

Центр радиослежения и перехвата Лурдес был построен Советским Союзом в пригороде Гаваны в 1970–е годы. Он использовался для сбора военной информации, мог перехватывать практически все телефонные переговоры и электронные сообщения на большей части территории США,

обнаруживать подводные лодки США и обеспечивать связь российских субмарин с командованием на всем пространстве Западного полушария. Центр должен был также заблаговременно предупреждать о возможном новом вторжении

США на Кубу. За его аренду Россия выплачивала Кубе 200 миллионов долларов ежегодно в виде поставок древесины, топлива и продукции предприятий оборонного комплекса.

В 2000 году американский конгресс принял закон, запрещающий США реструктурировать огромный российский долг до тех пор, пока не будет закрыта база в Лурдесе. Однако летом того года Москва ответила, что ставить реструктуризацию советского долга Парижскому клубу в зависимость от закрытия базы неправомерно. Тем не менее произошло то, что произошло.

Закрытие российской базы на острове нанесло ощутимый удар по кубинскому бюджету. Это подорвало реноме России как надежного партнера не только на Кубе, но и в Латинской Америке. Ведь Москва не сочла нужным предварительно уведомить другого участника договора о столь важном решении, которое затрагивает интересы обоих государств. Нетрудно было предугадать реакцию кубинцев, которые чутко улавливают смену настроений своего хэфэ максимо.

Сейчас, когда стали известны подробности событий тех лет, очевидно, что в основе очередного локального конфликта между Москвой и Гаваной лежал «денежный фактор».

В ходе визита Владимира Путина зашла речь о долгах Кубы перед бывшим СССР, а следовательно, перед его правопреемницей – Россией. По разным данным, которые фигурировали после 2000 года в различных статьях на эту тему, долг Кубы перед СССР колеблется от 11 до 20 миллиардов долларов, хотя более реалистична цифра низшего предела. И вот, когда во время визита Владимира Путина в Гаване начался разговор о долгах, Фидель заявил, что брал деньги не у России, а у другой страны – СССР. И отдавать их Москве торопиться не будет. Но самое интересное было потом. Российское правительство посчитало, что Куба должна России 20,848 миллиарда переводных рублей по ранее подписанным соглашениям. А Гавана ответила, что переводной рубль перестал существовать, и сразила Москву наповал еще одним доводом. Дескать, Россия в результате прекращения различных программ сотрудничества нанесла Кубе ущерб на 36,363 миллиарда рублей. Таким образом, мифический российский долг Кубе оказался чуть ли не вдвое больше кубинского советских времен.

Россия неоднократно демонстрировала готовность к компромиссу и списывала долги странам, которые испытывают

проблемы с их выплатой в силу серьезных экономических проблем. Но эти государства признали свой долг перед Москвой и предоставляли российскому бизнесу условия для деятельности на своей территории. Чего стоит совсем «свежее» решение российских властей списать в феврале 2008 года 12 миллиардов иракского долга. Но Куба повела себя совершенно иначе. К тому же Фидель Кастро категорически отказался отменить плату за аренду базы в счет погашения части кубинских долгов России. Это решение, скорее всего, стало каплей, переполнившей чашу терпения Владимира Путина. Центр в Лурдесе, к большому удовольствию американцев, был закрыт. Но кубинцы быстро сориентировались и превратили его в Университет информационных наук.

В последние годы отношения между Москвой и Гаваной стали налаживаться. Немало обстоятельств, несомненно, могут содействовать успешному развитию экономических связей – большой опыт сотрудничества в различных областях и длившаяся десятилетиями дружба, наличие на Кубе квалифицированной рабочей силы, в том числе значительного количества специалистов со знанием русского языка.

В октябре 2004 года Фидель Кастро объявил о запрете свободного хождения американского доллара в стране. Один из аналитиков метко заметил, что на североамериканское давление Фидель ответил «революционным рэкетом». С 8 ноября 2004 года граждане, желающие сделать покупку в валютных магазинах, должны обменять доллары на конвертируемые песо, при этом за операцию с них удержат 10 процентов. И тут Фидель уколол американцев – евро не облагается на Кубе подобным налогом. Однако «конвертируемый песо» («КУК») ничем не обеспечен в реальности. Им обязан расплачиваться сегодня каждый иностранец, прибывающий на Кубу. При обмене доллара на эту банкноту на Кубе с иностранцев взимают 20 процентов. При обмене евро удерживают 10 процентов.

В 2005 году ЦРУ подготовило ежегодный справочник «Страны мира». Согласно данным американской разведки, ВВП Кубы в 2005 году оценивался в 39 миллиардов долларов, а экономический рост составил 8 процентов. Безработица оценивалась на уровне 1,9 процента. «Ее почти нет», – свидетельствовали аналитики Лэнгли. Если кубинский ВВП разделить на все население, то на каждого человека в среднем придется 3 500 долларов в год против 41 тысячи в США. Однако государство гарантирует десятки бесплатных услуг в социальной сфере, от здравоохранения до транспорта. Средняя продолжительность жизни на Кубе в 2005 году составила 77,41

года против 77,85 в Соединенных Штатах, а детская смертность на Кубе ниже, чем в США: 6,22 против 6,43. «Возможно, причина, до сих пор позволяющая режиму удержаться у власти, кроется именно в этом: в способности гарантировать хоть что–то, помимо национальной гордости, не уступать наглости Америки и эмигрантов из Майами», – сделала вывод итальянская газета «La Stampa»[652].

Впрочем, наряду с победами Кубы в социальной сфере остается немало проблем в экономике.

К началу 2000–х годов все ее ключевые секторы (никель, туризм, пищевая промышленность) перешли под контроль военных во главе с Раулем Кастро. Он выступил в свое время инициатором некоторых мероприятий, направленных на развитие рыночных механизмов, в частности продвигал идею открытия свободных крестьянских рынков, семейных ресторанчиков, лавок ремесленников. В крупных городах население на условиях подряда стало выращивать на свободных участках земли овощные культуры. В ряде армейских частей были организованы подсобные хозяйства.

Нынешний президент Рауль Кастро имеет репутацию прагматика, хорошего администратора, который вникает во все детали и при этом не афиширует себя. Он предпочитает решать вопросы коллегиально. Одни аналитики видят в этом плюсы, другие – минусы. Тем не менее, хотя Рауль Кастро не обладает такими же харизмой и авторитетом, как Фидель, его положение в кубинской власти достаточно прочно.

Именно Рауль Кастро был инициатором экономических реформ на Кубе, внедрил капиталистический бухгалтерский учет и управление на принадлежащих военным фабриках.

Генералы по сей день занимают ключевые посты в секретариате компартии и в кубинском правительстве. Аппарат младшего брата Фиделя Кастро состоит из преданных ему людей.

Западные обозреватели в последние годы отмечали, что окружение команданте эн хэфэ делится на две группы: первая – это так называемые «классики», ветераны партизанской войны. К ним помимо Рауля относят Хуана Альмейду и Гильермо Гарсиа, Хосе Рамона Балагера и вице–президента Госсовета Хуана Эстебана Лассо Эрнандеса, главу Национальной ассамблеи Риккардо Аларкона де Кесада и Рамиро Вальдеса, бывшего министра внутренних дел.

Вторая группа – это молодая поросль, которую еще называют «талибы Фиделя». Конечно, не из–за какой–то незаконной деятельности. А из–за темперамента и энергичности, с которой она готова отстаивать идеалы революции в новых обстоятельствах

«борьбы идей». К ней относят главу МИДа Филипе Переса Роке и личного секретаря Фиделя Карлоса Мануэля Валенсиага. Филипе Переса Роке западные СМИ считают наиболее вероятным в перспективе преемником Фиделя Кастро. Особняком среди кубинских политиков стоит вице–председатель Госсовета, исполнительный секретарь Совета министров Кубы Карлос Лахе. Он занимает важный государственный пост на Кубе, но, в отличие от большинства членов политбюро, не имеет звания команданте.

Всех ведущих кубинских руководителей объединяет преданность Фиделю и делу революции. На Западе о них говорят, что это «преданные среди преданных».

Парадокс, но, говоря о руководящей роли партии в стране, Фидель с 1997 года не созвал ни одного съезда компартии. В то же время из Центрального комитета и политбюро были исключены два сильных руководителя – бывший министр иностранных дел Роберто Робайна и Хуан Карлос Робинсон. Последнего приговорили к 12 годам тюремного заключения по обвинению в коррупции.

В 2004 году на заседании Госсовета Кубы, которое было созвано по инициативе главного идеолога компартии Кубы Хосе Рамона Балагера, Рауль Кастро возложил на «реформаторов» всю ответственность за провалы в экономической политике страны, обвинив некоторых из «молодых руководителей» в коррупции и неэффективном управлении. (Выступление Рауля было записано на видеопленку и разослано в кубинские муниципии, чтобы его «оценили» руководители на местах и сделали для себя выводы.) А потом, как после пленума 1968 года, когда рассматривалось дело «микрофракции», слово взял Фидель. И снова на Кубе зашла речь о корректировке «стратегического курса».

На этот раз, по предложению Фиделя Кастро, было принято решение провозгласить курс на «возрождение реального социализма». Этот курс подразумевал более жесткий контроль за проведением экономических реформ, резкое сокращение лицензий на индивидуальную предпринимательскую деятельность, ужесточение контроля за ценами на сельскохозяйственных рынках.

Под лозунгом «искоренения коррупции и повышения эффективности работы» была проведена радикальная «чистка» руководства министерств экономического блока. По молодым реформаторам был нанесен, что называется, «двойной удар». Были уволены несколько министров: транспорта, туризма, здравоохранения, которые считались «людьми» Карлоса Лахе. За свою либеральность поплатился и министр тяжелой промышленности Кубы М. Порталь, который, к слову, был женат

на племяннице Фиделя. На одном из заседаний кубинского Госсовета он, как говорили, с подачи Карлоса Лахе, предложил использовать опыт Китая и Вьетнама – перейти к рыночным отношениям и открыть свободные экономические зоны. Последствием такого смелого предложения стала резкая критика министра со стороны «классиков», его скорая отставка и политическое забвение. И это, несмотря на то, что он был близок к семье Кастро. В итоге посты допустивших ошибки молодых деятелей заняли силовики.

Западные эксперты после этой серии «кадровых чисток» сделали вывод, что при Фиделе либерализация экономической жизни исключена. Да и политической тоже.

На самом деле все не так однозначно. Оливер Стоун спрашивал Фиделя Кастро, есть ли у него преемник, может быть, стоит пустить во власть молодых или вовсе «уступить им дорогу». Кастро ответил, что ему на смену готовы прийти и возглавить страну сотни тысяч кубинцев, но уточнил, что их время еще не наступило. Для этого им, мол, «нужно хорошо подготовиться».

В январе 2000 года произошло одно неординарное событие: Фидель дал интервью руководителю ЮНЕСКО Федерику Майору. Тот поинтересовался, не хочет ли Фидель подготовить себе преемника. «Они молоды, и нашей революции не видно конца, – ответил команданте эн хэфэ. – Теперь <…> ни один человек, каким бы важным ни был его личный вклад, не является незаменимым. Многочисленные молодые и уже опытные люди вместе с менее многочисленной группой революционеров–ветеранов, с которыми они себя отождествляют, – вот те, кто приводит в действие нашу страну. И не надо забывать: существует партия, пользующаяся большим престижем и моральным авторитетом. О чем же беспокоиться?» [653]

Если проанализировать кадровую политику Фиделя Кастро, можно уловить логику его поведения. Он сам никого не увольняет и не ругает, поручает это коллегиальному руководству, делает «рупором» своих кадровых решений кого нибудь из «старой гвардии», «классиков». Предпочитает, как и прежде, возвышаться над схваткой.

Умудренный опытом политической борьбы и знающий все ее нюансы, Кастро является образцом руководителя, эффективно использующего систему сдержек и противовесов. После ряда кадровых перестановок многим аналитикам казалось, что Фидель сделал свой выбор в пользу «старой гвардии». Но Кастро никогда не делал выбор в пользу какой–то одной группы, чтобы не усиливать ее влияние.

В конце 2004 года он неожиданно назначил молодых, в

возрасте до 40 лет, политиков на высокие должности в кубинском правительстве. Руководитель Союза молодых коммунистов Кубы Отто Риверо стал первым заместителем председателя Совета министров.

На Кубе немало молодых политиков, которые способны достойно продолжить политику Фиделя. Они возглавляют провинции и муниципии, занимают высокие посты в вооруженных силах.

В последнее время Фидель все чаще дает наставления молодежи. «Более молодым революционерам я в особенности рекомендую проявлять максимальную требовательность и железную дисциплину, не стремиться к власти, искоренять в себе самодовольство и тщеславие. Опасаться бюрократических методов и механизмов. Избегать простых лозунгов. Видеть в бюрократических процедурах наихудшее препятствие. Применять науку и вычислительную технику, не используя техницизмы и невразумительный язык специализированной элиты. <…> в особенности остерегайтесь тех, кто под любым предлогом изобретает государственные предприятия и потом, словно они всю жизнь были капиталистами, распоряжается легкими доходами, сея эгоизм и привилегии»[654].

В начале XXI века Куба уже неоднократно страдала от природных катаклизмов. В 2001 году она подверглась атаке урагана «Мишель». Еще более сокрушительным оказался ураган «Чарли» в 2004 году. Тогда пострадали десятки тысяч гектаров плантаций сахарного тростника, кофе, табака и цитрусовых, что повлияло на выполнение Кубой своих экспортных обязательств и снизило поступление валютных средств в бюджет страны. Было разрушено около 100 тысяч жилых домов, промышленных и сельскохозяйственных объектов. Впервые в своей истории Куба была вынуждена закупать сахар за рубежом.

Дело дошло до того, что влиятельные кубинские эмигранты направили петиции в конгресс и Белый дом с требованием отменить запрет на контакты с родственниками на Кубе, в том числе на денежные переводы на остров. (За счет переводов живет больше половины кубинского населения. Официальная зарплата в стране в пересчете на американскую валюту не превышает 15—20 долларов. Средняя пенсия составляет всего 2—3 доллара.)

В 2004 году Кубе удалось добиться прироста ВВП лишь на 5 процентов, что было значительно меньше намеченного уровня. Это частично объясняется тем, что Центробанки Бразилии и Аргентины отказались дать Кубе долгосрочные беспроцентные кредиты из–за отсутствия гарантий их возврата кубинским правительством.

Вдобавок стало понятно, что многочисленные кадровые чистки не дали нужного результата. Западные аналитики писали, что экономические неудачи Кубы объясняются не только эмбарго и природными катаклизмами, но и просчетами в экономической политике, половинчатостью принимаемых мер.

В декабре 2004 года Фидель Кастро заявил на заседании бюджетной комиссии Национальной ассамблеи, что одной из причин экономического кризиса стали финансовые злоупотребления ряда руководителей организаций и предприятий, которые бесконтрольно распоряжались валютной выручкой. Жесткие меры последовали незамедлительно. 1 января 2005 года на Кубе вступил в силу Декрет № 92/2004 по регулированию финансовой деятельности государственных и совместных предприятий. Суть этого декрета была в том, чтобы поставить валютные доходы предприятий под исключительный контроль Центробанка.

Фидель обрушился с критикой на реформы, заявив, что они предают идеалы революции. В своей речи 28 октября 2005 года он объявил войну «накопительству и стяжательству», дал отповедь коррупционерам. Он предпочел, чтобы экономика Кубы зависела от венесуэльских субсидий и китайских инвестиций, чем развивалась в сторону либерализации. Отныне прибыль на острове могут получать только военные и иностранцы.

И кубинцам удалось добиться экономических успехов. Этому способствовали рост мировых цен на никель, многомиллионные инвестиции Венесуэлы, Китая и Канады, а также бурное развитие туристической индустрии. Оптимизма кубинским властям добавляло и то, что в 2004 году канадцы открыли новое нефтяное месторождение неподалеку от Гаваны.

Об этих проблемах и достижениях Кубы Фидель говорил своим соотечественникам 26 июля 2006 года на митинге в городе Байямо, посвященном 53–й годовщине штурма Монкады. Несмотря на удушающую жару, почти в 40 градусов выше нуля, Фидель был бодр, взволнован и решителен. Несколькими днями раньше в аргентинском городе Кордоба он выступил на митинге с двухчасовой речью, во время которой заявил: «Империализм больше пятидесяти лет не протянет. Битва будет выиграна при помощи идей, а не оружия».

Ничто не предвещало беды. Куба готовилась широко отпраздновать юбилей Кастро. И тут, как гром среди ясного неба, грянула весть об операции на кишечнике.

31 июля с пометкой «Молния» ведущие мировые информационные агентства передали информацию о срочной госпитализации команданте эн хэфэ. Западные аналитики

заговорили о том, что Кастро уходит…

ЭПИЛОГ

31 июля 2006 года поздно вечером секретарь Фиделя Кастро Мануэль Карлос Валенсиага на национальном телевидении зачитал обращение Фиделя к народу: «Дни и ночи постоянной работы почти без сна привели к тому, что мое здоровье, выдерживавшее все испытания, пошатнулось. Это вызвало желудочное кровотечение, что заставило меня согласиться на сложную хирургическую операцию… »

Эти слова привели кубинцев в смятение. 70 процентов из них родились после революции и не знают, что такое – жить без Фиделя.

Статья 94 Конституции Кубы гласит, что «в случае болезни или смерти председателя Государственного совета его обязанности будет выполнять первый вице–президент Госсовета». Второстепенные функции были делегированы другим лицам.

Первые тревожные звоночки по поводу здоровья Фиделя Кастро прозвучали еще в 2001 году: 21 июня, выступая на многотысячном митинге в небольшом поселке около Гаваны, он потерял сознание. Но тогда глава МИДа Кубы Филипе Перес Роке, выйдя к публике, сообщил, что с Фиделем «все в порядке». Однако именно после этого Фидель объявил своим преемником Рауля.

21 декабря 2002 года Фидель впервые за 25 лет отсутствовал на заседании Национальной ассамблеи Кубы. Тогда в своем «послании к товарищам» он объяснил это «небольшим повреждением левой ноги». Позже сказал, что его укусило какое–то насекомое и он укус расчесал. В обращении к кубинскому народу 26 декабря 2002 года Фидель сообщил, что врачи обнаружили у него опасную болезнь – лимфангит. По словам врачей, в кровь Фиделя попали стафилококки. Однако «отдых и правильное лечение привели к практически полному выздоровлению». Правда, Фидель остался недоволен врачами: «Вместо трех дней, о которых говорили доктора, я болел целую неделю».

В 2003 году во время церемонии вступления в должность президента Аргентины Нестора Киршнера Фиделю от жары стало плохо, и его увели из президиума под руки.

21 октября 2004 года во время выступления в городе Сан–та–Клара он споткнулся и упал – как оказалось, сломал колено и руку. Но спустя несколько минут он заявил в прямом эфире по местному телевидению, что «в состоянии продолжать работать», и принес извинения участникам митинга и телезрителям. Коленная

чашечка левой ноги оказалась раздробленной на восемь частей. Операция на коленном суставе длилась 3 часа 15 минут и проводилась под местным наркозом. Это было личное желание Фиделя. Даже во время операции он поддерживал контакт со своим секретарем Карлосом Валенсиагой. 26 октября 2004 года Фидель появился на экранах ТВ в инвалидном кресле и с перевязанным плечом. Именно тогда он объявил о завершении эры «долларизации» кубинской экономики и о том, что доллар заменяется на конвертируемое песо (КУК).

В ноябре 2005 года в секретном докладе ЦРУ сообщалось, что Фидель Кастро с 1998 года страдает болезнью Пар–кинсона. Кастро в ответ на это заявил: «Враги Кубы не единожды хоронили меня, выдавая желаемое за действительное. Однако никогда я не чувствовал себя лучше, чем сейчас. В очередной раз ЦРУ, поставившее мне диагноз, село в глубокую лужу». Именно тогда он произнес пятичасовую речь перед студентами и преподавателями Гаванского университета, ни разу не присев и ни разу не сбившись.

Детали болезни и операции Фиделя Кастро, которая была проведена 31 июля 2006 года, держались в секрете. Как и следовало ожидать, некоторые западные СМИ в очередной раз приготовились «хоронить» Фиделя.

Долгое время в мире гадали: так что же все–таки на самом деле произошло с Фиделем и насколько серьезной была угроза его жизни? Британская газета «Дейли телеграф» через несколько дней после операции сообщила, что кубинские врачи в элитном госпитале «Симек» в западной части Гаваны несколько часов боролись за жизнь Фиделя Кастро. Когда им якобы стало ясно, что остановить желудочное кровотечение лекарственными препаратами не удается, было принято решение сделать ему операцию.

7 августа 2006 года итальянская газета «Ла Репубблика» сообщила, что Фидель Кастро перенес колостомию – операцию, при которой формируется специальное отверстие – колостома, – через которое из организма удаляются каловые массы и большая часть кишки. «Такие операции проводятся в экстренных случаях, например, при опухоли прямой кишки, которую нельзя удалить, или при значительных изменениях в кишечнике», – пояснил журналистам туринский хирург–гастроэнтеролог, профессор Альберто Инфесиле. Потом пациенту прописывается длительный постельный режим и проводится следующая операция через полгода или год. «Если это так, значит, речь идет или о раковой опухоли, или о непроходимости кишечника, вызванной дивертикулами, заболеванием, которым Фидель Кастро страдает

уже давно»[655], – сделали выводы итальянские журналисты.

Американские гастроэнтерологи также предположили, что у кубинского лидера дивертикулез толстой кишки. «Очевидно, что Кастро страдает от внутреннего кровотечения, – заявил доктор Тимоти Кох из Вашингтонского медицинского центра. – Если это дивертикулез, то после операции ему понадобится не меньше двух недель для восстановления». Врачи также не исключали наличия у Кастро рака толстой кишки.

3 августа 2006 года Джордж Буш признался, что Белый дом застало врасплох сообщение о временной передаче полномочий Фиделем Кастро своему брату. «Мы поддержим вас, – заверил граждан Кубы американский президент, – в усилиях по формированию переходного правительства, приверженного демократии, и возьмем на заметку тех в нынешнем режиме, кто мешает реализации вашего желания видеть Кубу свободной». Кубинские эмигранты, воодушевившись, стали призывать население острова к восстанию.

В ответ на заявления Белого дома и призывы эмигрантских организаций к насильственному свержению законной власти комитеты защиты революции Кубы усилили ночное патрулирование городов и поселков, а председатель Национальной ассамблеи Кубы Рикардо Аларкон заявил: «В тот день, когда Фиделя не станет, начнется война».

Болезнь Фиделя спровоцировала новую пикировку Вашингтона и Гаваны. 6 августа 2006 года кубинские власти сообщили об изъятии продававшихся на черном рынке спутниковых антенн, объявив их «оружием США».

13 августа в день 80–летия Фиделя гаванская газета «Ху–вентуд Ребельде» наконец–то опубликовала первые фотографии лидера Кубы с момента его госпитализации. На них Кастро, одетый в бело–красный спортивный костюм, говорит по телефону и держит в руках выпуск партийной газеты «Гранма». «Хувентуд Ребельде» опубликовала также обращение кубинского лидера к народу. Он заявил, что в свой юбилейный 80–й день рождения «очень счастлив». «Всем тем, кто беспокоится о моем здоровье, я обещаю бороться за него». Фидель благодарил кубинцев за любовь и поддержку. Через день по государственному телевидению Кубы была показана встреча Фиделя Кастро с Уго Чавесом и своим братом Раулем, временно исполняющим обязанности главы государства. Чавеса и Фиделя запечатлели, когда они ели йогурт.

5 сентября Фидель Кастро заявил, что он идет на поправку и намерен принять участие в саммите неприсоединившихся стран, который пройдет в кубинской столице с 11 по 16 сентября.

Однако на саммите Фидель не появился. В госпитале с ним встретились и сфотографировались лишь немногие избранные высокие гости.

9 октября 2006 года чиновники из Белого дома со ссылкой на «данные разведки» сообщили журналистам, что Фидель Кастро болен раком. Впрочем, признали, что доказательств смертельной болезни команданте у них нет. Кубинские власти эту информацию опровергли. Но 5 декабря 2006 года директор Национальной разведки США Джон Негропонте на встрече с журналистами и редакторами газеты «Вашингтон пост» заявил, что Фидель Кастро очень болен: «Всё, что мы наблюдаем, указывает на близкий конец. Счет идет не на годы, а на месяцы». Впрочем, подобные заявления американская разведка делает уже на протяжении нескольких десятилетий.

В начале 2007 года испанская газета «Эль Паис», сославшись на двух врачей, работающих в мадридской больнице Грегорио Мараньона, сообщила, что Фидель находится в тяжелом состоянии, перенеся три полостные операции, и что главный хирург больницы Хосе Луис Гарсиа Сабридо осматривал Кастро на Кубе в декабре 2006 года. (Пересказывать подробности этих операций, описанные испанскими журналистами, мы считаем неэтичным.)

Не прошло и дня, как Хосе Луис Гарсиа Сабридо, проводивший медицинское обследование Кастро, опроверг сообщение газеты «Эль Паис»: «Из всех приведенных газетой сведений правдой оказалось только имя пациента, а также тот факт, что он был прооперирован, в результате чего осложнений не возникло. Остальное – слухи».

Уго Чавес утвердился в роли главного поставщика новостей о здоровье команданте эн хэфэ. С августа 2006 года, когда Фидель Кастро перенес тяжелую операцию, по июль 2007 года он встречался с ним пять раз и после каждой поездки в Гавану рассказывал о выздоровлении кубинского лидера. В конце февраля 2007 года Фидель Кастро позвонил Уго Чавесу и беседовал с ним полчаса в прямом эфире во время традиционной радиопрограммы «Алло, президент». Содержание их беседы свидетельствовало о бодром состоянии духа Фиделя.

В марте 2007 года президент Буш дал интервью перед турне по Латинской Америке, в котором сказал, что рассчитывает на изменение государственного строя на Кубе после смерти Фиделя Кастро: «Я не знаю, как долго он проживет, но система, которую он навязал народу, жить не должна». Разве Фидель мог не ответить своему главному противнику? Он выступил со специальным заявлением, суть которого сводилась к тому, что

«Буш помешался на Кубе».

Но всех по–прежнему беспокоило, почему Фидель так долго не появляется на публике, почему ничего не рассказывает о своей болезни. И вот с 24 мая 2007 года Фидель Кастро начал сообщать некоторые подробности своего реабилитационного периода. В письме, разосланном иностранным журналистам по электронной почте, он рассказал, что перенес несколько операций. Первая оказалась неудачной. Теперь он принимает пищу и лекарства обычным способом, но в течение нескольких месяцев ему приходилось получать их частично внутривенно. Весит он 80 килограммов, а болезнь связана с его преклонным возрастом и с тем, что он «недостаточно заботился о здоровье в трудные моменты своей жизни».

Фидель решил использовать период реабилитации для «учебы и размышлений». С весны 2007 года он стал диктовать статьи, которые газета «Гранма» регулярно публиковала под рубрикой «Размышления главнокомандующего». И мир узнал другого Фиделя – не пламенного и неистового оратора, а умудренного жизнью патриарха.

В июне 2007 года Фидель заметно активизировал свою деятельность: в госпитале встречался с президентами Боливии, Венесуэлы и Никарагуа, подолгу с ними беседовал. А 5 июня кубинское телевидение показало первое интервью Фиделя Кастро за последние десять месяцев после операции.

В августе 2007 года Фидель напомнил руководителям революции, что они должны «неустанно укреплять обороноспособность и боеготовность» страны, чтобы не допустить вторжения американцев, и предостерег от иллюзий в отношении переговоров США с Кубой. Это замечание было сделано после того, как Рауль в День национального восстания 26 июля пригласил Вашингтон к диалогу – это предложение он сделал во второй раз за время своего «временного руководства» Кубой.

Фидель рассказал, что год выздоровления «стоил десяти», потому что позволил ему «пережить уникальный опыт», давший «информацию и знания о жизненно важных для человечества вопросах». О том, что он действительно чуть не умер летом 2006 года, Фидель поведал в новой статье.

Фидель Кастро не смог лично участвовать в предвыборной кампании в декабре 2007 года в Национальную ассамблею. Был вынужден письменно объявить о том, что у него «нет физических сил, необходимых для того, чтобы непосредственно побеседовать с жителями муниципии, в которой выдвинули мою кандидатуру на выборы в воскресенье. Я делаю, что могу: пишу». А в начале 2008 года разоткровенничался: «Для меня это новый опыт:

говорить – не то же самое, что писать. Сегодня, когда у меня больше времени, чтобы собирать информацию и размышлять о том, что я вижу, мне едва хватает его, чтобы писать. Письмо имеет то преимущество, что писать можно в любой час дня и ночи, но ты не знаешь, кто будет это читать, очень немногие могут не поддаться искушению улучшить текст, включить то, что не было сказано, и вычеркнуть часть сказанного; иногда испытываешь желание выбросить написанное в корзину, поскольку перед тобой нет собеседника. Всю свою жизнь я занимался тем, что передавал мысли о событиях так, какими я их видел, начиная с периода самого темного невежества до сегодняшнего дня, когда у меня больше времени и возможностей наблюдать преступления, совершаемые с нашей планетой и нашим родом человеческим»[656].

В 2008 году во время выборов в Национальную ассамблею Фидель впервые набрал меньше голосов, чем его брат Рауль. Согласно официальным данным, за Рауля Кастро проголосовали 99,3 процента граждан, а за Фиделя – 98,2 процента избирателей. Все ждали 24 февраля 2008 года, когда на первом заседании Национальной ассамблеи нового созыва будет названо имя главы Госсовета.

Но 18 февраля «Гранма» опубликовала обращение Фиделя к кубинскому народу. «Моим дорогим согражданам, которые оказали мне неизмеримую честь избрать меня членом парламента, в котором будут приняты важнейшие для судьбы революции решения, я сообщаю, что не намереваюсь и не дам своего согласия на то, чтобы занять пост председателя Госсовета и главнокомандующего. <…> Я предал бы свою совесть, принимая на себя ответственность, требующую мобильности и полной самоотдачи, которых лишен по физическим причинам. <… > Я говорю это без драматизма», – говорилось в письме Кастро. Но Фидель не прощался со своим народом: «Я хочу бороться как солдат идей. Я буду продолжать писать. Это будет еще одно оружие, на которое можно рассчитывать. Мой голос будет услышан».

«Размышления главнокомандующего» в газете «Гранма» теперь называются «Размышления товарища Фиделя Кастро».

Президентом Кубы стал Рауль Кастро. Первым вице–президентом – революционный лидер из «классиков» – Хосе Рамон Мачадо, который сражался плечом к плечу с братьями Кастро в горах Сьерра–Маэстра. В своей первой президентской речи Рауль Кастро заявил, что полномочия, которыми долгое время обладал Фидель Кастро, перейдут к коммунистической партии и Фидель останется ее формальным лидером.

Уход легендарной личности всегда порождает некую неопределенность. Откровенно говоря, на кубинском политическом горизонте нет и пока не предвидится фигуры, равной Фиделю.

Понятно, что Рауль никогда не сможет сосредоточить в своих руках той абсолютной власти, которой обладал Фидель. Но он пользуется большим уважением среди кубинских военных. И, учитывая их влияние в стране, можно с уверенностью сказать, что именно военные станут ключевым фактором, обеспечивающим стабильность новой власти на Кубе.

Первые шаги Рауля говорят о том, что он с военными может попытаться применить «китайскую модель», начав с либерализации экономики при безусловном сохранении политического строя. Но копировать китайский опыт он не намерен. «Я уверен, что Рауль понимает обстановку лучше, чем Фидель, – полагает бывший аналитик ЦРУ Брайан Ла–телл. – Он знает, что любой ценой должен улучшить экономическое положение страны. Что должен оправдать ожидания самых молодых, разочаровавшегося поколения, не разделяющего, по словам некоторых гаванских руководителей, ценности революции. Поэтому для начала этого процесса Рауль хочет увеличить и диверсифицировать иностранные инвестиции, даже исходящие от США. Рауль хочет

также развивать мелкое частное предпринимательство. Контролируемый им туристический сектор функционирует на базе капиталистических методов управления. Идея Рауля состоит в том, чтобы развивать тропическую версию китайской модели, совмещающей экономическую открытость и ограничение личной и политической свободы. Но тут следует быть внимательнее: он имеет в виду китайскую модель, внедрявшуюся Дэн Сяопином в конце 70–х, а не нынешнюю. Раулю на Кубе не нужны ни миллиардеры, ни «мерседесы»»[657] .

Рауль Кастро близко к сердцу принимает проблемы и тяготы кубинского народа. Он вообще сентиментален.

За несколько месяцев нахождения у власти Рауль успел многое. Он снял ограничения на размер зарплат в госсекторе, повысил пенсии, оклады судьям и прокурорам, отменил запрет на свободную продажу мобильных телефонов, пылесосов и кондиционеров, что раньше можно было приобрести лишь в валютных магазинах.

Некоторые западные аналитики поспешили заявить, что Рауль наверстывает то, что ни за что бы «не прошло при Фиделе Кастро». Это ошибочное мнение. Нынешний лидер Острова свободы неоднократно заявлял, что при принятии каждого

решения советуется со старшим братом. Другое дело, что Кастро–старший, в силу своего аскетического образа жизни и «особого отношения» к материальным благам, не считал необходимыми меры, на которые решился Рауль.

Французский философ Игнасио Рамонет, который знает о Кастро и Кубе больше всех на Западе, в феврале 2008 года в статье, опубликованной в британской газете «Гардиан», писал: «Новый режим начнет перемены на экономическом уровне, но не ждите, что это будет кубинская „перестройка“ – никакого свободного доступа к политической жизни, никаких многопартийных выборов не ожидается. Власти Кубы убеждены, что социализм – это правильный вариант, но строй нужно постоянно совершенствовать. И теперь их главной заботой, тем более после ухода Кастро на покой, будет сохранение единства».

Рамонет снискал себе огромный авторитет правдивостью и объективными суждениями, поэтому стоит прислушаться к его мнению о Фиделе: «Вот самое поразительное, что я узнал об этом человеке за те долгие часы, пока мы вместе работали над его мемуарами: он очень скромен, человечен, тактичен и почтителен. У него высоко развито нравственное и этическое чувство. Это человек строгих принципов, ведущий аскетический образ жизни. Кроме того, как я обнаружил, он одержим заботой об окружающей среде. Он не таков, каким его изображают западные СМИ, но и не тот супермен, каким его иногда рисуют СМИ кубинские. Он нормальный человек, хотя и трудится невероятно много. Он также исключительно даровитый стратег, который всю жизнь был вынужден преодолевать сопротивление противника. Ему свойственна любопытная смесь идеализма с прагматизмом: он мечтает об идеальном обществе, но знает, что радикально изменить материальные условия жизни очень сложно. В отставку он уходит с уверенностью в стабильности политического строя Кубы. На данный момент он заботится не столько о построении социализма в собственной стране, сколько об уровне жизни по всему миру, где столько детей не знают грамоты, голодают, страдают болезнями, которые можно вылечить. В этой связи Фидель полагает, что его страна должна находиться в добрых отношениях со всеми государствами, вне зависимости от их режимов или политической ориентации».

Совершенно очевидно, что в ближайшие годы во властные структуры Кубы придут молодые кадры. «Союз молодых коммунистов», насчитывающий 604 тысячи кубинцев в возрасте от 15 до 30 лет, мог бы стать главной силой, способной превратить преемственность в переходный период.

Фидель, безусловно, понимал, что когда–то ему придется

уйти. Болезнь приковала его к постели, но не лишила ясности мыслей, а главное – уверенности в силе правды своей. Он непременно продолжит бороться. Только теперь уже в качестве солдата идей. Он сам сказал об этой своей борьбе еще несколько лет назад: «Я буду бороться всю свою жизнь, до последней секунды, пока имею ясную голову, за то, чтобы сделать что–то хорошее, что–то полезное, ведь все мы научились становиться лучше с каждым проходящим для нас годом, все революционеры, и человек растет, когда делает что–нибудь для других»[658].

А пока жизнь стремительно летит вперед. И, проникаясь великим примером Фиделя, на смену одним революционерам приходят другие…

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИДЕЛЯ КАСТРО

1926, 13 августа – в кубинской провинции Ориенте, в селении Биран, у Анхеля Кастро Архиза и Лины Рус Гонсалес родился сын Фидель.

1930, сентябрь – в четыре года Фиделя отдают в первый класс общественной школы.

1933—1942 – Фидель учится в Сантьяго–де–Куба, сначала в религиозной коллегии салезианцев, затем в католическом колледже «Ла Саль».

1942—1945 – учится в Гаване в иезуитской коллегии «Белен», по окончании которой получает степень бакалавра по словесности (среднее образование).

1945, сентябрь – поступает на два факультета Гаванского университета: юридический и международного права.

1947, июль—сентябрь – Фидель Кастро принимает участие в подготовке экспедиции для свержения диктатуры генерала Рафаэля Лео–нидаса Трухильо в Доминиканской Республике.

1948, 12 октября – Фидель Кастро женится на Мирте Диас–Баларт.

1949, 1 сентября – у Фиделя и Мирты родился сын Фиделито (полное имя – Фидель Кастро Диас–Баларт).

1950 – по окончании университета Фиделю Кастро присваивают звание доктора права; с двумя коллегами он создает адвокатскую контору.

1953, 26 июля – Фидель Кастро возглавляет вооруженное восстание против режима Батисты (штурм крепости Монкада в Сантьяго–де–Куба), которое потерпело поражение.

1 августа – Фидель арестован.

16 октября – Фидель произносит в суде свою знаменитую речь «История меня оправдает». Суд приговаривает его к 15 годам тюремного заключения.

1955, 15 мая – Фиделя Кастро и его соратников освобождают по амнистии, объявленной Батистой под давлением общественности.

12 июня – Фидель Кастро возглавляет подпольный фонд «Движение 26 июля».

7 июля – эмигрирует в Мексику для подготовки нового вооруженного восстания.

8 (или 9) июля – Фидель знакомится с Эрнесто Че Геварой.

1956, 28 октября – в Биране в возрасте 80 лет умер отец

Фиделя – Ан–хель Кастро Архиз.

2 декабря – отряд Фиделя высаживается на восточном побережье Кубы в провинции Ориенте.

5 декабря – попадает в засаду и несет огромные потери.

1957, 17января – первая успешная операция партизанского отряда Фиделя у реки Ла–Плата.

17 февраля – в горах Сьерра–Маэстра Фидель дает интервью американскому журналисту Герберту Мэтьюзу.

28 мая – отряд Кастро захватывает штаб вооруженных сил в местечке Эль–Уверо.

1958, май – Фидель Кастро назначается главнокомандующим Повстан–ческой армии, команданте эн хэфэ.

1959, 1 января – Фульхенсио Батиста бежит с Кубы. Повстанцы берут власть в свои руки. Этот день становится национальным праздником Кубы.

2 января – Повстанческая армия занимает Сантьяго–де–Куба. Фидель объявляет о победе революции.

8 января – Фидель Кастро во главе колонны Повстанческой армии вступает в Гавану, формирует революционное правительство и становится главнокомандующим Революционными вооруженными силами.

16 февраля – Фидель Кастро становится премьер–министром Кубы.

15—27 апреля – Фидель находится в США по приглашению североамериканской гильдии директоров периодических изданий. *19 апреля* – встречается с вице–президентом США Ричардом Никсоном.

4 июня – кубинское правительство объявляет о национализации сахарных заводов и плантаций, принадлежащих гражданам США.

28 октября – в авиакатастрофе погибает один из ближайших соратников и друзей Фиделя Камило Сьенфуэгос.

1960, 8 мая – Куба возобновляет дипломатические отношения с СССР, прерванные в 1952 году Батистой.

6 августа – Фидель Кастро объявляет о национализации нефтедобывающих скважин, сахарных плантаций, а также электрических и телефонных компаний.

26 сентября – Фидель выступает на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью–Йорке с речью, которая длилась 4 часа 29 минут.

1961, 3 января – США разрывают дипломатические отношения с Кубой и объявляют ей экономическую блокаду.

17—21 апреля – кубинские войска под руководством Фиделя отражают нападение вражеского десанта в Заливе Свиней в

районах Плайя–Хирон и Плайя–Ларга.

1962, 22—27 октября – Карибский кризис.

1963, 27 апреля – 3 июня – первый визит Фиделя Кастро в СССР.

23 мая – Фидель награжден звездой Героя Советского Союза. *6 августа* – умерла мать Фиделя Лина Рус Гонсалес. *1965* – Фидель Кастро преобразует «Движение 26 июля» в Единую партию социалистической революции Кубы.

3 октября – создана коммунистическая партия Кубы, Фидель избран первым секретарем ее ЦК.

1967, 9 октября – в Боливии убит Че Гевара.

1970, 10 ноября – 4 декабря – Фидель Кастро находится с визитом в Чили, где встречается с Сальвадором Альенде.

1975, 11 ноября – начало операции «Карлотта» в Анголе.

1976, 15 февраля – в результате национального референдума принята первая конституция Кубы.

2 декабря – Фидель занимает пост председателя Государственного совета Кубы.

1979, 3 сентября – становится председателем Движения неприсоединения.

1993, 24 февраля – Фидель Кастро избирается депутатом Национальной ассамблеи и становится председателем Госсовета Кубы и главой Совета министров.

1997, октябрь – Фидель Кастро вновь избирается первым секретарем коммунистической партии Кубы.

2000, сентябрь – Фидель Кастро принимает участие в «Саммите тысячелетия» ООН в Нью–Йорке, где происходит его короткая случайная встреча с президентом США Биллом Клинтоном. *Октябрь* – Фидель посещает с официальным визитом Венесуэлу. *13—17 декабря* – принимает прибывшего на Кубу с официальным визитом президента России Владимира Путина.

2002, апрель – в Венесуэле происходит государственный переворот с целью свержения Уго Чавеса. Благодаря вмешательству Кастро, его обращению к журналистам ведущих мировых СМИ переворот провалился.

2003, 7 марта – Фидель Кастро вновь избран председателем Государственного совета Кубы.

8 марта – награжден Экуменическим крестом командора женского монашеского ордена Святой Бригиды. *31 августа* – удостоен высшей награды коренных народов США «Орлиное перо» в знак признания его «революционных заслуг и бойцовских качеств».

2004, 26 августа – Куба разрывает дипломатические отношения с Панамой в ответ на решение президента этой страны

Мирейи Москосо амнистировать Луиса Посада Коррилеса и трех его сообщников, обвиненных в совершении терактов, а также планировавших покушение на Фиделя Кастро. Патриарх Константинопольский Варфоломей вручил Фиделю Кастро православный орден Святого Андрея – высшую награду Константинопольской церкви.

2005, 30 декабря – Фидель Кастро принимает в Гаване президента Боливии Эво Моралеса.

2006, 31 июля – секретарь Фиделя Кастро Мануэль Карлос Валенсиага в эфире кубинского телевидения зачитал письмо Фиделя Кастро к народу, в котором тот сообщает о перенесенной хирургической операции.

2 августа – Фидель объявляет информацию о своем здоровье государственной тайной.

7 августа – во всех католических храмах Кубы отслужены молебны за здоровье Фиделя Кастро. *13 августа* – Фиделю Кастро исполнилось 80 лет.

2007, 2 декабря – Фидель Кастро был выдвинут кандидатом в депутаты Национальной ассамблеи Кубы.

2008, 18 февраля – кубинский лидер объявил, что уходит с поста председателя Государственного совета республики и с поста главнокомандующего ВС.

Биография продолжается…

БИБЛИОГРАФИЯ

Первичные источники

Фидель К. Речи и выступления / Перевод с испанского. М., 1960.

Фидель К. Сила революции – в единстве / Перевод с испанского. М.: Политиздат, 1972.

Фидель К.Октябрьская революция и кубинская революция. Речи и выступления. 1960—1977 гг. / Перевод с испанского. М.: Политиздат, 1978.

Фидель К. Избранные произведения / Перевод с испанского. М.: Политиздат, 1978.

Фидель К. Экономический социализм и кризис мира / Перевод с испанского. М.: Прогресс, 1983.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, Segunda Edition, La Habana, 2006.

Размышления главнокомандующего Фиделя Кастро. Цикл эссе и статей, выходящих с марта 2007 года в органе ЦК компартии Кубы газете «Гранма».

Архивы

Архив внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации – АВП МИД России.

Архив Службы внешней разведки Российской Федерации – Архив

СВР России.

Личный архив посла СССР на Кубе с 1962 по 1968 год Александра Ивановича Алексеева.

Книги

Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. М., 2004. *Белфор С.* Фидель Кастро. Ростов н/Д., 1997.

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто.

М.: Си–мар, 1995.

Владимиров В., Костин В. Куба: 20 лет новой внешней политики. М.: Международные отношения, 1980.

Владимиров В. Х.Куба в межамериканских отношениях. М.: Международные отношения, 1984.

Волков В. И сафра, и фиеста. М.: Молодая гвардия, 1976.

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. М.: Фонд имени

И. Д. Сытина, 2001.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. М.: Издательство политической литературы, 1978.

Григулевич И. Р. Эрнесто Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1984.

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. М.: Международные отношения, 1984.

Громыко А. А, Кокошин А. А. Братья Кеннеди. М.: Мысль, 1985.

Дарусенков О., Горбачев Б, Ткаченко В. Куба – остров созидания. М.: Политиздат, 1975.

Зафесов Г. Р. Остров зари багряной. М.: Советская Россия, 1997.

Капто А. С. На перекрестках жизни. Приложение к «Социально–политическому журналу». М., 1996.

Клинтон Б. Моя жизнь / Перевод с английского. М.: Альпина бизнес букс, 2005. Куба. М.: Планета, 1979.

Куба: годы борьбы и созидания (1959—1984). М., 1984.

Лаврецкий Л. Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 1972.

Ларин Е. Повстанческая армия в кубинской революции. М.: Наука, 1977.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. М.: ООО «Рекламно–компьютерное агентство газеты „Труд“», 1999. *Нуньес Хименес А.* В походе с Фиделем. М.: Политиздат, 1984. Остров свободы Куба: вопросы и ответы. М., 1984. Очерки истории Кубы. М., 1978.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М.: Международные отношения, 2003.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. М.: ЭКСМО–ПРЕСС, 2000. Республика Куба. М., 1984.

Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 2004.

Слезкин Л. Ю. История Кубинской республики. М., 1966. Современная Куба. М.: ИЛА РАН, 2002.

СССР—Куба. М.: Прогресс, 1990.

Фурсенко А. А., Нафтали Т.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М.: РОССПЭН, 2006.

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны / Перевод с испанского. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1974.

Че Гевара Э. Партизанская война / Перевод с испанского. М.: Издательство иностранной литературы, 1961.

«Fidel castro – Biographie a deux voix», d' Ignacio Ramonet, E ditions Fayard – Galil e e, 2006.

«Lettre a Fidel Castro», Par Fernando Arrabal, Librio, 2004.

«Fidel Castro», Par Albrecht Hagemann, 2002.

«Les quatre saisons de Fidel Castro», Par Jean–Pierre Clerc, 1988.

«Les ma i tres de Cuba», Juan Viv e s, Robert Laffont, 1992.

«Fidel mon p e re, confessions de la fille rebelle de Castro», Alina Fern a ndez , Plon, 1999.

«Cher Fidel», Marita Lorenz, E ditions de L'Archipel, Paris 2001.

Западные СМИ

«Slow–acting killer that was Saddam's favourite instrument of vengeance», The Times. 20/11/2006.

«Raul Castro dirig e Cuba avec un leadership decisive», L e Monde, 30/01/2007.

«Cuba's Military Puts Business On Front Lines», The Wall Street Journal, November 16, 2006.

«Cuba: un mois sans Fidel», Le Figaro, 04/ 09/2006.

«Castro's one true love returns to Cuba after absence of 40 years», The

Independent, 24/08/2006.

«Fidel, tragen Sie einen Anzug», Die Presse, 10/08/2006.

«Surgeons fought for hours to save Castro's life», The Daily Telegraph,

07/08/2006.

«What happens after Fidel Castro?», The Guardian, 02/08/ 2006. «Cuba pursues a 120–year–old future», USA today, 08/12/2004. «Die Spur der Scheine», DER Tagesspiegel, 05/01/2004. «Castro's gastronomic passion». The Washington times, 28/07/2004/.

«Revolution revisited», The Guardian, 28/09/ 2003.

«Castro's Deal With the Soviet Devil», Los Angeles Times, 14/08/2006. «Le jour ou Fidel a traverse le Rio Bravo a la nage», Granma international, 10/09/2006.

«15 avril: Fidel voyage aux E tats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

«Fidel a pris Caracas», Granma international, 18/02/2007. «Castro afirma en un art i culo que la revoluci o n 'marcha adelante», El Pais, 02/08/07/.

«Fidel es un revolucionario, Franco era un fascista», El Pais, 25/04/07. «Con Fidel nunca se sabe», El Pais, 15/03/07. «El Che no es un icono pegado a la pared», El Pais, 31/07/2007. «The Autumn of the Commandante», Project Syndicate, 22/01/07. «Finale for Fidel? Castro Gets Buried In Rumors – Again», The Wall Street Journal, 03/09/07.

«Fidel y su circulo de poder», El Pais, 28/09/2003.

Ссоры, доллары и ревность – жизнь в доме Кастро напоминает ре–алити–шоу // Ла Репубблика. 2007. 7 сентября.

Дочь Фиделя // Окна. Приложение к израильской газете «Вести». 2007. 18 октября.

Российские СМИ

Гарсиа Маркес Г. Люди, выполнившие свой долг // Журнал

«Ровесник». 1981. № 3.

Алексеев А. Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. № 33.

Исраэлян В. Л. Революцией мобилизованный // Латинская Америка.

1988. № 6.

Хачатуров К. Первый барбудо Латинской Америки // Независимая газета. 1997. 13 июня.

Хачатуров К. Жизнь и смерть команданте Че // Независимая газета. 1997. 8 октября.

Африканская эпопея Че Гевары // Независимая газета. 1999. 27 июня.

Кастанеда Х. Последний бой // Журнал «Итоги». 1997. № 29.

Команданте Че // Республика Армения. 1997. 20 августа.

Кубинская революция хрустела на зубах у ангольских людоедов // Комсомольская правда. 1997. 2 апреля.

Команданте Че как рыцарь печального образа // Литературная газета. 1997. 3 декабря.

Досье на Че Гевару // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 18.

Тарасов А. 44 года войны ЦРУ против Че Гевары // Журнал «Секретное досье». 1998. № 2.

Тайна бороды Фиделя Кастро // Собеседник. 2001. 5 июня.

Обыкновенный терроризм // Советская Россия. 2001. 20 ноября.

Судьбу Карибского кризиса решили в Вашингтонском ресторане // Новая газета. 2002. 28 марта.

У кромки прибоя ядерной войны. Карибский кризис 1962 года – глазами двадцатилетнего сержанта // Новая газета. 2002. 20 октября.

Хачатуров К.Уроки Карибского кризиса // Независимая газета. 2002. 21 октября.

Ответный ход команданте // Московские новости. 2002. 18 марта.

Леонов Н. С. Фидель Кастро, или Еще раз о роли личности в истории // Наш современник. 2003. № 1.

Че Гевара: Революция forever // Аргументы и факты. 2003. 25 февраля.

Фиделя не задушишь, не убьешь // Время новостей. 2003. 25 июля.

Заря над Островом свободы // Дуэль. 2003. 22 июля.

Фидель и его дети // Труд. 2003. 30 октября.

Неувядающий мачо Острова свободы // Труд. 2005. 5 мая.

Евтушенко Евг. Мир висел на волоске // Новая газета. 2005.

7 октября.

Тайная любовь Фиделя // Российская газета. 2005. 27 декабря.

Фидель Кастро любил драться и не любил проигрывать // Время новостей. 2006. 2 августа.

Фиделя Кастро пытались убить 638 раз // Комсомольская правда. 2006. 9 августа.

Стуруа М. Фиделю Кастро исполняется 80 лет // Московский комсомолец. 2006. 11 августа.

Леонов Н. С. Рыбалка с командантe // Российская газета. 2006. 30 июня.

Здесь никто не сдаётся! // Правда. 2006. № 133. 1—4 декабря.

Звезда Фиделя // Правда. 2006. 1—4 декабря.

Легенды Эль–Кабальо // Итоги. 2006. 5 декабря.

Кастро на Кастро // Труд. 2007. 19 января.

Задание – любить // Журнал «Аэрофлот–Дон». 2007. Июнь.

40 лет назад в боливийских джунглях погиб Че Гевара // Время новостей. 2007. 8 октября.

Тогда мир попал в цейтнот // Российская газета. 2007. 31 октября.

Фидель еще слаб // Российская газета. 2008. 17 января.

notes

Примечания

1

Остров Куба, площадью 105 тысяч квадратных километров, является самой большой частью Кубинского архипелага, который также включает остров Хувентуд и около 1 600 небольших островов. Архипелаг примыкает к тропику Рака – границе субтропической зоны планеты. На территории Кубы могли бы разместиться девять таких островов, как Ямайка, и 12, как Пуэрто–Рико.

2

Дипломатический вестник. 1989. № 5. С. 51.

Куба. М., 1979.

4

Размышления главнокомандующего. 2008. 31 января.

5

Сделка Кастро с советским дьяволом // Los Angeles Times. 2006. 14 августа.

6

http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1999/rus/f110699r.html

http://www.posolstvo–cuba.ru/cuba/josemarti.htm

8

Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 23—24.

9

Там же. С. 21.

Хачатуров ЛГ.Уроки Карибского кризиса // Независимая газета. 2002. 21 октября.

11

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 88.

12

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. М., 1995. С. 466.

13

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 466.

14

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 466.

15

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

16

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 89.

17

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 98—99.

18

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 10.

19

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 89.

20

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 57.

21

Фиделя Кастро пытались убить 638 раз // Комсомольская правда. 2006. 9 августа.

22

Из личных записей А. И. Алексеева.

23

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 100.

Там же. С. 95.

25

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 76.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 78.

27

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

28

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 94.

29

1 Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 100—101.

30

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 14.

31

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 101.

32

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 82.

33

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто.С. 108.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 95.

35

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 103.

36

Дар волхвов. Из цикла статей «Размышления главнокомандующего». 2008. 14 января.

37

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 113.

38

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

39

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 15.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 16.

41

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 116—117.

42

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 119.

43

Там же. С. 122.

44

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизации. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

45

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 119.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 23.

Куба. М., 1979.

48

Из архива СВР России, Гавана—Москва.

49

Из архива СВР России, Гавана—Москва.

50

Из архива СВР России, Гавана—Москва.

51

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 155.

52

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

53

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 61.

55

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 142, 144.

56

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 50.

59

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 132.

60

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 156.

61

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 27.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 236.

63

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

64

Фидель Кастро любил драться и не любил проигрывать // Время новостей. 2006. 2 августа.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 50.

66

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 137.

67

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

68

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

69

Там же.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 137, 156.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 32.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 33.

Куба. М., 1979.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 33.

75

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 40.

77

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность» (30 марта 2005 года).

78

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 47.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 52—53.

81

Там же. С. 54.

82

Размышления главнокомандующего. 2007. 27 августа.

83

Размышления главнокомандующего. 2007. 27 августа.

84

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

85

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 60.

86

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466—146.

87

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 466.

75 лет одиночества // Онлайн–журнал «Супермен.ру». 2003. 7 августа.

Гавриков Ю. В объятиях диктатора // Новое дело, http:// novdelo.ru/ smi_article.php?id = 2829

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 73.

http://www.cuba.cu/gobierno/discursos/1999/rus/f110699r.html

92

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 189.

Капто А. На перекрестках жизни. Приложение к «Социально–политическому журналу». М., 1996.

Заря над Островом свободы // Дуэль. 2003. 22 июля.

95

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 171—172.

96

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 173.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 74.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 80—81

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 75.

100

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 77.

101

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 184—185.

«El fallido golp de Castro al cuartel Moncada», American Experience/ FidelCastro/ Gente y Eventos/ PBS, http://www.pbs.org

103

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 185.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 80.

105

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 80.

Первухин Н. 75 лет одиночества // Супермен.ру.

107

Там же.

108

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 239.

109

Размышления главнокомандующего. 2008. 22 января.

Там же. С. 188.

111

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 46.

112

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 47.

http: www.chefidel.narod.ru/fidel.html

114

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 53.

115

Там же. С. 57.

116

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 83.

Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. www.i–u.ru/biblio/archive/alekseev_skromniy/

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 63—64.

119

Там же. С. 95.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 68—69.

121

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 103.

122

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 91.

123

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 104.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 93.

«Castro's gastronomic passion». The Washington times, 28/07/2004.

126

Там же.

Капто А. С. На перекрестках жизни. Приложение к «Социально–политическому журналу». М., 1996.

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 96.

129

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 106.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 99.

131

Белфор С. Фидель Кастро. С. 79.

Неувядающий мачо Острова свободы // Труд. 2005. 5 мая.

Гавриков Ю. В объятиях диктатора // Новое дело, http:// novdelo.ru/ smi_article.php?id = 2829

Первухин Н. 75 лет одиночества // Супермен.ру. 2003. 7 августа.

135

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 99.

136

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 123—124.

Харламенко А. Почему Куба стала Островом свободы? www.communist.ru/lenta/index.php?2014

138

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 106.

139

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 192, 196—199.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 91.

141

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 198—199.

142

Григулевич ЖЭрнесто Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. С. 1.

Хачатуров К. Жизнь и смерть команданте Че // Независимая газета. 1997. 8 октября.

144

Досье на Че Гевару // Новости разведки и контрразведки. 1997. с18.

145

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 44.

Там же. С. 44.

147

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 42—43.

148

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 198.

149

Там же. С. 202.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 45.

151

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 109—110.

Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. www.i–u.ru/biblio/archive/alekseev_skromniy/

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 47.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 113.

155

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 200.

Там же. С. 201.

157

Там же. С. 200.

Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. www.i–u.ru/biblio/archive/alekseev_skromniy/

159

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 122.

160

Там же.

161

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 124.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 48.

163

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 202—204.

Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары. www.i–u.ru/biblio/archive/alekseev_skromniy/

165

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 128.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 49.

167

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 149.

168

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 205.

169

«Le jour ou Fidel a traverse le Rio Bravo a la nage», Granma international, 10/09/2006.

170

«Le jour ou Fidel a traverse le Rio Bravo a la nage», Granma international, 10/09/2006.

171

Мы начали с покупки охотничьих ружей… // Правда. 2006. 1—4 декабря.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 766.

173

Там же. С. 116.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 130.

175

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 131.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 51.

177

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 116.

Там же. С. 112.

179

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 139.

180

Здесь никто не сдаётся! // Правда. 2006. № 133. 1—4 декабря.

181

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 765.

182

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 150.

183

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 117.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 119.

185

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 52.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 53.

187

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 151.

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. М., 1974. С. 21.

189

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 207—208.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 54.

191

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 127—128.

192

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 208– 210.

193

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 23.

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 466.

195

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 143.

196

Выступление Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию во Дворце съездов в Гаване 11 июня 1999 года.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 56.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 142.

199

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 231.

Лаврецкий Л. Че Гевара. С. 55.

201

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 32.

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 34.

203

Там же. С. 233.

204

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 233—234.

205

Там же. С. 466.

206

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 575.

Там же. С. 576.

208

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 48—49.

209

Там же. С. 466.

210

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 221—222.

211

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 466.

212

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 212.

213

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 59.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 159.

215

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 163.

Алексеев В. А. Скромный кондотьер: Феномен Че Гевары.

75 лет одиночества // Онлайн–журнал «Супермен.ру». 2003. 7 августа.

218

Там же.

219

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 211.

220

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p.239, 240.

221

Лаврецкий Л. Че Гевара. С. 67.

222

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 243.

223

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 173.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 181.

225

Там же. С. 179.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 190.

227

Лаврецкий Л. Че Гевара. С. 74.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 191.

229

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 221.

230

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 192—193.

231

Лаврецкий Л. Че Гевара. С. 75—76.

Там же. С. 198—199.

233

Там же. С. 203.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 176.

235

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 201.

Там же. С. 194.

237

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 242.

238

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 224.

239

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 182.

240

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 214—215.

241

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 276.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 184.

243

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 254.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 191—192.

245

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 225.

Там же. P. 226.

247

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 227.

248

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 220—221.

249

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 229.

250

Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. С. 226—227.

Команданте, http://www.1917.com/History/After–II/1033752623.html

252

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 14. Папка № 5, дело 1, с. 15.

253

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 231—232.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 28.

255

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело 1, с. 3—4.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 350.

Интернет–сборник «Черная книга коммунизма». С. 594.

Монтанер К. Куба Фиделя Кастро: последняя глава // Россия в глобальной политике. 2006. № 4.

259

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 204.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 42.

261

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 206.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 57—58.

263

Из личных записей А. И. Алексеева.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

265

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

266

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 15. Папка № 7, дело № 13, с. 9.

267

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 15. Папка № 7, дело № 13, с. 21.

Там же. С. 10—11.

269

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 130.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

271

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 79.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 84.

Из личных записей А. И. Алексеева.

275

Из личных записей А. И. Алексеева.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

277

Из личных записей А. И. Алексеева.

Из личных записей А. И. Алексеева.

Гонсалес Э. Сделка Кастро с советским дьяволом // Los Angeles Times. 2006. 14 августа.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

281

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 14. Папка № 5, дело № 1, с. 15.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

283

Там же.

Там же.

285

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 209.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

288

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 6.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

292

Размышления Главнокомандующего Фиделя Кастро. 2007. 7 июля.

293

Там же.

Всемирная тирания. Размышления Главнокомандующего Фиделя Кастро. 2007. 7 июля.

295

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 14. Папка № 5, дело № 1, с. 18—19.

296

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 14. Папка № 5, дело № 1, с. 19.

Там же. С. 19—20.

Там же. С. 2—30.

«15 avril 1959: Fidel voyage aux Etats–Unis », Granma international, 26/04/2007.

300

Там же.

301

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 9—10.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 118.

303

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 214.

305

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 14. Папка № 5, дело № 1, с. 27—28.

Там же. С. 29.

Там же. С. 30.

308

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

309

Из личных записей А. И. Алексеева.

310

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 14. Папка № 5, дело № 1, с. 31—32.

311

Из архива СВР России.

312

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 15. Папка № 7, дело № 13, с. 45.

313

Там же. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 19.

314

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 15. Папка № 7, дело № 13, с. 45.

Там же. С. 49—50.

316

Из личных записей А. И. Алексеева.

317

Из выступления Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию во Дворце съездов 11 июня 1999 года.

318

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 14. Папка № 5, дело № 1, с. 23.

319

Там же. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 19.

320

Там же.

321

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 20.

Там же. С. 21.

323

Из личных записей А. И. Алексеева.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 163.

325

Из личных записей А. И. Алексеева.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 169.

«Cuba: un mois sans Fidel», Le Figaro, 04/ 09/2006.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 216.

329

Там же. С. 218.

330

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 13.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 188—189.

American Experience/Fidel Castro/Gente y Eventos/Huber Matos, un partidario moderado de la revolution cubana.

333

Из личных записей А. И. Алексеева.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 213.

335

Из архива СВР России.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 223.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 272.

338

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 24.

339

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 24.

340

Там же.

341

Из личных записей А. И. Алексеева.

342

Там же.

343

Из личных записей А. И. Алексеева.

Там же.

345

Там же.

Из личных записей А. И. Алексеева.

347

Из личных записей А. И. Алексеева.

Там же.

349

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 18. Папка № 13, дело № 4, с. 73.

350

Из личных записей А. И. Алексеева.

351

Капто А. С. На перекрестках жизни. Приложение к «Социально–политическому журналу».

Рыбалка с команданте // Российская газета. 2006. 30 августа.

353

Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 87.

354

Размышления главнокомандующего. 2008. 31 января.

СССР—Куба. С. 218.

356

Из личных записей А. И. Алексеева.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 68.

358

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 34.

359

Там же. С. 35.

360

Из личных записей А. И. Алексеева.

361

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 39.

362

Из личных записей А. И. Алексеева.

363

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 15. Папка № 7, дело № 13, с. 79.

364

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 15. Папка № 7, дело № 13, с. 80.

365

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

366

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 313—314.

367

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Куба. М., 1979.

369

Там же.

Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 110.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 225.

Там же. С. 226.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 267—268.

375

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 15. Папка № 7, дело № 13, с. 95.

376

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 16–А. Папка № 10, дело № 1, с. 51.

377

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 225.

Фурсенко А. А., Нафтали /".Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 106.

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 280—281.

381

Очерки истории российской военной разведки. Т. 5. С. 226.

Там же. С. 227.

383

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 121, 122.

Громыко А. А., Кокошин А. А. Братья Кеннеди. С. 141.

Там же. С. 142.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 227.

387

Из выступления Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию в Гаване 11 июня 1999 года.

Героическая эпопея: От Монкады до Плайя–Хирон. С. 319.

СССР—Куба. С. 238.

Харламенко А. Почему Куба стала Островом свободы. http:// www . communist.ru/lenta/index.php . 2004

391

Правда. 1961. 19 апреля.

Дарусенков О, Горбачев Б., Ткаченко В. Куба – остров созидания. С. 118.

393

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 125.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 232.

395

Соколова З. Американцам преподали урок в бухте Свиней // Прав–да–5. 2006. № 39.

СССР—Куба. С. 263.

397

Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 152.

398

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 230—231.

399

Там же. С. 706—707.

Правда. 1962. 19 февраля.

Алексеев А. Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. 33. С. 27—28.

402

Из выступления Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию в Гаване 11 июня 1999 года.

403

Из выступления Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию в Гаване 11 июня 1999 года.

David Wise & Tomas B. Ros, «El gobierno invisible», Habana, 1965, p. 212—213.

AMaп Lizardy; Estados Unidos, URSS – Cuba, Mexico, 1964, p. 21.

406

Из выступления Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию в Гаване 11 июня 1999 года.

407

Из архива СВР России. Справка КГБ СССР.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 232.

409

Там же.

Abrian Lizardy. Estados Unidos, URSS – Cuba, Mexico, 1964, p. 44.

411

Из выступления Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию в Гаване 11 июня 1999 года.

412

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 309.

413

Военно–стратегическая операция «Анадырь». Портал «Русская цивилизация». 2006. 17 марта.

Громыко А. А., Кокошин А. А. Братья Кеннеди. С. 189.

415

Военно–стратегическая операция «Анадырь». Портал «Русская цивилизация». 2006. 17 марта.

416

У кромки прибоя ядерной войны. Карибский кризис 1962 года – глазами двадцатилетнего сержанта // Новая газета. 2002. 28 октября.

417

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 324—325.

Громыко А. А, Кокошин А. А. Братья Кеннеди. С. 193.

419

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 707.

Фурсенко А. А., Нафтали /".Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 311—312.

421

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 17. Папка № 11, дело № 6, с. 33.

422

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 312.

423

Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 174—175.

Россия—Куба: 1902—2002. Документы и материалы. С. 176.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 311.

426

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 17. Папка № 11, дело № 6, с. 44—45.

427

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 709.

428

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 709—710.

429

Военно–стратегическая операция «Анадырь». Портал «Русская цивилизация». 2006. 17 марта.

У кромки прибоя ядерной войны. Карибский кризис 1962 года – глазами двадцатилетнего сержанта // Новая газета. 2002. 28 октября.

431

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 313.

432

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 717.

Там же. С. 713.

Алексеев А. Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. № 33. С. 31.

435

Из выступления Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию в Гаване 11 июня 1999 года.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 313—314.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 716.

Тогда мир попал в цейтнот // Российская газета. 2007. 31 октября.

Фурсенко А. А., Нафтали Т. Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 363.

440

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 718—719.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 451.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 327—328.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 47.

Там же. С. 470.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 471—472.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 314—315.

Евтушенко Е. Мир висел на волоске // Новая газета. 2005. 7 октября.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 409.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 431.

450

Военно–стратегическая операция «Анадырь». Портал «Русская цивилизация». 2006. 17 марта.

451

Фурсенко А. А., Нафтали Т. Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 423.

452

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 734.

453

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 735.

Там же. С. 736.

Громыко А. А, Кокошин А. А. Братья Кеннеди. С. 221.

456

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. С. 739.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 444—445.

Там же. С. 441.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 73—74.

460

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на конференции «Диалог цивилизаций».

461

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 386.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 259.

463

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 18. Папка № 13, дело № 4, с. 133.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 90.

Белфор С. Фидель Кастро. С. 131.

Фурсенко А. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 225.

Белфор С. Фидель Кастро. С. 145—146.

Там же. С. 147.

469

Нуньес Хименес А. В походе с Фиделем. С. 241.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 435.

471

Дарусенков О., Горбачев Б., Ткаченко В. Куба – остров созидания. С. 239—240.

Кастро Ф. Октябрьская революция и кубинская революция. Речи и выступления. 1960—1977 гг. С. 157.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 253—254.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 245.

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 235.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 246.

477

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 258.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 260.

479

АВП МИД РФ. Ф. 104. Опись 18. Папка № 13, дело № 4, с. 127.

Тарасов А. Че Гевара глазами «Ома».

Фурсенко А. А, Нафтали Т.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 230.

482

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 333.

483

Тарасов А. Че Гевара глазами «Ома».

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 336.

ФурсенкоА. А., Нафтали /.Безумный риск: Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. С. 433.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 536.

Кобо ХДвойное убийство Дон Кихота // Новое время. 1997. 19 октября. № 41.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 466.

489

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 337.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 543, 547.

491

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 147.

492

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 339.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 567—568.

494

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 372.

495

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 466, 149.

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 149– 466.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 340, 341.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

499

Загадка бессмертия Че Гевары – последнего революционера XX века // РИА «Новости». 2007. 8 октября.

500

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 342, 346—347.

501

Кастанеда ХПоследний бой. Итоги. 1997. № 29.

502

La Repubblica, 31/05/2005.

503

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 751.

Тайбо II П. И. Гевара по прозвищу Че. С. 749.

505

Руки Че Гевары: контрабандный груз особого назначения // Известия. 1996. 13 января.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 347.

507

В Испании издана книга сподвижника Че Гевары // РИА «Новости». 1997. 17 мая.

Кобо Х. Двойное убийство Дон Кихота // Новое время. 1997. 19 октября. № 41.

75 лет одиночества // Онлайн–журнал «Супермен.ру». 2003. 7 августа.

Человек с подошвами из ветра. Феномен Эрнесто Че Гевары: трагедия и триумф // Независимая газета. 2005. 18 августа.

511

Лаврецкий Л. Эрнесто Че Гевара. С. 213.

512

Размышления главнокомандующего. 2007. 8 октября.

513

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

515

Там же.

516

75 лет одиночества // Онлайн–журнал «Супермен.ру». 2003. 7 августа.

517

Baracutey Cubano: «Siete Rayos. Los Paleros». Por Juan Vives (seudon–imo).

518

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 466—96.

519

«Bururu, barara, como esta Fidel?» Por Miguel Cossio, Religion en Revolution, 18/05/2007.

Cuba: la guerra secreta de la CIA – Cigua: Nuestras noticias, 02/04/2005.

521

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 90.

522

Baracutey Cubano: «Siete Rayos. Los Paleros». Por Juan Vives (seudon–imo).

523

Baracutey Cubano: «Siete Rayos. Los Paleros». Por Juan Vives (seudon–imo).

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

525

Там же.

526

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

527

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

528

Из архива СВР России.

529

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

530

Из архива СВР России.

531

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

532

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

533

Из архива СВР России. Справка КГБ СССР.

Из архива СВР России. Справка КГБ СССР.

535

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, Segunda Edition, p. 333.

537

Из архива СВР России, Вашингтон—Москва.

Из архива СВР России, Гавана—Москва.

539

Из архива СВР России.

Белфор С. Фидель Кастро. С. 168.

541

Размышления главнокомандующего Фиделя Кастро. 2007. 2 мая.

542

Из архива СВР России. Справка–перевод ПГУ КГБ СССР.

543

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Там же.

545

Из архива СВР России, Вашингтон—Москва.

Белфор С. Фидель Кастро. С. 172, 173, 186.

Дарусенков О, Горбачев Б., Ткаченко В. Куба – остров созидания. С. 184.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Белфор С. Фидель Кастро. С. 189.

550

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

551

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 409.

552

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 290.

Белфор С. Фидель Кастро. С. 215.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 301.

555

Дарусенков О, Горбачев Б., Ткаченко В. Куба – остров созидания. С. 305.

556

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

557

Гриневич Э.А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 251 – 252.

558

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

559

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 358—359.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 365—366.

561

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии Международной конференции «Диалог цивилизаций. Латинская Америка в XXI веке: Универсализм и самобытность». 2005. 30 марта.

562

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

563

Кубинская революция хрустела на зубах у ангольских людоедов // Комсомольская правда. 1997. 2 апреля.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 320—321.

75 лет одиночества // Онлайн–журнал «Супермен.ру». 2003. 7 августа.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 350.

Там же. С. 355.

Кастро Ф. Октябрьская революция и кубинская революция. Речи и выступления. 1960—1977 гг. С. 160.

569

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 425.

Дарусенков О, Горбачев Б., Ткаченко В. Куба – остров созидания. С. 249.

571

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И.Куба в мировой политике. С. 421.

Там же. С. 422.

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 432.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

Белфор С. Фидель Кастро. С. 233.

Из архива СВР России, Гавана—Центр.

http://www.posolstvo–cuba.ru/inform/fidel020512.htm

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 409.

Обыкновенный терроризм // Советская Россия. 2001. 20 ноября.

580

Из стенограммы речи Фиделя Кастро 3 августа 1999 года в Матан–сасе о нелегальной эмиграции.

581

Из стенограммы речи Фиделя Кастро 3 августа 1999 года в Матан–сасе о нелегальной эмиграции.

582

Из стенограммы речи Фиделя Кастро 3 августа 1999 года в Матан–сасе о нелегальной эмиграции.

583

Там же.

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 238– 239.

Там же. С. 239.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 331.

Там же. С. 332.

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 71.

589

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 83.

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 99.

591

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 129.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 372.

Там же. С. 372 —373.

Гриневич Э. А., Гвоздарев Б. И. Куба в мировой политике. С. 67.

595

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 283.

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 391.

Там же. С. 356.

Современная Куба. М.: ИЛА РАН, 2002. С. 312.

Современная Куба. М.: ИЛА РАН, 2002. С. 309—310.

600

Хачатуров К. Первый барбудо Латинской Америки // Независимая газета. 1997. 13 июня.

601

Современная Куба. С. 311.

602

Хачатуров К. Первый барбудо Латинской Америки // Независимая газета. 1997. 13 июня.

603

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Республику Куба. 2—5 апреля 1989 г.: Документы и материалы. М., 1989. С. 13—16.

СССР—Куба. С. 404.

605

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 400.

Современная Куба. М.: ИЛА РАН, 2002. С. 84.

Современная Куба. М.: ИЛА РАН, 2002. С. 106.

Ньюс.ру. 2002. 11 мая.

609

Белфор С. Фидель Кастро. С. 307.

Современная Куба. М.: ИЛА РАН. С. 317.

611

Хачатуров К. Первый барбудо Латинской Америки // Независимая газета. 1997. 13 июня.

612

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 342.

613

Белфор С. Фидель Кастро. С. 309.

Фидель и его дети // Труд. 2003. 30 октября.

615

Дочь Фиделя // Окна. Приложение к израильской газете «Вести». 2007. 18 октября.

616

Там же.

617

Дочь Фиделя // Окна. Приложение к израильской газете «Вести». 2007. 18 октября.

Фидель и его дети // Труд. 2003. 30 октября.

619

Ссоры, доллары и ревность – жизнь в доме Кастро напоминает реалити–шоу // Ла Репубблика. 2007. 7 сентября.

620

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 299—300.

621

Капто А. На перекрестках жизни. Приложение к «Социально–политическому журналу». М., 1996.

622

Беседы о религии. Фидель и бразильский священник Фрей Бетто. С. 377.

623

Воротников В. И. Гавана—Москва. Памятные годы. С. 137.

624

Размышления главнокомандующего. 2007. 7 сентября.

625

Тайна бороды Фиделя Кастро // Собеседник. 2001. 5 июня.

РИА «Новости». 2006. 13 августа.

627

Лас–Вегас: Игорный бизнес и гангстеры. Часть шестая. aboutmafia.nm.m/369.html

Cuba: la guerra secreta de la CIA – Cigua: Nuestras noticias.

Cuba: la guerra secreta de la CIA – Cigua: Nuestras noticias.

630

Размышления главнокомандующего Фиделя Кастро. 2007. 29 ноября.

631

Размышления главнокомандующего Фиделя Кастро. 2007. 27 декабря.

Лента.ру. 2006. 23 июля.

633

Свободный остров // Политический журнал. 2005. 16 мая.

Le Temp. 2005. 23 августа.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 582—583.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 586.

637

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 578.

Там же. С. 591.

639

Там же.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 615—616.

641

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 616—617.

642

Там же.

643

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 619—620.

Там же. С. 624.

Клинтон Б. Моя жизнь. М., 2005. С. 687—688.

Там же. С. 1031—1032.

647

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на встрече с членами Национального союза студентов Бразилии, 1 июля 1999 года.

Cien horas con Fidel, Conversaciones con Ignacio Ramonet, p. 238.

649

Леонов Н. С, Бородаев В. А. Фидель Кастро. Политическая биография. С. 379.

Ньюс.ру. 2008. 22 января.

651

Из стенограммы речи Фиделя Кастро на закрытии I Международного конгресса по культуре и развитию 11 июня 1999 года.

La Stampa, 17/08/2006.

653

Воротников В. ЖГавана—Москва. Памятные годы. С. 283—285.

654

Размышления главнокомандующего. 2008. 14 января.

Информационная война вокруг здоровья Кастро // Ла Репубблика. 2006. 7 августа.

656

Размышления главнокомандующего. 2008. 14 января.

657

Фидель решительно управляет Кубой // Ле Монд. 2007. 1 февраля.

658

Из стенограммы речи на площади Родины в Баямо, провинция Гранма, 26 июля 2006 года по случаю 53–й годовщины штурма Монкады.